

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

*Вестник
Нижегородской академии
МВД России*

2024. № 1 (65)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 1 (65)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2024

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России

№ 1 (65)

2024

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редактор *А. С. Коробова*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой, Т. В. Булкиной*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 142.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 28.03.2024

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2024

Legal Science and Practice

16+

Journal of Nizhny Novgorod Academy

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (65)

2024

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editor *A. S. Korobova*
DTP *G. A. Fedulova, T. V. Bulkina*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 142.
Free price.
Release date 28.03.2024

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — научный руководитель, заведующий отделом международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Scientific Director, Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Com-

parative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профес-

сор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, док-

тор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сизимова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Черных Евгения Евгеньевна — проректор по учебной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — заведующая кафедрой национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rospirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Chernykh Evgenia E. — Vice-Rector for Academic Affairs of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Dean of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law Sciences)

Shesteryakova Irina V. — Head of the Department of National Security and Law Enforcement of Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

- Баранов В. М., Ромашов Р. А.** Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника
- Хужина О. Н., Плешаков Е. А.** О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей
- Шигабутдинова А. Л.** Инструментальная природа правосубъектности: системный подход к проблеме
- Илюхина В. А.** Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип российского и армянского права
- Варенцова Л. Ю.** «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского» (1907–1917): причины создания, деятельность, историческое значение
- Лушин А. Н.** Государственно-церковные отношения в СССР в период «оттепели» в 1954–1964 годах (на примере Горьковской области)

**Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

- Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А.** Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: обоснование актуальности, содержательные и технико-юридические свойства

Уголовно-правовые науки

- Бражин Ю. Ю.** О приоритетных направлениях виктимологической профилактики служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»
- Васюков В. Ф., Афанасьев А. Ю.** К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет»
- Головкин О. Е., Крамская Е. С.** Оплата труда переводчика в ходе уголовного судопроизводства: некоторые вопросы требуют разъяснений
- Гущев М. Е., Летёлкин Н. В.** Отдельные проблемы противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершаемым посредством распространения заведомо ложной информации с использованием средств сетевой телекоммуникации
- Кузнецова Н. И.** Стратегии мирового сообщества по разрешению экологических проблем: опыт криминологического анализа
- Лубин А. Ф.** Уточнение основных криминалистических категорий
- Маслов В. А.** Становление и развитие административной преюдиции в советский период
- Орлова А. А., Ханахмедова Л. В.** Некоторые аспекты взаимосвязи правового сознания сотрудников ФСИН России и обеспечения законности в деятельности уголовно-исполнительной системы

Theoretical and historical legal sciences

- Baranov V. M., Romashov R. A.** Personal dignity as a constitutional value: concept, practice, technique
- Khuzhina O. N., Pleshakov E. A.** On the legal priority of traditional spiritual and moral values
- Shigabutdinova A. L.** Instrumental nature of legal personality: systematic approach to the problem
- Ilyukhina V. A.** The principle of the inevitability of responsibility as a doctrinal principle of Russian and Armenian Law
- Varentsova L. Yu.** “Fund named after the former head of the Main prison directorate, privy councilor A. M. Maksimovsky” (1907–1917): reasons for creation, activities, historical significance
- Lushin A. N.** State-church relations in the USSR during the “thaw” in 1954–1964 (on the example of the Gorky region)

Public law (state law)

- Eliseeva V. S., Lavrentiev A. R., Trusov N. A.** The concept of protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: justification of relevance, substantive and techno-legal properties

Criminal law sciences

- Brazhin Yu. Yu.** On the priority areas of victimological prevention of service-economic crime in the sphere of implementation of the national project “Healthcare”
- Vasyukov V. F., Afanasyev A. Yu.** On the issue of obtaining operationally significant information from open sources of information on the Internet
- Golovkin O. E., Kramskaya E. S.** Remuneration of an interpreter during criminal proceedings: some issues require clarification
- Gushchev M. E., Letelkin N. V.** Selected problems of countering crimes against public safety committed through the dissemination of deliberately false information using network telecommunications
- Kuznetsova N. I.** Strategies of the world community to solve environmental problems: experience in criminological analysis
- Lubin A. F.** Clarification of the main forensic categories
- Maslov W. A.** The formation and development of administrative prejudice in the Soviet period
- Orlova A. A., Khanakhmedova L. V.** Some aspects of the relationship between the legal consciousness of employees of the federal penitentiary service of Russia and the rule of law in the activities of the penal enforcement system

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

Ситникова А. И. Редуцированные преступления	127	Sitnikova A. I. Reduced crimes
Смолин А. Ю. Уголовный процесс как технология: сущность подхода	133	Smolin A. Yu. Criminal procedure as technology: essence of the approach
Умярова Р. Р., Власов Б. Е. Вопросы организации оперативно-розыскной деятельности в рамках борьбы с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними	138	Umyarova R. R., Vlasov B. E. Issues of organizing operational investigative activities in the framework of combating crimes committed by minors
Чумаков А. В. Правоприменительная практика по делам о хищениях бюджетных средств как источник информации о личности преступника и иных элементах криминалистической характеристики	145	Chumakov A. V. Law enforcement practice in cases of theft of budget funds as a source of information about the identity of the criminal and other elements of criminalistic characteristics
Трибуна молодого ученого		A young scientist's forum
Балиев У. К. Проблемы определения признака «финансирование» применительно к отдельным видам преступной деятельности в российском уголовном законодательстве	152	Baliev U. K. Problems of defining the sign "Financing" in relation to certain types of criminal activity in Russian criminal legislation
Гогитидзе Д. А. Уважение в праве: эволюция нормативного закрепления и доктринального осмысления	158	Gogitidze D. A. Respect in law: the evolution of normative consolidation and doctrinal understanding
Кашежева Б. А. Личность преступника, совершающего преступление в отношении жизни и здоровья должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования	168	Kashezheva B. A. The identity of a criminal who commits a crime against the life and health of an official conducting a preliminary investigation
Кобленков А. Ю. Особенности формирования профессиональных навыков применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в экстремальных условиях	174	Koblenkov A. Yu. Features of the formation of professional skills in the use of firearms by police officers in extreme conditions
Леонова Т. А. Об информационном воздействии юридического голосования на правовые отношения	181	Leonova T. A. On the information impact of legal voting on legal relations
Мельник С. С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы	187	Melnik S. S. Legal regulation of cyberextremism and cyberterrorism: challenges and opportunities
Сатторов С. Н. Акты реализации прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела по нормам УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации	193	Sattorov S. N. Acts of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case according to the norms CPC of the Republic of Tajikistan and CPC of the Russian Federation
Тимошкина В. А. Запрет определенных действий как эффективный механизм обеспечения предварительного расследования в отношении блогеров	201	Timoshkina V. A. The prohibition of certain actions as an effective mechanism for ensuring a preliminary investigation against bloggers
Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества	207	Khen L. G. A. V. Mickiewicz's contribution to the development of the theory of lawmaking
Черкасова А. М. Актуальные проблемы правовой регламентации уголовно-процессуальных сроков	213	Cherkasova A. M. Actual problems of legal regulation criminal procedure terms
Конференции, круглые столы, семинары		Conferences, round tables, seminars
Всемирный день философии		World philosophy day
Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции как базовый элемент общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях	219	Baranov V. M. Encyclopedia of jurisprudence as a basic element of general humanitarian training of specialists for public service in modern conditions
Дахин А. В. Система гуманитарной подготовки юриста: Конституция и цивилизационный выбор России	221	Dakhin A. V. The system of humanitarian training of a lawyer: the constitution and the civilizational choice of Russia

Треушников И. А. Роль общегуманитарных знаний в формировании профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	224	Treushnikov I. A. The role of general humanitarian knowledge in the formation of professional readiness of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation
Бобков А. И. Феномен этнокультурной идентичности в контексте преподавания философии для специалистов государственной службы	227	Bobkov A. I. The phenomenon of ethnocultural identity in the context of teaching philosophy for civil service specialists
Фатенков А. Н. О различии социального и гуманитарного в структуре научно-образовательных дисциплин	229	Fatenkov A. N. On the distinction between the social and the humanitarian in the structure of scientific and educational disciplines
Ивашевский С. Л. Гуманитаризация как гуманизация образования: контекст педагогического труда	231	Ivashevsky S. L. Humanitarianization as the humanization of education: the context of pedagogical work
Супрунов А. Г., Васильев В. В. Роль и место института наставничества в системе подготовки молодого специалиста территориального органа МВД России	233	Suprunov A. G., Vasiliev V. V. The role and place of the mentoring institute in the training system for young specialists of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Парилов О. В. Указ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»: смена образовательного вектора?	235	Parilov O. V. Decree "On some issues in improving the higher education system": change of educational vector?
Денисова Л. В., Морозов А. А. Преподавание истории как формирование гражданской идентичности	237	Denisova L. V., Morozov A. A. Teaching history as the formation of civil identity
Ворохобов А. В. Интеграция опыта и теории: «цикл» Д. Колба и возможность его применения в юридическом образовании	239	Vorohobov A. V. The integration of experience and theory: Colbe's "cycle" and the possibility of its application in legal education
Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии	241	Sobko R. V. Humanitarian education in the context of post-truth: challenges and strategies
Марченя П. П. Воспитание уважения к национальному праву и народному правосознанию как ценностные приоритеты преподавания теоретико-исторических правовых наук в условиях войны цивилизаций	243	Marchenya P. P. Education of respect for national law and people's consciousness of legal consciousness as value priorities of teaching theoretical and historical legal sciences in the conditions of the war of civilizations
Галанина Н. В. Роль и значение дисциплины «Основы российской государственности» для общегуманитарной подготовки государственных служащих	245	Galanina N. V. The role and significance of the discipline "Fundamentals of russian statehood" for the general humanitarian training of civil servants
Матвиенко Е. А. Преподавание истории в полицейском вузе: факты и (или) оценки?	246	Matvienko E. A. Teaching history at a police university: facts and (or) values?
Горбачева С. В. Организация профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих: особенности и проблемы	249	Gorbacheva S. V. Organization of professional retraining and advanced training of civil servants: features and problems
Фролова Т. Н. Государственная служба: служба или служение?	251	Frolova T. N. Public service: duty or devotion?
Зубкевич Л. А. Наступающее будущее и новые мировоззренческие основания	253	Zubkevich L. A. The coming future and new world views
Закунов Ю. А. О единой структуре ценностного содержания образования как условия наследования традиций и повышения профессионализма	255	Zakunov Yu. A. On a unified structure of the value content of education as a condition for inheriting traditions and improving professionalism
Строков А. А. Традиционные и инновационные подходы при формировании суверенной системы отечественного образования	257	Strokov A. A. Traditional and innovative approaches in forming a sovereign system of domestic education
Фирсова А. М. Научно-публицистический стиль языка преподавания общегуманитарных дисциплин как фактор совершенствования подготовки специалистов государственной службы	259	Firsova A. M. Scientific and publicistic style of the language of teaching general humanities disciplines as a factor in improving the training of civil service specialists
Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Образование или подготовка? К вопросу сущностной характеристики профессионального обучения (профес-	260	Salnikov E. W., Salnikova I. N. Education or training? On the issue of the essential characteristics of

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

сиональной подготовки) лиц, впервые принимаемых на службу в полицию		professional education (vocational training) of persons recruited for the first time to serve in the police	
Зуева О. В., Демидов Н. Н. Проблемы совершенствования социологической подготовки руководителей полиции: вызовы и перспективы	263	Zueva O. V., Demidov N. N. Problems of improving the sociological training of police leaders: challenges and prospects	
Коноплева А. А. Эстетическое воспитание в вузах МВД России: актуальные проблемы и пути их решения	265	Konoplyova A. A. Aesthetic education in universities of the MIA of Russia: current problems and ways for their solutions	
Нежкина Л. Ю. Дегуманизация в контексте преподавания социально-гуманитарных дисциплин государственным служащим	266	Nezhkina L. Yu. Dehumanization in the context of teaching social and humanitarian disciplines to civil servants	
Русакова Н. Г. Перспективы развития института кураторства в современной высшей школе	267	Rusakova N. G. Prospects for the development of the institute of curatorship in modern higher education	
Капитанова Н. В. Основные направления подготовки преподавателей вузов к условиям работы в цифровой среде	269	Kapitanova N. V. The main directions of training university teachers for the working conditions of the digital environment	
Михайлова Н. В. Формирование ценностей молодежи в профессиональной среде	271	Mikhailova N. V. Formation of youth values in a professional environment	
Мусина Н. И. Участие педагогических работников в формировании общегуманитарного мировоззрения обучающихся образовательных организаций МВД России	273	Musina N. I. Participation of teaching staff in the formation of a general humanitarian worldview of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	
Сулима И. И. Потенциал антропологических вопросов в общегуманитарной подготовке	274	Sulima I. I. The potential of anthropological issues in general humanitarian training	
Международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам»		International Scientific and Practical Conference “Theory and practice of countering modern criminal threats”	
Гаврилов Б. Я. К вопросу о некоторых проблемах совершенствования уголовной политики: мнение ученого и позиция правоприменителя	276	Gavrilov B. Ya. On the issue of some problems of improving criminal policy: the opinion of a scientist and the position of a law enforcement officer	
Скаков А. Б. О предложениях в уголовно-правовое и уголовно-исполнительное законодательства Казахстана	285	Skakov A. B. On proposals to the criminal law and penal enforcement legislation of Kazakhstan	
Кузнецов А. П. Актуальные задачи отечественной уголовно-правовой науки	287	Kuznetsov A. P. Actual tasks of the national criminal law science	
Кунц Е. В. Научное обеспечение противодействия женской преступности	288	Kunc E. V. Scientific support for countering women's crime	
Гришко А. Я. Усмотрение при помиловании	293	Grishko A. Ya. Discretion in pardoning	
Скиба А. П. Направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного права с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»	295	Skiba A. P. Directions for improving criminal, penal enforcement, criminal procedure and other law, taking into account the adoption of the federal law “On Probation in the Russian Federation”	
Петрянин А. В. Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам на примере экстремистских преступлений	296	Petryanin A. V. Theory and practice of countering modern criminal threats on the example of extremist crimes	
Тепляшин П. В. Межотраслевая юридическая природа субинститута пробации (в контексте проведения социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы)	299	Tepliyashin P. V. The intersectoral legal nature of the probation subinstitute (in the context of conducting social and educational work with those sentenced to punishment in the form of forced labor or imprisonment)	
Маркунцов С. А. Противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции	302	Markuntsov S. A. Contradictions of the modern Russian anti-corruption criminal law policy	

Ильин И. В., Одинокова А. В. Основные направления виктимологической профилактики преступлений, связанных со злоупотреблением полномочиями исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью	304	Ilyin I. V., Odinokova A. V. The main directions of victimological prevention of crimes related to abuse of authority by the executive body of a limited liability company
Кириллов М. А., Ильин И. В. Некоторые особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в исправительных учреждениях	307	Kirillov M. A., Ilyin I. V. Some features of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to convicted women in correctional institutions
Степанов М. В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности	309	Stepanov M. V. Evaluation of the effectiveness of certain areas of the criminal law policy of countering crimes against property
Никифорова А. А. Отдельные вопросы противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности	311	Nikiforova A. A. Selected issues of countering crimes in the field of foreign economic activity
Рецензии		Reviews
Баранова М. В., Сазонов В. Е. Инструктивная подготовка практиков-аналитиков и ученых-исследователей сферы права (рецензия на учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики», 4-е издание в 2 томах, 2023)	315	Baranova M. V., Sazonov V. E. Instructional training of practitioners-analysts and legal researchers (review of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva "Methodology of Scientific Research and Applied Analytics", 4th edition in 2 volumes, 2023)
Нижегородская академия МВД России: навстречу 100-летию юбилею		Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia: together the 100th anniversary
С. П. Голубятников – создатель Нижегородской (Горьковской) школы экономической криминалистики	319	S. P. Golubyatnikov is the founder of the Nizhny Novgorod (Gorky) school of economic criminology
Персоналии		Personalia
Профессор Гаврилов Борис Яковлевич — ученый, воплотивший свою мечту в реальность	324	Professor Boris Yakovlevich Gavrilov is a scientist who ade his dream come true
Пламенный процессуалист: к юбилею профессора Михаила Петровича Полякова	332	Ardent proceduralist: for the anniversary of Professor Mikhail Petrovich Polyakov
Книжная полка		Bookshelf
Перспективные направления совершенствования управления органами внутренних дел в современных условиях: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 16 июня 2022 года) / под ред. О. Л. Морозова, О. А. Корелова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2023. 207 с.	334	Promising directions for improving the management of internal affairs bodies in modern conditions: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, June 16, 2022) / ed. by O. L. Morozov, O. A. Korelov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023. 207 p.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>

Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника

Баранов Владимир Михайлович¹, Ромашов Роман Анатольевич^{2, 3}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

³Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, romashov_tgp@mail.ru

Аннотация. Категория «достоинство личности» рассматривается в контексте циклического политогенеза российской государственно-правовой системы. На основании сравнительного анализа понятий «человек», «гражданин», «личность» в русском языке и отечественной политико-правовой традиции выдвигается гипотеза смысловой трансформации названных категорий в условиях культурно-исторической дискретности. Отмечается, что в действующей Конституции Российской Федерации представлены как нормативистский, так и естественно-правовой типы правопонимания, что позволяет говорить о двойственной природе достоинства личности, включающего как естественную (личное самоуважение), так и позитивистскую (уважительное отношение к человеческой личности со стороны государства) составляющие.

Проводится сопоставление декларируемой на конституционном уровне «высшей ценности» человека, его прав и свобод, безотносительно индивидуального социально-правового статуса и реально складывающейся ситуации, предполагающей отношение как к самому индивиду, так и к его личному достоинству, с учетом занимаемого в социальной структуре общества и соответствующим образом оцениваемого государством места.

Формулируются предложения и рекомендации, касающиеся закрепления системы конституционных гарантий реализации и защиты права личного достоинства, а также юридической техники его разумного ограничения.

Ключевые слова: человек, гражданин, достоинство личности, национальное достоинство, суверенитет личности, конституционные ценности, юридическая терминология, государственно-правовая система, циклический политогенез

Для цитирования: Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 14–31. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>.

© Баранов В. М., Ромашов Р. А., 2024

Original article

Personal dignity as a constitutional value: concept, practice, technique

Vladimir M. Baranov¹, Roman A. Romashov^{2, 3}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

³St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, St. Petersburg, Russian Federation, romashov_tgp@mail.ru

Abstract. The construction of the dignity of the individual is considered in the context of the cyclical politogenesis of the Russian state-legal system. Based on a comparative analysis of the concepts of “man”, “citizen”, “personality” in the Russian language and the domestic political and legal tradition, a hypothesis of the semantic transformation of these categories in the context of cultural and historical discreteness is put forward. It is noted that the current Constitution of the Russian Federation presents both normative and natural-legal types of legal understanding, which allows us to talk about the dual nature of personal dignity, including both natural (personal self-respect) and positive (respect for the human personality on the part of the state) components.

A comparison is made of the “highest value” of a person declared at the constitutional level, his rights and freedoms, regardless of the individual socio-legal status and the actual situation that presupposes an attitude both to the individual himself and to his personal dignity, taking into account the place occupied in the social structure of society and appropriately assessed by the state (state rights).

Proposals and recommendations are formulated concerning the consolidation of the system of constitutional guarantees for the realization and protection of the right of personal dignity, as well as the legal technique of its limitation.

Keywords: human being, citizen, dignity of the individual, national dignity, sovereignty of the individual, constitutional values, legal terminology, state legal system, cyclical politogenesis

For citation: Baranov V. M., Romashov R. A. Personal dignity as a constitutional value: concept, practice, technique. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 14–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-14-31>.

«Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент: создается он столетиями, а утрачивается в момент. Чувство собственного достоинства — вот таинственная стезя, на которой разбиться запросто, но с которой свернуть нельзя».

(Булат Окуджава. *Ваше благородие, госпожа удача. Альбом для друзей*. Москва: Эксмо, 2004. С. 319)

Авторам уже приходилось выдвигать некоторые соображения относительно категории «достоинство» [1–4]. В настоящей статье предпринята попытка без дублирования материала конкретизировать ранее опубликованные идеи применительно к правовой природе феномена «достоинство личности».

Одной из особенностей современной российской правовой системы является использование русского юридического языка, в котором сочетаются иностранные заимствования, компиляции из других областей научного познания, придуманные авторские конструкции. При этом нередко «творцы русского новояза» с гордостью заявляют о том, что ими внедрено в словарный оборот то или иное понятие, что, безусловно, способствует «обогащению» отечественной

юридической терминологии. Процесс языковой модернизации одновременно сочетается с использованием терминов-архаизмов, утративших в настоящее время свое первоначальное значение, однако в силу своей привычности, традиционности продолжающих «присутствовать» в юридических текстах.

По нашему мнению, языковые формы юридической коммуникации нуждаются в осмыслении в неменьшей степени, чем основанные на языке средства и технологии правового регулирования. В рамках представленной статьи предпринята попытка комплексно проанализировать лингвистическое значение и правовую сущность категории «достоинство личности» с последующим определением его места в системе современных российских конституционных

ценностей, а также изучить особенности юридико-технических средств обеспечения права на личное достоинство в современной России. В преамбуле Устава ООН особо подчеркнута необходимость «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» [5, с. 126]. Этот торжественный призыв вполне можно было бы разместить в качестве второго эпиграфа к нашей статье.

Верно отмечает И. А. Кравец: «российский конституционализм в поисках своей идентичности создает важное *гуманитарное и экзистенциальное основание через доктрину и практику защиты и охраны достоинства личности*» [6, с. 28; 7]. По убеждению В. Н. Корнева, «достоинство личности» — это базовая не только этическая, но прежде всего именно правовая ценность, которая занимает в иерархии ценностей ведущее, определяющее место, поскольку достоинство личности лежит в основе иных правовых ценностей» [8, с. 11; 9; 10].

Далее на с. 14 автор констатирует: «Достоинство личности как фундаментальную ценность следует рассматривать также в качестве неотъемлемого основополагающего права, т. е. составляющего важнейшую предпосылку для обладания другими основными конституционными правами и свободами человека и гражданина. С другой стороны, можно сказать, что целью основных конституционных прав и свобод являются реальное обеспечение и гарантированность достоинства личности».

Понимание человека, гражданина, личности в русском юридическом языке и отечественной конституционной традиции

В словаре В. И. Даля понятие «человек» толкуется двояко. С одной стороны, это «каждый из людей, высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью», с другой — «прислуга, официант, лакей». Столь же двойственно В. И. Далем понимается народ, представляющий одновременно «люди, народившийся на известном пространстве, жителей страны, говорящих одним языком» и «чернь, простолюдые, низшие, податные сословия».

В пьесе А. М. Горького «На дне» [11] устами спившегося интеллигента Сатина дается следующее определение: «Человек — свободен... он за все платит сам... и потому он — свободен! ...Человек — вот правда! Что такое человек? ...Это не ты, не я, не они... нет! — Это ты, я, он, старик, Наполеон, Магомед... в одном! Это огромно! В этом — все начала и концы... Все

в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! ...Это звучит гордо! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать... его жалостью... уважать надо! ...Хорошо это... чувствовать себя человеком! ...Человек — выше сытости!». Напомним, что пьеса написана в России эпохи В. И. Даля, где прикладное значение понятия «человек» предполагало его первичную ассоциацию с трактирным слугой — половым: «Человек, рюмку водки!». А. М. Горький пытается «возвысить» человека вплоть до уровня императора (Наполеона) и пророка Магомеда, тем самым демонстрируя свою приверженность, обращаясь к современному языку, к «ультралиберальным» ценностям, в наибольшей степени характерным для этики протестантизма. Кстати, в процитированном отрывке можно обнаружить явные отголоски трудовой теории собственности: «Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга!», а также обусловленной частной собственностью личной свободы: «Человек за все платит сам, и потому он — свободен!». И еще один важный момент — воспетое Горьким человеческое достоинство, возвышаемое над индивидуальным меркантилизмом: «Надо уважать человека! ...Не жалеть! ...Уважать надо! ...Человек — выше сытости!». Для самого Горького и его героев, в совокупности составляющих люд, прозябающий «на дне», человек — это некий идеал, одновременно прекрасный и недостижимый. Отсюда и несбыточное желание жить «по человечески»: «Человек рождается для лучшего!».

Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 года, разрушив жизненный уклад, в котором люди делились на «хозяев, господ — благородные сословия» и «человеческую чернь — «простой» народ», создала новый порядок, первоначально поделивший «совдеповское» народонаселение на «трудящийся и эксплуатируемый народ» и «эксплуататоров». Последним, по Конституции РСФСР 1918 года, «не могло быть места ни в одном из органов советской власти» (ст. 7). «Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных воинских обязанностей».

В советском государстве словесные формы обращения «господин-человек, сударь-сударыня» ушли из общеупотребимого лексикона и заменились двойственной конструкцией гражданин-товарищ. Причем обращение «товарищ» было призвано показать некую общность

интересов советских людей, выходящих за рамки сугубо официальных коммуникаций, в то время как посредством слова «гражданин» демонстрировалось либо отстраненное («граждане пассажиры»), либо негативное («граждане бандиты») отношение со стороны представителей государственной власти к людям, социальная значимость которых определялась прежде всего государственной полезностью/вредностью.

Если говорить о советской юридической терминологии, то она оперировала исключительно понятием гражданин, при помощи которого осуществлялось как наименование индивидуальных субъектов прав и обязанностей (глава X Конституции СССР 1936 года «Основные права и обязанности граждан»), так и субъектов юридической (административной, гражданской, уголовной) ответственности (ст. 2 УК РСФСР 1936 года — «Действие настоящего Кодекса распространяется на всех граждан РСФСР»)¹.

«Правильный» советский гражданин — это законопослушный трудящийся, представитель «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Следует особо подчеркнуть, что само понятие «трудящийся» для советской юридической терминологии не просто «фигура речи», а конструкция, наполненная конкретным практическим содержанием. Конституция РСФСР 1925 года определяет, что правом избирать и быть избранными в советские представительные органы обладают только трудящиеся, к числу которых относятся:

«— все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда;

— красноармейцы и краснофлотцы;

— граждане, входящие в ранее перечисленные категории, потерявшие трудоспособность» (ст. 68).

В этой же Конституции содержалось положение, в соответствии с которым определялась социальная группа так называемых «лишенцев»: «Руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб

интересам социалистической революции» (ст. 14). Конкретизирует процитированную дискриминационную норму статьи 69, гласящую: «Не избирают и не могут быть избранными:

— лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

— лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

— частные торговцы, торговые и коммерческие посредники²;

— монахи и духовные служители религиозных культов;

— служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома...».

В последующих советских конституциях столь явной дискриминации не прослеживается. Начиная с Конституции 1936 года не осуществлялась дифференциация советских граждан на трудящихся и «лишенцев», хотя в реальности меры дискриминационного характера, в том числе уничтожающие личное достоинство, широко применялись к лицам с особым социально-правовым статусом. К числу таких лиц относились «враги народа»³, члены их семей, тунеядцы⁴, а также представители ряда национальностей (еврейской, чеченской, крымскотатарской и др.).

В современный русский словооборот вернулись «господа», «судари» и «сударыни». Но не были исключены и советские термины «граждане» и «товарищи», использование которых в настоящее время никак не регламентировано, за исключением правил воинского служебного этикета, в соответствии с которым при личном

² Напомним, что 1925 год — это период НЭПа, когда частное предпринимательство было официально узаконено и носило вполне официальный, а значит правомерный характер.

³ К «врагам народа» относились лица, признанные виновными в совершении «контрреволюционных преступлений» (ст. 58 УК РСФСР 1922 года), а также «покушающиеся на общественную, социалистическую собственность» (ст. 131 Конституции СССР 1936 года)

⁴ Уголовная ответственность за тунеядство (отсутствие у лица официального трудоустройства) была отменена только в 1991 году, когда был принят Закон «О занятости населения в Российской Федерации», в котором закреплялось положение: «Незанятость граждан не может служить основанием для их привлечения к административной и иной ответственности» (ст. 1). Кстати, этим же Законом в России была легализована безработица, считавшаяся в СССР одной из «язв гниющего империализма».

¹ Слово «человек» в официальной советской юридической терминологии не использовалось в принципе, что касается термина «личность», то он применялся в качестве элемента словосочетания «личность гражданина». В частности, в статье 127 Конституции СССР 1936 года закрепляется положение: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности».

обращении военнослужащие называются по званию, с добавлением перед ним слова «товарищ». Также был осуществлен «смысловой ребрендинг», в результате которого «трудящиеся» сменились «занятыми». К числу последних в современной России относятся в том числе лица, использующие наемный труд (в советской терминологии — эксплуататоры), а также самозанятые (в советской терминологии — «надомники», как правило, незаконные). Произошли изменения и в сфере наименования депутатского корпуса, где депутатов «трудящихся» сменили «народные» депутаты. Казалось бы, на столь «тонкие» различия не стоит обращать доктринального внимания: просто одно слово заменено на сходное по смыслу. Но в реальности социально-политические и культурно-воспитательные изменения весьма существенны. Так, если в социальной структуре Верховного Совета СССР (1974–1979) более 50 % от состава занимали представители рабочего класса и колхозного крестьянства [12], то в настоящее время в обеих палатах Федерального Собрания Российской Федерации представители этих социальных групп отсутствуют вообще, а на смену классовой структуре советского общества пришло абстрактное понятие «единый многонациональный народ Российской Федерации», в рамках которого отсутствует официальное видение структурной композиции современного российского общества.

Конституция Российской Федерации 1993 года впервые (в отечественной конституционной истории) использовала слово «человек», придав ему (равно как правам и свободам, обладателем которых человек является) значимость высшей конституционной ценности (ст. 2). Следует отметить, что в тексте действующей Конституции не используется слово «трудящийся» (ранее употреблявшееся для характеристики «положительных» советских граждан), однако включено путем внесения поправки в конституционный текст понятие «человек труда» без какого бы то ни было объяснения его смысловой нагрузки, что позволяет относить к этой категории любого «занятого» гражданина.

Понятия «человек» и «гражданин» в большинстве случаев используются в Конституции как парные категории. А в упомянутой статье 2 в качестве высшей ценности определяются только «человек, его права и свободы», в то время как государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы не только человека, но и гражданина. Полагаем, что использование для наименования индивидуальных субъектов конституционного права

понятий «человек» и «гражданин» имеет своей основной целью осуществление разграничения естественного (права и свободы человека) и позитивного (права и свободы гражданина) права. Подтверждением этого тезиса является часть 2 статьи 17, в соответствии с которой: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Дифференциация прав человека и прав гражданина в прикладном аспекте наиболее четко прослеживается применительно к праву гражданства. Конституция Российской Федерации (ст. 6) и Закон о гражданстве Российской Федерации (ст. 5) содержат одинаковые положения: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации» безотносительно основания и способа получения гражданства. Вместе с тем вышеупомянутый Закон предусматривает прекращение гражданства Российской Федерации (по сути своей аналогичное лишению гражданства) в отношении лиц, совершивших преступление (приготовление или покушение на преступление), а также осуществивших действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Законодатель рассматривает названные противоправные деяния в качестве умышленных форм, выразившихся в «сообщении заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 22), заранее сформировавшихся у лица, претендующего на получение гражданства Российской Федерации «независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации» (ч. 2 ст. 24).

Вышеизложенное свидетельствует, что современный русский юридический язык в своем прикладном понимании продолжает преимущественно задействовать термин «гражданин», используемый в качестве наименования любого индивидуального субъекта права, независимо от того, является он гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином либо лицом без гражданства.

Еще одной терминологической конституционной новацией явилось конституционное закрепление понятия «личность»: «Достоинство личности охраняется государством» (ст. 21) и производных от нее личных прав: права на личную неприкосновенность (ст. 22) и личную тайну

(ст. 23). Напомним, что в советских конституциях (как федеральных, так и республиканских), слова «человек» и «личность» в качестве индивидуальных идентификаторов не употреблялись, что означало, с одной стороны, сугубо утилитарное восприятие индивида со стороны государства («Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня...») [13]. С другой стороны, здесь проявилось доминирование позитивистского подхода к правопониманию, в соответствии с которым правом в целом и субъективными (индивидуальными) правами в частности являлись исключительно государственные предписания, среди которых главенствующее место занимали нормативные правовые акты, обеспеченные в документальную форму и обеспечиваемые легальным принуждением. При этом государство, наделяя гражданина правами, оставляло за собой прерогативу их изъятия, в том числе в полном объеме, путем лишения гражданства и принудительной высылки из страны тех, кто противопоставил свою позицию с «государственно-партийной линией» [14].

Как уже отмечалось, конституционное закрепление понятия «человек» в условиях современного российского конституционализма имеет своей целью юридическое закрепление естественной (не зависящей от государственного санкционирования) природы прав, неотъемлемых от человеческой личности. Тот факт, что авторы Конституции посчитали необходимым акцентировать внимание на личностном характере права на достоинство, позволяет рассматривать его в качестве одной из наиболее значимых конституционных ценностей. Единственное «но». Логика выстраивания любых текстов, в том числе и конституционных, предполагает, что при характеристике одного и того же явления желательно использовать одни и те же понятия, поскольку особенностью русского языка является его полисемичность, а это, в свою очередь, обуславливает возможную «коллизии смыслов» в случаях, когда имеет место терминологическое различие. Понятия в зависимости от контекстов меняют свои смысловые нагрузки. В части 1 статьи 21 используется конструкция «достоинство личности», в то же время в части 2 фиксируется «человеческое достоинство», а внесенная в качестве поправки статья 75.1 вводит категорию «достоинства граждан». Получается, что для авторов Конституции понятия «человек», «личность», «гражданин» являются синонимами, а это применительно к феномену «достоинство» не совсем так. Полагаем, что носителем права на достоинство может выступать не просто человек как некая

универсальная индивидуальность, а именно личность как «человек общественный» — индивидуальный субъект, наделенный рядом особых социально значимых качеств, являющихся своего рода личностными идентификационными критериями. Не является сформировавшейся личностью ребенок. При определенных обстоятельствах человек может утратить личностную самоидентификацию (к примеру, в случаях искусственного поддержания жизнедеятельности организма). Получается, что любой человек обладает личностными характеристиками, но личностью является не каждый.

Достоинство: от стоимости индивида к уважению личности

Понятие «достоинство» в традиционном русском языке В. И. Даля представляло оценочный критерий, используемый для определения стоимости (монета достоинством один рубль), качества (достойный товар), человеческой порядочности (достойный человек).

В современных условиях достоинство ассоциируется в первую очередь с личным уважением, включающим как самоуважение (чувство собственного достоинства), так и уважительное отношение со стороны окружающих (этот достойный человек пользуется заслуженным уважением в трудовом коллективе). Кроме того, производный от достоинства оценочный критерий «достойный» используется для обозначения качественной характеристики социальных явлений и факторов (достойный уровень жизни, достойная зарплата, достойный жених/враг/сын и т. п.).

В большинстве современных конституций понятие «достоинство», а также производные от него — «достойная жизнь»; «достойный уровень жизни» и другие — получили формальное закрепление и, как правило, используются в двух смысловых контекстах: общегуманитарном, предполагающем противопоставление достоинства и действия, связанных с его уничтожением (прежде всего использованием пыток и иных мер принудительного воздействия, осуществляемых в целях оскорбления и издевательства над личностью) и социально-обеспечительном, выраженном в создании благоприятных условий для жизнедеятельности представителей социально незащищенных групп населения (обеспечение условий для достойной жизни лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию [15]). Как это ни парадоксально, и первый, и второй контексты, собственно, к достоинству личности имеют опосредованное и, пожалуй, отдаленное отношение. Принятые в одностороннем

порядке государственные обязательства не пытаться и не унижать (в условиях мирного стабильного политико-правового состояния) «своих» граждан, равно как и гарантировать выживание представителей социально незащищенных групп, в ситуациях, когда они не способны сделать это самостоятельно, безусловно, имеют важное значение для демократизации государственно-правовой системы. Но, на наш взгляд, собственно достоинство личности не сводится к вышеназванным факторам.

Применительно к российской государственно-правовой системе феномен личного достоинства следует рассматривать с учетом циклического характера политогенеза, в рамках которого выделяются три дискретных исторических цикла: монархический, советский, постсоветский. Каждый из названных циклов характеризуется особым, отличным от других, пониманием социально-правового статуса личности, что, в свою очередь, влияет на восприятие личного достоинства.

Население Российской империи было структурировано по сословному принципу. Сословная стратификация российского общества, представленная «иерархией сословий», получает легальное (узаконенное) оформление в эпоху правления Петра I. В этот период формируется социальная «вертикаль», во главе которой находится «царствующий дом» — династия Романовых, далее располагались светская (дворянство) и церковная (духовенство) аристократия, за ними находились горожане (мещане), из низших разрядов служилых людей и государственных крестьян сформировалось сословие казенных крестьян, из частновладельческих крестьян — крепостное сословие [16; 17]. Индивидуальный статус представителя сословия, определяющий его личное достоинство, назывался «правом состояния» и включал в себя не только специальную сословную правосубъектность, но и «доброе имя», по сути своей являвшееся аналогом современного понимания чести, достоинства и деловой репутации. С учетом того, что сословная организация российского общества непосредственным образом определялась государством, последнее выступало в качестве главенствующего субъекта, от воли которого в конечном счете зависело как наделение индивида статусным достоинством («добрым именем»), так и лишение такового. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривало в качестве наказания лишение прав состояния, что предполагало «потерю доброго имени и прав, каждому из сих

состояний в особенности присвоенных» (ст. 24) [18]. Узаконенная сословная сегрегация достоинств имела следствием деление российских подданных на законно- и незаконнорожденных. К последним относились лица, рожденные вне «законного» брака, лишённые не только обречённого сословной принадлежностью личного достоинства, но и связанных с ним гражданских прав, в первую очередь наследования по закону. Так, к примеру, известный советский поэт Корней Чуковский писал в своем дневнике: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (Кто я? Еврей? Русский? Украинец?) — был самым нецельным, непрыстым человеком на земле... Мне казалось, что я единственный — незаконный... и что, когда я показываю кому-нибудь свои документы, все внутренне начинают плевать на меня» [19].

Революция 1917 года, провозгласив отмену сословного неравенства, вместе с тем не уничтожила сам принцип социальной сегрегации, что, в свою очередь, предопределило дифференциацию достоинств советских граждан. На смену сословиям пришли классы. В рамках классового подхода государство как теоретическая конструкция было представлено двумя моделями: эксплуататорской и общенародной. Применительно к первой модели государство — аппарат порабощения классом эксплуататоров класса эксплуатируемых (рабовладельческое, феодальное, буржуазное). Во второй модели государство — это коллективный орган народовластия, обеспечивающий сближение двух основных классов трудящихся (рабочего класса и колхозного крестьянства), с последующим формированием единой общности — советского народа. «Достоинство советского человека» — категория не столько морально-этическая, сколько идеологическая. С одной стороны, оно противопоставляется аналогу западной буржуазной культуры: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока» [20, с. 314–316]. С другой — эта категория подается как некое статусное превосходство по отношению ко всему мировому человечеству: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза» [21, с. 305–308]. Вместе с тем внутри самого советского общества отсутствовало и единство, и равенство, как следствие, складывалась «иерархия достоинств», пусть и не формально-легальная (как в Российской империи), но от того не менее реальная. Основным критерием личного достоинства являлось служение советскому государству, воплощенному в триединстве советского народа, Советской Родины и Советского правительства

(«Я клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству») [22]. Особенностью достоинства советского человека являлось ярко выраженное доминирование коллективизма над индивидуализмом (эгоизмом). Достойное поведение предполагало безусловный приоритет общественных интересов по отношению к личным («Раньше думай о Родине, а потом о себе» [23], «Жила бы страна родная, и нет других забот» [24], «Ничего не нашёл, не скопил, только верой и правдой служил. Но богаче меня нет на свете с тех пор как на землю родную ступил...» [25]). Не допускалось противопоставление «себя» «всем». «Единица вздор, единица ноль... Голос единицы тоньше писка», «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!» [21, с. 59–60].

Демонтаж социалистической государственной правовой системы, ставший основной причиной распада СССР, являлся, по своей сути, социальной деформацией, обусловившей качественную трансформацию не только формы российского государства, но и системы духовно-нравственных ценностей и целевых ориентиров общественного развития, что, в свою очередь, в немалой степени повлияло на переосмысление сущности и содержания феномена достоинства личности. На смену достоинству «трудящегося товарища», противопоставляемого недостойным уважения «лодырям, тунеядцам, бездельникам» пришел объявленный высшей конституционной ценностью «универсальный человек», признавать, соблюдать и защищать права и свободы которого государство обязывалось безотносительно социального статуса индивида и нравственно-правовой оценки его поведения.

Таким образом, в формальном плане в современной России на смену иерархической дифференциации достоинств пришло универсальное человеческое равенство, в рамках которого условием выстраивания оси цивилизационного вращения «достоинство человеческой личности — национальный (государственный) правопорядок», является недопущение «обесчеловеченья» ЧЕЛОВЕКА как высшей конституционной ценности государства-нации [2].

Здесь уместно поставить проблему о реальном существовании и функционировании феномена «национальное достоинство» (это далеко выходит за рамки нашей статьи, хотя в русле современной отечественной этнопедагогики данный феномен используется достаточно активно, однако в связи не с многонациональным российским народом — нацией, а в большей

степени, в локальном националистическом аспекте) [26] и его соотношения и взаимодействия с категорией «достоинство личности».

Говоря о соотношении понятий, *нация* (народ — коллективный носитель государственного суверенитета) и *национальность* (этническая группа в составе нации), следует отметить, что в современной России, в отличие от советского и имперского периодов российской государственности, отсутствует легальное (официальное) структурирование социальной организации народонаселения. На официальном уровне используются конструкции «многонациональный народ» (ст. 3 Конституции Российской Федерации), «многонациональный союз равноправных народов» (ст. 68 Конституции Российской Федерации), «русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность русского мира» (ст. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации). Вместе с тем наряду с народом-нацией федеральная Конституция использует конструкцию «коренные малочисленные народы» (ст. 69). Региональные конституции (уставы) наряду с «народом» (Конституция Республики Татарстан, Устав Свердловской области), оперируют понятиями «население» (Устав Санкт-Петербурга), «жители» (Устав Москвы).

В первом приближении наша постановочная позиция относительно обозначенной проблемы сводится к следующему. Категория национального достоинства, если рассматривать ее не применительно к отдельной национальной группе¹, а в плане чувства личной причастности с «государством-нацией», является, безусловно, важной, однако всего лишь одной из составляющих системного восприятия достоинства личности, в структуре которого национальная принадлежность не только не является доминирующей, но и зачастую отходит «на

¹ В большинстве конституций национальных республик отмечается, что они выражают волю образующих их народов («Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...». Преамбула Конституции Республики Татарстан 1992 года), при этом не содержится оговорок о том, что «национальные народы» являются неотъемлемой частью «единого многонационального народа Российской Федерации» (Преамбула, ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 года). Подобные оговорки имели место во всех конституциях советских и автономных республик Союза ССР, принятых в 1978 году, после того, как в общесоюзной Конституции 1977 года получила законодательное закрепление социально-юридическая конструкция «советский народ».

второй план», по сравнению с профессиональной компетентностью, индивидуальной успешностью, социальной коммуникабельностью, оптимистичным мировосприятием («субъективным счастьем») и другими индивидуальными качествами, влияющими как на личное самоуважение, так и на уважительное отношение к человеку со стороны окружающих.

Кстати, в системе оценочных составляющих личного достоинства немаловажное значение продолжает иметь фактор гендерной принадлежности. Опубликованы любопытные результаты интернет-опроса: для женской аудитории первое место в перечне факторов индивидуальной привлекательности заняла личность мужчины (а не его деньги, внешность, занимаемая должность, темперамент), что касается мужчин, то для них личность женщины оказалась на втором месте, предсказуемо уступив первенства внешности [27] (при этом ни национальная, ни конфессиональная принадлежность для участвующих в опросе респондентов существенного значения не имели). Полагаем, что приведенные социологические данные имеют непосредственное отношение к теме статьи, поскольку позволяют рассматривать категорию личного достоинства в качестве комплексного явления, в структуре и содержании которого тесно переплетаются различные аспекты восприятия и оценочные факторы как формального (атрибутивного), так и субстанционального (как сознательного, так и бессознательного) характера. И в обыденном правосознании личность котируется в ценностной иерархии предельно высоко: это своего рода аксиологический «потолок».

Место личного достоинства в системе конституционных ценностей

В формально-юридическом плане ценностью применительно к российскому общественному сознанию является то, что объявлено в качестве таковой государством, а точнее выступающими от его имени представителями правящего класса — политической и экономической элиты [28].

В Российской империи основными ценностями являлись Бог и Император. Причем Бог на государственном уровне воспринимался не в качестве некоей универсальной «общечеловеческой» ценности, а сугубо в русском православном контексте, определяемом на государственном уровне, поскольку Русское Православие являлось государственной религией, а Русская Православная Церковь была включена в государственный аппарат. Отсюда и слова «Молитвы русских», положенной в основу государственного гимна имперской России: «Боже,

Царя храни! ...Царь православный! ...Перводержавную Русь православную, Боже, храни!» [29].

Советские конституции, как уже отмечалось, оперировали понятиями «граждане» и «трудящиеся». В частности, Конституция РСФСР 1918 года, будучи дискриминационной по отношению к «бывшим эксплуататорам», «нетрудовым элементам» и «прислужникам свергнутого режима», вместе с тем: «Исходя из солидарности трудящихся всех наций..., предоставляла все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики» (ст. 20). Тем самым осуществлялась конституционная легализация государственного девиза: «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Конституция СССР 1977 года, провозгласив в качестве «вышей цели Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества» определила в качестве ценностных ориентиров советского народа «идеи научного коммунизма и революционные традиции, социально-экономические и политические завоевания социализма, преемственность принципов первой советской Конституции 1918 года, Конституции СССР 1924 года и Конституции СССР 1936 года».

Рассмотрение системы конституционных ценностей, сложившейся в Российской Федерации на постсоветском историческом этапе, предполагает разграничение двух президентских эпох: «ельцинской» и «путинской». Для первой характерна тенденция вестернизации, в рамках которой на конституционном уровне получили закрепление так называемые «общечеловеческие», а по сути западные либеральные ценности, основанные на принципах естественного права, в своем возникновении и функционировании независимого от механизмов позитивного правотворчества и принудительного правоприменения. В соответствующих источниках открыто говорится о том, что при разработке проекта принятого в 1993 году Основного закона, его авторы руководствовались в большей степени не отечественным конституционным опытом и советскими социалистическими правовыми традициями, а западными конституционно-правовыми концептами [30]. Широкую известность приобрела фраза Президента Б. Н. Ельцина: «Господи, благослови Америку» [31].

В свою очередь, с именем Президента В. В. Путина связывается представление о Российской Федерации как о едином государстве с тысячелетней историей (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) «самобытном

государстве-цивилизации..., сплотившем русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [32]. Заявленная цивилизационная самобытность России предполагает формирование собственно российской системы ценностей, отличной от «импортных» аналогов [33].

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [34] определяется, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Включение в приведенный перечень достоинства наряду с правами человека и взаимным уважением актуализирует проблему понимания рассматриваемого феномена, который в соответствии со смысловым контекстом Указа не является видом естественного права и не тождественно взаимоуважению.

По мнению Н. С. Бондаря, достоинство в качестве аксиологической категории конституционализма включает достаточно высокий удельный вес неправового, неюридического нормативного потенциала (нравственно-этического, национально-конфессионального и т. п.) [35, с. 20]. Достоинство личности для Н. С. Бондаря является некой основой создания условий достижения человеком определенного социального статуса и приемлемого качества жизни [35, с. 20]. Таким образом, в понимании ученого — судьи Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке) — достоинство личности в его современном конституционном прочтении следует воспринимать в традиционном «имперско-советском» понимании как статусного состояния, определенного социальным положением индивида, а также достижения им качественного жизненного уровня «нормального» для занимаемого статуса. Получается, что достоинство личности — это оценочный критерий, посредством которого определяется социальное положение (социальный статус) «достойного человека», живущего «нормально/достойно», для представителей соответствующей социальной группы.

Представляется, что именно таким пониманием руководствовалось государство (в лице соответствующих должностных лиц государственного аппарата), принимая Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2024 год (утверждены решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 22 декабря 2023 года, протокол № 4 ПР), в рамках которых в статье 4 закреплены принципы формирования систем оплаты труда, один из которых сформулирован следующим образом: «обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей *достойное человека существование* (курсив наш. — В. Б. Р. Р.) для него самого и его семьи» [36]. Думается, в данном нормативном установлении взят тот «минимум человеческого достоинства», который отражает в основном физиологические и биологические потребности людей, сводящиеся к обеспеченности продуктами питания и одеждой, однако не учитывающие многие иные факторы (жилищные, медицинские, образовательные, культурно-воспитательные и др.), характеризующие личность как носителя комплекса различных интересов, в которых биолого-физиологическое выживание, безусловно, не является исчерпывающим. Иными словами, в текущем законодательстве есть резон более четко разграничивать понятия «человек» как любой представитель человеческого сообщества и «личность» — индивид, наделенный определенными социальными качествами (признаками), в числе которых главенствующими являются разум, язык, коммуникабельность, достоинство.

Такое разграничение имеет значение не только для реализации права на достоинство, но и для его юридической защиты (в том числе уголовно-правовыми средствами). Авторы выражают солидарность с позицией Т. В. Кленовой, по мнению которой: «Понятия «честь», «достоинство», «репутация» являются сложными с этическим, социальным и правовым уровнями понимания. Явно они объединяются именно на правовом уровне — в значении естественного личного права, которое есть у человека независимо от недоброжелательных, тем более ложных оценок. Соответственно, для целей уголовного законодательства неразделимы самоуважение (достоинство) человека и его ожидания уважительного к себе отношения со

стороны других людей и государства (честь), в том числе в связи с его профессиональной деятельностью и социальными практиками (репутация)» [37–39]. Соглашаясь с Т. В. Кленовой по сути данных ею комментариев, вместе с тем полагаем возможным внести некоторые уточнения. Во-первых, честь и репутация, образующие в совокупности, к сожалению, ушедшую в прошлое юридическую конструкцию «доброго имени», являются составными элементами достоинства личности как системного образования. Во-вторых, все эти личные качества возникают у человека не с момента рождения, а в связи с формированием социально-правового статуса (положения в обществе и государстве) и потому не являются естественными правами в их изначальном смысле.

Патриотизм, как и антипатриотизм, предполагает отношение не к эфемерному достоинству человека вообще, а к истории становления, функционирования и перспектив развития достоинства личности россиянина. «Привязка» к этнологическому фактору проблемы достоинства личности вполне оправдана в условиях массированного разнопланового давления на «русский мир». Достоинство личности россиянина означает активное отстаивание (а не просто признание!) традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей. Только такая позиция может в итоге создать преимущество в сфере реальной жизни, образования, воспитания, национальной культуры, политики. Считаем важным подчеркнуть: механизмы и технологии воспитания достойной личности, достоинства в личности — транснациональная проблема, которая до сих пор с надлежащей глубиной еще даже не поставлена.

В действующей Конституции Российской Федерации, как уже отмечалось, в сочетании с категорией «достоинство» используются термины «человек», «гражданин», «личность», «жизнь». Скорее всего, в процессе «конституционного проектирования» авторы не уделяли пристального внимания соотношению перечисленных понятий. А между ними имеется существенная разница. По нашему убеждению, сущность достоинства заключается в гармоничном сочетании понятий «самоуважение» и «взаимоуважение». Особенностью восприятия названных качеств в современных условиях является их формальная независимость от индивидуального социального статуса (положения). Закрепление в статье 2 Конституции Российской Федерации положения о человеке как «высшей» ценности безотносительно наличия

у него российского гражданства, а также места, занимаемого индивидом в системе социального структурирования и правовой оценки совершаемых им деяний (как правомерных, так и противоправных), означает, что каждый может и должен уважать себя просто за то, что является человеком. В то же время «каждый» заслуживает уважения со стороны других людей на этом же основании. Применение в Конституции России терминов «человек» и «каждый» в силу их абстрактно-обобщенного характера нуждается в ограничительном толковании. Не каждый человек может и умеет уважать себя и не каждый заслуживает уважения со стороны окружающих. Достоинство — это качество, которым может и должен обладать не любой представитель рода человеческого, а лишь тот, кто является сложившейся личностью, осознающей свою индивидуальную значимость для соответствующей социальной группы (семьи, друзей, трудового коллектива, государства). Соответственно, уважительное отношение к человеку «вообще» является производным от самоуважения, формирующегося в процессе становления личности и уважения к индивиду со стороны определенной социальной группы.

Достаточно часто можно услышать, что как личность человек формируется начиная с 3-летнего возраста [40]. Получается, что до 3-х лет человек личностью не является, а затем с ним происходит некая содержательная трансформация. Очевидно, что ничего подобного с индивидом не происходит, вернее происходит, но не одномоментно. Процессы личной социализации носят долговременный характер и зависят от множества объективных и субъективных факторов. Человек не рождается личностью также, как не является изначально носителем разума и правосубъектности. Эти и другие социальные свойства формируются постепенно и в своем большинстве связаны с «социальной взрослостью» и юридической правосубъектностью. Первая позволяет относить к социальной группе «взрослых» индивидов, живущих по «взрослому», то есть обладающих реальной возможностью принимать «взрослые» решения и нести за эти решения «взрослую» ответственность, что касается юридической правосубъектности, то данное субъективное свойство определяет возможность лица выступать не только носителем потенциальной правовой возможности или обязанности, но и их применителем. Кстати, Русская Православная Церковь стоит на позиции: «В самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности...

Признание достоинства личности означает утверждение ее нравственной ответственности» [41, с. 5, 6].

Следует также отметить, что конституционное определение «универсального» человека в качестве высшей ценности (ст. 2) вместе с тем сочетается с объявлением детей «важнейшим приоритетом» государственной политики (ст. 67). При этом государство возлагает на себя родительские обязанности по отношению к детям, оставшимся без попечения, тем самым, по сути, легализуя на конституционном уровне метафору «Родина-мать», с «неоплатным долгом» по отношению к ней. Кроме того, Конституция вводит в юридический оборот понятие «соотечественники, проживающие за рубежом», рассматривая их как всех носителей общероссийской культурной идентичности (ст. 69), безотносительно наличия действующего гражданства Российской Федерации и ее субъективного оценочного восприятия со стороны того или иного «соотечественника» [42].

Отмеченное терминологическое многообразие осложняет конкретизацию категории «достоинство личности» с последующим определением его в системе современных российских конституционных ценностей. С одной стороны, право личного достоинства в равной степени признается и защищается государством в отношении всех лиц, находящихся в пределах пространственной юрисдикции Российской Федерации, а также в отношении соотечественников за рубежом. Такой подход предполагает в первую очередь недопустимость любого уничижительного отношения к человеческой личности независимо от ее социального статуса. Однако закрепленное в Конституции России формальное равенство личных достоинств на практике не исключает их дифференциации. Реальный правоприменитель в своей деятельности руководствуется не абстрактными метафорами и политическими декларациями, а конкретными положениями приказов, инструкций, уставов, наставлений. Получается, что, с одной стороны, мы фиксируем конституционную ценность человеческой личности, обладающей неотъемлемым правом на достоинство, а с другой — в жизни и законодательстве фигурируют «ранее судимые», «иностранные агенты», «лица, внесенные в списки экстремистов и террористов», «представители ЛГБТ сообщества» и другие представители групп, чьи субъективные права, включая право на достоинство, подвергаются весьма существенным оправданным ограничениям. Не вызывает сомнений то, что

в любом государстве на любом историческом этапе общество, во-первых, не является однородным и структурируется на элиту, средний класс, социальные низы (англ. *Underworld*), по отношению к которым рассуждения о равенстве личных достоинств носят характер утопических деклараций о всеобщем человеческом равенстве. Получается, что применительно к системе современных российских конституционных ценностей достоинство личности продолжает оставаться категорией, имеющей субъективную цену, определяемую государством, которое при рассмотрении человека продолжает использовать некие стереотипы как позитивного, так и негативного плана. Отсюда следует, что в качестве конституционной ценности достоинство личности не является «бесценной» по своей социальной значимости категорией. «Цена» личного достоинства, а стало быть и его ценность, с одной стороны, определяется самой личностью, для которой самоуважение, являющееся основой достоинства, представляет естественное право, формирующееся в процессе личного становления и не зависящее от государства, а с другой стороны, устанавливается последним, относящимся к человеку как к «живой вещи» и оценивающему его с точки зрения государственной полезности, бесполезности, вредности, опасности.

Изменение ценностной парадигмы современного российского общества, в котором начиная с 2000 года на смену либеральным «западным» ценностям, базирующимся на эгоцентристской концепции естественных прав человека приходят традиционные духовно-нравственные ценности, определяемые в соответствии с заявленной государственной политикой «умеренного консерватизма» [43], предполагает в том числе уточнение места достоинства личности в системе конституционных ценностей. Представляется, что применительно к современным условиям рассматриваемый феномен следует воспринимать в неразрывной связи с социальным положением занимаемым индивидом, соответствующим образом, оцениваемым как со стороны социальной группы, членом которой он является, так и со стороны государства. На наш взгляд, нет ничего предосудительного в том, чтобы на официальном уровне закрепить подход, в рамках которого достоинство личности не сводится к самоуважению, основанному на себялюбии и приоритете собственного эго по отношению к общественным и государственным интересам. Подобный подход представляет ультралиберальную

концепцию, идущую вразрез с традиционными российскими ценностями, во все времена предполагавшими производный характер личного Я, по отношению к общему Мы. Сказанное не означает, что применительно к ценностному восприятию личного достоинства следует вернуться к советской и уж тем более имперской традиции. Это в принципе невозможно. Однако проблеме социального неравенства в его ценностном измерении в современном российском обществе надлежит уделить гораздо больше внимания.

В советском обществе отрицалось наличие организованной преступности, социальной конфликтности между представителями различных национальностей, коррупция в высших эшелонах советской и партийной власти. В немалой степени отсутствие четкой реалистичной позиции со стороны государства к обозначенным и многим другим вопросам обусловило системный кризис, определивший распад, «развал» СССР и разрушение мировой социалистической государственно-правовой системы.

В условиях постсоветского периода «стесняются» говорить о капиталистической экономической системе, основанной в том числе на принципе эксплуатации работодателями (эксплуататорами) наемных работников (эксплуатируемых).

По нашему мнению, в современной России следует отказаться от искусственной социальной однородности и ввести в политическое и правовое поле технологические схемы и принципы социальной дифференциации, связанные с различием личного достоинства, представителей социальных страт, сложившихся на постсоветском пространстве. Речь не идет о формальном закреплении привилегированных и «простых» слоев общества, хотя на практике отдельные высокопоставленные руководители позволяют себе высказываться в подобном ключе. Необходимо честно заявить о том, что однородное (единое) общество — это утопия. Государство во все времена и сегодняшнее российское государство в этом ракурсе не исключение, отстаивает и защищает интересы определенных электоральных групп и эти группы населения должны быть официально представлены для того, чтобы обеспечить пропорциональное представительство в структурах государственной и муниципальной власти, открытую и честную работу социальных лифтов, а также создать условия для общественного солидаризма, основанного не на романтических заявлениях о «глубинном русском народе»,

умение слышать и понимать который, «видеть его насквозь, на всю глубину и действовать соответственно — уникальное и главное достоинство государства Путина» [44], а на рациональных прагматических установках, опирающихся в своей реализации на формально-правовые технологии партнерского взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества, руководствующихся в организации и деятельности различными, однако не противоречащими друг другу интересами и в равной степени стремящихся к обеспечению социального мира и согласия. Дифференциация личных достоинств предполагает применение дискриминационных мер юридического характера по отношению к лицам, сознательно и добровольно избравшим для себя путь противопоставления российскому обществу и государству. В условиях, когда противостояние Российской Федерации с коллективным Западом приобрело характер «перманентной войны» [45], не имеет смысла констатировать единые для всех субъектов политико-правовых отношений «общечеловеческие ценности» и «равенство личных достоинств». Вполне логичным представляется ограничение посредством правоприменительной деятельности права личного достоинства в форме «поражения» в политических (прежде всего избирательных) правах в отношении российских граждан, признанных судом иностранными агентами, а также внесенных Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов. Кроме того, нуждается в законодательном уточнении категория «соотечественник за рубежом», поскольку в современной редакции к числу зарубежных соотечественников, по формальным признакам могут быть отнесены в том числе лица, не скрывающие своего враждебного отношения к политическому курсу государственной власти Российской Федерации. Высказанные предложения не следует рассматривать в качестве «антидемократических». Любая демократия предполагает власть большинства над меньшинством. Позиция последнего заслуживает уважения тогда, когда имеет место ответное уважение. В противном случае вступает в силу принцип симметричной ответственности, в соответствии с которым лица, выступающие против государственного порядка, должны осознавать, что и государство будет относиться к ним соответствующим образом, то есть последует легальная дискриминация достоинства его личности. Естественно, что применение дискриминационных мер должно осуществляться на законных основаниях

в рамках предусмотренных законом процедур и в любом случае носить временный характер.

В качестве обобщающих выводов можно предложить следующие тезисы.

Понимание достоинства личности как современной российской конституционной ценности следует осуществлять, основываясь на существенном отличии категорий «человек», «гражданин», «личность», которые соотносятся между собой как общее, частное, конкретное.

Достоинство личности — это комплексная категория, в качестве элементов которой выступают самоуважение и взаимное уважение. *Самоуважение* представляет естественное право, потенциально возникающее с момента рождения (правоспособность личного достоинства), однако приобретающее завершённое оформление (дееспособность личного достоинства) в процессе становления человека как личности. *Взаимное уважение* представляет собой нравственно-правовое состояние, в рамках которого личность уважает социальный порядок, сложившийся в социальной группе (семье, трудовом коллективе, страте, государстве), членом которой он является и пользуется ответным уважением, выраженным в определенных оценочных формах.

Рассмотрение государственно-правовой системы России как конструкции, развивающейся в рамках дискретной циклической истории, предполагает различные подходы к пониманию и оценке достоинства личности. Вместе с тем общим для всех циклов российской истории представляется утилитарное восприятие государством индивида, «цена» которого определялась степенью его пользы либо вреда (опасности) для государственного правопорядка. В зависимости от такой оценки устанавливалось и само достоинство и соответствующий ему уровень достойной жизни.

В условиях современной России представляется целесообразным отказ от либеральной парадигмы достоинства личности как универсальной «общечеловеческой ценности» и рассмотрение данной категории в контексте концепции «умеренного консерватизма». Основываясь на данной концепции, следует установить легальный (основанный как на материальных, так и на процессуальных нормах) правопорядок, ограничения достоинства личности в отношении лиц, признанных государством «недружественными». Естественно, что устанавливаемые правоограничения могут быть связаны только с уважением к личному достоинству со стороны государства. Что касается

самоуважения, то в качестве одной из легальных форм его реализации в условиях личных разногласий с государством является конституционное право на свободу изменения гражданства в соответствии с личным выбором.

Список источников

1. Баранов В. М. Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект судебной защиты: доктрина, практика, техника // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2019. С. 40–63.
2. Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10–20.
3. Ромашов Р. А. Право на личное достоинство: конституционное закрепление и проблемы реализации в современной России // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2022 года / отв. ред. И. С. Кокорин. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 169–173.
4. Ромашов Р. А. Человек как субъект права на человеческое достоинство // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VI Национальной научно-практической конференции, Казань, 25 февраля 2022 года. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 190–194.
5. СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. Москва: Междунар. отношения, 1989.
6. Кравец И. А. Dignitatis Humanae: философско-правовые, международные, конституционные и экзистенциальные аспекты // Государство и право. 2021. № 2. С. 26–39.
7. Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 111–128.
8. Корнев В. Н. Интегративная природа Конституции России // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 5–15.
9. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Свобода и достоинство личности: философский и правовой аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 55–60.
10. Никитина В. С. Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // Вестник

РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 41–53.

11. Горький А. М. На дне. URL: <https://ilibrary.ru/text/505/p.1/index.html> (дата обращения: 25.01.2024).

12. Верховный Совет СССР девятого созыва 1974–1979 годов. URL: <https://www.rusempire.ru/sss/vysshie-zakonodat-ov-rsfsr-sssr/deyatelnost-vysshih-zakonodatelnye-organy-vlasti-v-rsfsr-i-sssr/499-verkhovnyj-sovet-sssr-devyatogo-sozyva-1974-1979-gg.html> (дата обращения: 25.01.2024).

13. Харитонов В. Мой адрес Советский Союз. URL: <https://stihi.ru/diary/lotosonnik/2010-04-25> (дата обращения: 25.01.2024).

14. Понизова Е. В. Лишение гражданства в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 120–129.

15. «Трудная жизненная ситуация — обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц... последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно». О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ (ч. 9 ст. 4) // Российская газета. 2023. 9 февраля.

16. Кодан С. В. Словное законодательство в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 117–145.

17. О фактическом отсутствии личного достоинства у подданных российских царей, эволюции самодержавия в России с неизменным «холопским» правовым состоянием населения см.: Сергеев С. М. Русское самовластие. Власть и ее границы: 1462–1917 гг. Москва: Яуза-каталог, 2023. 576 с.

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 23.01.2024).

19. «Неуважение к ребенку»: почему советские власти были против сказок Чуковского. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2022/03/31/14679001.shtml> (дата обращения: 23.01.2024).

20. Маяковский В. В. Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / ред. кол. Г. П. Бердников и др.; вступ. ст. А. Метченко. Москва: Правда, 1987. 765 с.

21. Маяковский В. В. Избранное: стихи, поэмы; послесл. О. П. Смолы. Москва: Воениздат, 1985. 382 с.

22. Текст военной присяги ВС СССР 1947–1992 гг. URL: <https://proza.ru/2010/12/26/657> (дата обращения: 17.01.2024).

23. Шаферан И. Комсомольская песня. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=komstrad> (дата обращения: 19.01.2024).

24. Ошанин Л. Песня о тревожной молодости. URL: <https://poembook.ru/poem/14060-pesnya-o-trevozhnoj-molodosti> (дата обращения: 23.01.2024).

25. Максименко Г. По высокой траве. URL: <https://reproduktor.net/lyube/po-vysokoj-trave/> (дата обращения: 23.01.2024).

26. Екеева Э. В. Педагогика национального спасения, национальной гордости, национального достоинства, всеобщей мудрости, всеобщей гармонии, всеобщей любви // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 14. С. 8–11.

27. Черновецкий В. Кого хотят женщины. Про реальные приоритеты полов в отношениях // Независимая газета. 2023. 26 декабря.

28. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. 1996. № 1. С. 154–194.

29. Жуковский В. Молитва русских. URL: <https://topwar.ru/232404-molitva-russkogo-naroda.html> (дата обращения: 20.01.2024).

30. Гольцблат А. Историческая правка: как принимали российскую Конституцию. URL: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=18959> (дата обращения: 25.01.2024).

31. «Господи, благослови Америку», или 20 минут позора Бориса Николаевича Ельцина. URL: https://dzen.ru/a/X_NyOLml33LK-Cm (дата обращения: 23.01.2024).

32. Концепция внешней политики РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229.

33. Депутат призвала «импортозаместить» чуждые семейные ценности в России. URL: <https://ria.ru/20220401/tsennosti-1781310026.html> (дата обращения: 21.01.2024).

34. Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. 14 ноября, ст. 7977.

35. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

36. Российская газета. 2024. 17 января.

37. Кленова Т. В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательство на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 48–56.

38. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.

39. Авдеева Е. В. Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2020. № 3. С. 31–34.

40. Меньшиков В. М. Человек. Личность. Становление и развитие личности человека // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). Т. 1. URL: <file:///D:/Загрузки/chelovek-lichnost-stanovlenie-i-razvitiye-lichnosti-cheloveka.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

41. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Приняты на пленарном заседании Архиерейского Собора

Русской Православной Церкви 26 июня 2008 года // Журнал Московской Патриархии. 2008. № 9.

42. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102059861 (дата обращения: 20.01.2024).

43. Мислявская Г. Путин: Наш консерватизм — это консерватизм оптимистов. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservatizm-eto-konservatizm-optimistov.html> (дата обращения: 21.01.2024).

44. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 23.01.2024).

45. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. №14. 3 апреля, ст. 2406.

References

1. Baranov V. M. Dignity of an employee of internal affairs bodies as a special object of judicial protection: doctrine, practice, technique. Protection of the rights of employees of internal affairs bodies: doctrine, practice, technique: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation / ed. by D. N. Arkhipov, V. M. Baranov. Moscow: Prospekt Publ., 2019. Pp. 40–63. (In Russ.)

2. Baranov V. M., Romashov R. A. Dignity (honor) of a person in the focus of abuse of law (doctrine, practice, technique). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (49), pp. 10–20. (In Russ.)

3. Romashov R. A. The right to personal dignity: constitutional consolidation and problems of implementation in modern Russia. Problems of protection of rights: history and modernity: materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 20, 2022 / editor-in-chief I. S. Kokorin. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., 2023. Pp. 169–173. (In Russ.)

4. Romashov R. A. Man as a subject of the right to human dignity. Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: materials of the VI National Scientific and Practical Conference, Kazan, February 25, 2022. Kazan: TISBI University of Management Publ., 2022. Pp. 190–194. (In Russ.)

5. The USSR and international cooperation in the field of human rights: Documents and materials. Moscow: Internat. Relations Publ., 1989. (In Russ.)

6. Kravets I. A. Dignitatis Humanae: philosophical and legal, international, constitutional and existential aspects. *State and Law*, 2021, no. 2, pp. 26–39. (In Russ.)

7. Kravets I. A. The dignity of the individual: a dialogue of theory, constitutional norms, international regu-

lators and social reality. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 1, pp. 111–128. (In Russ.)

8. Kornev V. N. The integrative nature of the Constitution of Russia. *Russian justice*, 2018, no. 12, pp. 5–15. (In Russ.)

9. Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Freedom and dignity of the individual: philosophical and legal aspects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (46), pp. 55–60. (In Russ.)

10. Nikitina V. S. Personal inviolability as an intersectoral category of law. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.)

11. Gorky A. M. At the bottom. URL: <https://ilibrary.ru/text/505/p.1/index.html> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

12. The Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation of 1974–1979. URL: <https://www.rusempire.ru/sss/vyshnie-zakonodat-ov-rsfsr-sss/deyatelnost-vysshikh-zakonodatelnye-organy-vlasti-v-rsfsr-i-sss/499-verkhovnyj-sovet-sss-devyatogo-sozyva-1974-1979-gg.html> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

13. Kharitonov V. My address is the Soviet Union. URL: <https://stihi.ru/diary/lotosonnik/2010-04-25> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

14. Ponizova E. V. Deprivation of citizenship in the Soviet period. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 6, pp. 120–129. (In Russ.)

15. A difficult life situation is a circumstance or circumstances that worsen the living conditions of persons... the consequences of which they cannot overcome on their own. On Probation in the Russian Federation: federal law no. 10-FZ of February 6, 2023 (Part 9 of Article 4). *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, February 9th. (In Russ.)

16. Kodan S. V. Estate legislation in the politics of the Russian supreme power (1800–1850). *Legal studies*, 2012, no. 2, pp. 117–145. (In Russ.)

17. On the actual lack of personal dignity among the subjects of the Russian tsars, the evolution of autocracy in Russia with the constant “servile” legal state of the population, see: Sergeev S. M. Russian autocracy. Power and its borders: 1462–1917. Moscow: Yauza-catalog Publ., 2023. 576 p. (In Russ.)

18. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)

19. Disrespect for the child”: why the Soviet authorities were against Chukovsky’s fairy tales. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2022/03/31/14679001.shtml> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)

20. Mayakovsky V. V. Works: in 2 vols. Vol. 1 / ed. board G. P. Berdnikov et al.; introduction by V. A. Metchenko. Moscow: Pravda Publ., 1987. 765 p. (In Russ.)

21. Mayakovsky V. V. Favorites: poems, poems / afterword O. P. Smoly. Moscow: Voenizdat Publ., 1985. 382 p. (In Russ.)

22. The text of the military oath of the USSR Armed Forces 1947–1992. URL: <https://proza.ru/2010/12/26/657> (accessed 17.01.2024). (In Russ.)
23. Shaferan I. Komsomolskaya pesnya. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=komstrad> (accessed 19.01.2024). (In Russ.)
24. Oshanin L. The song of anxious youth. URL: <https://poembook.ru/poem/14060-pesnya-o-trevozhnoy-molodosti> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
25. Maximenko G. On the tall grass. URL: <https://reproduktor.net/lyube/po-vysokoj-trave> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
26. Ekeeva E. V. Pedagogy of national salvation, national pride, national dignity, universal wisdom, universal harmony, universal love. *Siberian Pedagogical Journal*, 2007, no. 14, pp. 8–11. (In Russ.)
27. Chernovetsky V. Whom women want. About the real priorities of the sexes in a relationship. *An independent newspaper*, 2023, December 26th. (In Russ.)
28. Medushevsky A. N. Constitutional projects in Russia and their Western sources. *Mir Rossii*, 1996, no. 1, pp. 154–194. (In Russ.)
29. Zhukovsky V. Prayer of the Russians. URL: <https://topwar.ru/232404-molitva-russkogo-naroda.html> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
30. Goltsblat A. Historical edit: how the Russian Constitution was adopted. URL: <https://lawfirm.ru/article/index.php?id=18959> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)
31. “God bless America”, or 20 minutes of Boris Nikolaevich Yeltsin’s shame. URL: https://dzen.ru/a/X_NyOLmI33LK-Cm (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
32. The concept of the foreign policy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. (In Russ.)
33. The deputy called for “import substitution” of alien family values in Russia. URL: <https://ria.ru/20220401/tsennosti-1781310026.html> (accessed 21.01.2024). (In Russ.)
34. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, November 14th, art. 7977. (In Russ.)
35. Bondar N. S. The constitutional category of personal dignity in the value dimension: theory and judicial practice. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.)
36. *Rossiyskaya gazeta*, 2024, January 17th. (In Russ.)
37. Klenova T. V. The difficult path of the Institute of criminal responsibility for encroachments on the honor and dignity of the individual, or problems of goal-setting. *Legal Bulletin of the Samara University*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 48–56. (In Russ.)
38. Smolyakov E. V. Criminal law counteraction to crimes that infringe on the health, honor and dignity of a representative of the authorities. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2015. 24 p. (In Russ.)
39. Avdeeva E. V. Respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings. *Russian judge*, 2020, no. 3, pp. 31–34. (In Russ.)
40. Menshikov V. M. Man. Personality. Formation and development of the human personality. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2019, no. 3 (51), vol. 1. URL: <file:///D:/Downloads/chelovek-lichnost-stanovlenie-i-razvitiye-lichnost-cheloveka.pdf> (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
41. The fundamentals of the teaching of the Russian Orthodox Church on dignity, freedom and human rights. Adopted at the plenary session of the Bishops’ Council of the Russian Orthodox Church on June 26, 2008. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2008, no. 9. (In Russ.)
42. On the State Policy of the Russian Federation in relation to Compatriots abroad: federal law no. 99-FZ of 24 May, 1999 (as amended of July 23, 2013). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102059861 (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
43. Mislyavskaya G. Putin: Our conservatism is the conservatism of optimists. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservatizm-eto-konservatizm-optimistov.html> (accessed 21.01.2024). (In Russ.)
44. Surkov V. Putin’s Long State. *An independent newspaper*, 2019, February 11. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed 23.01.2024). (In Russ.)
55. On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 no. 229. *Collection of legislative acts of the RF*, 2023, no. 14, April 3, art. 2406. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Р. А. Ромашов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов».

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;

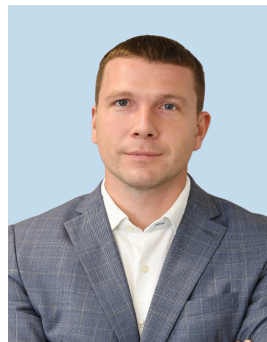
R. A. Romashov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Murmansk Arctic University, Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-32-40>

О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей

Хужина Оксана Николаевна¹, Плешаков Евгений Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oksana_17.92@mail.ru

²Нижегородский исследовательский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, law_pleshakov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы, основываясь на позициях нормативного подхода к пониманию права, приходят к выводу о существовании диалектической связи между традиционными российскими духовно-нравственными ценностями в праве и юридическим приоритетом. С одной стороны, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одним из стратегических национальных приоритетов российского государства. С другой стороны, ценности могут выступать критерием установления приоритетов государственно-правового регулирования, определяя как формально-юридические условия для главенствующего положения каких-либо сфер, так и нравственно-этические ориентиры. В отдельных случаях может возникать необходимость установления приоритетов и в самой системе ценностей. Названное диалектическое единство исследуется авторами на основании современной отечественной правовой охраны традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: приоритет, юридический приоритет, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, российское право, правовая система, право, мораль

Для цитирования: Хужина О. Н., Плешаков Е. А. О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 32–40. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-32-40>.

Original article

On the legal priority of traditional spiritual and moral values

Oksana N. Khuzhina¹, Evgeny A. Pleshakov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oksana_17.92@mail.ru

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, law_pleshakov@mail.ru

Abstract. In this article the authors based on the positions of the normative approach to understanding law, come to the conclusion that there is a dialectical connection between traditional Russian spiritual and moral values in law and legal priority. On the one hand, the protection of traditional Russian spiritual and moral values is one of

© Хужина О. Н., Плешаков Е. А., 2024

the strategic national priorities of the Russian state. On the other hand, values can act as a criterion for setting priorities for state legal regulation, defining, both formal and legal conditions for the dominant position of any spheres, as well as moral and ethical guidelines. In some cases, it may be necessary to establish priorities in the value system itself. The named dialectical unity is investigated by the authors on the basis of modern domestic legal protection of traditional spiritual and moral values.

Keywords: priority, legal priority, traditional values, spiritual and moral values, Russian law, legal system, law, morality

For citation: Khuzhina O. N., Pleshakov E. A. On the legal priority of traditional spiritual and moral values. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 32–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-32-40>.

Юридический приоритет как официальное властное волеизъявление — выбор последовательности решения юридически значимых проблем, предложение выигрышного варианта правовой регламентации, содержит в себе потенциал законодательства и эффективной практики его реализации. Основываясь на позициях нормативного подхода к пониманию права, считаем справедливым рассматривать сущность юридического приоритета с позиции особого регулятивного установления, нормативной формы упорядочения последовательности функционирования регламентируемой государством деятельности. Соответственно, ошибочно определять юридический приоритет через правовое средство, как, например, это делает С. А. Чиркаев [1, с. 82]. Ведь в таком случае имеет место сужение объема понятия, приуменьшение роли и значения названного правового явления. В связи со сказанным за юридическим приоритетом объективно необходимо признавать статус движущей силы правового регулирования. Ведь придание чему-либо юридического приоритета свидетельствует о реализации в ближайшее время, а в перспективе конкретных мер в данном направлении.

Включение приоритета в сферу государственно-правового строительства, публичного управления в определенном смысле явилось тенденциозным явлением. Речь идет о позиционировании ряда направлений юридической деятельности в качестве первостепенных, выделении в системе прав и обязанностей личности тех из них, которые обладают первенством по отношению к другим и пр. Одним из таких направлений юридической деятельности является сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве.

Восприятие ценностей, в том числе в проекции к правовой действительности, может быть различным. Однако общий смысл останется неизменным — ценности в праве предопределяют главное в юридическом воздействии, а именно:

методы, средства, и, наконец, границы правового регулирования. В зависимости от того, что позиционируется в обществе и государстве в качестве главенствующей ценности, предпринимаются конкретные меры правотворческого и правоприменительного характера, на основополагающие ценности ориентируется интерпретационная деятельность.

Отдельные ценности не только провозглашаются в качестве приоритетных, но и гарантируются государством путем законодательного утверждения и последующей практической реализации. Ценности общества и государства обуславливают законодательное закрепление юридических приоритетов (главенствующих направлений правотворчества, основные подходы к интерпретации положений нормативных правовых актов и пр.). Далее, опираясь на основополагающие ценности и уже при помощи юридического приоритета, происходит упорядочение общественных отношений за счет выстраивания дифференциации, иерархического построения системы благ.

Нередко слова «ценность» и «приоритет» могут использоваться в качестве однопорядковых. Так, В. В. Путин обратил внимание в ходе выступления на I Всероссийском муниципальном форуме «Малая родина — сила России» на тот факт, что «ребята, которые возвращаются из зоны специальной военной операции... совсем по-другому на жизнь смотрят, *приоритеты* другие, *ценности* другие» [2]. Безусловно, между ценностями и приоритетами вообще существует диалектическая связь, которая характерна и для видовых проявлений, как то связь между традиционными духовно-нравственными ценностями и юридическим приоритетом.

С одной стороны, ценности общества и государства получают поддержку в виде приоритетной юридической регламентации и обеспечения. Другими словами, отдельные ценности могут выступать содержательным наполнением юридического приоритета, то есть получать статус

приоритетных. С другой стороны, признание за чем-либо юридического приоритета базируется на некоторых критериях. Именно ценности, как духовная и материальная первооснова общества, выступают базой для юридических норм. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о том, что ценности выступают критерием установления приоритетов государственно-правового регулирования. При этом характерным аспектом является то, что ценности могут определять как формально-юридические условия для главного положения каких-либо сфер, так и нравственно-этические ориентиры. Вместе с тем может возникнуть необходимость установления приоритетов и в самой системе ценностей. Названное диалектическое единство наглядно демонстрирует современная отечественная правовая регламентация вопроса о традиционных духовно-нравственных ценностях.

Методологически верным будет определиться с базовыми понятиями. Юридический приоритет для целей настоящей публикации видится возможным понимать как «средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы, на основе которого государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы, как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание, правовой статус и пр., но и выстраивает внутреннюю иерархию, опираясь на ценности общества и преследуемый интерес» [3, с. 40]. Для понимания содержательного наполнения словосочетания «традиционные духовно-нравственные ценности» будем использовать законодательную дефиницию таковых: «это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [4].

Особенностью техники оформления юридического приоритета является то, что на федеральном уровне таковой закрепляется в законодательных актах особого рода — стратегиях, концепциях, доктринах, программах, национальных проектах и т. п. На региональном и локальном уровнях приоритеты в тех или иных сферах юридически значимой деятельности формулируются, соответственно, также в основополагающих правовых документах.

К настоящему времени вынесенный в заголовок статьи юридический приоритет текстуально закреплён на федеральном уровне в ряде актов, в том числе стратегического характера. Вот основные из них. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 2 июля 2021 года, «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» выделена в качестве стратегического национального приоритета [5]. В тексте Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой 31 марта 2023 года, «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» помещено в разряд национальных интересов нашего государства во внешней политической сфере [6]. В развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 9 ноября 2022 года утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4] (далее по тексту — Основы). Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности, их укрепление, защита и охрана в российском государстве получили признание в качестве юридического приоритета.

Придание юридического приоритета традиционным духовно-нравственным ценностям предполагает активизацию правовых процессов в данном направлении. Ведь речь идет, как правильно отмечает С. Т. Адамянц, о том, что «стратегия дальнейшего государственного развития будет осуществляться исходя из приоритетности как правового обеспечения духовно-нравственных ценностей, так и их использования в качестве важнейшего средства осуществления государственного управления» [7, с. 65–66]. Именно право, будучи важнейшим регулятором общественных отношений, должно активно развиваться, предлагая, закрепляя и реализовывая средства правовой охраны, укрепления и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

При обращении к перечню традиционных духовно-нравственных ценностей, отраженному в названных Основах, обращает на себя внимание пара юридико-технических моментов: во-первых, его содержание повторяет положения пункта 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5]; во-вторых, он является закрытым. Это значит, что расширительного толкования, произвольного отнесения тех или иных ценностей к традиционным российским духовно-нравственным быть не должно. Стоит отдать должное законодателю в его стремлении очертить границы традиционных духовно-нравственных ценностей посредством

указания, что именно к таковым относится. Конечно же, заявленный перечень не лишен дискуссионности. Решение этого вопроса — предмет не одной публикации, а может быть и весьма основательного теоретического исследования монографического уровня.

Дублирование положений акта стратегического планирования по вопросу национальной безопасности российского государства служит дополнительным подтверждением признания традиционных духовно-нравственных ценностей, их защиты, сохранения и укрепления в качестве юридического приоритета, с конкретными целями и мерами их достижения, предусмотренными во внутренней и внешней политике на долгосрочный период.

Внимательное изучение ценностей, помещенных в разряд традиционных российских духовно-нравственных приоритетов, позволяет объединить их в три группы: 1) ценности, преимущественно релевантные личностным началам (личностные, индивидуальные, персоналистические ценности); 2) ценности, преимущественно релевантные коллективистским началам (общественные, трансперсоналистические ценности); 3) ценности, связывающие названные группы ценностей, своего рода стержневая основа. Таким образом, юридический приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей в том содержательном наполнении, которое предлагает законодатель, представляет собой попытку установления «гармоничного сочетания ценностей, релевантных личностным и коллективистским началам», на которое указывает в своей работе А. В. Поляков [8].

С тем, чтобы определиться с отношением каждой из ценности к выделенным нами группам, посмотрим в самом первом приближении на содержательное наполнение таковых. Ведь законодатель дал лишь перечисление традиционных духовно-нравственных ценностей, определил понятие последних, оставив понимание каждой из ценностей за пределами своего внимания. «Используемые понятия имеют весьма широкий характер и допускают многозначное толкование», — справедливо замечают Е. В. Михайлова и И. И. Бутрим [9, с. 47]. Соответственно, нравственные ориентиры нуждаются в интерпретации, иначе возникает риск не только не получить ожидаемый положительный результат в виде достижения намеченных целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, но и столкнуться с отрицательными последствиями в виде абсолютизации идей.

Важно для понимания содержательного наполнения каждой из ценностей, заявленных в качестве традиционных российских духовно-нравственных приоритетов, помнить, что в их основе лежат базовые религиозные духовно-нравственные идеи: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [4], — говорится в Основах государственной политики. Соответственно, толкование понятия каждой из ценностей, названных законодателем в числе традиционных российских духовно-нравственных, необходимо осуществлять сквозь призму основных религиозных учений, а не только сквозь призму уже существующих правовых подходов.

Ценность «жизнь человека». Названная ценность базируется на естественном праве человека жить. Первым нормативным закреплением права на жизнь как неотчуждаемого права, данного Творцом, принято считать Декларацию независимости США, датированную 4 июля 1776 года. С естественно-правовой позиции становление идеи о ценности жизни представляется в качестве «постепенного процесса общественного признания наивысшей значимости индивидуального биологического существования, то есть существования индивидуального биологического объекта» [10, с. 118]. Однако это весьма узкий, сугубо материалистический подход к пониманию ценности жизни. Он имеет негативный окрас, который проявляется в той связи, что доминирование ценности жизни при таком понимании, как точно замечает С. И. Трунев, «порождает неизбежно приращение этическим ценностям ярко выраженного подчиненного (служебного) характера» [10, с. 123]. Возведение собственно человеческой жизни в абсолют может привести к девальвации тех ценностей, которые для жизни конкретного лица положительной роли не играют, не способствуют удовлетворению им жизненных потребностей.

Следует особо обратить внимание на то, что в российском дискурсе традиционных ценностей «ценность жизни» должна пониматься не только с позиции физического существования отдельно взятого человека в качестве биологического существа, но и его духовное развитие. В противном случае достаточно было бы тех правовых норм, которые уже направлены на охрану жизни человека, отраженных в первую

очередь в Конституции Российской Федерации, а также в Уголовном кодексе Российской Федерации и иных нормативных правовых актах. Законодатель, вписав «жизнь» в состав традиционных духовно-нравственных ценностей, придал безмерную глубину ставшей настолько обыденной фразе о жизни в системе прав и свобод человека и гражданина, возродив высокое понимание слова «жизнь». В этом можно увидеть посыл к построению «государства жизни», которое «должно сохранять её (жизнь) в самых глубинных основаниях, защищать как таинство, не позволяя проработаться в него непозволительными средствами» [11]. При таком подходе ценность жизни, будучи преимущественно релевантна личностным началам, не подавляет, а дополняет остальные ценности, перечисленные в Основах, создавая единую картину.

Ценность «достоинство человека». Как и каждое понятие, отражающее духовно-нравственные ориентиры личности, достоинство не имеет однозначного трактования. Обратившись к справочно-энциклопедической литературе, приходим к выводу, что достоинство в самом кратком виде как морально-нравственная категория означает «уважение и самоуважение человеческой личности; осознание личностью и окружающими факта обладания совокупностью определенных моральных и интеллектуальных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе» [12]. В настоящее время достоинство не только морально-нравственная, этическая ценность, но и правовая, которая, по верному замечанию О. В. Власовой, «придает праву концептуальный характер, обеспечивает его единство и системность» [13, с. 12], тесно переплетаясь с честью и деловой репутацией как объектами правовой охраны, о чем свидетельствуют положения юридической науки и практики [14].

Важен для понимания значения данной ценности для общества и государства тот факт, что в структуре достоинства имеет место «осознание лицом самобытной культуры, обычаев, традиционного образа жизни, нравственно-этических ценностей и норм взаимоотношений, сложившихся у нации или народа, к которым оно принадлежит, а также собственной принадлежности к этой нации или данному народу (национальное достоинство)» [15]. Соответственно, правовая охрана достоинства, возможно, косвенно, но способствует консолидации российского общества, признанию каждой частью великого народа со своей неповторимой уникальной историей и богатейшим опытом построения и передачи социальных связей.

С позиции теологического толкования достоинство не является постоянным качеством человека: его можно как потерять, так и обрести. В этой связи важна мысль, что «в самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности» [16, с. 5], что побуждает к постоянному духовному росту «через обладание другими традиционными ценностями, формирующими нравственную сущность человека» [17].

Ценность «права и свободы человека» является, пожалуй, одной из широко известных и признаваемых в правовой теории и практике. Современный Основной закон нашего государства гарантирует человеку и гражданину основные права и свободы в продолжение идей международного права, базирующихся на признании естественных прав человека, которые наша правовая система впитала. Как юридическая категория «права и свободы человека» в рамках нормативистского понимания права отражает такие возможности человека, которые юридически гарантированы. Однако слабость прав и свобод человека и гражданина как правового института на сегодняшний день проявляется в том, что «он, защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха» [16, с. 7], что, конечно же, не допустимо.

В этой связи исследование традиционных духовно-нравственных ценностей с позиции русской религиозной традиции толкование прав и свобод человека следует отличать от обозначенного правового смысла. Иначе в таком понимании «права и свободы человека» не могут быть включены в число ценностей духовно-нравственного характера. Е. А. Цыбизов предлагает определение понятия, отличное от обычно используемых как в российском национальном, так и международном праве: «Право и свобода человека, — пишет он, — это возможность нравственного выбора между добром и злом, духовно-мировоззренческое самоопределение, выраженное способностью человеческой воли стремиться к добру» [18, с. 186]. В данном толковании уже не возникает диссонанса, недопонимания, вопросов к законодателю касаясь того, почему «права и свободы человека» помещены в разряд ценностей духовно-нравственного содержания, отражающих приоритет личностного начала.

Ценности «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений», будучи преимущественно релевантными коллективистским

началам, являются близкими по целевому назначению и отражают общее направление духовно-нравственного ориентира личности — эмоциональная поддержка государства, преданность ему, твердая готовность действовать во благо общества и государства, в том числе защищать его, базирующиеся на чувстве любви к Отечеству, причастности к общему делу строительства будущего с опорой на прошлое. Провозглашение названных ценностей предполагает задание вектора для общего движения общества навстречу государству. Включение названных ценностей в ценностную систему личности есть глубокое начало, меняющее шкалу реакций на внешние посягательства, в том числе угрозы национальной безопасности. Государство, будучи юридической фикцией, получает поддержку граждан и, соответственно, сохраняется в том случае, если оно существует по поводу служения одному идеалу. В нашем случае этот идеал сейчас четко обозначен — традиционные духовно-нравственные ценности.

Ценность «крепкая семья» относительно российских реалий представляет собой основанную на брачном союзе мужчины и женщины, родстве, микрогруппу людей, объединенных взаимными правами и обязанностями правового, духовно-нравственного, хозяйственно-экономического и иного характера. Обратим внимание, что ценна не просто семья, а именно крепкая семья. Добавление синонима «крепкая» необходимо с тем, чтобы подчеркнуть важность не только создания семьи, но и ее сохранения. Современная российская семья имеет некоторые трудности, в числе которых проблема неполных семей, где семейное ядро образует не супружеская пара с детьми или без, а один из родителей с детьми. Некоторая доля неполных семей результат распада семьи. По имеющимся данным Росстата в 2022 году зарегистрировано 1 053 756 браков, а разводов — 682 850¹. Как видим, доля развода не мала. Распад семьи можно рассматривать как одно из свидетельств отсутствия задела прочности в таковой. Кроме того, по результатам последней переписи населения, проведенной в России в 2020 году, а фактически в 2021 году, выявлена тенденция роста домохозяйств, состоящих из одного человека².

¹ Браки и разводы: официальная статистика // Росстат РФ: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 23.01.2024).

² Итоги ВПН-2020. Т. 8. Число и состав домохозяйств // Росстат РФ: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 23.01.2024).

Признание необходимости защиты ценности крепкой семьи должно способствовать сохранению базовых ячеек общества.

Провозглашение приоритета духовного над материальным, а равно созидательного труда как ценностей, нуждающихся в приоритетной правовой охране, думается, обусловлено необходимостью «притормозить» темпы потребления, задуматься, что человеку материальное нужно, чтобы жить, а не жить, чтобы материальное поглощать. Иначе есть риск того, что «реализация экономических прав приведет к формированию такого общества, в котором пользование материальными благами превращается в доминирующую или даже единственную цель существования социума» [16, с. 13], чего допускать опасно.

Названные ценности напоминают о важности духовного развития, внутреннего роста человека, возвращения высоких нравственных качеств. Наиболее важно это напоминание сейчас, когда общественное сознание в этом вопросе дезориентировано. Вместе с тем, конечно, материальные ценности не исключаются из жизни человека, указывается лишь на понижение их значимости в сравнении с духовно-нравственными, что отражает приоритет коллективистского начала в этих ценностях. Ведь ресурсы нашей планеты не вечны, нарастающие темпы потребления их быстро истощают, как следствие, будущие поколения могут быть лишены возможности пользования некоторыми ресурсами.

Ценности «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, единство народов России» необходимы как противовес культу эгоизма, набирающему все большие обороты, следствием которого выступает возрастающая атомизация общества. Общество остро нуждается в действенных механизмах «сдерживания эгоистических устремлений ради общего блага» [16, с. 12]. Набирающий силу принцип существования в обществе «каждый сам за себя» должен победить принцип взаимного сожительства «один за всех, а все за одного». Именно в единении сила общества и государства. Приоритет коллективного над индивидуальным имеет глубокие корни. Поправление индивидуального интереса в пользу общественного, конечно же, не должно абсолютизироваться. Именно общность взглядов по вопросам развития общества и государства порождает мощное движение социума в выбранном направлении. Уже сейчас специалисты говорят о том, что российское общество встало на путь преодоления атомизации [19]. Вот лишь некоторые примеры.

В первые месяцы СВО от отдельных, в том числе небезызвестных, личностей можно было услышать публичное заявление о том, что человеку стыдно быть русским. За этой фразой скрывались сожаление об индивидуальных потерях, нередко материальных, без оценки интересов будущего российского общества и государства, а также расчет на поддержку со стороны таких же индивидов. Однако таковых оказалось немного. Большинство объединилось в противовес заявленной идеи, сплотилось для достижения общего интереса в виде противостояния внешним угрозам. Сплоченность российского общества продемонстрировала и резко негативная реакция общества на вопиющий факт аморального поведения так называемых «звезд» российского шоу-бизнеса, которые под конец непростого 2023 года организовали и провели «голую вечеринку». Ранее подобная тусовка имела шанс остаться незамеченной либо получить внимание аудитории даже в положительном ключе — «хайп», и только. В сегодняшних же обстоятельствах проведения СВО, санкционного давления страна консолидируется, общество чувствует поддержку единомышленников. Демонстрация пороков признается недопустимой, следует только осуждение, но и «отмена» лиц, допустивших нарушение общепринятых норм морали. Названные ценности направлены, прежде всего, на поддержание общественно ориентированного интереса, отражают надперсоналистические свойства.

«Гуманизм, милосердие, справедливость, высокие нравственные идеалы» выступают магистральными ценностями всей системы традиционных духовно-нравственных ценностей, обозначенной в президентском указе. Именно они связывают ценности, преимущественно релевантные личностным началам с ценностями, преимущественно релевантными коллективистским началам. Каждая из ценностей определяет качественную характеристику поведения человека. Причем гуманизм и справедливость ранее нормативного признания их в качестве традиционных ценностей нашли письменное закрепление в правовой плоскости в виде правовых принципов, содержанием которых выступает некоторый набор требований, предъявляемых к отдельным видам юридической деятельности, в том числе к ее результату. Милосердие и высокие нравственные идеалы, несмотря на отсутствие прямого письменного закрепления в источниках действующего российского права, также не исключены из косвенных принципов юридической деятельности.

Далее справедливо продолжить наше рассуждение ответом на вопрос: «Является ли какая-то ценность приоритетной в предлагаемой законодателем системе традиционных духовно-нравственных ценностей?». Ведь как было обозначено выше, нередко и сам юридический приоритет может быть иерархически выстроен. Однако в нашем случае ответ на поставленный вопрос будет отрицательный. Мы исходим из того, что каждая из традиционных ценностей не только важна сама по себе, но и является продолжением либо отдельной гранью другой ценности. В этой связи о традиционных духовно-нравственных ценностях следует говорить как о *единой органичной системе, где каждая из названных ценностей может быть реализована сполна лишь в сочетании с другими*. Вместе с тем факторы субъективного и объективного характера могут способствовать выдвижению той или иной ценности в приоритетную для отдельной личности или общества, всегда находящегося в конкретных социально-экономических, политических условиях. Возможный приоритет ценности вариативен и обусловлен «объективным различием интересов групп, входящих в общество и даже индивидуальных особенностей отдельных, а также обстоятельствами, в которых какая-то ценность становится приоритетнее для всех» [20]. Однако это исключительный, ситуативный характер приоритета, а не постоянный.

Проанализированные традиционные духовно-нравственные ценности взаимообусловлены. Думается, что возможность, да и необходимость тоже, отдавать приоритет какой-либо ценности внутри системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей отсутствует. Лишь вместе, содержательно дополняя друг друга, они могут быть и являются юридическим приоритетом, имеющим потенциал мощного влияния на правовую систему России, который еще предстоит осмыслить.

Список источников

1. Чиркаев С. А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 79–82.
2. Встреча с главами муниципальных образований субъектов Федерации 16 января 2024 года: стенограмма // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73275> (дата обращения: 18.01.2024).
3. Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 35–43.

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 9 ноября. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 3 июля. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2023. 31 марта. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 19.01.2024).

7. Адамянц С. Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 61–68. См. также: Чирков Ф. В. Понятие традиционных российских ценностей и их правовое значение // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина: материалы Международной научно-практической конференции; г. Краснодар, 1–2 февраля 2024 года / отв. ред. В. П. Коняхин и М. Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 328–331.

8. Поляков А. В. Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. № 4. С. 105–117; № 5. С. 97–113. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2024).

9. Михайлова Е. В., Бутрим И. И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52.

10. Трунёв С. И. Жизнь как ценность: проблемы и противоречия // Философия и общество. 2008. № 4. С. 118–125.

11. Дугин А., Малофеев К., Ткачев А. Алфавит традиционных ценностей. Серия VI. Жизнь // Институт Царьграда: сайт. URL: <https://katehon.com/ru/article/azbuka-tradicionnyh-cennostey-seriya-vi-zhizn> (дата обращения: 25.01.2024).

12. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. Москва: Инфра-М, 2003. Словари и энциклопедии на академике: сайт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14621> (дата обращения: 25.01.2024).

13. Власова О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 54 с.

14. Защита деловой репутации: теория, практика, техника: монография / М. В. Карпычев [и др.]; под ред. А. М. Хужина. Москва: Юрлитинформ, 2020. 216 с.

15. Энциклопедия права. 2015 // Словари и энциклопедии на Академике: сайт. URL: <https://encyclopedia.prava.academic.ru/1905/%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 30.01.2024).

16. Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека: приняты на пленарном заседании Архиерейского Собора РПЦ 26 июня 2008 года // Журнал Московской Патриархии. 2008. № 9. 15 с.

17. Цыбизов Е. А. Словарь традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба: сайт. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/05/29/slovar_tradicionnyh_rossijskih_duhovnonravstvennyh_cennostei (дата обращения: 30.01.2024).

18. Цыбизов Е. А. Краткие определения традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Государство, Общество и Церковь: национальное единство и традиционные духовно-нравственные ценности: материалы научно-практической конференции г. Новосибирск, 18–19 мая 2023 года / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2023. С. 184–188.

19. Эксперты: Россия преодолела атомизацию общества // Деловая газета «Взгляд»: сайт. URL: <https://vz.ru/news/2023/6/8/1215767.html?ysclid=lyrn8qatzb614701346> (дата обращения: 29.01.2024).

20. Лигостаев А. Г. Традиционные ценности российской цивилизации // Официальный портал Новосибирского государственного педагогического университета: сайт. URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=152637&forceview=1> (дата обращения: 30.01.2024).

References

1. Chirkaev S. A. Priority as a special means of legal regulation. *Eurasian Law Journal*, 2022, no. 4 (167), pp. 79–82. (In Russ.)

2. Meeting with the heads of municipalities of the subjects of the Federation of January 16, 2024: transcript. President of Russia: website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73275> (accessed 01.18.2024). (In Russ.)

3. Pleshakov E. A. On the issue of the essence of legal priority. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 35–43. (In Russ.)

4. On the approval of the Foundations of the State policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. Official Internet portal of legal information, 2022. November 9. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 01.15.2024). (In Russ.)

5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. Official Internet portal of

legal information. 2021. July 3. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 15.01.2024). (In Russ.)

6. On the approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. Official Internet portal of legal information. 2023. March 31. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 19.01.2024). (In Russ.)

7. Adamyants S. T. Spiritual and moral values of Russian society as an object of legal support: issues of theory and practice. *Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2023, no. 1 (150), pp. 61–68. (In Russ.)

8. Polyakov A. V. Freedom and justice in legal understanding. *Law*, 2023, no. 4, pp. 105–117; no. 5, pp. 97–113. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed 19.01.2024). (In Russ.)

9. Mikhailova E. V., Butrim I. I. Theoretical and legal approaches to the definition of methods and procedural forms of protection of traditional values in the Russian state. *State and Law*, 2023, no. 9, pp. 44–52. (In Russ.)

10. Trunev S. I. Life as a value: problems and contradictions. *Philosophy and Society*, 2008, no. 4, pp. 118–125. (In Russ.)

11. Dugin A., Malofeev K., Tkachev A. The ABC of traditional values. Series VI. Life. Institute of Tsargrad: website. URL: <https://katehon.com/ru/article/azbuka-tradicionnyh-cennostey-seriya-vi-zhizn> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

12. A large legal dictionary / A. Ya. Sukharev [and others]. Moscow: Infra-M Publ., 2003. Dictionaries and encyclopedias on the academic: website. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14621> (accessed 25.01.2024). (In Russ.)

13. Vlasova O. V. Human dignity as a moral and legal value: a general theoretical study. Author's abstract... doctor of legal sciences. Saratov, 2011. 54 p. (In Russ.)

14. Protection of professional reputation: theory, practice, technique: monograph / M. V. Karpyshev [and others] / ed. by A. M. Khuzhin. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 216 p. (In Russ.)

15. Encyclopedia of Law. 2015. Dictionaries and encyclopedias on Akademika: website. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1905/%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (accessed 30.01.2024). (In Russ.)

16. Fundamentals of the ROC doctrine on dignity, freedom and human rights: adopted at the plenary session of the Bishops' Council of the ROC of June 26, 2008. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2008, no. 9. 15 p. (In Russ.)

17. Tsybizov E. A. Dictionary of traditional Russian spiritual and moral values. *Russkaya narodnaya liniya*. Information and analytical service: website. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/05/29/slovar_tradicionnyh_rossiiskih_duhovnonravstvennyh_cennostei (accessed 30.01.2024). (In Russ.)

18. Tsybizov E. A. Brief definitions of traditional Russian spiritual and moral values. *The State, Society and the Church: national unity and traditional spiritual and moral values*: materials of scientific and Practical Conference, Novosibirsk, May 18–19, 2023 / ed. by L. V. Savinov. Novosibirsk: SibAGS Publ., 2023. Pp. 184–188. (In Russ.)

19. Experts: Russia has overcome the atomization of society. *Business newspaper “Vzglyad”*: website. URL: <https://vz.ru/news/2023/6/8/1215767.html?ysclid=Iryn8qatzb614701346> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

20. Ligostaev A. G. Traditional values of Russian civilization. Official portal of Novosibirsk State Pedagogical University: website. URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=152637&forceview=1> (accessed 30.01.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

О. Н. Хужина — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России;

Е. А. Плешаков — старший преподаватель кафедры судебной и прокурорской деятельности Нижегородский исследовательский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, вице-президент Коллегии адвокатов города Москвы («МКА №1»).

Information about the author

O. N. Khuzhina — Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. A. Pleshakov — Senior lecturer at the department of judicial and prosecutorial activities Nizhny Novgorod Research State University named after N. I. Lobachevsky, vice-president of the Moscow Bar Association (“МКА no. 1”).

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>

Инструментальная природа правосубъектности: системный подход к проблеме

Шигабутдинова Алина Леонидовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, alshigabutdinova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>

Аннотация. В статье предпринимается попытка применения принципов системного подхода к исследованию правосубъектности. Рассматривая правосубъектность как часть системы более высокого порядка — механизма правового регулирования, автор обосновывает ее инструментальную природу. Доказывается, что правосубъектность, являясь вспомогательным правовым средством, предваряет всякую правовую активность субъекта, создает принципиальную возможность участия в правовой жизни. В этом качестве правосубъектность опосредует и статику, и динамику правовой жизни. В статье показано, что инструментальные свойства правосубъектности носят интегративный, системный характер, возникая как результат системообразующих функциональных связей между правоспособностью и дееспособностью. Автор утверждает, что правоспособность и дееспособность, взятые обособленно, вне правосубъектности, самостоятельным инструментальным значением не обладают. Раскрывается структура правосубъектности, образованная связями функциональной субординации между правоспособностью как ведущим элементом правосубъектности и дееспособностью как элементом, обеспечивающим реализацию правоспособности.

Ключевые слова: правосубъектность, система, системный подход, правоспособность, дееспособность, правовое средство

Для цитирования: Шигабутдинова А. Л. Инструментальная природа правосубъектности: системный подход к проблеме // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 41–45. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>.

Original article

Instrumental nature of legal personality: systematic approach to the problem

Alina L. Shigabutdinova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, alshigabutdinova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>

Abstract. The article attempts to apply the principles of a systematic approach to the study of legal personality. Considering legal personality as part of a higher-order system — the mechanism of legal regulation, the author substantiates its instrumental nature. It is proved that legal personality, being an auxiliary legal means, precedes any legal activity of the subject, creates a fundamental opportunity to participate in legal life. In this capacity, legal

© Шигабутдинова А. Л., 2024

personality mediates both the statics and the dynamics of legal life. The article shows that the instrumental properties of legal personality are integrative, systemic in nature, arising as a result of system-forming functional connections between legal competence and the ability to act. The author argues that legal competence and the ability to act, taken separately, outside of the whole that unites them — legal personality — do not have an independent instrumental meaning. The present article reveals the structure of legal personality, formed by the links of functional subordination between legal competence as the leading elements of legal personality and the ability to act elements ensuring the realization of legal competence.

Keywords: legal personality, system, systematic approach, legal competence, ability to act, legal remedy

For citation: Shigabutdinova A. L. Instrumental nature of legal personality: systematic approach to the problem. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 41–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>.

Правосубъектность — категория, прочно установившаяся в отечественной правовой науке. Однако многочисленные публикации и обсуждения весьма рельефно показывают, что должного единства в ее понимании еще не достигнуто. Разброс точек зрения здесь весьма широк: правосубъектность рассматривается как специфическая юридическая возможность, качество или свойство субъекта права, правовое состояние, длящееся отношение между государством и лицом, правоотношение [1, с. 134; 2, с. 381; 3, с. 130; 8, с. 56; 10, с. 30]. В этом нет ничего удивительного. Правосубъектность — это сложный, многомерный правовой феномен, в качественном своеобразии сопряжены разные грани, уровни, аспекты. Как верно замечает В. Д. Перевалов, правосубъектность, представляя собой целостное и сложное правовое явление, может обнаруживаться в различных проявлениях, каждое из которых нельзя рассматривать как единственное и абсолютизировать [8, с. 55].

Расхождения многочисленных определенных правосубъектности объясняются тем, что в каждом из них она рассматривается частично, односторонне, а не как целостная система. Поэтому разные трактовки правосубъектности на деле оказываются не столько друг друга опровергающими, сколько дополняющими друг друга. Однако объединить все эти специальнаучные разработки в целостное представление о правосубъектности как таковой — инварианте, существующем во множестве конкретных проявлений — без единого концептуально-методологического стержня невозможно.

Преодолеть естественную для аналитического познания обособленность, разрозненность взглядов на природу правосубъектности способна принципиальная методологическая установка на ее системность.

Как указывал в этой связи Э. Г. Юдин, «если уже в исходной точке исследования ясно, что

объект может быть описан несколькими существенно различными путями, а каждая из его «частей» также требует своего особого изображения в знании, то понятно, что в конце исследования простое суммирование его разнообразных результатов не только не дает единой, цельной картины объекта, но приведет к путанице и противоречиям» [10, с. 132].

Системное представление о правосубъектности способно собрать это целое воедино и осмыслить его именно как целое, как сложную функциональную систему. При такой постановке проблемы правосубъектность рассматривается не сама по себе, «крупным планом», а как подсистема более обширной и сложной системы, в которой она находится, функционирует, развивается. Как отмечается в литературе, «системный подход предполагает движение исследовательской мысли от целого, к которому принадлежит изучаемый объект, к нему самому как необходимой и потому структурно-функционально детерминированной части этого целого» [5, с. 2].

Только так, отступив от изучаемого объекта на расстояние, необходимое для того, чтобы увидеть его в системе, в которой оно существует, можно получить комплексное представление о его качественной определенности.

В этом смысле единственный эффективный путь познания природы правосубъектности — подход к ней извне, с точки зрения системы более высокого уровня — механизма правового регулирования, неотъемлемой частью которой она является и вне связи с которой не может быть понята.

С указанных методологических позиций очевидной становится инструментальная — прикладная — суть правосубъектности, которая чисто эмпирически, конечно, была хорошо известна и раньше, но теперь выступила как объект специального осмысления.

Правосубъектность, рассматриваемая как часть механизма правового регулирования,

есть специфическое правовое средство, сознательно используемое законодателем для достижения определенных социально-значимых целей. В этом смысле правосубъектность — это вспомогательный инструмент в большом арсенале средств правового регулирования. Ей принадлежит «служебная» по отношению к иным правовым средствам роль условия, предвещающего возникновение субъективных прав и обязанностей.

Понимаемое таким образом функциональное назначение правосубъектности обладает двойственностью, притом в весьма специфическом ее проявлении.

С одной стороны, правосубъектность опосредует статистику правовой жизни, очерчивая круг лиц, интересы которых подлежат правовой защите и охране. Здесь регулятивный потенциал правосубъектности, ее инструментальная направленность состоит в установлении субъектных границ правового воздействия. Закрепляя абстрактную возможность правообладания и правоосуществления, она дает субъекту общий доступ к удовлетворению потребностей интересов в правовом пространстве.

По выражению С. И. Архипова, «правосубъектность — это тот ключ, с помощью которого можно открыть для лица многие правовые двери к осуществлению его правовых интересов» [3, с. 137].

Иными словами, правосубъектность, формируя систему субъектов права, позволяет направить развитие правовых отношений по пути, отвечающему интересам общества и государства. Как указывается, правосубъектность придается людям и организациям законом в соответствии с потребностями развития общественных отношений [7, с. 5]. Однако система субъектов права — это не точный слепок с социальной структурой общества, буквально воспроизводящий ее состав, а создаваемый признанием правосубъектности инструмент в механизме реализации правовой политики. Признавая или не признавая правосубъектность тех или иных участников общественных отношений, сужая или расширяя ее объем, государство тем самым воздействует на активность развития той или иной сферы общественных отношений.

Вторым проявлением функционального назначения правосубъектности является опосредование динамики правовой жизни. Будучи исходным формально-юридическим свойством субъекта, она дает ему реальную возможность правообладания и

правоосуществления в конкретном правореализационном процессе и задает правовые границы такого участия. С этой точки зрения правосубъектность приобретает утилитарную нагрузку, действуя в комплексе правовых средств, обеспечивающих удовлетворение индивидуальных потребностей.

Системное познание, ориентируясь на целостное восприятие правосубъектности, позволяет методологически точно решить давний вопрос о ее компонентном составе. Вопрос этот, относясь к числу наиболее сложных аспектов правосубъектности, до сих пор является предметом дискуссии.

Системный подход к вычленению элементов правосубъектности исходит из критерия их необходимости и достаточности для ее существования как особого правового средства, отходя тем самым от чисто эмпирического, а потому случайного выделения в ней тех или иных элементов.

Элементы правосубъектности выводятся из ее специфического, двойственного по своей природе функционального назначения. Так, статика в функционировании правосубъектности как правового средства, то есть задача создания общей предпосылки участия в правовой жизни, реализуется правоспособностью, которая в этом смысле оказывается статическим элементом правосубъектности, закрепляющим абстрактную возможность правообладания в той или иной сфере общественных отношений. Динамическая же составляющая в инструментальной роли правосубъектности, связанная с установлением возможности участия в конкретных правоотношениях, обеспечивается дееспособностью (и деликтоспособностью в тех случаях, когда речь идет о применении к лицу санкции нормы права).

Критерий необходимости и достаточности позволяет исключить из состава правосубъектности те элементы, которые нередко произвольно включаются в ее состав (общие права и обязанности, вытекающие для лица непосредственно из закона, конкретные субъективные права и обязанности). Эти правовые явления, несомненно, играя важную роль в функционировании правосубъектности, не принимают тем не менее непосредственного участия в формировании ее качественной определенности как особого правового средства.

Главный вывод, следующий из вышеизложенных рассуждений, состоит в том, что правосубъектность — целостное образование, инструментальный потенциал которого рождается

в результате взаимодействия составляющих его элементов и не сводятся к свойствам последних. Функционирование правосубъектности как особого правового средства является результатом скоординированного, совместного действия ее статического и динамического элемента. Ни правоспособность как статическая составляющая правосубъектности, ни дееспособность как ее динамический элемент изолированно не являются самостоятельными правовыми средствами и равной по значению функциональной нагрузки в механизме правового регулирования не несут. В правосубъектности, как видно, отчетливо обнаруживается действие одной из главных системных закономерностей — эмерджентности — появление у целого свойств, отсутствующих у отдельно взятых его частей [6, с. 67].

Специфика правосубъектности как правового средства заключается в ее способности создавать возможность правообладания и правоосуществления, то есть предвещать всякую правовую активность субъекта. Хотя это качество правосубъектности зависит от свойств конституирующих ее элементов, оно появляется лишь тогда, когда эти элементы объединяются в целое с присущей ему специфической структурой.

Иначе говоря, инструментальные свойства правосубъектности как специфического элемента механизма правового регулирования порождаются особого рода системообразующими связями правоспособности и дееспособности, поэтому, если мы хотим понять особенности инструментальных свойств правосубъектности, должны найти закон ее внутренней упорядоченности — установить характер связей, лежащих в основе ее целостности. Между тем при очевидно основополагающем значении понятия «связь» для любого системного исследования оно остается недостаточно разработанным в нашей философии. Решение вопроса о природе связей, порождающих качественную определенность правосубъектности как самостоятельного правового средства, значительно затрудняется отсутствием в науке общепринятой классификации системных взаимосвязей.

На сегодняшний день наиболее последовательная и строгая классификационная концепция была дана Э. Г. Юдиным в специальном исследовании, посвященном методологическим особенностям и познавательному потенциалу системного подхода. Введенный им классификационный ряд охватывает связи

взаимодействия, порождения, преобразования, строения, функционирования, развития и связи управления [10, с. 188–191].

Подходя к структуре правосубъектности с предложенных Э. Г. Юдиным методологических позиций, можно увидеть, что между правоспособностью и дееспособностью существует функциональная зависимость, приводящая к возникновению ее специфических инструментальных качеств.

Как отмечается в литературе, объекты, объединяемые связью функционирования, совместно осуществляют определенную функцию, причем эта функция может характеризовать либо один из этих объектов, либо более широкое целое, применительно к которому и имеет смысл функциональная связь данных объектов [10, с. 189].

В правосубъектности ясно обнаруживается функциональная зависимость как между отдельными компонентами данной системы, так и между компонентами и системой в целом [4, с. 133].

Следует заметить при этом, что правосубъектность представляет собой сложное многоуровневое системное образование, компоненты которого расположены не на одном уровне, а на двух и взаимосвязаны не «по горизонтали», а «по вертикали».

Ведущим элементом правосубъектности можно считать правоспособность, устанавливающую саму возможность участия лица в правовой жизни. Дееспособность же как бы «надстраивается» над правоспособностью, обеспечивая реализацию заданной ею возможности.

Это означает, что взаимосвязь, благодаря которой появляются инструментальные свойства правосубъектности, носит характер функциональной субординации между правоспособностью и дееспособностью, подразумевая согласование их функций по вертикали, подчиненность функции одного компонента другому [4, с. 134].

Подытоживая изложенное, следует сказать, что понимание правосубъектности как специфического правового средства дает возможность непротиворечиво объединить различные ее проявления в единой концепции. Свое инструментальное назначение в механизме правового регулирования правосубъектность выполняет, принимая форму исходного формально-юридического свойства субъекта права, содержанием которого является возможность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей.

Список источников

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. Москва: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва: Проспект, 2008. 576 с.
3. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.
4. Афанасьев В. Г. Системность и общество. Москва: ЛЕНАНД, 2018. 368 с.
5. Каган М. С. Избранные труды: в 7 томах. Т. V. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2008. 408 с.
6. Каган М. С. Избранные труды: в VII томах. Т. II. Теоретические проблемы философии. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2006. 660 с.
7. Мицкевич А. В. Субъекты советского права. Москва: Госюриздат, 1962. 212 с.
8. Перевалов В. Д. Вопросы теории социалистической правосубъектности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 55–59.
9. Тарасова А. Е. Особенности участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: 2006. 237 с.
10. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Москва: Наука, 1978. 391 с.

References

1. Aleksandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p. (In Russ.)
2. Alekseev S. S. General theory of law: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2008. 576 p. (In Russ.)
3. Arkhipov S. I. Subject of law: theoretical research. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 469 p. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. G. System and society. Moscow: LENAND Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
5. Kagan M. S. Selected works in 7 volumes. Volume V. Problems of theoretical art and aesthetics. St. Petersburg: ID "Petropolis" Publ., 2008. 408 p. (In Russ.)
6. Kagan M. S. Selected works in VII volumes. Volume II. Theoretical problems of philosophy. St. Petersburg: ID "Petropolis" Publ., 2006. 660 p. (In Russ.)
7. Mitskevich A. V. Subjects of Soviet law. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1962. 212 p. (In Russ.)
8. Perevalov V. D. Questions of the theory of socialist legal personality. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 1980, no. 3, pp. 55–59. (In Russ.)
9. Tarasova A. E. Features of participation of minors in civil legal relations. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2006. 237 p. (In Russ.)
10. Yudin E. G. System approach and the principle of activity. Moscow: Nauka, 1978. 391 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Л. Шигабутдинова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

A. L. Shigabutdinova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья
УДК 340.14; 340.5
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-46-51>

Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип русского и армянского права

Илюхина Вера Александровна^{1, 2}

¹Академия ФСИН России, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

Аннотация. Проводится сравнительный анализ доктринального принципа неотвратимости ответственности в российском и армянском праве. В настоящее время этот принцип не имеет прямого нормативного закрепления ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве Республики Армения. Однако в истории Армении был период (2003–2021), когда принцип неотвратимости ответственности являлся принципом позитивного права, закрепленным в Уголовном кодексе Республики Армения. Позже армянский законодатель намеренно отказался от этого принципа как основополагающей идеи уголовного законодательства. Российские суды рассматривают принцип неотвратимости ответственности в качестве конституционного принципа. Исходя из анализа российского и армянского законодательства и судебной практики, автор приходит к выводу, что принцип неотвратимости ответственности — исключительно доктринальный принцип, не представляющий собой нормы права (совокупности норм права), но являющийся специфическим регулятором общественных отношений, оказывающим влияние на правоприменительную практику.

Ключевые слова: принцип неотвратимости ответственности, принципы права, доктринальные принципы права, судебная практика

Для цитирования: Илюхина В. А. Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип русского и армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 46–51. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-46-51>.

Original article

The principle of the inevitability of responsibility as a doctrinal principle of Russian and Armenian Law

Vera A. Ilyukhina^{1, 2}

¹Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

© Илюхина В. А., 2024

Abstract. A comparative analysis of the doctrinal principle of the inevitability of responsibility in Russian and Armenian law is carried out. Currently, this principle has no direct normative consolidation either in the legislation of the Russian Federation or in the legislation of the Republic of Armenia. However, there was a period in the history of Armenia (2003–2021) when the principle of the inevitability of responsibility was a principle of positive law enshrined in the Criminal Code of the Republic of Armenia. Later, the Armenian legislator deliberately rejected this principle as the fundamental idea of criminal legislation. The Russian courts consider the principle of the inevitability of responsibility as a constitutional principle. Based on the analysis of Russian and Armenian legislation and judicial practice, the author comes to the conclusion that the principle of the inevitability of responsibility is an exclusively doctrinal principle that does not represent the norms of law (a set of legal norms), but is a specific regulator of public relations that influences law enforcement practice.

Keywords: the principle of the inevitability of responsibility, principles of law, doctrinal principles of law, judicial practice

For citation: Ilyukhina V. A. The principle of the inevitability of responsibility as a doctrinal principle of Russian and Armenian Law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 46–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-46-51>.

Позитивистское правопонимание предполагает, что принципами права являются только основополагающие идеи, прямо закрепленные в качестве таковых в тексте конституции или отраслевого кодифицированного акта [1; 2] (если, конечно, соответствующая отрасль права кодифицирована). При этом мы исходим из презумпции разумности и осознанности действий законодателя, который, принимая нормативные правовые акты, намеренно маркирует некоторые идеи в качестве основополагающих, принципов права, и не маркирует в качестве таковых другие идеи. Соответственно, неверной представляется достаточно распространенная позиция исследователей, что принципы права могут выводиться из совокупности правовых норм, из общего смысла закона и т. п. [3, с. 83–85; 4, с. 93; 5, с. 7; 6, с. 363; 7, с. 13]. Такого рода идеи, по нашему мнению, не являются собственно принципами права, принципами позитивного права, а представляют собой разновидность доктринальных принципов.

К числу доктринальных принципов российского и армянского права относится принцип неотвратимости ответственности. Основанием для утверждения, что идея неотвратимости ответственности — именно доктринальный принцип, является то, что в настоящее время она не имеет прямого нормативного закрепления ни в российском, ни в армянском законодательстве.

Тем не менее значимость этой идеи не вызывает сомнения. По сути, она пронизывает все отрасли права и носит по сфере распространения общеотраслевой характер. В целом она присуща всем отраслям российского и армянского права, поскольку в каждой из них есть охранительные нормы. Однако в частном праве юридическая ответственность может иметь диспозитивный характер и не наступать в зависимости от воли

стороны, права и/или законные интересы которой нарушены. Так, наступление материальной и дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях даже при установленном факте вины работника может не наступить при соответствующем волеизъявлении работодателя. По делам частного обвинения в уголовных правоотношениях принцип неотвратимости юридической ответственности также может быть нивелирован волей потерпевшего. Д. А. Липинский справедливо отмечает, что «обязательное применение наказания невозможно в связи с наличием института освобождения от ответственности и наказания» [7, с. 9].

Практически весь период существования СССР принцип неотвратимости ответственности не имел прямого нормативного закрепления, то есть являлся доктринальным принципом. Ситуация могла измениться (изменилась?) с принятием Верховным Советом СССР 2 июля 1991 года Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик. В статье 2 этого нормативного правового акта, носившей название «Принципы уголовного законодательства», принцип неотвратимости ответственности назывался среди принципов уголовного законодательства Союза ССР и республик. Вступить в силу Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года в соответствии со статьей 1 постановления ВС СССР от 2 июля 1991 года № 2282-1 «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» должны были с 1 июля 1992 года. Однако этого так и не произошло в связи с распадом СССР в декабре 1991 года. Тем не менее в Модельном Уголовном кодексе для государств — участников Содружества Независимых Государств, принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества

Независимых Государств 17 февраля 1996 года и носящим рекомендательный характер, в статье 4 среди шести принципов Уголовного кодекса и уголовной ответственности был назван и принцип неотвратимости ответственности, а в статье 7 раскрывалось его содержание.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ в главе 1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации» принципу неотвратимости ответственности места не нашлось. В Республике Армения ситуация была иной. В Уголовном кодексе Республики Армения (далее — УК РА) от 29 апреля 2003 года № ЗР-528 имела место статья 7 «Принцип неотвратимости ответственности», в которой не только закреплялся данный принцип, но и в двух пунктах статьи раскрывалось его содержание, которое сводилось к тому, что каждое совершившее преступление лицо подлежит наказанию, предусмотренному УК РА или иному уголовно-правовому воздействию, а освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных УК РА. Отметим, что в статье 7 УК РА практически дублировались положения статьи 7 Модельного Уголовного кодекса. Таким образом, с 2003 года принцип неотвратимости ответственности в Армении являлся принципом позитивного права.

Обратим внимание, что Республика Армения не была единственным государством постсоветского пространства, воспринявшим нормы Модельного Уголовного кодекса о принципе неотвратимости ответственности. Так, принцип неотвратимости ответственности закреплен в статье 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З, в статьях 3 и 6 Уголовного кодекса Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574, в статье 10 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127.

В Армении ситуация изменилась с принятием Уголовного кодекса Республики Армения от 27 мая 2021 года № ЗР-199, в котором принципы уголовного законодательства получили закрепление в главе 2 с соответствующим названием. Данная глава содержит четыре статьи, каждая из которых посвящена одному из принципов уголовного законодательства Армении (принципу законности, принципу личной ответственности, принципу ответственности за вину и принципу справедливости и индивидуализации ответственности).

Как видим, законодатель в главе «Принципы уголовного законодательства» не указал принцип неотвратимости ответственности. Учитывая,

что в предыдущем УК РА 2003 года этот принцип был, можно уверенно утверждать, что мы имеем дело не с технической ошибкой, упущением законодателя, а с его осознанной позицией. Армянские авторы, комментируя новый УК РА, отмечают, что законодатель намеренно сократил по сравнению с предшествующим законодательством количество принципов, исключив принципы равенства перед законом, гуманности и неотвратимости уголовной ответственности. Сделал он это не потому, что они неприменимы в уголовном праве, а потому, что «не счел целесообразным закрепить общеправовые начала, он дал законодательное регулирование лишь тем принципам, которые имеют особенности с уголовно-правовой точки зрения» [8, с. 26]. С. С. Аветисян полагает, что отсутствие этого принципа в новом УК РА мотивируется тем, что уголовное законодательство предусматривает освобождение от уголовной ответственности при наличии определенных условий [9, с. 5–6]. Таким образом, принцип неотвратимости ответственности потерял в Армении статус принципа позитивного права и вновь стал доктринальным принципом.

На уровне доктрины внимание рассматриваемому принципу уделяется специалистами в области теории права [7; 10, с. 172; 11; 12], гражданского права [13], трудового права [14], уголовно-исполнительного права [15; 16], но в основном принцип неотвратимости ответственности является предметом оживленных дискуссий среди представителей науки уголовного права [17; 18; 19, с. 42–46; 20–22], причем, как верно отмечается в научной литературе, «разногласия мнений ученых в отношении принципа неотвратимости варьируются от его абсолютизации до полного отрицания» [7, с. 9]. Следует отметить, что принцип неотвратимости ответственности исследуется и в качестве принципа административного наказания [23]. Также еще 20 января 2015 года группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации был внесен проект Федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», в котором в главе 2 «Административная ответственность и ее принципы» предусматривается статья 2.8 «Принцип неотвратимости административной ответственности». В случае принятия этого законопроекта, принцип неотвратимости ответственности станет принципом позитивного права.

Интересно, что, если в научном сообществе основное внимание акцентируется на неотвратимости ответственности как принципе уголовного права, то в судебной практике

он активно используется при мотивировании актов по административным делам. Рассматривая именно административные дела, Конституционный Суд Российской Федерации выработал ряд правовых позиций по принципу неотвратимости ответственности. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П содержится положение, что использование возможности освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения «допустимо лишь в исключительных случаях, поскольку иное способствовало бы формированию атмосферы безнаказанности и было бы несовместимо с принципом неотвратимости ответственности правонарушителя» [24; 25]. Особенно этот механизм нужно использовать в тех случаях, когда вследствие нарушения порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или организации массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах повлекли за собой причинение вреда здоровью человека или имуществу [24].

Обратим внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает принцип неотвратимости ответственности в качестве конституционного принципа [26]. Вслед за ним, что совершенно логично, эту же позицию занимают и другие российские суды. В судебных актах содержится утверждение, что принцип неотвратимости ответственности за нарушение закона вытекает из статей 4 (ч. 2), 15 (ч. 2) и 19 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации [27]. Однако все это, по нашему мнению, не превращает доктринальный принцип неотвратимости ответственности в принцип позитивного права тем более конституционный принцип, поскольку прямого закрепления он не имеет ни в Конституции Российской Федерации, ни в других нормативных правовых актах.

Вообще в судебной практике упоминания принципа неотвратимости ответственности встречаются часто: Верховный Суд Российской Федерации делал это около 80 раз, арбитражные суды — более 36 000 раз, суды общей юрисдикции — почти 29 000 раз, мировые судьи — около 12 000 раз. В большинстве случаев это отсылки к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, арбитражные суды, суды общей юрисдикции и мировые судьи используют отсылку к принципу неотвратимости ответственности в качестве реального аргумента при вынесении судебных актов.

В целом, исходя из анализа российского и армянского законодательства, а также судебной практики, мы приходим к выводу, что принцип неотвратимости ответственности — исключительно доктринальный принцип, не представляющий собой нормы права (совокупности норм права), но являющийся специфическим регулятором общественных отношений, оказывающим влияние на правоприменительную практику.

Список источников

1. Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35.
2. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
3. Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.
4. Зажицкий В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92–97.
5. Аветисян С. Проблемы реализации принципов уголовного права (в свете нового Уголовного кодекса Республики Армения) // ՀՀ դատական իշխանություն (НКР судебная власть). 2018. № 1. Էջ. 7–13.
6. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. Москва: ИНФРА-М, 1999.
7. Липинский Д. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 8–14.
8. ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքով սեղ գստծ շնտեսագրութիւն տնտեսութեան եւ նոր ինստիտուտներ սեփականութիւն ուղեկցող. 2022. 497 էջ: Руководство по новому Уголовному кодексу РА: Концептуальные подходы и новые интерпретации институтов. Б.м.: Б.и., 2022. 497 с.
9. Аветисян С. С. Некоторые перспективы развития уголовного права в свете принятого нового Уголовного кодекса Республики Армения // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы XII-й Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Юридического факультета, Улан-Удэ, 24–27 июня 2021 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 5–11.
10. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. Москва: Юрид. лит., 1985. 192 с.
11. Малаш Т. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1996. 158 с.
12. Каленов А. А. Неотвратимость как принцип юридической ответственности // Вестник Самар-

ской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1 (22). С. 116–119.

13. Мильков А. В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. 2018. № 11. С. 162–172.

14. Пресняков М. В. Принцип неотвратимости как необходимое условие эффективности дисциплинарной ответственности на государственной службе и в трудовых отношениях // Современное право. 2022. № 5. С. 56–66.

15. Сизая Е. А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 43–45.

16. Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 722–753.

17. Фефелов П. А. Неотвратимость наказания — важнейший принцип советского уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. 22 с.

18. Нечепуренко А. А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права: учебное пособие. Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1996. 79 с.

19. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. Москва: Центр ЮрИнфоР, 2002. 138 с.

20. Сабитов Т. Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 11 (62). С. 63–65.

21. Сабитов Т. Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 261–269.

22. Зорина Е. А. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от нее // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 66–74.

23. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. Пенологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 147–152.

24. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2023).

25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харланова Алексея Леонтьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от

3 июля 2014 года № 1552–О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2023).

26. По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 года № 39-Пж // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31, ст. 5988.

27. Постановление мирового судьи Судебного участка г. Новоульяновска (Ульяновская область) от 1 июня 2017 года по делу № 5-212/2017. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/48K8BFHYDOog/> (дата обращения: 15.10.2023).

References

1. Demichev A. A. On the issue of the principles of civil procedural, arbitration procedural and executive law. *Bulletin of the Russian Academy of Law*, 2005, no. 2, pp. 32–35. (In Russ.)

2. Demichev A. A. Positivist classification of the principles of modern Russian law. *State and law*, 2014, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.)

3. Kuznetsova O. A. Specialized norms of Russian civil law: theoretical problems. Dissertation... doctor of legal sciences. Yekaterinburg, 2007. 430 p. (In Russ.)

4. Zazhitsky V. I. Legal principles in the legislation of the Russian Federation. *State and law*, 1996, no. 11, pp. 92–97. (In Russ.)

5. Avetisyan S. Problems of implementation of the principles of criminal law (in the light of the new Criminal Code of the Republic of Armenia). *NKR judicial power*, 2018, no. 1, pp. 7–13. (In Russ.)

6. Fursov D. A. Subject, system and basic principles of arbitration procedural law (problems of theory and practice): monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 1999. 363 p. (In Russ.)

7. Lipinsky D. A. The principle of the inevitability of legal responsibility from the perspective of its two-aspect understanding. *Legal science and law enforcement practice*, 2015, no. 3 (33), pp. 8–14. (In Russ.)

8. Guide to the new RA Criminal Code: Conceptual Approaches and New Interpretations of Institutions. 2022. 497 p. (In Armenian)

9. Avetisyan S. S. Some prospects for the development of criminal law in the light of the adopted new Criminal Code of the Republic of Armenia. Problems and prospects of State and Law development in the XXI century: Materials of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the Faculty of Law, Ulan-Ude, June 24–27, 2021. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management Publ., 2021. Pp. 5–11. (In Russ.)

10. Malein N. S. Offense: concept, causes, responsibility. Moscow: Legal lit. Publ., 1985. 192 p. (In Russ.)

11. Malash T. A. The principle of the inevitability of legal responsibility. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 1996. 158 p. (In Russ.)
12. Kalenov A. A. Inevitability as a principle of legal responsibility. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The series "Law"*, 2019, no. 1 (22), pp. 116–119. (In Russ.)
13. Milkov A. V. Notes on the principles of civil liability. *Law*, 2018, no. 11, pp. 162–172. (In Russ.)
14. Presnyakov M. V. The principle of inevitability as a necessary condition for the effectiveness of disciplinary responsibility in public service and in labor relations. *Modern law*, 2022, no. 5, pp. 56–66. (In Russ.)
15. Sizaya E. A. Doctrinal principles of penal enforcement law. *Man: crime and punishment*, 2008, no. 4, pp. 43–45. (In Russ.)
16. Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. The principle of the inevitability of punishment in penal enforcement law: from declaration to the possibility of implementation. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*, 2021, no. 4, pp. 722–753. (In Russ.)
17. Fefelov P. A. The inevitability of punishment — the most important principle of Soviet criminal law. Author's abstract... candidate of legal sciences. Sverdlovsk, 1965. 22 p. (In Russ.)
18. Nechepurenko A. A. The inevitability of punishment as a principle of criminal law: textbook. Omsk: Omsk Law. in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1996. 79 p. (In Russ.)
19. Filimonov V. D. Principles of criminal law. Moscow: Center of Yurinform Publ., 2002. 138 p. (In Russ.)
20. Sabitov T. R. On the principle of the inevitability of responsibility in Russian criminal legislation. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2006, issue 11 (62), pp. 63–65. (In Russ.)
21. Sabitov T. R. The principle of inevitability of punishment and its transformation in criminal law science and legislation. *Actual problems of Russian law*, 2010, no. 3 (16), pp. 261–269. (In Russ.)
22. Zorina E. A. The principle of the inevitability of criminal responsibility and issues of exemption from it. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (97), pp. 66–74. (In Russ.)
23. Deryuga A. N., Shaklein S. N. Penological aspect of the implementation of the principle of inevitability of administrative punishment. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 147–152. (In Russ.)
24. On the Case of Checking the Constitutionality of the federal law. On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the federal law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Processions and Picketing" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma and a citizen's complaint E. V. Savenko: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of February 14, 2013. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)
25. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexey Leontievich Kharlanov for violation of his constitutional rights by Part 3 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: no. 1552-O, ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)
26. On the Case of checking the constitutionality of the provisions of Part 2 of Article 2.1, Part 2 of Article 2.2, Part 1 of Article 4.5 and Part 1 of Article 11.15.2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of the Limited Liability Company Vostokflot: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 39-P of July 21, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 31, art. 5988. (In Russ.)
27. Resolution of the Justice of the Peace of the Judicial District of Novoulianovsk (Ulyanovsk region) of June 1, 2017 in case no. 5-212/2017. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/48K8BFHYDOog> (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Илюхина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, старший научный сотрудник Научного центра Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС.

Information about the author

V. A. Ilyukhina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, Senior Researcher of the Scientific Center of Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

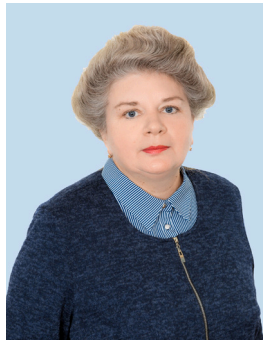
Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.81

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-52-58>

**«Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного
управления тайного советника А. М. Максимовского» (1907–1917):
причины создания, деятельность, историческое значение**

Варенцова Лариса Юрьевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, l_varentsova.65@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — изучить деятельность «Фонда имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского». Задачи исследования: выявить причины создания фонда, проанализировать основные направления его деятельности, определить перечень лиц, учредивших этот фонд, установить историческое значение работы фонда. Хронологические рамки исследования определяются временем существования этой благотворительной организации. При написании статьи нами использовались системно-исторический, историко-сравнительный, синхронный методы исследования. Источниковую базу составляют неопубликованные делопроизводственные документы, справочные источники, дореволюционная периодическая печать. Применялась делопроизводственная документация из двух фондов Центрального архива Нижегородской области: фонда 386 «Нижегородская тюремная инспекция» (1908–1918), фонда 1952 «Балахнинское уездное отделение общества попечительного о тюрьмах». К числу важнейших исторических источников относятся справочные материалы о высших и центральных государственных учреждениях России (1801–1917), дореволюционная периодическая печать — журнал Главного тюремного управления под названием «Тюремный вестник». Автор пришел к выводу, что «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского» создавался по инициативе представителей политической элиты Российской империи. Его учредители хотели не только увековечить память об А. М. Максимовском, погибшем во время исполнения служебного долга, но и в условиях нарастающего революционного движения в России материально поддержать семьи убитых на своих постах тюремных служащих.

Ключевые слова: «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского», жертвования семьям классных чинов, жертвования семьям тюремных надзирателей

Для цитирования: Варенцова Л. Ю. «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского» (1907–1917): причины создания, деятельность, историческое значение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 52–58. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-52-58>.

© Варенцова Л. Ю., 2024

Original article

**“Fund named after the former head of the Main prison
director, privy councilor A. M. Maksimovsky” (1907–1917):
reasons for creation, activities, historical significance**

Larisa Yu. Varentsova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, l_varentsova.65@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the activities of the “Foundation named after the former head of the Main prison department, privy councilor A. M. Maksimovsky”. Research objectives: to identify the reasons for the foundation’s creation, to analyze the main directions of its activities, to determine the list of persons who established this fund, to establish the historical significance of the foundation’s work. The chronological framework of the study is determined by the time of the existence of this charitable organization. The source base consists of unpublished office documents, reference sources, pre-revolutionary periodicals. Clerical documentation from two funds of the Central archive of the Nizhny Novgorod region was used: fund 386 “Nizhny Novgorod prison inspectorate” (1908–1918), fund 1952 “Balakhninsky district branch of the Prison trustee society”. The most important historical sources include reference materials on the highest and central state institutions of Russia (1801–1917), the pre-revolutionary periodical press — the journal of the Main prison administration called the “Prison bulletin”. The author came to the conclusion that “The Foundation named after the former head of the Main prison department, privy councilor A. M. Maksimovsky”, was created on the initiative of representatives of the political elite of the Russian empire. Its founders wanted not only to perpetuate the memory of A. M. Maksimovsky, who died while performing his official duty, but also, in the context of the growing revolutionary movement in Russia, to financially support the families of prison officers killed in their posts.

Keywords: “Fund named after the former head of the Main prison director, privy councilor A. M. Maksimovsky”, donations to the families of class officers, donations to the families of prison guards

For citation: Varentsova L. Yu. “Fund named after the former head of the Main prison director, privy councilor A. M. Maksimovsky” (1907–1917): reasons for creation, activities, historical significance. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 52–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-52-58>.

Александр Михайлович Максимовский (1861–1907) возглавлял Главное тюремное управление, существовавшее при Министерстве юстиции Российской империи. Так, 15 октября 1907 года его убила выстрелом из револьвера в голову явившаяся к нему просительница. Предлог для ее посещения высокого руководителя был вымышленный. А. М. Максимовский — это жертва «красного террора» в период Первой русской революции [1, с. 142].

В эти годы служить в пенитенциарных учреждениях было нелегко и опасно. В 1906–1909 годы тюремное население страны удвоилось, достигнув цифры — 180 000 человек, в стране насчитывалась 21 000 каторжников [2, с. 228]. Случались внешние нападения на тюрьмы, взрывы, чтобы освободить заключенных. Убивали представителей тюремной администрации, стражи, тюремной инспекции. В убийствах участвовали как арестанты, так и их единомышленники, находившиеся на свободе. Все эти явления стали обыденными.

А. М. Максимовский имел благородное происхождение, он родился в семье известного

боевого генерала М. С. Максимовского. Он закончил юридический факультет Императорского Харьковского университета. После окончания учебы был приглашен в Государственную канцелярию. В 1894 году началась его карьера в должности помощника статс-секретаря Государственного совета. В 1902 году он начал трудиться в Министерстве юстиции помощником начальника Главного тюремного управления (далее — ГТУ). Через четыре года он возглавил ГТУ, но находился в этом статусе незначительное время — всего чуть более полутора лет [3, с. 95]. А. М. Максимовский считал себя настоящим христианином, глубоко верующим человеком. Он помогал учреждать «Русский евангельский союз».

В начале XX столетия ГТУ выполнялся целый ряд сложнейших задач: осуществлялось центральное управление тюремной системой Российской империи; руководство личным составом пенитенциарных учреждений; проводилось назначение на должности; контролировалась деятельность «Общества попечительного о

тюрьмах»; проводились ревизии, контролировалась выдача пенсий и пособий чинам тюремного ведомства; постройка мест заключений; неслась ответственность за ссылку и каторгу; учитывалось снабжение пищевым и одежным довольствием заключенных; анализировалось финансирование мест заключения [3, с. 92–93].

В приемный день ГТУ 15 октября 1907 года к А. М. Максимовскому пришла посетительница, молодая женщина Е. П. Рагозинникова — представительница красноуфимских мещан. Она заявила, что причиной ее визита к руководителю ГТУ стала судьба ее родственника, находившегося в тот момент в пересыльном тюремном замке. Она выстрелила в голову А. М. Максимовскому. Убийца была террористкой, входила в «летучий отряд» партии эсеров Санкт-Петербурга, являлась выпускницей Санкт-Петербургской консерватории по классу фортепиано, была замешана в ряде политических дел, при этом умышленно симулировала сумасшествие, не единожды арестовывалась, например, за попытку сделать взрыв в охранном отделении. За убийство А. М. Максимовского военно-окружной суд приговорил Е. П. Рагозинникову к казни через повешение.

Через две недели после убийства руководителя был создан «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского». Он учреждался с высочайшего соизволения императора Николая II [4, с. 1407]. Фонд базировался на благотворительных средствах чинов тюремного ведомства, а также некоторых заинтересованных лиц. Основной целью учреждения фонда была материальная поддержка семей тюремных чинов, погибших при выполнении службы. Заметим, что из данного фонда выдавались единовременные выплаты, как правило, неимущим семьям [5, л. 47].

По приглашению министра юстиции М. Ф. Люце [3, с. 82] сформировали комитет, возглавивший этот фонд. Министр юстиции предложил кандидатуру председателя комитета, отца А. М. Максимовского — отставного боевого генерала от инфантерии М. С. Максимовского [4, с. 1407]. Членами комитета являлись действительный статский советник Г. Ф. фон Беттихер, старший делопроизводитель канцелярии Государственной Думы; действительный статский советник Д. Ф. Огнев; статский советник М. М. Боровитиков; статский советник П. А. Штраух, являвшийся одновременно делопроизводителем; отставной коллежский советник барон П. Н. Николаи [6, с. 2047].

По инициативе министра юстиции в состав комитета приглашены Д. Ф. Огнев, П. Н. Николаи, по назначению начальника ГТУ П. Г. Курлова [Высшие, с. 95] — Г. Ф. фон Беттихер и М. М. Боровитиков [4, с. 1407]. В 1907–1909 годы в делах комитета принимали участие по просьбе его председателя инспектор VI класса Главного тюремного управления В. С. Позняков и старший делопроизводитель того же управления надворный советник Л. Ф. Терасевич [4, с. 1407]. В целом же состав комитета оставался неизменным на протяжении всей его деятельности.

Комитет фонда располагался по адресу: г. Санкт-Петербург, Греческий проспект, д. 23 [7, с. 1809]. К фонду имели отношение и сестры А. М. Максимовского — Варвара Михайловна и Надежда Михайловна Максимовские [8].

Руководители мест лишения свободы Нижегородской губернии лично отчитывались перед нижегородским губернатором за те мероприятия, которые проводились в дни памяти государственного и общественного деятеля Российской империи, который погиб во время Первой русской революции [9, л. 1]. В Балахнинском уездном тюремном замке администрация заводила специальный подписной лист, по которому собирались пожертвования в Фонд имени А. М. Максимовского. По архивным сведениям 6 октября 1909 года начальник Балахнинского тюремного замка внес 2 рубля, старший надзиратель — 50 копеек. Восемью младшими надзирателями вносились разные денежные суммы — от 10 до 50 копеек [5, л. 51]. В 1909 году служителями Балахнинской уездной тюрьмы было сдано 4 рубля 50 копеек [5, л. 51]. В 1910 году они собрали и отправили в комитет фонда повышенный взнос — 6 рублей 10 копеек [5, л. 60].

По инициативе комитета 15 октября 1911 года в четвертую годовщину смерти А. М. Максимовского во всех местах заключения Российской империи прошли заупокойные богослужения, производился сбор пожертвований среди присутствовавших лиц [10, с. 2048]. По просьбе комитета списки всех лиц, сделавших пожертвования в фонд, печатались в «Тюремном вестнике». Благодаря этим мерам в 1911 году приток взносов в фонд увеличился, по сравнению с предыдущим 1910 годом. Если в 1910 году было собрано взносов на сумму 7 562 рубля 19 копеек, то в 1911 году — 8 454 рубля 97 копеек [10, с. 2048].

В пенитенциарных учреждениях Нижегородской губернии сложилась традиция ежегодно проводить сбор средств. Каждый из жертвователей вносил приемлемую для него сумму

денег. Как правило, такие сборы проходили в октябре — к дню светлой памяти А. М. Максимовского. Из благотворительного фонда одновременно выплачивались пособия для семей чинов администрации и стражи. Назначались пособия индивидуально, их размер лимитировался от 10 до 100 рублей на одну семью погибшего [9, л. 12].

15 октября 1912 года отмечалось пятилетие трагической гибели начальника ГТУ А. М. Максимовского, погибшего от руки убийцы. В помещении Главного тюремного управления была отслужена панихида по А. М. Максимовскому. На панихиде присутствовал начальник ГТУ тайный советник С. С. Хрулев [3, с. 95], его помощники, чины главной инспекции по пересылке арестантов [11, с. 1791]. В этот же день во всех местах заключения Российской империи совершались заупокойные богослужения по тайному советнику А. М. Максимовскому. Настоятели тюремных храмов произнесли соответствующие поучения. По окончании службы происходил сбор пожертвований в пользу фонда имени А. М. Максимовского [11, с. 1791].

С момента создания фонда сложился определенный порядок деятельности комитета. В течение года проводились по три заседания комитета. Как правило, собирались в марте, сентябре, декабре. Например, в 1910 году комитет собирался 30 марта, 21 сентября, 13 декабря [4, с. 1408]. В 1912 году заседания комитета прошли 14 марта, 29 сентября, 13 декабря [12, с. 2047]. Главным вопросом всех заседаний был сбор денежных средств.

В 1909–1910 годах для пополнения денежных средств фонда были заказаны портреты А. М. Максимовского художественного исполнения. Они выполнялись одной из лучших в Российской империи хромо-фото-литографий — фирмой «А. Ф. Дресслер» для продажи всем желающим [12, с. 2048]. Один портрет кабинетного формата с изображением покойного А. М. Максимовского стоил 25 копеек [12, с. 2063]. Только в 1909 году было заказано 400 портретов, из них — 200 портретов большого и 200 портретов малого форматов [4, с. 1408]. В 1910 году комитету удалось продать портретов А. М. Максимовского на сумму 4 рубля 35 копеек, в 1910 году — на 62 рубля [4, с. 1414].

Другой важной статьей пополнения денег в фонд являлась продажа комитетом специальной литературы. Предлагалось всем заинтересованным учреждениям, отдельным лицам приобрести три вида книжной продукции. Самой популярной была книга Н. Ляшенко «Тюремная

кухня» (Санкт-Петербург, 1913). В этом пособии анализировалось продовольственное обеспечение мест заключения Российской империи. Книга стоила 30 копеек [7, с. 1809]. В 1909 году от продажи книги «Тюремная кухня» комитет выручил 14 рублей 73 копейки, в 1910 году — 85 рублей 50 копеек [4, с. 1414].

Комитет также предлагал приобрести книгу Д. В. Краинского «Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения «Общества попечительного о тюрьмах» (Чернигов, 1912), по цене 1 рубль 35 копеек за экземпляр [7, с. 1809]. Третье издание — это «Список срочных донесений по губернским тюремным инспекциям» (Ярославль, 1912), продававшееся по 30 копеек [7, с. 1809]. Все три вида книг можно было купить в комитете фонда в Санкт-Петербурге.

С целью увеличения казны фонда комитет размещал на страницах «Тюремного вестника» воззвания о денежных пожертвованиях в фонд взамен личных визитов или посылки поздравительных карточек в дни Нового года, Святой Пасхи [13, с. 2048]. «Объявление от Комитета, заведующего фондом имени А. М. Максимовского» было размещено в последнем номере «Тюремного вестника» (№ 12) за 1912 год. В нем сообщалось, что до сведения чинов тюремного ведомства доводится информация о том, что можно поздравить своих сослуживцев с наступающим праздником Рождества Христова и Нового года, внести взамен праздничных визитов или присылки поздравительных карточек не менее 1 рубля в пользу Фонда имени А. М. Максимовского. Члены комитета утверждали, что список означенных чинов должен быть опубликован в январском номере «Тюремного вестника» за 1913 год [14, с. 2066]. Лица, пожелавшие быть включенными в этот список, должны были выслать соответствующую сумму почтовым переводом, но не позднее 30 декабря 1912 года в Главное казначейство с указанием, что эти средства предназначаются для перечисления в Фонд имени А. М. Максимовского. При этом в ГТУ поступали сведения о жертвователях с обозначением их должности, фамилии, имени, отчества [14, с. 2066].

В период существования благотворительного фонда наметилась тенденция увеличения его денежных средств. В 1911 году возросли средства фонда на выдачу пособий семьям чинов тюремного ведомства, ставших жертвой честного исполнения своего служебного долга. Если в 1910 году таким семьям было роздано из фонда 1 397 рублей,

то в 1911 году — 1 750 рублей [10, с. 2048]. Год от года не только возрастали суммы, раздававшиеся семьям сотрудников, пострадавших во время несения службы, но и неизменно увеличивалось число таких семей. В 1908 году из данного благотворительного фонда 9 семей получили вспоможение на общую сумму 287 рублей; в 1909 году — 30 семей — 1 023 рубля; в 1910 году — 29 семей — 1 397 рублей; в 1911 году — 45 семей — 1 750 рублей. Всего с 1908 по 1911 год 113 семей получили материальную помощь из фонда, на общую сумму 4 457 рублей [10, с. 2048].

Средства, жертвовавшиеся из Фонда имени А. М. Максимовского, предназначались для двух основных категорий семей. Во-первых, их получали семьи классных чинов, во-вторых, они предназначались для семей тюремных надзирателей. Наибольшие пожертвования получали семьи классных чинов, они составляли по 75–100 рублей. Семьи погибших тюремных надзирателей получали из фонда меньшие суммы — от 10 до 40 рублей.

В 1911 году из фонда было выделено 40 рублей вдове и пятерым детям бывшего надзирателя отделения малолетних Санкт-Петербургской тюрьмы Кондратия Яковлева, умершего в 1904 году от последствия удара, нанесенного арестантом [10, с. 2049]. В 1911 году комитет фонда принял решение выплатить вспоможение сестре бывшей надзирательницы Смоленской тюрьмы Анны Самбикиной, убитой в 1902 году арестантами [10, с. 2049]. Как видим, средства из Фонда имени А. М. Максимовского могли выделяться на поддержку семей погибших сотрудников даже через несколько лет после их гибели. Комитет ставил своей задачей оказание материальной поддержки семьям сотрудников пенитенциарной системы, отдавших жизнь за веру, царя и Отечество.

Средства фонда пополнялись за счет добровольных пожертвований лиц, непосредственно связанных с тюремным делом. Как видно из «Списка пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского, за время с 30 октября по 1 декабря 1912 года», сбор средств организовывался руководителями пенитенциарных учреждений. Например, в конце 1912 года начальник Бельской тюрьмы собрал пожертвования от чинов администрации и стражи на общую сумму 11 рублей 17 копеек [15, с. 2063]. В это же время начальник Соликамской уездной тюрьмы отправил в качестве пожертвований 20 рублей [15, с. 2063]. В конце 1912 года из города Херсона в фонд потупило 20 рублей.

Это были деньги, собранные чинами тюремной инспекции, администрации и стражи [15, с. 2063]. Более крупные вклады в фонд поступали от представителей центральных и местных властей. В «Списке пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского за время с 1 марта по 20 апреля 1912 года» можно увидеть более крупные суммы пожертвований, в том числе от чинов ГТУ 100 рублей, от уфимского губернатора 118 рублей 33 копейки, от черниговской губернской тюремной инспекции 177 рублей 95 копеек [16, с. 681].

В 1912 году министру юстиции А. Н. Веревкину [3, с. 82] была представлена справка по Главному тюремному управлению о размерах капитала данного фонда, где отмечалось, что он достиг 42 366 рублей 86 копеек [8, с. 1580]. 8 сентября 1912 года министр юстиции одобрил деятельность благотворительной организации и заявил, что он очень рад пополнению фонда имени его замечательного сотрудника [8, с. 1580]. Наметилась тенденция роста денежных средств фонда. К 1913 году его капитал уже превысил 50 000 рублей [9, л. 12].

Таким образом, «Фонд имени бывшего начальника Главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского» создавался с целью увековечить имя руководителя пенитенциарных учреждений Российской империи, погибшего в возрасте 46 лет при исполнении служебных обязанностей, ставшего жертвой революционного террора во время Первой русской революции. В создании фонда были заинтересованы представители высшей, центральной власти. Он учреждался с одобрения самого императора Николая II.

А. М. Максимовский был для служителей тюремных учреждений христианином-мучеником, идеалом служения Родине, Царю и Отечеству, вплоть до Октябрьской революции 1917 года. В условиях нарастания революционного движения в стране, когда тюрьмы были переполнены, несение службы в пенитенциарных учреждениях было связано с риском для жизни.

Фонд, учрежденный в память о начальнике ГТУ А. М. Максимовском, непрерывно действовал в России с 1907 по 1917 год. Семьи погибших служителей пенитенциарных учреждений из данного фонда получали денежные компенсации. Пополнение фонда происходило за счет пожертвований администрации и надзирателей мест заключения, чинов ГТУ, тюремной инспекции, губернаторов, продажи художественно выполненных портретов А. М. Максимовского, специальной литературы. Пособия из фонда

выдавались семьям классных чинов (смотрителей, помощников начальников тюрем) и семьям тюремных надзирателей и надзирательниц, погибших в начале XX века от рук злоумышленников. Средства адресовались вдовам, сыновьям, дочерям, сестрам погибших.

Список источников

1. Варенцова Л. Ю. Начальник Главного тюремного управления А. М. Максимовский (1861–1907) как жертва революционного террора // Человек на изломах истории: материалы Всероссийской научной конференции (Нижний Новгород, 13–14 октября 2023 года) / под ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. Нижний Новгород, 2023. С. 142–146.

2. Варенцова Л. Ю., Варенцов С. Ю. «Фонд имени начальника Главного тюремного управления Министерства юстиции А. М. Максимовского» в Российской империи в 1907–1917 гг. (по материалам Нижегородской губернии) // Эпохи. Люди. Идеи. История. Культура и творчество в персоналиях: сборник докладов международной конференции XLIII Добролюбобские чтения и всероссийской с международным участием конференции «Оный его величеству весьма нравится» / под ред. Г. А. Дмитриевской, В. М. Строгеецкого. Нижний Новгород, 2019. С. 225–230.

3. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. Санкт-Петербург, 2001. 200 с.

4. Отчет по фонду имени бывшего начальника Главного Тюремного Управления тайного советника А. М. Максимовского за время с 7 января 1910 года по 1 января 1911 года // Тюремный вестник. 1912. № 8–9. С. 1407–1422.

5. Центральный архив Нижегородской губернии (далее — ЦАНО). Ф.1952. Оп. 1649. Д. 94-а.

6. Отчет по фонду имени бывшего начальника Главного Тюремного Управления тайного советника А. М. Максимовского за время с 1 января 1911 по 1 января 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 12. С. 2047–2063.

7. Список пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского за время с 23 по 30 октября 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 11. С. 1807–1809.

8. Список пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского за время с 1 по 23 октября 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 10.

9. Центральный архив Нижегородской губернии. Ф. 386. Оп. 1. Д. 27.

10. Отчет по фонду имени бывшего начальника Главного Тюремного Управления тайного советника А. М. Максимовского за время с 1 января 1911 по

1 января 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 12. С. 2047–2063.

11. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник. 1912. № 11. С. 1791–1806.

12. Отчет по фонду имени бывшего начальника Главного Тюремного Управления тайного советника А. М. Максимовского за время с 1 января 1911 по 1 января 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 12. С. 2047–2063.

13. Отчет по фонду имени бывшего начальника Главного Тюремного Управления тайного советника А. М. Максимовского за время с 1 января 1911 по 1 января 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 12. С. 2047–2063.

14. Объявление от Комитета, заведующего фондом имени А. М. Максимовского // Тюремный вестник. 1912. № 12.

15. Список пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского за время с 30 октября по 1 декабря 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 12. С. 2063–2065.

16. Список пожертвований, поступивших в фонд имени А. М. Максимовского за время с 1 марта по 20 апреля 1912 года // Тюремный вестник. 1912. № 4. С. 681–682.

References

1. Varentsova L. Yu., Head of the Main Prison Department A. M. Maksimovsky (1861–1907) as a victim of revolutionary terror. Man on the fractures of history: materials of the All-Russian Scientific Conference (Nizhny Novgorod, October 13–14, 2023) / ed. by A. V. Grekhov, A. N. Fatenkov. Nizhny Novgorod, 2023. Pp. 142–146. (In Russ.)

2. Varentsova L. Yu., Varentsov S. Yu. “Fund named after the head of the Main Prison Department of the Ministry of Justice A. M. Maksimovsky” in the Russian Empire in 1907–1917 (based on the materials of the Nizhny Novgorod province). Epochs. People. Ideas. History. Culture and creativity in personalities: a collection of reports of the international conference XLIII Dobrolyubov readings and the All-Russian conference with international participation “His Majesty likes it very much” / ed. by G. A. Dmitrievskaya, V. M. Strogetskey. Nizhny Novgorod, 2019. Pp. 225–230. (In Russ.)

3. Higher and central state institutions of Russia. 1801–1917. Vol. 2. Central state institutions. The Ministry of Internal Affairs. The Ministry of Justice. The Ministry of Finance. Ministry of Trade and Industry. State control. St. Petersburg, 2001. 200 p. (In Russ.)

4. Report on the fund named after the former head of the Main Prison Department, Privy Councilor A. M. Maksimovsky for the period from January 7, 1910 to January 1, 1911. *Prison Bulletin*, 1912, no. 8–9, pp. 1407–1422. (In Russ.)

5. Central Archive of Nizhny Novgorod province. F. 1952. Op. 1649. D. 94-a. (In Russ.)

6. Report on the fund named after the former head of the Main Prison Department, Privy Councilor A. M. Maksimovsky for the period from January 1, 1911 to January 1, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12, pp. 2047–2063. (In Russ.)
7. List of donations received by the A. M. Maksimovsky Foundation for the period from 23 to 30 October 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 11, pp. 1807–1809. (In Russ.)
8. List of donations received by the A. M. Maksimovsky Foundation during the period from October 1 to October 23, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 10, pp. 1580. (In Russ.)
9. Central Archive of Nizhny Novgorod province. F. 386. Op. 1. D. 27. (In Russ.)
10. Report on the fund named after the former head of the Main Prison Department, Privy Councilor A. M. Maksimovsky for the period from January 1, 1911 to January 1, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12, pp. 2047–2063. (In Russ.)
11. Chronicle of prison life. *Prison Bulletin*, 1912, no. 11, pp. 1791–1806. (In Russ.)
12. Report on the fund named after the former head of the Main Prison Department, Privy Councilor A. M. Maksimovsky for the period from January 1, 1911 to January 1, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12, pp. 2047–2063. (In Russ.)
13. Report on the fund named after the former head of the Main Prison Department, Privy Councilor A. M. Maksimovsky for the period from January 1, 1911 to January 1, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12, pp. 2047–2063. (In Russ.)
14. Announcement from the Committee, head of the Fund named after A. M. Maksimovsky. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12. (In Russ.)
15. List of donations received by the A. M. Maksimovsky Foundation during the period from October 30 to December 1, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 12, pp. 2063–2065. (In Russ.)
16. List of donations received by the A. M. Maksimovsky Foundation for time from March 1 to April 20, 1912. *Prison Bulletin*, 1912, no. 4, pp. 681–682.

Информация об авторе

Л. Ю. Варенцова — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

L. Yu. Varentsova — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 34.096

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-59-65>

Государственно-церковные отношения в СССР в период «оттепели» в 1954–1964 годах (на примере Горьковской области)

Лушин Александр Николаевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aleksr.lushin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отношений государственных органов, общественных организаций и Горьковской епархии Русской Православной церкви в период 1954–1964 годов так называемой «оттепели». Статья основана на нормативных правовых актах местных органов власти, воспоминаниях православного духовенства и публикациях в областной периодической печати. В статье автор делает вывод о том, что в данный период борьба с Русской Православной церковью в СССР проводилась самыми различными административными и пропагандистскими средствами и методами, которые были санкционированы партийно-советскими органами.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, атеистическая работа, уполномоченный по делам религии, антирелигиозная кампания, регистрация православного духовенства

Для цитирования: Лушин А. Н. Государственно-церковные отношения в СССР в период «оттепели» в 1954–1964 годах (на примере Горьковской области) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 59–65. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-59-65>.

Original article

State-church relations in the USSR during the “thaw” in 1954–1964 (on the example of the Gorky region)

Alexandr N. Lushin

Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, aleksr.lushin@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of relations between state bodies and public organizations and the Gorky Diocese of the Russian Orthodox Church in the period 1954–1964, the so-called “thaw”. The article is based on normative legal acts of local authorities, memoirs of Orthodox clergy and publications in the regional periodical press. In the article, the author concludes that during this period the struggle against the Russian Orthodox Church in the USSR was carried out by a variety of administrative and propaganda means and methods that were sanctioned by the party-Soviet bodies.

Keywords: state-church relations, atheistic work, commissioner for Religious Affairs, anti-religious campaign, registration of Orthodox clergy

© Лушин А. Н., 2024

For citation: Lushin A. N. State-church relations in the USSR during the “thaw” in 1954–1964 (on the example of the Gorky region). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 59–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-59-65>.

Актуальность данной статьи определяется тем, что в настоящее время вопрос отношений (взаимодействия) светского государства и Русской Православной церкви должен выстраиваться в связи с внимательным изучением исторического опыта, чтобы избежать нежелательных ошибок. Следует признать, что в период так называемой «оттепели» Русская Православная церковь до 1957 года в определенной степени не испытывала какого-либо открытого негативного отношения и давления со стороны советского государства. Более того, в послевоенный период (1946–1950) значительно возросло количество прихожан в православных храмах, в Совет по делам Русской Православной церкви при Совете министров СССР периодически поступали из разных регионов страны прошения об открытии ряда храмов не только в городах, но и в сельской местности. Более того, уполномоченные по делам религии на местах начали направлять в вышестоящую инстанцию докладные записки, в которых указывали на возможность открытия ряда храмов, связывая именно с ростом числа верующих и регулярными массовыми богослужениями в квартирах и домах. Один из современников писал, что «к 1957 году стало совершенно ясно, что в стране начинается победное шествие религии, к которой примыкают и которую поддерживают широкие круги народа, начиная с рабочих и колхозников и кончая квалифицированной интеллигенцией» [1, с. 218]. Антирелигиозная пропаганда сводилась в основном к изданию научно-атеистической литературы и проводилась относительно корректно в отношении православного духовенства и верующих мирян.

В 1958–1959 годах торжественные пасхальные и рождественские богослужения продемонстрировали власти, что среди верующих возросло количество молодых людей. Примечательно, что на местах во время пасхальных торжеств советская власть организовывала просмотры самых известных кинофильмов и устраивало вечера с танцами, которые не привели к отвлечению верующих от ночной церковной службы. Уполномоченный по Горьковской области (с 1990 возвращено историческое название — Нижегородская область) А. М. Богданов докладывал в Совет по делам Русской Православной церкви, что на пасхальном богослужении в 1959 году прихожан в трех

городских храмах было больше, чем в предыдущий год, причем немалую часть их составляли юноши и девушки [2, с. 439–440]. В данном документе сообщалось, что, несмотря на организацию массовых культурно-развлекательных мероприятий до 2 часов ночи, сократить количество верующих не удалось.

С этого времени партийные лидеры СССР остро почувствовали в религиозной жизни опасность оппозиционного характера для марксистско-ленинской идеологии. В октябре 1958 года было принято постановление ЦК КПСС о недостатках проведения научно-атеистической пропаганды, в котором партийным и общественным организациям, государственным органам предписывалось развернуть целенаправленную борьбу с религией. В сентябре 1960 года состоялось совещание в ЦК КПСС, на котором заведующий отделом пропаганды и агитации Л. Ф. Ильичев поставил перед партийными руководителями союзных и автономных республик, краев и областей, редакторами крупных средств массовой информации вопрос об усилении пропагандистской работы против религиозных предрассудков и пережитков прошлого. В декабре 1961 года на Всесоюзном совещании по вопросам идеологической работы Л. Ф. Ильичев открыто объявил о непримиримой борьбе с религиозным мировоззрением, чуждым и враждебным коммунистической морали. В Уставе КПСС, утвержденном на XXII съезде КПСС, членам партии предписывалось вести решительную борьбу с религиозными предрассудками. В связи с вышеизложенным быстро активизировалась деятельность всех государственных органов и общественных организаций по разъяснению населению страны вреда религии для успешного строительства коммунизма. Развернулась лекционная работа, проводимая «Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний» (с 1963 года «Всесоюзное общество «Знание»), кстати, отчасти являющейся наследником «Союза воинствующих безбожников».

В Горьковской области и областном центре регулярно проводились лекторами-общественниками выездные мероприятия в районы области, в производственные коллективы и государственные учреждения. В Горьковском театре юного зрителя была поставлена антирелигиозная пьеса по повести В. Ф. Тендрякова

«Чудотворная», на которую стали организовано водить учащихся общеобразовательных школ. В кинотеатрах и домах культуры перед началом сеансов демонстрировались документальные фильмы антирелигиозного содержания. Автор статьи вспоминает, как в бывшем православном храме в честь апостолов Петра и Павла, переоборудованном в кинотеатр «Пионер», перед киносеансами показывали атеистические киноленты. Активной атеистической пропагандой занимался специально учрежденный постановлением ЦК КПСС в 1959 году еженеделный журнал «Наука и религия», публиковавший популярно-научные статьи сугубо антирелигиозного содержания. В горьковских газетах целенаправленно публиковались чисто атеистические статьи иногда с сатирическим содержанием под заголовками типа «Апостолы невежества», «Под маской благолепия» или «Благослови алчного».

Исторический полет в космос Ю. А. Гагарина 12 апреля 1961 года явился одним из стимулов усиления атеистической работы с населением. В связи с этим вспоминается эпизод, когда в кинотеатрах перед началом сеанса лекторы-общественники демонстрировали сюжет о полете первого советского космонавта, сопровождая комментарием, что Ю. А. Гагарин Бога в небесах не увидел. В ответ на атеистические рассуждения лектора одна пожилая женщина ответила, что космонавт достаточно низко от святых небес летал. Естественно, этот случай стал широко известен, но, главное, показал слабость атеистической работы. Примечательно, что последующие полеты в космос в 1962–1963 годах были целенаправленно использованы в атеистической пропаганде и агитации. Старший преподаватель кафедры философии Горьковского государственного университета Б. Зеленков в газете «Горьковская правда» указывал, что в бескомпромиссной борьбе с религиозными предрассудками необходимо шире привлекать достижения советской науки. «Изумительные полеты в космос показали всем людям, — утверждал агитатор-атеист, — что “небесной отчизны”, о которой так много сочинено религиозных сказок, нигде не обнаружено», поэтому «богов и ангелов не существовало и не существует» [3, с. 2].

Председатель правления Горьковского областного отделения «Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР» академик Г. Г. Девярых, выступая на областной конференции общества в апреле 1961 года, констатировал, что, не смотря на проведение

широкого круга мероприятий по атеистической пропаганде, имеются существенные недостатки, связанные с работой среди верующих [4, с. 448–449]. В городских и районных библиотеках была проведена скрупулезная ревизия, в результате которой были изъяты книги с религиозными сюжетами. В то же время, например, в газете «Горьковская правда» рекламировались книги сугубо атеистического содержания: «С крестом на шее» А. Я. Трубниковой или «Верую, потому что нелепо» Г. А. Габинского. По мнению авторов, «разоблачающие несостоятельность религиозной веры». Средства массовой информации партийно-советские органы в борьбе с религией использовали иногда весьма своеобразно. Например, в газете «Горьковская правда» был опубликован критический материал в адрес транспортного отдела городского совета, в связи с тем, что автобус маршрута № 19 в пасхальную ночь действовал до 4 часов утра [5, с. 4]. Главный смысл заметки состоял в том, что конечная остановка автобуса находилась вблизи Троицкой кафедральной церкви.

Примечательно, что в борьбе с Русской Православной церковью через средства массовой информации использовали самые демагогические методы и средства. Так, в письме в редакцию газеты «Горьковская правда» читатель В. Пыжов возмущенно сообщал, что в столовых можно нередко услышать «гнусавое пение псалмов» на поминальных обедах. В ответ редакцией газеты было отмечено, что в подобных случаях руководство общепита «способствует пропаганде религиозных обрядов», что недопустимо [6, с. 2]. Данная тема власти представилась выигрышной в плане резкой критики православия, и в газете было опубликовано требование советских граждан не предоставлять верующим столовые для проведения поминальных обедов, так как «поминки — это не только обычай, но и религиозный обряд, который установлен церковью» [7, с. 2]. Следует отметить, что авторы атеистических заметок не стеснялись в выражениях, например: «насквозь лживое лицемерное христианское вероучение» [8, с. 2].

Протоиерей А. Н. Соколов вспоминал, что с 1961 года все решения о закрытии православных храмов и снятии с регистрации религиозных объединений стали приниматься на уровне местной власти по согласованию с Советом по делам Русской Православной церкви при СМ СССР [9, с. 182]. Однако еще с 1958 года в ряде городов православные храмы не только закрывались, но и энергично разрушались, как это было, например, в городе Горьком, когда была

быстро уничтожена церковь XVIII века в честь святой Варвары Великомученицы, чему автор статьи был свидетелем.

Тем не менее авторитет Русской Православной церкви в советском обществе оставался достаточно высоким. Совет по делам Русской Православной церкви при СМ СССР высказывал обеспокоенность тем, что в Горьковской области «религиозная обрядность среди населения не только не сократилась, но даже возросла» [10, с. 459]. Активизация антирелигиозной кампании с 1963 года была поставлена властью на самый высокий идеологический уровень, который обеспечивался на государственном уровне соответствующими мерами. ЦК КПСС принял специальное постановление о проведении широкого комплекса пропагандистских мероприятий, направленных на полное искоренение у советских граждан «религиозных предрассудков», не совместимых с коммунистической моралью. При самом ЦК КПСС в рамках Академии общественных наук был образован Институт научного атеизма как организационно-методический центр борьбы, в первую очередь с Русской Православной церковью. Во всех высших учебных заведениях страны в 1959 году ввели учебный курс «Основы научного атеизма» как один из важнейших элементов идеологической подготовки будущих специалистов всех отраслей. Упомянутый ранее Б. Зеленков в статье «Атеизм в вузе» отмечал, что в социалистическом обществе вызывают тревогу факты, когда некоторые неосознательные студенты «проявляют беспринципность в отношении религии, крестят детей и венчаются в церкви» [11, с. 3]. В то же время он признавал, что религиозные убеждения продолжают сохранять свои определенные позиции и влияние: «Церковники... распространяют самые вздорные, нелепые утверждения, в плен которых попадают даже некоторые неверующие советские люди» [11, с. 3]. В одной из публикаций Б. Зеленков договорился даже до того, что религия наносит серьезный вред физическому здоровью советских людей.

Представление о целенаправленной комплексной деятельности партийных и советских органов по реализации антирелигиозной государственной программы дает план работы общественной комиссии в городе Горьком на сентябрь-октябрь 1963 года [12, с. 465–469]. Согласно этому документу атеистическая работа должна была проводиться во всех учебных заведениях, библиотеках, домах культуры и клубах, больницах. Все крупные городские

предприятия были включены в лекционные курсы атеистического содержания. Примечательно, что члены комиссии были обязаны выявлять людей, которые венчались в храме по христианскому обряду и крестили детей, чтобы сообщать об этом по месту работы для проведения через партийные, комсомольские и профсоюзные организации с данными людьми профилактической работы. Особое внимание горьковской общественной комиссии было уделено церковным хорам, чтобы артисты оперного театра и иных художественных певческих коллективов не участвовали в храмовых богослужениях. Отдел пропаганды и агитации Горьковского областного комитета КПСС совместно с областным отделением «Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР» проводили трехдневные семинары лекторов-атеистов по организации и активизации борьбы с Русской Православной церковью [13, с. 1]. В поисках радикальных средств обличения религии атеисты-общественники обратили внимание на русское искусство XIX века и указывали, что при проведении антирелигиозных мероприятий необходимо шире использовать творчество художников, «гневно обличающих религию и церковь».

Б. Зеленков вспоминает, что во всех трех храмах города Горького во время богослужений был категорически запрещен вход детей, что регулярно контролировали партийные и комсомольские активисты. Периодически в храмы приезжал уполномоченный, чтобы лично убедиться в том, что священнослужители не нарушают установленных предписаний. Жесткий контроль был установлен властью за проведением духовенством церковных треб. Протоиерей А. Н. Соколов вспоминает, как обязательная регистрация духовенства явилась действенным средством надзора за его деятельностью и использовалась как инструмент давления на духовенство [9, с. 270]. Кроме всего, уполномоченный не только требовал предъявления квитанций о совершенных на дому причастиях и соборованиях, но и лично обошел все квартиры и дома, пытаясь уличить священника в финансовых махинациях. В 1961–1964 годах уполномоченными по делам Русской Православной церкви предпринимались попытки дискредитации авторитета духовенства. Верующие Троицкого кафедрального собора города Горького были вынуждены обратиться к председателю Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР В. А. Куроедову, когда уполномоченный по Горьковской области С. И. Масалков начал необоснованно преследовать настоятеля

храма, угрожая изъятием регистрации [14, с. 450].

Священник Д. В. Константинов в книге «Гонимая церковь» отмечает, что в 1961–1964 годах была категорически запрещена любая благотворительная и общественная церковная деятельность. Об этом свидетельствует ряд официальных документов, содержащих разъяснение о предметах, которые могут быть пожертвованы верующими в храм. Так, председатель Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР В. А. Куроедов служебным письмом разъяснял уполномоченному по Горьковской области С. И. Масалкову, что духовенству категорически запрещено принимать в виде пожертвований предметы, не используемые при богослужениях [1, с. 457]. После данного разъяснения С. И. Масалков дал соответствующие указания.

Значительная атеистическая работа целенаправленно и широко проводилась в общеобразовательных школах. В статье «За глухим забором дети» Ю. Алешин писал, что «пока атеисты бездействуют, капля за каплей сочится яд в детские души» [15, с. 2]. На заседании идеологической комиссии Горьковского промышленного областного комитета КПСС в декабре 1963 года было отмечено, что атеистическое воспитание школьников должно быть усилено, а работа в данном направлении должна направляться партийными организациями. Упомянувшийся ранее Б. Зеленков указывал, что «надо настроить преподавание школьных дисциплин таким образом, чтобы они вооружали наших учеников в борьбе против религии» [16, с. 3]. Интерес представляет публикация М. Виленской «За убежденных атеистов», которая обстоятельно показывает направления антирелигиозной работы в средних школах г. Горького [17, с. 2]. Для учителей проводились плановые конференции на тему «Задачи педагогических коллективов в атеистическом воспитании учащихся». В школах создавались лекторские группы старшеклассников, которые проводили беседы атеистического содержания в младших классах. В школе № 14 постоянно обновлялись тематические стенды «Наука и религия — несовместимы». В школе № 30 проводились атеистические вечера под названием «От мрака к свету». В ряде школ проведены диспуты учащихся по атеистическим фильмам «Чудотворная» и «Тучи над Борском».

В школьных библиотеках в обязательном порядке находилась серия брошюр под названием «Научно-популярная библиотечка по атеизму»,

рекомендуемая учащимся старших классов. Опыт атеистической работы в школах обобщался и рекомендовался к внедрению. Так, в 1963 году была издана брошюра педагогов Т. И. Шкилевой и В. Н. Якуба «Атеистическая работа школы (№ 106 г. Горького)» [18]. В этой школе действовал клуб юных атеистов, был открыт школьный музей атеизма, на базе которого регулярно проводились семинары для учителей и старших пионервожатых.

Таким образом, на конкретном примере Горьковской области в период так называемой «оттепели» борьба с Русской Православной церковью в СССР проводилась самыми различными административными и пропагандистскими средствами и методами, которые были санкционированы партийно-советскими органами, в чем собственно и была особенность активно проводимой государством антирелигиозной политики.

Список источников

1. Константинов Д. В. Гонимая Церковь: Русская Православная церковь в СССР / ред. А. В. Попов. Москва: Ассоциация авторов и издателей, 1999. 360 с.
2. Докладная записка А. М. Богданова, уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР по Горьковской области, Г. Г. Карпову, председателю Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР 4 мая 1959 года // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.
3. Зеленков Б. Государство и религия // Горьковская правда. 1963. 12 мая.
4. Из отчетного доклада профессора Г. Г. Десятых, председателя правления Горьковского областного отделения общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, на VII Горьковской областной конференции общества 26 апреля 1961 года // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.
5. Серяков Н. По приказу из церквотреста // Горьковская правда. 1962. 11 мая.
6. Пыжов В. Столовая для молитвы // Горьковская правда. 1964. 23 мая.
7. Борисов М. Столовая — не место для поминок // Горьковская правда. 1964. 26 июля.
8. Крайнов Л. Заповедь Моисея // Горьковская правда. 1964. 29 марта.
9. Соколов А. Н. Стопы жизни в годы гонений на Церковь. Нижний Новгород: Кварц, 2012. 544 с.
10. Поручение председателя Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР В. Куроедова уполномоченному Совету по делам

РПЦ по Горьковской области С. И. Массалкову выяснить причины высокой религиозной обрядности в Горьковской области // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.

11. Зеленков Б. Атеизм в вузе // Горьковская правда. 1963. 17 декабря.

12. План работы общественной комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах на сентябрь–октябрь 1963 года // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.

13. Горьковская правда. 1962. 12 мая.

14. Жалоба верующих Свято-Троицкой общины кафедрального собора города Горького председателю Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР Куроедову 2 сентября 1961 года // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.

15. Разъяснение председателя Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР В. Куроедова уполномоченному Совету по делам РПЦ по Горьковской области С. И. Масалкову о предметах, которыми верующими дозволено жертвовать в пользование религиозных обществ 25 сентября 1962 года // Общество и власть. Российская провинция. 1953–1965. Т. 4. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН, 2007. 664 с.

16. Алешин Ю. За глухим забором дети // Горьковская правда. 1963. 8 сентября.

17. Виленская М. За убежденных атеистов // Горьковская правда. 1963. 2 июня.

18. Шкилева Т. И. Атеистическая работа школы (№ 106 г. Горького). Горький: Книжное изд., 1963. 43 с.

References

1. Konstantinov D. V., Archpriest. The Persecuted Church: The Russian Orthodox Church in the USSR / ed. by A. V. Popov. Moscow: Association of Authors and Publishers Publ., 1999. 360 p. (In Russ.)

2. Memo by A. M. Bogdanov, Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church at the USSR Council of Ministers for the Gorky region, G. G. Karpov, Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church at the USSR Council of Ministers on May 4, 1959. Russian province. 1953–1965. Vol. 4. Part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

3. Zelenkov B. The State and religion. *Gorkovskaya Pravda*, 1963, May 12. (In Russ.)

4. From the report of Professor G. G. Ninth, Chairman of the Board of the Gorky regional branch of the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge of the RSFSR, at the VII Gorky

Regional Conference of the Society on April 26, 1961. *Society and Power. Russian province*, 1953–1965, vol. 4, part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

5. Seryakov N. By order of the church trust. *Gorkovskaya Pravda*, 1962. May 11. (In Russ.)

6. Pyzhov V. Canteen for prayer. *Gorkovskaya Pravda*, 1964. May 23. (In Russ.)

7. Borisov M. The dining room is not a place for a wake. *Gorkovskaya Pravda*, 1964. July 26. (In Russ.)

8. Krainov L. The Commandment of Moses. *Gorkovskaya Pravda*, 1964, March 29. (In Russ.)

9. Sokolov A. N. The footsteps of life during the years of persecution of the Church. Nizhny Novgorod: Quartz Publ., 2012. 544 p. (In Russ.)

10. The instruction of the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers V. Kuroedov to the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Gorky region S. I. Massalkov to find out the reasons for the high religious rites in the Gorky region. *Society and power. Russian province*, 1953–1965, vol. 4, part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

11. Zelenkov B. Atheism in higher education. *Gorkovskaya Pravda*, 1963, December 17. (In Russ.)

12. Work plan of the public commission for the promotion of control over the observance of legislation on cults for September–October 1963. *Society and power. Russian province*, 1953–1965, vol. 4, part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

13. *Gorkovskaya Pravda*, 1962, May 12. (In Russ.)

14. Complaint of the faithful of the Holy Trinity Community of the Gorky Cathedral to the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church at the USSR Council of Ministers Kuroedov on September 2, 1961. *Society and Power. Russian province*, 1953–1965, vol. 4, part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

15. Explanation of the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers V. Kuroedov to the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Gorky region S. I. Masalkov about the objects that believers are allowed to donate for the use of religious societies on September 25, 1962. *Society and power. Russian province*, 1953–1965, vol. 4, part 2. Moscow: IRI RAS Publ., 2007. 664 p. (In Russ.)

16. Alyoshin Yu. There are children behind a blind fence. *Gorkovskaya Pravda*, 1963, September 8. (In Russ.)

17. Vilenskaya M. For convinced atheists. *Gorkovskaya Pravda*, 1963, June 2. (In Russ.)

18. Shkileva T. I. Atheistic work of the school (no. 106 Gorky). Gorky: Book Publ., 1963. 43 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Лушин — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

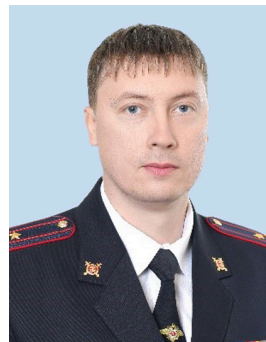
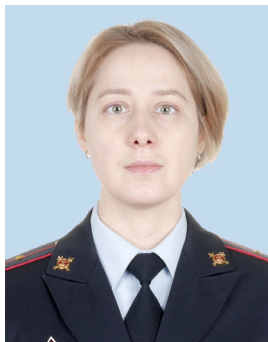
A. N. Lushin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of Chair of Theory and History state and Law.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-66-73>

Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: обоснование актуальности, содержательные и технико-юридические свойства

**Елисеева Вера Сергеевна¹, Лаврентьев Александр Рудольфович²,
Трусов Николай Александрович³**

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

²Российский государственный университет правосудия, Нижний Новгород, Россия

¹VSEliseeva@yandex.ru

²rap_pf_gospravo@mail.ru

³nikevor@yandex.ru

Аннотация. Конституционный приоритет признания, соблюдения и защиты прав человека в Российской Федерации в период формирования системы стратегического планирования актуализировал вопрос подготовки концепции защиты прав и свобод человека и гражданина. Авторами предложено десять тезисов в обоснование необходимости разработки проекта документа стратегического планирования в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, его наиболее значимых содержательных и технико-юридических свойств.

Ключевые слова: стратегическое планирование, документы стратегического планирования, стратегия, концепция, права и свободы человека и гражданина, обеспечение прав и свобод, защита прав и свобод, концепции защиты прав и свобод человека и гражданина, принцип единства прав и обязанностей, критика, последствия

Для цитирования: Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: обоснование актуальности, содержательные и технико-юридические свойства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 66–73. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-66-73>.

Original article

The Concept of protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: justification of relevance, substantive and techno-legal properties

Vera S. Eliseeva¹, Alexander R. Lavrentiev², Nikolay A. Trusov³

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

© Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А., 2024

²The Volga region branch of Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹VSEliseeva@yandex.ru

²rap_pf_gospravo@mail.ru

³nikevor@yandex.ru

Abstract. The constitutional priority of recognition, observance and protection of human rights in the Russian Federation in the period of formation of the strategic planning system has actualized the issue of preparing the concept of protection of human and civil rights and freedoms. The authors propose ten theses to justify the need to develop a draft strategic planning document of protection of human and civil rights and freedoms, its most significant content and technical-legal properties.

Keywords: strategic planning, strategic planning documents, strategy, concept, human and civil rights and freedoms, ensuring rights and freedoms, protection of rights and freedoms, concepts of protection of human and civil rights and freedoms, principle of unity of rights and obligations, criticism, consequences

For citation: Eliseeva V. S., Lavrentiev A. R., Trusov N. A. The Concept of protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: justification of relevance, substantive and techno-legal properties. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 66–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-66-73>.

В последнее время в России наблюдается активизация вопросов разработки и принятия документов стратегического планирования в различных сферах и по разным предметным направлениям. В этих обстоятельствах удивительным является факт того, что в России на федеральном уровне до сих пор отсутствует единый документ стратегического планирования в области защиты прав человека. Мы полагаем, что таким документом могла бы стать *Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации* (далее — Концепция), и предлагаем десять тезисов в обоснование актуальности и своевременности работы над проектом такого документа, о его наиболее значимых содержательных и технико-юридических свойствах.

Во-первых, начальные этапы формирования современной системы стратегического планирования в России, уверенны, пройдены, настало время критически переосмыслить как саму совокупность документов стратегического планирования, их взаимосвязи между собой, так и оценить последствия их реализации, влияния на реальную жизнь, а также обратить внимание на вопросы технологии и процедур стратегического планирования. Удивителен факт, что при наличии в Реестре документов стратегического планирования более 50 тыс. действующих документов [1] до сих пор не создан единый документ в области защиты прав и свобод человека и гражданина при том, что именно в Конституции Российской Федерации [2] права и свободы человека и гражданина названы единственной конституционной ценностью (ст. 2), более трети статей (48 из 142 статей) текста Конституции

включены в главу, непосредственно закрепляющую статус личности в Российской Федерации (гл. 2, ст. 17–64), а гарантом прав и свобод человека и гражданина определен Президент Российской Федерации (ч. 2 ст. 80).

Отсутствие единых стандартов в области защиты прав и свобод человека и гражданина в России не позволяет выстроить целостный правовозащитный каркас, деструктивным образом сказывается на формировании единого правового пространства, снижает эффективность деятельности органов публичной власти всех уровней и негативно влияет на уровень доверия населения [3] к власти в целом.

Полагаем, что следует признать отмеченное обстоятельство недопустимым, и, опираясь на официальные (так, на необходимость разработки единых стандартов в области прав человека неоднократно указывала действующий Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова [4]) и доктринальные [5; 6] наработки, устранить пробел в правовом регулировании путем подготовки проекта документа стратегического планирования в области защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, на основе которого критически пересмотреть существующую систему стратегического планирования, заложив концептуальные подходы для подготовки Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 года.

Следует также отметить, что действующее отечественное законодательство в области прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации разнородно. Драйвером концептуального изменения подходов в правовом

регулировании могла бы выступить предлагаемая нами Концепция. Вполне вероятно, что с ее появлением получит дополнительный толчок к осуществлению широко анонсированная идея формирования социального казначейства [7], что кардинально изменит социальную политику в России, солидаризирует общество в стремлении к идеалам справедливости, снизит очевидно растущую социальную напряженность.

В условиях выхода в 2022 году России из юрисдикции Европейского суда по правам человека и, в какой-то степени, снижения в связи с этим уровня гарантий на судебную защиту прав и свобод человека, разработка «государственного стандарта защиты прав и свобод человека и гражданина» в форме Концепции представляется как никогда актуальной.

Таким образом, разработка и принятие Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации не только актуальна, но и наиболее важна для современной отечественной конституционной практики.

Во-вторых, Концепция должна кодифицировать действующие в настоящее время документы стратегического планирования в областях, так или иначе связанных с правами и свободами человека и гражданина. То обстоятельство, что такие документы [8], имеющие различную форму, структуру, содержание, отличаются иными технико-юридическими свойствами (субъекты стратегического планирования, сроки, индикаторы и пр.), только «усиливает» наше предложение о разработке Концепции.

В-третьих, необходимо стандартизировать подходы в защите прав и свобод человека и гражданина именно на федеральном уровне, поскольку на региональном уровне (например, в Республике Татарстан, Воронежской, Иркутской, Ленинградской, Саратовской областях, Алтайском крае) в порядке опережающего регулирования предпринимались и предпринимаются попытки разработки и утверждения документов стратегического планирования в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Практики настолько разнообразны (отличаются субъекты правотворчества (например, высший исполнительный орган власти в Саратовской области и высшее должностное лицо в Воронежской области), вид документа (например, стратегия в Республике Татарстан и концепция в Алтайском крае), наименования (например, стратегия по правам человека [9], стратегия в сфере развития и защиты прав человека [10], концепция защиты основных прав и свобод человека и гражданина [11]), количество

соответствующих документов в одном регионе (так, в Алтайском крае параллельно действуют Концепция защиты основных прав и свобод человека и гражданина [12] и государственная программа «Обеспечение прав граждан и их безопасности» [13]), что синхронизировать их на региональном уровне вряд ли возможно, а дисбалансы в такой «сверхчувствительной» сфере недопустимы. Вхождение в состав России новых субъектов Российской Федерации (Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей) придает критически важную значимость обеспечению единства подходов к организации защиты прав и свобод человека и гражданина, в формировании правозащитного каркаса на всех уровнях публичной власти: федеральном, региональном [14] и муниципальном [15].

Полагая, помимо «стандартных» элементов, в Концепции должны быть разрешены вопросы формирования институциональной компоненты, в частности три такие составляющие:

— международный уровень реализации Концепции в современных условиях требует изменения существующей конструкции — взамен европейских институтов — ассоциативные формы с дружественными странами, а также подтвердившими свою жизнеспособность форматами международного сотрудничества с участием России — ООН, ШОС, БРИКС, БРИКС+, СНГ и иные. Часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации предусматривает возможность защиты прав и свобод в межгосударственных органах и выход Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека не лишает граждан такой возможности. Так, пункт 22 Концепции внешней политики Российской Федерации [16] указывает среди прочего на то, что «ООН должна оставаться главной площадкой для прогрессивного развития и кодификации международного права». В этой связи в Концепции конституционное требование о возможности защиты прав и свобод человека на международном уровне не может быть поставлено под сомнение. Важно отразить переориентацию правозащитных механизмов и информировать население о них;

— на федеральном и региональном уровнях организации публичной власти принципиально важно установить критерии разграничения полномочий уполномоченных по защите прав человека [17] и уполномоченных по защите прав ребенка [18] (на наш взгляд, вторые не должны быть самостоятельны, поскольку их полномочия «уже», нежели у уполномоченных по правам человека);

— на муниципальном уровне институт уполномоченных по защите прав человека используется только в экспериментальном режиме, нередко как дополнительное наименование структурных подразделений местных администраций в области социальной защиты населения. Совершенно очевидно, что в развитии конституционной реформы 2020 года, выстраивания единой системы публичной власти в Российской Федерации [14], в Концепции, а вслед за ней и в проекте Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [19], идущему на смену Федеральному закону от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [20], необходимо предусмотреть наличие должности уполномоченного по защите прав человека в каждом муниципальном образовании.

В-четвертых, нормативной основой разработки Концепции выступает Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [21] (при разработке обязательен учет требований, предъявляемых к документам стратегического планирования) и сложившаяся система документов стратегического планирования, включая указы Президента Российской Федерации, определяющие национальные цели развития на период до 2024 [22] и 2030 [23] годов (при разработке обязательен учет целевых показателей развития). Однако разработка Концепции потребует дополнения статьи 2 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [24] новой частью 3 и взаимосвязанной с ней нормой в Федеральном законе от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», предусматривающими наличие такой Концепции.

В-пятых, учитывая значение предметной сферы регулирования Концепции, абсолютный характер признания прав и свобод человека и гражданина, самой правозащитной деятельности, полагаем возможным не ограничивать Концепцию сроками ее действия. Большинство документов стратегического планирования принимаются на определенный срок (прямо указан в документе) или имеют конкретизированный временной интервал действия (например, до 2030 года), однако Концепция как документ, определяющий именно стратегические взгляды/подходы к пониманию прав человека, представлениям о месте прав человека в ценностной системе общества, роли прав человека в

деятельности органов публичной власти, принципы соответствующей деятельности, уверены, не требует «увязки» с временными параметрами. Кроме этого, бессрочность действия Концепции позволит сделать ее ориентиром для разработки иных документов стратегического планирования, при этом оставит возможность корректировки ее содержания в зависимости от изменений глобального миропорядка и отечественной конституционной практики.

В-шестых, принцип «единства прав и обязанностей» правового статуса личности, косвенно получивший закрепление в статье 17 Конституции Российской Федерации и уточненный в ходе конституционной реформы 2020 года как «сбалансированность прав и обязанностей гражданина» в статье 75¹ Конституции Российской Федерации, должен трактоваться в Концепции однозначно: защите подлежит сбалансированный набор не только прав и свобод, но и конституционных обязанностей человека и гражданина. Нарушение данного баланса недопустимо как со стороны органов публичной власти, так и со стороны личности.

С этим принципом должен быть взаимоувязан запрет нарушения баланса прав и обязанностей личности дискриминационными факторами (пола, расы, национальности, религии, языка и пр.). В качестве примера, не должно быть оправданием не привлечение натурализованных граждан Российской Федерации из бывших советских республик (по сути, не исполнение ими единственной позитивной обязанности) мнимой/потенциальной угрозой межнациональных конфликтов (по сути, нарушение баланса прав и обязанностей по причине политической целесообразности). Наоборот, всякого рода и по разным причинам исключения из установленного конституционного баланса прав и обязанностей должно рассматриваться как угроза устоявшимся межнациональным отношениям.

В-седьмых, в Концепции должна быть запрещена иерархичность, ранжированность значимости тех или иных прав и свобод, которая нередко приводит к гипертрофии некоторых из них, например, «выпячиванию» прав меньшинств и, по сути, ущемлению прав большинства. Отечественная система традиционных духовно-нравственных координат [25] должна быть обеспечена правозащитным механизмом, синергетически связанным с принципом народовластия (меньшинство признает и подчиняется воли большинства), при котором обеспечивалось бы соблюдение не только прав

меньшинств, но и не допускалась бы дискриминация прав большинства.

В-восьмых, определение объема признаваемых и обеспечиваемых государством прав и свобод человека и гражданина, во избежание манипуляций со стороны иных субъектов международного общения, следует рассматривать как суверенное право Российской Федерации, вмешательство в которое недопустимо. В таком истолковании в вопросе определения нравственно-ценностной основы отечественной государственности приоритет должен остаться за нормами федерального законодательства. Таким же образом в Концепции следует закрепить национальный приоритет за толкованием норм, определяющих права и свободы человека и гражданина, их объем, механизмы реализации и защиты.

В-девятых, в Концепции следует сделать акцент на нематериальной ценности прав и свобод человека. Приоритетом заявителя должен презюмироваться не финансовый интерес (что в последние годы стало предметом манипулирования общественным мнением), а борьба за сами права и свободы как высшую ценность. Итогом рассмотрения жалоб на нарушение прав и свобод может стать восстановление контроля за ситуацией, создание должных условий для реализации нарушенного права (обеспечение технического сотрудничества, помощь и консультативные услуги).

В-десятых, правозащитный каркас реализации Концепции потребует доработки и отладки каждого элемента, включая и доработку системы бесплатной юридической помощи, усиление просветительской работы с населением, но, полагаем, необходимо придать дополнительные импульсы реформированию судебной системы, поиску компенсационных мер судебной защиты (например, расширение полномочий Конституционного Суда Российской Федерации полномочиями по толкованию и установлению объема прав и свобод человека и гражданина, запустить суперсервис «Правосудие онлайн», завершить «встраивание» мировых судей в систему судов общей юрисдикции, решить проблему статуса работников аппаратов судов).

Конечно же, мы перечислили не все, но наиболее важные, с нашей точки зрения, содержательные и технико-юридические особенности архиважной для отечественной конституционной практики Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Список источников

1. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 01.01.2024).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (дата обращения: 01.01.2024).
3. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (дата обращения: 01.01.2024).
4. Татьяна Москалькова: «Стратегия прав человека есть только в двух субъектах — Воронежской области и Татарстане» / ИА Галерея Чижова. URL: <http://www.infovoronezh.ru/News/Tatyana-Moskalkova-Strategiya-prav-cheloveka-est-tolk-v-dvuh-subyektah--Voronejskoy-oblasti-i-Tatarstane-54635.html> (дата обращения: 01.01.2024).
5. Кузнецова С. Н., Цыганов В. И. Российская практика формирования концепций и стратегий защиты прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 146–150.
6. Никифорова Е. А. Документы стратегического планирования в области прав человека и рекомендации комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам по мониторингу // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 1. С. 72–81.
7. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике. Раздел 3.2: одобрен Правительством Российской Федерации 23 сентября 2020 года, протокол № 36, раздел VII (№ П13-60855 от 2 октября 2020 года). URL: <https://pravdaosro.ru/> (дата обращения: 01.01.2024).
8. Стратегия государственной национальной политики до 2025 года от 19 декабря 2012 года; Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации от 4 февраля 2009 года; Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы от 8 марта 2017 года; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы от 31 октября 2018 года; Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года от 5 февраля 2016 года; Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года от 28 августа 2017 года и др.
9. Об утверждении Стратегии по правам человека в Республике Татарстан на 2022–2028 годы: постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 24 декабря 2021 года № 1285 // Собрание

законодательства Республики Татарстан. 2022. № 7, ст. 0235.

10. Об утверждении Стратегии Саратовской области в сфере развития и защиты прав человека на 2018–2025 годы: постановление Правительства Саратовской области от 5 сентября 2018 года № 492-П // Сетевое издание «Новости Саратовской губернии». URL: www.g-64.ru (дата обращения: 16.06.2023).

11. О Стратегии Воронежской области в сфере развития и защиты прав человека на 2016–2025 годы: указ Губернатора Воронежской области от 5 августа 2016 года № 272-у // Информационная система «Портал Воронежской области в сети Интернет». URL: <http://www.govvn.ru> (дата обращения: 16.06.2023).

12. Об утверждении Концепции защиты основных прав и свобод человека и гражданина в Алтайском крае: постановление Алтайского края от 1 декабря 2006 года № 499 // Алтайская правда. 2006. 23 декабря.

13. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности»: постановление Правительства Алтайского края от 8 мая 2020 года № 211 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

14. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ч. I, ст. 8973.

15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 30 декабря 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 01.01.2024).

16. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.01.2024).

17. Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 18 марта 2020 года № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12, ст. 1640.

18. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53. Ч. I, ст. 8427.

19. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 01.11.2022).

20. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

21. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26. Ч. I, ст. 3378.

22. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204: ред. от 21 июля 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

23. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

24. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9, ст. 1011.

25. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.01.2024).

References

1. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

2. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote of December 12, 1993. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

3. Zorkin V. D. Judicial power before the challenges of time. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

4. Tatyana Moskalkova: "There is a human rights strategy only in two subjects — the Voronezh region and Tatarstan" / IA Gallery Chizhova. URL: <http://www.infovoronezh.ru/News/Tatyana-Moskalkova-Strategiya-pravcheloveka-est-tolko-v-dvuh-subyektah---Voronezhskoy-oblasti-i-Tatarstane-54635.html> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

5. Kuznetsova S. N., Tsyganov V. I. Russian practice of forming concepts and strategies for the protection of human rights and freedoms. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2018, no. 2, pp. 146–150. (In Russ.)

6. Nikiforova E. A. Documents of strategic planning in the field of human rights and recommendations of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights on monitoring. *Bulletin of the Mari State University. The series "Historical sciences. Legal Sciences"*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 72–81. (In Russ.)

7. A national action plan to ensure the restoration of employment and income of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy. Section 3.2. Approved by the Government of the Russian Federation protocol no. 36, Section VII October 2, 2020 of September 23, 2020, (no. P13-60855 of October 2, 2020). URL: <https://pravdaosro.ru> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

8. The Strategy of the State National Policy until 2025 of December 19, 2012; The Concept of Sustainable Development of Indigenous Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation of February 4, 2009; the National Strategy of Action for Women for 2017–2022 of March 8, 2017; The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025 of October 31 2018; Strategy of Actions in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025 of February 5, 2016; Strategy of the state Policy of the Russian Federation in the field of consumer protection for the period up to 2030 of August 28, 2017, etc. (In Russ.)

9. On the approval of the Strategy on Human Rights in the Republic of Tatarstan for 2022–2028: resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan no. 1285 of December 24, 2021. *Collection of legislative acts of the Republic of Tatarstan*, 2022, no. 7, art. 0235. (In Russ.)

10. On the approval of the Strategy of the Saratov region in the field of development and protection of human rights for 2018–2025: decree of the Government of the Saratov Region no. 492-P of September 5, 2018. *Online publication "News of Saratov province"*. URL: www.g-64.ru (accessed 16.06.2023). (In Russ.)

11. On the Strategy of the Voronezh Region in the field of development and protection of human rights for 2016–2025: decree of the Governor of the Voronezh Region no. 272-u of August 5, 2016. *Information system "Portal of the Voronezh Region on the Internet"*. URL: <http://www.govrn.ru> (accessed 16.06.2023). (In Russ.)

12. On the approval of the Concept of protection of fundamental human and civil rights and freedoms in the Altai Territory: resolution of the Altai Territory no. 499 of December 1, 2006. *Altayskaya Pravda*, 2006, December 23. (In Russ.)

13. On the approval of the state program of the Altai Territory "Ensuring the rights of citizens and their safety": decree of the Government of the Altai Territory no. 211 of May 8, 2020. *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12.05.2020). (In Russ.)

14. On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation: federal law no. 414-FZ of December 21, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 52, part I, art. 8973. (In Russ.)

15. On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: (Local self-government is now included in the unified system of

public authority and has so far been regulated by federal law no. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended of December 30, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 40, art. 3822. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

16. On the approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. *Official Internet portal of legal information*. URL: <https://pravo.gov.ru> (accessed 01.01.2024). (In Russ.)

17. On Human Rights Commissioners in the subjects of the Russian Federation: federal law no. 48-FZ of March 18, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 12, art. 1640. (In Russ.)

18. On the Commissioners for the Rights of the Child in the Russian Federation: federal law no. 501-FZ of December 27, 2018. *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 53, part I, art. 8427. (In Russ.)

19. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)

20. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of October 6, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 40, art. 3822. (In Russ.)

21. On Strategic Planning in the Russian Federation: federal law no. 172-FZ of June 28, 2014. *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 26, part I, art. 3378. (In Russ.)

22. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the President of the Russian Federation no. 204 of May 7, 2018 (ed. of July 21, 2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 20, art. 2817. (In Russ.)

23. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 474 of July 21, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 30, art. 4884. (In Russ.)

24. On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: federal constitutional law no. 1-FKZ of February 26, 1997. *Collection of legislative acts of the RF*, 1997, no. 9, art. 1011. (In Russ.)

25. On the approval of the Foundations of the State policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Official Internet portal of Legal Information*. URL: <https://pravo.gov.ru>. (accessed 01.01.2024) (In Russ.)

Информация об авторах

В. С. Елисеева — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права;

А. Р. Лаврентьев — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин;

Н. А. Трусов — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права.

Information about the authors

V. S. Eliseeva — Candidate of Sciences (Law), Senior lecturer of the Chair of Constitutional and International Law;

A. R. Lavrentiev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines;

N. A. Trusov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and International Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.988

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-74-78>

О приоритетных направлениях виктимологической профилактики служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Бражин Юрий ЮрьевичНижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, brazhin.yura@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виктимологические аспекты служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Автором представлена характеристика жертв и обоснована трехгранная структура виктимологической профилактики преступности в исследуемой сфере. Использование общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также частнонаучных (анкетирование, формально-юридический) позволили методологически верно подойти к поставленной проблеме и представить аргументированные пути решения.

Ключевые слова: национальный проект «Здравоохранение», виктимологическая профилактика, преступность, жертва, виктимологическая пропаганда, виктимологическое образование

Для цитирования: Бражин Ю. Ю. О приоритетных направлениях виктимологической профилактики служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 74–78. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-74-78>.

Original article

On the priority areas of victimological prevention of service-economic crime in the implementation of the national project “Healthcare”

Yuri Yu. BrazhinNizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, brazhin.yura@bk.ru

Abstract. The article examines the victimological aspects of service-economic crime in the implementation of the national project “Healthcare”. The author presents the characteristics of victims and substantiates the triangular structure of victimological crime prevention in the area under study. The use of general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction), as well as specific scientific ones (questioning, formal legal) allowed us to approach the problem posed methodologically correctly and present reasoned solutions.

Keywords: national project “Healthcare”, victimological prevention, crime, victim, victimological propaganda, victimological education

© Бражин Ю. Ю., 2024

For citation: Brazhin Yu. Yu. On the priority areas of victimological prevention of service-economic crime in the sphere of implementation of the national project "Healthcare". *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 74–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-74-78>.

Служебно-экономическая преступность представляется многополярным, когнитивно-вариативным, крайне сложно предупреждаемым явлением, борьбу с которым исторически выявили государства всего мирового сообщества. Особенно «болезненными» ситуациями являются случаи, когда криминальные нити завладевают социально-значимыми направлениями, поскольку непосредственными пострадавшими, как правило, выступают граждане и общество, чьи права и свободы имеют конституционную защиту, гарантированную государством.

В тоже время государство берет на себя и обязательства по решению внутренних проблем, используя имеющиеся ресурсы и механизмы, оказывает всестороннее воздействие на постоянно возникающие вызовы. Реализация национальных проектов, безусловно, относится к числу таких мер, поскольку, именно данные программы способны переломить ход убыли населения, оттока высококвалифицированных кадров, снижение качества оказания государственных, муниципальных услуг, что в своей совокупности может спровоцировать вакуум недоверия к власти.

С учетом имеющихся потребностей государство активно реализует национальные проекты, основной идеей которых признает разрешение вышеупомянутых трудностей. Как справедливо отметил Президент Российской Федерации на очередном заседании по стратегическому развитию и национальным проектам: «ключевой критерий эффективности нашей работы — это оценка граждан, мы с вами об этом многократно уже говорили, как они воспринимают динамику, темп, качество изменений в их жизни» [1].

Придерживаясь обозначенного главой государства тренда, следует перейти к исследованию служебно-экономической преступности, наличие которой серьезным образом препятствует достижению общенациональных целей. В тоже время совершение служебно-экономического преступления в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» признается невозможным без причинения кому-либо ущерба или нарушения интереса, что побуждает автора исследовать виктимологические аспекты рассматриваемого феномена.

Вопросы характеристики жертв широко освещались в работах таких ученых, как Д. В. Ривмана, В. С. Устинова [2; с. 38], Г. Н. Горшенкова [3; с. 130], В. И. Полубинского [4; с. 15],

И. В. Ильина [5, с. 197], И. М. Мацкевича [6, с. 112]. Вместе с тем следует признать достоверным вывод о том, что жертвой преступления признается любое лицо, которому был причинен вред в результате преступного посягательства независимо от того, признан он потерпевшим по уголовному делу или является пострадавшим без придания официального статуса [7].

Однако вопрос конкретного субъектного состава остается открытым и имеет основательную дискуссию в научном сообществе. С одной стороны, жертвой могут выступать только физические лица и такая позиция находит свое отражение в работах Д. В. Ривмана [8, с. 16]. Обоснование лежит через суждение о том, что субъектом преступления всегда выступают физические лица, а стоимостной ущерб от преступной деятельности несет человек или несколько граждан. Предметной представляется точка зрения В. П. Коновалова [9, с. 6] и Г. Н. Горшенкова [1, с. 130] о том, что жертвами наряду с физическими лицами, могут выступать юридические лица и публичные образования. В этой связи несомненный интерес вызывает идея рассмотрения публичных образований в качестве жертв преступлений. В тоже время такой подход может подвергаться критике в части того, что к публичным образованиям, согласно статье 124 Гражданского кодекса Российской Федерации относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, однако в случае совершения, к примеру, хищения бюджетных средств, данные участники правоотношений признаются потерпевшими как юридические лица [10]. В этой связи видятся убедительными идеи П. А. Кабанова [11, с. 26–31] и И. В. Ильина [5, с. 197], выделяющих в качестве жертв преступлений юридических лиц.

Национальный проект «Здравоохранение» реализуется государством в лице представительных органов, однако непосредственное участие в исполнении программ данного проекта принимают не только уполномоченные должностные лица, но и частные юридические лица, а общество в лице граждан выступает в качестве непосредственного приобретателя того или иного продукта, услуги.

В этой связи методологически правильно рассматривать направления виктимологической профилактики, направленные на недопущение физическим, юридическим лицам (частным или

государственным) становиться жертвами служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

В доктрине имеются разные подходы по вопросу определения ориентиров виктимологической профилактики и их разделения. Успешной и обоснованной видится модель, предложенная Д. В. Ривманом и В. С. Устиновым, которые рассматривали виктимологическую профилактику через призму трех уровней: общесоциальный, целенаправленный (специальный) и индивидуальный [12, с. 169–174].

Однако тема выбранного исследования имеет определенную специфику, что предопределило корректировку формата виктимологической профилактики. Так, по мнению автора, виктимологическую профилактику жертв служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» необходимо осуществлять по трем направлениям:

1. Виктимологическая профилактика государственных, муниципальных юридических лиц.
2. Виктимологическая профилактика частных юридических лиц и лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.
3. Виктимологическая профилактика физических лиц.

Виктимологическая профилактика государственных, муниципальных юридических лиц

Национальным проектом «Здравоохранение» предусмотрено развитие отечественной фармацевтической промышленности, что предопределяет выделение крупных бюджетных средств на развитие, а по некоторым направлениям и создание новых производств по выпуску лекарственных препаратов, инженерированию медицинского оборудования и его обслуживанию. В большей степени данная отрасль будет совершенствоваться за счет усилий частных юридических лиц, что может спровоцировать развитие преступных идей, направленных на хищение денежных средств. Судебная практика также подтверждает упомянутые опасения. К примеру, с 25 апреля по 25 июля 2022 года Ф.И.О., будучи генеральным директором ООО «НордВестСтрой», заключил два гос-контракта с НМИЦ глазных болезней имени Гельмгольца Минздрава на поставку медицинского оборудования — лазера для селективной трабекулопластики стоимостью около 11,2 млн рублей и системы оптической когерентной томографии сетчатки стоимостью

около 18,5 млн рублей. Компании выплатили аванс в 15,2 млн рублей для старта исполнения контракта — закупка была оплачена за счет нацпроекта «Здравоохранение». В последствии денежными средствами Ф.И.О. распорядился по своему усмотрению [13]. В этой связи видится необходимым реализация мер одновременно по двум направлениям: ужесточение процедуры лицензирования и пересмотр системы авансирования.

Другим направлением виктимологической профилактики необходимо рассматривать обязательную техническую экспертизу медицинского оборудования, поставляемого в бюджетные учреждения здравоохранения. На необходимость данной меры обратили внимание 58,8 % опрошенных респондентов из числа сотрудников бюджетных учреждений здравоохранения.

Виктимологическая профилактика частных юридических лиц и лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей

Небезопасность национального проекта «Здравоохранение» обуславливается не только преступными действиями частных юридических лиц, но и представителей органов государственной власти, которые, используя служебное положение, злоупотребляя оказанным им доверием идут на противоправные действия для совершения хищений. В этой связи актуализируется вопрос защиты частного сектора, имеющего праведные идеи по извлечению не только выгоды имущественного характера, но и достижению общественно полезной цели. Возникают ситуации, при которых монополизация рынка медицинских услуг, поставок медицинского оборудования находится в компетенции одного юридического лица, что прямо может ограничивать конкуренцию других участников гражданских правоотношений и способствовать развитию коррупционных связей между двумя сторонами отношений в лице представителей государственных органов и работников частных организаций. Мерой по недопущению или разрешению подобных ситуаций может выступать создание кадастрового реестра юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, задействованных в реализации национального проекта «Здравоохранение», на основании которого контрольным и правоохранительным органам будет дана возможность эффективно выявлять преступления, а юридическим лицам не стать жертвой от преступных действий должностных лиц. В этой связи уместным выглядит предложение о создании центра приема обращений,

заявлений о нарушениях антимонопольного законодательства в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

Виктимологическая профилактика физических лиц

Первым направлением виктимологической профилактики физических лиц служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» следует признать виктимологическую пропаганду, содержание которой подробно разрабатывалось П. А. Кабановым и Р. Р. Магизовым [14, с. 69]. Разработка межведомственных рекомендаций, информационных брошюр, их издание и распространение в сети «Интернет» представляется мерой, которая может отвечать современным реалиям цифрового развития государства. Положения данных ресурсов должны иметь широкую популяризацию от всех субъектов гражданского общества.

Следующим ориентиром виктимологической профилактики следует признать виктимологическое образование. Данному направлению, по нашему мнению, уделяется неполноценное внимание, в то время как оно может носить весьма прагматичный и эффективно-полезный характер. Безусловно, требуется всесторонняя оценка криминальной обстановки, анализ которой позволит установить наиболее уязвимые зоны и ситуации, при которых граждане становятся жертвами. Достижение положительных результатов представляется возможным за счет разработки курсов дополнительного образования, ведение которых должны осуществлять не только сотрудники правоохранительных органов, но и непосредственные исполнители программ национального проекта «Здравоохранение», в том числе представители бюджетных учреждений системы здравоохранения.

Создание единого цифрового контура является одной из основных задач, стоящих перед национальным проектом «Здравоохранение», что и имеет свое закрепление в паспорте. Однако функционал данного механизма следует использовать более масштабнее, в том числе посредством создания сервиса, содержащего сведения о лекарственных препаратах, выделение которых обязательно по программе проекта, реестра «криминальных» юридических лиц, основанного на индикативной системе надзора и контроля.

Таким образом, роль виктимологической профилактики для противодействия служебно-экономической преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

обоснованно велика. Эффективность данного механизма носит перспективный, прагматичный, практико-ориентированный характер, что повышает необходимость его разработки и применения.

Список источников

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73083> (дата обращения: 18.01.2024).
2. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология: монография. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт, 1998.
3. Горшенков Г. Н. Криминология: введение в учебный курс: учебное пособие. Сыктывкар: СГУ, 1995.
4. Полубинский В. И. Криминальная виктимология. Что это такое? Москва: Знание, 1977.
5. Ильин И. В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): монография / под общ. ред. В. Д. Ларичева. Москва: Юрлитинформ, 2010.
6. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017.
7. Бражин Ю. Ю. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие служебно-экономическим преступлениям в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4857859> (дата обращения: 18.01.2024).
8. Ривман Д. В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1982.
9. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. Москва: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 18.01.2024).
11. Кабанов П. А. Криминальная корпоративная криминология: понятие и предмет // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1. С. 26–31.
12. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2000. С. 169–174.
13. Поставщика медцентра Минздрава РФ обвинили в хищении 15 млн рублей. URL: <https://vademec.ru/news/%3E/news/2023/11/13/podryadchika-medtsentra-minzdrava-rf-obvinili-v-khishchenii-15-mln-rublej/> (дата обращения: 18.01.2024).
14. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Криминологическая виктимология: учебное пособие. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018.

References

1. Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73083> (accessed 01.18.2024). (In Russ.)
2. Rivman D. V., Ustinov V. S. Victimology: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute Publ., 1998. (In Russ.)
3. Gorshenkov G. N. Criminology: introduction to the educational course: textbook. Syktyvkar: SSU Publ., 1995. (In Russ.)
4. Polubinsky V. I. Criminal victimology. What it is? Moscow: Znanie Publ., 1977. (In Russ.)
5. Ilyin I. V. Theoretical foundations of combating fraud committed in the economic sphere (criminal legal and criminological problems): monograph / ed. by V. D. Larichev. Moscow: Yurлитinform Publ., 2010. (In Russ.)
6. Matskevich I. M. Causes of economic crime: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2017. (In Russ.)
7. Brazhin Yu. Yu. Criminal-legal and criminological counteraction to service-economic crimes in the sphere of implementation of the national project "Healthcare". Dissertation... candidate of legal sciences. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4857859> (accessed 01.18.2024). (In Russ.)
8. Rivman D. V. On some concepts of criminal victimology. Victimological problems in the fight against crime: a collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1982. (In Russ.)
9. Kononov V. P. Studying victims to improve crime prevention. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1982. (In Russ.)
10. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation). Access from the reference legal system "Garant". URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed 01.18.2024). (In Russ.)
11. Kabanov P. A. Criminal corporate criminology: concept and subject. *Siberian Journal of Criminology*, 2006, no. 1, pp. 26–31. (In Russ.)
12. Rivman D. V., Ustinov V. S. Victimology. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2000. Pp. 169–174. (In Russ.)
13. A supplier to the medical center of the Ministry of Health of the Russian Federation was accused of embezzling 15 million rubles. URL: <https://vademec.ru/news/%3E/news/2023/11/13/podryadchika-medtsentra-minzdrava-rf-obvinili-v-khishchenii-15-mln-rublej/> (accessed 01.18.2024). (In Russ.)
14. Kabanov P. A., Magizov R. R. Criminological victimology: a textbook. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University Publ., 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Ю. Бражин — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.

Information about the author

Yu. Yu. Brazhin — Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Criminal and Penal Law.

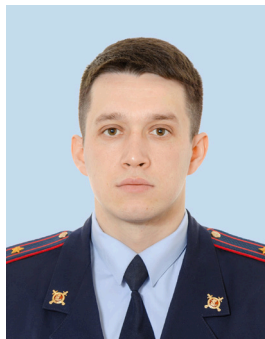
Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.985.5

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-79-86>

К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет»

Васюков Виталий Федорович^{1, 2}, Афанасьев Алексей Юрьевич^{3, 4}

¹Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), Москва, Россия

²Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия

³Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

⁴Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

^{1, 2}vvf0109@yandex.ru.

^{3, 4}afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению возможности сбора оперативно значимых сведений из открытых источников. Исследуются перспективы внедрения метода получения информации из открытых источников информации в сети «Интернет». Цель исследования определяется необходимостью усовершенствования данного метода при выявлении и раскрытии преступлений. Рассматриваются основные этапы сбора общедоступной информации, определяются критерии ее оценки. Делается вывод о важности использования рассматриваемого метода при получении оперативно значимой информации.

Ключевые слова: открытые источники информации, метод OSINT, сбор информации, сеть «Интернет», метаданные

Для цитирования: Васюков В. Ф., Афанасьев А. Ю. К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 79–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-79-86>.

Original article

On the issue of obtaining operationally significant information from open sources of information on the Internet

Vitaliy F. Vasyukov^{1, 2}, Alexey Yu. Afanasyev^{3, 4}

¹Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Moscow, Russian Federation

²Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

³Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

© Васюков В. Ф., Афанасьев А. Ю., 2024

⁴National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{1, 2}vvf0109@yandex.ru.

^{3, 4}afanasev_alexey@bk.ru

Abstract. The article is devoted to studying the possibility of collecting operationally significant information from open sources. The prospects for introducing a method for obtaining information from open sources of information on the Internet are explored. The purpose of the study is determined by the need to improve this in identifying and solving crimes. The main stages of collecting publicly available information are considered, and the criteria for its evaluation are determined. The conclusion is drawn about the importance of using the method in question when obtaining operationally significant information.

Keywords: open sources of information, OSINT method, information collection, Internet, metadata

For citation: Vasyukov V. F., Afanasyev A. Yu. On the issue of obtaining operationally significant information from open sources of information on the Internet. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 79–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-79-86>.

Развитие сети «Интернет» коренным образом изменило природу публичной информации, появилось больше возможностей каждому пользователю делиться новостями, мнениями, знаниями без какого-либо дополнительного редактирования. При этом целые корпорации стали создавать платформы, которые в настоящее время повсеместно побуждают пользователей добровольно делиться широким спектром личной информации на персональных сайтах, в социальных сетях, блогах, чатах и т. д.

В результате в современном мире редко можно встретить человека, который не пользуется сетью «Интернет» и не имеет учетные записи на различных сайтах социальных сетей. При этом в определенных социальных группах стало нормой размещать в общем доступе свои фотографии, видеоролики, в том числе сделанные в отдельные периоды жизни [1, с. 356].

Не являются исключением и лица, занимающиеся противоправной деятельностью. В отдельных случаях сеть «Интернет» является неотъемлемым инструментом популяризации ложной информации, служащей элементом механизма мошенничества.

С точки зрения оперативно-розыскной деятельности возможность идентификации человека по его цифровым следам в киберпространстве предполагает использование современных методов и средств поиска и анализа оперативно значимой информации в открытом и закрытом сегменте сети «Интернет», которая в совокупности позволяет обеспечить решение задач борьбы с преступностью в целом [2, с. 68].

Информация, полученная в результате анализа результатов оперативно-розыскных мероприятий, может быть дополнена сведениями из открытых источников сети «Интернет»,

получивших общепринятое обозначение *OSINT (Open Source Intelligence* — разведка на основе открытых источников), под которыми понимается систематический сбор, обработка и анализ информации, находящейся в открытом доступе [3].

Начало разработки указанного метода было положено во время Второй мировой войны, когда У. Донован в структуре Управления стратегических служб было создано подразделение по анализу общедоступной информации. Сотрудники подразделения анализировали содержание газет, журналов и радиопередач иностранных государств [4].

В настоящее время метод *OSINT* в той или иной мере применяется как один из главных инструментов раскрытия преступления, а также поиска скрывшихся преступников.

Метод получения информации из открытых источников информации условно следует разделять на три этапа. На *первом этапе* производится определение параметров запроса — формируется информация, которую необходимо получить в ходе поиска. Для этого выделяются основные ключевые слова (ФИО, псевдонимы, название аккаунтов, никнеймы, номера телефонов, адреса электронной почты). Как правило, такая информация может быть получена в ходе первоначальных оперативно-розыскных мероприятий. На *втором этапе* происходит загрузка и обработка данных с помощью различных ресурсов, к которым может получить доступ оперативный сотрудник.

На *третьем этапе* в результате проведенного анализа делается выгрузка данных, которая может быть получена как вручную субъектом мониторинга, так и в автоматизированном режиме с помощью программного обеспечения

либо специализированных аппаратно-программных комплексов. При этом в случае получения информации в автоматизированном режиме производится ее *визуализация*, то есть сегментное экспонирование данных в графическом формате (таблицы, изображения, графы, диаграммы и другие интуитивно понятные формы).

В отдельных случаях *OSINT* является незаменимым инструментом получения оперативно значимой информации о незаконной деятельности организованных групп, занимающихся незаконным обналичиванием денежных средств, распространением наркотиков, оружия, порнографических материалов и др. Как показывает практика, довольно часто участники таких групп размещают свой адрес/идентификатор (связанный с их онлайн-профилем и псевдонимом) на форумах (*Reddit*, *4Chan*, *8Chan*) или в разделах комментариев на сайтах, посвященных специализированной тематике [5, с. 132]. В данном контексте следует упомянуть о существовании десятков сайтов, специально предназначенных для выявления пользователей аккаунтов и связанных с ними адресов (например, *walletexplorer.com*).

Большой пласт информации находится в сети «Даркнет», к которой нельзя получить доступ с помощью стандартных веб-браузеров, при этом общеизвестные поисковые системы не способны индексировать содержимое этой сети. Для получения доступа необходимо использовать специализированное программное обеспечение — *TOR*, *I2P*, *Freenet* и др. [6].

Между тем мониторинг информационных ресурсов в данной сети также является частью метода получения информации из открытых источников. В частности, особую важность могут представлять сведения, полученные при исследовании специализированных форумов, созданных для общения покупателей и продавцов о сведениях, вещах, услугах, имеющих криминальный характер (*Dread*, *Darknet Avengers*, *The Hub*, *Exploit.in* и др.).

На таких форумах в анонимном режиме пользователи свободно делятся информацией о законспирированных сервисах, распространяют адреса этих сервисов, предлагаемые ими товары и услуги, дают комментарии о качестве сервиса, приводят никнеймы наиболее (или наименее) успешных трейдеров.

В этой связи следует исходить из того, что никнеймы, используемые в сети лицами, осуществляющими незаконную деятельность, могут остаться неизменными. Это объясняется

тем, что, во-первых, успех их незаконной коммерческой деятельности в сети, как правило, тесно связан с их репутацией (т. е. с комментариями, оставленными о них на онлайн-площадках или форумах). Во-вторых, лица, представляющие оперативный интерес, проводят в сети значительную часть своей жизни, сильно привязываются к цифровым псевдонимам, которые становятся неотъемлемой частью их виртуальной личности.

Так, например, после ареста в рамках расследования дела об использовании клонированных дебетовых карт американский хакер Альберт Гонсалес начал сотрудничать с Секретной службой США, консультируя и обучая ее агентов по вопросам, связанным с информационными технологиями.

Однако одновременно с этим Гонсалес вновь организовал работу группы хакеров, с которой провел серию крупных компьютерных атак на системы нескольких американских компаний, в результате чего им были получены персональные данные миллионов пользователей кредитных карт. В дальнейшем эти данные продавались Гонсалесом третьим лицам в целях изготовления карт-клонов, позволяющих получить доступ к счетам клиентов банковских организаций. Причастность Гонсалеса к этой незаконной деятельности была обнаружена после ареста очередного «покупателя данных» при его попытке въезда в США. Анализ содержимого его ноутбука показал, что никнеймом его сообщества был «*Soup Nazi*». Точно такой же псевдоним Гонсалес использовал с момента своего первого задержания и сохранял его даже при взаимодействии с агентами Секретной службы [7].

Следует иметь в виду, что виртуальные псевдонимы часто имеют определенную корреляцию как в открытом, так и закрытом сегменте сети, что может связать незаконную виртуальную деятельность фигуранта с его реальной личностью. Например, при осуществлении анонимного серфинга могут использоваться одни и те же криптоадреса и при законной деятельности, либо может использоваться адрес электронной почты, связанный с аккаунтом, который уже был ранее скомпрометирован.

Метод *OSINT* может быть эффективен и в рамках получения информации о незарегистрированных криптобиржах, предоставляющих услуги лицам, занимающимся легализацией преступных доходов с использованием криптовалютных обменников, а также *P2P*-платформ.

Это связано с тем, что подобные криптобиржи работают по той же репутационной схеме, что и нелегальные онлайн-рынки, рентабельность которых во многом будет зависеть от отзывов покупателей в специальных окнах для комментариев или на специализированных форумах, где другие пользователи получают информацию о качестве сервиса (о том, работает ли он еще или уже закрыт, не является ли он мошенническим и т. д.).

В таком контексте оперативные сотрудники могут анонимно получить доступ к этим форумам или страницам, как и любой другой пользователь сети, и в целях установления сведений о незаконных или незарегистрированных криптобиржах, действующих в интересующей стране (или предоставляющих услуги лицам из этой страны), и, исходя из этого, попытаться выявить тех, кто может работать с лицом, представляющим оперативный интерес [8, с. 538].

Информация из открытых источников также может быть полезна для лучшего понимания образа жизни, активов подозреваемого или мест, где он проживает, осуществляет деловую или общественную деятельность. Это связано с тем, что иногда даже самые аккуратные злоумышленники могут раскрыть компрометирующую информацию через публикации в социальных сетях.

Общепринято говорить о двух типах общедоступных сведений, которые могут быть использованы в оперативных целях. Первый тип включает в себя информацию, размещенную пользователем (сообщения, фотографии, видео и т. д.), отражающую информацию о его окружении, местоположении, статусе, идеологии и т. д. Так, к примеру, фотографии могут содержать определенные «метки», связывающие их с профилями пользователей социальной сети, или людей, не имеющих аккаунты в этой социальной сети).

Второй тип данных включает в себя сведения о технических характеристиках файлов — метаданных. Например, данные *EXIF* (*Exchangeable image file format*) можно обнаружить при исследовании видеофайлов, а также при анализе изображений. Также можно получить информацию об аппаратных устройствах, с помощью которых было сделано исследуемое видео или изображение.

Следует добавить, что в зависимости от используемого оборудования метаданные изображения или видеозаписи могут также включать информацию о дате, времени и месте, в котором были они созданы. Указанные данные

дают возможность установить первоначальную информацию о лицах или организациях, связанных с этими файлами, а также аккаунтами в социальных сетях, на которых они были размещены (самый тривиальный пример — с помощью сертификатов *SSL* (*Secure Sockets Layer*), которые в определенных условиях позволяют определить владельца сайта).

Преимущество использования *OSINT* в качестве инструмента выявления противоправной деятельности заключается в том, что он не требует от сотрудников оперативных подразделений углубленных знаний технического характера, то есть мониторинг пользовательской активности на первоначальной стадии может производиться без привлечения специалистов.

Кроме того, появились различные технологические инструменты, значительно увеличивающие эффективность поиска информации из открытых источников. Так, в настоящее время существует ряд поисковых систем, ориентированных на конкретные поисковые запросы.

Как отмечает П. А. Фаниев, в поисковом сервисе *Google* используется альтернативная технология *PageRank*, принцип ранжирования информации в зависимости от «важности» страницы, которая зависит от количества и качества ссылающихся на нее страниц. Иными словами, чем больше ссылок ведет на страницу, тем более важной она признается и тем ближе она будет в очередности в выводе ответа на поисковый запрос [9, с. 84].

Между тем специализированная поисковая система *NameCHK* представляет собой инструмент для проверки наличия имени пользователя на множестве онлайн-сервисов. В свою очередь, поисковая система *Tineye* позволяет установить, имеется ли имя пользователя в сети «Интернет». При этом ресурс *Pipl* ищет совпадения по различным критериям: имена, адреса электронной почты, номера телефонов и др.

Также в открытом доступе существуют сайты, предоставляющие информацию о характере и статусе (онлайн или офлайн) скрытых сервисов или страниц в сети «Даркнет», а также их зеркалах (например, *Dark.fail*, *TNO Dark Web Monitor* и др.).

В контексте сказанного не будет лишним упомянуть, что в сети «Даркнет» для выполнения задач *OSINT* можно использовать поисковую систему *GitHub*. Между тем отдельного внимания заслуживает информационная платформа *Maltego*, которая используется как инструмент сбора данных о конкретных объектах, в качестве которых могут выступать люди, компании

или веб-сайты. Удобство платформы заключается в том, что полученные в ходе мониторинга данные выгружаются в виде набора связанных графов [10, с. 74].

При этом поисковая система *Spokeo* сканирует огромный репозиторий открытых источников, таких как социальные сети, адреса электронной почты, публичные записи, телефонные справочники и др., а затем выдает информацию, найденную на конкретное лицо или организацию [11, с. 320].

Следует отметить, что сотрудники Базельского института (Швейцария) разработали собственный инструмент поиска открытых источников информации "*Basel Open Intelligence*", осуществляющий автоматический поиск по имени человека или организации в сочетании с более чем 200 ключевых слов. Сведения, найденные в результате поиска, перечисляются вместе с основным текстом, извлеченным из веб-сайта, исключая не относящийся к делу контент (например, рекламу, меню или уведомления о *cookie*), а выделенные ключевые слова подчеркиваются для облегчения чтения [12].

В отдельных иностранных государствах сбором сведений из открытых источников занимаются частные организации так называемые «брокеры данных». На основании обработки информации из множества источников такими организациями составляются подробные персональные профили, включающие следующие данные: пол, возраст, образование, история трудоустройства, семейное положение, характер использования социальных сетей, политические взгляды, уровень доходов, наличие транспортных средств и недвижимости и т. д. При сотрудничестве уполномоченных сотрудников правоохранительных органов с такими организациями для составления цифрового профиля полученная информация может стать бесценной [13].

Как отмечается в иностранной литературе, метод *OSINT* имеет ряд преимуществ перед классическими мероприятиями, направленными на получение оперативно значимой информации:

1) рентабельность — сбор данных *OSINT* очень экономичен по сравнению с традиционной разведывательной деятельностью;

2) простота доступа — мероприятия по сбору данных могут проводиться в онлайн-режиме, при этом характер онлайн-контента делает его доступным из любой точки мира и в любое время;

3) доступность — ресурсы *OSINT* собираются только из общедоступных источников без ограничения прав и законных интересов граждан [14].

Между тем существуют определенные проблемы при использовании указанного метода:

1) неограниченный объем — может быть получен большой объем данных, который возможно обработать только с использованием аппаратно-программных комплексов;

2) достоверность — несмотря на полезность полученных сведений в рамках проведения мониторинга сети, чаще всего они имеют ориентирующий характер, поэтому не будут отражаться в материалах уголовного дела. Более того, след абонентской активности в сети может быть оставлен умышленно в целях противодействия правоохранительным органам;

3) трудоемкость анализа — даже в случае обработки данных с помощью специализированного программного (аппаратного) обеспечения, полученные результаты необходимо проверять оперативным путем, что может привести к привлечению большого количества сотрудников оперативного подразделения [15].

В то же время, как показывает зарубежный опыт, при раскрытии преступлений метод *OSINT* наиболее эффективен в сочетании с традиционными методами оперативного сыска.

Так, в 2017 году 18-летняя Аиша Зугбих-Коллинз была найдена в своей квартире мертвой. Причиной смерти стала передозировка синтетическим опиоидом *U-47700 (U4)*. Мать жертвы, подозревая, что та приобрела наркотик в сети «Интернет», предоставила сотрудникам полиции адрес электронной почты дочери.

В ходе проведения осмотра квартиры погибшей были найдены следы наркотического вещества в упаковке теста на беременность. Оперативным путем установлено, что этот тест был получен потерпевшей в местном почтовом отделении незадолго до смерти.

В свою очередь возле трупа также был найден блокнот с записью буквенно-цифрового кода, оказавшегося личным криптографическим ключом жертвы для программы шифрования сообщений *Pretty Good Privacy (PGP)*. Получив доступ к электронной почте потерпевшей с помощью этого кода, полицейские смогли выяснить, что наркотическое вещество было приобретено на виртуальном рынке в сети «Даркнет» у продавца под псевдонимом "*Pedro el grande*", который по данным сайта совершил более 10 тыс. сделок.

С использованием легендированного аккаунта сотрудником полиции была проведена

контрольная закупка у продавца “Pedro el grande” дозы наркотического средства U4. После получения посылки в распоряжении полиции оказалась аналогичная упаковка наркотика в виде теста на беременность. Как в последующем оказалось, указанный тест в качестве маскирующей упаковки был приобретен фигурантом через онлайн-магазин, принимающий оплату только криптовалютой. При чем к криптокошельку, с которого прошел платеж за тесты, были прикреплены два адреса электронной почты, созданных Т., проживающим в американском городе Гринвелл.

В дальнейшем были получены сведения о том, что Т. получал многочисленные международные посылки из Китая (одной из стран, где производится наркотик U4). Установив оперативное наблюдение за домом Т., сотрудниками полиции был выявлен весь механизм отправки наркотического вещества, осуществляемого с помощью городской почтовой службы. Таким образом, следует сделать вывод о том, что умелое комбинирование и анализ полученных сведений может иметь значение для раскрытия преступлений [16].

Полезными источниками информации о человеке или группе людей являются социальные сети, где люди делятся личной информацией и взаимодействуют с семьей, друзьями, коллегами, незнакомыми людьми. При чем сведения, полученные из одной социальной сети, могут быть вручную включены в поисковые запросы в других социальных сетях, а объединение всей информации, как правило, может быть очень результативным.

Также важным методом сбора информации в социальных сетях является отправка поисковых запросов. Самый простой подход использует функции внутреннего поиска, предоставляемые самой социальной сетью. Однако функции поиска различаются в зависимости от соответствующей социальной сети, используемой при мониторинге [17, с. 140].

Существует ряд приложений, расширений браузера или веб-сервисов, специализированных на различных социальных сетях, с помощью которых можно систематизировать определенную информацию. Проблемы возникают из-за того, что некоторые социальные сети позволяют применять строгие настройки конфиденциальности в профиле, что препятствует детальному изучению. Однако можно идентифицировать публичные сообщения, которые напрямую не отображаются на странице личного профиля. Также следует проанализировать

подключенные учетные записи, не имеющие ограничения по доступу и раскрывающие информацию о лице, представляющего оперативный интерес.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что использование метода получения сведений из открытых источников может способствовать получению оперативно значимой информации при раскрытии преступлений, не только совершенных с использованием информационных технологий, но и реализованных классическим способом. Это делает сбор данных из таких источников чрезвычайно важной задачей для оперативных подразделений и, по сути, формирует приоритетные направления в поиске лиц, осуществляющих противоправную деятельность.

Список источников

1. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие / В. Ф. Васюков [и др.]; под науч. ред. А. Г. Волеводза. Москва: Прометей, 2023. 1086 с.
2. Батоев В. Б. О технологии поиска по открытым источникам “OSINT” в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 66–71.
3. Akhgar B., Bayerl P., Sampson F. Open Source Intelligence Investigation. *Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*. Springer, Cham. 2016. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-47671-1_10.
4. Böhm I., Lolagar S. Open source intelligence. *Int. Cybersecur // Law Rev.* 2021. No 2. Pp. 317–337.
5. Янраева М. О., Павленко Н. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2. С. 131–135.
6. Pastor-Galindo J., Nespoli P., Gómez Mármol F., & Martínez Pérez G. The not yet exploited goldmine of OSINT: Opportunities, open challenges and future trends // *IEEE Access*. 2020. No. 8. Pp. 10282–10304.
7. Lee D. Study on OSINT-Based Security Control Monitoring Utilization Plan. *Studies in Computational Intelligence*. 2023. Vol. 1074. Pp. 576–590.
8. Рукавишников Г. А., Титов П. М. Общая характеристика технологий OSINT на платформе Telegram для использования в получении значимой информации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 537–546.
9. Фаниев П. А. Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 82–87.
10. Гаянов А. А. Разведка с использованием OSINT-технологий в интересах правоохранитель-

ных органов // Вопросы деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации: сборник научных трудов. Тверь, 2023. С. 73–78.

11. Минченко В., Вильдяйкин Г. Ф. Разведка на основе открытых // источников (OSINT) и ее методология в современных реалиях: материалы III Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3-х ч. / отв. ред. Э. А. Дмитриев [и др.]. 2020. С. 319–322.

12. Голушко А. П., Дрянных Ю. Ю. Цель и задачи поиска информации в открытых источниках (*Open Source Intelligence*) // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, 2019. С. 158–161.

13. Vykhodets Yu. O., Teteriatnyk H. K. Some issues of the use of osint in the investigation of crimes in the conditions of military aggression of the Russian Federation. *Legal Novels*. 2022. No. 18. Pp. 70–76.

14. Böhm I., Lolagar S. Open source intelligence. *Cybersecur. Law. Rev.* 2021. No. 2. Pp. 317–337.

15. Quick D., Choo K.K., R. Digital Forensic Data and Open Source Intelligence (DFINT+OSINT). In: *Big Digital Forensic Data. SpringerBriefs on Cyber Security Systems and Networks*. Springer, Singapore, 2018.

16. Rajamäki J. OSINT on the dark web: child abuse material investigations. *Information & Security*. 2022. Vol. 53. Pp. 21–32.

17. Клевцов К. К. Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере LocalBitcoins) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 139–145.

References

1. Crimes in the field of high technology and information security: Textbook. allowance / V. F. Vasyukov [and others] / ed. by A. G. Volewodza. Moscow: Prometheus Publ., 2023. 1086 p. (In Russ.)

2. Batoev V. B. On open source search technology “OSINT” in operational investigative activities. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (100), pp. 66–71. (In Russ.)

3. Akhgar B., Bayerl P., Sampson F. Open Source Intelligence Investigation. *Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*. Springer, Cham. 2016. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-47671-1_10.

4. Böhm I., Lolagar S. Open source intelligence. *Int. Cybersecurity. Law Rev Publ.*, 2021, no. 2, pp. 317–337.

5. Yangaeva M. O., Pavlenko N. O. OSINT. Obtaining forensically significant information from the Internet. *Altai Legal Bulletin*, 2022, no. 2, pp. 131–135. (In Russ.)

6. Pastor-Galindo J., Nespoli P., Gómez Mármol F., & Martínez Pérez G. The not yet exploited goldmine of OSINT: Opportunities, open challenges and future trends // *IEEE Access*, 2020, no. 8, pp. 10282–10304.

7. Lee D. Study on OSINT-Based Security Control Monitoring Utilization Plan. *Studies in Computational Intelligence*, 2023, vol. 1074, pp. 576–590.

8. Rukavishnikova G. A., Titov P. M. General characteristics of OSINT technologies on the Telegram platform for use in obtaining significant information. *Issues of Russian Justice*, 2023, no. 27, pp. 537–546. (In Russ.)

9. Faniev P. A. Silent OSINT reconnaissance as a way to obtain forensically significant information. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (62), pp. 82–87. (In Russ.)

10. Gayanov A. A. Intelligence using OSINT technologies in the interests of law enforcement agencies. Issues of activity of departments of internal affairs bodies of the Russian Federation: collection of scientific papers. Tver, 2023. Pp. 73–78. (In Russ.)

11. Minchenko V., Vildyaykin G. F. Intelligence based on open // sources (OSINT) and its methodology in modern realities. Materials of the III All-Russian National Scientific Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists: in 3 parts / ed. by E. A. Dmitriev (responsible editor) [and others]. 2020. Pp. 319–322. (In Russ.)

12. Golushko A. P., Dryannykh Yu. Yu. The purpose and objectives of searching for information in open sources (Open Source Intelligence). Implementation of the results of innovative developments: problems and prospects: collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. 2019. Pp. 158–161. (In Russ.)

13. Vykhodets Yu. O., Teteriatnyk H. K. Some issues of the use of osint in the investigation of crimes in the conditions of military aggression of the Russian Federation. *Legal Novels*, 2022, no. 18, pp. 70–76.

14. Böhm I., Lolagar S. Open source intelligence. *Cybersecur. Law. Rev.* 2021, no. 2, pp. 317–337.

15. Quick D., Choo K.K.R. Digital Forensic Data and Open Source Intelligence (DFINT+OSINT). In: *Big Digital Forensic Data. SpringerBriefs on Cyber Security Systems and Networks*. Springer, Singapore, 2018.

16. Rajamäki J. OSINT on the dark web: child abuse material investigations. *Information & Security Publ.*, 2022, vol. 53, pp. 21–32.

17. Klevtsov K. K. Features of interaction between law enforcement agencies and foreign virtual currency service providers (using the example of LocalBitcoins). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, pp. 139–145.

Информация об авторах

В. Ф. Васюков — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО);

А. Ю. Афанасьев — кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.

Information about the authors

V. F. Vasyukov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher of the Department for Studying Problems of Regulatory Legal and Analytical Support of the Scientific Center for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensics of the Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO);

A. Yu. Afanasyev — Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the department of forensic examination National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

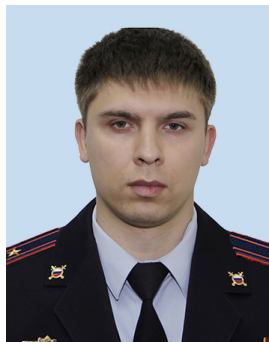
Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.132

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-87-91>

Оплата труда переводчика в ходе уголовного судопроизводства: некоторые вопросы требуют разъяснений

Головкин Олег Евгеньевич¹, Крамская Екатерина Сергеевна²

^{1,2}Уголовно-правовое управление Договорно-правового департамента МВД России, Москва, Россия

¹ogolovkin4@mvd.ru

²ekrsm@mail.ru

Аннотация. Переводчик для достижения целей правосудия и установления истины по уголовному делу несет личные расходы. Механизм компенсации названных расходов установлен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и изданным в его исполнение актом Правительства Российской Федерации. Однако результаты анализа правоприменительной практики свидетельствуют о наличии некоторых вопросов, возникающих в ходе применения данного механизма, изучение и разрешение которых является предметом настоящего исследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное уголовное судопроизводство, процессуальные издержки, переводчик

Для цитирования: Головкин О. Е., Крамская Е. С. Оплата труда переводчика в ходе уголовного судопроизводства: некоторые вопросы требуют разъяснений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 87–91. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-87-91>.

Original article

Remuneration of an interpreter during criminal proceedings: some issues require clarification

Oleg E. Golovkin¹, Ekaterina S. Kramskaya²

^{1,2}Criminal Law Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ogolovkin4@mvd.ru

²ekrsm@mail.ru

Abstract. The translator bears the costs in the field of criminal proceedings to achieve the goals of justice and establish the truth in a criminal case. The mechanism for compensation of these expenses is established by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the act of the Government of the Russian Federation issued in its implementation. However, the results of the analysis of law enforcement practice indicate the presence of some issues that arise during the application of this mechanism, the analysis and resolution of which is the subject of this study.

Keywords: criminal process, pre-trial criminal proceedings, procedural costs, translator

© Головкин О. Е., Крамская Е. С., 2024

For citation: Golovkin O. E., Kramskaya E. S. Remuneration of an interpreter during criminal proceedings: some issues require clarification. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 87–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-87-91>.

В условиях современного тренда на оптимизацию и цифровизацию [1, с. 89; 2, с. 50] уголовного судопроизводства, повышение его эффективности [3, с. 237], сокращение государственных расходов актуализируется потребность снижения неоправданных затрат на предварительное расследование в целом, одним из средств достижения которого является гибкое применение и совершенствование норм, регламентирующих оплату участникам уголовного судопроизводства их процессуальных издержек, в том числе переводчику.

Процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, возмещаемые за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) [4].

Так, УПК РФ определен их открытый перечень (ч. 2 ст. 131). В том числе, к процессуальным издержкам относится вознаграждение, выплачиваемое переводчику в ходе уголовного судопроизводства (п. 4).

Изучение данных официальной статистики [5], а также материалов в средствах массовой информации, включая интернет-ресурсы [6], позволяет резюмировать, что участниками уголовного судопроизводства достаточно часто становятся лица, которые не владеют языком, на котором оно ведется.

Так, за последние три года наблюдается четкая тенденция роста «миграционной преступности». Например, в 2020 году 34 400 преступлений совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства, в 2021 году — 36 420, в 2022 году — 40 154, а за период январь–июнь 2023 года — 22 364 [5]. Большинство из этих лиц нуждаются в помощи переводчика, так как для защиты своих прав имеющих у них знаний русского языка явно не достаточно.

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что увеличившееся количество случаев привлечения к процессуальным действиям переводчиков делает вопросы оплаты их труда и возмещения связанных с этим издержек все более актуальными.

Порядок и размер возмещения процессуальных издержек на вознаграждение переводчику (за исключением случаев, когда эти обязанности исполняются им в порядке служебного задания) определены актом Правительства Российской Федерации [7] (далее — Положение).

В связи с развитием процессуальных отношений Положение систематически уточняется и дополняется новыми нормами, отдельные из которых требуют разъяснений, на что обращается внимание учеными [8, с. 15; 9, с. 8; 10, с. 34].

Так, Положением установлен закрытый перечень критериев, в соответствии с которыми осуществляется общая или повышенная выплата процессуальных издержек переводчику. Вместе с тем данный перечень имеет рамочный характер — без учета значимых нюансов работы данного участника уголовного судопроизводства [10, с. 35]. Например, с учетом действующего регулирования возникает ряд вопросов о том, какие из данных критериев должны применяться при выплате вознаграждения переводчику за:

- перевод текста с аудиозаписи;
- перевод текста, изложенного на отдельных редких западноевропейских и восточных языках;
- перевод текста в ходе проверки сообщения о преступлении;
- перевод текста, содержащего большой объем цифровых значений;
- услуги по корректировке текста без его перевода.

Предпримем попытку разобраться в указанных вопросах.

Исходя из статьи 18, части 1 статьи 59 УПК РФ, а также взаимосвязанных пунктов 20 и 21 Положения, основной процессуальной обязанностью переводчика является устный, синхронный и последовательный перевод при производстве процессуальных действий, а также письменный перевод текста процессуальных документов, то есть выполнение процессуальных действий вербального и письменного характера [11, с. 51].

Согласно пункту 21 Положения размер оплаты услуг переводчика определяется судом или должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, в каждом конкретном случае отдельно, но не более установленных пунктом 20 Положения денежных сумм за час перевода с учетом фактических затрат времени, а также за один лист (1 800 печатных знаков) письменного перевода текста.

Таким образом, если перевод текста с аудиозаписи осуществлялся при производстве процессуального действия, который в целом предполагает устную работу переводчика, размер его вознаграждения должен рассчитываться аналогичным образом — исходя из фактически

затраченного им времени на перевод с учетом времени производства процессуального действия (пп. «а» и «б» п. 20 Положения).

В случае если перевод текста с аудиозаписи осуществлялся вне производства процессуального действия, то есть без непосредственного контроля следователя (дознателя), размер вознаграждения, выплачиваемого переводчику, эффективнее (и справедливее, на наш взгляд) определять как письменную работу из расчета за один лист текста (1 800 печатных знаков), переведенного с аудиозаписи (пп. «в» и «г» п. 20 Положения).

В этой связи в целях исключения неоднозначной правоприменительной практики и ущемления материальных прав переводчика, а также эффективного расхода бюджетных средств полагаем возможным аналогичные правила закрепить в пункте 20 Положения.

Положением предусмотрено несколько критериев определения повышенных размеров вознаграждения переводчика за перевод текста, изложенного на отдельных редких западноевропейских и восточных языках (пп. «б» и «г» п. 20). При этом исчерпывающий перечень названных языков, а также критерии их определения Положением не установлены.

Однако полагаем, что этого и не требуется, поскольку конкретные суммы процессуальных издержек, подлежащие выплате, определяются следователем (дознателем) индивидуально, исходя из установленных Положением верхних пределов размера вознаграждения переводчика.

Представляется, что закрепление в обозначенном акте Правительства Российской Федерации закрытого перечня таких редких языков и критериев их определения будет затруднительным и неоправданным в силу их значительного объема и интенсивного развития процессуальных отношений, а также поддержания соответствующих норм в актуальном состоянии.

Еще одним аспектом, на котором хотелось бы остановиться, является отсутствие в Положении буквального указания на возможность оплаты труда переводчика, привлекаемого к участию в процессуальных действиях в рамках проверки сообщений о преступлениях.

Вместе с тем вопрос о правомерности отнесения к процессуальным издержкам вознаграждения переводчика, участвующего на этапе проверки сообщения о преступлении, полагаем может решаться с учетом следующего.

Термин «производство по уголовному делу», которое используется в наименовании Положения содержится в ряде норм УПК РФ в значении «уголовное судопроизводство», охватывающем

рассмотрение сообщения о преступлении, например:

Статьи 2–4, 7, и 18 УПК РФ сформулированы с использованием термина «производство по уголовному делу», однако их регулирование распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, поскольку они устанавливают порядок действия уголовно-процессуального законодательства (гл. 1) и принципы уголовного судопроизводства (гл. 2).

Статья 5 УПК РФ определяет уголовное судопроизводство как досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56), а досудебное производство как уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9).

Статья 49 УПК РФ определяет защитника как лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1), устанавливая при этом, что защитник участвует в уголовном деле в том числе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3).

Кроме того, результаты анализа отдельных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 8 ноября 2005 года № 367-О, от 16 декабря 2008 года № Ю36-О-П, от 5 февраля 2009 года № 289-О-П) свидетельствуют о возможности распространения норм Положения на возмещение процессуальных издержек, возникших, в том числе, на стадии проверки сообщения о преступлении [12, с. 257].

Например, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2013 года № 297-О отмечается, что статья 131 УПК РФ в системе действующего регулирования не препятствует отнесению к числу процессуальных издержек различных расходов, связанных с производством по уголовному делу, понесенных не только потерпевшим, но и иными заинтересованными лицами на любой стадии уголовного судопроизводства при условии их необходимости и оправданности. При этом данное решение вынесено по жалобе на отказ судов общей юрисдикции в возмещении понесенных заявителем расходов по причине отсутствия возбужденного уголовного дела.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года

№ 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» разъяснено, что к процессуальным издержкам относятся, в том числе, подтвержденные соответствующими документами расходы заинтересованных лиц на любой стадии уголовного судопроизводства при условии их необходимости и оправданности (абз. 3 п. 2).

Положение является подзаконным нормативным правовым актом, в связи с чем не может ограничивать действие норм статьи 131 УПК РФ, которые с учетом приведенной аргументации подлежат применению не только в рамках предварительного расследования, но и в рамках проверки сообщения о преступлении.

Кроме того, полагаем, что неприменение Положения к отношениям, возникающим в правоприменительной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, может привести к затратам средств федерального бюджета, превышающим установленные им максимальные размеры оплаты услуг переводчика (п. 20 и 21).

Относительно перевода текста, содержащего большой объем цифровых значений и оказания переводчиком услуг по корректировке текста без его перевода разъясним следующее.

Подпунктами «в» и «г» пункта 20 Положения установлены размеры вознаграждения, выплачиваемого переводчику за исполнение им своей процессуальной обязанности в виде письменного перевода текста, которые определены из расчета за один лист письменного перевода текста (1 800 печатных знаков).

По смыслу подпунктов «в» и «г» пункта 20 и пункта 21 Положения представляется, что, если лист материалов дела содержит исключительно числовые значения и не требует перевода, он не может быть учтен при расчете суммы вознаграждения, выплачиваемого переводчику, поскольку в данном случае переводчик не исполнял процессуальную обязанность, связанную с переводом текста.

И наоборот, в случае, если лист материалов дела содержит текст наряду с числовыми значениями, при расчете следует исходить из указанного в подпунктах «в» и «г» пункта 20 Положения количества текстовых печатных знаков, требующих перевода (1 800), иначе переводчик, выполнив процессуальные обязанности, не получит должного вознаграждения, что будет не соответствовать смыслу действующего регулирования.

Услуги по корректировке текста без его перевода, исходя из положений статьи 18 и части 1 статьи 59 УПК РФ, не являются процессуальной обязанностью переводчика и не могут быть отнесены к процессуальным издержкам,

установленным частью 2 статьи 131 данного Кодекса.

Полагаем, данные вопросы в достаточной мере урегулированы действующими положениями и в дополнительной регламентации не нуждаются.

Таким образом, совершенствование норм Положения не должно быть самоцелью и не использоваться там, где достаточным является их системное толкование, в том числе с учетом положений УПК РФ, и напротив, реальный риск ущемления материальных прав участников уголовного судопроизводства, в частности переводчика, свидетельствует о потребности заполнения правового пробела и регламентации соответствующих общественных правоотношений.

Список источников

1. Арутюнян Д. А., Головкин О. Е. Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2.
2. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
3. Головкин О. Е., Крамская Е. С. Стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3. С. 236–240.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2023).
5. Фалалеев М. МВД предлагает меры по ужесточению миграционного законодательства // Российская газета. Неделя. Федеральный выпуск. № 259 (8907). URL: <https://rg.ru/2022/11/16/davaj-do-svidaniia.html> (дата обращения: 04.12.2023).
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Показатели преступности России / Динамика / Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 04.12.2023).
7. Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240: в ред. от 27 сентября 2023 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2023).
8. Порохов М. Ю. Проблемные вопросы возмещения судебных издержек на оплату услуг представителя,

участвующего в уголовном деле со стороны потерпевшего, а также морального вреда, причиненного преступлением // Российский судья. 2018. № 6. С. 15–19.

9. Белкин А. Р. Спорные вопросы исчисления процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2013. № 6.

10. Медведев С. В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 11.

11. Кузнецов О. Ю. Процессуальные издержки, вызванные реализацией принципа языка уголовного судопроизводства, и порядок их возмещения // Современное право. 2005. № 9.

12. Шурухнов Н. Г. Предварительный этап расследования преступлений: в порядке постановки и обсуждения проблемы // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5.

References

1. Arutyunyan D. A., Golovkin O. E. Digitalization of procedural actions: the way to speed up and reduce the cost of criminal proceedings. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2. (In Russ.)

2. Pobedkin A. V. Ethical and axiological risks of digitalization fashion for criminal proceedings (about the fallacy of the technological approach to criminal proceedings). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3. (In Russ.)

3. Golovkin O. E., Kramskaya E. S. Stage of initiating a criminal case: reform is necessary. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3, pp. 236–240. (In Russ.)

4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of November 27, 2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 04.12.2023). (In Russ.)

5. Falaleev M. The Ministry of Internal Affairs proposes measures to tighten migration legislation. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 259 (8907). URL: <https://rg.ru/2022/11/16/davaj-do-svidaniia.html>. (In Russ.)

6. Legal statistics portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // Crime indicators in Russia / Dynamics / Number of crimes committed by foreign citizens and stateless persons. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (accessed 04.12.2023). (In Russ.)

7. The provision on compensation of procedural costs associated with criminal proceedings, costs in connection with the consideration of a civil case, an administrative case, as well as costs in connection with the implementation of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation, was approved by a resolution of the Government of the Russian Federation no. 1240 of December 1, 2012 (as amended of September 27, 2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 04.12.2023). (In Russ.)

8. Porokhov M. Yu. Problematic issues of reimbursement of legal costs for the services of a representative participating in a criminal case on the part of the victim, as well as moral damage caused by the crime. *Russian judge*, 2018, no. 6, pp. 15–19. (In Russ.)

9. Belkin A. R. Controversial issues of calculating procedural costs in criminal proceedings. *Justice of the Peace*, 2013, no. 6. (In Russ.)

10. Medvedev S. V. On the imperfection of legal regulation of the participation of a translator in criminal proceedings. *Russian justice*, 2017, no. 11. (In Russ.)

11. Kuznetsov O. Yu. Procedural costs caused by the implementation of the principle of the language of criminal proceedings, and the procedure for their compensation. *Modern law*, 2005, no. 9. (In Russ.)

12. Shurukhnov N. G. Preliminary stage of crime investigation: in the order of posing and discussing the problem. *Gaps in Russian legislation*, 2019, no. 5. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Е. Головкин — кандидат юридических наук, ведущий эксперт отдела уголовно-процессуального законодательства и информационного права;

Е. С. Крамская — кандидат юридических наук, ведущий юрист.

Information about the authors

O. E. Golovkin — Candidate of Sciences (Law), Leading expert of the Department of Criminal Procedure Legislation and Information Law;

E. S. Kramskaya — Candidate of Sciences (Law), Leading lawyer.

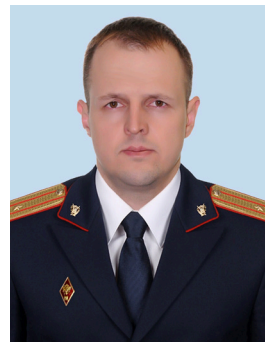
Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-92-96>

Отдельные проблемы противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершаемым посредством распространения заведомо ложной информации с использованием средств сетевой телекоммуникации

Гущев Максим Евгеньевич¹, Летёлкин Николай Владимирович²

^{1, 2}Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

¹gushchev.me@skspba.ru

²letyolkin.nv@skspba.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершаемым посредством распространения заведомо ложной информации с использованием средств сетевой телекоммуникации. Приводятся новые способы совершения таких деяний с применением технологий IP-телефонии. Предлагаются меры по совершенствованию отечественного законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: информация, заведомо ложные сведения, преступления против общественной безопасности, проблемы расследования, IP-телефония

Для цитирования: Гущев М. Е., Летёлкин Н. В. Отдельные проблемы противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершаемым посредством распространения заведомо ложной информации с использованием средств сетевой телекоммуникации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 92–96. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-92-96>.

Original article

Selected problems of countering crimes against public safety committed through the dissemination of deliberately false information using network telecommunications

Maxim E. Gushchev¹, Nikolay V. Letelkin²

^{1, 2}Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹gushchev.me@skspba.ru

²letyolkin.nv@skspba.ru

Abstract. The article discusses current problems of countering crimes against public safety committed through the dissemination of deliberately false information using network telecommunications. New ways of committing such acts using IP-telephony are given. Measures are proposed to improve domestic legislation in this area.

© Гущев М. Е., Летёлкин Н. В., 2024

Keywords: information, deliberately false information, crimes against public safety, investigation problems, IP-telephony

For citation: Gushchev M. E., Letelkin N. V. Selected problems of countering crimes against public safety committed through the dissemination of deliberately false information using network telecommunications. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65). pp. 92–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-92-96>.

Двадцать первый век — век информации и компьютерных технологий. В последнее время этот тезис получил очередной виток своей актуальности. Пандемия новой коронавирусной инфекции *Covid-19*, усложнившаяся на почве различных вооруженных конфликтов, международная обстановка серьезно влияют как на отдельных людей, государства, так и международное сообщество [1, с. 6–7].

Сложная геополитическая ситуация, попытки сохранения устаревшей модели однополярного мироустройства привели к тому, что устоявшиеся основополагающие принципы международного сотрудничества, морали и нравственности уходят на второй план, а средства массовой коммуникации, информационно-телекоммуникационные сети и другие технологии становятся средствами гибридной войны в отношении России.

Более семи лет назад на восьмом совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, состоявшемся в Министерстве иностранных дел России, Президент Российской Федерации В. В. Путин очень точно дал установку на необходимость и важность защиты информационного поля: «Мы живем в информационную эпоху, и афоризм “кто владеет информацией, тот владеет миром” отражает реальности сегодняшнего дня».

И действительно, сущность сегодняшнего дня такова, что информация может выступать средством посягательства на самые различные общественные отношения и ценности: интересы личности, экономики, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества, то есть всей системы отечественного уголовного закона.

Вместе с тем наибольшую угрозу представляет информация, посягающая на интересы общественной безопасности. Этот тезис подтверждается событиями, произошедшими в 2022–2023 годах, в том числе в городе Буча, где была осуществлена хорошо прорежиссированная провокация, направленная на причинение репутационного вреда Российской Федерации [2], в Дагестане, где массовые беспорядки были инспирированы посредством сетевых телекоммуникаций с территории Украины [3] и т. д.

Следует признать, что отечественный законодатель пытается адекватно реагировать на подобные вызовы, в том числе посредством криминализации ряда норм об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹–207³ УК РФ) и пенализации, осуществленной применительно к статье 207 УК РФ [4].

В то же время расследование указанных преступлений представляет особую сложность, что обосновывается:

— во-первых, неустоявшейся следственно-судебной практикой применения рассматриваемых норм, вызванной сравнительно небольшим сроком их действия (применительно к ст. 207¹–207³ УК РФ);

— во-вторых, проблемами расследования, сопряженными с трансграничным характером таких деяний, в том числе совершенных посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

С целью выявления и решения обозначенных проблем в 2023 году на базе Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации проведено комплексное исследование практики противодействия преступлениям, сопряженным с публичным распространением заведомо ложной информации [5]. Ранее с целью научной апробации полученных результатов указанного исследования в научной литературе рассматривались вопросы подтверждения факта ложности распространяемых сведений при проведении предварительного расследования [6]. Вместе с тем обозначенная проблема, уже ставшая предметом научной дискуссии, не является единственной.

Так, следует отметить, что значительное число рассматриваемых деяний совершается с использованием средств *IP*-телефонии и методов анонимизации личности в виртуальном пространстве, в том числе и с территории иностранных государств.

Изначально при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении, звонок, совершенный с использованием средств *IP*-телефонии, воспринимается как осуществленный с территории Российской Федерации, так как визуализируется номер отечественного

сегмента телефонной связи. Этот номер зарегистрирован на конкретное лицо, которое не причастно к совершению рассматриваемых преступлений, то есть фактически является подставным, что в дальнейшем устанавливается посредством проведения допросов, а при необходимости и выемки с дальнейшим осмотром аппарата связи указанного лица.

Все дело в том, что при использовании технологий *IP (SIP)*-телефонии при совершении соединения злоумышленник использует средства компьютерной техники, а сигнал передается в цифровом виде посредством информационно-телекоммуникационных сетей (например, через «Интернет»). Переход на номерную емкость отечественного сегмента связи «+7...» может быть осуществлен двумя способами, с использованием технологии подмены номера либо применением специализированного оборудования (коммутаторов).

Следует последовательно изучить природу каждого из представленных методов.

Технология подмены номера реализуются посредством замены идентификатора — *Caller ID*. Указанный идентификатор может быть изменен при использовании специализированного программного обеспечения (в том числе, и находящегося в свободном доступе), либо программно-аппаратных средств. Кроме того, такая услуга может быть предоставлена и оператором связи (в том числе и иностранным).

Опасность применения технологий подмены номера в полной мере осознана и отечественным законодателем, который в 2021 году принял попытку пресечения возможности использования изменений *Caller ID*. Так, 2 июля 2021 года были внесены существенные изменения в Федеральный закон №-28 «О связи» [7], в соответствии с которыми с 1 января 2023 года на отечественных операторов связи возложена обязанность по передаче в сеть других операторов, участвующих в конкретном соединении абонентского номера (или идентифицирующего кода) в неизменном виде. Эта новелла фактически исключает использование рассматриваемой технологии при совершении звонков на территории Российской Федерации с измененным идентификатором *Caller ID*.

Что касается подмены номера, осуществляемой за пределами Российской Федерации, то при таком соединении на отечественного оператора связи возложена обязанность его блокирования, в том числе посредством внедрения различных технологий, действующих по типу «Антифрод» [8].

Следует признать, что предпринятые законодательные меры реагирования можно признать действующими. В настоящее время количество преступлений, совершаемых с использованием описанной технологии подмены номера, существенно сокращается ввиду использования других алгоритмов проведения соединения, поступающего с территории иностранного государства.

Указанные алгоритмы заключаются **в применении различного оборудования, установленного на территории Российской Федерации, выполняющего роль коммутатора**, который преобразовывает цифровой сигнал, проходящий по протоколу «*IP*» в сигнал телефонной связи с присвоением соответствующего номера. Таким образом, представляется, что оператор связи не может осуществить мероприятия по проверке достоверности сведений о пользователе (абоненте), а изменения Федерального закона «О связи», принятые Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 319-ФЗ, не могут быть реализованы по техническим причинам.

В рассматриваемых случаях операторы связи заключают с юридическими и физическими лицами договоры об оказании услуг связи, в рамках которых передают последним определенное количество номерных емкостей в виде физических или электронных *Sim*-карт в корпоративное пользование. Кроме того, могут заключаться дополнительные соглашения о возможности самостоятельного управления услугами связи со стороны третьих лиц.

В конечном итоге полученные емкости загружаются в специализированное оборудование, свободно доступное к приобретению, выполняющее роль коммутатора.

Такое оборудование (например «Симбокс» или «*sim pool*»), принимая цифровой сигнал, поступающий, в том числе с территории иностранного государства, переводит его на *Sim*-карту отечественного оператора связи (загруженную в оборудование). В дальнейшем звонок происходит и поступает адресату как телефонное соединение с определением российского номера телефона.

Проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием описанного алгоритма подмены номера, состоят в том, что:

во-первых, коммутаторное оборудование может находиться не по юридическому адресу, установленному в договоре с оператором связи;

во-вторых, в соответствии с соглашениями о самостоятельном управлении операторы связи не несут ответственности за проведенное соединение;

в-третьих, лица, использующие оборудование, как правило, не посвящены в вопросы преступной деятельности, а фактически — оказывают услуги по переводу сетевого трафика из протокола “IP” в “GSM”;

в-четвертых, ввиду использования технологий анонимизации личности в рассматриваемых условиях зачастую невозможно установить местонахождение реального преступника.

Следует отметить, что в эпоху, когда информация является средством, а зачастую и орудием гибридной войны против национальной безопасности Российской Федерации, совершаемой, в том числе и с использованием возможностей зарубежных правительственных центров информационных технологий и систем обороны или информационно-психологических операций (например, ЦИПСО Сил специальных операций Украины), необходимо осуществлять жесткий контроль оборота такой информации и средств ее передачи.

С этой целью назревает необходимость совершенствования законодательства в названной сфере. В частности, следует рассмотреть следующие вопросы:

во-первых, о запрете делегирования операторами связи полномочий и ответственности за управление соединениями;

во-вторых, о введении контроля оборота оборудования по типу «Симбокс» (“sim pool”).

Между тем проблемы противодействия преступлениям против общественной безопасности, совершаемым посредством распространения заведомо ложной информации с использованием средств сетевой телекоммуникации, существуют не только в прикладном, но и в практическом сегменте. В частности, с позиции уголовно-правового противодействия следует поставить вопрос о необходимости дополнения квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака, позволяющего учитывать при квалификации подобных деяний факт использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), так как научно обоснованно, что использование таких технологий существенно влияет на общественную опасность содеянного.

Список источников

1. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): монография / отв. ред. А. В. Петрянин. Москва: Проспект, 2020. 176 с.

2. Ильина В. Песков: В Буче произошел чудовищный подлог // Российская газета. URL:

<https://rg.ru/2022/04/05/peskov-v-buche-proizoshel-chudovishchnyj-podlog.html> (дата обращения: 01.02.2024).

3. Копорущин М. Следователи возбудили дело после массовых беспорядков в аэропорту Махачкалы // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/10/29/sledovateli-vozbudili-delo-po-besporiadkam-v-aeroportu-mahachkaly.html> (дата обращения: 01.02.2024).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 года // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

5. Особенности расследования преступлений, предусмотренных статьями 207¹–207³ УК РФ: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. 126 с.

6. Емельянова Е. В., Летёлкин Н. В., Пшеничных И. М. О практике применения норм об ответственности за преступления против общественной безопасности, сопряжённые с публичным распространением заведомо ложной информации (в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4. С. 104–110.

7. О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28, ст. 2895.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»: федеральный закон от 2 июля 2021 года № 319-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. I, ст. 5147.

References

1. Criminal legal counteraction to crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet): monograph / ed. by A. V. Petryanin. Moscow: Prospect Publ., 2020. 176 p. (In Russ.)

2. Ilyina V. Peskov: A monstrous forgery occurred in Bucha. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2022/04/05/peskov-v-buche-proizoshel-chudovishchnyj-podlog.html> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

3. Koporushkin M. Investigators opened a case after riots at the Makhachkala airport. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2023/10/29/sledovateli-vozbudili-delo-po-besporiadkam-v-aeroportu-mahachkaly.html> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

4. Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 63-FZ of June 13, 1996: adopted by the State Duma of the Russian Federation of May 24, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

5. Features of the investigation of crimes provided for in Articles 207¹–207³ of the Criminal Code of the RF: training manual. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Publ., 2024, 126 p. (In Russ.)

6. Emelyanova E. V., Letyolkin N. V., Pshenichnov I. M. On the practice of applying the rules on liability for crimes against public safety associated with the public dissemination of knowingly false information (including through the use of information and telecommunication networks). *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2023, no. 4, pp. 104–110. (In Russ.)

7. On communications: federal law no. 126-FZ of July 7, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 28, art. 2895. (In Russ.)

8. On amendments to the federal law “On Communications”: federal law no. 319-FZ of February 7, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part I, art. 5147. (In Russ.)

Информация об авторах

М. Е. Гуцев — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры криминалистики;
Н. В. Летёлкин — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

Information about the authors

M. E. Gushchev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics;

N. V. Letelkin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics.

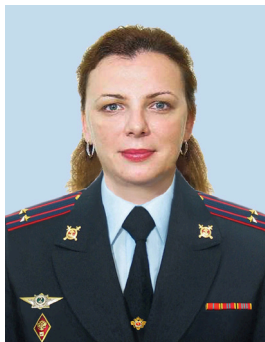
Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-97-105>

Стратегии мирового сообщества по разрешению экологических проблем: опыт криминологического анализа

Кузнецова Наталья Ивановна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, kafedry1999@mail.ru

Аннотация. В статье подвергнута криминологическому анализу деятельность ООН по защите окружающей среды. Актуальность обращения автора к указанным проблемам подчеркивает то обстоятельство, что состояние окружающей среды самым непосредственным образом связано со всеми без исключения сферами жизнедеятельности человека, начиная от цен на товары и заканчивая состоянием его здоровья во всех странах мира. Отмечается, что разработка значимых документов ООН по охране окружающей среды и активизация деятельности международного сообщества в экологической сфере неразрывно связаны с созывом международных конференций, среди которых особое значение имели: Конференция ООН по проблемам окружающей среды человека (1972) (Стокгольмская конференция), Конференции в Рио-де-Жанейро (1992, 2012), Конференция ООН по вопросу изменения климата в Киото (1997), Конференция ООН по климату (2021). Автор приходит к выводу о том, что ООН призвана играть ведущую роль в деле защиты окружающей среды. Однако она не обладает достаточными ресурсами и компетенцией для решения всех глобальных экологических проблем. Подчеркивается, что, несмотря на некоторые усилия мирового сообщества, глобальный экологический кризис усугубляется, а нынешние системы национального и международного уровня не в состоянии снизить растущую нагрузку человечества на природную среду, включая угрозы экологической безопасности, экологическую преступность.

Ключевые слова: конференции ООН, изменение климата, охрана окружающей среды, экологические проблемы, экологические преступления, экологическая безопасность

Для цитирования: Кузнецова Н. И. Стратегии мирового сообщества по разрешению экологических проблем: опыт криминологического анализа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 97–105. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-97-105>.

Original article

Strategies of the world community to solve environmental problems: experience in criminological analysis

Natalia I. Kuznetsova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, kafedry1999@mail.ru

Abstract. The article presents a criminological analysis of the UN's environmental protection activities. The relevance of the author's appeal to these problems is emphasized by the fact that the state of the environment is most

© Кузнецова Н. И., 2024

directly related to all spheres of human activity, without exception, starting from the prices of goods and ending with the state of his health in all countries of the world. It is noted that the development of significant UN documents on environmental protection and the intensification of the international community's activities in the environmental field are inextricably linked with the convening of international conferences, among which were of particular importance: the UN Conference on the Human Environment in 1972 (Stockholm Conference), Conferences in Rio de Janeiro in 1992, 2012, the UN Conference on Climate Change in Kyoto in 1997, the UN Climate Conference in 2021. The author concludes that the UN is called to play a leading role in environmental protection. However, it does not have sufficient resources and competence to solve all global environmental problems. It is emphasized that despite some efforts of the world community, the global environmental crisis is getting worse, and the current national and international systems are not able to reduce the growing burden of humanity on the natural environment, including threats to environmental safety, environmental crime.

Keywords: UN conferences, climate change, environmental protection, environmental problems, environmental crimes, environmental safety

For citation: Kuznetsova N. I. Strategies of the world community to solve environmental problems: experience in criminological analysis. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 97–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-97-105>.

Роль международного сообщества по разрешению экологических проблем, включая экологическую преступность, постепенно становится объектом криминологических исследований. Это неудивительно, поскольку состояние окружающей среды самым непосредственным образом связано со всеми без исключения сферами жизнедеятельности человека, начиная от цен на товары и заканчивая состоянием его здоровья. Преступное загрязнение окружающей среды, неизбежное истощение целого ряда природных ресурсов, вызванное, с одной стороны, их хищнической добычей, с другой — их ограниченностью, таит в себе потенциальную угрозу возникновения и эскалации региональных и глобальных конфликтов. Уже сегодня можно наблюдать негативные последствия экологической преступности, влекущие социально-экономические потери, геополитическую напряженность, политические противоборства, вооруженные столкновения [1], экологическую миграцию населения, продовольственный кризис и др. Здесь можно вспомнить конфликт в Нигере в конце июля 2023 года. Когда военные, пришедшие к власти в этой стране, объявили о приостановке экспорта урана в страны Европейского Союза. Конфликт привел к сокращению добычи и значительному удорожанию урана [2].

Кроме того, еще одним фактором, способствующим ухудшению состояния окружающей среды, является экологическая преступность.

В криминологии экологическая преступность определяется как общественно опасное, сопряженное с экологическим риском и/или влекущее вред окружающей среде и представляющее угрозу экологической безопасности общества, относительно массовое и устойчивое, социально-правовое и психологически обусловленное

явление, подрывающее биологические основы жизни всего живого на Земле [3, с. 8]. Это явление относится к высоколатентным. Согласно официальной статистике в Российской Федерации в 2022 году зарегистрировано 19 070 экологических преступлений. Однако по оценкам специалистов латентность этих преступлений достигает 99–100 %.

В этой связи для сохранения окружающей среды как основы современной цивилизации должны быть усилены старания экологов, экономистов, социологов, политиков, конфликтологов, криминологов, правоведов и общественности по минимизации экологических проблем не только в Российской Федерации, но и во всем мире.

Отличительной особенностью, определяющей значение экологических проблем, многие из которых относятся к глобальным, является их трансграничный характер. При этом в современном мире сами экологические проблемы постепенно становятся фактором, влияющим на преступность [4; 5]. При этом мировое сообщество пытается разрешить данные проблемы путем создания механизмов снижения их масштаба, реализации международных соглашений (конвенций), создания международных экологических организаций и проведения международных конференций.

Считается, что ведущую роль в деле защиты окружающей среды играет Организация Объединенных Наций (далее — ООН). Она является крупнейшей и старейшей международной структурой, занимающейся вопросами устойчивого развития, в том числе экологии в мировом масштабе. В специальной литературе подчеркивается, что Конвенции ООН являются важным инструментом глобальной экологической политики [6, с. 53].

В настоящей работе мы попытаемся оценить роль ООН в прошлом и на сегодняшний день с криминологической точки зрения, а именно способности этой организации влиять на социальные процессы, оказывающие влияние на экологическую преступность.

В целом в рамках ООН были созданы организации, уделяющие особое внимание проблемам охраны окружающей среды. Так, например, *Всемирная организация здравоохранения* (ВОЗ) занимается вопросами здравоохранения во взаимосвязи с охраной природы, а *Международное агентство по атомной энергетике* (МАГАТЭ) заботится о безопасности с экологической точки зрения методах использования атомной энергии, *Продовольственная и сельскохозяйственная организация* Объединенных Наций (ФАО) организует деятельность по борьбе с голодом и стремится обеспечить продовольственную безопасность, а также доступ всех к качественной пище, *Всемирная метеорологическая организация* (ВМО) является специализированным учреждением ООН по вопросам метеорологии, изучает поведение атмосферы, ее взаимодействие с сушей и океанами, погодой и климатом, а также распределение водных ресурсов. Безусловно, все перечисленные организации стремятся привлечь внимание правительств отдельных государств и общественности к экологической безопасности.

В настоящей работе под «экологической безопасностью» следует понимать деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц по предупреждению и отражению экологических угроз, исключению их возможных последствий [7, с. 8].

Важно отметить то, что разработка значимых документов ООН по охране окружающей среды и активизация деятельности международного сообщества в экологической сфере неразрывно связаны с созывом международных конференций. В этой связи следует подвергнуть критическому анализу итоги некоторых форумов ООН по вопросам экологии.

Конференция ООН по проблемам окружающей среды человека 1972 года (*Стокгольмская конференция*) стала первой международной площадкой, где было заявлено о включении в программу действий на правительственном уровне мер для решения актуальных экологических проблем и вопросов охраны окружающей среды [8]. СССР не принимал участия в данной конференции. Однако Стокгольмская

конференция способствовала активизации изучения проблем окружающей среды на международном и национальном уровнях, включая нашу страну.

Стокгольмская конференция оказала влияние на формирование правовых норм и законодательных инициатив в данной области, стимулировала возникновение международных форм сотрудничества в защите окружающей среды [9]. Итогом форума стало подписание большого количества документов и принятие Декларации об окружающей среде человека [10]. Слоган конференции *Only one Earth* («Только одна планета») на многие годы стал лозунгом экологического движения во всем мире. Криминологический анализ показал, что при этом проблемы бедности, социального и экономического неравенства и необходимости сохранения окружающей среды впервые были рассмотрены в совокупности как взаимосвязанные и взаимообусловленные явления.

Было бы большим преувеличением сказать, что все предписания Стокгольмской конференции выполнялись повсеместно и в полном объеме. Так, проводя ретроспективный анализ итогов указанной конференции, профессор В. И. Данилов-Данильян с сожалением отмечает, что из всех резолюций и рекомендаций Стокгольмской конференции полностью были выполнены только две: создание Программы по окружающей среде (ЮНЕП) и проведение конференции спустя долгих 20 лет в Рио-де-Жанейро, известной как «Саммит Земли» [11, с. 84]. Хотя значение ЮНЕП достаточно велико, она не может решить всех накопившихся и нарастающих экологических проблем.

Несмотря на то, что Стокгольмская декларация носила рекомендательный характер, этот документ можно считать основополагающим источником международного экологического права — ее положения в дальнейшем были отражены во многих документах и имплементированы через внутригосударственное законодательство ряда стран [9, с. 91].

В 1985 году в Вене под эгидой ЮНЕП была принята Конвенция по охране озонового слоя [12]. Так, 16 сентября 1987 года был подписан Протокол по хлорфторуглеродам, признанным главной причиной разрушения озонового слоя. Протокол получил название «Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой» (МП-87) [13]. Официально было заявлено, что выбросы озоноразрушающих веществ могут существенно истощить или иным образом изменить

озоновый слой, и были одобрены превентивные меры по надлежащему регулированию всех глобальных выбросов с целью добиться их устранения. В этой связи мировое сообщество смогло прийти к соглашению о прекращении производства и потребления озоноразрушающих веществ. Озоновая проблема — пока единственная глобальная экологическая проблема, для решения которой человечество смогло найти и реализовать эффективную стратегию. Так, в начале 2023 года эксперты ООН сообщили о том, что озоновый слой постепенно восстанавливается [14].

Кроме того, 25 июня 1998 года на четвертой Конференции министров окружающей среды европейских стран в г. Орхус (Дания) была подписана Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (далее — Орхусская конвенция). Основная цель конвенции — содействие защите права каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья [15].

Данная конвенция подписана Российской Федерацией, а ее ратификация включена в План реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2012 года № 2423-р) [16].

Орхусская конвенция отличается тем, что ведущую роль в ее принятии сыграли такие неправительственные организации, как Всемирный союз охраны природы, Коалиция неправительственных экологических организаций Европы (Европейский ЭКО-форум). Это обстоятельство подчеркивает признание на международном уровне значения общественности в принятии экологически значимых решений.

В 1998 году в Страсбурге была подписана Конвенция «О защите окружающей среды посредством уголовного законодательства» ETS № 172. Хотя Российская Федерация в указанной Конвенции не участвует, как утверждают специалисты, наличие подобных соглашений является необходимым фактором создания основы взаимодействия по международному противодействию экологической преступности [17, с. 292].

В своей работе А. М. Максимов подчеркивает значение международных конференций для становления не только экологического законодательства, но и природоохранных уголовно-правовых норм [18, с. 24–25]. В УК РСФСР

в 1974–1995 годах были включены следующие статьи: 167¹ «Нарушение законодательства о континентальном шельфе СССР»; 167³ «Незаконное создание искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе Российской Федерации»; 167⁵ «Незаконное проведение буровых работ, незаконная прокладка подводных кабелей и трубопроводов на континентальном шельфе Российской Федерации»; 167⁸ «Нарушение правил эксплуатации и удаления искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе Российской Федерации»; 223¹ «Загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами»; 223² «Незаконное приобретение, хранение, использование, передача или разрушение радиоактивных материалов»; 223 «Нарушение правил хранения и использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними». Полагаем, что в последующем эти дополнения создали необходимые предпосылки для появления в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации отдельной главы «Экологические преступления».

На конференции в Рио-де-Жанейро 1992 года подвели итоги двадцатилетней работы по охране окружающей среды, было утверждено «Заявление о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию всех видов лесов», а также открыты для подписания два важнейших глобальных соглашения: Рамочная конвенция об изменении климата [19] и Конвенция о биологическом разнообразии [20].

Мировое сообщество в лице представителей 179 государств на конференции в Рио-де-Жанейро пришло к согласованному выводу о том, что характер экономического развития человечества должен быть изменен, иначе его ждет гибель. Для того, чтобы жизнь и социальные формы ее организации на нашей планете не деградировали, необходимо осуществить программу совместных действий в интересах устойчивого развития, получившая название «Повестка дня на XXI век» [21, с. 3]. Она включает более ста программ, направленных на охрану окружающей среды.

Эта конференция имела колоссальный предупредительный эффект. С начала 1992 года люди во всем мире говорили о том, как важно проводить подобные форумы, защищать окружающую среду. В СМИ появлялись всевозможные материалы на экологические темы.

Энтузиазм был необычайный, охрана природы представлялась личным делом каждого жителя Земли [11, с. 86].

После конференции во многих странах, включая Российскую Федерацию, были приняты важные природоохранные законы. Так, например, во исполнение нашей страной обязательств Конвенции о биоразнообразии в Российской Федерации ведется Красная книга. Она актуализируется путем дополнения новыми видами объектов животного мира. Профессор Э. Н. Жевлаков справедливо указывает на то, что включение какого-либо вида в Красную книгу Российской Федерации автоматически накладывает запрет на его добычу [22, с. 4].

В соответствии с Конвенцией о биоразнообразии в уголовное законодательство внесены статьи 258¹, 260¹ УК РФ, предусматривающие ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Несомненным достижением Конференции стал сопутствующий ей интерес к вопросам охраны окружающей среды, повышение экологической культуры, широкая дискуссия и обмен мнениями, в ходе которых получил всеобщее признание постулат о том, что проблемы окружающей среды и развития не могут рассматриваться отдельно [23].

За 20 лет между Стокгольмской конференцией и конференцией в Рио-де-Жанейро на мероприятия по охране окружающей среды было потрачено более 1 трлн долларов и порядка 200 млрд рублей (в ценах 80-х годов) в бывшем СССР [24, с. 10].

Российская Федерация была участницей Конференции в Рио-де-Жанейро. Это обстоятельство, безусловно, повлияло на экологическую и уголовно-экологическую политику в нашей стране. Так, с 1991 по 1995 год были приняты следующие Законы: «Об охране окружающей природной среды», «О недрах», «О животном мире», «Об экологической экспертизе» и др. В 1996 году был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), в котором впервые появилась отдельная глава «Экологические преступления».

Конференция ООН в Рио-де-Жанейро была весьма прогрессивной в плане налаживания международного сотрудничества. Однако следующая конференция ООН по устойчивому

развитию, проведенная в сентябре 2002 года в Йоханнесбурге (Южная Африка), была уже не столь эффективной по сравнению с предыдущими. Она умерила оптимизм в отношении реальности осуществления всех программ и проектов как национального, так и международного уровней [25].

На форуме было принято два основных документа — Йоханнесбургская Декларация по устойчивому развитию и План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию.

С криминологической точки зрения важно отметить, что ведущее место в указанных документах отведено бедности как главному фактору нестабильности, преступности и нравственного разложения [26, с. 238]. Таким образом, ученые и политики всего мира солидарны во мнении, что бедность влияет на усиление экологической преступности.

В исследовании, посвященном экологическим проблемам и роли ООН по их разрешению В. И. Данилов-Данильян, И. Е. Рейф подчеркивают, что «нищета порождает чувство безысходности и апатии, а с ними и тотальную безответственность в отношении к природе, обществу, к собственным детям, которые, оказавшись на социальном дне, получают извращенное представление об окружающем мире и сами становятся асоциальными личностями. В свою очередь, бедность неразрывно связана со слабостью экономики, безработицей» [23, с. 158].

В 2012 году в Рио-де-Жанейро состоялась очередная конференция ООН «Рио+20», на которой был принят итоговый документ по устойчивому развитию под названием «Будущее, которого мы хотим». В данном документе мировое сообщество подтвердило необходимость искоренения нищеты и голода, безработицы и неполной занятости, особенно среди молодежи. А также то, что для перехода к устойчивому развитию в масштабах всего мира необходимо коренным образом изменить сложившиеся в странах модели отношения к природе, потребления и производства.

Многие специалисты давали невысокие оценки Конференции «Рио+20». Основная критика звучала со стороны неправительственных учреждений, которые указывали на слабую результативность этой конференции [27]. Таким образом, глубокое проникновение экологических ценностей в экономическую жизнь произошло далеко не во всех странах — разрыв в уровне развития богатых и бедных стран остается высоким, многие развивающиеся

государства по-прежнему ставят во главу угла экономические приоритеты [26, с. 238].

Важную роль в международном сотрудничестве сыграло Парижское соглашение по изменению климата 2015 года, пришедшее на смену Киотскому протоколу. Правительством Российской Федерации оно было принято в 2019 году. Парижская конференция породила определенный оптимизм, позволив заключить новое применимое ко всем странам соглашение по климату, нацеленное на удержание глобального потепления в пределах 1,5-2 °C. В результате 197 участников Парижского саммита решили разработать программы снижения выбросов парниковых газов. В этой связи в нашей стране был утвержден Национальный план адаптации к изменениям климата [28].

В ноябре 2021 года в г. Глазго прошла Конференция ООН по климату, которая завершилась принятием документа — Климатического пакта. Этот форум также разочаровал некоторых специалистов. Поскольку, если изначально планировалось перейти к постепенному отказу от субсидий для производства и потребления ископаемого топлива, то итоговая версия ограничилась призывом к сокращению «неэффективных топливных субсидий» [29, с. 89].

Тем не менее были и положительные моменты. Так, помимо итогового Климатического пакта, была принята Декларация по лесам и землепользованию, подписанная представителями 141 государства, включая Российскую Федерацию. Двенадцать стран мира до 2025 года решили выделить 12 млрд долларов на восстановление деградированных земель и борьбу с лесными пожарами [30, с. 16]. Однако до настоящего момента им пока не удалось спасти леса от пожаров.

Кроме того, неожиданно для участников форума Китай и США выпустили совместное заявление, в котором приняли обязательство до 2030 года общими усилиями бороться за ограничение роста средней температуры приземного слоя атмосферы 1,5 °C. Страны подтвердили намерение сотрудничать. Китай и США также договорились о сотрудничестве в области сокращения выбросов и о создании двусторонней рабочей группы по усилению климатических действий [31].

Отмечая весомый вклад ООН в дело охраны окружающей среды, некоторые специалисты отмечают ее слабую эффективность и то, что указанная работа не принесет ожидаемых результатов, поскольку полномасштабный экологический кризис невозможно победить вне

главных усилий землян по преодолению духовного кризиса или кризиса «оснований» человеческого бытия, который остался без внимания ООН [32, с. 17]. Похоже, что к началу XXI века «эра Рио» подошла к закату, и мы являемся свидетелями зарождения новой «энергетическо-климатической эры» [33].

Полагаем, что, несмотря на предпринимаемые усилия международного сообщества, все еще недостаточен рост осознания значимости экологических проблем и экологической преступности, обязательств отдельных стран и всего человечества по сохранению окружающей среды [34].

Следует согласиться с рядом ученых, которые утверждают, что сегодня практически невозможно усилить роль ООН так, чтобы это усиление соответствовало целям и интересам России. К сожалению, в последние годы члены Совета Безопасности стали особенно часто выносить на голосование резолюции, прямо или косвенно направленные против интересов Российской Федерации [35]. Такое обстоятельство не может положительно сказываться на решении международных, в том числе глобальных экологических проблем.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать несколько выводов.

Во-первых, ООН призвана играть ведущую роль в деле защиты окружающей среды, однако данная организация является международной, а не наднациональной организацией, поэтому она не обладает достаточными ресурсами и компетенцией для решения всех глобальных экологических проблем, включая экологическую преступность, которая приобретает трансграничный характер.

Тем не менее мировое сообщество смогло прийти к соглашению о прекращении производства и потребления озоноразрушающих веществ (Монреальский протокол, 1987).

Таким образом, озоновая проблема — пока единственная глобальная экологическая проблема, для решения которой человечество смогло найти и реализовать эффективную стратегию.

Во-вторых, проведение международных экологических конференций способствует предупреждению экологической преступности, поскольку повышается экологическая культура населения, к людям постепенно приходит осознание того, что экологические преступления так или иначе наносят вред каждому человеку, живущему на планете Земля, усиливается нетерпимость граждан к экологическим правонарушителям.

В-третьих, усиление внимания мирового сообщества к проблемам охраны окружающей среды неразрывно связано с созывом международных конференций, которые являются весьма прогрессивными в плане налаживания международного сотрудничества и оказывают влияние на формирование природоохранительного законодательства в зарубежных странах и в Российской Федерации. Однако с февраля 2022 года кризис международного сотрудничества усилился в связи с проведением специальной военной операции на Украине.

В-четвертых, проведение международных конференций оказывает влияние не только на экологическое законодательство, но и формирование природоохранительных уголовно-правовых норм. Все вносимые изменения создали необходимые предпосылки для появления в ныне действующем УК РФ отдельной главы «Экологические преступления».

Список источников

1. Милюков С. Ф., Кузнецова Н. И. Война как экологическая катастрофа: стратегии минимизации // Государство и право. 2023. № 7. С. 178–184.
2. Неприятная дилемма: Эксперты спрогнозировали удорожание урана на фоне конфликта в Нигере. URL: <https://rg.ru/2023/08/02/nepriatnaia-dilemma-eksperty-sprognozirovali-udorozhanie-urana-na-fone-konflikta-v-nigere.html> (дата обращения: 08.09.2023).
3. Клетнева Е. Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: автореф. канд. ... юрид. наук. Казань, 2007. 23 с.
4. Кузнецова Н. И. Изменение климата как криминогенный фактор // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 306–309.
5. Кузнецова Н. И., Урда М. Н. Экологическая миграция: криминологический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 30–38.
6. Матвеева Е. В. Экологические проблемы в политике современных государств: теория и практика: монография. Кемерово: Полиграф, 2010. 181 с.
7. Голубев С. И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 499 с.
8. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (дата обращения: 04.07.2023).
9. Цверрианашвили И. А. Стокгольмская конференция 1972 г. и ее роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 89–94.
10. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 03.07.2023).
11. Данилов-Данильян В. И. РИО-92: впечатления участника // Международное сотрудничество в целях устойчивого развития / под ред. И. В. Ильина. Москва, 2023. С. 84–88.
12. Венская Конвенция. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 13.07.2023).
13. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 13.07.2023).
14. Официальный сайт ООН. Новости ООН. Озоновый слой постепенно восстанавливается. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442437> (дата обращения: 08.09.2023).
15. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 11.09.2023).
16. Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/activity/documents/80542/> (дата обращения: 12.09.2023).
17. Якимова Е. М., Чуксина В. В., Комкова Г. Н., Несмеянова С. Э. Международное сотрудничество в борьбе с экологическими преступлениями // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 288–298.
18. Максимов А. М. Уголовно-правовые меры борьбы с незаконной добычей водных животных и растений: монография / под ред. Л. А. Прохорова. Астрахань: Издательско-полиграфический комплекс «Волга» Администрации Астраханской области, 2004. 160 с.
19. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
20. Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами: (Теория и документы). Москва: Издательство «Экономика», 2000. 598 с.
21. Левашов В. К. Устойчивое развитие общества: парадигмы, модели, стратегии. Москва: Academia, 2001. 174 с.
22. Жевлаков Э. Н. Статья 260¹ УК РФ: сложности применения и уголовно-правовая характеристика преступления // Уголовное право. 2023. № 9 (157). С. 3–9.
23. Данилов-Данильян В. И., Рейф И. Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. Москва: Лененд, 2019. 315 с.

24. Данилов-Данильян В. И., Горшков В. Г., Арский Ю. М., Лосев К. С. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа) / отв. ред. К. Я. Кондратьев. Москва, 1994. 132 с.

25. Матвеева Е. В. Экологическая политика мирового сообщества во второй половине XX — начале XXI века // Вестник ПАГС. 2010. С. 151–157.

26. Авдеева Т. Г. Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20»: год спустя // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2013. Т. 5. № 2. С. 238.

27. Бедрицкий А. Об итогах конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» // Природно-ресурсные ведомости. 2012. № 6 (381). Июнь.

28. Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменению климата на период до 2022 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2019 года № 3183-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1. Ч. II, ст. 115.

29. Арбатова Н. К. Климатические угрозы — новое измерения безопасности Евросоюза // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 81–93.

30. Юргенс И. Ю., Турбина К. Е. Климатический саммит в Глазго: обновление мироустройства и задачи России // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 9–30.

31. Жилина И. Ю. Итоги Конференции по климату в Глазго – 2021 // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1. С. 111–132.

32. Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития // Государство и право. 2014. № 10. С. 15–24.

33. Боклан Д. С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития // Московский журнал международного права. 2015. № 1.

34. Каша Кабур Али Муса. Правовые проблемы международного сотрудничества в области охраны окружающей среды: автореф. канд. ... юрид. наук. Москва, 2000. 22 с.

35. Квартальной А. ООН и Россия: конец иллюзий? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/oon-i-rossiya-konets-illyuziy/> (дата обращения: 20.09.2023).

References

1. Milyukov S. F., Kuznetsova N. I. War as an environmental disaster: minimization strategies. *State and Law*, 2023, no. 7, pp. 178–184. (In Russ.)

2. An unpleasant dilemma: Experts predicted an increase in the price of uranium against the backdrop of the conflict in Niger. URL: <https://rg.ru/2023/08/02/nepriiatnaia-dilemma-eksperty-sprognozirovali-udorozhanie-urana-na-fone-konflikta-v-nigere.html> (accessed 08.09.2023). (In Russ.)

3. Kletneva E. G. Environmental crime in the Russian Federation: concept, causes, conditions and prevention. Author's abstract... candidate of legal sciences. Kazan, 2007. 23 p. (In Russ.)

4. Kuznetsova N. I. Climate change as a criminogenic factor. *Legal technology*, 2023, no. 17, pp. 306–309. (In Russ.)

5. Kuznetsova N. I., Urda M. N. Ecological migration: criminological aspect. *All-Russian Criminological Journal*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.)

6. Matveeva E. V. Environmental problems in the politics of modern states: theory and practice: monograph. Kemerovo: Polygraph Publ., 2010. 181 p. (In Russ.)

7. Golubev S. I. Criminal legal provision of environmental safety (legislative and doctrinal foundations, classification of types of environmental crimes and characteristics of compositions). Dissertation... doctor of legal sciences. Kazan, 2022. 499 p. (In Russ.)

8. Official website of the UN. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (accessed 04.07.2023). (In Russ.)

9. Tsverianashvili I. A. The Stockholm Conference of 1972 and its role in the formation of international environmental cooperation. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2016, no. 1, pp. 89–94. (In Russ.)

10. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (accessed 03.07.2023). (In Russ.)

11. Danilov-Danilyan V. I. RIO-92: impressions of the participant. *International cooperation for sustainable development* / ed. by I. V. Ilyina. Moscow, 2023. Pp. 84–88. (In Russ.)

12. Vienna Convention. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (accessed 13.07.2023). (In Russ.)

13. Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (accessed 13.07.2023). (In Russ.)

14. Official website of the UN. UN News. The ozone layer is gradually recovering. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442437> (accessed 08.09.2023). (In Russ.)

15. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (accessed 11.09.2023). (In Russ.)

16. Official website of the Federation Council. URL: <http://www.council.gov.ru/activity/documents/80542/> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

17. Yakimova E. M., Chuksina V. V., Komkova G. N., Nesmeyanova S. E. International cooperation in the fight against environmental crimes. *All-Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 288–298. (In Russ.)

18. Maksimov A. M. Criminal legal measures to combat illegal production of aquatic animals and plants: monograph / ed. by L. A. Prokhorov. Astrakhan: Volga Publ., 2004. 160 p. (In Russ.)
19. United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (accessed 10.07.2023). (In Russ.)
20. Vylegzhanin A. N., Zilanov V. K. International legal framework for the management of marine living resources: (Theory and documents). Moscow: Ekonomika Publ., 2000. 598 p. (In Russ.)
21. Levashov V. K. Sustainable development of society: paradigms, models, strategies. Moscow: Academia Publ., 2001. 174 p. (In Russ.)
22. Zhevlakov E. N. Article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties of application and criminal law characteristics of the crime. *Criminal Law*, 2023, no. 9 (157), pp. 3–9. (In Russ.)
23. Danilov-Danilyan V. I., Reif I. E. Biosphere and civilization: in the grip of the global crisis. Moscow: Lenend Publ., 2019. 315 p. (In Russ.)
24. Danilov-Danilyan V. I., Gorshkov V. G., Arsky Yu. M., Losev K. S. The environment between the past and the future: the world and Russia (experience of environmental and economic analysis) / resp. ed. by K. Ya. Kondratiev. Moscow, 1994. 132 p. (In Russ.)
25. Matveeva E. V. Environmental policy of the world community in the second half of the 20th– early 21st centuries. *Bulletin of PAGS*, 2010, pp. 151–157. (In Russ.)
26. Avdeeva T. G. UN Conference on Sustainable Development “RIO+20”: a year later. *Interdisciplinary scientific and applied journal “Biosphere”*, 2013, vol. 5, no. 2. (In Russ.)
27. Bedritsky A. On the results of the UN conference on sustainable development “RIO+20”. *Natural Resources Gazette*, 2012, no. 6 (381), June. (In Russ.)
28. On approval of the national action plan for the first stage of adaptation to climate change for the period until 2022: order of the Government of the Russian Federation no. 3183-r of December 25, 2019. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 1, part II, art. 115. (In Russ.)
29. Arbatova N. K. Climate threats — a new dimension of the security of the European Union. *Polis. Political research*, 2022, no. 6, pp. 81–93. (In Russ.)
30. Yurgens I. Yu., Turbina K. E. Climate summit in Glasgow: updating the world order and tasks of Russia. *Power*, 2022, vol. 30, no. 2, pp. 9–30. (In Russ.)
31. Zhilina I. Yu. Results of the Climate Conference in Glasgow – 2021. *Economic and social problems of Russia*, 2022, no. 1, pp. 111–132. (In Russ.)
32. Brinchuk M. M. The concept of sustainable development as a methodological basis for civilizational development. *State and Law*, 2014, no. 10, pp. 15–24. (In Russ.)
33. Boklan D. S. “Greenization” of international economic relations in the context of the evolution of the concept of sustainable development. *Moscow Journal of International Law*, 2015, no. 1. (In Russ.)
34. Porridge Kabur Ali Musa. Legal problems of international cooperation in the field of environmental protection. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2000. 22 p. (In Russ.)
35. Kvartalnoy A. UN and Russia: the end of illusions? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/oon-i-rossiya-konets-illyuziy/> (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

Н. И. Кузнецова — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

N. I. Kuznetsova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-106-112>

Уточнение основных криминалистических категорий

Лубин Александр Федорович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ale-lubin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд криминалистических категорий: «объект криминалистической науки», «криминалистическое мышление», «криминалистическая деятельность», «механизм преступной деятельности», «версионный анализ», «раскрытие преступления». Хотя названные категории являются основными, но слишком велики различия в их толковании. Сложилась познавательная ситуация, когда требуются существенные уточнения этих категорий.

Ключевые слова: объект криминалистической науки, криминалистическое мышление, криминалистическая деятельность, механизм преступной деятельности, версионный анализ, раскрытие преступлений

Для цитирования: Лубин А. Ф. Уточнение основных криминалистических категорий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 106–112. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-106-112>.

Original article

Clarification of the main forensic categories

Alexander F. Lubin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ale-lubin@yandex.ru

Abstract. The article considers a number of criminalistic categories: the object of criminalistic science, “criminalistic thinking”, “criminalistic activity”, “mechanism of criminal activity”, “versioning analysis”, “crime detection”. Although these categories are basic, the differences in their interpretation are too great. There is a cognitive situation where significant clarifications of these categories are required.

Keywords: the object of criminalistic science, criminalistic thinking, criminalistic activity, mechanism of criminal activity, versioning analysis, crime detection

For citation: Lubin A. F. Clarification of the main forensic categories. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 106–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-106-112>.

© Лубин А. Ф., 2024

Намерение уточнить основные научно-криминалистические категории имеет вполне основательные причины. Во-первых, возникла острая необходимость придать большую точность (или строгость) используемых системобразующих категорий (понятий). При этом, конечно, есть опасность так исказить смысл категории, что она превратится в бессмыслицу. Риск возрастает, если изменяемая категория носит парадигмальный или доктринальный характер. Во-вторых, ко времени принятия решения об изменении значимого методологического положения должна быть в наличии система достаточных и непротиворечивых аргументов, прошедших апробацию. В-третьих, всякое уточнение категории должно являться продуктом уже существующего целого образования. В данном случае таким образованием служит система концептуальных категорий действующей научной школы кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Уместно напомнить, что понятие «школа» имеет греческие и латинские корни. Древние греки уважали свободу вообще и особенно свободу от всяческого физического труда. Такую свободу они называли школой. Впрочем, в словаре Михельсона есть уточнение: школа — это «досуг для нужного дела удосуживание» [1]. Жители Западной Европы («латиняне») более трудолюбивы. Школой называли «систему образования, выучки, приобретённый опыт». Большой словарь русского языка добавляет: школа — это «направление в науке, литературе, искусстве, связанное единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов» [2].

Надо сознавать, что нет необходимости высвечивать воздействие категорий и понятий на теорию криминалистики и практику расследования преступлений. Однако бывают исключительные случаи, когда существенное различие в толковании взаимосвязанных терминов и понятий ведет к новым выводным знаниям, или — к новой объяснительной схеме. Мы утверждаем, что такое исключение нужно сделать именно для нашего случая — в настоящий момент количество категорий и понятий, нуждающихся в корректировке, создало угрозу застоя и перехода в регрессивное движение криминалистической науки.

Итак, для начала следует уточнить исходную категорию «объект криминалистической науки». Эта категория охватывает интересы ряда научных дисциплин «криминального цикла», поэтому многократно возрастает значимость ее

уточнения. Таким полидисциплинарным объектом выступают закономерности противоборства (противодействия, противостояния) двух типов деятельности: 1) деятельности по замыслению, подготовке, совершению и сокрытию преступлений (далее — «преступная деятельность») и 2) деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию преступлений (далее — «деятельность по расследованию»). Эти закономерности противоборства двух антагонистических структур образуют, во-первых, полидисциплинарный объект дисциплин «криминального цикла», а во-вторых, особый объект криминалистической науки. Примером полидисциплинарного объекта служат теория доказательств и доказательственное право, которые на долгие годы предопределили разрешение ряда вопросов во всех отраслях юриспруденции [4].

Точка зрения большинства ученых: криминалистическая наука имеет «двуединный объект познания — преступную деятельность и криминалистическую деятельность по ее расследованию и предупреждению» [5, с. 23]. Это так называемое «двуединство» (нерасторжимость) абсолютно не означает полидисциплинарность объекта науки, а главное не определяет закономерность отношений в рамках «двуединства» [6, с. 29–34]. Это большинство забыло, что без исследования этих отношений нет познания реальности [7, с. 23]. Проще говоря, изолированно исследовать преступную деятельность или расследование преступлений не имеет смысла для криминалистической науки. Характерно, что ни в одном из словарей не содержатся примеры словоупотребления термина «двуединство», хотя такие иллюстрации являются важной и обязательной частью содержания каждой словарной статьи.

Приоритет в разработке категории «объект криминалистики», по-видимому, принадлежит профессору М. К. Каминскому — основателю научной школы (1982) [8, с. 153]. В дальнейшем ученый схематично показал процесс взаимовлияния преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений применительно к необходимости современного понимания объекта криминалистики [9, с. 74; 10, с. 29–32].

Что касается смежных категорий «криминалистическое мышление» и «криминалистическая деятельность», полагаем, что в самых начальных стадиях исследования небольшие отклонения от достоверности воспринимаются как профессиональная аберрация (для укрепления «авторитета дисциплины»), но затем возникают очевидные недоразумения.

Так, Н. П. Яблоков неоднократно подчеркивал, что «криминалистическое мышление позволяет логически связать следы и обстоятельства и сплести из них “крепкую нить” фактических данных...» [11, с. 156–159]. Однако как «связывать» и «сплести» такую крепкую нить — это осталось загадкой «черного ящика». Так называют систему, когда не знают, как она устроена или ее внутреннее устройство весьма сложно. И все же профессор Н. П. Яблоков и его ученики увидели в этой проблеме немалую перспективу и выдвинули идею о создании новой криминалистической теории — «теории криминалистического мышления» [12, с. 232].

Вслед за ними, как говорится, «пошла писать губерния» (А. П. Чехов) [13, с. 216–222; 14, с. 68–72; 15, с. 125–129; 16, с. 128–132].

Авторы, которые продвигают идею о криминалистическом мышлении, ошибаются в том, что такое мышление основывается только на криминалистических знаниях. В основе человеческого мышления лежат знания из любых отраслей науки, потому полагаем, что не существует особого «ветеринарного», «агрономического» мышления, не существует специального «зоотехнического» мышления. Глубокая задумчивость дамы, изучающей таинственное пятнышко на платье, совершенно похожа на анализ эксперта, который разгадывает способ подлога в документе. Разница только в степени нагруженности субъектов теорией и опытом.

Далее, на наш взгляд, категория «криминалистическая деятельность» не является корректной. В любой юридической деятельности — адвокатской, прокурорской, судебной — используются криминалистические средства, но сама деятельность вследствие этого не становится криминалистической. Р. С. Белкин решительно и верно сформулировал: если нет и не может быть «криминалистических правоотношений», то нет и криминалистической деятельности, а есть деятельность процессуальная, оперативно-розыскная или административно-правовая [17, с. 237]. Правда, можно сказать иначе: если нет криминалистической деятельности, то не может быть и правоотношений.

Перед нами парадокс: если не существует криминалистической деятельности и криминалистического мышления, то откуда появилась категория «криминалистический анализ» информации, ситуации и т. д.? Наша концепция построена на том, что следователи и оперативные работники независимо от формы деятельности и творческой индивидуальности в своих решениях опираются не только на закон, но и

на единую версию технологию, версионный анализ.

Техника и логика категории версионного анализа является открытой для критики и верификации. Эта логика, благодаря «навигации» оригинального версионного алгоритма и его наглядной форме, позволяет диагностировать ход версионного анализа, позиционировать и управлять этим ходом, выявлять и устранять «стихийность» ошибки. Выйти на рефлексивный уровень версионного анализа на практических занятиях по криминалистике — сверхзадача Школы [18, с. 84–93; 19, с. 46–48]. Умственные манипуляции версионного анализа должны быть доведены до автоматизма. В качестве методологической основы решения такой задачи послужило учение академика И. П. Павлова о динамическом стереотипе, его сущности, формировании, практическом значении и восстановлении [20, с. 240]. Развивая гипотезу И. П. Павлова о связях нейронов, академик Н. М. Амосов утверждает: нейроны больше возбуждаются по «проторенным связям», чем «по площади» [21, с. 49]. Проторенность нейронных связей — разгадка формирования условных рефлексов и любых типов динамических стереотипов. В том числе, умственных. Проще говоря, чтобы тропы не зарастали, по ним нужно регулярно ходить. Необходимы систематические упражнения по универсальной «формуле»: «если..., то..., вероятно...».

Механизм преступной деятельности — еще одна категория, требующая существенной корректировки. Прежде всего, это не онтологическое описание того, как было совершено преступление. Это исследовательская модель вида или типа преступной деятельности, в которой выявлены и версионным (статистическим) образом поняты и оценены взаимосвязи всех элементов структуры этой модели. Русский философ и социолог А. А. Богданов (псевдоним А. А. Малиновского) дает краткое определение: «механизм» — понятая организация, и только» [22, с. 99, 137]. Из этого определения вытекает следствие: если не понял, как это работает, как функционирует система, не имеешь права называть ее механизмом. Закономерности функционирования механизма преступной деятельности — это и есть истинный предмет приложения всех сил и средств участников расследования преступлений.

А сейчас о «конкурирующей» категории — «криминалистическая характеристика преступной деятельности определенного вида». В нашем представлении — это упорядоченное

описание результата исследования модели механизма преступной деятельности. В определенном смысле модель механизма преступной деятельности является средством, а криминалистическая характеристика — результатом исследования.

Памятуя о разумном объеме статьи и количестве категорий, которые еще требуют уточнения, остановимся на самой, пожалуй, злободневной категории — «раскрытие преступления». Законодательного определения этой категории-понятия не существует. Потому она многозначна в толковании и употреблении [23, с. 10; 24, с. 18]. На Главное управление правовой статистики и информационный технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее — Управление) возложена обязанность «ведения государственного единого статистического учета... раскрываемости преступлений» [25]. Первые же результаты работы этого Управления и — особенно — Отдела проверок достоверности государственной статистической отчетности показали, что прежняя система учета раскрываемости преступлений изжила себя. Было выявлено более 46 тыс. фактов искажения различных показателей статистической отчетности, характеризующих состояние преступности и результатов раскрытия преступлений [26, с. 454].

Отдельные авторы связывают раскрытие преступления со временем появления процессуальной фигуры подозреваемого, его задержанием, избранием меры пресечения и допросом [27, с. 152; 28, с. 35–37]. Другие авторы — с решением вопроса о предъявлении обвинения [29, с. 50; 30, с. 23–25]. Третьи — с моментом установления в полном объеме всех элементов предмета доказывания [31, с. 38].

Так, Н. П. Яблоков удивительным образом попытался помирить авторов. Для этого он посчитал возможным разделить раскрытие преступления на три стадии: 1) «раскрытым (не полностью) преступление считается, когда установлено лицо, которому может быть предъявлено обвинение; 2) полностью раскрытым преступление считается тогда, когда составлено обвинительное заключение по делу и оно утверждено прокурором; 3) окончательно полностью раскрытым преступление считается после вступления приговора в законную силу» [32, с. 3]. Позже Н. П. Яблоков усилил свою позицию дополнительными аргументами [33, с. 96–97].

Ранее этот «революционный» вариант предлагался И. М. Лузгиным: только после вступления приговора в законную силу можно считать

преступление раскрытым [34, с. 16]. А. Герасун критично оценил этот вариант, поскольку, по его мнению, «это предложение означает возложение ответственности за полное раскрытие преступления на суд, что не имеет ни научного, ни практического смысла» [35, с. 57].

Довольно замысловатый вариант предложил Ф. Ю. Бердичевский. Его суть в том, что, если имеется проблемная ситуация, когда неизвестен преступник и ведется поиск доказательственной информации [36, с. 131–149]. Этой же позиции придерживается и Р. С. Белкин [37, с. 378–390].

Для Управления более чем достаточно: 1) ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях; 2) состояние преступности; 3) состояние и результаты следственной работы; 4) формирование официальной статистической методологии в части, касающейся данного учета; 5) анализ результатов деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в указанной сфере [38].

На наш взгляд, сквозной задачей расследования преступлений является собирание, проверка, оценка и представление системы доказательств, необходимых для оправдания уголовно-процессуальных решений в ходе и по результатам доказывания. В этом смысле цель уголовного процесса и цель криминалистической методики расследования преступлений закономерно совпадают. В ином случае рекомендации криминалистической науки будут не нужны [39, с. 231–237].

Раскрытие преступления — момент оценки системы обвинительных доказательств для принятия прокурором законного, справедливого и обоснованного процессуального решения о передаче уголовного дела в суд.

Таким образом, решение проблемы раскрытия преступления кроется в механизме доказывания по уголовному делу — восхождение от следов преступной деятельности — через систему доказательств — до доказательственных фактов (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Список источников

1. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Санкт-Петербург: Академия наук, 1896–1912.

2. Большой словарь русского языка. URL: <http://araget-multimedia.ru> (дата обращения: 27.12.2023).
3. Кун Т. Структура научных революций. Москва: Прогресс, 1975. 300 с.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. исправ. и доп. Москва: Юридическая литература. 1973. 736 с.
5. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2005. 781 с.
6. Афанасьев А. Ю. Закономерности в криминалистической науке // I Минские криминалистические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 20 декабря 2018 года): в 2 ч. Минск: Академия МВД Республики Беларусь. 2018. С. 29–34.
7. Пуанкаре А. О науке / пер. с фр. 2-е изд., стер. Москва: Наука. 1990. 736 с.
8. Каминский М. К. Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Тр. ГВШ МВД СССР. Горький, 1977. Вып. 8. Ч. 1. С. 153–157.
9. Каминский М. К. Процедурная революция и криминалистика // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 74–80.
10. Журавлев С. Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 503 с.
11. Яблоков Н. П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2012. С. 156–159.
12. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. 2-изд. доп. и перераб. Москва: Норма. 2009. 288 с.
13. Бахтеев Д. В. Понятие и признаки криминалистического мышления // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 216–222.
14. Соколов А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. (55). С. 68–72.
15. Шамшиев П. А. Взгляды на содержание криминалистического мышления: материалы международной научно-практической конференции «III Балтийский юридический форум "Закон и правопорядок в третьем тысячелетии"», 19 декабря 2014 года. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского Управления МВД России, 2015. С. 125–129.
16. Шутимова Т. В. Создание теории криминалистического мышления — осознанная необходимость / Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, профессора Н. П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 года. Москва: МАКС Пресс, 2015. С. 128–132.
17. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Москва: НОРМА, 2001. 240 с.
18. Лубин А. Ф. Криминалистика: особенности дидактики версионного мышления // Юридическая наука и практика. Новосибирский государственный ун-т. 2021. Т. 17. № 3. С. 84–93.
19. Лубин А. Ф. Проблемы формирования динамического стереотипа версионного анализа при расследовании преступлений // Юридическая орбита: Научно-прикладной журнал. Ежегодник. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2023. № 3. С. 46–48.
20. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. В т. 3. кн. 2. Москва — Ленинград, 1951. 433 с.
21. Амосов Н. М. Алгоритмы разума. Киев: Наукова думка, 1979. 224 с.
22. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. Москва, 1989. Кн. 1. 384 с.
23. Образцов В. А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск, 1985. 108 с.
24. Робозеров В. Ф. Раскрытие преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Ленинград, 1990. 138 с.
25. Положение о Главном управлении правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации: утв. Генпрокуратурой России 31 июля 2017 года: пп. 3.4., 4.1., 4.2., 4.5., 5.1.1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).
26. Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах. изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: РУСАКИ, 2017. 498 с.
27. Карпец И. И. Проблема преступности. Москва: Юридическая литература, 1969. 152 с.
28. Калинин Ю. В. О понятии раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. Москва, 1973. С. 35–37.
29. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975.
30. Гаврилов А. Н. Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976. С. 23–25.
31. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Москва: Юридическая литература, 1965.
32. Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. проф. Н. П. Яблоков. Москва: Издательство БЕК, 1995. 708 с.

33. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. 192 с.

34. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. Москва: Юридическая литература, 1976. 215 с.

35. Герасун А. Раскрытие преступления // Соц. Законность. 1972. № 8. С. 57–59.

36. Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Москва, 1976. Вып. 24. С. 131–149.

37. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. Москва: Юристъ, 1997. 407 с.

38. Положение о Главном управлении правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации: утв. Генпрокуратурой России 31 июля 2017 года: п. 4.1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

39. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 587 с.

References

1. Mikhelson M. I. Russian thought and speech. Yours and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables. Vol. 1–2. Walking and apt words. A collection of Russian and foreign quotes, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegory). St. Petersburg: Ak. Sciences Publ. (In Russ.)

2. A large dictionary of the Russian language. URL: <http://arjet-multimedia.ru> (accessed 27.12.2023). (In Russ.)

3. Kuhn T. The structure of scientific revolutions / transl. from English. Moscow: Progress Publ., 1975. 300 p. (In Russ.)

4. Theory of evidence in the Soviet criminal process / ed. by N. V. Zhogin. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Legal Literature Publ., 1973. 736 p. (In Russ.)

5. Forensic science: textbook / ed. by N. P. Yablokov. 3d ed., rev. and exp. Moscow, 2005. 781 p. (In Russ.)

6. Afanasyev A. Yu. Patterns in forensic science // I Minsk Forensic Readings: materials of the International scientific-practical conf. (Minsk, December 20, 2018): at 2 o'clock / ed. institution "Acad. M-internal Affairs Rep. Belarus"; ed. board: M. P. Shrub (responsible editor) [and others]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2018. Pp. 29–34. (In Russ.)

7. Poincaré A. About science / transl. from French. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Nauka Publ., 1990. 736 p. (In Russ.)

8. Kaminsky M. K. Forensic characteristics of activities to identify, disclose and investigate crimes. Legal and socio-economic sciences and the fight against theft

of socialist property. Tr. Main Military Staff of the USSR Ministry of Internal Affairs. Gorky, 1977. Vol. 8. Part 1. Pp. 153–157. (In Russ.)

9. Kaminsky M. K. Procedural revolution and criminology. *Forensic science, criminology and forensic examinations in the light of the system-activity approach*, 2002, vol. 4, pp. 74–80. (In Russ.)

10. Zhuravlev S. Yu. Methodological foundations for improving the methods of investigating crimes in the economic sphere. Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 503 p. (In Russ.)

11. Yablokov N. P. On the issue of forensic thinking. Legal problems of strengthening Russian statehood. Tomsk, 2012. Pp. 156–159. (In Russ.)

12. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. Forensics: nature, system, methodological foundations. 2nd ed., add. and exp. Moscow: Norma Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

13. Bakhteev D. V. Concept and signs of forensic thinking. *Siberian Legal Review*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 216–222. (In Russ.)

14. Sokolov A. B. Forensic thinking: concept and content. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2013, no. 4. (55), pp. 68–72. (In Russ.)

15. Shamshiev P. A. Views on the content of forensic thinking / Materials of the international scientific and practical conference Materials of the international scientific and practical conference "III Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". December 19, 2014. Kaliningrad: Kaliningrad branch of St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2015. Pp. 125–129. (In Russ.)

16. Shutemova T. V. Creating a theory of forensic thinking — a conscious need / Modern criminology: problems, trends, prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor N. P. Yablokov. Moscow, December 22, 2015. Moscow: MAKSS Press Publ., 2015. pp. 128–132. (In Russ.)

17. Belkin R. S. Forensics: problems of today. Moscow: NORM Publ., 2001. 240 p. (In Russ.)

18. Lubin A. F. Forensics: features of didactics of version thinking. *Legal science and practice*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 84–93. (In Russ.)

19. Lubin A. F. Problems of forming a dynamic stereotype of version analysis in the investigation of crimes. *Legal Orbit: Scientific and Applied Journal. Yearbook*, 2023, no. 3, pp. 46–48. (In Russ.)

20. Pavlov I. P. Complete works, vol. 3. Moscow – Leningrad, 1951. Book. 2. 433 p. (In Russ.)

21. Amosov N. M. Algorithms of the mind. Kyiv. Naukova Dumka Publ., 1979. 224 p. (In Russ.)

22. Bogdanov A. A. Tectology: (General organizational science): In 2 books. Moscow, 1989. Book. 1. 384 p. (In Russ.)

23. Obraztsov V. A. Theoretical foundations of the disclosure of crimes related to improper performance of

professional functions in the field of production. Irkutsk, 1985. 108 p. (In Russ.)

24. Robozarov V. F. Disclosure of crimes committed in conditions of non-obviousness. Leningrad, 1990. 138 p. (In Russ.)

25. Regulations on the General Directorate of Legal Statistics and Information Technologies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: approved by the Prosecutor General's Office of Russia of 31 June 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.12.2023). (In Russ.)

26. Kalabekov I. G. Russian reforms in figures and facts. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: RUSAKI Publ., 2017. 498 p. (In Russ.)

27. Karpets I. I. The problem of crime. Moscow: Legal Literature Publ., 1969. 152 p. (In Russ.)

28. Kalinin Yu. V. On the concept of crime detection. Issues of forensic methodology, tactics and investigation techniques. Moscow. 1973. Pp. 35–37. (In Russ.)

29. Gerasimov I. F. Some problems of crime detection. Sverdlovsk: Wednesday Ural. Publ., 1975. (In Russ.)

30. Gavrilov A. N. Disclosure of crimes. Volgograd. 1976. Pp. 23–25. (In Russ.)

31. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. Preliminary investigation in the Soviet criminal process. Moscow: Legal Literature Publ., 1965. 38 p. (In Russ.)

32. Criminalistics: textbook for universities / ed. by N. P. Yablokov. Moscow: BECK Publ., 1995. 708 p. (In Russ.)

33. Yablokov N. P. Criminalistic investigation methodology: history, current state and problems: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2016. 192 p. (In Russ.)

34. Luzgin I. M. Investigation as a process of cognition. Moscow: Legal Literature Publ., 1976. 215 p. (In Russ.)

35. Gerasun A. Disclosure of a crime. *Soc. Legality*, 1972, no. 8, pp. 57–59. (In Russ.)

36. Berdichevsky F. Y. On the subject and conceptual apparatus of criminology. *Issues of combating crime*. Moscow, 1976. Issue. 24. Pp. 131–149. (In Russ.)

37. Belkin R. S. Course of criminology. In 3 vols. Vol. 3. Forensic tools, techniques and recommendations. Moscow: Jurist Publ., 1997. 407 p. (In Russ.)

38. Regulations on the General Directorate of Legal Statistics and Information Technologies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (accessed 27.12.2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.12.2023). (In Russ.)

39. Criminalistics: a course of lectures / ed. by prof. A. F. Lubin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018. 587 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ф. Лубин — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

A. F. Lubin — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Forensic Science National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-113-121>

Становление и развитие административной преюдиции в советский период

Маслов Вилли Андреевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vmaslov-lex@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5539-9520>

Аннотация. Вопросы уголовной ответственности за деяния, однократное (первоначальное) совершение которых влечет административную ответственность, в последние годы перешли из разряда сугубо доктринальных в правоприменительные. При этом их острота не снижается, поскольку во многом именно от выбора наиболее подходящей (целесообразной, справедливой и т. п.) меры ответственности для правонарушителя зависит возможность его исправления и становления на путь уважения прав и свобод. С учетом изначального отказа российского законодателя от использования административной преюдиции при конструировании норм об уголовной ответственности и последовавшей в дальнейшем «реабилитации» данного подхода, не лишним смысла представляется обращение к истории становления и развития данного подхода в советский период. В статье критически оценивается доктринальная точка зрения о «широком» опыте использования административной преюдиции при конструировании норм Особенной части УК РСФСР 1960 года; отмечаются характерные черты норм с административной преюдицией, а также специфика охраняемых ими общественных отношений.

Ключевые слова: административная преюдиция, советское законодательство, законодательство РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, конструирование норм, криминализация, общественная опасность, УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, УК РСФСР 1960 года

Для цитирования: Маслов В. А. Становление и развитие административной преюдиции в советский период // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 113–121. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-113-121>.

Original article

The formation and development of administrative prejudice in the Soviet period

Willie A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation, vmaslov-lex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5539-9520>

Abstract. Issues of criminal liability for acts, the single (initial) commission of which entails administrative liability, have in recent years moved from the category of purely doctrinal to law enforcement. At the same time, their severity does not decrease, since in many respects the possibility of his correction and taking the path of respect for rights and freedoms depends on the choice of the most appropriate (expedient, fair, etc.) measure of responsibility

© Маслов В. А., 2024

for the offender. Taking into account the initial refusal of the Russian legislator to use administrative prejudice when constructing rules on criminal liability and the subsequent “rehabilitation” of this approach, it makes sense to turn to the history of the formation and development of this approach in the Soviet period. The article critically evaluates the doctrinal point of view about the “broad” experience of using administrative prejudice in the construction of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1960; The characteristic features of norms with administrative prejudice are noted, as well as the specificity of the social relations they protect.

Keywords: administrative prejudice, Soviet legislation, legislation of the RSFSR, criminal code of the RSFSR, construction of norms, criminalization, public danger, Criminal Code of the RSFSR 1922, Criminal Code of the RSFSR 1926, Criminal Code of the RSFSR 1960

For citation: Maslov W. A. The formation and development of administrative prejudice in the Soviet period. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 113–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-113-121>.

Неоднозначность оценок эффективности административной преюдиции, под которой мы понимаем криминализацию повторно совершаемого административно наказуемого деяния, иллюстрирует факты существования данного института в советский период, отказа от него в 1996 году в связи с вступлением в силу Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и его «реабилитации» спустя 13 лет.

Первый советский уголовный закон — УК РСФСР 1922 года [1] — содержал статью 79, согласно которой неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, карался в первый раз административным взысканием, а в случае повторности наказанием в рамках уголовного закона.

В 1924 году [2] была предусмотрена уголовная ответственность за повторное нарушение установленных акцизных правил.

УК РСФСР 1926 года [3] содержал статью 192-а [4], согласно которой уголовной ответственности подлежали лица, подвергшиеся ранее административному взысканию за проживание без паспорта или временного удостоверения.

До внесения изменений в 1927 году [5] статья 61 УК РСФСР 1926 года предусматривала возможность привлечения к уголовной ответственности за повторный отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, только после назначения административного взыскания за первоначальное правонарушение.

С 1940 года [6] нарушение правил, установленных для учета военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава, впервые наказывалось в административном порядке, повторно — в уголовном (принудительными работами или штрафом).

На наш взгляд, именно данные нормы (ст. 79 и 139 УК РСФСР 1922 года; ст. 61, 64 и 192-а

УК РСФСР 1926 года) стали первыми конструкциями, сформированными по принципу административной преюдиции, и, как представляется, нельзя согласиться с точками зрения исследователей, к примеру, Т. В. Обуховой [7, с. 112], утверждающей, что нормы, закрепленные в УК РСФСР 1922 и 1926 годов, нельзя отнести «в чистом виде» к нормам с административной преюдицией. Так, указанный автор отмечает, что у деяний, запрещенных первыми советскими уголовными законами, отсутствует: повторность совершения, каждый из этих кодексов имеет нормы, которые предусматривают наказание, налагаемое в административном порядке за деяние, даже совершенное впервые, а также факт ранее совершенного аналогичного (тождественного) административного правонарушения. Кроме того, как отмечает автор, для указанных составов преступлений нет необходимости в наличии специального субъекта — лица, подвергнутого административному наказанию.

Подобные доводы убедительными назвать нельзя, поскольку повторность наличествует в диспозициях обоих из указанных нами норм, и возможность привлечения к уголовной ответственности недвусмысленно и безальтернативно поставлена в зависимость от факта первоначального привлечения к административной ответственности.

На момент появления УК РСФСР 1960 года [8] (далее — советский уголовный закон, или УК РСФСР) в нем было лишь шесть норм, построенных по принципу административной преюдиции:

- статья 158. Незаконное изготовление, сбыт, хранение спиртных напитков;
- статья 162. Занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности (в первоначальной редакции — Занятие запрещенным промыслом);
- статья 166. Незаконная охота;
- статья 169. Незаконная порубка леса;

— статья 197. Нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне;

— статья 198. Нарушение паспортных правил.

Забегаая вперед, скажем, что не все из указанных норм оставались неизменными (в части построения средствами административной преюдиции) до утраты юридической силы советского уголовного закона.

Дополнение указанного перечня норм произошло в 1962 году, когда Особенная часть УК РСФСР была дополнена статьей 198.1 «Уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов и воинского учета» (введена Законом РСФСР от 25 июля 1962 года [9]).

Спустя еще четыре года законодатель вновь дополняет советский уголовный закон нормой, регламентирующей ответственность за нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР (введена указом Президиума ВС РСФСР от 4 августа 1966 года [10]) (ст. 197.1). Интересно и то, что в первоначальной редакции ответственность по данной норме наступала в случае, если виновный был **дважды** подвергнут административному взысканию.

Единственное дополнение перечня интересующих нас норм, датируемое 1970 годами XX столетия, произошло в 1972 году, когда УК РСФСР дополнился статьей 166.1 «Продажа, скупка, обмен шкурок пушных зверей» (введена указом Президиума ВС РСФСР от 15 декабря 1972 года [11]).

Много более активным в интересующем нас аспекте был законодатель в 1980-х годах. Так, указом Президиума ВС РСФСР от 3 декабря 1982 года [12] условие для привлечения к уголовной ответственности за незаконную порубку леса в виде совершения после применения мер общественного или административного воздействия было исключено, в следствие чего количество норм, построенных по принципу административной преюдиции, уменьшилось.

Однако в дальнейшем:

— в 1983 году появилась статья 156.4 «Незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов» (введена указом Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1983 года [13]);

— 1986 году — статья 162.1 «Уклонение от подачи декларации о доходах» (введена указом Президиума ВС РСФСР от 28 мая 1986 года [14]);

— 1987 году (в июне) вступили в силу: статья 224.3 «Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших

размерах в течение года после наложения административного взыскания» и статья 225.1 «Незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли в течение года после наложения административного взыскания» (введены указом Президиума ВС РСФСР от 29 июня 1987 года [15]), а в октябре статья 188.4 «Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях» (введена указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 октября 1987 года [16]);

— 1988 году Особенная часть УК РСФСР пополнилась статьей 230.1 «Жестокое обращение с животными» (введена указом Президиума ВС РСФСР от 30 марта 1988 года [17]), а также статьей 208.1 «Организация азартных игр» (введена указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1988 года [18]).

В последние годы существования советского уголовного закона законодатель также достаточно активно апробировал интересующий нас формат построения норм Особенной части.

Так, в 1990 году УК РСФСР был дополнен статьей 133.1, предусматривающей ответственность за нарушение избирательного законодательства (законодательства о референдуме) лицом, ранее подвергавшимся административному взысканию (введена Законом РСФСР от 16 октября 1990 года № 243-1 [19]).

Законом РСФСР от 5 декабря 1991 года № 1982-1 [20] была декриминализована норма об ответственности за нарушение правил паспортной системы (в первоначальной редакции — нарушение паспортных правил).

В 1992 году сразу две нормы с административной преюдицией дополнили советский уголовный закон: статья 175.1 «Нарушение антимонопольного законодательства лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию» (введена Законом Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2509-1 [21]), а также статья 167.2. «Самовольная добыча янтаря» (введена Законом Российской Федерации от 18 марта 1992 года № 2540-1 [22]).

Законом Российской Федерации от 29 апреля 1993 года № 4901-1 [23] декриминализованы изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки, совершаемые без цели сбыта (ч. 1 и 2 ст. 158 УК РСФСР), ранее влекшее уголовную ответственность за совершение указанных действий повторно после наложения административного взыскания

(в первоначальной редакции: «если ранее за такие же действия к виновному уже были применены меры общественного или административного воздействия»).

В то же время в 1993 году целые четыре нормы дополнили исследуемый нами перечень: статья 156.5 «Нарушение правил торговли», статья 156.6. «Нарушение государственной дисциплины цен», статья 162.4 «Незаконное предпринимательство в течение года после наложения административного взыскания» (введены Законом Российской Федерации от 1 июля 1993 года № 5304-1 [24]). Этим же Законом статья 156 «Обман потребителей» дополнена нормой об ответственности за обман потребителей в небольшом размере, совершенный повторно в течение года после наложения административного взыскания.

Так, 1995 год снова можно причислить к периоду расширения перечня деяний, наказуемых которых средствами уголовного права поставлена в зависимость от первоначальной наказуемости в административном порядке: статья 162.9 «Незаконное усыновление» (введена Федеральным законом от 7 марта 1995 года № 28-ФЗ [25]); статья 133.2 «Нарушение законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также статья 200.1 «Нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования» (введены Федеральным законом от 18 июля 1995 года № 106-ФЗ [26]).

Заключительная (перед утратой юридической силы) корректировка (очередное расширение перечня норм с административной преюдицией) произошла в 1996 году, когда советский уголовный закон был дополнен статьей 152.2 «Необеспечение маркировки марками установленных образцов при производстве подакцизных товаров» и статьей 162.10 «Продажа подлежащих маркировке марками установленных образцов подакцизных товаров без маркировки марками установленных образцов» (введены Федеральным законом от 30 июля 1996 года № 103-ФЗ [27]).

Для наглядности представим динамику формирования норм с административной преюдицией в УК РСФСР 1960 года диаграммой (рис. 1).

Отметим, что подобная динамика фактически иллюстрирует известную всем со школьной скамьи последовательность, именуемую как геометрическая прогрессия. Статистический ряд позволяет предположить, что, если бы не смена общественно-политической формации (в интересующем нас аспекте — актора уголовно-правовой политики), то количество норм с административной преюдицией продолжило бы увеличиваться (возможно, вплоть до ситуации, когда значительная часть правонарушений, наказуемых в административном порядке при их повторном совершении карались бы нормами уголовного закона).

Прежде чем сделать определенные выводы, подчеркнем, что при исследовании хронологии регламентации административной преюдиции

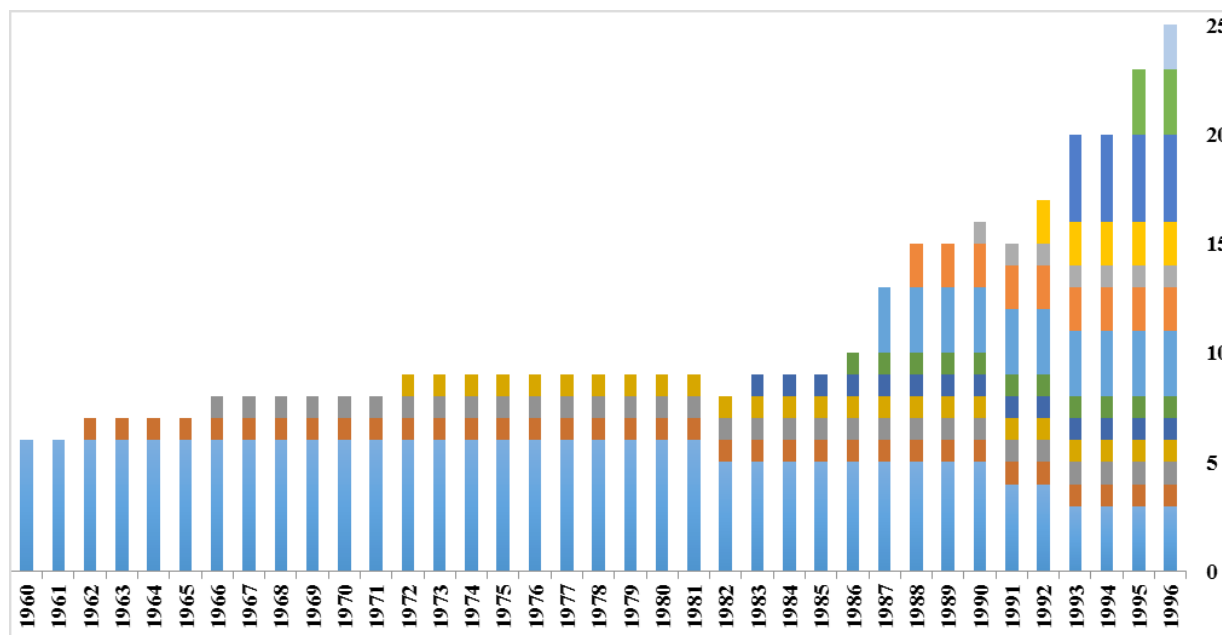

Рис. 1. Динамика формирования норм с административной преюдицией в УК РСФСР 1960 года (1960–1996) (ед.)

в УК РСФСР мы брали исходную редакцию советского уголовного закона, а также редакцию со всеми изменениями на момент утраты ею силы в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, существует некоторая вероятность, что из нашего поля зрения «выпали» некоторые деяния, которые были криминализованы и декриминализованы за рамками «начала» и «окончания» действия советского уголовного закона, либо какая-то норма об уголовной ответственности в определенный временной период была сконструирована по принципу административной ответственности.

Итак, стоит уточнить, что, вопреки расхожему мнению о множественности составов с административной преюдицией в советский период, на момент вступления в силу УК РСФСР было лишь шесть таких норм, что составляет менее 3 % от общего числа норм Особенной части советского уголовного закона. Соответственно, стоит заключить об отсутствии широкой законодательной практики использования данного подхода при конструировании норм.

Важно, что указанный перечень из шести норм за первые 20 лет существования УК РСФСР (с 1960 по 1980 годы) был дополнен лишь тремя составами; в 1980-е годы исключение условия о привлечении к административной ответственности за порубку леса сопровождалось дополнением Особенной части советского уголовного закона семью нормами с административной преюдицией; в 1990-е годы, декриминализовав две нормы с интересующей нас конструкцией (об ответственности за нарушение правил паспортной системы, а также ответственности за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки, совершаемые без цели сбыта), законодатель дополнил перечень составов с административной преюдицией еще двенадцатью нормами.

Из указанного можно сделать вывод, что перечень норм, сконструированных по принципу административной преюдиции, на момент утраты юридической силы в УК РСФСР был представлен 25 нормами (увеличился за период действия указанного закона более чем в 4 раза). При этом наибольшая активность законодателя фиксируется в последние 10 лет его действия — с 1987 по 1996 годы, когда появилось 15 составов.

Характерно и то, что советский законодатель нередко вводил уголовную ответственность одновременно с ответственностью административной. Данное обстоятельство важно, поскольку дает понимание ситуации, в которой указанные нововведения принимались. По всей

видимости, в рассматриваемый период происходили существенные изменения общественных отношений, в том числе в криминальной сфере, характеризующиеся появлением ранее неизвестных обществу (государству) форм асоциального поведения и требующие соответствующей реакции государства. В такой ситуации отсутствие полного понимания объема реального и потенциального вреда данных действий создавало существенные сложности для их нормативного определения как противоправных, что влекло за собой их отнесение изначально к противоправным, а при повторном совершении к преступным.

Характеристика охраняемых нормами с административной преюдицией общественных отношений свидетельствует о разнородности объектов охраны. Так, в 1960-х годах из восьми составов четыре нормы были в Главе «Хозяйственные преступления», а другие четыре охраняли порядок управления. В 1970–1980-х годах дополнившие УК РСФСР нормы преимущественно также касались хозяйственных преступлений, однако, во-первых, появилась норма охраняющая отношения в сфере осуществления правосудия (незаконная передача запрещенных предметов в исправительно-трудовые и иные учреждения), во-вторых, появились нормы, охраняющие общественную безопасность, общественный порядок и здоровье населения (незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах; незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли; жестокое обращение с животными; организация азартных игр). Более того, 1990-е годы начались с дополнения перечня составом, охраняющим политические права граждан (нарушение избирательного законодательства) и должностным составом (нарушение антимонопольного законодательства). В дальнейшем появилось еще пять норм, именуемых как хозяйственные преступления, ряд норм, охраняющих политические права граждан (нарушение законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях), а также порядок управления (нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования).

Таким образом, из 25 норм с административной преюдицией существовавших на момент утраты УК РСФСР юридической силы 13 норм относились к хозяйственным преступлениям; по четыре состава охраняли порядок управления, а также общественную безопасность,

общественный порядок и здоровье населения; две нормы охраняли политические права и свободы граждан; одна норма охраняла порядок осуществления правосудия, равно как еще одна норма относилась к должностным преступлениям. Стоит отметить, что разнообразие охраняемых общественных отношений иллюстрирует также и факт ответственности за незаконное усыновление (находящееся все в той же Главе «Хозяйственные преступления»).

Для наглядности представим структуру охраняемых общественных отношений (рис. 2).

Обращают на себя внимание еще по меньшей мере две особенности: отсутствие единства относительно конструирования нормы с административной преюдицией в части указания (не указания) срока привлечения к административной ответственности, а также практика установления условия в виде двукратного привлечения лица к административной ответственности (к примеру, статьи 197.1 «Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР» и статьи 198 УК РСФСР «Нарушение паспортных правил»).

При этом факты отсутствия указания на срок привлечения к административной ответственности являются чрезвычайно важными для того, чтобы понимать логику законодателя при принятии решения об отказе использования

административной преюдиции в УК РФ, поскольку одним из весомых аргументов противников исследуемого нами подхода было и является в настоящее время отсутствие необходимой и достаточной для уголовного запрета общественной опасности деяния. В этой части аргумент по существу выглядит как недопустимость привлечения к разным видам карательной ответственности за одно деяние на основании повторности его совершения.

Контраргументом в данном случае выступают доводы относительно необходимости оценки общественной опасности не только деяния, но и лица, его совершившего. Данный подход представляется учеными способным в большей степени индивидуализировать меры воздействия особенно с учетом того обстоятельства, что первоначальный факт привлечения к административной ответственности не возымел должного эффекта на лицо.

Оценка указанных аргументов выйдет за рамки цели, поставленной в данной публикации, однако стоит признать, что даже сторонники административной преюдиции, отмечая необходимость привлечения лица к более строгой (уголовной) ответственности признают, что злонамеренность лица будет очевидна лишь при повторном правонарушении спустя определенное (не столь продолжительное) время с момента совершения им административного

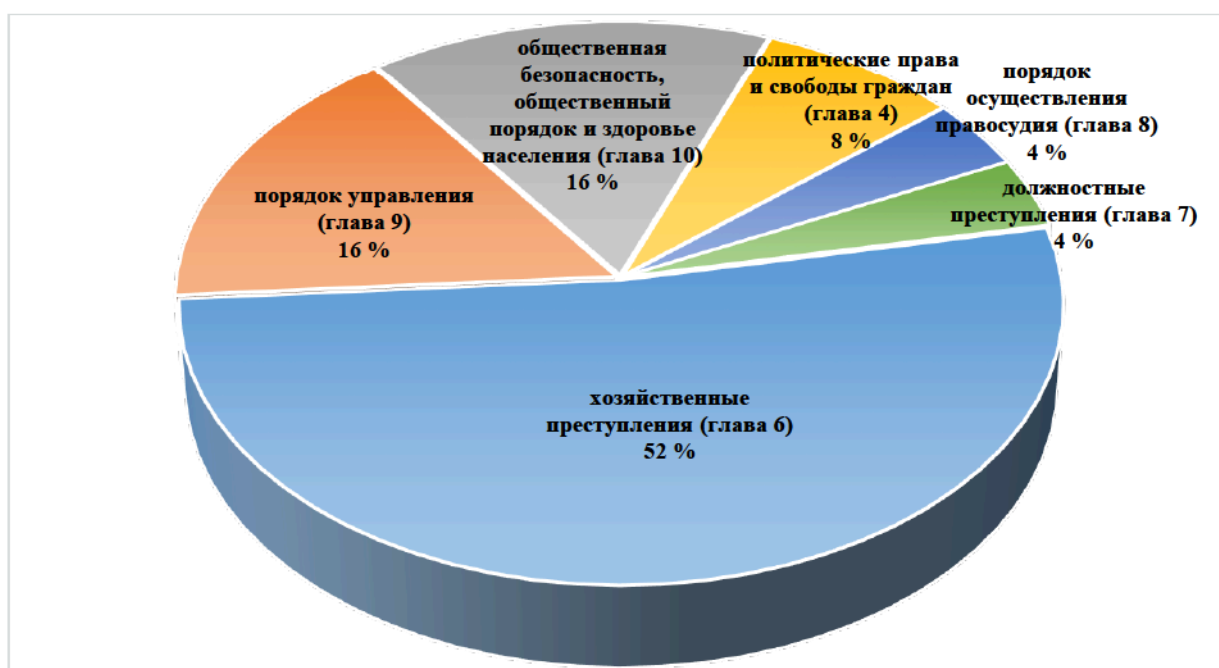

Рис. 2. Структура охраняемых нормами с административной преюдицией общественных отношений по состоянию на момент утраты УК РСФСР 1960 года юридической силы (удельный вес в общем числе норм с административной преюдицией) (%)

правонарушения (или момента привлечения к административной ответственности). По прошествии длительного времени говорить, что есть основания для «ужесточения» мер воздействия, вряд ли обоснованно, поскольку длительный промежуток времени, прошедший с момента претерпевания лицом лишений как следствия административного правонарушения, должен свидетельствовать о наличии некоторого сдерживающего эффекта на лицо.

Таким образом, можно предположить, что отсутствие унификации в вопросе указания (не указания) срока в составах с административной преюдицией выступило одним из факторов отрицательной оценки данного подхода и отказа от него при формировании УК РФ.

Стоит подчеркнуть и то, что делать однозначные выводы относительно эффективности апробированного советским законодателем подхода, предположение об эффективности которого высказывают некоторые исследователи [28, с. 77] затруднительно, поскольку большинство норм с административной преюдицией дополнили УК РСФСР в последние годы его существования. Начавшая свое формирование правоприменительная практика, равно как связанные с ней изменения в криминальной ситуации в стране, были остановлены в связи с принятием УК РФ. Не будет лишним указать и на существенные общественно-политические изменения, происходящие в обществе в период с 1960 по 1996 годы, как и отсутствие централизованной объективной статистики, которая позволила бы оценить взаимосвязь законодательных корректировок и изменений в криминальной среде.

Обратим внимание и на то, что цель данной публикации не состояла в оценке административной преюдиции как способа определения преступности деяния и формы криминализации. Цель данной публикации в уяснении некоторых особенностей становления и развития административной преюдиции в советский период дабы сформировать в доктрине уголовного права несколько более корректное представление об эволюции административной преюдиции в советский период развития уголовного законодательства и подвергнуть критике необоснованные отсылки к существующей в советское время законодательной практике административной преюдиции как аргументе в пользу ее существования, что может послужить неким подспорьем для дальнейших научных исследований и разрешения концептуального вопроса о принципиальной допустимости криминализации деяний,

первоначальное совершение которых влечет административную ответственность.

Список источников

1. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.
2. Об изменении статьи 139 УК РСФСР: декрет ВЦИК СНК РСФСР от 15 декабря 1924 года // СУ РСФСР. 1925. № 5, ст. 31.
3. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: в ред. 1926 года: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
4. О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. 192-а: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 1 июля 1934 года // СУ РСФСР. 1934. № 27, ст. 157.
5. Об изменении Уголовного Кодекса РСФСР: в ред. 1926 года: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 6 июня 1927 года // СУ РСФСР. 1927. № 49, ст. 330.
6. Об изменении статьи 64 Уголовного Кодекса РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 12 ноября 1940 года // Хронологическое собрание указов Президиума ВС и постановлений Правительства РСФСР. 1941.
7. Обухова Т. В. Ретроспективный анализ уголовно-правовых норм с административной преюдицией в отечественном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 111–114.
8. УК РСФСР 1960 года: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года // Свод законов РСФСР. Т. 8.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: закон РСФСР от 25 июля 1962 года // Ведомости ВС РСФСР. 1962. № 29, ст. 449.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 4 августа 1966 года // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 32, ст. 769.
11. Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины: указ Президиума ВС РСФСР от 15 декабря 1972 года // Ведомости ВС РСФСР. 1972. № 51, ст. 1210.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 3 декабря 1982 года // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 49, ст. 1821.
13. О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1983 года // Ведомости ВС РСФСР от 18 августа 1983 года. № 33, ст. 1203.
14. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 28 мая 1986 года № 3356-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1986. № 23, ст. 638.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные

акты РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 29 июня 1987 года № 6462-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1987. № 27, ст. 961.

16. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Исправительно-трудовой кодексы РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 20 октября 1987 года № 7315-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1987. № 43, ст. 1501.

17. Об ответственности за жестокое обращение с животными: указ Президиума ВС РСФСР от 30 марта 1988 года № 8686-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 14, ст. 397.

18. О внесении изменений в некоторые законодательные акты РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1988 года // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 33, ст. 1081.

19. О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон РСФСР от 16 октября 1990 года № 243-1 // Российская газета. 1990. 2 декабря.

20. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон РСФСР от 5 декабря 1991 года № 1982-1 // Российская газета. 1991. 25 декабря.

21. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2509-1 // Российская газета. 1992. № 84.

22. Об усилении ответственности за самовольную добычу янтаря: закон Российской Федерации от 18 марта 1992 года № 2540-1 // Российская газета. 1992. № 88.

23. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: закон Российской Федерации от 29 апреля 1993 года № 4901-1 // Российская газета. 1993. 17 мая.

24. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю: закон Российской Федерации от 1 июля 1993 года № 5304-1 // Российская газета. 1993. № 153.

25. О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: федеральный закон от 7 марта 1995 года № 28-ФЗ // Российская газета. 1995. № 52.

26. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: федеральный закон от 18 июля 1995 года № 106-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30, ст. 2862.

27. О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: федеральный закон от 30 июля 1996 года № 103-ФЗ // Российская газета. 1996. № 146.

28. Богданов А. В. Административная преюдиция: практика реализации в советском уголовном законе // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 75–78.

References

1. On the implementation of the Criminal Code of the RSFSR: resolution of the All-Russian Central Executive Committee of January 6, 1922. *SU RSFSR*, 1922, no. 15, art. 153. (In Russ.)

2. On amending Article 139 of the Criminal Code of the RSFSR: decree of the All-Russian Central Executive Committee of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 15, 1924. *SU RSFSR*, 1925, no. 5, art. 31. (In Russ.)

3. On the implementation of the Criminal Code of the RSFSR edition of 1926: resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926. *SU RSFSR*, 1926, no. 80, art. 600. (In Russ.)

4. On additions to the Criminal Code of the RSFSR, art. 192-a: resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of January 7, 1934. *SU RSFSR*, 1934, no. 27, art. 157. (In Russ.)

5. On amendments to the Criminal Code of the RSFSR edition 1926: resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of June 6, 1927. *SU RSFSR*, 1927, no. 49, art. 330. (In Russ.)

6. On amending Article 64 of the Criminal Code of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR of November 12, 1940. *Chronological collection of decrees of the Presidium of the Supreme Court and Resolutions of the Government of the RSFSR*, 1941. (In Russ.)

7. Obukhova T. V. Retrospective analysis of criminal law norms with administrative prejudice in domestic legislation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 111–114. (In Russ.)

8. Criminal Code of the RSFSR 1960. Approved by the Supreme Court of the RSFSR of October 27, 1960. *Code of Laws of the RSFSR*, vol. 8. (In Russ.)

9. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR: law of the RSFSR of July 25, 1962. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1962, no. 2, art. 449. (In Russ.)

10. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR of April 8, 1966. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1966, no. 32, art. 769. (In Russ.)

11. On strengthening liability for violations of hunting rules, evasion of mandatory surrender to the state, illegal sale, purchase and processing of furs: decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of December 15, 1972. *Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1972, no. 51, art. 1210. (In Russ.)

12. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR: decree of the Presidium of

the Supreme Court of the RSFSR of December 3, 1982. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1982, no. 49, art. 1821. (In Russ.)

13. On introducing amendments to the Criminal Code of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR of September 8, 1983. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1983, no. 33, art. 1203. (In Russ.)

14. On introducing amendments and additions to some legislative acts of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR no. 3356-XI of May 28, 1986. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1986, no. 23, art. 638. (In Russ.)

15. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Code of the RSFSR on Administrative Offenses and other legislative acts of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR no. 6462-XI of June 29, 1987. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1987, no. 27, art. 961. (In Russ.)

16. On introducing amendments and additions to the Criminal, Criminal Procedure and Correctional Labor Codes of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR no. 7315-XI October 20, 1987. *Gazette of the Supreme Court of the RSFSR*, 1987, no. 43, art. 1501. (In Russ.)

17. On liability for cruelty to animals: decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR no. 8686-XI of March 30, 1988. *Vedomosti of the Supreme Court of the RSFSR*, 1988, no. 14, art. 397. (In Russ.)

18. On amendments to some legislative acts of the RSFSR: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of November 8, 1988. *Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1988, no. 33, art. 1081. (In Russ.)

19. On introducing amendments to the Criminal Code of the RSFSR and the RSFSR Code of Administrative Offenses: law of the RSFSR no. 243-1 of October 16, 1990. *Rossiyskaya Gazeta*, 1990, December 2. (In Russ.)

20. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the RSFSR Code of Administra-

tive Offenses: law of the RSFSR no. 1982-1 of December 5, 1991. *Rossiyskaya Gazeta*, 1991, December 25. (In Russ.)

21. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR and the RSFSR Code of Administrative Offenses: law of the Russian Federation no. 2509-1 of March 13, 1992. *Russian newspaper*, 1992, no. 84. (In Russ.)

22. On strengthening liability for unauthorized extraction of amber: law of the Russian Federation no. 2540-1 of March 18, 1992. *Rossiyskaya Gazeta*, 1992, no. 88. (In Russ.)

23. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Correctional Labor Code of the RSFSR: law of the Russian Federation no. 4901-1 of April 29, 1993. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, May 17. (In Russ.)

24. On introducing amendments and additions to legislative acts of the Russian Federation in connection with the streamlining of liability for illegal trade: law of the Russian Federation no. 5304-1 of July 1, 1993. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, no. 153. (In Russ.)

25. On Amendments and Additions to the Code of Marriage and Family of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Code of the RSFSR on Administrative Offenses: federal law no. 28-FZ of July 3, 1995. *Rossiyskaya Gazeta*, 1995, no. 52. (In Russ.)

26. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR: federal law no. 106-FZ of July 18, 1995. *Collection of legislative acts of the RF*, 1995, no. 30, art. 2862. (In Russ.)

27. On introducing amendments and additions to the RSFSR Code of Administrative Offences, the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Procedure Code of the RSFSR: federal law no. 103-FZ of July 30, 1996. *Russian newspaper*, 1996, no. 146. (In Russ.)

28. Bogdanov A. V. Administrative prejudice: practice of implementation in Soviet criminal law. *Academic thought*, 2018, no. 2 (3), pp. 75–78. (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Маслов — кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.

Information about the author

W. A. Maslov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of Research and Editorial and Publishing Department.

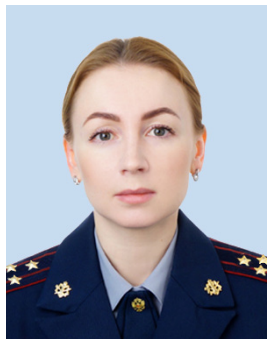
Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-122-126>

Некоторые аспекты взаимосвязи правового сознания сотрудников ФСИН России и обеспечения законности в деятельности уголовно-исполнительной системы

Орлова Александра Андреевна¹, Ханахмедова Людмила Викторовна²

¹Академия ФСИН России, Рязань, Россия, orlova4685@yandex.ru

²Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, milars-19@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования профессионального правового сознания сотрудников ФСИН России с учетом специфики уголовно-исполнительной деятельности. Автор обращает внимание на наличие прямой взаимосвязи между уровнем профессионального сознания сотрудников ФСИН России и состоянием законности в процессе реализации уголовно-исполнительной деятельности. Особое внимание в статье уделено вопросу определения круга субъектов законности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: правовое сознание, непосредственные формы реализации права, властно-распорядительные полномочия, законность, субъекты законности, применение права, специальное правовое сознание, норма права

Для цитирования: Орлова А. А., Ханахмедова Л. В. Некоторые аспекты взаимосвязи правового сознания сотрудников ФСИН России и обеспечения законности в деятельности уголовно-исполнительной системы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 122–126. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-122-126>.

Original article

Some aspects of the relationship between the legal consciousness of employees of the federal penitentiary service of Russia and the rule of law in the activities of the penal enforcement system

Alexandra A. Orlova¹, Lyudmila V. Khanakhmedova²

¹Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, orlova4685@yandex.ru

²Ryazan Branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russian Federation, milars-19@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of formation of professional legal consciousness of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the specifics of penal enforcement activities. The author

© Орлова А. А., Ханахмедова Л. В., 2024

draws attention to the existence of a direct relationship between the level of professional consciousness of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia and the state of legality in the process of implementing penal enforcement activities. Special attention is paid in the article to the issue of determining the range of subjects of legality in the penal enforcement system.

Keywords: legal consciousness, direct forms of realization of law, administrative powers, legality, subjects of legality, application of law, special legal consciousness, rule of law

For citation: Orlova A. A., Khanakhmedova L. V. Some aspects of the relationship between the legal consciousness of employees of the federal penitentiary service of Russia and the rule of law in the activities of the penal enforcement system. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 122–126. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-122-126>.

Наиболее широкое распространение в юридической литературе получил взгляд на законность как строгое и неуклонное следование субъекта определенному образцу поведения. Характерным для данного видения законности является вывод, сделанный В. В. Демидовым: «Позиция юриста должна быть предельно ясна. Обладая высшей юридической силой, признаками общеобязательности и принудительности, официальный закон (вплоть до его отмены или изменения в установленном порядке) должен исполняться, соблюдаться, применяться как воля государства, как единое и общеобязательное для всех императивное правило поведения» [1, с. 44].

Говоря о содержании законности, Н. В. Витрук отмечает, что содержание законности составляет не наличное законодательство (пусть даже совершенное с точки зрения юридической техники), а законодательство, которое адекватно воплощает правовые принципы, общечеловеческие идеалы и ценности, насущные потребности и интересы человека, объективные тенденции социального прогресса [2, с. 513–515].

Законность, прежде всего, является отдельной категорией правовых отношений, одним из субъектов которой всегда выступают государственные органы, должностные лица и иные организации, обладающие определенными властно-распорядительными полномочиями, у которых возникают взаимные права и обязанности с другими субъектами, в частности гражданами, на основе строгого и неукоснительного соблюдения и исполнения правовых норм, уважения прав и свобод личности.

При всем разнообразии подобных правовых отношений законность декларируется как основной принцип, реализуется как один из базовых методов осуществления властно-распорядительных полномочий субъектов и, в конечном итоге, воплощается в особый режим функционирования этих правовых отношений.

Для конкретизации понятия и непосредственной роли законности в механизме функционирования уголовно-исполнительной системы считаем необходимым, в первую очередь, конкретизировать круг субъектов законности.

Рассматривая вопрос о возможности отнесения сотрудников ФСИН России к числу субъектов законности, считаем необходимым разделить указанную категорию государственных служащих на две группы. К первой группе считаем целесообразным отнести сотрудников ФСИН России, наделенных властно-распорядительными полномочиями и являющихся правоприменительными субъектами. Во вторую группу считаем возможным отделить тех сотрудников ФСИН России, которые при осуществлении своей деятельности не наделены какими-либо властно-распорядительными полномочиями и являются субъектами только непосредственных форм реализации права, а именно соблюдения, исполнения и использования права.

Проводить различие между субъектами непосредственной реализации права и субъектами законности в уголовно-исполнительной системе, безусловно, необходимо, так как при деформации непосредственной право-реализационной деятельности сотрудника ФСИН России, не наделенного властно-распорядительными полномочиями и не являющегося правоприменительным субъектом, не происходит искажение принципа или режима законности в целом. В данном случае можно говорить лишь о недостаточной правовой грамотности или не дисциплинированности отдельного сотрудника, результат деятельности которого не является императивной моделью для всех остальных или нижестоящих сотрудников. Кроме того, указанная категория сотрудников ФСИН России не имеет законных полномочий издавать акты применения норм права с императивными указаниями для других субъектов уголовно-исполнительной деятельности, а

могут только апеллировать к соответствующим должностным лицам в случае нарушения их законных прав.

Совсем иная ситуация складывается в отношении субъектов первой группы — сотрудников ФСИН России, наделенных властно-распорядительными полномочиями и имеющими законное право формировать правоприменительные акты различных видов. Субъекты данной категории в пределах своей компетенции наделены в соответствии с законодательством Российской Федерации правом отдавать различные приказы и распоряжения, которые в том числе могут носить императивный характер и быть реализованы в форме соблюдения или исполнения другими сотрудниками ФСИН России, находящимися в подчинении у конкретного должностного лица. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на состояние законности в уголовно-исполнительной системе непосредственное влияние оказывает деятельность не всех сотрудников ФСИН России, а только тех из них, которые наделены властно-распорядительными и правоприменительными полномочиями и тем самым являются ее непосредственными субъектами.

Однако каждый сотрудник ФСИН России соразмерно уровню своего правового сознания, состоянию правовой культуры и правового мышления имеет возможность оказывать содействие механизму укрепления законности и правопорядка в деятельности уголовно-исполнительной системы посредством личного неукоснительного исполнения нормативных правовых предписаний и своевременного обращения к уполномоченным должностным лицам или в компетентные государственные органы по фактам нарушения законности.

Таким образом, считаем возможным сделать вывод о том, что уровень законности в уголовно-исполнительной системе напрямую зависит от правового поведения ее непосредственных субъектов — сотрудников ФСИН России, осуществляющих правоприменительные функции и обладающих властно-распорядительными полномочиями. В свою очередь, указанное правовое поведение субъектов законности в уголовно-исполнительной системе есть не что иное, как поведенческий элемент, являющийся маркером уровня правового сознания и неотъемлемым элементом правовой культуры сотрудников ФСИН России.

Развитое и правильно сформированное правовое сознание сотрудников ФСИН России выступает одним из ключевых факторов

эффективности осуществления уголовно-исполнительной деятельности. В настоящее время в условиях активного реформирования уголовно-исполнительной системы, распределения законодательных акцентов в сторону развития институтов probation и наказаний, не связанных с изоляцией от общества, вопросы повышения уровня правового сознания, правовой культуры, правового поведения сотрудников ФСИН России и законности приобретают особую актуальность.

Говоря о правовом сознании сотрудников ФСИН России, необходимо в первую очередь обратить внимание на то, что это в основном групповое сознание и, в частности профессиональное, формирующееся прежде всего на основе императивных нормативных регуляторов и обусловленное спецификой уголовно-исполнительной и правоохранительной деятельности.

Основными структурными элементами правового сознания сотрудников ФСИН России выступают правовые знания, правовые чувства, ценностные ориентации, правовые установки, стереотипы социально активного правомерного поведения и правовой профессиональный опыт и, на первый взгляд, не отличается от компонентного состава правового сознания остальных граждан. Однако соотношение элементов правовой идеологии и правовой психологии имеет свою специфику. Это выражается в большем смещении акцентов в сторону рационально-идеологических компонентов по сравнению с чувственно-правовыми, составляющими правовую психологию.

Специфика правового сознания сотрудников ФСИН России обусловлена наличием специальных целей и задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, в субъектном составе уголовно-исполнительной деятельности, а также установлении правовых средств, методов и условий осуществления их служебной деятельности.

По нашему мнению, профессиональное правосознание сотрудников ФСИН России — это преимущественно групповое сознание, под которым понимают коллективные представления и чувства о праве и иных правовых явлениях, выражающие отношение к ним со стороны социальных групп, коллективов, социальных образований, отличающееся и от общественного, и от индивидуального правосознания [3, с. 113].

Базовым компонентом процесса функционирования всей системы исполнения наказаний

в Российской Федерации является уголовно-исполнительная деятельность, реализуемая в различных правовых формах. Эта деятельность прежде всего направлена на наиболее эффективную реализацию приговоров суда и обеспечение компенсационной и правосоставительной функций юридической ответственности. Однако, помимо субъектов уголовно-исполнительной деятельности, в структуру ФСИН России входят и иные субъекты, осуществляющие свои полномочия в организационно-правовых формах, например, образовательную, воспитательную, хозяйственную и другие виды деятельности. Полагаем, что считать абсолютно всех субъектов деятельности ФСИН России носителями специализированного профессионального правового сознания не представляется верным. По нашему мнению, профессиональное правовое сознание сотрудников ФСИН России формируется только при непосредственном осуществлении ими уголовно-исполнительной деятельности, в то время как остальные субъекты, осуществляющие иные виды деятельности, являются лишь носителями в большей мере массового, специального или доктринального правового сознания.

Уголовно-исполнительная деятельность имеет свою специфику прежде всего в использовании в качестве базового метода государственно-властное принуждение, а также наличием у сотрудников ФСИН России при исполнении своих обязанностей возможности в отдельных, строго регламентированных законом случаях применять специальные средства и огнестрельное оружие, что, безусловно, непосредственно влияет на процесс формирования профессионального правового сознания. Кроме того, сотрудники ФСИН России в силу своих служебных полномочий, осуществляющие уголовно-исполнительную деятельность, находятся в постоянном правовом взаимодействии со специальным контингентом — лицами, признанными виновными в совершении преступлений приговором суда или обвиняемыми в совершении преступлений. Зачастую указанные лица являются носителями криминальной субкультуры и менталитета, а также обладателями деформированного правового сознания в форме правового нигилизма. Ежедневное взаимодействие с подобными субъектами, в большинстве случаев сознательно нарушающими правовые нормы, не может не оказывать определенного воздействия на формирование профессионального правового сознания сотрудников ФСИН России. В связи с указанными

особенностями условий и методов осуществления служебной деятельности к сотрудникам ФСИН России предъявляются особые требования, акцент среди которых делается на строгом неукоснительном соблюдении законодательства Российской Федерации и недопущении наличия внутренних нигилистических установок особенно в вопросах, касающихся порядка и условий исполнения уголовных наказаний.

Подводя итог изложенному выше, считаем возможным выделить ряд признаков, присущих профессиональному правовому сознанию сотрудников ФСИН России:

- наличие точных и систематизированных знаний правовых норм, непосредственно регламентирующих уголовно-исполнительную деятельность;

- наличие внутренней солидарности с правовыми предписаниями в процессе их реализации;

- внутреннее убеждение и желание воздействовать на позитивное преобразование социальной действительности через правовое воздействие на правовой статус осужденных;

- стремление передачи и обмена накопленным положительным опытом реализации правовых предписаний между сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также инициативность при устранении выявленных правовых коллизий или пробелов с целью совершенствования уголовно-исполнительной деятельности;

- категоричное отрицание ценностей и приоритетов, присущих криминальной субкультуре;

- формирование устойчивой привычки соблюдать и активно реализовать правовые предписания.

Указанные признаки представляют собой эталонную модель профессионального правового сознания сотрудников ФСИН России, которая, как видится автору, будет способствовать поддержанию высокого уровня законности в деятельности уголовно-исполнительной системы, на формирование которых должно быть направлено правовоспитательное воздействие в системе профессионального образования ФСИН России.

Список источников

1. Демидов В. В. Законность в современном российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
2. Витрук Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

3. Орлова А. А. Правосознание и законность в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010.

2. Vitruk N. V. Legality: concept, protection and provision. General theory of law / ed. by V. K. Babaev. Nizhny Novgorod, 1993. (In Russ.)

References

1. Demidov V. V. Legality in the modern Russian state. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2004. (In Russ.)

3. Orlova A. A. Legal awareness and legality in the activities of the Federal Penitentiary Service. Dissertation... candidate of legal sciences. Ryazan, 2010. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Орлова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права;

Л. В. Ханахмедова — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.

Information about the authors

A. A. Orlova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law;

L. V. Khanakhmedova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024, одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.7

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>

Редуцированные преступления

Ситникова Александра Ивановна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. Об актуальности темы исследования свидетельствует стремление законодателя признавать оконченными деяниями неоконченные деликты в силу их повышенной общественной опасности. В качестве методологической основы использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания. В ходе исследования установлено, что в действующем уголовном законе редуцированные составы в виде приготовления и покушения содержатся в восьми главах УК РФ. Законодательно-текстологический подход к усеченным составам преступлений позволил выявить ряд существенных недостатков в текстах статей. В частности, в одной и той же части статей имеет место интеграция оконченных и неоконченных составов, различных по степени общественной опасности, объединение видов соучастников в одной части статьи, формулирование в разных частях статьи предписаний об ответственности одного соучастника, повторение в диспозиции статьи идентичных признаков и т. д. По результатам исследования автор приходит к ряду выводов: в уголовном законодательстве наряду с традиционными составами преступлений существуют редуцированные преступления, которые представляют собой структурно неполные преступные деяния. Редуцированные деяния, признаки которых указаны в предписаниях Особенной части Уголовного кодекса, являются неоконченными видами преступлений, а редуцированные деяния, признаки которых даны в нормах Особенной части, квалифицируются как оконченные преступления в силу их повышенной общественной опасности. Текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям позволяет выявить недостатки законодательного текста и внести предложения, направленные на улучшение его качества за счет устранения имеющихся законодательно-технических дефектов.

Ключевые слова: текстологический подход, редуцированные составы преступлений, оконченные и неоконченные деликты

Для цитирования: Ситникова А. И. Редуцированные преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 127–132. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>.

Original article

Reduced crimes

Alexandra I. Sitnikova

Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is evidenced by the desire of the legislator to recognize unfinished torts as completed acts due to their increased social danger. The dialectical method in combination with instrumental

© Ситникова А. И., 2024

methods of cognition was used as a methodological basis. During the study, it was established that in the current criminal law, reduced offenses in the form of preparation and attempt are contained in eight chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislative-textual approach to truncated crimes made it possible to identify a number of significant shortcomings in the texts of articles. In particular, in the same part of the articles there is an integration of completed and unfinished compositions, different in the degree of social danger, a combination of types of accomplices in one part of the article, and the formulation in different parts of the article of instructions on the liability of one accomplice, repetition of identical features in the disposition of the article, etc. Based on the results of the study, the author comes to a number of conclusions: in criminal legislation, along with traditional crimes, there are reduced crimes that represent structurally incomplete criminal acts. Reduced acts, the signs of which are specified in the regulations of the Special Part of the Criminal Code, are unfinished types of crimes, and reduced acts, the signs of which are given in the norms of the Special Part, are qualified as completed crimes due to their increased social danger. A text-centric approach to criminal legal regulations allows us to identify shortcomings in the legislative text and make proposals aimed at improving the quality of the legislative text by eliminating existing legislative and technical defects.

Key words: text-centric approach, reduced crimes, completed and unfinished torts

For citation: Sitnikova A. I. Reduced crimes. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>.

Традиционно по характеру и степени общественной опасности в уголовном праве выделяют основную, квалифицированную и привилегированную составы преступлений [1, с. 142]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) основные составы сформулированы в частях первых статей Особенной части, и в них отсутствуютотячающие и смягчающие признаки. Квалифицированные составы наряду с признаками основных составов содержат квалифицирующие (отячающие) признаки, которые, как правило, расположены в последующих частях статей. Привилегированные составы преступлений законодатель сформулировал в отдельных статьях Особенной части (ст. 106–108, 114 УК РФ).

Согласно классификации, основанной на особенностях законодательной конструкции объективной стороны преступления, составы дифференцируются на материальные, формальные и усеченные [2, с. 114–116; 3, с. 59]. Обязательным признаком объективной стороны материального состава являются: деяние, последствие и причинная связь между ними. В формальных составах дано описание преступного посяательства без указания последствий. Конструкции усеченных составов представлены описанием действий, которые являются приготовлением или покушением, а также включают такой субъективный признак, как нереализованная цель. Наглядный пример — усеченный состав разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Еще один классификационный критерий — способ описания состава преступления — позволяет выделить простой, сложный и альтернативные составы [4, с. 72]. В простом составе дается описание одного действия либо одного

последствия (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Сложный состав имеет место при наличии двух или более деяний (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 206 УК РФ). Альтернативный состав содержит перечень действий (ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 228 УК РФ) или последствий (ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 163 УК РФ), и для квалификации преступления достаточно одного из указанных в статье признаков.

За период действия УК РФ в уголовное законодательство внесены многочисленные изменения и дополнения, в том числе введены новые статьи, в которых сформулированы составы преступлений, не соответствующие традиционным классификациям. В этой связи специалистами по законодательной текстологии разработана классификация новых составов преступлений, не подпадающих под признаки материальных, формальных и усеченных конструкций [5, с. 225 и далее]. В соответствии с текстоцентрическим подходом такие составы преступлений дифференцированы следующим образом: состав не-однократности (ст. 154, 171⁴, 180, 212¹ УК РФ и др.), состав причинения определенного вреда (ст. 146, 173, 201, 215⁴ УК РФ и др.), состав по-ставления в опасность (ст. 215, 216 УК РФ и др.), состав применения насилия (ст. 133, 149, 213, 227 УК РФ и др.). В дополнение к законодательно-текстологической классификации составов преступлений следует выделить редуцированные составы преступлений.

С позиций законодательной текстологии в УК РФ существуют редуцированные преступления, то есть структурно неполные, укороченные составы деяний, которые законодатель признал преступлениями в силу их достаточно высокой общественной опасности. По своей юридической природе редуцированными деяниями

являются все виды неоконченных преступлений, в том числе приготовительные действия к тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК), покушения, которые представляют собой криминальные действия (бездействие), не доведенные до конца в силу обстоятельств (ч. 3 ст. 30 УК), а также деяния, которые фактически являются приготовительными действиями либо покушениями, но в доктрине уголовного права конвенционально считаются оконченными преступлениями.

Законодатель, признавая оконченными преступлениями редуцированные криминальные акты, исходит из того, что эти деяния имеют повышенную общественную опасность и, соответственно, нуждаются в уголовно-правовой реакции государства путем репрессивного воздействия на лиц, приступивших к реализации преступного умысла.

Институт неоконченного преступления охватывает далеко не все деяния, имеющие редуцированный характер, так как исключает уголовную ответственность приготовительных действий к преступлениям небольшой и средней тяжести. В результате законодательного просчета приготовительные действия к наиболее распространенным преступлениям, признаки которых указаны в ч. 1, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 123, ч. 1 ст. 126, п. «б» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159 УК РФ (в Кодексе таких составов — около 180-ти), несмотря на их достаточно высокую общественную опасность, оказались ненаказуемыми деяниями. Со всей очевидностью, приготовительные деяния, обладающие высокой общественной опасностью в силу распространенности ряда преступлений, надлежит ввести в УК РФ в качестве редуцированных преступлений с усеченным составом.

В действующем уголовном законодательстве редуцированные составы преступлений содержатся в 8 главах уголовного закона: 16, 21, 22, 24, 25, 29, 33, 34. В большинстве статей редуцированные составы представлены в виде приготовительных действий, которые законодатель в силу их реальной общественной опасности признает оконченными преступлениями. Наиболее ярким примером в этом отношении является преступление, сформулированное в статье 205⁴ УК РФ, которая предусматривает ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем. В качестве редуцированного состава преступления законодатель в отдельных случаях указывает покушение, которое признает оконченным преступлением. Типичными примерами редуцированных преступлений являются: разбойное нападение

(ст. 162 УК РФ), не завершившееся завладением чужим имуществом в силу не зависящих от виновного обстоятельств, активное участие в вооруженном мятеже (ч. 1 ст. 279 УК РФ) и развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ).

Обращает на себя внимание, что законодательные конструкции редуцированных составов, например, представленные в статьях 162, 171², 173¹, 212, 232, 279, 353 УК РФ, содержат отступления от требований законодательной техники [6, с. 89 и далее] и законодательной текстологии [7, с. 110 и далее]. Законодательно-текстологический анализ статьи 162 УК РФ позволяет установить ряд существенных недостатков в тексте указанной статьи:

1. Неудачно указана цель разбоя, в качестве которой выступает *цель хищения* чужого имущества. С учетом предписаний части 1 статьи 162 УК РФ и примечания 1 к статье 158 УК РФ дефиниция разбоя в преобразованном виде выглядит следующим образом: разбой, то есть хищение, совершенное опасным насильственным способом, с целью хищения чужого имущества. Получается, что разбой как хищение в соответствии с примечанием к статье 158 УК РФ, где указана корыстная цель, совершается с целью хищения. Таким образом, законодатель сформулировал разбой как двухцелевое преступление, что само по себе нелогично. К тому же термин «корысть» должен обозначать мотив преступного поведения, заключающийся в стремлении извлечь материальную выгоду, а не цель совершения преступления.

С учетом необходимости внесения законодательно-текстологических изменений в часть 1 статьи 162 УК РФ предлагаем формулу разбойного нападения в следующем виде: *Разбой, то есть опасное насильственное хищение, совершенное с целью завладения чужим имуществом*. Попутно отметим, для приведения всех форм хищения (ст. 158, 159–159⁶, 160, 161, 162 УК РФ) к единообразному толкованию основных составов форм хищения следует внести изменения в примечание 1 к статье 158 УК РФ, заменив корыстную цель на корыстные побуждения, как это имеет место в пункте «з» статьи 105 УК РФ.

Кроме того, существует противоречие между основным и квалифицированными составами разбоя, поскольку в части 1 статьи сформулирован усеченный состав, а в последующих частях фактически даны материальные составы, в которых отсутствует цель завладения чужим имуществом, при этом указаны последствия в виде крупного и особо крупного материального ущерба, причиненного потерпевшим.

Для устранения отмеченного противоречия следует редуцировать квалифицированные составы разбоя путем внесения уточнений в часть 3 и пункт «б» части 4 статьи 162 УК РФ, обозначив вместо преступного результата цель завладения чужим имуществом в крупном (особо крупном) размерах.

2. Законодательно-текстологические дефекты имеют место также при конструировании уголовно-правовых предписаний, содержащихся в статье 171² УК РФ, в качестве которых необходимо отметить следующие недостатки:

— во-первых, в части 1 статьи 171² УК РФ сформулированы два неравноценных по степени общественной опасности состава преступления: оконченный (проведение азартных игр) и редуцированный (организация азартных игр);

— во-вторых, указанные составы отличаются между собой набором признаков, относящихся к разным элементам состава преступления: 1) по месту совершения преступных действий: в букмекерских конторах и тотализаторах без полученных в установленном порядке лицензии вне игровой зоны и без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности в игровой зоне; 2) по предмету преступления: с использованием игрового оборудования, сети «Интернет» и средств связи;

— в-третьих, непосредственно в тексте статьи законодательно закреплены исключения для организаторов азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах за прием интерактивных ставок и пособников за систематическое предоставление помещений для незаконной организации или проведения азартных игр.

Объединение разных по степени общественной опасности преступных действий (редуцированных и оконченных) в одном уголовно-правовом предписании не соответствует правилам конструирования качественных составов преступлений. В этой связи необходимо отграничить редуцированный состав в виде организации азартных игр от качественно иного состава, включающего в себя проведение азартных игр с использованием игрового оборудования и телекоммуникационных сетей. Соответственно, организация незаконной азартной игры заключается в планировании, подборе и обучении обслуживающего персонала, привлечении участников игр, руководстве игровым заведением и его персоналом и т. д. Проведение азартной игры включает в себя непосредственное совершение таких действий, как ведение игрового процесса, прием ставок, выплата вознаграждения и т. д. [8, с. 796].

Законодательная конструкция, представленная в части 1 статьи 171² УК РФ, по своему характеру является казуистичной, поскольку содержит дважды повторяющиеся объективные признаки, которые препятствуют восприятию нормативного текста в качестве оптимального по объему и качественному по содержанию.

Включение в диспозицию части 1 статьи 171² УК РФ исключений для организаторов азартных игр и пособников, содействовавших осуществлению запрещенных азартных игр, существенно снижает качество уголовно-правового предписания, поскольку значительно увеличивает его объем. С позиций законодательной текстологии целесообразно вывести оба исключения за рамки диспозиции статьи и сформулировать их в примечании к статье. Специалисты по законодательной технике справедливо утверждают, что примечания дополняют текст статьи, являясь формой конкретизации содержания основного уголовно-правового предписания [9, с. 187; 10, с. 346].

Текстоцентрический подход к предписаниям статьи 212 УК РФ позволяет отметить ряд особенностей законодательного текста данной статьи:

1. В части 1 сформулировано предписание об ответственности трех субъектов: организатора массовых беспорядков, исполнителя за оказание вооруженного сопротивления представителю власти и пособника за подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них.

2. В части 1.1 предусмотрена ответственность подстрекателя за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков.

3. Часть 2 содержит норму, предусматривающую ответственность участника (исполнителя) массовых беспорядков.

4. В части 3 указана ответственность подстрекателя за призывы к массовым беспорядкам, участию в них и применению насилия над гражданами.

5. В части 4 установлена ответственность лица за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков и участия в них, в том числе приобретение знаний, умений и навыков обращения с оружием, иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

С позиций законодательной текстологии требуется устранение ряда погрешностей, имеющих место в статье 212 УК РФ:

— во-первых, поскольку действия организатора, исполнителя и пособника имеют

различную общественную опасность, недопустимо предусматривать их ответственность в одном и том же составе (ч. 1 ст. 212 УК РФ);

— во-вторых, для приведения в соответствие предписаний и санкций за совершение действий участником (исполнителем) массовых беспорядков, указанных в частях 1 и 2, необходимо включить в часть 2 статьи 212 УК РФ квалифицированный состав под литерой «а» *оказание вооруженного сопротивления представителю власти*;

в-третьих, предписания, содержащиеся в разных частях статьи 212 УК РФ, предусматривают ответственность подстрекателя за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков (ч. 1¹) и за призывы к массовым беспорядкам, участию в них и применению насилия над гражданами (ч. 3). В целях экономии законодательного текста и создания качественного уголовного-правового предписания следует объединить две части в одну, в которой будет аккумулирована ответственность подстрекателя за все совершенные им действия.

Недостатки законодательного текста также имеются в части 1 статьи 279 УК РФ: в диспозицию статьи включены два вида редуцированных посягательств — организация вооруженного мятежа и активное участие в вооруженном мятеже. Под организацией вооруженного мятежа понимается вербовка лиц для участия в мятеже, снабжение оружием и другими опасными предметами и средствами, планирование, руководство мятежом и т. д. Участие в мятеже означает *попытку использования* (курсив наш. — А. С.) или применения оружия, иных опасных средств и совершение насильственных действий для достижения целей мятежа [8, с. 1242]. Объединение двух видов редуцированных преступлений в одном составе не соответствует положениям Общей части УК РФ о признании приготовления и покушения (в данном случае в виде оконченных посягательств) нетождественными деликтами. Для устранения законодательно-текстологического недостатка необходимо ввести две части: в первой сформулировать ответственность за организацию мятежа, во второй части — за участие в мятеже.

Выводными положениями являются следующие тезисы, аргументированные в представленной статье:

1. С позиций законодательной текстологии в УК РФ имеются редуцированные преступления, то есть структурно неполные, укороченные составы деяний, которые законодатель считает

оконченными преступлениями в силу их достаточно высокой общественной опасности.

2. Редуцированные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом объекты, имеют повышенную общественную опасность и, соответственно, признаются преступлениями, поскольку нуждаются в уголовно-правовой реакции государства путем репрессивного воздействия на лиц, приступивших к реализации преступного умысла.

3. Текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям позволил выявить недостатки техники конструирования диспозиции статей, в целях устранения которых требуется изменить конструкцию основного состава разбоя и переформулировать квалифицированные составы разбойного нападения для приведения их в соответствие с редуцированной конструкцией основного состава (ст. 162 УК РФ); не допускать объединение в одной и той же части статьи оконченного и редуцированного составов (ст. 171² УК РФ и др.); дифференцировать законодательные предписания об ответственности разных по степени опасности действий соучастников, а также не допускать формулирование новелл об ответственности одного и того же соучастника в разных частях статьи (ст. 212 УК РФ).

Список источников

1. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 569 с.
2. Советское уголовное право. Общая часть / Б. В. Здравомыслов, М. А. Гельфер, П. И. Гришаев. Москва: Юридическая литература, 1982. 440 с.
3. Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. Москва: Изд-во «Ось-89», 2000. 256 с.
4. Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2002. 320 с.
5. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. Москва: Проспект, 2016. 304 с.
6. Давыдова М. Л. Юридическая техника. Общая часть: учебник. Москва: Проспект, 2018. 232 с.
7. Ситникова А. И. Законодательная текстология: уголовно-правовой аспект. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. 372 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации (комментарий с путеводителем по судебной практике) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2021. 1536 с.
9. Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 272 с.
10. Баранов В. М. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реали-

зации // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 338–402.

References

1. Russian criminal law. General part / ed. by V. S. Komissarov. St. Petersburg: Peter Publ., 2005. 569 p. (In Russ.)
2. Soviet criminal law. General part / B. V. Zdravomyslov, M. A. Gelfer, P. I. Grishaev. Moscow: Legal lit. Publ., 1982. 440 p. (In Russ.)
3. Nazarenko G. V. Russian criminal law. General part: course of lectures. Moscow: Publ. "Os-89", 2000. 256 p. (In Russ.)
4. Ivanov V. D. Criminal law. A common part. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
5. Sitnikova A. I. Criminal law textual criticism: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 304 p. (In Russ.)

6. Davydova M. L. Legal technology. General part: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 232 p. (In Russ.)

7. Sitnikova A. I. Legislative textual criticism: criminal law aspect. Saarbrücken: LAP LAMBERT Publ., 2012. 372 p. (In Russ.)

8. Criminal Code of the Russian Federation (commentary with a guide to judicial practice) / ed. by A. I. Chuchayev. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 1536 p. (In Russ.)

9. Panko K. K. Methodology and theory of legislative technology of criminal law in Russia. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2004. 272 p. (In Russ.)

10. Baranov V. M. Notes in Russian criminal law: nature, types, problems of implementation. Problems of legal technology: collection. articles / ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 338–402. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Ситникова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

A. I. Sitnikov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law.

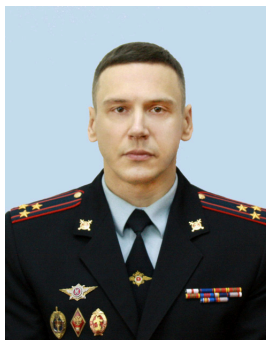
Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-133-137>

Уголовный процесс как технология: сущность подхода

Смолин Алексей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, A.Y.Smolin@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается краткое обоснование «истинного технологического подхода». Автор объясняет, какое актуальное содержание необходимо вкладывать в формулу «уголовный процесс как технология». Сущность авторского взгляда заключается в том, что уголовный процесс полноценной технологией пока не является, но вполне ей может стать при широком использовании цифровизации.

Ключевые слова: технологический подход, уголовный процесс как технология, цифровизация, алгоритм процесса

Для цитирования: Смолин А. Ю. Уголовный процесс как технология: сущность подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 133–137. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-133-137>.

Original article

Criminal procedure as technology: essence of the approach

Aleksey Yu. Smolin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, A.Y.Smolin@yandex.ru

Abstract. The article offers a brief rationale for the “true technological approach”. The author explains what relevant content needs to be put into the formula “criminal procedure as technology”. The essence of the author’s view is that the criminal process is not yet a full-fledged technology, but it may well become one with the widespread use of digitalization.

Keywords: technological approach, criminal process as technology, digitalization, process algorithm

For citation: Smolin A. Yu. Criminal procedure as technology: essence of the approach. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 133–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-133-137>.

© Смолин А. Ю., 2024

В своей известной работе «Фактор понимания», названной философским бестселлером, А. А. Зиновьев просто и емко определил, что собой представляет научный подход к предмету. «Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно

В своей известной работе «Фактор понимания», названной философским бестселлером, А. А. Зиновьев просто и емко определил, что собой представляет научный подход к предмету. «Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. В общей форме правила такого подхода к изучаемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, то есть познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне — друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило» [1, с. 128–129].

Нет необходимости особо доказывать, что именно такого беспристрастного подхода заслуживает всякий предмет научного интереса. Уголовный процесс не является исключением. Однако до сих пор никто не взялся за то, чтобы описать уголовный процесс как нечто цельное, неподдельное, уникальное. Задача эта оказывается для отечественной науки пока неподъемной. И хотя прямо она об этом не заявляет, уловить это можно в цитатах умных и глубоких авторов [2, с. 3].

В попытках поиска единого научного подхода к уголовному процессу возникло немало течений. Е. Г. Васильева указывает, что в уголовно-процессуальной науке подходов к уголовному процессу немало — «аналитический, критический, компаративистский, догматический, аксиологический и др. Среди них наше внимание особенно привлекают два последних, как, пожалуй, наиболее «непохожих» друг на друга методологических подхода. Если догматика права исследует уголовный процесс в наиболее отвлеченном, теоретическом виде, совершенно свободном как от влияния пространства и времени, так и от предпочтений исследователя и законодателя, то аксиология, напротив,

полностью подчинена конгломерату ценностей и интересов. Если первая объясняет, что из себя представляет процесс, то вторая — почему он такой и каким он должен быть» [2, с. 3].

Среди подходов к уголовному процессу Е. Г. Васильева не называет «технологического», хотя по сути его и применяет. Если присмотреться, то и трактовать догматическую часть своего подхода она пытается через два ключевых методологических блока, которые именуются ей как искомая и поисковая технологии.

В монографии указанного автора представлены сотни страниц замечательных рассуждений и десятки упоминаний слова «технология». Но зададимся вопросом: «Имеем ли мы дело даже в этом замечательном научном произведении с истинным технологическим подходом, или же мы сталкиваемся с явлением, которое можно маркировать термином «так называемый технологический подход?». Уничжительная прибавка «так называемый» означает, что зачастую этот подход прямо или косвенно нарекается технологическим скорее по имени, нежели по существу.

Все дело в том, что слово «технология» в последнее столетие очень полюбилось человечеству. В контексте идеологии научно-технического прогресса это слово поминают и к месту, и не к месту. Слово «технология» звучит чаще «всуе», чем по действительной к тому необходимости. В научных текстах, посвященных проблематике уголовного процесса, «технологией» обозначается всякое действие, имеющее отношение к процедуре, а порой и вовсе к ней не имеющее [3; 4].

Любовь к «технологии» означает следующее. Во-первых, через частое употребление этой категории проявляется вера в технологию как в некое «волшебное средство» решения неразрешимых задач. В слове «технология» в один мощный довод сливается несколько оснований объективности — вера в метод и сама процедура. Даже одним этим словом исследователи особым образом одухотворяют исследуемое явление. Одно дело сказать «процесс доказывания» и совсем другое — «технология доказывания». Есть в этом, конечно, и простая погоня за наукообразием, но и она не исключает особой «магии технологии». Во-вторых, через термин «технология» вера в метод трансформируется в методологическое целеполагание. Иными словами, через слово «технология» материализуется желание не просто назвать процедуру технологией, а задуматься о том, как реально превратить набор действий в уверенный технологический процесс. В-третьих, слово

«технология» создает определенный идеологический фон, поскольку оно ассоциируется с лексиконом победителя.

Мы уже не раз писали, что уголовный процесс в своем развитии, в последовательной смене типов и моделей, неуклонно движется от искусства к технологии. И этот вектор движения присущ не только отечественному судопроизводству, это общемировой тренд. Так развивается уголовный процесс во все времена и у всех народов.

Новое пришествие «технологии» с ее надеждой (почти панацеей) искусственным интеллектом существенным образом отражается и на современном уголовном процессе. Юридическая наука и конкретно наука уголовного процесса все больше хочет видеть уголовный процесс как технологию. Причем технологию в конкретном техническом понимании этого слова. Однако наука пока не может сделать этого по причине отсутствия «истинного технологического подхода». Мы эту формулу берем в кавычки. Она нужна нам для того, чтобы отделить настоящий технологический подход к уголовному процессу от так называемого технологического подхода. Несмотря на то, что слово «технология» более чем востребовано в науке уголовного процесса, сам технологический подход в его сугубо научной интерпретации пока не сформирован. Думаем, что мы не сильно ошибемся, если скажем, что в научной литературе нет даже общего образа этого подхода.

Но потребность в этом подходе невероятно велика. И мы видим свой научный долг, свою исследовательскую миссию в том, чтобы предложить свой особый взгляд на этот подход. В настоящей статье мы представим лишь несколько штрихов к нему. Эти штрихи можно называть основами и даже постулатами.

Первый постулат. Технологический подход — это не описательный подход. Это не просто словесный портрет уголовного производства на каком-то особом технологическом языке. Это даже не поиск признаков технологии (в ее техническом понимании) в имеющихся уголовно-процессуальных процедурах и институтах. Это все факультативные задачи. Главное заключается в том, что технологический подход по сути своей — подход операциональный. Это, в первую очередь, инструмент диагностики уголовного судопроизводства на предмет возможности и целесообразности преобразования его в чистую технологию. В некотором смысле здесь пригодится такая метафора, как «беспилотный уголовный процесс». Технологический

подход — это взгляд на уголовный процесс как на чистую технологию.

Второй постулат. Ключевая формула подхода «уголовный процесс как технология» — это уголовный процесс, мало нуждающийся в человеке, а в конечном выражении не нуждающийся в человеке вообще. «Истинный технологический подход» опирается на безжалостную установку — вытеснение человека. Эта установка родилась в поле размышления о том, что же такое настоящая технология в контексте замысла и цели уголовного судопроизводства. И додумались мы до того, что «уголовный процесс как технология» — это уголовный процесс, в котором первична технология и вторичен человек. Эта иерархия закрепляется в первую очередь применительно к достижению цели уголовного процесса, достижения истины. Тут напрашиваются слова из некогда популярной песни: «нажми на кнопку — получишь результат».

Третий постулат. Технология — единственный надежный способ объективирования средств и преодоления вечного неразрешимого противоречия уголовного процесса — между объективностью целей и субъективностью средств. Цель уголовного процесса в технологичном уголовном процессе получает надежду на настоящие объективные средства. Технологический подход допускает возможность полной объективизации средств.

Идею технологического подхода к уголовному процессу как предмету приложения научного интереса в свое время (лет пятнадцать назад) озвучил профессор М. П. Поляков. Именно тогда прозвучало название направления исследования — «уголовный процесс как технология». Но наш наставник видел это «как технология» по-своему. Исходя из этого, нам было предложено попробовать показать и доказать, что уголовный процесс изначально замышлялся человечеством как технология и что в разные исторические эпохи, в рамках разных типологий уголовного процесса всегда и везде (независимо от его национальной прописки) являлся и является именно технологией. При этом звучало и такое словосочетание, как «социальная технология».

Однако в ходе своего многолетнего исследования мы открыли для себя иное понимание формулы «уголовный процесс как технология». Но прежде скажем, что наш Учитель был недалек от истины. Дух технологии, действительно, сопровождает уголовный процесс на протяжении всей его истории. Мы стоим на позиции, что уголовный процесс не рождается технологией в методологическом смысле, но и не отрицаем

того, что цели перед уголовным процессом изначально ставятся технологичные, то есть такие, которые под силу решить только технологии в ее современном (нечеловеческом) понимании.

Иными словами, формула «уголовный процесс как технология» может быть интерпретирована двояко — в идеологическом и методологическом ключе. Идеологический аспект опирается на то, что уголовный процесс по духу своему, по существу самой идеи, устремлен именно к технологии. Если тщательно всмотреться в ретроспективу уголовного процесса, то можно разглядеть, что уголовному судопроизводству всегда ставили, условно говоря, нечеловеческие задачи. Так, инквизиционный уголовный процесс провозгласил своей целью и принципом неотвратимость наказания. Задача эта явно вне резерва человеческих сил и возможностей. Для ее полного решения требуется чудо. Не случайно технология в наше время очень часто приравнивается именно к чуду. Уголовный процесс как государственный инструмент всегда «мечтал» о чудесной технологии. Этот аромат мечты очень точно передал когда-то профессор В. Т. Томин. Первым в мире юридическим чудом профессору В. Т. Томину представлялся уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально добивался реализации неотвратимости наказания [5, с. 12].

«Истинный технологический подход» к уголовному судопроизводству твердо стоит на том, что уголовный процесс никогда не был технологией, даже фрагментарно. Но эта констатация не точка в характеристике подхода, а лишь пролог к авторскому пониманию формулы «уголовный процесс как технология». Суть нашего подхода заключается в установке: уголовный процесс полноценной технологией пока не является, но может ей стать. Эту фразу вполне можно сделать девизом технологического подхода к уголовному процессу.

А теперь приведем несколько штрихов в обоснование «истинного технологического подхода». Это необходимо, поскольку этот подход является не описательным, а преобразовательным.

1. Технологический подход предлагает рассматривать уголовный процесс как технологию непосредственного установления истины с четко прогнозируемым и абсолютно достижимым результатом. Концепция «уголовный процесс как технология» не допускает неопределенности. С точки зрения этой концепции уголовное

судопроизводство (в отличие от гражданского и арбитражного) — не спор сторон и не компромисс. Это алгоритм неизменного и обязательного достижения цели — установления истины.

2. Технологический подход не отрицает процессуальной формы, он просто иначе понимает ее. Технология неминуемо превращает уголовно-процессуальную форму в алгоритм. По замыслу своему форма публичного уголовного процесса генетически устремлена к алгоритмизации. Для уголовного процесса, ставшего полноценной технологией, это будет алгоритм с программным кодом, законодательной регламентации не поддающимся.

2. Источником истины в рамках уголовно-процессуальной технологии будет система разнородных алгоритмов, включающая в себя комплекс необходимых (обязательный аспект) и достаточных (факультативный аспект) компонентов. Эта система позволит обеспечить неизменное достижение объективной истины по всем без исключения содержащим признаки преступления деяниям.

3. Технологический подход, опирающийся на возможности цифровизации, дает основания для разработки теоретической концепции автоматизированного процесса неизменного достижения цели уголовного судопроизводства при помощи программного алгоритма. Данный алгоритм, базирующийся на широком арсенале оцифрованных данных, способен предложить субъекту, ведущему уголовное судопроизводство, подбор оптимального варианта действий и лучшее решение в каждой конкретной «условно новой» судебной ситуации.

4. Концептуально решение проблемы объективности в уголовном процессе предполагает наличие исчерпывающего набора исходной процессуально значимой информации и единственно верный вариант ее эвристической и юридической интерпретации. Решение обозначенной проблемы принципиально невозможно субъективными человеческими средствами. Для автономного алгоритма, являющего собой искусственный интеллект, это ординарная задача.

5. На наш взгляд, только цифровизация способна дать уголовному процессу статус полноценной технологии. Все процессуальные и непроцессуальные (в том числе чисто технические) инновации, добавляемые в уголовно-процессуальную форму и опосредуемую ею деятельность за всю историю их эволюции, ощутимо не приблизили уголовный процесс к состоянию подлинной технологии.

Данная ситуация наиболее заметна на схеме интерпретации процессуально значимой информации посредством человеческого разума. Эта схема не претерпела никаких заметных изменений с момента зарождения уголовного процесса до настоящего времени. Так называемые формальная и свободная оценка процессуально значимой информации при тщательном анализе не выглядят как различные схемы ее интерпретации.

6. Человеческий интеллект имеет свои пределы, которые могут быть расширены только при помощи искусственного интеллекта. Последний делает доступной идеальную технологическую модель уголовного судопроизводства, сконцентрированную в программном алгоритме. Именно эта модель и перестает отождествлять себя с процессуальной формой как таковой. Отсюда и парадоксальный вывод, который может быть уместен только в цифровую эпоху. Альфа и омега современной уголовно-процессуальной формы — уголовно-процессуальный закон — уже не является необходимым элементом, «вдыхающим» в нее формальную юридическую силу. Точнее, меняется содержание закона. Он не описывает процедуру, а лишь легитимирует технический алгоритм. Концепция технологической эволюции судопроизводства, исключая влияние «человеческого фактора» на принятие важнейших решений, предполагает отождествление самого закона с алгоритмом, фактически означающее трансформацию первого во второй.

И это не фантазии, а будни эпохи цифровизации. Отчетливо заявляющие о себе сегодня в различных сферах общественной жизни системы автоматизированного принятия решений, включающие в себя основные аспекты объективного познания действительности (нацеленность на аккумуляцию исчерпывающего набора исходной информации и единственно верный вариант ее интерпретации) наиболее экономичными средствами, в полной мере актуально и для сферы уголовного судопроизводства.

Информация об авторе

А. Ю. Смолин — кандидат юридических наук, начальник редакционно-издательского отдела.

Information about the author

A. Yu. Smolin — Candidate of Sciences (Law), Head of the editorial and publishing department.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

P. S. Надо заметить, что спустя годы наш Учитель профессор М. П. Поляков понял и признал перспективность нашего понимания технологического подхода, нашей трактовки формулы «уголовный процесс как технология». Как он сам выразился, подвигли его к этому пониманию не технологические достижения и научные прорывы, а «чудеса», которые порой вытворяют правоприменители, вооруженные в уголовном процессе только свободой усмотрения.

Список источников

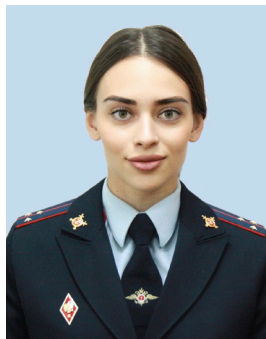
1. Зиновьев А. А. Фактор понимания. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
2. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. Москва: Юрлитинформ, 2013. 584 с.
3. Маркелов А. Г. О ценности использования технологии компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2 (51). С. 25–31.
4. Боруленков Ю. П. Доказательство как технологический элемент юридического познания // Российский следователь. 2013. № 4. С. 2–6.
5. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1991. 239 с.

References

1. Zinoviev A. A. The factor of understanding. Moscow: Algorithm, Eksmo Publ., 2006. 528 p. (In Russ.)
2. Vasilyeva E. G. Criminal procedure: dogmatic and axiological research. Moscow: Yurлитinform Publ., 2013. 584 p. (In Russ.)
3. Markelov A. G. On the value of using compromise technology with the consent of the accused with the indictment. *Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (51), pp. 25–31. (In Russ.)
4. Borulenkoy Yu. P. Evidence as a technological element of juridical perception. *Russian investigator*, 2013, no. 4, pp. 2–6. (In Russ.)
5. Tomin V. T. The sharp corners of criminal proceedings. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1991. 239 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-138-144>

Вопросы организации оперативно-розыскной деятельности в рамках борьбы с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними

Умярова Регина Рушановна¹, Власов Борис Евгеньевич²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, regina65765@mail.ru

²Академия управления МВД России, Москва, Россия, b.e.vlasov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних, совершивших деяния, содержащие признаки состава преступления, а также использования оперативным составом территориальных органов внутренних дел различных ресурсов для их выявления. Акцент ставится на актуализацию внутриорганизационной управленческой деятельности в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий и качество их планирования с учетом системно-структурного взаимодействия подразделений полиции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, несовершеннолетние, латентная преступность, инновационные методы, взаимодействие подразделений, управленческие решения

Для цитирования: Умярова Р. Р., Власов Б. Е. Вопросы организации оперативно-розыскной деятельности в рамках борьбы с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 138–144. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-138-144>.

Original article

Issues of organization of operative-search activity in the fight against crimes committed by minors

Regina R. Umyarova¹, Boris E. Vlasov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, regina65765@mail.ru

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, b.e.vlasov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of carrying out operational investigative activities in relation to minors who have committed acts containing signs of a crime, as well as the use of various resources by the operational staff of the territorial internal affairs bodies to identify them. The emphasis is placed on the actualization of intra-organizational management activities in the field of operational search activities and the quality of their planning, taking into account the systemic and structural interaction of police units.

© Умярова Р. Р., Власов Б. Е., 2024

Keywords: operational investigative activities, minors, latent crime, innovative methods, interaction of departments, management decisions

For citation: Umyarova R. R., Vlasov B. E. Issues of organizing operational investigative activities in the framework of combating crimes committed by minors. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 138–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-138-144>.

Одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) является противодействие преступности. В качестве элементов, образующих процесс такого противодействия, выступают последовательность действий по выявлению уголовно наказуемой активности, а также тех лиц, которые реализуют свои преступные намерения, направленные на подготовку преступных актов, их непосредственное осуществление либо осуществивших все элементы, образующие объективную сторону состава преступления. В статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится о том, что деятельность оперативно-розыскного характера предназначена для проведения целого комплекса мероприятий. Реализуемое сотрудниками оперативных подразделений выявление фактов преступной активности есть ничто иное, как элемент процесса раскрытия преступления. Как отмечают А. Г. Маркушин, О. Л. Морозов, результаты оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) — это основа информационного взаимодействия между субъектами в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [2].

Одной из наиболее актуальных проблем в рассматриваемой области является противодействие преступности несовершеннолетних. Во-первых, это связано с тем, что в настоящий момент времени в рамках ОРД нет единой линии работы, связанной с преступностью лиц, не достигших 18 лет, и конкретно выделенных структурных единиц личного состава в системе ОВД России, курирующих данное направление. Во-вторых, до сих пор преступность среди несовершеннолетних остается на высоком уровне. Согласно статистическим данным несовершеннолетними или при их участии за 2018–2019 годы было совершено каждое 25 преступление (4 и 3,9 % от общей совокупности преступлений, соответственно), за 2020 год каждое 27 преступление (3,7 %), за 2021 год каждое 32 преступление (3,1 %), за 2022 год каждое 34 (2,9 %) и за январь–ноябрь 2023 года каждое 38 (2,6 %) [3]. В-третьих, в настоящее время нет правовых норм, регулирующих

вопрос относительно возможности и правомерности участия несовершеннолетних в качестве субъектов, оказывающих содействие сотрудникам правоохранительных органов в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». К тому же важным аспектом в данном случае являются особенности психологического развития молодых людей, не достигших возраста 18 лет: недоверие к взрослым вообще и правоохранителям в частности; чувство «коллективизма», граничащее с круговой порукой; свойство психики, связанное с преувеличением значения произошедших фактов; и т. п.

В оперативно-розыскной науке в качестве выявления преступного деяния принято рассматривать совокупность специфических по своей природе мероприятий оперативно-розыскного характера, реализуемых в практической плоскости субъектами ОРД, имеющих целью изыскать, осуществить последующие проверочные операции, провести целенаправленную аккумуляцию информационных ресурсов, которые ранее не только не были известны правоохранителям, но и обладают специальной значимостью для процесса противодействия различного рода преступным проявлениям. Фактически мы можем провести определенную параллель между понятием «выявление» и соответствующим ему понятием «обнаружение». Если речь идет об установлении факта преступления и его признаков, то следует говорить о проведении мероприятий проверочного характера в отношении ранее изысканных (обнаруженных) информационных ресурсов.

По результатам исследования наиболее значимых составляющих, образующих в своей понятийной совокупности деятельность по выявлению преступной активности (в т. ч. исходящей от лиц, не достигших 18 лет), дает возможность вычлениить и зафиксировать частного характера специальные задачи в безусловном порядке, поставляемые перед сотрудниками, которые наделены полномочиями по осуществлению ОРД:

— обнаружение любой разновидности преступной деятельности, в отношении которой ее субъектами предпринимаются попытки по сокрытию и камуфлированию;

— выявление злоумышленников, противодействие преступной деятельности которых нормативно закреплено за личным составом оперативных подразделений территориальных ОВД на региональном и районном уровнях;

— обнаружение и фиксация тех информационных ресурсов, которые, обладая оперативно-розыскным и доказательственным значением, могут в значительной мере способствовать выявлению всех обстоятельств преступления и доказательства вины лиц, его совершивших;

— использование оперуполномоченными территориального ОВД мер оперативно-розыскного характера, обеспечивающих не только изболечение лиц, совершивших деяние, наказуемое в уголовно-правовом порядке, но и реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Перечень названных нами специальных задач, стоящих перед сотрудниками оперативных подразделений территориальных органов МВД России, отнюдь не является конечным. Реализация каждой из них возможна лишь посредством задействования оперативным составом ОВД своих оперативно-розыскных полномочий в процессе постановки и соответствующего разрешения более мелких, узконаправленных задач.

Полагаем, что не будет ошибкой, если в качестве максимально значимой задачи оперативно-розыскных усилий, предпринимаемых сотрудниками оперативных подразделений территориальных органов МВД России, мы укажем выявление преступных деяний, подпадающих под юридическую категорию «латентные». Отметим сразу, что именно к таковой относится значительная часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними субъектами.

Главную причину придания задаче выявления и последующего раскрытия латентной преступной активности видим в том, что невыявленные/нераскрытые преступления одним своим наличием нивелируют такое основополагающее руководящее начало уголовного права, как неотвратимость негативной (ретроспективной) уголовной ответственности, поскольку «уход» преступника от заслуженной ответственности и наказания порождает в нем ложную уверенность в своей безнаказанности и, соответственно, влечет расширение преступной активности, реализацию намерений на совершение более тяжких уголовно наказуемых деяний.

Данный фактор особенно сильно влияет на подсознание несовершеннолетних преступников, формируя устойчивое сознание о безнаказанности противоправных деяний.

Одновременно редуцирование, игнорирование принципа неотвратимости ответственности в части высокого процента нераскрытых преступлений не дает возможности правоохранителям обоснованно и правильно оценивать состояние оперативной обстановки на территории оперативно-служебной деятельности, вносит ложные ориентиры в процесс планирования деятельности служб и подразделений ОВД, препятствует правильной расстановке постов и маршрутов патрулирования территориального ОВД.

Задействование сотрудниками оперативных подразделений территориальных органов МВД России всего потенциала предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» мероприятий оперативно-розыскного характера для выявления латентных преступных деяний способно дать в реальном выражении следующие оперативно-служебные результаты:

— увеличение объемов информационно-розыскной значимостью, в том числе о субъектах, не достигших совершеннолетия, но участвующих в реализации преступного умысла;

— повышение качества и правоохранительной результативности осуществляемой на плановой основе деятельности оперативно-розыскного характера;

— совершенствование нормативно закреплённых процессов взаимодействия информационными ресурсами, представляющими оперативную и доказательственную значимость между оперативными подразделениями ОВД;

— повышение уровня практической реализации информационных материалов, полученных оперативным путем.

Не менее значимой задачей частного характера, стоящей перед таким приоритетным направлением оперативно-служебной деятельности территориального ОВД, как деятельность оперативно-розыскного характера, выступает выявление субъектов преступных деяний, относимых к категории «неочевидные», а равно зарегистрированных фактов преступной активности, в отношении которых какие-либо информационные данные, указывающие на причастных к их совершению лиц, отсутствуют.

Проводя краткий обзор иных задач частного характера, которые ставятся перед субъектами ОРД в рамках их розыскной деятельности по выявлению и раскрытию преступной активности несовершеннолетних, мы считаем необходимым указать на следующие из них:

— постоянный поиск информационных данных, указывающих на различных физических

лиц, чье поведение и деятельность активна, представляет интерес с оперативной точки зрения;

— выявление и последующая фиксация информации об административно и уголовно наказуемой деятельности рассматриваемых лиц, с учетом того, что такого рода сведения могут быть значимыми с доказательственной точки зрения и быть использованы как в процессе доказывания их вины, так и выявления и незамедлительного купирования детерминант, способствующих указанной преступной деятельности.

Успешность оперативно-розыскных усилий оперуполномоченных оперативных подразделений территориальных ОВД по выявлению фактов преступной деятельности и их раскрытию, определение причинного комплекса, приводящего к такой преступной активности, находится в прямой зависимости от качества организации контроля со стороны руководства территориального ОВД и начальствующего состава оперативных подразделений за текущей и планируемой оперативно-розыскной деятельностью в отношении несовершеннолетних преступников. Именно указанные нами должностные лица категории «руководитель» рассматриваются в качестве субъектов внутриорганизационной управленческой деятельности по оперативно-розыскной линии оперативно-служебной деятельности ОВД.

Для каждого оперативного подразделения территориального ОВД на региональном и / или районном уровне закреплены базовые направления ОРД, осуществляемой его личным составом и ограниченные законодательными и подзаконными нормативно-правовыми предписаниями, территориальными границами оперативно-служебной деятельности ОВД. Спецификой такой линии оперативной работы, как выявление и раскрытие преступной деятельности несовершеннолетних, является тот факт, что в штатном расписании территориального ОВД специализированных оперативных подразделений по противодействию преступности несовершеннолетних, выявлением и раскрытием, последующим оперативным сопровождением уголовных дел по уголовно-наказуемой деятельности несовершеннолетних не предусмотрено. Соответственно, в зависимости от того, в какой сфере несовершеннолетним гражданином осуществлено преступное деяние — общеуголовной, экстремистской, связанной с незаконным оборотом наркотиков и т.д., оперуполномоченные именно этого оперативного подразделения и будут реализовывать

свои оперативно-розыскные полномочия. Это в то же время является значительной проблемой, которая усложняет как деятельность самих оперуполномоченных, так и руководителей соответствующих подразделений.

Мы считаем, что в рамках управленческого аспекта рационально предусмотреть отдельную (автономную) линию работы с несовершеннолетними для сотрудников оперативных подразделений, что требуется отразить и в положении о соответствующем территориальном органе МВД России и в должностном регламенте каждого оперуполномоченного оперативного подразделения ОВД, отвечающего за данное направление.

Линейный принцип деятельности в рамках противодействия преступности несовершеннолетних будет способствовать значительному улучшению и стабилизации соответствующего направления, в том числе в области профилактики, что облегчит контроль со стороны руководства. Кроме того, сотрудникам, отвечающим за предлагаемую линию работы, будет намного проще работать с физическими лицами, не достигшими совершеннолетия и оказывающими полиции содействие на негласной основе. Также они смогут вести учеты субъектов преступной деятельности указанной категории и эффективно взаимодействовать с иными подразделениями (включая участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, следователей).

Осуществляя организацию ОРД, руководителям соответствующих подразделений территориальных ОВД надлежит одновременно реализовывать и иные направления. От руководителя оперативного подразделения напрямую зависит качество организации взаимодействия подразделения и его личного состава с иными оперативными и не обладающими оперативными функциями подразделениями ОВД, и иных органов исполнительной власти. Полагаем и руководитель ОВД, и начальник соответствующего оперативного подразделения могут и должны оказывать практическую помощь оперуполномоченным в организации ОРД и реализации ими своих оперативных полномочий.

Следует обратить внимание, что о действительности качественной и эффективной организации ОРД личным составом оперативных подразделений территориальных ОВД по выявлению и раскрытию преступной активности несовершеннолетних можно вести речь, лишь когда формулированию целей ОРД, постановке ее прикладных задач будет предшествовать как

комплексный, так и узконаправленный в оперативно-розыскном плане анализ складывающейся оперативной обстановки на территории оперативно-служебной деятельности и перспектив ее развития. Безусловно, предлагаемый нами линейный принцип деятельности оперативных сотрудников ОВД России в рамках работы с несовершеннолетними облегчит данный аспект функционирования сотрудников.

Базовым целевым предназначением всех без исключения подразделений, служб и аппаратов территориальных ОВД различного уровня подчиненности, наделенных полномочиями в сфере ОРД, выступает как выявление и раскрытие преступной деятельности (в нашем случае со стороны несовершеннолетних), так и детерминант такого рода уголовно наказуемой активности.

Министерство внутренних дел Российской Федерации в своих нормативных правовых актах, регламентирующих порядок и основания реализации оперуполномоченными сотрудниками своих оперативно-розыскных полномочий, обозначает перечень лиц, вызывающих оперативный интерес правоохранителей. Применительно к тематике нашего исследования к числу таковых надлежит отнести лиц, подпадающих под категорию организаторов групп по предварительному сговору и организованных групп, равно как и лиц, фиксируемых в приискании и приспособлении предметов совершения преступной деятельности. Несомненно, в поле деятельности оперативных сотрудников территориальных ОВД находятся лица, ставшие субъектами преступной деятельности [1].

Полагаем, что в рамках организации ОРД по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с известной степенью допустимости, всех лиц, представляющих интерес для оперуполномоченных оперативных подразделений территориального ОВД, можно отнести к следующим группам:

— лица, прямо причастные к осуществляемой несовершеннолетними преступной деятельности. К числу таковых относятся инициаторы создания молодежных преступных группировок, наиболее активные их участники, подстрекатели и различного рода пособники, преступная деятельность которых способствует как подготовке и совершению преступлений несовершеннолетними, так и сокрытию следов преступной деятельности;

— физические лица, прежде всего из числа несовершеннолетних, демонстрирующие свое намерение осуществить деяния, наказуемые в уголовном порядке. К ним мы считаем

возможным отнести субъектов, реализующих приготовление к преступлению. С учетом того, что отдельные составы преступлений, совершаемые несовершеннолетними, относятся к категории усеченных, однако несмотря на то, что они совершены лицами, не достигшими возраста 18 лет, по своей деятельностной активности образуют законченный состав преступления (например, создание организованной группы, бандитизм и прочее);

— молодые лица, подпадающие под категорию «несовершеннолетние», демонстрирующие выраженное девиантное поведение и способность трансформировать его в уголовно наказуемую деятельность.

В рамках организации ОРД, реализуемой оперуполномоченными оперативных подразделений территориальных ОВД и направленной на выявление и раскрытие преступной активности несовершеннолетних, руководство ОВД и начальники соответствующих подразделений дополнительно должны ориентировать оперативных сотрудников полиции на использование всего потенциала мероприятий оперативно-розыскного характера (как гласного, так и негласного) для розыска предметов, реализованных несовершеннолетними, тех орудий, которые были задействованы в процессе совершения преступлений.

Специфика психологии несовершеннолетних преступников проявляется и в том, что достаточно часто не только орудия преступной деятельности, но и похищенные у потерпевших вещи, ценности, компьютерные устройства они не сдают скупщикам краденого, а оставляют себе. В процессе организации ОРД руководство ОВД и оперативных подразделений ориентирует на данный факт оперуполномоченных, акцентируя их внимание на том, что эта информация может способствовать как раскрытию преступления, так и изобличению всех причастных к преступной деятельности.

Помимо выявления фактов предварительной преступной деятельности несовершеннолетних, их преступной активности, направленной на достижение желаемого преступного результата, лиц, совершающих, намеренных совершить или склонных к совершению преступных деяний, перед оперативными сотрудниками соответствующих подразделений территориальных ОВД и должностными лицами, организующими ОРД полиции, стоит задача полноценного раскрытия всех фактов и эпизодов преступно-деятельностной активности несовершеннолетних. В качестве такового в теории ОРД понимается осуществление независимой и полной

оценки совершенного уголовно наказуемого деяния, его характера, избличение исчерпывающего круга лиц, имеющего прямое и/или косвенное отношение к совершенному преступному деянию, фиксация обстоятельств иного рода, по которым в рамках возбужденного уголовного дела следователю предстоит осуществлять процесс доказывания.

Среди множества специфических направлений организационно-управленческой деятельности руководящего состава территориальных ОВД деятельность по организации и непосредственному раскрытию фактов преступной активности несовершеннолетних относима к категории наиболее сложных. В качестве субъектов такой внутриорганизационной деятельности мы полагаем возможным назвать не только начальника территориального ОВД и его заместителя — начальника полиции, но и заместителя начальника полиции по оперативной работе, руководителей оперативных подразделений соответствующего ОВД. Реализуя свои организационные полномочия по управленческому обеспечению своевременного и полного раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними, указанные субъекты управления задействуют систематизированную совокупность мер организационно-распорядительного характера.

Вместе с тем и начальник ОВД как руководитель органа дознания вправе не только осуществлять общее руководство и организацию ОРД, но и лично принимать участие в раскрытии преступных деяний, совершаемых лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста. Мы считаем, что именно руководитель территориального ОВД может и должен лично организовывать и регулировать оперативно-розыскные усилия личного состава подчиненных оперативных подразделений по раскрытию таких категорий преступлений, как «тяжкие», «особо тяжкие» и подпадающие под разряд преступных деяний, порождающий значительный резонанс в социуме.

Перечисленные нами значимые и важные функции, реализуемые руководящим составом территориальных ОВД и их оперативных подразделений по обеспечению ОРД по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, значимы, но отнюдь не исчерпывающи. Помимо них, подлежат реализации в практическом плане меры, имеющие выраженный нормативный, штабной и аналитический характер.

Считаем необходимым привести наиболее типичные меры, обладающие одновременно не только организационной, но и управленческой

природой, используемые начальствующим составом территориальных ОВД и руководителями оперативных подразделений в рамках организации оперативно-розыскной деятельности, нацеленной на выявление и раскрытие преступлений, совершаемых несовершеннолетними преступниками:

— создание и поддержание в актуальном состоянии во всех региональных и районных территориальных ОВД информационно-аналитических систем, предназначенных для постоянного мониторинга правоохранительных оперативно-розыскных усилий гласного и негласного характера, ориентированных на раскрытие преступной активности несовершеннолетних и ее пресечение. При этом по результатам мониторинга должны не только формулироваться причины недостаточной результативности ОРД, но и генерироваться меры по их купированию и максимальному устранению;

— постоянная работа по совершенствованию организационного обеспечения ОРД, гарантирующего раскрытие любого факта нарушения норм действующего уголовного закона со стороны несовершеннолетних;

— своевременная подготовка и утверждение решений управленческого характера, нацеленных на формирование наиболее благоприятных условий правоохранительной деятельности гласного и конфиденциального характера, для сотрудников оперативных подразделений территориальных ОВД в сфере выявления и раскрытия преступной активности несовершеннолетних лиц.

Список источников

1. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 августа 2023 года № 619. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).
2. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / А. Г. Маркушин, О. Л. Морозов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023, 208 с.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за 2018–2023 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 10.11.2023).

References

1. On some organizational issues of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the Prevention of legal violations: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 619 of August 24, 2023. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

2. Markushin A. G., Morozov O. L. Operational search activity: textbook for universities. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait Publ., 2023, 208 p. (In Russ.)

3. The state of crime in the Russian Federation for 2018–2023. URL: <https://мвд.рф/reports> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

Информация об авторах

Р. Р. Умярова — без ученой степени;

Б. Е. Власов — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и методологии государственного управления.

Information about the authors

R. R. Umyarova — no academic degree;

B. E. Vlasov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-145-151>

Правоприменительная практика по делам о хищениях бюджетных средств как источник информации о личности преступника и иных элементах криминалистической характеристики

Чумаков Алексей Вадимович

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, Новосибирск, Россия, chumakov_a_v@mail.ru

Аннотация. Автором рассмотрены актуальные особенности изучения правоприменительной практики по делам о хищениях бюджетных средств. Представлен анализ наиболее эффективных инструментов исследования, а именно: метод интервьюирования практических работников и метод экспертных оценок. В качестве иллюстрации их применения проанализирован исследовательский процесс изучения личности преступника как элемента криминалистической характеристики по делам о такой разновидности хищений бюджетных средств, как мошенничество с материнским капиталом. В работе обоснована необходимость изучения криминалистом-разработчиком материалов доследственных проверок, а также приоритета выявления и расследования наиболее общественно опасных, высокоорганизованных хищений с коррупционной составляющей. Криминалистика как наука основные свои усилия должна направлять на разработку методик расследования именно таких преступлений.

Ключевые слова: личность преступника, хищения в бюджетной сфере, бюджетные средства, правоприменительная практика, криминалистическая характеристика, метод экспертных оценок, мошенничества, связанные с материнским капиталом

Для цитирования: Чумаков А. В. Правоприменительная практика по делам о хищениях бюджетных средств как источник информации о личности преступника и иных элементах криминалистической характеристики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 145–151. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-145-151>.

Original article

Law enforcement practice in cases of embezzlement of budgetary funds as a source of information about the identity of the criminal and other elements of criminalistic characteristics

Alexey V. Chumakov

Novosibirsk Law Institute (branch) National Research Tomsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, chumakov_a_v@mail.ru

Abstract. The author considers the current features of the study of law enforcement practice in cases of embezzlement of budgetary funds. The analysis of the most effective research tools is presented, namely, the method of

© Чумаков А. В., 2024

interviewing practitioners and the method of expert assessments. As an illustration of the application of these methods, the research process of studying the identity of a criminal as an element of criminalistic characteristics in cases of such a type of embezzlement of budgetary funds as fraud with maternity capital is analyzed. The paper substantiates the need for a criminologist-developer to study the materials of pre-investigation inspections, as well as the priority of identifying and investigating the most socially dangerous, highly organized embezzlement, with a corruption component. Criminology as a science should direct its main efforts to the development of methods of investigation of such crimes.

Keywords: criminal identity, embezzlement in the public sector, budgetary funds, law enforcement practice, criminalistic characteristics, method of expert assessments, fraud related to maternity capital

For citation: Chumakov A. V. Law enforcement practice in cases of theft of budget funds as a source of information about the identity of the criminal and other elements of criminalistic characteristics. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 145–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-145-151>.

Неоднократно в стратегических и доктринальных документах мы встречаем указание на необходимость обеспечения эффективности расходования бюджетных средств, противодействия криминальным проявлениям в сфере бюджетного финансирования. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] к числу задач в целях обеспечения государственной и общественной безопасности отнесены:

- предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием;

- в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа;

- возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение;

- совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития.

В письме Министерства финансов Российской Федерации от 26 ноября 2020 года № 02-09-09/103226 «О контроле за расходованием бюджетных средств» [2] сказано, что существующие механизмы контроля за расходованием бюджетных средств являются эффективными и достаточными для обеспечения эффективной работы бюджетной системы. Одновременно с этим в данных статистической отчетности МВД РФ мы видим следующую картину: в 2022 году было зарегистрировано более 8 тыс. преступлений, связанных с совершением хищений бюджетных средств, а ущерб от указанных деяний составил более 16 млрд рублей [3].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения

закономерностей криминальной деятельности, связанной с совершением хищений в бюджетной сфере, а также продолжения разработок, направленных на формирование криминалистических научно обоснованных рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений указанной категории.

В рамках настоящей работы рассмотрим некоторые особенности исследовательской работы по изучению личности типичного преступника по делам о хищениях бюджетных средств во взаимосвязи с другими элементами криминалистической характеристики преступлений, а также в целом — особенности изучения следственной и судебной практики по делам данной категории.

Изучение общих тенденций исследовательской деятельности по формированию криминалистических характеристик, включая сбор данных о личности типичного преступника, показывает, что современные криминалисты-разработчики — авторы криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений, формируют эмпирическую базу исследования из ряда традиционных источников:

- уголовные дела и материалы об отказе в возбуждении уголовного дела;

- отдельно, в том числе приговоры судов;

- статистические данные;

- анкетирование и, значительно реже, интервьюирование правоприменителей.

Например, в одной из самых крупных работ последнего времени, посвященной криминалистическим методикам расследования преступлений в сфере экономики, автор изучил и проанализировал материалы более чем 1 500 уголовных дел соответствующих категорий и материалов предварительной проверки. Помимо прочего эмпирического материала, был применен метод анкетирования и раздаточного опроса в отношении:

- практических работников (850 человек);

— представителей профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России и других вузов (120 человек) [4].

Кстати, автор С. Ю. Журавлев, один из немногих ученых, прямо указавших на сложности при получении доступа в архивы судов, обусловленные, в том числе, негативным отношением их руководства к изучению материалов дел третьими лицами, вероятностью распространения персональных данных из материалов дела и т. д. [4, с. 25].

О той же проблеме, то есть, мягко говоря, о нелегком пути к получению и обработке материалов уголовных дел и подборок процессуальных документов, пишет Ю. П. Гармаев. Проблема в том, отмечает автор, что реальные документы и материалы дел вряд ли будут находиться в одном месте, тем более в наиболее удобном для исследователя виде — в электронном. Исключения составляют только архивы судов, где хранятся полностью завершившиеся (оконченные) производством уголовные дела, по которым принято окончательное судебное решение, вступившее в законную силу. Но в этом источнике информации есть свои трудности [5].

В среднестатистической, если так можно выразиться, кандидатской диссертации по криминалистической методике расследования мы видим утверждения авторов о том, что, кроме прочей эмпирической базы, они изучили 100–300 уголовных дел, провели анкетирование и интервьюирование примерно 50–150 следователей и иных сотрудников [6, с. 8–9]. Причем в большинстве исследований пишется именно так: «проведено анкетирование И интервьюирование...» без разделения этих двух разновидностей опроса и без указания на то, сколько людей было опрошено по первому, а сколько — по второму методу. Между тем очевидно, что методы эти совершенно разные, анкетирование провести значительно легче, временные ресурсы минимальны, чего нельзя сказать об интервью, требующем непосредственного общения исследователя с респондентом.

В приложениях большинства диссертаций представлены анкеты изучения материалов уголовных дел. Причем очень часто заметно, что ответы на те или иные вопросы невозможно получить именно методами, связанными с изучением документов. Например, на вопрос: «В какой срок с момента возбуждения уголовного дела был составлен первоначальный план расследования?» — можно ответить только применяя методы опроса, скорее всего интервью, так как сами планы в уголовное дело никогда не подшиваются (из одного из отзывов на диссертацию по методике расследования).

Также следует отметить следующие сложности и негативные исследовательские факторы:

— отсутствие в свободном доступе значительного количества приговоров судов различных инстанций. Причем, например, по делам о хищениях в бюджетной сфере зачастую отсутствуют приговоры по наиболее сложным, резонансным, максимально интересным для исследователей уголовным делам. И наоборот, приговоры по делам, не представляющим правовой и криминалистической сложности (о криминалистической сложности расследования [7, с. 31–34]), имеются в изобилии, но для исследователя они мало интересны;

— отсутствие в текстах приговоров и в целом — во всех материалах уголовных дел конкретной информации, характеризующей методические, тактические, технические и организационные особенности проведения отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, тактических приемов и тактических операций;

— отсутствие у большинства исследователей-криминалистов достаточного количества (и качества) деловых контактов в правоохранительных структурах и судах;

— особенности поведенческих реакций анкетлируемых практикующих юристов: скрытность, недоверие к «теоретикам», опасения передать лишнюю информацию, последствий ее распространения ученым и т. д.

Избрание метода анкетирования (а если быть точным — раздаточного опроса), действительно, позволяет выявить мнение множества респондентов об изучаемом объекте, установить определенные закономерности в ответах опрошенных. Одновременно с этим метод анкетирования — это формат, ограничивающий респондента. В анкете респонденты не отвечают на вопросы развернуто, а стараются сократить формулировки и тем самым сэкономить время. Однако если и избирать указанный метод проведения исследований, то следует остановиться на проведении выборочного группового анкетирования с количеством вопросов не более 15 (в основном вопросов с заранее сформулированными вариантами ответов) в одной анкете и с учетом возможности проведения повторных и дополнительных опросов.

Так, М. М. Черехович в своих исследованиях указывает на значительную распространенность методов анкетирования, однако отмечает повышенную вероятность получения недостоверных результатов. Одновременно с этим автор предлагает свой метод анкетирования, предполагающий разделение анкеты на инструктивный

раздел и собственно анкетный лист (состоящий из 3-х блоков вопросов) [8]. А. К. Железнички также отмечает отдельные недостатки анкетных опросов, а относительно определения предельно возможного и оптимального времени проведения опроса рекомендует практиковать любую разновидность опросных методов в сжатые сроки с целью минимизации искажений данных [9].

В заданном контексте значительный и притом недооцененный потенциал криминалистических исследований представляют собой методы интервьюирования практических работников, метод экспертных оценок. Вот неполный перечень достоинств этих методов при надлежащем их применении:

- практический работник может передать информацию, которой нет и не может быть в материалах изучаемых уголовных дел: основные направления и стратегии расследования дел, например, о хищениях бюджетных средств, типичные следственные ситуации, версии, планирование, тактические приемы и т. п.;

- чаще всего правоприменитель передает информацию на примерах конкретных уголовных дел, материалы которых может помочь получить исследователю;

- исследователь может получить развернутую информацию по сути вопросов из интервью, входящих в предмет исследования;

- можно творчески конкретизировать получаемые сведения в режиме реального времени.

Данные методы потребуют от ученого немалых временных затрат: в среднем один час на само интервью, не считая затрат на организацию и обобщение результатов. Содержательно интервью должно состоять не только из ответов на открытые вопросы, но и обсуждение реальных кейсов из правоприменительной практики (обобщенных кейсов и конкретных).

В своих исследованиях В. А. Журавлева акцентирует внимание на незаменимости метода экспертных оценок в современных условиях, которая обусловлена тем, что он «является практически единственным, который может работать в рамках неопределенностной системы, элементы которой встречаются все чаще в связи с постоянно изменяющимся информационным полем» [10]. Е. А. Ануфриева как ученый-криминалист характеризует метод экспертных оценок в качестве метода исследования, позволяющего решать задачи, «не поддающиеся решению обычным аналитическим способом, в том числе: выбор лучшего варианта решения среди имеющихся; прогнозирование развития процесса; поиска возможного решения сложных задач» [11].

Криминалисту-разработчику исключительно важно договориться и запросить для изучения документы, составленные субъектами выявления и расследования хищений бюджетных средств, включая материалы об отказе в возбуждении уголовных дел, прокурорских проверок и их обобщений за периоды, обзоры региональной практики. Вновь отметим, насколько это бывает проблематично, поскольку напрямую связано с наличием (или отсутствием) в распоряжении ученого организационных ресурсов и личных контактов. Причем необходимы личные контакты не только на уровне рядовых правоприменителей, но также на уровне руководства правоохранительных структур и судов в регионе, в нескольких регионах.

Следует вновь акцентировать внимание на необходимости изучения материалов доследственных проверок, закончившихся как возбуждением уголовных дел, так и отказом в возбуждении (далее — первичные материалы). Изучение разнообразной практики по хищениям в бюджетной сфере и соответствующее интервьюирование показали, что, например, из 100 уголовных дел с приговорами судов примерно в 90–95 делах предметом судебного разбирательства станут 1–2 эпизода преступлений, совершенных 1–2 лицами. Подавляющее большинство осужденных будут рядовыми сотрудниками. Руководители среднего и высшего звена из числа осужденных — единицы. Между тем на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий и доследственных проверок в фокусе внимания правоохранителей зачастую будет не 1–2, а 10 и более эпизодов преступной деятельности, множество фигурантов. Рассматриваются версии о совершении многоэпизодных преступлений в составе организованного преступного формирования, с коррупционной составляющей, с причинением ущерба в крупном, особо крупном размерах и т. п.

Сравнительное исследование массы первичных материалов по уголовным делам о хищениях бюджетных средств и вступивших в законную силу обвинительных приговоров в сочетании с результатами интервьюирования оперативных сотрудников по линии ЭБиПК ГУ МВД по Новосибирской области показывает правоту Ю. П. Гармаева, который, описывая закономерности пассивного расследования некоторых, по началу «громких» уголовных дел, доказывает, что в рамках ОРМ выявляется масса эпизодов и составов преступлений, большое количество соучастников, а далее в ходе расследования зачастую «... теряется доказательственная база, усиливается

противодействие, изменяются в сторону смягчения меры пресечения, и т. п. И, в конце концов, в тиши следственных кабинетов ранее такое «громкое» дело благополучно прекращается, или в суд направляется лишь один, причем самый незначительный эпизод, и в лучшем (для стороны обвинения) случае суд назначает наказание с отбыванием его условно. В итоге, как принято говорить в подобных ситуациях: «Гора родила мышь» [12]. То есть то, что от первичных материалов осталось в приговоре — это зачастую даже не вершина айсберга, а кочка на этой вершине. Именно такие эпитеты используют интервьюируемые оперативные сотрудники.

Закономерность, характеризующая существенные различия между данными, полученными в рамках изучения уголовных дел с приговорами и результатами интервьюирования оперативных сотрудников, легко иллюстрировать на исследовательском процессе в рамках предпринятого ранее формирования криминалистической характеристики и методики расследования такой разновидности хищений бюджетных средств как мошенничество при получении выплат [13, с. 85]. Исследование личности типичного преступника по делам данной категории, например, лиц, похищавших средства материнского капитала, показало, что, если опираться на данные из изученных уголовных дел и приговоров, то получается следующая картина:

— в подавляющем большинстве случаев обвиняемые и осужденные по делам о хищении — это лица женского пола, в возрасте от 22–40 лет, имеющие среднее и средне-специальное образование, как правило, ранее не судимые, имеющие двух и более детей, находящиеся в трудном материальном положении и нуждающиеся в денежных средствах;

— из указанной обобщенной группы лиц можно выделить пару подгрупп: положительно характеризующиеся женщины, ведущие социально благополучный образ жизни и обладающие правом на материнский капитал; женщины, ведущие асоциальный образ жизни, состоящие на учете в психоневрологическом и (или) неврологическом диспансерах [13, с. 223].

Когда же были применены иные методы, то есть изучение первичных материалов и интервьюирование, то результаты были совершенно иными. Так, интервьюирование сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД по Новосибирской области показало: подавляющее большинство реальных хищений совершается в составе преступных групп (75 %), в

которых, как правило, участвуют руководители и главные бухгалтеры организаций, учреждений и предприятий; коррумпированные должностные лица органов государственной власти и управления. Полученные в ходе интервьюирования сведения в целом коррелируют с результатами отдельных криминологических исследований, проведенных в разное время (к примеру, труды А. В. Макарова [14, с. 90]).

Таким образом, подтверждается закономерность, отмеченная Ю. П. Гармаевым по уголовным делам о коррупционных преступлениях. Автор утверждает, что существует две проблемы: практическая и научная. Первая — это наличие в деятельности правоохранительных органов негативной закономерности, некоего неформального приоритета борьбы с мелкими преступлениями, не представляющими правовой и криминалистической сложности. Вторая, связанная с первой, но уже научная проблема заключается в том, что множество научных криминалистических разработок, например методик расследования, посвящено описанию и расследованию именно таких — мелких, несложных преступлений. Автор анализирует причины возникновения этих проблем, в том числе методологические. Так, по его мнению, в науке криминалистике не в полной мере разработаны исследовательские программы изучения и обобщения практики расследования уголовных дел. Уголовные дела, завершившиеся обвинительными приговорами, это не вполне валидный и не самый информативный источник для криминалиста-разработчика. Автор предлагает дополнить эти источники перечнем из пяти видов, условно говоря, «нереализованных» материалов. В результате формулируются выводы о том, что криминалистика как наука должна:

1) критично относиться к отмеченной практической закономерности;

2) принять принцип приоритета разработки рекомендаций по расследованию наиболее сложных и общественно опасных преступлений.

Основным направлением расследования по делам о коррупционных и экономических преступлениях должен стать приоритет борьбы с высокоуровневыми, серийными посягательствами, с деятельностью организованных преступных формирований и с отмыванием денег [15, с. 63].

Итак, обобщение опыта криминалистического исследовательского процесса и результата применения двух методик — направлений изучения практики: 1) изучение уголовных дел и приговоров по ним, анкетирование; 2) интервьюирование

правоприменителей, метод экспертных оценок в сочетании с изучением первичных материалов показывает совершенно разные результаты.

Вторая методика представляется более достоверной в части валидных данных о наиболее общественно опасных преступлениях экономической (как и коррупционной) направленности, в том числе хищений бюджетных средств.

Первая — традиционная исследовательская методика, также вполне валидна, но, во-первых, только в сочетании со второй; во-вторых, преимущественно в отношении преступлений, не представляющих правовой и криминалистической сложности. По таким делам к уголовной ответственности наиболее часто привлекаются непосредственные рядовые исполнители хищений.

Наиболее опасные преступники — организаторы преступной деятельности, лидеры и некоторые иные участники организованных преступных формирований, в том числе коррумпированные чиновники, зачастую остаются без внимания правоохранительных структур, то есть безнаказанными. Организованная преступная деятельность, связанная с хищениями бюджетных средств, значительно более сложна и многогранна, чем мелкие, несложные хищения, поэтому следственные и оперативные подразделения в условиях информационной неопределенности, нехватки квалифицированных кадров, а также тотальной бюрократизации уголовного судопроизводства (на чем в своих трудах акцентирует внимание Б. Я. Гаврилов [16]) зачастую склонны выявлять наиболее очевидные и простые эпизоды хищений, возбуждать уголовные дела в отношении лиц, чья причастность к совершению преступления не вызывает сомнений и чью вину доказать проще.

Таким образом, для получения максимально достоверных результатов исследования преступной деятельности исследовательская программа криминалиста-разработчика должна включать в себя обе методики с сепарацией результатов. И, конечно же, вторая методика должна быть в приоритете. Получаемые результаты разработки криминалистической характеристики хищений бюджетных средств должны использоваться для формирования методик расследования, акцент в которых должен быть сделан на борьбу с высокоуровневой, организованной преступной деятельностью, с коррупционной составляющей. Именно этого требует от правоприменительной практики Стратегия национальной безопасности и иные руководящие документы государства, именно такие приоритеты должна ставить перед собой и наука.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, п. п. 13–14 п. 47. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).
2. О контроле за расходованием бюджетных средств: письмо Минфина России от 26 ноября 2020 года № 02-09-09/103226. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400004958/#review> (дата обращения: 06.12.2023).
3. МВД выявило хищение бюджетных средств на 16 млрд рублей: интернет-издание «Регнум». URL: <https://regnum.ru/news/3728246> (дата обращения: 08.12.2023).
4. Журавлев С. Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 520 с.
5. Гармаев Ю. П. Руководство по поиску, обработке и использованию материалов следственно-судебной практики (уголовное судопроизводство): учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во «Байкальский меридиан», 2019. 82 с.
6. Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 537 с.
7. Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: монография. Краснодар: КубГАУ, 2011. 156 с.
8. Черехович М. М. Применение метода анкетирования в криминологии на примере изучения мнения осужденных об эффективности воспитательной работы с ними // Юридическая наука. 2020. № 1. С. 55–61.
9. Железничих А. К. Методы социологических исследований: особенности применения (на примере массового / анкетного опроса) // Экономика и социум. 2014. № 2–2 (11). С. 70–76.
10. Журавлева В. А. Метод экспертного оценивания: историческая экспликация и современная модель // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 2. С. 28–38.
11. Ануфриева Е. А. Метод опроса в методологии построения частных криминалистических методик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 1. С. 112–118.
12. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в раскрытии и расследовании преступлений органами внутренних дел // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического стола, 26 февраля 2016 года. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016. Ч. 1. С. 92–100.
13. Чумаков А. В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. 239 с.

14. Макаров А. В. Преступность в бюджетной сфере: Понятие, тенденции, предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 396 с.

15. Гармаев Ю. П. Преимущественная борьба с «мелкими» коррупционными преступлениями как проблема практики и криминалистической науки. *Lex russica* (Русский закон). 2023. № 76 (3). С. 63–71.

16. Гаврилов Б. Я. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 65–72.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of February 7, 2021, paragraphs 13–14, paragraph 47. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.11.2023). (In Russ.)

2. On the control of budget spending: letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 02-09-09/103226 of November 26, 2020. Access from the reference legal system "Garant". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400004958/#review> (accessed 06.12.2023). (In Russ.)

3. The Ministry of Internal Affairs revealed embezzlement of budget funds for 16 billion rubles: online edition "Regnum" URL: <https://regnum.ru/news/3728246> (accessed 08.12.2023). (In Russ.)

4. Zhuravlev S. Y. Methodological foundations for improving the methodology of investigating crimes in the field of economics. Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 520 p. (In Russ.)

5. Garmaev Y. P. Guidelines for the search, processing and use of materials of investigative judicial practice (criminal proceedings): studies.- the method. stipend. Ulan-Ude: Baikal meridian Publ., 2019. 82 p. (In Russ.)

6. Zemskova E. N. Investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2018. 537 p. (In Russ.)

7. Zelensky V. D. Theoretical issues of the organization of crime investigation: monograph. Krasnodar: Kub-GAU Publ., 2011. 156 p. (In Russ.)

8. Cherekhovich M. M. Application of the questionnaire method in criminology on the example of studying the opinions of convicts on the effectiveness of educational work with them. *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 1, pp. 55–61. (In Russ.)

9. Zheleznietskikh A. K. Methods of sociological research: features of application (on the example of a mass / questionnaire survey). *Economics and society*, 2014, no. 2-2 (11), pp. 70–76. (In Russ.)

10. Zhuravleva V. A. Method of expert assessment: historical explication and modern model. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Sociology*, 2012, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.)

11. Anufrieva E. A. The survey method in the methodology of constructing private forensic techniques. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2017, no. 1, pp. 112–118. (In Russ.)

12. Garmaev Y. P. The principle of offensiveness in the disclosure and investigation of crimes by internal affairs bodies. *Criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes: materials of the X All-Russian scientific and practical table*, February 26, 2016. Stavropol: SF KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2016. Part 1. Pp. 92–100. (In Russ.)

13. Chumakov A. V. Features of the methodology for investigating fraud in receiving payments. Dissertation... doctor of legal sciences. Barnaul, 2018. 239 p. (In Russ.)

14. Makarov A. V. Crime in the public sector: Concept, trends, prevention. Dissertation... doctor of legal sciences. St. Petersburg, 2005. 396 p. (In Russ.)

15. Garmaev Yu. P. The primary fight against "minor" corruption crimes as a problem of practice and criminalistic science. *Lex russica (Russian law)*, 2023, no. 76 (3), pp. 63–71. (In Russ.)

16. Gavrilov B. Ya. Modern Russian criminal procedure legislation: the vision of a legislator, the opinion of a scientist and the position of a law enforcement officer. *Judicial power and criminal procedure*, 2023, no. 1, pp. 65–72. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Чумаков — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Information about the author

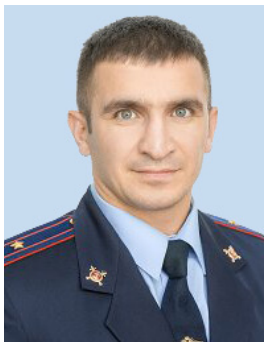
A. V. Chumakov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-152-157>

**Проблемы определения признака «финансирование»
применительно к отдельным видам преступной деятельности
в российском уголовном законодательстве**

Балиев Усман КазимовичНижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, murad200318@icloud.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые конструкции составов преступлений, устанавливающие уголовную ответственность за финансирование отдельных видов преступной деятельности (терроризма, диверсии, экстремизма, вооруженного формирования, наемничества, акта международного терроризма), обращается внимание на неунифицированный подход законодателя к содержательному наполнению такого криминообразующего признака указанных составов, как «финансирование», ведущий к нарушению фундаментальных технико-юридических правил и не способствующий обеспечению единства правоприменительной практики. В данном исследовании на основе конкретных норм уголовного закона формулируются предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: уголовное законодательство, финансирование, преступная деятельность, терроризм, незаконное вооруженное формирование, диверсия, экстремизм, наемничество, акт международного терроризма, нежелательная организация

Для цитирования: Балиев У. К. Проблемы определения признака «финансирование» применительно к отдельным видам преступной деятельности в российском уголовном законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 152–157. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-152-157>.

Original article

**Problems of defining the term “financing” in relation to certain types
of criminal activity in Russian criminal legislation**

Usman K. BalievNizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, murad200318@icloud.com

Abstract. The article examines some constructions of the elements of crimes that establish criminal liability for the financing of certain types of criminal activity (terrorism, sabotage, extremism, armed formation, mercenary activity, act of international terrorism), draws attention to the non-unified approach of the legislator to the content of such a criminalizing feature of these structures as “financing”, leading to a violation of fundamental technical and legal

© Балиев У. К., 2024

principles While not contributing to ensuring the unity of law enforcement practice, proposals for their improvement are formulated on the basis of specific norms of the criminal law.

Keywords: criminal law, financing, criminal activity, terrorism, illegal armed formation, sabotage, extremism, mercenary activity, act of international terrorism, undesirable organization

For citation: Baliev U. K. Problems of defining the sign "Financing" in relation to certain types of criminal activity in Russian criminal legislation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 152–157. (In Russ). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-152-157>.

Действующее уголовное законодательство не отличается совершенством, о чем свидетельствует наличие в нем значительного количества изъянов юридико-технического характера. Они выражаются в пробельности, противоречивости, казуистичности, социально-экономической и уголовно-политической необоснованности отдельных его положений, нарушающих систему всего уголовного законодательства, усложняющих применение уголовного-правовых норм в практической деятельности. Это предопределяется многими факторами внутренней и внешней среды, немаловажное значение среди них играет несоблюдение законодателем выработанных юридической наукой и практикой правил юридической техники. Под ними понимаются наиболее общие требования, обеспечивающие эффективность и оптимальность формы и содержания правовых норм.

В современной юридической литературе выделяются различные правила юридической техники, все их можно условно разделить на группы: содержательные, логические, структурные, языковые, реквизитные, процедурные (Т. В. Кашанина) [1]; структурные, языковые, логические, процедурные (С. С. Тихонова) [2]; межотраслевые, внутриотраслевые, криминально-композиционные, логические, языковые (А. В. Иванчин) [3]. Позиции ученых по данному вопросу можно продолжать, однако подавляющее их большинство солидаризируется в том, что среди правил юридической техники выделяются языковые правила. На одном из таких правил и связанных с его нарушением проблем мы хотели бы акцентировать свое внимание в настоящей публикации.

Одним из фундаментальных требований, предъявляемых к конструированию уголовного закона в целом и уголовно-правовых институтов, и норм в частности, выступает однозначность и единообразие используемой терминологии [4, с. 170]. Это правило проистекает из необходимости тождественного понимания содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) словоформ, в целях их верного уяснения и разъяснения в

процессе квалификации и обеспечения устойчивости правоприменительной практики.

Особенно значимо выполнение указанного требования при формулировании криминалообразующих признаков отдельных составов преступлений, имеющих единую уголовно-правовую природу и обладающих определенным сходством свойств и признаков. Это непосредственным образом влияет на процесс оценки общественно опасного деяния. Следует согласиться с А. В. Иванчиным в том, что законодатель должен стремиться к изоморфизму при конструировании сходных составов преступлений [3, с. 146].

К сожалению, в УК РФ данное правило не всегда соблюдается. Примером тому может служить содержательное наполнение такого признака, как «финансирование», применительно к отдельным видам преступной деятельности. В настоящий момент в целом ряде конструкций составов преступлений встречается признак «финансирование» (ст. 205¹, 208, 282¹, 282³, 359, 361 УК РФ [5]). Однако толкование данного термина не отличается единообразием, в его структуру входят различные характеристики в зависимости от конкретного преступного посяательства, либо они не раскрываются вовсе.

Не дублируя нормативный материал, отметим лишь месторасположение имеющихся уголовно-правовых признаков финансирования, применительно к отдельным видам преступной деятельности:

— финансирование терроризма раскрывается в примечании 1 к статье 205¹ УК РФ и пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 [6];

— финансирование вооруженного формирования в пункте 26 указанного выше постановления [6];

— финансирование диверсионной деятельности в примечании 1 к статье 281¹ УК РФ;

— признаки финансирования экстремистской деятельности устанавливаются исходя из содержания диспозиции части 1 статьи 282³ УК РФ и пункта 22.1 постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 [7].

Осуществив описание общеметодологических предпосылок актуализированной темы, обратим внимание на конкретные проблемы, детерминируемые сложившейся рассогласованностью признака финансирования в уголовном законодательстве.

Во-первых, в части 2 статьи 284¹ УК РФ закрепляется формулировка объективной стороны, по всем признакам подпадающая под понятие финансирования, однако данный термин при ее описании не используется. Ответственность устанавливается за «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [5]. Можно заметить, что в указанной конструкции речь идет фактически о финансировании, однако ни в наименовании статьи, ни в ее содержании данный термин не встречается. Кроме того, считаем, что заголовок статьи 284¹ УК РФ уже, чем содержание, и, таким образом, не раскрывает в полной мере ее сущность.

Более правильным было бы назвать статью 284¹ УК РФ так: «Организация деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, финансирование ее деятельности или участие в ней». Исходя из этого, диспозицию части 2 рассматриваемой нормы необходимо сформулировать следующим образом: «Финансирование деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, то есть предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности такой организации». Подобные правотворческие коррективы будут способствовать унификации существующих в уголовном законодательстве конструкций финансирования.

Во-вторых, к другому примеру, свидетельствующему о не единообразном подходе государства к определению финансирования,

применительно к отдельным видам преступной деятельности выступает указание на признак субъективной стороны при его характеристике. В описании финансирования терроризма, диверсии, вооруженного формирования для характеристики отношения лица к совершаемому деянию используется словформа «с осознанием того, что они предназначены для обеспечения...». Одновременно с этим при разъяснении финансирования экстремистской деятельности и деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее нежелательной на территории Российской Федерации применяется распространенный признак «заведомость» («предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для...» (ст. 282³ УК РФ).

Формулировка «с осознанием...» используется в Особенной части УК РФ для описания субъективной стороны лишь в трех упомянутых случаях, что можно признать странным и недавним изобретением законодателя. Следует поддержать мнение И. В. Шевченко, указавшего на то, что такой формы вины уголовный закон не знает [8, с. 18]. Более предпочтительно с языково-технической точки зрения привести все упомянутые выше формулировки к одному знаменателю при указании на признак субъективной стороны, используя признак «заведомо». Он достаточно часто встречается при характеристике составов преступлений в УК РФ (по мнению А. Г. Иванова, более 90 раз [9, с. 75]) и характеризует интеллектуальный аспект умысла, заключающийся в осознании лицом, совершающим преступление, отдельных признаков преступления [10, с. 59]. По мнению профессора А. И. Рарога, заведомость означает то, что субъекту, совершающему преступление «заранее известно о наличии тех или иных обстоятельств..., то есть он достоверно о них знал» [11, с. 61]. По этой причине с учетом умышленной формы вины во всех конструкциях, устанавливающих ответственность за финансирование, следует произвести замену формулировок «с осознанием» на «заведомо».

В-третьих, в частях 1 и 2 статьи 359 УК РФ устанавливается ответственность за финансирование или иное материальное обеспечение наемника, однако нигде не раскрывается, что под таковыми понимается. Более того, во всех ранее упомянутых определениях признак «иное материальное обеспечение» является неотъемлемой частью финансирования, в то время как буквальное толкование статьи 359

УК РФ позволяет сделать вывод о том, что это не одно и то же, поскольку между ними имеется разделительный союз «или». В таком случае возникает вопрос, в чем состоит разница между финансированием и иным материальным обеспечением? В комментарии к УК РФ под авторством представителей Ярославской уголовно-правовой школы под «иным материальным обеспечением» предлагается понимать передачу наемнику оружия, обмундирования, продуктов питания, медикаментов и т. д. [12, с. 690]. Разве перечисленные действия не выступают формами выражения финансирования? Мы считаем, что признак «иное материальное обеспечение» применительно к наемничеству излишен и должен быть исключен из описания диспозиции статьи 359 УК РФ, поскольку полностью поглощается термином «финансирование».

Однако в настоящий момент нигде не раскрывается содержание термина «финансирование» для целей рассматриваемой статьи. В «профильном» международном правовом акте отсутствуют какие-либо конкретизированные трактовки финансирования наемников [13], отсутствуют они и в российском законодательстве.

В доктринальных источниках авторы по-разному пытаются определить данное понятие. Например, Э. А. Эбзеева под финансированием наемника предлагает понимать обеспечение его финансовыми средствами, включая денежное вознаграждение за участие в боевых действиях, выплату за ранение, оплату лечения, приобретение экипировки [14, с. 17]. К. Л. Осипов и Ф. В. Короткий финансированием наемника называют обеспечение его наличными или безналичными денежными средствами, предназначенными для выплаты ему вознаграждения за участие в боевых действиях, закупки вооружения и техники [15, с. 17; 16, с. 23–24]. В уже обозначенном комментарии Ярославской уголовно-правовой школы при описании финансирования наемника авторы отсылают нас к статье 205¹ УК РФ, судя по всему отождествляя термины «финансирование терроризма» и «финансирование наемника» [12, с. 690], с чем трудно согласиться.

Можно заметить, что приводимые учеными толкования не отличаются единообразием, они включают в них разный перечень деяний, подпадающих под финансирование наемника. Не претендуя на решение столь непростой задачи в рамках данной публикации отметим, что имеется настоятельная потребность в формулировании и нормативном закреплении

термина «финансирование наемника» для единообразного толкования данного признака статьи 359 УК РФ.

К другому примеру недостаточно полного понимания содержания термина «финансирование» следует отнести часть 2 статьи 361 УК РФ. В ней устанавливается ответственность за финансирование акта международного терроризма и одновременно с этим не раскрывается его толкование. По мнению С. Ю. Богомолова, это является существенным пробелом, требующим незамедлительной реакции научного сообщества и законодателя [17, с. 102].

В научной литературе нередко можно увидеть размышления о том, что для уяснения содержания финансирования акта международного терроризма необходимо обратиться к примечанию к статье 205¹ УК РФ, в котором раскрывается термин «финансирование терроризма» [18, с. 282]. На наш взгляд, это методологически и юридически некорректно, поскольку в описании финансирования терроризма приводится исчерпывающий перечень террористических преступлений, для совершения которых осуществляется финансирование. Статья 361 УК РФ в этом перечне отсутствует.

Профессор С. М. Кочои предлагает следующую трактовку финансирования применительно к статье 361 УК РФ: предоставление или сбор не только денежных средств, но и материальных средств либо оказание финансовых услуг [19, с. 85]. Данная формулировка носит общий и неконкретизированный характер, в связи с чем она не может быть положительно воспринята законодателем. В этой связи следует подумать над закреплением в примечании к статье 361 УК РФ разъяснения термина «финансирование акта международного терроризма».

Подводя итоги проведенного исследования определения термина «финансирование» в российском уголовном законодательстве, сформулируем следующие основные выводы и предложения, которые могут служить основой для дальнейшей научной разработки мер по совершенствованию уголовно-правовых норм в указанной области.

Во-первых, в настоящий момент российский законодатель уделяет особое внимание противодействию наиболее организованным формам преступности уголовно-правовыми средствами, устанавливая самостоятельную ответственность за такую форму пособничества действий, как финансирование. Однако делает он это не унифицировано, с нарушением правил

юридической техники, что негативно сказывается на единообразии толкования криминообразующего признака «финансирование» в тексте УК РФ.

Во-вторых, для обеспечения единства уголовно-правовой терминологии рекомендуется использовать при формулировании заголовка и диспозиции части 2 статьи 284¹ УК РФ словформу «финансирование», поскольку в статье речь ведется именно о нем.

В-третьих, при характеристике субъективной стороны финансирования терроризма, диверсии, вооруженного формирования заменить типичную и не распространенную конструкцию «с осознанием того, что они предназначены для обеспечения...» на слова «заведомо предназначенных для обеспечения...».

В-четвертых, для устранения неопределенности в толковании признака финансирования наемника и акта международного терроризма следует разработать и закрепить в примечании к статье 359 УК РФ и к статье 361 УК РФ соответствующие толкования данного понятия.

Список источников

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. 496 с.
2. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Нижний Новгород, 2008. 244 с.
3. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва: Проспект, 2014. 352 с.
4. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. 648 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 // Российская газета. 2012. № 35.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 // Российская газета. 2011. № 142.
8. Шевченко И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 24 с.
9. Иванов А. Г. Значение признака «заведомость» в установлении умысла // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 74–81.

10. Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части: учебное пособие / отв. ред. А. И. Чучаев; канд. юрид. наук Е. В. Лошенкова. Москва: КОНТРАКТ, 2014. 320 с.

11. Парог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. Санкт-Петербург: Юрид. центр пресс, 2003. 279 с.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Ярославской уголовно-правовой школы). В 2 ч. Особенная часть / под ред. Е. В. Благова, А. В. Иванчина. Москва: Юрлитинформ, 2023. 696 с.

13. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (заключена 04.12.1989) // Действующее международное право. Т. 2. Москва: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 812–819.

14. Эбзеева З. А. Наемничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты (на примере Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 27 с.

15. Осипов К. Л. Ответственность за наемничество по российскому уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

16. Короткий Ф. В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 34 с.

17. Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-криминологическое исследование: монография / под ред. А. В. Петрянина. Москва: Проспект, 2021. 256 с.

18. Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р. Противодействие экстремизму и терроризму: уголовно-правовой и криминологический аспекты: науч.-практ. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2023. 288 с.

19. Кочои С. М. Законодательство о противодействии терроризму: учебное пособие. Москва: Проспект, 2021. 168 с.

References

1. Kashanina T. V. Legal technique: textbook / T. V. Kashanina. 2nd ed., exp. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
2. Tikhonova S. S. Legal technique in criminal law: a course of lectures. Nizhny Novgorod, 2008. 244 p. (In Russ.)
3. Ivanchin A. V. Constructing the corpus delicti: theory and practice: monograph / ed. by L. L. Kruglikov. Moscow: Prospekt Publ., 2014. 352 p. (In Russ.)
4. Legal technique: textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 648 p. (In Russ.)
5. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

6. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 1 of February 9, 2012. *Rossiyskaya Gazeta*, 2012, no. 35. (In Russ.)

7. On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of June 28, 2011. *Rossiyskaya Gazeta*, 2011, no. 142. (In Russ.)

8. Shevchenko I. V. Criminal liability for terrorist activities: criminal law and law enforcement aspects. Author's abstract... candidate of legal sciences. Tambov, 2010. 24 p. (In Russ.)

9. Ivanov A. G. The meaning of the sign "knowingness" in establishing intent. *Legal science and practice*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 74–81. (In Russ.)

10. Concepts and terms in Russian criminal law. General and Special parts: a textbook / ed. by A. I. Chuchaev, E. V. Loshenkov. Moscow: KONTRAKT Publ., 2014. 320 p. (In Russ.)

11. Rarog A. I. Qualification of crimes on subjective grounds. St. Petersburg: Legal Center press Publ., 2003. 279 p. (In Russ.)

12. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Yaroslavl Criminal Law School). 2 parts. A special part / ed. by E. V. Blagov, A. V. Ivanchina. Moscow: Yurlitinform Publ., 2023. 696 p. (In Russ.)

13. International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (Concluded on 12/04/1989). *Current International Law*, vol. 2. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law Publ., 1997. Pp. 812–819. (In Russ.)

14. Ebzeeva Z. A. Mercenary activity: criminal law and criminological aspects (on the example of the North Caucasus). Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 2013. 27 p. (In Russ.)

15. Osipov K. L. Responsibility for mercenary activities under Russian criminal law. Author's abstract... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2003. 26 p. (In Russ.)

16. Korotkiy F. V. Mercenary activity: criminal law and criminological aspects. Author's abstract... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2009. 34 p. (In Russ.)

17. Bogomolov S. Yu. Responsibility for the financing of terrorism: criminal criminological research: monograph / ed. by A. V. Petryanin. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 256 p. (In Russ.)

18. Sabitov R. A., Sabitov T. R. Countering extremism and terrorism: criminal law and criminological aspects: scientific and practical stipend. Moscow: Yurlitinform Publ., 2023. 288 p. (In Russ.)

19. Kochoi S. M. Legislation on countering terrorism: a textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 168 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>

Уважение в праве: эволюция нормативного закрепления и доктринального осмысления

Гогитидзе Дарья Алексеевна

Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия,
dawa.98@mail.ru

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку определения сущности феномена «уважение» применительно к государственно-правовым закономерностям его эволюции в нормативных правовых актах, правоприменительной практике и исследованиях ученых. Анализируются отдельные исторические памятники права, законодательство советского периода развития отечественного государства и права, а также современная политико-правовая доктрина понимания уважения как элемента правовой действительности. На основании этого делается вывод о позиционировании уважения преимущественно в двух проекциях: как нравственно-этического регулятора общественных отношений, а также в качестве нормативного требования, но имеющего духовную природу. Доказывается определенного рода эволюция уважения в праве: от нравственно-этической ценности к юридическому принципу. Постулируется, что сегодня уважение в праве необходимо рассматривать через его двуединую природу с проекцией в качестве принципа российского права, основывающегося на нравственно-этических ценностях, то есть в рамках чувственной и деятельностной нормативной составляющих. Предлагается авторская трактовка понятия «уважение в праве», делается вывод о потребности полноценного, общетеоретического исследования уважения, формирования его доктринальной концепции.

Ключевые слова: уважение, почтительное отношение, права человека, нравственность, духовность, достоинство

Для цитирования: Гогитидзе Д. А. Уважение в праве: эволюция нормативного закрепления и доктринального осмысления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 158–167. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>.

Original article

Respect in law: the evolution of normative consolidation and doctrinal understanding

Darya A. Gogitidze

South Russian Institute of Management — branch of RANEPA, Rostov-on-Don, Russian Federation,
dawa.98@mail.ru

Abstract. The author of the article attempts to determine the essence of the phenomenon of “respect” in relation to the state-legal patterns of its evolution in normative legal acts, law enforcement practice and research by scientists. The article analyzes individual historical monuments of law, the legislation of the Soviet period of the development

© Гогитидзе Д. А., 2024

of the national state and law, as well as the modern political and legal doctrine of understanding respect as an element of legal reality. Based on this, it is concluded that respect is positioned mainly in two projections: as a moral and ethical regulator of public relations, as well as a normative requirement, but having a spiritual nature. A certain kind of evolution of respect in law is proved: from a moral and ethical value to a legal principle. It is postulated that today respect in law must be considered through its dual nature with projection as a principle of Russian law based on moral and ethical values, i. e. within the framework of sensory and activity normative components. The author's interpretation of the concept of "respect in law" is proposed, the conclusion is made about the need for a full-fledged, general theoretical study of respect, the formation of its doctrinal concept.

Keywords: respect, respectful attitude, human rights, morality, spirituality, dignity

For citation: Gogitidze D. A. Respect in law: the evolution of normative consolidation and doctrinal understanding. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 158–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-158-167>.

Сегодня термин «уважение» в различных проекциях прочно вошел в повсеместное употребление. К слову сказать, Президент Российской Федерации В. Путин в ходе ежегодной пресс-конференции неоднократно указывал на необходимость уважительного отношения к отечественной истории, говорил о собственных чувствах уважения к русским людям, вере в русский народ, требовал от государственных служащих уважать просьбы граждан и пр. [1]. Такая палитра смыслообразующих концептов уважения (в том числе, правовых — от диспозитивных до императивных) подталкивает к активизации научного поиска и установлению роли и значения феномена «уважение» в нынешних условиях государственно-правового строительства. Сделать это без краткого анализа эволюции данного феномена как применительно к доктринальным разработкам, так и относительно нормативного закрепления, как думается, нельзя.

Категория «уважение» обязана своим появлением в науке — философскому знанию. Благодаря фундаментальным работам в области изучения внутренней сущности человека и определения его лучших качеств (И. Кант) [2, с. 131–168], этики воспитания детей (Дж. Локк) [3, с. 265–268], влияния религии на личность (М. Бубер) [4, с. 16–26], моральной стороны социума, путей обнаружения нравственного императива человека (Э. Левинас и пр.) [5, с. 34–63], уважение прочно вошло в общественный дискурс.

Сегодня исследователи в области социологии, теологии, психологии, педагогики, литературоведения [6; 7] с большим вниманием относятся к данной категории, предпринимая попытки обнаружить ее место в системе социальных ценностей, определить значение, перспективы эволюции в рамках изменяющегося мира.

Далеко не сегодня и юристы поддержали посыл необходимости установления нравственной стороны права через обращение к феномену

«уважение». Разработки в этой области, осуществленные Г. Еллинеком [8, с. 19–44], Г. Спенсером [9, с. 5–9] и другими (преимущественно западными авторами) создали прочную основу для современного взгляда на проблематику уважения в праве. В развитие их взглядов видные отечественные ученые стали призывать не только к нормативному закреплению требований уважения в праве и государстве, но и рассматривают данный аспект в качестве национальной идеи [10].

Необходимо признать, что в рамках общемирового пространства в качестве правового явления «уважение» появилось на заре становления универсальных источников закрепления общепризнанных прав и свобод человека. Выдвинем осторожное предположение, что феномен «уважение» нашел свое выражение в государственно-правовых актах (пусть и латентно, лишь по смыслу) как раз в результате проекции идеи свободы личности на общественные отношения. Данный тезис можно развивать бесконечно, поэтому здесь лишь позволим себе привести наиболее характерные примеры содержательного указания на необходимость уважения личности в некоторых фундаментальных исторических памятниках права.

В частности, в положениях Великой хартии вольностей просматривается идея уважения, как в отдельных положениях — «Никому мы не продадим, никому не откажем и не отсрочим права и справедливости», так и в рамках общего посыла данного акта: «мы желаем и неизменно предписываем, чтобы <...> все жители нашего королевства имели и пользовались всеми вышеуказанными вольностями, правами и пожалованиями прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполне и неприкосновенно» [11, с. 136].

Следует отметить некоторую особенность и отечественного исследования феномена «уважения». В частности, дореволюционная, а затем и ранняя советская юридическая наука весьма

осторожно относилась к феномену «уважения», если не сказать большего, а именно — мягко говоря, игнорировала его. Об этом свидетельствует как обращение к научной справочной литературе [12, с. 303; 13, с. 699], так и к исследованиям в области познания общих закономерностей развития государства и права. К примеру, классик дореволюционного права Г. Ф. Шершеневич весьма скептически высказывался об уважении как категории юриспруденции, не допуская ее включения в содержание правовых установлений, отводя ей место в религиозно-нравственном ряду понятий, и связывал с чувственной рефлексией: «Право имеет дело только с действиями, но не с чувствами. Если бы право взяло на себя определить уважение, любовь, страх перед Божеством, то такие нормы определяли бы в действительности не отношение человека к Божеству, а отношение одного человека к другим» [14, с. 20].

Данный факт можно объяснить, как думается, категоричным восприятием уважения в нравственном, психологическом ключе, при полном отсутствии формально-юридических критериев определения его сущности. В частности, в философском словаре под редакцией Э. Л. Радлова уважение понимается как «смешанное чувство», с одной стороны, вызываемое признанием ценности чего-либо, а с другой — «затрагивающее лучшие стороны души» [15, с. 256].

В такой интерпретации юридизировать данную категорию, придать ей правовую форму и наполнить нормативным содержанием, действительно не просто. Возможно, в этой связи в доктринальных источниках по правоведению того времени феномен «уважение» практически не встречается либо позиционируется вскользь. К примеру, в работах П. А. Брюнелли, А. С. Алексеева не упоминается, к сожалению, о необходимости уважения прав и свобод гражданина (русских подданных) [16; 17, с. 253–270]. Фактически лишь подбирается к осмысленному позиционированию уважения в качестве нравственно-этического элемента юриспруденции Ф. Регельсбергер в главе «Право, нравственность, нравы», но аналогично — не указывает его в прямой постановке [18, с. 6–12].

Между тем нормативные правовые акты XIX века, хотя явно и не содержали посылов к уважению основополагающих ценностей общества и государства, но по смыслу своему указывали на отдельные проявления такого требования. К примеру, один из наиболее прогрессивных документов эпохи реформ,

определяющий начала отечественной уголовно-процессуальной деятельности, обращал внимание на необходимость, например: внимательного отношения к достойным условиям содержания лиц, подозреваемым в совершении преступления: «никто не может быть содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ» [19, с. 15], запрета повторного уголовного преследования: «Оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можете быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, если бы даже открылись къ его изобличенію новыя обстоятельства» (ст. 21), заботы о восстановлении доброго имени, чести участника судебного разбирательства: «Возстановленіе чести и правъ невинно осужденнаго допускается во всякое время, несмотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго» (ст. 26) и пр.

В определенном смысле положительные изменения в части активизации научного и практического интереса к феномену «уважение» в рамках государственно-правовых преобразований произошли после 1917 года. В этот период уважение от абстрактной идеи чувственного, духовного характера, начинает приобретать очертания нравственно-правового начала, в частности, применительно к правам, свободам женщин. Так, по крайней мере, постулировала одна из преамбул постановления ЦИК и СНК СССР: «Ни в одной стране в мире женщина, как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР» [20]. Профессиональное сообщество советских юристов начинает опираться на категорию уважения в тех случаях, когда, помимо юридической оценки, делу необходимо придать морально-нравственную, идеологическую. Такой тезис следует из краткого анализа интерпретационных актов, в текстах которых уважение включается для подчеркивания значимости тех или иных общественных благ, ценностей. К примеру, «хулиганство в условиях социалистического общества представляет собой посягательство на правила социалистического общежития, уважение к которым является, согласно статье 130 Конституции СССР, одной из основных обязанностей советских граждан» [21].

Далее уважение стало рассматриваться в качестве первоосновы для осуществления профилактической, воспитательной работы со специальным контингентом, которое должно было

строиться на началах «уважения к правилам социалистического общежития» [22]. Еще позднее уважение как принцип начало проецироваться на все права человека, его честь и достоинство [23].

Сказанное делает возможным осуществить переход от рассмотрения уважения в качестве абстрактной идеи — к иной ипостаси, проявляющейся в его свойствах императива для построения общественных, в том числе правовых отношений. Такое позиционирование уважения наполнило его свойствами формально-юридического требования, то есть, соответственно, принципа права.

Советский период развития права и государства, как известно, характеризовался идеологизированным подходом к изучению их закономерностей. Так, П. Т. Полежаи принципы права рассматривал как воплощенные в праве основополагающие, руководящие идейные начала (положения), отражающие его классовую сущность и целенаправленность и определяющие наиболее существенные черты содержания правового регулирования общественных отношений [24, с. 15].

Полагаем, что ключевым тезисом в данном определении, его ядром выступает указание на источник формирования принципов права. Для нас определяющим является тот факт, что автор не останавливается на нормах права как основном источнике определения принципов права (хотя за ними сохраняется определенное руководящее начало). Эта мысль ученого идет вразрез с популярной для того времени позитивистской гипотезой о том, что правовые принципы находят свое выражение «только и именно в нормах права» [25, с. 33]. В указании на идейные начала мы видим нечто большее, а именно: объективные закономерности построения государства, формирования его правовой системы. И если нормы права будут впоследствии изменяться, отменяться и прочее, то общие закономерности и ценности, направленные на укрепление социальных начал государства, формирование гуманной правовой системы, основанной на примате уважения прав и свобод человека, должны сохраняться.

Наша точка зрения подтверждается ранее высказываемыми гипотезами А. Ф. Черданцева, И. Я. Дюрягина [26, с. 11–19], В. В. Лазарева [27, с. 484] и других, небезосновательно полагающих, что не нормы права формируют принципы, а наоборот: «руководствуясь разными принципами можно создать и разные нормы» [28, с. 30]. На обозначенных позициях стояли и

классики отечественного права и государства. Так, Н. М. Коркунов, например, писал: «закон имеет дело с принципами, с сущностью вещей, а не с их случайной и переходящей формой» [29, с. 18].

Возвращаясь к эволюции формально-юридического закрепления уважения в качестве императива для регулирования общественных отношений, отметим, что ключевое, системообразующее значение для этого, безусловно, заложил Устав Организации Объединенных Наций. В частности, более девяти раз в прямой постановке и на порядок больше — по смыслу упоминается уважение в данном документе. Отсюда и многообразие объектов, на которые должно распространяться такое почтительное, внимательное отношение: права человека (ч. 3 ст. 1), культура (ст. 73), обязательства, вытекающие из норм международного права (преамбула), принцип равноправия и самоопределения народов (ч. 2 ст. 1) и др. Фактически резюмирует необходимость утверждения уважения, как основополагающего начала любой деятельности каждого государства, статья 55, гласящая о том, что достичь «стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями» возможно путем «всеобщего уважения» [30].

Во многом благодаря утверждению указанных начал уважение стало появляться в фокусе исследований отечественных правоведов. Многие российские ученые-юристы на разных этапах заявляли о необходимости уважения относительно чего-либо в праве. К примеру, профессор В. А. Виноградов ранее постулировал необходимость уважения к Конституции Российской Федерации [31, с. 11], а сегодня в условиях цифровой трансформации общественных отношений, геномной эволюции ученые ведут спор о потребности уважения частной жизни [32].

Характерно, что многие авторы не делают акцент на необходимости содержательного подхода к уважению и фактически сводят его либо к практическим формам реализации права (например, «уважение права» равно «защита права») [33; 34], либо такому варианту воплощения в жизнь правоотношений, как «обеспечение» и его синонимичному ряду. К примеру, И. В. Телегина, рассуждая о принципе уважения чести и достоинства в рамках уголовного судопроизводства, не только не остановилась (хотя бы фрагментарно) на сущностных аспектах понимания данного руководящего требования, уравняв его с деятельностью по обеспечению иных компонентов судебного разбирательства, но и

фактически дала ему организационно-процессуальную (процедурную) окраску, а не материальную основу. Автор пишет: «особый интерес в аспекте обеспечения чести и достоинства личности, как представляется, вызывает процедура по установлению личности подсудимого» [35, с. 321]. Остается недоумевать, по какой причине такое отправное начало предварительного расследования, как уважение чести и достоинства личности, может раскрываться посредством процедуры идентификации личности?

Вместе с тем другие авторы подошли к исследованию уважения с глубоко содержательных позиций. Так, одним из первых ученых, который выдвинул идею о необходимости позиционирования уважения в качестве общеправового принципа, был А. С. Мордовец [36, с. 14]. Автор фактически вывел феномен «уважения» на новый уровень: с эфемерного, абстрактного восприятия до конкретного руководства для должностных лиц государства, членов общества, общей цели при построении политической власти в качестве социальной. Впоследствии его научной школой данные аспекты были углублены, получили свое развитие применительно к иной юридической проблематике [37; 38].

С сущностных позиций интересной является точка зрения также таких представителей Саратовской юридической школы, как А. М. Репьева и В. В. Семенов, которые связали уважение с поведением. Так, В. В. Семенов пишет, что «уважение следует рассматривать как правомерное поведение, основанное на глубоком осознании необходимости следования предписаниям закона, установленным в них нормам свободы и возможного поведения других лиц» [39, с. 54]. В схожей интерпретации высказывается А. М. Репьева применительно к специальным субъектам права в виде осужденных: «сущность уважения состоит в правомерном поведении осужденных, основанном на глубоком осознании необходимости следования своим основным обязанностям, распорядку и режиму дня, требованиям администрации» [40, с. 132]. Точка зрения авторов, безусловно, может быть как поддержана, так и развита, углублена.

В частности, импонирует указание на основу такого поведения субъекта, а именно внутренние чувства, устойчивое понимание целесообразности правопослушного поведения. Действительно, применительно к уважению, поведению, основанному на нем, первичное значение имеет внутренняя мотивация лица. Лучшие социальные качества человека

проявляются в уважительном отношении к чему-либо: чуткость, вежливость, корректность и пр. Добиться их воплощения в коммуникации без личностного осознания ценности, как думается, весьма затруднительно.

С другой стороны, позиционирование уважения исключительно в качестве акта поведения субъекта несколько сужает социально-правовое поле его объективации в общественных отношениях и формы проявления. Следовательно, цепочка рассуждения приводит нас к возможности выдвинуть гипотезу, что уважение в праве имеет двуединую природу — чувственную и формально-юридическую (нормативную). Допустимо, как думается, в сказанном видеть определенную эволюцию феномена «уважения»: первично воспринимаемого в виде нравственно-этической ценности, а впоследствии — в качестве нормативного начала, то есть принципа права. Попытаемся аргументировать данный тезис несколько подробнее.

Во-первых, связка уважения с поведенческим аспектом нам не только импонирует, но мы видим в этом конкретное практико-прикладное воплощение. К примеру, законодатель нередко, опираясь на внутренние чувства субъекта, добивается желаемого для общества результата не с опорой на юридическое наказание, а благодаря устойчивому пониманию целесообразности правопослушного поведения. К примеру, многие конституционные, то есть основополагающие обязанности личности, должны исполняться исходя из мотива, заложенного Конституцией Российской Федерации, а именно на основе «уважения к Отечеству» [41].

Во-вторых, исключительно поведенческий ракурс восприятия феномена «уважение» (как было сказано ранее) по своему обедняет его, сужает социально-правовое поле его объективации в общественных отношениях и формы проявления. Более того, в такой интерпретации не остается места для нормативного, формально-юридического обеспечения уважения в реальных общественных отношениях. Полагаем, что без закрепленных в законодательстве мер государственно-правового воздействия (убеждения и принуждения), реализация идеи уважения в праве может так и остаться лишь научной концепцией. К примеру, должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации введена в целях создания режима «уважения государственными органами прав и свобод граждан» [42]. Указанное требование могло бы остаться декларативным, если бы законодательство: во-первых,

не закрепило конкретных организационно-правовых форм реагирования Уполномоченного по правам человека на неуважительное отношение к правам человека (рассмотрение жалоб, запросы о предоставлении информации и пр.); во-вторых, не предусматривало бы мер реагирования на указанное неуважительное отношение, при этом не только сообразно предмету разбирательства (к примеру, в форме административного искового заявления или ходатайства), но и учитывая правовой статус должностного лица.

Сказанное выше обуславливает определенного рода дихотомию уважения в праве: от нравственно-этической ценности к юридическому принципу. С одной стороны, как указывали выше, уважение имеет прочную нравственно-этическую основу. Помимо этого, уважение как принцип права само выступает духовной основой, нравственно-этическим базисом для правового и социального государства, строящегося на примате человека, его прав и свобод. Этот аспект проецируется на концепции ответственности государства перед обществом. С другой стороны, уважение наполняется конкретным юридическим содержанием, становится в определенном смысле императивным требованием, руководящим началом для деятельности государства и органов публичной власти. К примеру, в числе принципов международного наблюдения за выборами и референдумами обозначается «уважение национального суверенитета» [43], а одним из принципов международного сотрудничества государств в области воспитания молодежи является «уважение к культуре, языкам, истории и традициям других народов» [44].

В ракурсе приведенных суждений позволим себе с опорой на аргументированную выше двуединую природу уважения как принципа российского права, основывающуюся на нравственно-этических ценностях, чувственной и нормативной составляющих, сформулировать его следующее понятие. По нашему мнению, это *руководящее идейное требование по формированию и реализации поведения (деятельности) участников общественных отношений, основанное на глубоко почтительном отношении к достоинству личности, его социальному и правовому статусу.*

Список источников

1. О чем говорил Президент Владимир Путин, подводя итоги года и отвечая на вопросы журналистов и жителей страны // Российская газета. 2023. 14 декабря.

2. Кант И. О свойствах возвышенного и прекрасного у человека вообще. О национальных характерах, поскольку они основываются на разном чувстве возвышенного и прекрасного: соч. в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. (Философ, наследие. Акад. Наук СССР. Ин-т философии). Москва: Мысль, 1964. Т. 2. 511 с.

3. Локк Дж. Мысли о воспитании и воспитании разума / введ. и прим. Эв. Даниэля; пер. с англ. М. А. Энгельгардта. Санкт-Петербург: Тип. «Север», 1913. 338 с.

4. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. В. В. Рынкевича, вступит. ст. Г. С. Померанца. Москва: Республика, 1995. 462 с.

5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / пер. И. С. Вдовина, Б. В. Дубин. Москва: Культур. инициатива; Санкт-Петербург: Университет. кн., 2000. 415 с.

6. Марков А. И. Формирование уважения к праву в системе подготовки курсантов ВУЗов МВД России // Юристъ-Правоведъ. 2001. № 2 (3). С. 9–14.

7. Турсунова Ш. А. Лексико-семантическая репрезентация и структурная организация концепта «уважение» // Вестник Педагогического университета. 2020. № 4 (87). С. 114–117.

8. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. И. В. Власовой, под ред. А. А. Рождественского; предисл. П. И. Новгородского. Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1910. 158 с.

9. Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ., ред. д-ра филос. М. Филиппова. Санкт-Петербург: Тип. А. Пороховщикова, 1897. 256 с.

10. Тонков Е. Е. Уважение к закону как политическая религия // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы Международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, д-ра юрид. наук, проф. Н. В. Витрука, Белгород, 30 ноября 2017 года / отв. ред. М. В. Мархгейм. Белгород: ООО ГиК, 2017. С. 6–11.

11. Великая хартия вольностей // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков. Англо-саксонское государство. Англия. Германия. Испания. Италия. Франция. Албания. Болгария / под ред. акад. В. М. Корецкого. Москва: Юрид. лит., 1961. 965 с.

12. Настольный энциклопедический словарь / А. Гранат и Ко. Т. VIII: Сладкое дерево — V. 2-е. стереот. изд. Москва: Высоч. утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1897. 447 с.

13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. Москва: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

14. Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 2, включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. Москва: Статут, 2017. 704 с.

15. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. Санкт-Петербург: Тип. Акционерного общества Брокгауз-Ефронъ, 1911. 284 с.
16. Брюнелли П. А. Права русского гражданина, как их определять, как их осуществлять, как их отстаивать. Санкт-Петербург: Изд-во «Вестника Знания» (В. В. Битнера), 1913. 208 с.
17. Алексеев А. С. Русское государственное право: пособие к лекциям ординарного проф. Имп. Московского ун-та А. С. Алексеева. Москва: Типо-Литография Г. И. Простакова, 1905. 281 с.
18. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова; под ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Москва: Тип. Высочайш. утв. Т-ва И.Д. Сытина, 1897. 296 с.
19. Устав уголовного судопроизводства: Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. 6-е испр. и доп. изд. С. Г. Щегловитова. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1895. 555 с.
20. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 года // Собрание законов СССР. 1936. № 34, ст. 309.
21. О судебной практике по делам о хулиганстве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 апреля 1939 года // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.12.2019).
22. О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: указ Президиума ВС СССР от 8 февраля 1977 года № 5201-IX, ст. 39.4 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 7, ст. 118.
23. О внесении изменений и дополнений в Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 25 июня 1980 года № 2370-X, ст. 3 // Ведомости ВС СССР. 1980. № 27, ст. 545.
24. Полежаев П. Т. Советское право и политика в период строительства коммунизма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 37 с.
25. Шебанов А. Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1965. 46 с.
26. Дюрягин И. Я. Об истинности содержания правоприменительного акта // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 11–19.
27. Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». Москва: Новая юстиция, 2010. 504 с.
28. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 192 с.
29. Коркунов Н. М. Указ и закон. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
30. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года) (с изм. и доп. от 20 декабря 1971 года), п. «с» ст. 55 // Действующее международное право. Т. 1. Москва: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.
31. Виноградов В. А. Правовое государство — залог уважения к конституции // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 12. С. 8–11.
32. Лозовская С. В., Шодонова М. Э. Право на уважение частной жизни и инновации в технике // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы VI международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Юридического факультета, Улан-Удэ, 18–21 июня 2015 года / под ред. И. А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2015. С. 47–51.
33. Алменов Б. А. Уважение и защита прав человека // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 3. С. 117–119.
34. Фомина Л. Ю. Защита права на уважение частной жизни судей: позиции Европейского суда по правам человека // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2. № 3. С. 146–164.
35. Телегина И. В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в судебном разбирательстве // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 321–323.
36. Мордовец А. С. Уважение как универсальный принцип прав человека и гражданина // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник / под ред. А. С. Мордовца, А. П. Плешакова. Саратов: СЮИ МВД России, 2004. С. 3–14.
37. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество: диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
38. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.
39. Семенов В. В. Уважение к праву и правам человека как принцип деятельности органов внутренних дел // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник / под ред. А. С. Мордовца, А. П. Плешакова. Саратов: СЮИ МВД России, 2004. С. 53–61.
40. Репьева А. М. Уважение как принцип уголовно-исполнительного права: pro et contras // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 25–26 ок-

тября 2017 года / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 131–133.

41. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года), преамбула // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

42. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ: в ред. от 29 мая 2023 года, ч. 1 ст. 1 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9, ст. 1011; 2023. № 23. Ч. I, ст. 3998.

43. О законодательном обеспечении электро-ральных процессов в государствах — участниках Содружества Независимых Государств: постановление № 54-4 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, ст. 6 // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by> (дата обращения: 25.12.2023).

44. О Плате мероприятий на 2023–2024 годы по реализации Стратегии международного молодежного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств на 2021–2030 годы: решение Совета министров иностранных дел СНГ (принято в г. Астане 12 октября 2022 года) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 25.12.2023).

References

1. What President Vladimir Putin talked about, summing up the results of the year and answering questions from journalists and residents of the country. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, December 14. (In Russ.)

2. Kant I. About the properties of the sublime and beautiful in man in general. About national characters, because they are based on a different sense of the sublime and the beautiful. Works in six volumes / gen. ed. by of V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Moscow: Mysl Publ., 1964. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

3. Lock J. Thoughts on the education and upbringing of the mind / introduction and note by Ev. Daniel; transl. from the English by M. A. Engelhardt. St. Petersburg: "North" Publ., 1913. 338 p. (In Russ.)

4. Buber M. Two images of faith / transl. from German by V. V. Rynkevich, intro by G. S. Pomerants. Moscow: Republic Publ., 1995. 462 p. (In Russ.)

5. Levinas E. Favorites. Totality and the Infinite / transl. by I. S. Vdovina, B. V. Dubin. Moscow: Cultural initiative Publ.; St. Petersburg: University book Publ., 2000. 415 p. (In Russ.)

6. Markov A. I. Formation of respect for law in the system of training cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Jurist-Pravoved*, 2001, no. 2 (3), pp. 9–14. (In Russ.)

7. Tursunova Sh. A. Lexico-semantic representation and structural organization of the concept of "respect" //

Bulletin of the Pedagogical University. 2020, no. 4 (87), pp. 114–117. (In Russ.)

8. Yellinek G. The socio-ethical significance of law, injustice and punishment / transl. by I. V. Vlasova, ed. by A. A. Rozhdestvensky; preface by P. I. Novgorodsky. Moscow: S. P. Yakovlov Publ., 1910. 158 p. (In Russ.)

9. Spencer G. Justice / transl. from English, ed. by Dr. M. Filippov, Doctor of Philosophy. St. Petersburg: A. Porokhovshchikov Publ., 1897. 256 p. (In Russ.)

10. Tonkov E. E. Respect for the law as a political religion. Constitutionalism: symbiosis of science and practice: materials of the International round table dedicated to the memory and 80th anniversary of the birth of Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N. V. Vitruk, Belgorod, November 30, 2017 / ed. by M. V. Markheim. Belgorod: GiK Publ., 2017. Pp. 6–11. (In Russ.)

11. Magna Carta. Anthology of monuments of the feudal state and the law of European countries. The state of the ancient Franks. The Anglo-Saxon state. England. Germany. Spain. Italy. France. Albania. Bulgaria / ed. by academician V. M. Koretsky. Moscow: Legal lit. Publ., 1961. 965 p. (In Russ.)

12. Desktop encyclopedic dictionary / A. Garnet and Co. Vol. VIII: Sweet tree — V. 2nd. stereot. ed. Moscow: High. approved. T-vo Skoroprinni A. A. Levenson Publ., 1897. 447 p. (In Russ.)

13. Philosophical encyclopedic dictionary / gen. ed. board: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow: Sov. Encyclopedia Publ., 1983. 840 p. (In Russ.)

14. Shershenevich G. F. Favorites: in 6 vols. Vol. 2, including the Course of civil law / intro. world, comp. P. V. Krashenninnikov. Moscow: Statute Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

15. Philosophical Dictionary of Logic, psychology, ethics, aesthetics and the history of philosophy / ed. by E. L. Radlov. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Joint Stock Company Publ., 1911. 284 p. (In Russ.)

16. Brunelli P. A. The rights of a Russian citizen, how to define them, how to exercise them, how to defend them. St. Petersburg: "Bulletin of Knowledge" (V. V. Bitner) Publ., 1913. 208 p. (In Russ.)

17. Alekseev A. S. Russian state law: a manual for lectures by ordinary professor. Imp. of the Moscow University A. S. Alekseev. Moscow: G. I. Prostakov Publ., 1905. 281 p. (In Russ.)

18. Regelsberger F. The general doctrine of law / transl. by I. A. Bazanova; ed. by prof. Yu. S. Gambarova. Moscow: I. D. Sytina Publ., 1897. 296 p. (In Russ.)

19. The Statute of Criminal Proceedings: Judicial statutes of Emperor Alexander II with legislative motives and explanations. 6th ed. and add. by S. G. Shcheglovitova. St. Petersburg: A. S. Suvorina Publ., 1895. 555 p. (In Russ.)

20. On the prohibition of abortions, increasing financial assistance to women in labor, establishing state as-

sistance to multi-family families, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, strengthening criminal penalties for non-payment of alimony and on some changes in divorce legislation: resolution of the Central Executive Committee of the USSR no. 65, Council of People's Commissars of the USSR no. 1134 of June 27, 1936. *Collection of laws of the USSR*, 1936, no. 34, art. 309. (In Russ.)

21. On judicial practice in cases of hooliganism: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of April 29, 1939. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2023). (In Russ.)

22. On making additions and amendments to the Fundamentals of correctional labor legislation of the USSR and the Union Republics: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 8, 1977 no. 5201-IX, art. 39.4. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1977, no. 7, art. 118. (In Russ.)

23. On amendments and additions to the Fundamentals of legislation on the judicial system of the Union SSR, Union and autonomous republics: law of the USSR of June 25, 1980 no. 2370-X, art. 3. *Vedomosti VS USSR*, 1980, no. 27, art. 545. (In Russ.)

24. Polezhai P. T. Soviet law and politics during the construction of communism. Author's abstract... doctor of legal sciences. Kharkov, 1967. 37 p. (In Russ.)

25. Shebanov A. F. Questions of the theory of normative acts in Soviet law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1965. 46 p. (In Russ.)

26. Duryagin I. Ya. On the truth of the content of the law enforcement act. *The Soviet state and law*, 1975, no. 2, pp. 11–19. (In Russ.)

27. Lazarev V. V. Selected works: in 3 vols. Vol. II: Gaps in legislation: establishment, overcoming, elimination. The Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. YUST firm. Moscow: New Justice Publ., 2010. 504 p. (In Russ.)

28. Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg: UIF Nauka Publ., 1993. 192 p. (In Russ.)

29. Korkunov N. M. Decree and law. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ., 1894. 408 p. (In Russ.)

30. The Charter of the United Nations (adopted in San Francisco of June 26, 1945) (with amendments and additions of December 20, 1971), p. "c", art. 55. *Current international law*. Vol. 1. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law Publ., 1996. Pp. 7–33. (In Russ.)

31. Vinogradov V. A. The rule of law — the pledge of respect for the Constitution. *Bulletin of the penal enforcement system*, 2013, no. 12, pp. 8–11. (In Russ.)

32. Lozovskaya S. V., Shodonova M. E. The right to respect for private life and innovations in technology. Problems and prospects of state and law development in the XXI century: materials of the VI International scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Faculty of Law, Ulan-Ude, June 18–21, 2015 / ed. by I. A. Sharaldaeva. Ulan-Ude: East Siberian

State University of Technology and Management Publ., 2015. Pp. 47–51. (In Russ.)

33. Almenov B. A. Respect and protection of human rights. *International Journal of Experimental Education*, 2013, no. 3, pp. 117–119. (In Russ.)

34. Fomina L. Y. Protection of the right to respect for the private life of judges: positions of the European Court of Human Rights. *Justice/Justice*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 146–164. (In Russ.)

35. Telegina I. V. Implementation of the principle of respect for honor and dignity of the individual in court proceedings. *Business in law*, 2008, no. 3, pp. 321–323. (In Russ.)

36. Mordovets A. S. Respect as a universal principle of human and civil rights. Respect as a principle of law enforcement agencies: interuniversity collection / ed. by A. S. Mordovets, A. P. Pleshakov. Saratov: SIU of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2004. Pp. 3–14. (In Russ.)

37. Repyev A. G. Human dignity and legal advantage: dialectics of the interrelation of categories. *State and law*, 2017, no. 6, pp. 109–113. (In Russ.)

38. Repyev A. G., Repyeva A. M. Moral and legal categories "respect" and "dignity" from the standpoint of a value approach (on the example of penal enforcement law). *Altai Legal Bulletin*, 2018, no. 3 (23), pp. 77–81. (In Russ.)

39. Semenov V. V. Respect for law and human rights as a principle of activity of internal affairs bodies. Respect as a principle of activity of law enforcement agencies: interuniversity collection / ed. by A. S. Mordovets, A. P. Pleshakov. Saratov: SIU of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2004. Pp. 53–61. (In Russ.)

40. Repyeva A. M. Respect as a principle of penal enforcement law: pro et contra. Penal enforcement system today: interaction of science and practice: materials of the All-Russian Scientific and practical conference, Novokuznetsk, October 25–26, 2017 / ed. by A. G. Chirikov. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2017. Pp. 131–133. (In Russ.)

41. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of January 7, 2020), preamble. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 04.07.2020). (In Russ.)

42. On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: federal constitutional law no. 1-FKZ of February 26, 1997 (as amended of May 29, 2023), part 1 of Article 1. *Collection of legislative acts of the RF*, 1997, no. 9, art. 1011; 2023, no. 23, part I, art. 3998. (In Russ.)

43. On legislative support of electoral processes in the member States of the Commonwealth of Independent States: resolution no. 54-4 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, article 6. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. URL: <http://cis.minsk.by> (accessed 25.12.2023). (In Russ.)

44. On the Action Plan for 2023–2024 for the implementation of the Strategy of International Youth Cooperation of the member States of the Commonwealth of Independent States for 2021–2030: decision of the Council

of Ministers of Foreign Affairs of the CIS (adopted in Astana of October 12, 2022). Unified Register of Legal Acts and other Documents of the CIS. URL: <http://cis.minsk.by> (accessed 25.12.2023). (In Russ.)

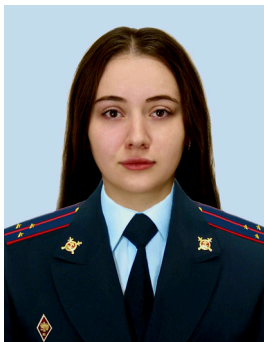
Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-168-173>

Личность преступника, совершающего преступление в отношении жизни и здоровья должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования

Кашежева Бэлла Артуровна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, balik07@yandex.ru

Аннотация. В приведенном исследовании рассматриваются основные черты личности преступника, совершающего преступления, предусмотренные статьями 295, 296 УК РФ, в части преступных посягательств в отношении жизни и здоровья должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. В тексте проводится анализ уголовно-правовых, криминологических и криминалистических свойств личности такого преступника на основании анализа научной литературы, статистических данных и судебно-следственной практики.

Ключевые слова: личность преступника, посягательство, следователь, характеристика, жизнь и здоровье, портрет преступника

Для цитирования: Кашежева Б. А. Личность преступника, совершающего преступление в отношении жизни и здоровья должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (65). С. 168–173. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-168-173>.

Original article

The identity of a criminal who commits a crime against the life and health of an official conducting a preliminary investigation

Bella A. Kashezheva

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, balik07@yandex.ru

Abstract. The text of the above study examines the main personality traits of a criminal who commits crimes under Articles 295, 296 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the life and health of a person conducting a preliminary investigation. The text provides a criminological and criminalistic characterization of the personality of such a criminal, compiled on the basis of an analysis of scientific literature, statistical data and forensic investigative practice.

Keywords: identity of the criminal, assault, investigator, characteristic, life and health, portrait of the criminal

© Кашежева Б. А., 2024

For citation: Kashezheva B. A. The identity of a criminal who commits a crime against the life and health of an official conducting a preliminary investigation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 168–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-168-173>.

Г. Гросс писал: «Важным условием "точной" деятельности судебного следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия» [1, с. 44]. Знание человеческой природы, а в частности основ поведенческой психологии, физиологических и психических процессов является залогом качественного и эффективного расследования того или иного преступления. Анализ личности преступника, его мотиваций и паттернов, свойственных его поведению, имеют важную роль в составлении общего портрета лиц, совершающих такие деяния.

Такой анализ позволяет выделить наиболее общие детерминанты, мотивации и основные способы совершения конкретного вида преступлений. Формулирование общих представлений о типичных чертах, особенностях и методах действия преступника, позволяет разрабатывать более целенаправленные стратегии и меры профилактики. Например, если известно, что определенный тип преступника чаще всего выбирает конкретную жертву или метод, меры безопасности могут быть усилены в соответствующих областях.

Мотивы и причины преступного поведения в большей степени обусловлены личностными, психологическими и психическими особенностями преступного лица. Преступление как деяние представляет из себя некую смесь различных факторов, напрямую имеющих отношение к преступнику: свойства личности конкретного лица, совершающего преступление, а также условия и обстановка места совершения преступления. Несомненно, само событие преступления разворачивается непосредственно вокруг потерпевшего лица или общественных отношений, на которые оно посягает, но без виновного лица не было бы и самого преступления, так как решение совершить его принимает именно оно [2].

Рассматривая содержание механизма преступления аналогичным образом обнаруживается, что и в данном случае на первом месте стоит именно личность преступника, а именно: его связь и взаимодействие с внешними факторами в определенных жизненных ситуациях.

Так, И. Н. Сорокотягин относительно личности преступника замечает следующее: «Личность преступника как более емкое понятие раскрывается через социальную сущность лица, а также через сложный комплекс характеризующих его

признаков, свойств, связей, отношений, нравственный и духовный мир, взятые во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения» [3, с. 119–121].

Немаловажное значение для эффективности расследования и предупреждения таких преступлений имеет качество мер безопасности в отношении должностных лиц, а также развития стратегий по борьбе с организованной и насильственной преступностью.

Несмотря на высокую степень научной разработанности тематики по различным категориям преступлений, в теории все еще имеются некоторые неразработанные или спорные моменты, что отмечает и А. Н. Пастушеня [4].

В современной научной литературе можно встретить множество вариаций определения личности преступника. Среди большого количества определений представляется наиболее точным следующее: «Личность преступника — это личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [5].

Изучение личности преступника в дореволюционной России в значительной мере носило антропологический характер [6]. В советский период учеными в первую очередь уделялось внимание психическим процессам и отклонениям, а во вторую очередь — социальным качествам лица, совершившего преступление. В настоящее время распространение получил комплексный подход, состоящий из совокупности психолого-психиатрических, социальных и биологических качеств и свойств личности. При этом необходимо исследовать также уголовно-правовые свойства и качества преступника, обусловленные характером совершенного преступления.

Качества и свойства личности преступника принято подразделять на 3 основных вида: социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые.

Как в отечественной, так и зарубежной истории на протяжении многих столетий количество преступников мужчин значительно превосходит

количество преступников женщин, в частности по делам насильственной направленности. Данный факт обусловлен, прежде всего, биологическими особенностями представительниц женского пола, а также в значительной степени и общепринятыми социальными ролями мужчины и женщины в обществе [7].

Следующий, но не по значимости, социально-демографический признак характеристики преступника — возраст, который является очень показательной категорией, оказывающей непосредственное влияние на тип и характер преступлений. Молодые люди часто совершают импульсивные и неосознанные преступления, в то время как старшее поколение может склоняться к более планированным и хитрым видам преступлений. Эти различия в мотивации и способе совершения преступлений также важны для анализа. Таким образом, возраст играет важную роль в исследовании и понимании преступности.

В последние десятилетия наблюдается тенденция к «старению преступности». Средний возраст преступников увеличивается, что может быть связано с различными факторами, включая увеличение продолжительности жизни и изменение социальных условий. Здесь можно отметить, что подобное изменение в возрастной структуре создает предпосылки к необходимости пересмотра подходов уголовной политики и социальной реабилитации для учета специфики преступлений, совершаемых лицами старших возрастных групп, для формулирования и принятия наиболее действенных и актуальных мер поддержки и профилактики для этой категории населения [8].

Данное суждение находит свое подтверждение в статистических данных демографических признаков осужденных лиц. Так, в период с 2018 по 2022 год интересующие нас преступления были совершены: лицами возрастной группы от 14 до 17 лет — 0,16 %; лицами возрастной группы от 18 до 24 лет — 6,10 %; лицами возрастной группы от 25 до 29 лет — 12 %; лицами возрастной группы от 30 до 49 лет — 71,10 %; лицами возрастной группы от 50 и старше — 13,5 %; пенсионерами мужчинами от 60 лет и старше — 2,21 %; пенсионерами женщинами от 55 лет и старше — 1,31 % [9].

Из представленных данных видно, что наибольшую возрастную группу составляют лица от 30 до 49 лет. Так как одной из специфических характеристик рассматриваемых составов преступлений является рецидив, как раз именно к такому возрасту лицо, склонное к преступному

поведению, имеет уже ряд судимостей и привлекается к уголовной ответственности не впервые. Полагаем, что лица, судимые два и более раз, в какой-то степени перестают испытывать страх и даже некоторый дискомфорт перед сотрудниками правоохранительных органов. У них укрепляется психологическая устойчивость и уменьшается страх перед уголовным преследованием, наказанием и правоохранительными органами в целом, что может способствовать совершению с их стороны посягательств в адрес того или иного должностного лица.

Также стоит отметить, что преступная активность среди несовершеннолетних лиц при достаточно невысоком уровне на общем фоне всей статистики все же требует внимания, так как, если рассматривать эту категорию преступников отдельно, полученные числа настораживают.

Эффективность мер предупреждения преступлений против жизни и здоровья лиц, осуществляющих предварительное расследование и преступности любого вида, требует комплексного подхода. Для того, чтобы данные меры действительно работали и давали желаемые результаты, необходима актуализация большей части законодательной базы в сфере профилактики и предупреждения под современные реалии. Такая работа должна проводиться во взаимодействии между государственными структурами и обществом, а также обязательно должна отвечать современным требованиям.

За любым преступлением всегда стоит мотив или причина. В исследуемых преступлениях мотив совершения является встроенным в сам состав преступления. Специальные мотив и (или) цель являются конструктивными признаками данного преступления. Без мотива у виновного на воспрепятствование законной деятельности лица, осуществляющего предварительное расследование или без цели мести за такую деятельность, применить рассматриваемые составы преступлений станет невозможно.

Многочисленные исследования показывают, что у большинства преступников, совершающих преступления против жизни и здоровья, негативная система ценностей [7]. Лица, совершающие преступления против представителей власти и других должностных лиц государственной системы, обычно характеризуются конфликтностью, импульсивностью, подозрительностью, злобой, мстительностью, вспыльчивостью, эгоизмом, а также желанием доминировать над государственной системой, через в том числе и неподчинение. Так как большинство из них ранее привлекались к уголовной ответственности,

стоит отметить и криминальную составляющую нравственности, сформированную в результате неблагоприятных воздействий, в том числе и в результате отбывания наказания.

Общепринятая структура характеристики личности преступника включает в себя следующие основные элементы: социально-нравственные, демографические, уголовно-правовые признаки, а также моральные и психолого-психические особенности конкретных лиц [10].

Портрет личности преступника, совершающего посягательства на жизнь или здоровье должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, может включать следующие характеристики и черты:

1. Такой преступник обычно проявляет высокую степень агрессивности и насилия. Он готов применить физическую или психологическую силу для достижения своей цели, которая может быть направлена на устранение угрозы или мести.

«Утром 10.10.2018 в Красногорском районе Подмосковья у подъезда собственного дома, по пути на работу была убита старший следователь по особым делам управления на транспорте МВД по Центральному федеральному округу подполковник полиции Е. Ш. Она (Е. Ш.) занималась расследованием резонансных дел. По версии следствия к данному преступлению причастны участники организованной группы, занимавшейся компьютерными мошенничествами. В ходе расследования данного преступления Е. Ш. были выявлены и задержаны около полутора десятка человек, и лишь главарю — Я. С. удалось скрыться за границей. По одной из версий он настойчиво требовал от старшего следователя прекратить розыск и оставить его в покое, слал письма с угрозами. Е. Ш. обращалась с рапортом к начальству о получаемых угрозах, после чего ей была предложена государственная защита, от которой последняя отказалась» [11].

2. Мотивом такого преступника может быть и желание скрыть улики, уничтожить доказательства или препятствовать расследованию уголовного дела в отношении себя или других лиц. Это также может быть связано с противозаконной деятельностью, которая вызывает интерес правоохранительных органов.

«Октябрьский районный суд г. Архангельска признал 40-летнего жителя виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 294, ч. 3 ст. 296 УК РФ. Последний, являясь обвиняемым по уголовному делу, возбужденному в связи с покушением на незаконный сбыт

наркотических средств в крупном размере, умышленно разорвал материалы уголовного дела в ходе ознакомления, а также схватил рукой за волосы следователя, притянув его к себе, чем причинил должностному лицу физическую боль. Вину в совершении преступления не признал. Приговором суда назначено наказание в виде 12 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима» [12].

3. Лица, совершающие посягательства на должностных лиц, зачастую к этому моменту уже имеют определенную преступную историю или некоторые связи с криминальным миром, что значительно усложняет и повышает уровень опасности и сложности расследования.

В рамках исследования проведен анализ судебной практики 12 субъектов Российской Федерации (Еврейская автономная область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская республика, Магаданская область, Москва, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Санкт-Петербург, Сахалинская область) по преступлениям, предусмотренным статьями 295, 296 частями 2–4 УК РФ, в количестве 60 единиц. Среди лиц, совершивших указанные преступления 63 % ранее имели судимость, а 30 % из них ранее имели две и более судимости.

5. Преступники такого вида зачастую имеют психологические или психические проблемы, которые делают их более склонными к проявлению насилия и агрессии.

Согласно официальным данным, за период с 2018 по 2022 год принудительные меры медицинского характера применялись к 8,76 % лиц, совершивших преступление против правосудия. Соответственно, в 2018 году к 0,56 % лиц, в 2019 году к 0,49 % лиц, в 2020 году к 0,54 % лиц, в 2021 году к 0,45 % лиц и в 2022 году к 0,53 % лиц [9].

6. Состояние опьянения. Влияние состояния алкогольного опьянения на агрессивное криминальное поведение активно обсуждается в научной литературе [13, с. 60]. Преступления против жизни и здоровья должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, как и другие преступления насильственного характера, нередко совершаются в состоянии алкогольного, наркотического и (или) психотропного опьянения.

В измененном состоянии стираются многие барьеры и границы поведения, снижаются реакция и самоконтроль человека, а проявление эмоций усиливается в несколько раз. Человек

становится конфликтнее и агрессивнее, теряет способность оценивать последствия своих действий [14, с. 130].

Деятельность сотрудников правоохранительных органов носит властный и организационно-управленческий характер, часто такая деятельность направлена на изменение поведения лиц, которые с этим зачастую могут быть не согласны. Таким образом, сама деятельность определяет высокий уровень «виктимной предрасположенности» к возможности стать жертвой посягательства при исполнении служебных обязанностей или мести за нее [15].

Согласно статистической информации о количестве осужденных лиц в период с 2018 по 2022 год в состоянии алкогольного опьянения было совершено 8,75 % преступлений против правосудия, в том числе в отношении жизни и здоровья лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. В состоянии наркотического, психотропного и иного опьянения 0,06 %. Так, указанные преступления в состоянии алкогольного опьянения совершили 9,22 % лиц в 2018 году, 9,08 % в 2019 году, 8,68 % в 2020 году, 8,43 % в 2021 году и 8,45 % в 2022 году. В состоянии наркотического, психотропного и иного опьянения в 2018 году рассматриваемые преступления совершили 0,07 % лиц, в 2019 году — 0,08 %, в 2020 году — 0,09 %, в 2021 году — 0,08 %, в 2022 году — 0,02 % [9].

Таким образом, в ходе исследования были установлены основные отличительные особенности лица, совершающего преступления, предусмотренные статьями 295, 296 части 2–4 УК РФ. Но стоит отметить, что составление портрета личности такого преступника является дополнительно усложненным спецификой рассматриваемых составов преступлений. Требуется комплексный подход к его изучению, с привлечением специалистов различных направлений, изучающих в той или иной степени личность преступника. Например, профессиональных психологов, психиатров, криминологов, криминалистов и др. Такой подход позволит наиболее детально и глубоко изучить и понять преступника, а в последствии выработать уникальные для данного вида преступлений алгоритмы действий и методы предупреждения или пресечения, а также выявления лиц, виновных в их совершении.

Список источников

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики (по изд. 1908 года). Москва, 2002. 1088 с.

2. Ким Е. В., Ри П. Г. Личность преступника: криминологический анализ // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 402–407.

3. Сорокотягин И. Н. Психология юриспруденции. Москва, 2006. 447 с.

4. Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология дознания и психологическая концепция: дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2000. 551 с.

5. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-i-ee-formirovanie> (дата обращения: 01.12.2023).

6. Ломброзо Ч. Преступный человек. Москва: Эксмо, 2005.

7. Шувалова А. М. Насильственные преступления, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, и их предупреждение (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 215 с.

8. Касимов В. О. Возраст преступника как криминологическая проблема: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 231 с.

9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Данные о количестве осужденных лиц с 2018 по 2022 гг. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 03.12.2023).

10. Потапов С. А. Личность преступника: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-ugolovno-pravovoy-kriminologicheskij-i-kriminalisticheskij-aspekty> (дата обращения: 29.11.2023).

11. Сетевое издание (сайт) «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/daily/26951/4004776/> (дата обращения: 03.12.2023).

12. Официальный сайт прокуратуры Архангельской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_29/mass-media/news?item=72874976 (дата обращения: 03.12.2023).

13. Говорин Н. В., Сахаров А. В., Гаймоленко А. С. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. Чита: «Иван Федоров», 2009. 184 с.

14. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. Москва: Наука, 1991. 248 с.

15. Уголовная политика: учебник для вузов / Ревин В. П. [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 278 с.

References

1. Gross G. A guide for forensic investigators as a system of criminology (according to the 1908 edition). Moscow, 2002. 1088 p. (In Russ.)

2. Kim E. V., Ri P. G. Personality of the criminal: criminological analysis. *Scientific notes of TOGU*, 2013, vol. 4, no. 4, pp. 402–407. (In Russ.)
3. Sorokotyagin I. N. Psychology of jurisprudence. Moscow, 2006. 447 p. (In Russ.)
4. Pastushenya A. N. Criminogenic essence of the criminal's personality: methodology of inquiry and psychological concept. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2000. 551 p. (In Russ.)
5. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. The personality of the criminal and its formation. *Actual problems of Russian law*, 2015, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-i-ee-formirovanie> (accessed 01.12.2023). (In Russ.)
6. Lombroso Ch. Criminal man. Moscow: Eksmo Publ., 2005. (In Russ.)
7. Shuvalova A. M. Violent crimes committed against persons carrying out justice or preliminary investigation and their prevention (criminal law and criminological aspects). Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2022. 215 p. (In Russ.)
8. Kasimov V. O. The age of the criminal as a criminological problem. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2018. 231 p. (In Russ.)
9. The official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Data on the number of convicted persons from 2018 to 2022. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=5> (accessed 03.12.2023). (In Russ.)
10. Potapov S. A. Criminal identity: criminal law, criminological and criminalistic aspects. *Gaps in Russian legislation*, 2019, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-ugolovno-pravovoy-kriminalogicheskoy-i-kriminalisticheskoy-aspekty> (accessed 29.11.2023). (In Russ.)
11. Online publication (website) Komsomolskaya Pravda. URL: <https://www.kp.ru/daily/26951/4004776> (accessed 03.12.2023). (In Russ.)
12. Official website of the Prosecutor's Office of the Arkhangelsk region. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_29/mass-media/news?item=72874976 (accessed 03.12.2023). (In Russ.)
13. Govorin N. V., Sakharov A. V., Gaimolenko A. S. Alcohol factor in criminal aggression and auto-aggression. Chita: "Ivan Fedorov" Publ., 2009. 184 p. (In Russ.)
14. Antonyan Yu. M., Guldán V. V. Criminal pathopsychology. Moscow: Nauka Publ., 1991, 248 p.
15. Criminal policy: textbook for universities / V. P. Revin [and others]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Yurait Publ., 2023. 278 p.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 342.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-174-180>

Особенности формирования профессиональных навыков применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в экстремальных условиях

Кобленков Андрей ЮрьевичНижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, koblenkoff@yandex.ru

Аннотация. В материалах статьи проанализирован вопрос формирования компетентных действий сотрудников правоохранительных органов при пресечении правонарушений в экстремальных условиях. Умение применять огнестрельное оружие в динамичной, быстро развивающейся ситуации, безусловно, является актуальной и отвечающей современным вызовам компетенцией. Формирование профессиональных умений по преодолению стресс-факторов, возникающих при пресечении правонарушений, обусловлено необходимостью строгого соблюдения действующих норм административного и уголовного законодательства. Выполнение правоохранительных функций предполагает преодоление сопротивления, оказываемого сотрудниками полиции, в качестве исключительной меры воздействия правоохранителям разрешено правомерное применение огнестрельного оружия. Ситуация применения огнестрельного оружия по своему развитию является уникальной, поскольку действия правонарушителей никогда не повторяются, агрессия и сопротивление всегда проявляются по-разному. В этой связи правоохранителям необходимо тренировать и поддерживать уровень личной компетентности, позволяющий профессионально пресекать правонарушения. Тренированность и профессионализм полицейских должны поддерживаться в практических подразделениях на занятиях по огневой подготовке. Крайне важной видится мотивация и заинтересованность сотрудников, участвующих в проведении занятий, в развитии необходимых умений и навыков. Различные методики проведения занятий должны формироваться на уровне базовой подготовленности правоохранителей и основываться на выполнении упражнений согласно приказу МВД России от 2 ноября 2017 года № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации».

Ключевые слова: профессиональные компетенции, стресс, экстремальные ситуации, огнестрельное оружие, правоохранительные органы

Для цитирования: Кобленков А. Ю. Особенности формирования профессиональных навыков применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в экстремальных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 174–180. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-174-180>.

© Кобленков А. Ю., 2024

Original article

Features of the formation of professional skills in the use of firearms by police officers in extreme conditions

Andrey Yu. Koblenkov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, koblenkoff@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the issue of the formation of competent actions of law enforcement officers in the suppression of offenses in extreme conditions. The ability to use firearms in a dynamic, rapidly developing situation is certainly an urgent and relevant competence that meets modern challenges. The formation of professional skills to overcome stress factors that arise during the suppression of offenses is due to the need for strict compliance with the applicable norms of administrative and criminal legislation. The performance of law enforcement functions involves overcoming the resistance provided to police officers, in this regard, as an exceptional measure, law enforcement officers are allowed the lawful use of firearms. The situation of the use of firearms is unique in its development, since the actions of offenders are never repeated, aggression and resistance always manifest themselves in different ways. In this regard, law enforcement officers need to train and maintain a level of personal competence that allows them to professionally prevent offenses. The training and professionalism of police officers should be maintained in practical units in fire training classes. In this regard, the motivation and interest of employees involved in conducting classes in developing the necessary skills is extremely important. Various methods of conducting classes should be formed at the level of basic preparedness of law enforcement officers and based on the performance of exercises in accordance with the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 880 of November 23, 2017 "On approval of the Manual on the organization of fire training in the internal affairs bodies of the Russian Federation".

Keywords: professional competencies, stress, extreme situations, firearms, law enforcement agencies

For citation: Koblenkov A. Yu. Features of the formation of professional skills in the use of firearms by police officers in extreme conditions. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 174–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-174-180>.

За последние годы в нашей стране произошло огромное количество масштабных событий, многие из которых носят негативный характер. Массовые беспорядки, стрельба в образовательных учреждениях, несогласованные митинги — все эти ситуации подвергают стрессу жизни людей. В наибольшей степени ощущают на себе негативные последствия указанных событий сотрудники правоохранительных структур. Их деятельность непосредственно связана с защитой здоровья, жизни, прав, свобод и собственности граждан. В связи с этим именно сотрудники силовых ведомств первыми стоят на страже правопорядка и законности.

Формирование навыков действий сотрудников правоохранительных органов в экстремальных условиях, безусловно, является актуальной и отвечающей современным вызовам компетенцией. Умение справляться со стрессом, принимать решение в условиях ограниченного времени, правомерно применять огнестрельное оружие — все это зависит от личной компетентности правоохранителя. Профессиональные умения полицейских являются основой формирования правомерных и грамотных действий при несении службы.

Полиция играет ведущую роль в системе правоохранительных органов. Защищая жизнь, здоровье, права и свободы граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства, собственность от различного рода посягательств, полиция служит гарантом правопорядка и общественной безопасности. Служебная деятельность правоохранителей сопряжена с непосредственной угрозой жизни и здоровью, близкими контактами с преступным контингентом. Сотрудники полиции наделены правом применения огнестрельного оружия в регламентированных законом случаях.

Правоохранительные органы насчитывают достаточно большое число подразделений и служб, выполняющих различные функции. При этом полицейские вне зависимости от должности или подразделения с течением времени подвергаются профессиональной деформации. Ежедневно выполняя однотипную работу, доводя до автоматизма свои действия, сотрудники не теряют качество полученного результата, но при этом возникает снижение внимания, отсутствие мобильности и креативности мышления. Возникновение ситуации, выходящей «за рамки» привычных действий, подвергает

сотрудника серьезному стрессу. Ситуация, выводящая отлаженный механизм из равновесия, является экстремальной в широком понимании данного слова и может возникнуть при несении службы.

Таким образом, полицейский должен грамотно оценить складывающуюся обстановку, определить порядок собственных действий в условиях окружающей действительности, принять обоснованное и целесообразное решение. Следует также отметить, что стресс-факторы, помимо отрицательного влияния, могут оказывать положительное влияние на психоэмоциональное состояние правоохранителя с точки зрения развития мышления и приобретенного опыта разрешения возникших конфликтов (рис. 1).

В таких психологически сложных условиях протекает профессиональная деятельность при возникновении экстремальной ситуации [1, с. 49]. Нами уже отмечалось, что в сложившейся обстановке сотрудник полиции должен грамотно оценить обстановку и принять тактически верное решение.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что экстремальные ситуации различны по своему характеру, источнику возникновения и протеканию. Стремительность возникновения, наличие угрозы жизни и здоровью, дефицит времени, высокий уровень ответственности, эмоциональной и физической напряженности — все это

делает экстремальные ситуации серьезным стрессовым фактором, требующим от сотрудника высокого профессионализма и подготовленности.

Правовая основа применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия регламентирована статьями 19, 23 и 24 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 3 «О полиции» [2].

Четкое и подробное законодательное регулирование применения сотрудниками полиции исключительных мер административного воздействия на правонарушителя с одной стороны обеспечивает гарантии собственной безопасности сотрудника полиции, с другой стороны, наделяет его правом использования принуждения для реализации возложенных функций. При этом правовые основания применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия не лишены проблем и изъянов. Рассмотрим их подробнее.

В первую очередь, коснемся вопросов правового характера, то есть особенностей применения полицейскими принуждения, имеющих в законодательстве. Помимо норм Федерального закона «О полиции», регламентирующих порядок применения огнестрельного оружия, имеются нормы административного и уголовного права, регулирующие отдельные аспекты рассматриваемого вопроса.

Сотрудник полиции, при несении службы согласно должностному регламенту вправе

Рис. 1. Влияние экстремальной ситуации на сотрудников полиции

защищать себя и других лиц от противоправных посягательств. В данном контексте справедливо говорить о таких категориях, как «крайняя необходимость», «необходимая оборона», а также о задержании лица, совершившего преступление. Свою трактовку они имеют в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и в Уголовном кодексе Российской Федерации. Согласно позиции законодателя, нельзя считать преступлением или административным правонарушением причинение вреда охраняемым законом интересам, если таковое было совершено в обстоятельствах необходимой обороны, крайней необходимости, а равно при задержании лица, совершившего преступление, при условии недопущения превышения разрешенных пределов.

Из сказанного следует, что первой специфической чертой правового регулирования исследуемых правоотношений является системное применение общих норм административной и уголовно-правовой отраслей законодательства при разработке и утверждении специальных норм, регламентирующих применение сотрудниками полиции мер принуждения. Иначе говоря, взаимосвязанные правовые предписания имеют межотраслевую законодательную базу [3, с. 77–78].

Данная позиция находит свою поддержку в трудах многих авторов. Превалирующее большинство исследователей отмечают, что положения Федерального закона «О полиции» по вопросам применения огнестрельного оружия регулируются, в первую очередь, именно уголовным законодательством о необходимой обороне, крайней необходимости и задержании лица, совершившего преступление. В экстремальных ситуациях указанные нормы одновременно позволяют применять огнестрельное оружие для защиты от преступных посягательств полицейского, граждан, объекты различных форм собственности, государственные и общественные интересы, при этом, ограничивая дозволительные меры определенными правовыми пределами, выход за которые является уголовно наказуемым деянием. Согласно позиции Н. Т. Куца, необходимо применять огнестрельное оружие в обстоятельствах, соответствующих каждому из указанных выше общих уголовно-правовых оснований, «при этом они должны соответствовать ситуациям правомерности причинения вреда». Таким образом, мы видим, что оценка вопроса правомерности применения правоохранителями огнестрельного оружия напрямую зависит от ответа на вопрос о том, законно ли

было причинение вреда в результате его применения. В итоге базисной основой предложено применять не специальные нормы, регламентирующие основания и порядок применения огнестрельного оружия, а нормы уголовного законодательства, исключающие ответственность за вред, причиненный в результате этих действий [4, с. 38].

Проблема практического характера при применении сотрудниками полиции мер принуждения состоит в отсутствии дифференцированного законодательного подхода к их применению. Иными словами, любой сотрудник полиции вне зависимости от занимаемой должности должен в одинаковой степени компетентно владеть навыками применения огнестрельного оружия. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на тот факт, что профессиональная деятельность сотрудников различных подразделений МВД России значительно отличается. В связи с этим физические навыки сотрудников подразделений уголовного розыска, патрульно-постовой службы либо дознания, следствия, тыла в силу объективных обстоятельств будут разными. Деятельность первых связана с непосредственной угрозой применения в отношении полицейского физической силы или оружия. Деятельность вторых, в свою очередь, требует большей усидчивости и концентрации внимания. Физические нагрузки в указанном случае становятся необходимым условием для сохранения здоровья в условиях нервно-эмоционального напряжения [5, с. 18–19].

Полицейский, столкнувшись с противоправным деянием, обязан незамедлительно среагировать и пресечь такие действия, оказать помощь гражданам, организовать преследование правонарушителя. В данном контексте умения сотрудников правоохранительных органов будут играть решающую роль.

В указанных выше обстоятельствах речь идет именно о возникновении экстремальных ситуаций, когда сотрудник, опираясь на свой профессиональный опыт, должен оценить обстановку и решиться на применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия. Высокая эффективность принятия решения зависит от сформированности навыков у полицейского. Устойчивость профессиональных умений зависит от уровня первоначальной подготовленности и компетентности.

Еще одной проблемой является психологическая неготовность сотрудников в складывающейся экстремальной ситуации грамотно и оперативно оценить обстановку, принять решение

и применить меры принуждения вплоть до огнестрельного оружия. По итогам инспекторских проверок, проводимых в структурных подразделениях системы МВД России, удалось выявить следующие наиболее распространенные проблемы:

- неполное овладение личным составом знаниями нормативной базы, регламентирующей порядок применения огнестрельного оружия;
- низкая эффективность выполнения боевых приемов борьбы;
- испытываемый страх, порождающий волнение и неспособность в условиях высокой психоэмоциональной напряженности правомерно применить огнестрельное оружие [6].

Вместе с тем, как показывает практический опыт сотрудников органов внутренних дел, эффективность выполнения служебных обязанностей, результат проведения любой специальной операции по пресечению противоправной деятельности непосредственно зависят не только от способности владеть огнестрельным оружием, уровня профессиональной компетентности, но и от способности применить знания, умения, навыки при решении обычной служебно-боевой задачи, и в экстремальных условиях [7, с. 27].

Указанные выше проблемы несут серьезную угрозу личной безопасности сотрудников полиции. Для подтверждения тезиса приведем данные о количестве блюстителей порядка, погибших при исполнении служебных обязанностей за отчетный период.

В 2017 году погибло 52 сотрудника и 593 получили ранения [8, с. 86]. В 2018 году при исполнении служебных обязанностей погибли 45 сотрудников МВД России, более 1 300 получили ранения [9]. За 2019 год число погибших сотрудников составило 60, более 1 200 получили ранения [10]. При исполнении служебного долга в 2020 году погибли 26 сотрудников органов внутренних дел [11], в 2021 — 59 [12]; в 2022 — 44 сотрудника ОВД [13]. 2023 год также принес серьезные потери среди сотрудников в связи с участвовавшими случаями несогласованных митингов, протестных акций и иных массовых беспорядков. По состоянию на 8 ноября 2023 года под патронажем МВД находится более 39 членов семей погибших сотрудников, в том числе более 2,8 тысячи несовершеннолетних детей [13].

Интерес представляет также статистика противоправных посягательств в отношении сотрудников правоохранительных органов. Для ее анализа обратимся к статистике по статьям 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и 318 УК РФ

(применение насилия в отношении представителя власти). Представим данные по осужденным за данные составы преступлений за последние годы (табл. 1) [14].

Таблица 1

Количество осужденных по статьям УК РФ

	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Статья 317 УК РФ	38	42	41	26	21	28
Статья 318 УК РФ	7 158	6 695	6 370	6 287	7 523	8 586

На основании статистических данных число правонарушений, квалифицированных с применением насилия в отношении представителя власти, снижается ежегодно, при этом их количество остается достаточно высоким. Указанный вид правонарушений необходимо наиболее эффективно пресекать с помощью компетентного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В этом случае нужно четко понимать вопрос об однозначной недопустимости превышения полномочий полицейскими. Профессиональная организация занятий по огневой подготовке сотрудников полиции является базисом грамотных решений правоохранителей в обстоятельствах оказания неповиновения и сопротивления.

Анализ представленных статистических сведений позволяет сделать вывод о том, что ежегодно при исполнении служебных обязанностей погибают десятки, а также получают ранения или иной вред здоровью тысячи сотрудников правоохранительных органов. Такие неутешительные данные свидетельствуют о повышенной опасности служебной деятельности, угрозах личной безопасности сотрудников. В этой связи огромное значение приобретают различные методики формирования профессиональных навыков применения огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях в образовательном процессе при прохождении первоначального профессионального обучения сотрудника и поддержания уровня подготовленности при дальнейшем прохождении службы.

Для полноты и объективности исследования проанализируем опыт применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов зарубежных государств. В Норвегии сотрудники полиции, находясь на службе по охране общественного порядка, не вооружены огнестрельным оружием. Руководствуясь идеей гуманизма, правоохранители стремятся, по

возможности, не применять огнестрельное оружие, даже в исключительных случаях. При этом уровень смертности среди самих сотрудников также невелик. Преступники при задержании и доставлении, как правило, не оказывают сопротивления. Подобная ситуация наблюдается в Великобритании, где правоохранители при патрулировании улиц зачастую не вооружены огнестрельным оружием (только специальные средства). Указанные страны являются яркими примерами деятельности полиции направленной на всестороннее соблюдение прав и свобод человека при минимальном их ограничении.

Иная ситуация характерна для США, где применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия является обыденностью. К сожалению, в результате такого применения появляется значительное число жертв. Полицейские, которые неоднозначно оценивают складывающуюся обстановку и экстремальную ситуацию, применяют оружие без достаточных размышлений, что периодически приводит к жертвам среди законопослушного населения [15, с. 242].

Таким образом, в настоящее время имеется ряд проблемных аспектов, законодательно-регулирующего и практического применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Указанные выше пробелы с течением времени становятся все более актуальными, однако по-прежнему не всегда имеют однозначное и окончательное решение. В условиях экстремальной ситуации стрессовые аспекты обостряются и оказывают негативное влияние на физическое и психическое состояние правоохранителей.

Список источников

1. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Юнити, 2002. 607 с.
2. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.01.2024).
3. Рауш В. В. Проблемы правового регулирования применения сотрудниками физической силы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 76–80.
4. Куц Н. Т. Основания и порядок применения огнестрельного оружия работниками органов внутренних дел: учебное пособие. Киев: Киевская высшая школа, 1976. 59 с.
5. Самойлюк Р. Н., Давидов Д. С. Проблемы правового регулирования применения сотрудниками полиции физической силы как меры государственного принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 18–21.

6. Об организации контроля за деятельностью образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 3 марта 2016 года № 100. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2024).

7. Майдыков А. Ф., Буданов А. В. Разработка и проведение комплексных оперативных учений в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие. Москва: МЦ МВД РФ, 1997. 40 с.

8. Кузнецов Е. К. Актуальные проблемы личной безопасности сотрудников полиции // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 84–90.

9. МВД уточнило количество сотрудников, погибших при исполнении в прошлом году. URL: <https://ria.ru/20190523/1554855465.html> (дата обращения: 10.01.2024).

10. МВД назвало число убитых на службе в 2019 году полицейских. URL: <https://iz.ru/980381/2020-02-26/mvd-nazvalo-chislo-ubitykh-na-sluzhbe-v-2019-godu-politceiskikh> (дата обращения: 10.01.2024).

11. День памяти погибших сотрудников органов внутренних дел России. URL: <https://ria.ru/20211108/pamyat-1757371631.html> (дата обращения: 10.01.2024).

12. В России за год погибли 59 полицейских. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200226/1565226184.html> (дата обращения: 10.01.2024).

13. День памяти погибших сотрудников ОВД России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231108/pamyat-1907850189.html> (дата обращения 10.01.2024).

14. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.01.2024).

15. Кобленков А. Ю. Мониторинг реализации законодательства о применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции в России и за рубежом // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 241–244.

References

1. Stolyarenko A. M. Extreme psychopedagogy: a textbook for university students. Moscow: Unity Publ., 2002. 607 p. (In Russ.)
2. On the police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 01.10.2024). (In Russ.)
3. Raush V. V. Problems of legal regulation of the use of physical force by employees. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 2, pp. 76–80. (In Russ.)
4. Kuts N. T. The grounds and procedure for the use of firearms by employees of internal affairs bodies: a textbook. Kiev: Kiev Higher School Publ., 1976. 59 p. (In Russ.)

5. Samoylyuk R. N., Davidov D. S. Problems of legal regulation of the use of physical force by police officers as a measure of state coercion. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 18–21. (In Russ.)
6. On the organization of control over the activities of educational organizations under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 100 of March 3, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 01.10.2024). (In Russ.)
7. Maydykov A. F., Budanov A. V. Development and conduct of complex operational exercises in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: educational and methodical manual. Moscow: MC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1997. 40 p. (In Russ.)
8. Kuznetsov E. K. Actual problems of personal safety of police officers. *Issues of Russian justice*, 2021, no. 12, pp. 84–90. (In Russ.)
9. The Ministry of Internal Affairs clarified the number of employees killed in the line of duty last year. URL: <https://ria.ru/20190523/1554855465.html> (accessed 01.10.2024). (In Russ.)
10. The Ministry of Internal Affairs announced the number of policemen killed in service in 2019. URL: <https://iz.ru/980381/2020-02-26/mvd-nazvalo-chislo-ubitykh-na-sluzhbe-v-2019-godu-politseiskikh> (accessed 01.10.2024). (In Russ.)
11. Memorial Day of the deceased employees of the internal affairs bodies of Russia. URL: <https://ria.ru/20211108/pamyat-1757371631.html> (accessed 01.10.2024). (In Russ.)
12. 59 policemen were killed in Russia in a year. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20200226/1565226184.html> (accessed 10.01.2024).
13. Memorial Day of the deceased employees of the Department of Internal Affairs of Russia. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20231108/pamyat-1907850189.html> (accessed 10.01.2024). (In Russ.)
14. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial URL Statistics: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 10.01.2024). (In Russ.)
15. Koblenkov A. Y. Monitoring the implementation of legislation on the use of firearms by police officers in Russia and abroad. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (41), pp. 241–244. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 34.096

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-181-186>

Об информационном воздействии юридического голосования на правовые отношения

Леонова Татьяна Алексеевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, tleo76@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована одна из основных функций юридического голосования, а именно информационная функция. Автором предложена и подробно рассмотрена стадийная модель информационного воздействия юридического голосования на правовые отношения, складывающиеся по вопросам коллективного принятия юридически значимых решений. Сделан вывод о том, что данная функция является одной из важнейших функций рассматриваемого правового явления, а ее практическая реализация предполагает последовательное прохождение четырех стадий. При этом идеальная стадийная модель не предполагает факультативных стадий, рассматривая каждую из них в качестве обязательной. На практике же третья стадия, а именно восприятие коллективно принятого юридически значимого решения, уяснение его смысла, заинтересованными в результатах процедуры голосования лицами может не наступить в силу объективных и субъективных факторов.

Ключевые слова: юридическое голосование, функции права, направления правового воздействия, информационное воздействие, стадии информационного воздействия

Для цитирования: Леонова Т. А. Об информационном воздействии юридического голосования на правовые отношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 181–186. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-181-186>.

Original article

On the information impact of legal voting on legal relations

Tatiana A. Leonova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation, tleo76@yandex.ru

Abstract. The article analyzes one of the main functions of legal voting, namely the informational function. The author proposed and examined in detail a staged model of informational impact of legal voting on the legal relations that develop on issues of collective adoption of legally significant decisions. It is concluded that this function is one of the most important functions of the considered legal phenomenon, and its practical implementation involves the consecutive passage of four stages. At the same time, the ideal stage model does not assume optional stages, considering each of them as a mandatory one. In practice, the third stage, namely the perception of collectively made legally significant decision, understanding its meaning, by the persons interested in the results of the voting procedure can fail to occur due to objective and subjective factors.

© Леонова Т. А., 2024

Keywords. legal voting, legal functions, directions of legal impact, information impact, stages of information impact

For citation: Leonova T. A. On the information impact of legal voting on legal relations. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 181–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-181-186>.

Любая социальная или правовая деятельность осуществляется для того, чтобы так или иначе оказывать определенное воздействие на государство и общество, а также на складывающиеся в них и между ними отношения. При этом выполнить свое предназначение и достичь заложенных в нее целей такая деятельность способна исключительно в динамике, то есть через реализацию присущих ей функций.

Стоит отметить, что понятие «функция» с полным на то основанием может быть отнесено к категории проблемных понятий, то есть таких, которые не имеют единого понимания в науке. Согласно определению, сформулированному еще в начале XX века в философском словаре логики, психологии, этики, эстетики и истории философии «функция — такое отношение между двумя элементами, при котором всякому изменению в одном соответствует вполне определенное изменение в другом» [1, с. 263]. В современной философии функция определяется в двух ипостасях: 1) «деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; 2) назначение, роль, которую выполняет определенная часть системы по отношению к целому» [2, с. 1537].

В социологии понятие функции также имеет два главных значения. Во-первых, функция показывает роль, которую тот или иной социальный институт или процесс выполняют по отношению к обществу. В данном случае функция в социологии рассматривается как некоторая совокупность последствий, инициированных той или иной социальной деятельностью. Во-вторых, социология понимает функцию как определенную зависимость, наблюдаемую между элементами, составляющими единый социальный процесс. Здесь подразумевается, что изменения, происходящие в одной (или нескольких) частях социальной системы, инициируются (то есть находятся в функциональной зависимости, являются производными) от изменений, происходящих в другой части (или частях) данной системы.

В математике под функцией принято понимать «соответствие между элементами двух множеств — правило, по которому каждому элементу первого множества, называемого областью определения, соответствует один и только

один элемент второго множества, называемого областью прибытия» [3, с. 812].

Современная юридическая наука также не может предложить единого подхода к пониманию функций. Например, Л. А. Морозова, говоря о функциях права, в этой связи отмечает, что некоторые ученые определяют функции права как «реализацию социального назначения права, которое складывается из потребностей общественного развития» [4, с. 147], другие — как «главные направления правового воздействия на общественные отношения, то есть формы, способы, пути влияния права на общественные отношения» [4, с. 147], тогда как большинство придерживается мнения, что «понятие “функция права” должно охватывать оба этих аспекта — и социальное назначение права, и вытекающие из этого назначения способы, пути воздействия права на общественные отношения» [4, с. 147]. В рамках этого мнения функции права следует понимать как «основные направления правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения, урегулирования и придания им необходимой стабильности, единства и динамизма» [4, с. 147–148].

Следует также отметить, что вопросы, посвященные функциональной характеристике как права в целом, так и его отдельных отраслей и даже отдельных правовых явлений, достаточно подробно разработаны в современной юридической науке. Так, функции права в целом изучали Т. Н. Радько и В. А. Толстик [5]. Охранительную функцию права рассматривала О. С. Лапшина [6]. Воспитательную функцию права изучала М. В. Чернышева [7, с. 192–198], стимулирующую — Г. Ю. Агафонова [8, с. 5–7], регулятивную — Н. А. Плахотина [9, с. 186–193]. Функции юридического уведомления рассматривала О. Н. Еремич [10], а функции юридического отказа — И. П. Гладышева [11].

Между тем вопросы, связанные с юридическим голосованием и его функциональной характеристикой в настоящее время в юридической науке, остаются практически не разработанными. Однако юридическому голосованию также присущи определенные функции, по которым можно судить как о самом рассматриваемом явлении, так и о его роли в жизни государства и общества. В этой связи представляется важным

для целей развития юридической науки выявить и охарактеризовать функции, присущие юридическому голосованию как общетеоретическому правовому феномену, обладающему собственной уникальной природой и спецификой. Ограничения по объему, накладываемые форматом научной статьи, не позволяют нам подробно рассмотреть каждую из функций юридического голосования, поэтому мы ограничимся подробной характеристикой одной из функций, а именно информационной.

В самом общем виде юридическое голосование может быть определено как способ принятия юридически значимого решения группой лиц в случаях и порядке определенных соответствующим нормативным правовым актом, при котором итоговое решение определяется путем подсчета количества голосов участников группы, отданных за тот или иной вариант решения и при условии обязательного доведения принятого итогового решения до всех заинтересованных в нем лиц.

Сформулированное определение позволяет, во-первых, определить объем исследуемого явления и сделать вывод, что феномен юридического голосования включает в себя только такое голосование, которое: а) предусмотрено тем или иным нормативным правовым актом; б) проводится по закреплённой данным актом процедурной форме; в) порождает юридически значимое итоговое решение, а во-вторых, выделить такое важнейшее направление воздействия юридического голосования на правоотношения в области коллективного принятия юридически значимых решений, как информационное.

Несмотря на то, что в большинстве случаев в процедуре принятия юридически значимого решения (далее — решения) путем голосования принимают участие только уполномоченные на то лица. Принятое по итогу решение имеет правовое значение для всех лиц, заинтересованных в нем, а в ряде случаев оно может распространяться и на неопределённый круг лиц. Таким образом, посредством юридического голосования до заинтересованной аудитории доводится информация о решении, принятом лицами, участвовавшими в голосовании.

Отметим, что информационное воздействие юридического голосования на правовые отношения складывается из нескольких стадий, участие в которых принимают две стороны правового взаимодействия — сторона информирующая и сторона информируемая. Идеальная стадийная модель, по нашему мнению, выглядит следующим образом.

Первая стадия представляет собой процедуру подготовки лиц, участвующих в голосовании к выражению своей воли, непосредственно самой процедуру коллективного принятия решения, а также оформление его результатов. В рамках этой стадии лица, принимающие непосредственное участие в голосовании:

1. Знакомятся с вопросом, в отношении которого требуется принятие решения.

2. Основываясь на имеющейся информации о предмете голосования формируют свое мнение о том, какое именно решение должно быть принято (при необходимости собирая дополнительную информацию, если имеющейся недостаточно для взвешенного и обоснованного принятия решения).

3. Уведомляются о времени и месте проведения процедуры коллективного принятия решения.

4. Высказывают свою волю непосредственно в ходе процедуры голосования.

На завершающем этапе данной стадии производится подсчет голосов, отданных участниками за тот или иной вариант решения, определяется и документально оформляется итоговое решение.

В рамках данной стадии особое внимание должно обращаться на:

1. Качество, полноту и достоверность информации относительно предмета голосования, предоставляемой лицам, участвующим в процедуре коллективного принятия решения путем голосования. Указанная информация должна быть доступна для восприятия, а также должна содержать минимальный, но достаточный для принятия взвешенного и обоснованного решения набор данных. Следует иметь в виду, что как недостаточная, так и избыточная информация снижает эффективность принимаемых решений.

2. Сроки предоставления указанной выше информации, которые должны быть достаточными для качественного и полного ознакомления лицами, участвующими в процедуре коллективного принятия решения путем голосования с информацией о предмете голосования (с учетом возможной необходимости в получении дополнительной информации по вопросу голосования).

3. Прозрачность применяемой методики голосования и правильность подсчета голосов, отданных участниками за тот или иной вариант итогового решения.

4. Правильность документального оформления результатов голосования и принятого итогового решения.

Несоблюдение указанных выше правил с высокой степенью вероятности способно привести к принятию некорректного, несправедливого итогового решения, открыть пути к фальсификации результатов голосования или привести к иным негативным последствиям.

Рассматриваемая стадия, по нашему мнению, является основной и обязательной в вопросе информационного воздействия юридического голосования на правовые отношения в области коллективного принятия решений, поскольку именно ее реализация порождает все остальные стадии информационного воздействия. В рамках данной стадии информационное воздействие оказывается, в первую очередь, на лиц, непосредственно принимающих участие в коллективном принятии решения путем голосования. Ее успешная реализация имеет своим итогом коллективно принятое решение и является основанием для начала второй стадии информационного воздействия юридического голосования. В рамках данной стадии предполагаются активные действия обеих сторон правового взаимодействия как информирующей (например, предоставление участникам голосования необходимой информации об объекте голосования, уведомление их о времени и месте проведения процедуры голосования и т. д., подведение итогов голосования и оформление его результатов), так и информируемой (восприятие информации об объекте голосования, сбор при необходимости дополнительной информации, формирование мнения по вопросу голосования, непосредственное выражение своей воли в ходе процедуры голосования).

Вторая стадия представляет собой доведение воли лиц, участвовавших в процедуре коллективного принятия решения в виде голосования до заинтересованных лиц, сторон и т. д.

В рамках данной стадии до заинтересованных лиц доводится юридически значимое итоговое решение, принятое в результате процедуры голосования по тому или иному вопросу. В данном случае информационное воздействие юридического голосования оказывается как на лиц, непосредственно принимавших участие в процедуре голосования, так и на лиц, непосредственного участия в данной процедуре не принимавших, но заинтересованных в ее результатах.

Доведение коллективно принятого юридически значимого решения до заинтересованных лиц может осуществляться в разных формах: путем опубликования результатов голосования в средствах массовой информации (п. 2 ст. 72 Федерального закона от 12 июня 2002 года

№ 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), путем оглашения на общем собрании акционеров а также ознакомления с отчетом об итогах голосования (п. 4 ст. 62 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), путем провозглашения вердикта, вынесенного в ходе совещания присяжных заседателей (ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ) и т. д. Однако независимо от того, в какой форме до заинтересованных лиц доводится информация о коллективно принятом юридически значимом решении, данная стадия, как и предыдущая, является обязательной, в рамках которой активные действия предполагаются со стороны информирующей.

Третья стадия является заключительной в предлагаемой теоретической стадийной модели и состоит в том, что лица, заинтересованные в результатах процедуры голосования, воспринимают коллективно принятое юридически значимое решение, доведенное до них в рамках второй стадии. Таким образом, в данном случае речь ведется об уяснительной интерпретации данного решения. Успешность рассматриваемой стадии напрямую связана со стадией предыдущей, а точнее с тем, насколько качественно и доступно сформулировано итоговое решение, насколько однозначно оно воспринимается информируемой стороной. Этот момент является очень важным, поскольку неоднозначные формулировки, примененные в итоговом решении, с высокой степенью вероятности могут привести к тому, что само решение будет восприниматься и уясняться информируемыми субъектами некорректно, что, в свою очередь, может привести к некорректному исполнению принятого решения.

Данная стадия предполагает активную деятельность информируемой стороны. Она также является обязательной в теоретической идеальной модели, поскольку правильное и полное исполнение принятого коллективного решения очевидно невозможно без правильного и полного уяснения его содержания и сути информируемой стороной, однако на практике рассматриваемая стадия может не наступить. Фактическое отсутствие этой стадии может обуславливаться как объективными, так и субъективными факторами. Заинтересованное в результатах голосования лицо может быть не ознакомлено с ними (а следовательно, и не воспримет эти результаты, не уяснит их), например,

в силу халатного отношения к своим обязанностям информирующей стороны. Аналогично, восприятие результатов голосования может не произойти в силу того, что сам информируемый, поставив, например, подпись об ознакомлении в соответствующей графе, фактического ознакомления с коллективно принятым юридически значимым решением не осуществил. Полагаем, что данный вопрос является одной из проблем в практике юридического голосования. Однако он требует самостоятельного изучения и выходит за рамки нашей статьи.

Результатом данной стадии, очевидно проистекающим из уяснения сути и содержания коллективно принятого юридически значимого решения, является согласие или несогласие лица, заинтересованного в результатах голосования, с этим решением. Выражаться результат этой стадии может как в форме действия, так и в форме бездействия. К примеру, несогласие заинтересованного лица с коллективно принятым юридически значимым решением может как вылиться в оспаривание, в том числе судебное, результатов голосования (активное несогласие — действие), так и в принципе не породить каких-либо активных действий (пассивное несогласие — бездействие) [12]. Однако независимо от согласия или несогласия конкретного заинтересованного лица с результатами голосования, коллективно принятое юридически значимое решение сохраняет свою легитимность и распространяет свое действие на всех лиц, являющихся участниками правовых отношений, по вопросам которых это коллективное решение было принято, до тех пор, пока (и если) оно не будет отменено, например, по итогам процедуры оспаривания (в том числе судебного).

Таким образом, подводя итог исследованию информационного воздействия юридического голосования, можно сделать вывод о том, что данная функция является одной из важнейших функций рассматриваемого правового явления, а ее практическая реализация предполагает последовательное прохождение трех стадий. При этом идеальная стадийная модель не предполагает факультативных стадий, рассматривая каждую из них в качестве обязательной. На практике же третья стадия, а именно восприятие коллективно принятого юридически значимого решения, уяснение его смысла, заинтересованными в результатах процедуры голосования лицами может не наступить в силу объективных и субъективных факторов.

Список источников

1. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. [и с предисл.] Э. Л. Радлова. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1911. 284 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. галерея», 2002. 1628 с.
3. Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. В. Прохоров. Москва: Сов. энцикл., 1988. 845 с.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2010. 510 с.
5. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права: монография. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел РФ, 1995. 106 с.
6. Лапшина О. С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2011. 180 с.
7. Чернышева М. В. Воспитательная функция права в системе функций права // Современные научные исследования: методология, теория, практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27 июля 2015 года / Центр содействия развитию научных исследований. Красноярск: ИЦ «Инспаер», 2015. С. 192–198.
8. Агафонова Г. Ю. К вопросу о понятии и месте стимулирующей функции права в системе функций права // Юридический аналитический журнал. 2003. № 2 (6). С. 5–7.
9. Плахотина Н. А. Место регуляторной функции в системе функций права и в системе Европейского права // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 31. С. 186–193.
10. Еремич О. Н. Юридическое уведомление: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 231 с.
11. Гладышева И. П. Юридический отказ: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. 217 с.
12. Юридически значимые деяния в частном праве. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. 272 с.

References

1. Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and History of Philosophy / ed. by E. L. Radloff. St. Petersburg: Brockhaus&Efron Publ., 1911. 284 p. (In Russ.)
2. The Big Encyclopedic Dictionary / by A. M. Prokhorov. Moscow: Soviet Encyclopedia; St. Petersburg: Foundation "Leningrad Gallery" Publ., 2002. 1628 p. (In Russ.)
3. Mathematical Encyclopedic Dictionary / ed. by Yu. Prokhorov. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1988. 845 p. (In Russ.)

4. Morozova L. A. Theory of state and law: 4th ed., rev. and exp. Moscow: Eksmo Publ., 2010. 510 p. (In Russ.)
5. Radko T. N., Tolstik V. A. Functions of law: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1995. 106 p. (In Russ.)
6. Lapshina O. S. The protective function of law in the system of functions of law and state. Togliatti, 2011. 180 p. (In Russ.)
7. Chernysheva M. V. Educational function of law in the system of functions of law. Modern scientific research: methodology, theory, practice: materials of VIII International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, July 27, 2015 / Center for the Promotion of Scientific Research. Krasnoyarsk: IC "Inspaer" Publ., 2015. Pp. 192–198. (In Russ.)
8. Agafonova G. Y. On the concept and place of stimulating function of law in the system of functions of law. *Yuridichesky Analitichesky Zhurnal*, 2003, no. 2 (6), pp. 5–7. (In Russ.)
9. Plakhotina N. A. The place of the regulatory function in the system of functions of law and in the system of European law. *Actual problems of law: theory and practice*, 2015, no. 31, pp. 186–193. (In Russ.)
10. Yeremich O. N. Legal notification: theory, practice, technique. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 231 p. (In Russ.)
11. Gladysheva I. P. Legal refusal: theory, practice, technique. Dissertation ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2010. 217 p. (In Russ.)
12. Legally significant acts in private law / A. M. Khuzhin [and others]. Moscow: Yurлитinform Publ., 2021. 272 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-187-192>

Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы

Мельник Святослав Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, big-benac@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5771-9743

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу кибертерроризма и киберэкстремизма как наиболее опасным социальным явлениям, получившим широкое распространение в связи с развитием информационных технологий, особенно в сфере информационно-коммуникационной сети «Интернет». Автором исследованы теоретические концепции осмысления кибертерроризма как правовой дефиниции, рассмотрены исторические особенности развития этого явления, выявлены различные подходы в правовом регулировании кибертерроризма в Индии, Нигерии и Филиппинах. Предложено собственное определение киберэкстремизма, которое основывается на компиляции конститутивных признаков кибертерроризма (как самостоятельного явления) и экстремизма. Особое внимание уделяется полисистемности правового регулирования борьбы с киберэкстремизмом и кибертерроризмом (универсальный уровень правового регулирования, региональный уровень правового регулирования и национальный). Исследование зарубежного опыта правового регулирования позволило сместить акцент с универсального уровня международно-правового регулирования на региональный, что в существенной степени повлияет на региональную структуру безопасности. В ходе исследования сделан вывод, что наиболее перспективным направлением регионального сотрудничества в борьбе с киберэкстремизмом для Российской Федерации будет Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС). Это связано с тем, что ШОС единственная международная организация, которая имеет конвенционное регулирование противодействия экстремизму как таковому. Расширение сотрудничества является целесообразным, поскольку киберэкстремизм представляет собой определенную форму экстремизма, а также с учетом опыта Республики Индия как государства — члена ШОС, которое имеет соответствующее национальное законодательство, направленное на противодействие кибертерроризму.

Ключевые слова: кибертерроризм, киберэкстремизм, киберпреступность, Шанхайская организация сотрудничества, сепаратизм, объекты критической инфраструктуры, кибербезопасность

Для цитирования: Мельник С. С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 187–192. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-187-192>.

© Мельник С. С., 2024

Original article

Legal regulation of cyberextremism and cyberterrorism: challenges and opportunities

Svyatoslav S. Melnik

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation, big-benac@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5771-9743

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of cyberterrorism and cyberextremism as the most dangerous social phenomena that have become widespread due to the development of information technologies, especially in the field of the Internet information and telecommunications network. The author investigates the theoretical concepts of understanding cyberterrorism as a legal definition, examines the historical features of the development of this phenomenon, identifies various approaches in the legal regulation of cyberterrorism in India, Nigeria and the Philippines. The author offers his own definition of cyberextremism, which is based on the compilation of constitutive features of cyberterrorism (as an self-determined phenomenon) and extremism. Particular attention is paid to the polysystem of legal regulation of the fight against cyberextremism and cyberterrorism (universal level of legal regulation, regional level of legal regulation and national legal regulation). The study of overseas experience of legal regulation allowed to shift the focus from the universal level of international legal regulation to the regional one, which will significantly affect the regional security structure. In the course of the study, the author came to the conclusion that the most promising area of regional cooperation in the fight against cyberextremism for the Russian Federation will be the Shanghai Cooperation Organization (further — SCO). This is due to the fact that the SCO is the only international organization that has a conventional regulation of extremism per se. The expansion of cooperation is appropriate given the fact that cyber extremism is a certain form of extremism, as well as the experience of the Republic of India as a SCO member state, which has relevant national legislation aimed at countering cyberterrorism.

Keywords: cyberterrorism, cyberextremism, cybercrime, Shanghai Cooperation Organization, separatism, critical infrastructure facilities, cybersecurity

For citation: Melnik S. S. Legal regulation of Cyberextremism and Cyberterrorism: challenges and opportunities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 187–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-187-192>.

XXI век зачастую называют цифровым, так как произошел качественный скачок в развитии информационно-коммуникационных технологий. Безусловно, это не могло не коснуться преступности в широком смысле этого слова. Данное социальное явление давно изучается психологами, социологами, юристами, и все склонны считать, что преступления будут вечным спутником любого общества в любой точке земного шара (основная криминологическая аксиома гласит: «Никто не знает, почему преступления совершаются, но они совершались и будут совершаться»). С развитием технологий преступники стали совершенствовать свои навыки, активно осваивая новые инструменты (социальные сети, криптовалюту, мессенджеры и др.).

Эти же возможности появились и у террористов, которые все чаще используют информационно-коммуникационную сеть «Интернет» в своих целях, в том числе для продвижения крайних экстремистских взглядов, возникла проблема «цифрового терроризма», который в некоторых источниках употребляется как синоним терминов «кибертерроризм» и «киберэкстремизм». Все это в очередной раз поставило

весь цивилизованный мир перед проблемой обеспечения кибербезопасности как отдельных стран, так и международных организаций (ЕС, СЕ, ЕАЭС, ШОС и пр.).

В 2021 году Центром стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*) было выявлено 118 кибератак, которые можно квалифицировать как акты кибертерроризма. Они были направлены на государственные учреждения, крупные IT-компании (*information technologies company*), предприятия оборонно-промышленного комплекса, а также имели своей целью совершение преступлений в сфере экономики, ущерб от которых превысил 1 млн долларов США. Среди них были кибератаки на крупнейшие китайские *gaming*-компании (разработка видеоигр), объекты критической инфраструктуры — система водоснабжения в городе Олдсмар, Флорида; Национальное агентство по атомной энергии Польши, Министерство здравоохранения Польши и ряд других [1].

На данный момент нет общепризнанного определения кибертерроризма или киберэкстремизма, появление последнего связывают и

вовсе с началом 2000-х. Термин «кибертерроризм» впервые был использован сотрудником Калифорнийского института безопасности и разведки Барри К. Коллином в середине 1980-х годов [2]. Предложенное им определение исходило из конвергенции кибернетики и терроризма. После этого в различных источниках появились свои варианты толкования, стали добавляться юрисдикционные особенности, признаки конкретных правовых семей, юридико-технических средств и культурологических факторов. Например, Габриэль Вейманн под кибертерроризмом понимает особую сферу соприкосновения киберпространства и терроризма. К нему он относит: незаконные кибератаки или угрозы совершения таких атак на информационные сети, которые совершаются с целью запугивания или принуждения правительства или его народа для достижения политических целей. По мнению этого исследователя, такая квалификация возможна лишь в том случае, если результатом станут серьезные последствия, которые, как минимум, будут вселять страх в население. Атаки на объекты критической инфраструктуры следует квалифицировать в зависимости от причиненного вреда [2]. При этом установление качественных характеристик такого понятия, как «страх», не так однозначно. Как известно, отличительной чертой уголовного законодательства является его определенность и точность, что в данном определении этим требованиям не соответствует.

Наиболее удачным с точки зрения системного подхода к толкованию дефиниции является определение, предложенное Дж. Плотнеком и Д. Слеем, которые, выделив такие признаки понятия, как актор, мотив, намерение, используемые средства, эффект, цель, предположили, что это умышленная атака или угроза таковой со стороны негосударственных субъектов с намерением использовать киберпространство для того, чтобы возникли реальные последствия, с целью вызвать страх или принудить гражданских, государственных или негосударственных субъектов к выполнению социальных или идеологических целей. К числу реальных последствий кибертерроризма авторы относят физические, психосоциальные, политические, экономические, экологические и др., которые происходят за пределами киберпространства [3]. Особую роль они отводят субъектному составу, что необходимо для разграничения, например, с такими понятиями, как «кибервойна» и «кибертерроризм».

Вопрос о последствиях остается дискуссионным, так как с ним связана конструкция

объективной стороны преступления, что в значительной степени влияет на квалификацию и требует дальнейшего анализа. Разграничение с киберэкстремизмом можно провести на основе цели, что будет выражаться в распространении крайних взглядов, а также идеологии разделения по принципу «свой–чужой», остальные же признаки будут аналогичными уже указанным выше.

Помимо теоретических вариаций осмысления, в некоторых странах предпринимались попытки внедрения практических мер по борьбе с кибертерроризмом, как с отдельной категорией преступлений. Например, само понимание проблемы появилось достаточно давно, в конце 1990-х годов, в США [4]. Уже тогда возникла реальная угроза для нормального функционирования основных государственных институтов. В 1997 году был подготовлен отчет Комиссии по защите критически важных объектов, в своем роде уникальный, так как именно в нем впервые были установлены сферы, представляющие особое значение для самого существования государства. К их числу отнесены: обмен информацией, энергетика, банки и финансы, движение товаров и службы экстренного реагирования. В этом же отчете поднимается вопрос о соответствии уголовного законодательства тем вызовам и угрозам, которые несет в себе киберпреступность (*Adequacy of Criminal Law and Procedure for Infrastructure Assurance*). В частности отмечалось, что для эффективного уголовно-правового предотвращения киберпреступлений необходимы не только усилия на федеральном уровне, но также на уровне штатов, местного самоуправления и международных уровнях [5]. Актуальность этих выводов до сих пор не утрачена. Особо необходимо обратить внимание и на порядок расположения мер по противодействию киберпреступности. Приоритет отдается именно национальному уровню в полисистемном правовом регулировании. Однако в случае с актами кибертерроризма и киберэкстремизма участие как компетентных органов, так и государств в международных правоохранительных организациях является необходимым условием обеспечения международной безопасности. Кибертерроризм «стирает» рамки между государствами, разрушая институты, имеющие конститутивное значение как для конкретного государства и общества, так и для поддержания международного правопорядка. Это обусловлено тем, что такие атаки могут совершаться на несколько стран одновременно или же на интеграционные образования, что

существенно затрудняет расследование и сотрудничество в этой области.

Одной из актуальных проблем, связанных с киберэкстремизмом и кибертерроризмом, является установление юрисдикции в отношении атак, направленных на объекты критической инфраструктуры государства. Представляется, что решение именно этого вопроса требует некоего отступления от известных доктринальных позиций в отношении уголовной и международной уголовной юрисдикции.

Например, Пол Стоктон и Мишель Голдман (Юридический факультет Йельского университета) обращают внимание на то, что теории понимания юрисдикции, которые разрабатывались в Гарвардском университете в 1930-х, 1950-х и 1980-х годах, не могли предвидеть появление у террористов возможности совершать атаки на различные государственные институты с территории других стран, что стало возможным благодаря информационно-коммуникационной сети «Интернет» [6].

В этой связи одним из возможных вариантов разрешения юрисдикционного вопроса является расширение экстерриториального действия закона в отношении кибертерроризма и киберэкстремизма, что требует консенсуса в рамках международного сообщества. Для этого необходимо построение структуры международного сотрудничества на основе, прежде всего, универсального международного договора, в котором будет определено само понятие этих явлений и установлены обязательства по привлечению к уголовной ответственности за их совершение. При этом региональное сотрудничество, даже если оно обеспечено соответствующими международными договорами регионального характера, может выступать лишь промежуточным этапом в процессе становления универсальной системы противодействия кибертерроризму.

Однако на сегодняшний день установление юрисдикции в отношении таких преступлений сопряжено с проблемами, поскольку в законодательстве лишь отдельных стран предусмотрена уголовная ответственность за кибертерроризм.

Так, уже установлена уголовная ответственность за совершение кибертерроризма в Нигерии, где статьей 18 *Закона о киберпреступности (2015)* установлено, что любое лицо, которое получает доступ к компьютеру или компьютерной системе в целях осуществления террористической деятельности, совершает преступление, за которое устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы [7]. Такое определение не раз подвергалось

критике по большей части из-за отсутствия развернутой характеристики качественных признаков деяния. Обращалось внимание на необходимость уточнения целей, способов и мотивов совершения такого противоправного деяния, так как отсутствие адекватного определения его понятия, вне всяких сомнений, создает проблемы для уголовно-правового преследования нарушителей [8].

В Индии *Закон об информационных технологиях 2000 года* также предусматривает ответственность за совершение кибертерроризма. Статья 66F устанавливает, что любое лицо, которое угрожает единству, целостности и безопасности Индии или вселяет страх в людей (либо определенную его часть) путем: попытки проникновения к компьютерной системе без соответствующего доступа, ограничения доступа к компьютерной системе или использования программы или набора команд, искажающих или разрушающих информацию, обрабатываемую компьютером или передаваемую по сети, несет уголовную ответственность и влечет за собой наказание вплоть до пожизненного лишения свободы [9].

Интересен в этом плане и опыт Филиппин, где в 2012 году появилась идея создания *Великой хартии вольностей за свободу интернета на Филиппинах*. Данный акт так и не был принят, но тем не менее он содержал определение этого термина, в 2022 году была попытка возобновить соответствующую дискуссию. Так как разработкой законопроекта занимались сенаторы и специалисты в области обеспечения кибербезопасности, взгляд на возможный подход к правовому закреплению остается актуальным. В главе II проекта Хартии дается следующее определение кибертерроризму: «Это нарушение Закона о безопасности личности 2007 года, совершенное посредством или с использованием Интернета, или информационно-коммуникационных технологий» [10]. Таким образом, дается общая характеристика способа совершения преступления с отсылкой на специальный нормативный правовой акт.

Ключевым аспектом противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму является как национальное, так и международно-правовое регулирование. Косвенно это подтверждается полисистемностью мер противодействия киберпреступности, указанных в отчетах США. Выработка необходимого нормативного регулирования должна учитывать особенности юридической техники соответствующего государства. А также теоретическую базу, которая

была выработана за последние 30 лет, так как угроза кибертерроризма и киберэкстремизма не эфемерна, а вполне реальна. В данной ситуации необходимо опережать события, формируя необходимые институциональные механизмы в рамках различных межгосударственных образований. В этом контексте необходимо обратить внимание на уже имеющийся опыт региональных организаций, в частности ШОС. Именно в рамках этой международной организации впервые на договорном уровне были предложены меры по противодействию экстремизму [11]. И этот опыт может и должен быть использован для эффективной борьбы с терроризмом и экстремизмом в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

На наш взгляд, принятие универсального международного договора является одним из возможных вариантов разрешения существующих проблем в организации и противодействии киберпреступности в широком смысле слова, и, в частности, с кибертерроризмом и киберэкстремизмом. Однако последнее обстоятельство пока еще не находит широкой поддержки и консенсуса. Об этом свидетельствует, например то, что, если во внесенном Российской Федерацией 30 июля 2021 года на рассмотрение проекте Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [12] имелись проектируемые статьи 20 (Преступления, связанные с террористической деятельностью) и 21 (Преступления, связанные с экстремистской деятельностью), то в текущем ее проекте эти нормы оказались в числе исключенных [13].

В таких условиях именно региональная структура безопасности может заложить фундамент для дальнейшего расширения нормативного регулирования противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема правового регулирования противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму требует особого внимания со стороны мирового сообщества. Выработка мер, направленных на противодействие таким противоправным деяниям, должна учитывать уже существующие теоретические подходы к правовому регулированию данной категории преступлений, так как они наиболее адекватно отражают ту модель нормативного закрепления, которая позволит наиболее эффективно противодействовать кибертерроризму. Для отечественной науки уголовного права

важным является субъектный состав и наличие последствий, здесь необходим взвешенный, сбалансированный подход, как например в Республике Индия. Из рассмотренных в статье подходов к нормативному регулированию в отдельных странах именно индийское законодательство отражает единство теории и практики борьбы с терроризмом и экстремизмом в киберпространстве. Помимо этого, Индия является одним из государств-членов ШОС, использование уже известных юридических средств воздействия на преступность в существенной степени облегчит гармонизацию законодательства внутри интеграционного образования, что также является безусловным преимуществом. Вместе с тем, конечно же, проблема терроризма и экстремизма является глобальной для всего мирового сообщества. Необходимо прилагать усилия всех субъектов международного права для ограничения распространения экстремистской идеологии, однако этот процесс требует времени и дополнительных усилий со стороны ряда международных организаций. Наиболее эффективным на данном этапе будет использование комплекса мер, которые вырабатываются на региональном уровне [14].

Список источников

1. What is cyberterrorism? 2022. URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/cyberterrorism#:~:text=The%20U.S.%20Federal%20Bureau%20of,subnational%20groups%20or%20clandestine%20agents.%22> (дата обращения: 23.05.2023).
2. Plotnek J., Slay, J., "Cyber Terrorism: A Homogenized Taxonomy and Definition" (2021). Computers & Security, Volume 102.
3. Cyberterrorism How Real Is the Threat? Gabriel Weimann. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will. Stefan Soesanto. 2020. URL: <https://www.rea-linstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (дата обращения: 23.05.2023).
5. The Report of the President's Commission on Critical Infrastructure Protection. URL: <https://sgp.fas.org/library/pccip.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).
6. Paul N. Stockton, Michele Golabek-Goldman PROSECUTING CYBERTERRORISTS: APPLYING TRADITIONAL JURISDICTIONAL FRAMEWORKS TO A MODERN THREAT. URL: <https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/03/stocktongoldman.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).
7. CYBERCRIMES (PROHIBITION, PREVENTION, ETC) ACT 2015. URL: <https://lawpadi.com/wp-content/>

uploads/2015/08/CyberCrime_ProhibitionPreventionAct_2015.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

8. Marcus Araromi. Cyber-Terrorism under the Nigerian Law: A New Form of Threat or an Old Threat in a New Skin? URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3286617 (дата обращения: 10.07.2023).

9. THE INFORMATION TECHNOLOGY ACT 2000. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13116/1/it_act_2000_updated.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

10. The Magna Carta for Philippine Internet Freedom. Legacy.senate.gov.ph.. URL: <http://legacy.senate.gov.ph/lisdata/1446312119!.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

11. Волеводз А. Г., Ализаде В. А. Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 7–11.

12. Письмо Временного поверенного в делах Постоянного представительства Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 30 июля 2021 года на имя Генерального секретаря // Документ ООН A/75/980, August 10, 2021.

13. Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях: записка Председателя: пересмотренный текст конвенции // Документ ООН A/AC.291/22/Rev.1, 6 November 2023.

14. Xue Y., & Makengo B. M. (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. Open Journal of Social Sciences, 9, 184–200.

References

1. What is cyberterrorism? 2022. URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/cyberterrorism#:~:text=The%20U.S.%20Federal%20Bureau%20of,subnational%20groups%20or%20clandestine%20agents.%22> (accessed 23.05.2023).

2. Plotnek J., Slay, J., "Cyber Terrorism: A Homogenized Taxonomy and Definition" (2021). Computers & Security, Volume 102.

3. Cyberterrorism How Real Is the Threat? Gabriel Weimann. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf> (accessed 23.05.2023).

4. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will. Stefan Soesanto. 2020. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (accessed 23.05.2023).

5. The Report of the President's Commission on Critical Infrastructure Protection. URL: <https://sgp.fas.org/library/pccip.pdf> (accessed 23.05.2023).

6. Paul N. Stockton, Michele Golabek-Goldman PROSECUTING CYBERTERRORISTS: APPLYING TRADITIONAL JURISDICTIONAL FRAMEWORKS TO A MODERN THREAT. URL: <https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/03/stocktongoldman.pdf> (accessed 07.10.2023).

7. CYBERCRIMES (PROHIBITION, PREVENTION, ETC) ACT 2015. URL: https://lawpadi.com/wp-content/uploads/2015/08/CyberCrime_ProhibitionPreventionAct_2015.pdf (accessed 10.07.2023).

8. Marcus Araromi. Cyber-Terrorism under the Nigerian Law: A New Form of Threat or an Old Threat in a New Skin? URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3286617 (accessed 07.10.2023).

9. THE INFORMATION TECHNOLOGY ACT 2000. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13116/1/it_act_2000_updated.pdf (accessed 07.10.2023).

10. The Magna Carta for Philippine Internet Freedom. Legacy.senate.gov.ph. URL: <http://legacy.senate.gov.ph/lisdata/1446312119!.pdf> (accessed 20.12.2021).

11. Volevodz A. G., Alizade V. A. International legal approaches to countering extremism: substantive and procedural aspects. *International criminal law and international justice*, 2018, no. 6, pp. 7–11. (In Russ.)

12. Letter from the Charge d'Affaires of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations of July 30, 2021 addressed to the Secretary General. UN Document A/75/980, August 10, 2021. (In Russ.)

13. Ad Hoc Committee on the Development of a Comprehensive International Convention against the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes: note by the Chairman: revised Text of the Convention. UN Document A/AC.291/22/Rev.1, 6 November, 2023. (In Russ.)

14. Xue Y., & Makengo B. M. (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. Open Journal of Social Sciences, 9, 184–200.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.10

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>

**Акты реализации прокурором функции уголовного преследования
в стадии возбуждения уголовного дела по нормам
УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации**

Сатторов Сухроб Наумович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, sattorov_21@list.ru

Аннотация. Предметом сравнительно-правового анализа в данной работе выступают неоднозначные нормы уголовно-процессуального закона Российской Федерации и Республики Таджикистан относительно процессуального статуса и реальных полномочий прокурора по осуществлению функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела. Анализируя нормы закона, позиции национальной доктрины и непосредственно закономерности деятельности, осуществляемой на этом этапе, автор ставит на обсуждение основные проблемы, коллизии практики, пробелы закона, предлагая меры по снятию противоречий и оптимизации практики.

Ключевые слова: прокурор, уголовное преследование, функция, повод и основание, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Сатторов С. Н. Акты реализации прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела по нормам УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 193–200. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>.

Original article

**Acts of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution
at the stage of initiation of a criminal case according to the norms CPC of the
Republic of Tajikistan and CPC of the Russian Federation**

Sukhrob N. Sattorov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sattorov_21@list.ru

Abstract. The subject of comparative legal analysis in this work is the ambiguous norms of the criminal procedure law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan regarding the procedural status and real powers of the prosecutor to carry out the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case. Analyzing the norms of the law, the positions of the national doctrine and directly the patterns of activity carried out at this stage, the author discusses the main problems, conflicts of practice, gaps in the law, suggesting measures to remove contradictions and optimize practice.

© Сатторов С. Н., 2024

Keywords: prosecutor, criminal prosecution, function, reason and basis, initiation of a criminal case

For citation: Sattorov S. N. Acts of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case according to the norms CPC of the Republic of Tajikistan and CPC of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 193–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>.

Как в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, так и Республики Таджикистан стадия возбуждения уголовного дела носит первичный, обязательный, ординарный характер. И прежде, чем обратиться к анализу статуса и форм деятельности прокурора на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности, считаем необходимым определиться в основных характеристиках и указанной стадии, и деятельности, в ней осуществляемой.

В доктрине российского уголовно-процессуального права большинство из исследователей отстаивают позиции, согласно которым перед указанной стадией стоит единственная задача: проверить (по поступившему поводу) наличие оснований для возбуждения уголовного дела или отказа в этом [1, с. 54–56; 2, с. 56–58].

Само основание определено уголовно-процессуальным законом как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Данные по нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) однозначно суть доказательства; иное их понимание в принципе не значимо для задач и целей процесса. С признаками преступления, напротив, не все так однозначно. С позиций практической деятельности управомоченных субъектов доследственной проверки более «интересуют» признаки состава преступления, а не сугубо теоретические конструкции, характеризующие общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния, но никак не отвечающие на основной вопрос, по какой именно конкретной статье Уголовного кодекса следует возбудить уголовное дело (либо отказать в этом) [3].

Процессуальным средством (системой средств), призванным к решению непосредственной задачи стадии, является так называемая доследственная проверка повода и основания к возбуждению уголовного дела, предусмотренная статьей 144 УПК РФ. Именно нормами этой статьи в российском уголовном процессе, во-первых, установлена императивная, по сути, обязанность к осуществлению подобной проверки по каждому поступившему поводу вне зависимости от возможного наличия оснований (фактических данных) в самом

поводе. Во-вторых, определен исчерпывающий перечень процессуальных средств, посредством которых государственные органы и должностные лица, ведущие процесс, устанавливают искомое основание к возбуждению дела и оперативно фиксируют (процессуально «закрепляют») доказательства, которые могут быть утрачены для процесса доказывания. Здесь же названы субъекты доследственной (предварительной) проверки.

Определены уголовно-процессуальным законом и предельные сроки данной проверки, а также фактические ее результаты — как виды итоговых процессуальных решений, которые в пределах компетенции того или иного субъекта могут быть вынесены на этом этапе (ст. 145 УПК РФ).

«Возвращаясь» непосредственно к функциям, статусу и актам деятельности прокурора на этом этапе, отметим некоторую двойственность его процессуального положения — как субъекта с властным, но не всегда акцентированно выраженным управомоченным статусом. И, прежде всего, возникает вопрос о прокуроре как властном инициаторе указанной стадии и, соответственно, доследственной деятельности (ст. 144 УПК РФ), призванной к проверке и формированию искомого основания. С одной стороны, прокурор (как бы) уполномочен: выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса **об уголовном преследовании** по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). И по нормам пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ — это законный повод к возбуждению дела, который должен быть принят, зарегистрирован, проверен по правилам статьи 144 УПК РФ; с вынесением итогового решения по факту проверки. С другой стороны, для следственных органов этот повод носит такой же ординарный характер, как и иные, указанные в части 1, 1.3 статьи 140 УПК РФ. Он не влечет обязательного возбуждения дела. В случае несогласия с информацией, представленной прокурором, следователь с согласия руководителя следственного органа (далее — РСО) вправе отказать прокурору в возбуждении уголовного дела (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ).

В итоге, по нормам УПК РФ прокурор более не является властным инициатором деятельности по уголовному преследованию (применительно к следственным органам!).

Отметим также и то, что прокурор не указан в перечне правомочных субъектов доследственной проверки, осуществляемой по нормам статьи 144 УПК РФ; как следствие, возникает вопрос о характере информации, изложенной данным субъектом непосредственно в указанном постановлении или приложенных к нему материалах прокурорской проверки. Это также фактические данные (суть доказательства) или с позиций буквы закона подобная постановка вопроса не имеет под собой оснований, так как эти данные были получены не в рамках уголовно-процессуальных отношений, а сугубо средствами (ведомственной) прокурорской проверки.

Не указан прокурор и в качестве управомоченного субъекта возбуждения дела, — как акта начала публичного уголовного преследования (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 года № 1-П); причем как по нормам части 1 статьи 146 УПК РФ, так и по нормам части 4 статьи 20 УПК РФ. Не дает он более и согласия на вынесение этого акта.

В итоге, можно обоснованно утверждать о крайне ограниченных полномочиях российского прокурора по непосредственному осуществлению актов уголовного преследования в стадии возбуждения. Более того, ряд исследователей, исходя из анализа указанных норм, прямо отстаивают вывод о том, что на этом этапе процесса прокурор более не является управомоченным субъектом уголовного преследования [4, с. 20–25; 5, с. 12].

Нам трудно согласиться с указанным. Во-первых, в силу того, что акты прокурорского реагирования, как и ранее, императивно обязательны для органа дознания, дознавателя, что оставляет прокурору достаточно широкие возможности как для властного осуществления указанной деятельности, так и для ее координации применительно к указанным органам. Во-вторых, при более скрупулезном анализе как норм УПК РФ, так и актов прокурорского реагирования формируется вывод о том, что у прокурора в наличии ряд достаточно действенных средств и для инициации уголовного преследования на этом процессуальном этапе, и для эффективного контроля за качественными его результатами. Речь, прежде всего, о таких властных полномочиях прокурора, как (право):

— проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов (прокурорской проверки. — С. С.) в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ);

— требовать от органов дознания, дознавателей, следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с нормами УПК РФ (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 6 ст. 148 УПК РФ);

— передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными статьей 150–151 УПК РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать их следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— поручить органу дознания осуществление доследственной проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации. При этом редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию. За исключением, конечно, случаев, когда лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

— по ходатайству дознавателя, органа дознания продлить срок доследственной проверки до 30 суток с обязательным указанием на

конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

— разрешать (в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения) споры о передаче заявления, сообщения о преступлении по подсудственности в соответствии с пунктом 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ (ч. 4 ст. 145 УПК РФ);

— в случае, предусмотренном частью 1 статьи 214 УПК РФ инициировать перед судом ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (по истечении одного года с момента принятия такого решения тем или иным уполномоченным органом; ч. 1 ст. 214.1 УПК РФ).

Доктрина российского уголовно-процессуального права и ведомственная правовая статистика однозначно фиксируют нарастающие тенденции в деятельности прокуратуры по широкому обращению к указанным полномочиям [6]. Акцентируются и в целом положительные результаты подобной активности [7, с. 20–35]. Как следствие, мы готовы скорее признать, что, несмотря на известные новации, прокурор все же наделен отдельными, несколько ограниченными полномочиями, как по инициации деятельности по уголовному преследованию на этом этапе, так и по обеспечению ее значимых (качественных) результатов.

Нас, в контексте сравнительно-правового анализа, более интересует процессуальный статус и функции прокурора в стадии возбуждения уголовного дела по нормам Республики Таджикистан. Как и в российском уголовно-процессуальном законе, непосредственное обнаружение прокурором признаков преступления является легальным поводом к возбуждению уголовного дела (абз. 5 ч. 1 ст. 140 УПК РТ). Однако, в отличие от российского «аналога», таджикский законодатель оставил за рамками актуальной нормативной регламентации процессуальную форму его объективации. Нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) не содержат предписаний к тому, чтобы этот повод был оформлен в форме властного прокурорского акта — постановления. Во-вторых, несколько дезориентирует указание закона на «непосредственный» характер обнаружения признаков преступления — непосредственно прокурором. Поясним: по нормам УПК РФ непосредственное обнаружение признаков преступления властным процессуальным субъектом должно быть процессуально (как

повод!) оформлено самостоятельным рапортом (с кратким изложением в нем фактических обстоятельств деяния; ст. 143 УПК РФ). Этот рапорт по букве закона должен быть принят, зарегистрирован, проверен по правилам части 1 статьи 144 УПК РФ. Обязательно и вынесение итогового процессуального решения по факту проверки (ст. 145 УПК РФ), копия которого незамедлительно адресуется прокурору.

В нормах главы 17 УПК РТ нет норм, аналогичных статье 143 УПК РФ. Как следствие, возникают вопросы: это непосредственное обнаружение признаков преступления должно быть процессуально оформлено именно постановлением. Или надо, «по аналогии», апеллировать к рапорту (с введением в предписания гл. 17 УПК РТ самостоятельной статьи, по образцу норм статей 141–144 УПК РТ, раскрывающих порядок процессуального оформления каждого из поводов). На наш взгляд, учитывая статус и назначение прокурора в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан, указанный факт должен быть процессуально оформлен исключительно постановлением — актом властно-распорядительного характера, а не рапортом, не имеющим строгой процессуальной формы.

Соответственно, нормы главы 17 УПК РФ должны быть дополнены новой статьей 144.1 УПК РТ (в следующей нормативной редакции): **статья 144.1 Непосредственное обнаружение признаков преступления прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем.** «Повод к возбуждению уголовного дела, предусмотренный абзацем 5 части 1 статьи 140 настоящего Кодекса, для задач его регистрации, процессуальной проверки, принятия итогового решения в соответствии с частью шестой статьи 145 настоящего Кодекса должен быть процессуально оформлен постановлением должностного лица, выявившего признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, с кратким изложением в указанном постановлении фактических обстоятельств указанного деяния».

Остановимся и на понятии «основания к возбуждению дела», так как позиции таджикского законодателя в этом вопросе оказались несколько двусмысленными. С одной стороны, глава 17 УПК РТ носит название «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Акцентируем: речь идет не о поводах, а о поводе (единственное число) и основаниях (множественное число). Соответственно, статья 140 УПК РТ, именуемая как: «Основания к возбуждению уголовного дела», по идее должна предложить либо понятие,

либо перечень легальных оснований к вынесению указанного акта. Тем не менее в части 1 этой статьи по факту приведен именно перечень поводов (информационных источников сведений о преступлении и, одновременно, обязывающих юридических фактов). Второй части, призванной к раскрытию точного понимания именно основания к возбуждению уголовного дела, в указанной статье, нет. Таким образом, либо законодатель отождествляет суть повода и основания к возбуждению дела и, соответственно, для законного и обоснованного вынесения данного властного акта достаточно лишь поступления, перечисленных в части 1 статьи 140 УПК РТ, поводов-оснований, либо мы имеем дело с системной ошибкой, вносящей правовую неопределенность в практические аспекты деятельности, реализуемой на этом процессуальном этапе.

Попробуем разобраться. Национальный законодатель, действительно, не апеллирует к сути и содержанию категории «основание» для возбуждения уголовного дела, как утверждает ряд исследователей при анализе указанных норм [8, с. 214–215, 217; 9, с. 45–52]? Или ошибка, как раз, в итоговых выводах отдельных исследователей, а не в позициях законодателя. Обратимся за ответом непосредственно к «букве» и духу закона.

На наш взгляд, действующий УПК РТ вовсе не отрицает актуальности процессуальной проверки (установления) основания к возбуждению дела, перманентно апеллируя либо к сути, либо к содержанию указанной категории.

Оценим, к примеру, предписание абзаца 5 части 1 статьи 140 УПК РТ, определяющего как повод к возбуждению уголовного дела: «непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления». Как видим, закон исчерпывающе определяет не только информационный источник, из которого стало известно о преступном деянии, но и прямо указывает, что в наличии имеются определенные **сведения** (информация), указывающие на признаки конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом. Сведения в уголовном процессе, как известно, суть доказательства (фактические данные о релевантно значимых обстоятельствах деяния; ч. 2 ст. 85 УПК РТ). Таким образом, в предписании абзаца 5 части 1 статьи 140 УПК РТ законодателем, на наш взгляд, одновременно обозначен и повод, и фактическое основание (сведения о преступлении) к возбуждению дела.

Аналогично: в соответствии с частью 3 статьи 142 УПК РТ устное заявление заявителя о явке с повинной заносится в протокол, в котором подробно излагается **содержание** данного заявления. Информационная суть данного содержания, полагаем, известна; равным образом известно и то, насколько это содержание должно быть фактически связано с обстоятельствами, характеризующими преступное деяние (ч. 2 ст. 85 УПК РТ).

По нормам части 2 статьи 143 УПК РТ к сообщению должностного лица предприятия, учреждения и организации о преступлении, поводу к возбуждению уголовного дела могут прилагаться документы и иные материалы, **подтверждающие обстоятельства** совершения преступления. В итоге, законодатель в очередной раз апеллирует к релевантно-значимым обстоятельствам общественно опасного деяния, которые должны быть оценены на предмет законного и обоснованного возбуждения уголовного дела.

В соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РТ: сообщение средств массовой информации как повод может служить основанием для возбуждения дела в случае, если оно **реально обоснованно**. В итоге, и к этому поводу закон требует фактического обоснования признаков преступления. В том же нормативном контексте изложены части 1–2 статьи 146 и часть 1 статьи 149 УПК РТ.

Раскроем и прямое указание закона на истинную суть категории «рассмотрение» заявления, сообщения. По нормам статьи 150 УПК РТ прокурор, осуществляя надзор за законностью (надо — и обоснованностью) возбуждения дела, вправе: отменить постановление органа дознания, дознавателя, следователя, нижестоящего прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы для проведения **дополнительной проверки** (абз. 2). Акцентируем: дополнительной процессуальной проверки (фактических оснований!), а не созерцательно неопределенного «рассмотрения» сообщения о преступлении. В итоге, закон не отрицает как необходимости процессуальной проверки повода и основания к возбуждению дела, так и самого факта легальности доследственной проверки, призванной к установлению фактического основания для принятия указанного решения.

Поэтому в целях минимизации исследуемой неопределенности считаем необходимым предложить следующие изменения в действующий уголовно-процессуальный закон Республики Таджикистан:

1. Наименование **главы 17 УПК РТ** должно быть приведено в соответствие с реальными нормативными предписаниями, содержащимися в данной главе, и, соответственно, изложено в следующей нормативной редакции: «Поводы и основание к возбуждению уголовного дела».

2. Наименование **статьи 140 УПК РТ** также следует изменить, и изложить в следующей нормативной редакции: «Поводы и понятие основания к возбуждению уголовного дела».

3. Для целей дефинирования самого понятия «основание к возбуждению уголовного дела» **статью 140 УПК РТ** следует дополнить частью 2, изложив ее нормативное содержание в следующей редакции: «Основанием для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела являются достаточные фактические данные (доказательства), содержащиеся в поступившем поводе или дополнительно установленные управомоченными публичными субъектами процесса в ходе проверки, реализуемой по правилам статьи 145 настоящего Кодекса».

Нормы статьи 145 УПК РТ, регламентируя вопросы, связанные с порядком принятия, регистрации, рассмотрения и разрешения повода к возбуждению уголовного дела, неоднократно апеллируют к полномочиям прокурора, так или иначе связанным с категорией и непосредственно деятельностью по осуществлению уголовного преследования. В частности, прокурор, как и иное должностное лицо уголовного судопроизводства, обязан принять, незамедлительно зарегистрировать, своевременно рассмотреть (проверить) и разрешить в соответствии с частью 6 статьи 145 УПК РТ любой из поводов к возбуждению уголовного дела. По факту здесь суть и содержание доследственной проверки «скрыты» законодателем в категории «рассмотрение» повода, как деятельности практической, уголовно-процессуальной;

— вправе прокурор и властно (актами прокурорского реагирования) отреагировать на факт необоснованного отказа в приеме заявления, сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 145 УПК РТ); что, в итоге, безусловно, акт инициации уголовного преследования или отказа в указанном (при отсутствии для этого достаточно доказанных фактических оснований);

— исключительно прокурор указан в качестве управомоченного субъекта, принятия решения по тем заявлениям, сообщениям о преступлении, которые были направлены непосредственно в суд (ч. 4 ст. 145 УПК РТ). И здесь прокурор однозначно объективируется как руководитель функции уголовного преследования, в

соответствии со своим усмотрением (внутренним убеждением) определяющий наиболее оптимальный вектор ее реализации;

— в целях принятия законного и обоснованного решения по итогам проверки (рассмотрения заявления, сообщения о преступлении) единственно прокурор наделен правомочием на продление срока этой проверки до 10 суток, для целей ее всесторонности и объективности (ч. 5 ст. 145 УПК РТ);

— на функцию и роль прокурора в уголовном преследовании указывают и нормы закона, по сути которых он однозначно вправе как самостоятельно возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении, так и направить поступивший повод по подследственности, подсудности (ч. 6 ст. 145 УПК РТ).

Таким образом, приведенные нормы весьма полно и точно формируют процессуальные правомочия прокурора, связанные с рассмотрением и разрешением заявления, сообщения о преступлении. Они же в той или иной мере акцентируют в его деятельности и правомочиях такие содержательные элементы функции уголовного преследования, как инициация процессуальной деятельности, связанной с «неперсонифицированным» уголовным преследованием; непосредственным или косвенным изобличением (доказыванием) как факта деяния, так и возможно причастных к его совершению лиц; властным распоряжением судьбой публичного уголовного иска. Вместе с тем, принимая во внимание доминантные правомочия прокурора в определении оптимальной подследственности уголовного дела (абз. 3 ст. 158, ч. 12 ст. 161 УПК РТ), считаем явным пробелом закона отсутствие нормы о правомочии прокурора на разрешение спора, связанного с направлением заявления, сообщения о преступлении в иной управомоченный орган. Столь же пробел: отсутствие предписаний закона об обязательности направления копии решения следователя, дознавателя, органа дознания о направлении указанного заявления, сообщения по подследственности (подсудности, подведомственности) непосредственно прокурору.

Полагаем, что в целях внесения теоретической и практической определенности в эти моменты и оптимизации непосредственно практической деятельности следует внести необходимые изменения (дополнения) в следующие нормы:

— **часть 7 статьи 145 УПК РТ**, которую после слов «...и разъясняется им право на обжалование решения» следует дополнить

самостоятельной нормой: «Копия решения о направлении заявления, сообщения о преступлении по подследственности (подсудности, подведомственности) незамедлительно направляется прокурору»;

— **часть 8 статьи 145 УПК РТ**, которую после слов «...а равно закреплению следов преступления» следует дополнить самостоятельной нормой: «Споры о передаче заявления, сообщения о преступлении по подследственности (подведомственности) в соответствии с частью шестой настоящей статьи разрешаются прокурором (по месту первичной регистрации заявления, сообщения) в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения».

Достаточно широко в Республике Таджикистан прокуроры в контексте сути и содержания функции уголовного преследования используют правомочия по отмене решений управомоченных органов и должностных лиц процесса, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела. Как известно, данное право основано как на обязанности прокурора по рассмотрению жалоб частных заинтересованных лиц на принятие подобных решений (ч. 4 ст. 149 УПК РТ), так является формой реализации надзорной функции при изучении копий отказных постановлений, направленных прокурору в порядке части 2 статьи 149 УПК РТ.

Более информативно реальные усилия прокуратуры по реализации диалектически взаимосвязанных (и взаимообусловленных) функций надзора и уголовного преследования могут быть проанализированы на основе следующих данных: за период 2016–2020 годов органами прокуратуры выявлено укрывших от учета преступлений и, соответственно, инициировано к публичному уголовному преследованию: 4 882 преступных деяний (2016 — 1 001; 2017 — 1 042; 2018 — 945; 2019 — 932; 2020 — 962). Из них по 1 580 преступлениям возбуждены уголовные дела, и по завершении предварительного следствия эти дела направлены в суд [8, с. 226–227].

Таким образом, и непосредственно нормы закона, и анализ актов прокурорского реагирования, объективируемых на этом процессуальном этапе, дают основания констатировать, что, в отличие от крайне ограниченных правомочий российского прокурора, прокурор в Республике Таджикистан непосредственно объективирован и как активный, самостоятельный деятель (субъект уголовного преследования), и как руководитель, координатор уголовного преследования — самостоятельной функции.

Список источников

1. Быков В. С. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54–56.
2. Витцин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 56–58.
3. Ковтун Н. Н. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности при возбуждении уголовного дела: лекция. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 75 с.
4. Ковтун Н. Н. Уголовное преследование в уголовном судопроизводстве России: исходная несостоятельность функции или субъектов, ее реализующих? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 20–25.
5. Тугутов Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 29 с.
6. Малышева О. А., Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография / под науч. ред. Б. Я. Гаврилова. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 307 с.
7. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: монография. Москва: Проспект, 2007. С. 20–35.
8. Рахмаджонзода Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе. 2022. 984 с.
9. Авзалов А. Х. Языковые проблемы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Правовая жизнь. 2014. № 3 (7). С. 45–52.

References

1. Bykov V. S. Problems at the stage of initiating a criminal case. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 7, pp. 54–56. (In Russ.)
2. Vitsin S. E. Institute of initiation of criminal proceedings in criminal proceedings. *Russian justice*, 2006, no. 6, pp. 56–58. (In Russ.)
3. Kovtun N. N. Ensuring the inevitability of criminal liability when initiating a criminal case: lecture. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1995. 75 p. (In Russ.)
4. Kovtun N. N. Criminal prosecution in criminal proceedings in Russia: the initial failure of the function or the subjects implementing it? *Criminal proceedings*, 2019, no. 3, pp. 20–25. (In Russ.)
5. Tugutov B. A. Functions of the prosecutor at the judicial stages of the criminal process. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2014. 29 p. (In Russ.)
6. Malysheva O. A., Gavrilov B. Ya. Pre-trial proceedings in Russian criminal proceedings: theory,

practice, prospects: monograph / scien. ed. by B. Ya. Gavrilov. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 307 p. (In Russ.)

7. Gavrilov B. Ya. Latent crime: concept, structure, latency factors and measures to ensure the reliability of criminal statistics: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2007. Pp. 20–35. (In Russ.)

8. Rakhmadzhonzoda R. R. The doctrine of criminal prosecution in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan. Dissertation... doctor of legal sciences. Dushanbe, 2022. 984 p. (In Russ.)

9. Avzalov A. Kh. Language problems of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan (in Tajik). *Legal life Journal*, 2014, no. 3 (7), pp. 45–52. (In Russ.)

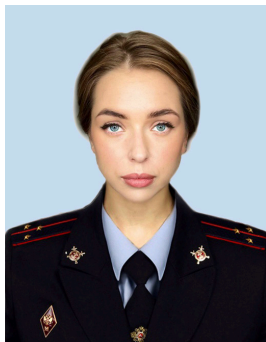
Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК: 343.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-201-206>

Запрет определенных действий как эффективный механизм обеспечения предварительного расследования в отношении блогеров

Тимошкина Виктория Андреевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, viktory.tim@mail.ru

Аннотация. В условиях прогрессивной цифровизации общества блогерская деятельность стала одной из популярных форм самовыражения и обмена информацией. С ростом популярности инфлюенсеров возникают и проблемы, связанные с отсутствием надлежащего правового регулирования их деятельности, особенно при применении к ним мер процессуального принуждения. В статье рассматриваются особенности и специфика правового регулирования блогерской деятельности в связи с приданием такому лицу статуса «подозреваемый» или «обвиняемый», а также применения к нему запретов, предусмотренных мерой пресечения в виде запрета определенных действий.

Исследование выполнено на основе использования научно-исследовательских методов в виде анализа, синтеза и обобщения, а также специального метода — юридико-технического. Статья посвящена изучению обстоятельств, которые необходимо учитывать при производстве предварительного расследования в отношении блогеров, а также специфики избрания отдельных запретов, регламентированных принудительной мерой в виде запрета определенных действий.

Выводами к исследованию послужили тезисы о необходимости закрепления специальных обстоятельств, учитываемых при избрании запрета определенных действий в отношении лиц, которые ведут блоги или данная деятельность является способом их заработка. Представляется, что выводы, полученные в результате исследования, послужат эффективным инструментом для совершенствования практики применения запрета определенных действий.

Ключевые слова: блог, уголовная ответственность, превентивные меры, запрет определенных действий, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»

Для цитирования: Тимошкина В. А. Запрет определенных действий как эффективный механизм обеспечения предварительного расследования в отношении блогеров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 201–206. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-201-206>.

Original article

The prohibition of certain actions as an effective mechanism for ensuring a preliminary investigation against bloggers

Victorya A. Timoshkina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, viktory.tim@mail.ru

© Тимошкина В. А., 2024

Abstract. In the conditions of progressive digitalization of society, blogging has become one of the most popular forms of self-expression and information exchange. However, with the growing popularity of bloggers, there are also problems associated with the lack of proper legal regulation of their activities, especially when applying procedural coercion to it. The article discusses the features and specifics of the legal regulation of blogging activities in connection with giving such a person the status of a “suspect” or “accused”, as well as the application to him of the prohibitions provided for by the preventive measure in the form of a ban on certain actions.

The research is based on the use of private scientific methods in the form of analysis, synthesis and generalization, as well as a special method — legal and technical. The article is devoted to the study of the circumstances that must be taken into account when conducting a preliminary investigation against bloggers, as well as the specifics of the election of certain prohibitions regulated by a compulsory measure in the form of a ban on certain actions.

The conclusions of the study were theses on the need to consolidate special circumstances taken into account when choosing to ban certain actions against persons who blog or this activity is a way of earning them. It seems that the conclusions obtained as a result of study will serve as an effective tool for improving the practice of prohibiting certain actions.

Keywords: blogging, criminal liability, preventive measures, prohibition of certain actions, information and telecommunication network “Internet”

For citation: Timoshkina V. A. The prohibition of certain actions as an effective mechanism for ensuring a preliminary investigation against bloggers. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 201–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-201-206>.

Динамически изменяющийся мир в условиях цифровой трансформации предопределил развитие основных «трендов» по охране общественного порядка и безопасности государства. Подобной трансформации подвержены все сферы государственной жизни — политика, экономика и законодательство. С развитием интернет-пространства и распространением социальных сетей, блогерская деятельность стала одним из популярных и востребованных направлений развития, люди стали активнее выражать свои мысли и идеи через блоги. При интенсивной модернизации общественных отношений, как правило, и преобразовываются преступления, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно: способ, общественная опасность и даже состояние преступности. Поэтому с ростом популярности блогерской сферы возникают проблемы, связанные с отсутствием четких правил и законов, регулирующих данную деятельность. В этой связи популярность инфлюенсеров как «лидеров общественного мнения» неуклонно возрастает, а следовательно, вопрос о надлежащем уголовно-процессуальном регулировании деятельности блогеров нельзя не признать актуальным.

Официальной и законодательно закреплённой дефиниции понятия «блогер» нет, однако в научной среде имеется ряд мнений, которые определяют блогера как лицо, ведущее свой блог (дневник или сайт) с целью самореализации личности [1, с. 169]; лицо, являющееся «распространителем» различного рода информации [2, с. 130]. Мы частично согласны с мнением

С. В. Коршунова, который предлагает считать блогером физическое лицо, владеющее сайтом и (или) страницей сайта (аккаунта) в сети «Интернет» [3, с. 176]. На проблему отсутствия четкого нормативного регулирования блогерской деятельности в России обратила внимание Г. А. Грищенко, которая подчеркнула скудность понятийного аппарата блогерской сферы, где есть возможность беспрепятственного распространения практически любой информации [2, с. 130], по нашему мнению, помимо явных преимуществ в виде роста аудитории и извлечения прибыли из своей деятельности, данное обстоятельство может привести к негативным последствиям — совершению преступлений.

Инфлюенсеры имеют большую аудиторию, которая им доверяет и воспринимает их мнение как авторитетное, поэтому, когда они публикуют рекламные материалы или рекомендации в социальных сетях, это оказывает воздействие на поведение потребителей контента. На данном этапе развития медиапространства их влияние можно сопоставить с профессиональным средством массовой информации, а в некоторых случаях блогер имеет значительно большее влияние на общественное настроение. Аккаунты с большим количеством аудитории все чаще выходят на теневой рынок труда, создают свой уникальный контент и владеют собственным интернет-сайтом или блоготом. Люди этой профессии могут реализовать себя согласно своим интересам и имеют перспективу высокого дохода [4, с. 179]. Многие медийные личности значительную долю дохода извлекают из рекламных «коллабораций», при этом чем

больше аудитория в профиле социальной сети, тем больше стоимость одной рекламной публикации. Рассматривая в негативном ключе извлечение дохода с социальных сетей, владельцы блогов зачастую скрывают свои доходы и никак не оформляют свою деятельность, что приводит к совершению преступлений.

Попытки урегулирования деятельности блогеров в социальных сетях неоднократно предпринимались на законодательном уровне. В 2008 году все онлайн-ресурсы с посещаемостью более тысячи человек в сутки приравнивались к средствам массовой информации, кроме того, в 2014 году создается особый реестр для блогеров, который позволяет Роскомнадзору идентифицировать лицо, размещающее открытую массовую информацию, записи которого читают более 3 000 человек в сутки, и выполнять некие предписания. В связи с трудностями возникающими при реализации контроля за исполнением предписаний и отмене закона о блогерах, в 2017 году Роскомнадзор прекращает ведение данного реестра.

В настоящее время российское законодательство не предусматривает специального нормативного акта, где закреплены правовые основания блогерской деятельности, вследствие этого у них отсутствует надлежащий правовой статус, поскольку лишь единицы оформляют себя в качестве самозанятых или индивидуальных предпринимателей. Разделяя позицию о необходимости надлежащего правового регулирования деятельности медийных личностей, согласимся с позицией Д. М. Костина, который с целью упрощения легализации деятельности блогеров предлагает создать уникальный классификатор (ОКВЭД), что позволит им действовать в рамках четкого правового поля и создаст дополнительный гарант надлежащей защиты прав и свобод личности [5, с. 15]. Отметим, что на данный момент в России действует «Лига безопасного интернета» — крупнейшая и наиболее авторитетная организация, которая создана с целью противодействия распространения недопустимого и опасного контента в сети «Интернет». В частности, представители данной организации написали обращение в правоохранительные органы с просьбой о проведении проверки в отношении блогеров на предмет выявления в их действиях мошенничества [6].

Оценивая сумму ущерба, причиненную государству вследствие совершения экономических преступлений блогерами, можно заметить, что даже единичные случаи исчисляются миллионами рублей. Как отмечает председатель Следственного комитета Российской Федерации

А. И. Бастрыкин, на данный момент суммы выявленных неуплаченных налогов блогерами составляет: 120 млн рублей (А. Митрошина), 311 млн рублей (В. Чекалина), 918 млн рублей (Е. Блиновская) [7]. Как правило, большинство блогеров реализуют курсы по образованию, тренинг-марафоны и регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей, что дает им право на применение системы упрощенного налогообложения. Однако при превышении допустимой суммы дохода при льготной налоговой ставке блогеры стараются избежать перехода на общую систему и применить схему искусственного дробления бизнеса.

Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) были внесены изменения, согласно которым изменяются сроки и основания применения мер пресечения в отношении субъектов предпринимательской деятельности, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности [8]. Позитивные изменения, связанные с дополнительными процессуальными гарантиями блогеров-бизнесменов, индивидуальных предпринимателей и самозанятых работают далеко не всегда, поскольку в судебных актах должно быть установлено, что инкриминируемое деяние совершено в связи с осуществлением этим лицом предпринимательской деятельности. В таком случае под эти основания подпадают деяния, перечисленные в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, предусмотренные частями 1–4 статьи 159 УК РФ и частью 1 статьи 199 УК РФ. Учитывая, что блогеры несут обязанность уплаты налогов наравне со всеми и специальные правила для них отсутствуют, то и наказание будут нести аналогично другим налогоплательщикам. При выборе мер пресечения к данным субъектам, в первую очередь, рассматривают меры, не связанные с заключением под стражу: домашний арест, залог и запрет определенных действий.

Замысел данного исследования не предполагает детальное рассмотрение домашнего ареста и залога, так как этому вопросу уже уделено достаточно внимания в трудах ученых-процессуалистов, а также учитывая правоприменительную практику с момента их введения в законодательство, сложно сказать, что эти меры пресечения стали альтернативой заключению под стражу.

В этой связи интерес для настоящего исследования представляет введенная Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» мера пресечения в виде запрета определенных действий [9]. Ее сущность состоит в возложении на подозреваемого или обвиняемого одного или нескольких запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105¹ УПК РФ, а также в обязанности своевременно являться по вызовам уполномоченных органов суда или органов предварительного расследования.

Нижегородская школа процессуалистов в лице Ю. В. Царевой и Ю. Е. Салеевой, рассматривая запрет определенных действий в положительном ключе, констатировали его перспективность относительно соблюдения баланса прав и свобод участников уголовного процесса и применения к ним средств принудительного воздействия [10, с. 264]. Однако данная мера пресечения не лишена своих недостатков по причине все еще несформированной правоприменительной практики.

Весьма полезными оказались результаты проведенного нами анкетирования следователей и дознавателей: 65,8 % опрошенных респондентов высказали мнение, что запрет определенных действий эффективен лишь при избрании отдельных запретов. При этом критически оценивая организацию контроля за исполнением запретов на коммуникацию, предусмотренных пунктами 3–5 части 6 статьи 105¹ УПК РФ, отсутствие эффективного механизма их реализации, отметили 46,1 % опрошенных, а также 25 % резюмировали, что им неясно, кто будет контролировать их исполнение, остальные 28,9 % указали, что по ходатайству следователя легче избрать подписку о невыезде или заключение под стражу.

Деятельность, связанная с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» имеет существенные сложности в правоприменительной деятельности. При производстве предварительного расследования в отношении медийных личностей, преступное деяние которых сопряжено непосредственно с их блоготворчеством или социальной сетью, целесообразно устанавливать запрет на пользование интернетом, регламентированный пунктом 5 части 6 статьи 105¹ УПК РФ.

В доктрине уголовного процесса сложилась также неоднозначная позиция по поводу избрания и применения этого запрета, поскольку

А. А. Бакрадзе, Д. О. Белов, А. Н. Калинин, например, полагают, что наложение запрета на пользование всей сетью «Интернет», является более строгой формой процессуального принуждения, нежели избранная в части дополнительной, ограничивающей пределы этого запрета формулировка: «с участниками уголовного процесса» [11, с. 23]. Частично согласимся с данной точкой зрения, однако, возникает вопрос: насколько законно ограничивать пользование всей сетью, если необходимость возложения запрета на пользование средствами связи и интернетом вызвана недопущением продолжения преступной деятельности, например, легализации денежных средств?

Конечно, органам предварительного расследования необходимо индивидуально подходить к учету обстоятельств при избрании меры пресечения в каждом уголовном деле. Поскольку законом допускается избрание запрета определенных действий к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, стоит также учитывать возможность выхода в сеть «Интернет» с целью беспрепятственного продолжения учебной деятельности. Но есть и случаи, когда социальные сети или сеть Интернет служит источником дохода для лица, на которого необходимо возложить данный запрет, поскольку без таковых ограничений подозреваемый или обвиняемый сможет продолжать осуществлять преступную деятельность или скрывать полученные денежные средства.

Примером к вышеизложенному будет служить факт возбуждения уголовного дела в отношении В.В.Ч., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 198 УК РФ и пунктом «б» части 4 статьи 174.1 УК РФ, при этом суд избрал обвиняемой меру пресечения в виде домашнего ареста с возложением ряда ограничений: запрет на пользование сетью «Интернет» и сотовой связью [12]. Учитывая тот факт, что преступная деятельность напрямую связана с использованием интернета и различных интернет-платформ, супругам назначена мера пресечения в виде запрета определенных действий с возложением запретов, регламентированных пунктом 3–5 части 6 статьи 105¹ УПК РФ.

Полагаем, обстоятельством, учитываемым при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, послужил определенный род занятий лица — «блоготворчество», поскольку их профессиональная деятельность связана с использованием интернета, подозреваемым вполне обосновано был ограничен доступ в интернет

и социальные сети. Ключевое значение в рассматриваемой ситуации имеет то обстоятельство, что блогер может извлекать доход из своей страницы в социальной сети независимо от количества подписчиков (пользователей). В данной ситуации осуществление блогерской деятельности и ведение социальных сетей является постоянным источником дохода подозреваемой.

При этом учитывая, что блог В.В.Ч. насчитывает миллионную аудиторию, рискнем предположить, что посредством блога лицо сможет продолжать извлекать выгоду и зарабатывать и таким же образом продолжать преступную деятельность, а именно уклоняться от уплаты налогов. Вполне обоснованным будет предположить, что данный запрет на коммуникацию будет вполне эффективным «рычагом воздействия» на противодействие преступной деятельности на этапе предварительного расследования.

Справедливо и мнение О. В. Овчинниковой, которая полагает, что при полном запрете на доступ в сеть, в решении (постановлении) органов суда об избрании меры пресечения должны быть перечислены конкретные обстоятельства уголовного дела, подтверждающие эту необходимость [13, с. 74]. Полагаем, в случае с «медийным» лицом, где извлечение прибыли и ведение социальных сетей приносит доход и оказывает непосредственное влияние на мнение аудитории, следует ограничивать доступ даже в социальную сеть.

Другой ситуацией следует рассмотреть случаи администрирования этого же аккаунта социальной сети, принадлежащий В.В.Ч. с помощью третьих лиц. По нашему мнению, в данном случае необходимо ввести не только запрет на пользование интернетом именно подозреваемой, а на запрет администрирования (пользования) данным аккаунтом, поскольку именно блог в рассматриваемом уголовном деле служит *«средством» или «способом» продолжения преступной деятельности*, потому как неизвестна точная сумма получения прибыли и ее дальнейший «путь».

Подводя итог, стоит отметить, что обстоятельства, учитываемые при избрании запрета на пользование средствами связи и информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» следует четко прописывать в судебном решении, учитывая не только личность подозреваемого / обвиняемого, его возраст и особенности, предусмотренные статьей 99 УПК РФ, а также риски, при которых возможно ограничивать не только выход в сеть, а пользование конкретным аккаунтом лично или через третьих лиц.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют сделать частные выводы: помимо обстоятельств, предусмотренных статьей 99 УПК РФ некоторыми из причин (обстоятельств) *полного* запрета на пользование средствами связи и сетью «Интернет» будет детерминировано такими обстоятельствами:

1) преступная деятельность лица связана с совершением преступлений с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

2) если лицо имеет определенное влияние в социальных сетях и может оказать определенное воздействие на мнение третьих лиц;

3) если страница в социальной сети является одним из элементов объективной стороны состава преступления, то есть выступает средством или способом осуществления преступной деятельности.

Безусловно, это не исчерпывающий перечень обстоятельств, которые следует учитывать при избрании именно этого запрета, а лишь те, которые смогут обеспечить защиту общества от негативных последствий, возникающих из-за неправомерных действий блогеров, подозреваемых или обвиняемых в подобного рода преступных деяниях. Полагаем, вышеизложенные обстоятельства помогут повысить эффективность и качество производства предварительного расследования в отношении медийных личностей, а также минимизировать повторное совершение аналогичных преступлений с использованием сети «Интернет».

Список источников

1. Тростянецкая В. В. Особенности субъекта преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 167–171.
2. Грищенко Г. А. Подходы к правовому регулированию блогосферы в российском законодательстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4 (92). С. 127–135.
3. Коршунов С. В. Проблема регулирования правового статуса блогера в сети Интернет // Инновационная наука. 2016. № 12-2. С. 174–176.
4. Супхапхан-Ковалева В. К. Особенности теневой занятости блогеров // Экономика и социум. 2019. № 8 (63). С. 177–182.
5. Костин Д. М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России. Научный журнал. 2023. № 1 (66). С. 12–18.
6. «Лига безопасности интернета» написала жалобу в полицию на блогеров Э. Била, Г. Гасанова и мно-

гих других. URL: <https://runews24.ru/society/13/11/2023/liga-bezopasnogo-interneta-napisala-zhalobu-v-policiyu-na-bloggerov-edvarda-bila-gusejna-gasanov-i-mnogix-drugix> (дата обращения: 10.11.2023).

7. Баstryкин назвал причину уголовных дел против блогеров. URL: <https://iz.ru/1549065/2023-07-25/bastrykin-nazval-prichinu-ugolovnykh-del-protiv-bloggerov> (дата обращения: 10.11.2023).

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25, ст. 4406.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17, ст. 2421.

10. Царева Ю. В., Салеева Ю. Е. Запрет определенных действий: анализ применения на начальном этапе закрепления в УПК РФ // Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения: сборник статей по материалам межведомственной конференции, Нижний Новгород, 12 ноября 2020 года / Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 258–265.

11. Бакрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н. О конституционности запрета на использование сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

12. РИА новости: ФНС обязала блогершу ЛерЧек выплатить штраф в размере 124 миллиона рублей. URL: <https://ria.ru/20230927/lerchek-1898998749.html> (дата обращения: 27.09.2023).

13. Овчинникова О. В. Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 70–75.

References

1. Trostyanetskaya V. V. Features of the subject of a crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (38), pp. 167–171. (In Russ.)

2. Grishchenko G. A. Approaches to legal regulation of the blogosphere in Russian legislation. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2022, no. 4 (92), pp. 127–135. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

3. Korshunov S. V. The problem of regulating the legal status of a blogger on the Internet. *Innovative science*, 2016, no. 12-2, pp. 174–176. (In Russ.)

4. Suphaphan-Kovaleva V. K. Features of shadow employment of bloggers. *Economy and society*, 2019, no. 8 (63), pp. 177–182. (In Russ.)

5. Kostin D. M. The need to legalize the activities of bloggers in Russia. *Scientific journal*, 2023, no. 1 (66), pp. 12–18. (In Russ.)

6. The Internet Security League wrote a complaint to the police against bloggers E. Bil, G. Hasanov and many others. URL: <https://runews24.ru/society/13/11/2023/liga-bezopasnogo-interneta-napisala-zhalobu-v-policiyu-na-bloggerov-edvarda-bila-gusejna-gasanov-i-mnogix-drugix> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

7. Bastrykin named the reason for criminal cases against bloggers. URL: <https://iz.ru/1549065/2023-07-25/bastrykin-nazval-prichinu-ugolovnykh-del-protiv-bloggerov> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

8. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 217-FZ of June 13, 2023. *Collection of legislative acts*, 2023, no. 25, art. 4406. (In Russ.)

9. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of Prohibition of certain actions, bail and house arrest: federal law no. 72-FZ of April 18, 2018. *Collection of legislative acts*, 2018, no. 17, art. 2421. (In Russ.)

10. Tsareva Yu. V., Saleeva Yu. E. Prohibition of certain actions: analysis of application at the initial stage of consolidation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Debatable aspects of the development of criminal procedure legislation and its application: a collection of articles based on the materials of the interdepartmental conference, Nizhny Novgorod, November 12, 2020 / Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020. Pp. 258–265. (In Russ.)

11. Bakradze A. A., Belov D. O., Kalinin A. N. On the constitutionality of the ban on the use of the Internet by suspects or accused persons. *Legal Research*, 2022, no. 3, pp. 19–32. (In Russ.)

12. RIA Novosti: The Federal Tax Service ordered blogger Lerchek to pay a fine of 124 million rubles. URL: <https://ria.ru/20230927/lerchek-1898998749.html> (accessed 27.09.2023). (In Russ.)

13. Ovchinnikova O. V. Improvement of the system of preventive measures in the conditions of digitalization. *Law and order: history, theory, practice*, 2022, no. 3 (34), pp. 70–75. (In Russ.)

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-207-212>

Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества

Хен Лариса Георгиевна

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, theory8@izak.ru

Аннотация. В статье раскрывается вклад Алексея Валентиновича Мицкевича — известного представителя советской теоретико-правовой науки — в развитие теории правотворчества. На основе проведенного анализа наиболее крупных работ ученого выявлены его взгляды на понятие правотворчества, а также факторы правотворческой деятельности. Показана взаимосвязь между теорией правотворчества и типологией правопонимания. Подчеркивается, что А. В. Мицкевич понимал правотворчество исключительно как деятельность, осуществляемую государством и выражающую его волю. Раскрываются подходы ученого к пониманию юридической природы актов, к отличию нормативных и ненормативных актов. Констатируется, что А. В. Мицкевич большое внимание уделял вспомогательным и производным актам, предложил ввести в научный оборот понятие «акты нормативно-вспомогательного значения».

Ключевые слова: Алексей Валентинович Мицкевич, правотворчество, теория правотворчества, нормативные акты, вспомогательные акты, факторы правотворчества

Для цитирования: Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 207–212. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-207-212>.

Original article

A. V. Mickiewicz's contribution to the development of the theory of lawmaking

Larisa G. Khen

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, theory8@izak.ru

Abstract. The article reveals the contribution of Alexei Valentinovich Mickiewicz, a well-known representative of the Soviet theoretical and legal science, to the development of the theory of lawmaking. Based on the analysis of the largest works of the scientist, his views on the concept of law-making, as well as factors of law-making activity, are revealed. The relationship between the theory of lawmaking and the typology of legal understanding is shown. It is emphasized that Mickiewicz understood lawmaking exclusively as an activity carried out by the state and expressing its will. The author reveals the scientist's approaches to understanding the legal nature of acts, to the difference between normative and non-normative acts. It is stated that Mickiewicz paid great attention to auxiliary and derivative acts, and proposed to introduce the concept of "acts of normative and auxiliary significance" into scientific circulation.

© Хен Л. Г., 2024

Keywords: Alexey Valentinovich Mickiewicz, law-making, theory of law-making, normative acts, auxiliary acts, factors of law-making

For citation: Khen L. G. A. V. Mickiewicz's contribution to the development of the theory of lawmaking. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 207–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-207-212>.

Правотворчество представляет собой вид юридической деятельности, который связан с формированием всего массива законов и подзаконных нормативных актов. Эта деятельность не просто определяет те правила, по которым осуществляется регулирование общественных отношений, оно выступает первичным, исходным элементом создания новой социальной реальности, формирует контуры правовой системы и модели юридически значимого поведения.

Динамика правотворческой деятельности определяется совокупностью факторов общественного развития: социально-экономических, политических, технологических и духовно-нравственных. В современных условиях одним из факторов, оказывающих наибольшее влияние на правотворчество, выступает цифровизация. Как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, право под воздействием цифровых технологий становится не только средством воздействия на общество, но и объектом, который меняет свои формы и механизм формирования [8, с. 6]. Правотворческая деятельность в условиях новой цифровой реальности модифицирует свои важные параметры, имплементируя в себя новые технологии, способные существенно повлиять на ее качество и эффективность [4, с. 32–33]. Такие трансформации предъявляют новые требования к теории правотворчества, заставляют ученых переосмыслить многие устоявшиеся ее понятия. «Одна из основных задач юридической науки в сфере правотворчества — выявление общих закономерностей правового развития, меняющих пространственные очертания и структуру права, его базовые компоненты и механизмы их взаимодействия», — отмечает Т. Я. Хабриева [7, с. 6]. При этом представляется важным обращение к истокам, к доктринальным работам, которые уже стали классическими. Их переосмысление с учетом новых методологических подходов способно обогатить теорию правотворчества, придать ее развитию новый импульс на основе сочетания традиций и новаций юридической науки.

Одним из тех, кто способствовал становлению советской теории правотворчества, был Алексей Валентинович Мицкевич — ученый-теоретик, долгие годы работавший в Институте законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации (в годы его работы Институт назывался Всесоюзным научно-исследовательским институтом советского законодательства). Именно в стенах Института произошло становление Алексея Валентиновича как ученого, написаны его основные работы, посвященные важным проблемам теории права [6].

Научные интересы А. В. Мицкевича были в значительной мере связаны с теорией правотворчества. В 1968 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Акты высших органов Советского государства». Ранее 23 декабря 1963 года состоялся его доклад на заседании Ученого совета ВНИИСЗ на тему «Нормативные акты органов Советского государства как источники права» [3]. В 1974 году под редакцией А. В. Мицкевича была подготовлена и опубликована коллективная монография «Правотворчество в СССР» [5]. В итоге ученый внес существенный вклад в теорию правотворчества, сформулировав и обосновав собственную концепцию нормативных правовых актов, их роли в правовой системе, значения правотворческой деятельности для развития общества и государства. Во многом современные представления о нормативности и ненормативности правовых актов, о нормотворческих полномочиях, о субъектах правотворчества восходят к идеям и работам А. В. Мицкевича [6, с. 151].

Большой заслугой ученого, ознаменовавшей его вклад в теорию правотворчества, стала разработка вопроса о юридической природе актов. По его мнению, обоснованному в монографии «Акты высших органов советского государства», юридическая природа актов включает в себя их нормативность, юридическую силу, форму и сферу действия. Юридическую силу актов ученый понимал как свойство, выражающее соотношение данного вида актов с другими силами актов, его место в системе правовых актов [1, с. 6]. «Значение свойств юридической природы актов и других явлений правовой надстройки, — писал ученый, состоит в том, что в этих свойствах раскрываются специфические закономерности права и правовой формы общественных отношений» [1, с. 5].

Большое значение придавал А. В. Мицкевич разграничению нормативных и ненормативных

актов. Значение этих категорий, по его мнению, определяется тем, что в них выражаются различные формы и разные методы государственного руководства [1, с. 14]. Нормативные акты служат выражением правотворческой деятельности государства и его органов. Ненормативные акты выражают такие формы деятельности государства, которые не связаны с правотворчеством, с установлением правовых норм. В качестве примера А. В. Мицкевич называл акты управления и решения судов, которые сегодня обычно характеризуются как правоприменительные акты.

Отличие нормативных и ненормативных актов имеет важное значение для теории и практики правотворчества, так как ненормативные акты не могут рассматриваться как источники права; без правильного понимания разграничения таких актов невозможна полноценная правотворческая деятельность, включая подготовку проектов нормативных правовых актов, систематизация правовых норм и введение их в действие.

По мнению А. В. Мицкевича, понятие нормативного правового акта неразрывно связано с понятием права. Оставаясь на строгих позициях советского легизма, ученый критиковал различные подходы к пониманию права, которые именовал «буржуазными». К их числу относится и нормативизм Г. Кельзена, и реалистическая теория права, которые, по его мнению, понимают право излишне широко, выходят за пределы нормативных установлений государства и создают тем самым видимость основы для мер, реализуемых в обход закона [1, с. 17]. Напротив, признание в советской науке правом законов и основанных на них нормативных актов А. В. Мицкевич считал прогрессивным, ориентированным на совершенствование правовых норм и укрепление правопорядка. «В советской правовой науке, — пишет ученый, — понятие права рассматривается как совокупность или система норм, установленных государством и выражающих волю господствующего класса или волю народа в социалистическом обществе. Исходя из этого понятия, которое разделяется подавляющим большинством советских юристов, основным источником или формой выражения права считается нормативный акт» [1, с. 18].

А. В. Мицкевич подверг критике принятое в советской юриспруденции понятие нормативного акта как акта, содержащего нормы права, отметив, что это не всегда соответствует реальной правотворческой практике. Существуют

акты, которые не устанавливают новых норм, но при этом содержат изложение правовых норм, ранее принятых вышестоящим органом. Их нельзя отнести к числу нормативных актов. Кроме того, существуют акты, которые сами не содержат правовых норм, но, несмотря на это, имеют принципиально важное значение для правотворчества. Они могут вводить в действие ранее установленные нормы права, изменять их редакцию, придавать нормам юридическую силу. Такие акты не могут рассматриваться как правоприменительные, действующие однократно, так как их содержание рассчитано на многократное применение. В связи с этим ученый предложил ввести в научный оборот такую новую категорию, как акты нормативно-вспомогательного значения [1, с. 24].

Нормативным актом, по мнению А. В. Мицкевича, может быть лишь такой акт, «в котором выражена воля компетентного органа государства об установлении правила поведения, о его изменении или отмене» [1, с. 25]. Таким образом, главным признаком нормативного акта выступает его правотворческое значение. Подобный подход был не только заявлен ученым в цитируемой монографии, но и ранее апробирован в докладе на ученом совете Института [3, с. 198]. Сохраняет он свое значение и в современных условиях.

Большое внимание уделял А. В. Мицкевич законам, которые рассматривал как высшее выражение воли государственной власти и народа. В то же время, чтобы законы в полной мере могли раскрыть свой потенциал, необходимо уделять достаточно внимания вспомогательным актам, позволяющим вводить нормы законов в действие или отменять устаревшие нормы.

Выводы, к которым А. В. Мицкевич пришел в цитируемой монографии по поводу отдельных аспектов рассматриваемой тематики, он предварительно апробировал в ряде статей. Например, в 1966 году в Ученых записках ВНИИСЗ была опубликована его обширная статья, посвященная вспомогательным и производным актам правотворчества. В данной статье ученый предлагает новый подход к определению правотворчества, выдвигая на первый план такой его признак, как правовые последствия. В этом случае правотворчество характеризуется им как деятельность государственных органов, направленная на создание правовых норм [2, с. 27]. Соответственно, назначение правотворческих актов состоит в том, чтобы устанавливать, а точнее, оформлять установленные государством новые нормы права. Такой подход

выводит ученого на новый аспект — связь между правотворчеством и правом. Он констатирует, что правотворчество не ограничивается только созданием правовых норм, оно также включает специальные акты об изменении, отмене, дополнении уже существующих норм. Поэтому акты, изменяющие, отменяющие или дополняющие правовые нормы, он рассматривает как определенную разновидность актов правотворчества [2, с. 28].

Анализируя природу вспомогательных и производных актов, А. В. Мицкевич указывает, что они не относятся к числу актов применения норм к отдельным случаям или конкретным лицам, не могут рассматриваться как действующие однократно. Он утверждает, что «названные акты обладают основными признаками актов правотворчества и должны рассматриваться как таковые» [2, с. 29].

Ученый полагает, что в правотворческой практике значение производных и вспомогательных актов часто недооценивается. Вместе с тем в ряде случаев именно они могут способствовать правильному применению закона, особенно принятого в форме кодифицированного акта.

В коллективной монографии «Правотворчество в СССР» 1974 года А. В. Мицкевич не только выступил редактором книги, но и стал автором обширного материала — главы первой и шести параграфов во второй и третьей главах. Содержание этих материалов посвящено таким основополагающим для теории правотворчества вопросам, как социальные факторы формирования права, понятие правотворчества, источники права, правотворчество советского государства. При написании данных разделов ученый, к тому времени уже ставший доктором наук, получил возможность систематизированно изложить свои взгляды на важные теоретические вопросы, без решения которых невозможна концептуальная разработка целостной теории правотворчества.

А. В. Мицкевич рассматривал правотворчество как сознательную деятельность людей, которая в то же время осуществляется не произвольно, а детерминирована совокупностью различных факторов. Рассматривая социальные факторы как предпосылки правотворчества, ученый относил к их числу факторы экономические, идеологические, политические. В качестве непосредственной силы, которая создает право, он рассматривал деятельность государства, через которую и получают выражение факторы правотворчества. Такая деятельность государства, рассматриваемая А. В. Мицкевичем

в качестве материального источника права, детерминирована «материальными условиями жизни классового общества, интересами и идеологией господствующего класса, соотношением классовых сил в данном обществе...» [5, с. 26].

Характеризуя понятие правотворчества, А. В. Мицкевич писал, что это деятельность, «результатом которой является установление в обществе действующего права. Дальнейшее раскрытие понятия правотворчества зависит от того, что понимается в обществе под действующим правом» [5, с. 29]. Таким образом, ученый высказывает ту же позицию, которую ранее обосновал в монографии об актах государства, что вполне логично. Далее он дает определение правотворчества как особой формы или вида деятельности государства, состоящей в установлении, а также изменении и отмене правовых норм.

А. В. Мицкевич полагает, что социальной силой, непосредственно создающей право, выступает государство, поэтому государственную власть можно считать социальным источником формирования права. Содержание правовых норм определяется политикой государства. В то же время «правотворчество — не только содержание, но и организационно-правовая форма деятельности государства» [5, с. 35]. Отсюда вытекает еще одно определение, сформулированное ученым в данной работе: правотворчество «представляет собой официальную организационно оформленную деятельность органов государства, направленную на создание правовых норм» [5, с. 35].

По мнению А. В. Мицкевича, следует ограничивать правотворчество и правосознание. Правосознание — это идеологическая основа правотворчества, но не результат деятельности законодателя, а правотворчество — одна из организационных форм выражения правосознания народа.

Также ученый критикует распространенное в советской юридической литературе понимание правотворчества как деятельности по разработке и изданию нормативных правовых актов. Он отмечает, что в случае принятия такого подхода вне рамок правотворчества окажутся такие его формы, которые не существуют в советском государстве, но развиты в ряде зарубежных стран и имели место в истории, как судебный прецедент и правовой обычай.

Наконец, еще одним важным аспектом стала обоснованная А. В. Мицкевичем взаимосвязь между способами правотворчества и источниками права в юридическом смысле, под которыми

он понимал официальные формы установления и выражения правовых норм. К способам правотворчества, кроме принятых в советском государстве издания законов и подзаконных нормативных актов, он относил также санкционирование обычаев и признание прецедентов, а также заключение договоров с нормативным содержанием. Выделение официально признаваемых форм правотворчества представлялось А. В. Мицкевичу очень важным, так как выступало объективной необходимостью для осуществления правотворческой деятельности и правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, вопросы теории правотворчества занимала важное место в научном творчестве Алексея Валентиновича Мицкевича. Особенности его взглядов на эти вопросы определялись принадлежностью ученого к советской юридической науке, что означало отсутствие выбора применяемой методологии и ориентацию исключительно на марксизм в его советской интерпретации. Следствием стала трактовка правотворчества исключительно как деятельности государства, выражающей его волю. Такая деятельность оказывается социально детерминирована, определяется расстановкой классовых сил в обществе, то есть господствующей моделью производственных отношений.

Вместе с тем А. В. Мицкевич в своих работах не ограничивался только советской моделью правотворчества с присущими ей специфическими чертами. Он призывал учитывать наличие иных форм правотворческой деятельности, в том числе, существовавших исторически, а также принятых в зарубежных странах, включая, например, судебный прецедент.

Конкретный вклад ученого в теорию правотворчества состоит в разработке и обосновании собственного подхода к ее научному определению, к пониманию фактов, детерминирующих правотворческую деятельность, к раскрытию взаимосвязи теории правотворчества и типов понимания права.

Помимо этого, представляет интерес концепция вспомогательных и производных актов, а также разработка критериев и подходов к разграничению нормативных и ненормативных правовых актов. Воззрения ученого по поводу того, что правотворчество предполагает не только принятие, но также отмену или изменение правовых норм, введение их в действие, приостановление или распространение их действия, в современных условиях стала общепринятой.

Дальнейшее изучение вклада А. В. Мицкевича в теорию правотворчества может

способствовать лучшему пониманию данного явления, его места в юридической жизни общества, развитию теории правотворческой деятельности в условиях современных общественных трансформаций, вызванных цифровизацией.

Список источников

1. Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. Москва: Юридическая литература, 1967. 175 с.
2. Мицкевич А. В. Вспомогательные и производные акты правотворчества // Ученые записки ВНИИСЗ. 1966. Вып. 8. С. 27–53.
3. Обсуждение доклада канд. юрид. наук А. В. Мицкевича «Нормативные акты органов советского государства как источники права» // Ученые записки ВНИИСЗ. 1964. Вып. 3 (20). С. 197–200.
4. Пашенцев Д. А. Основные направления развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 31–39.
5. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. Москва: Юрид. лит., 1974. 319 с.
6. Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 148–160.
7. Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 5–13.
8. Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5–12.

References

1. Mickiewicz A. V. Acts of the supreme bodies of the Soviet state. The legal nature of normative acts of the supreme bodies of state power and administration of the USSR. Moscow: Legal literature Publ., 1967. 175 p. (In Russ.)
2. Mickiewicz A. V. Auxiliary and derivative acts of law-making. *Scientific notes of VNIISZ*, 1966. Issue 8. Pp. 27–53. (In Russ.)
3. Discussion of the report of the candidate. Jurid. Sciences A. V. Mitskevich "Normative acts of the organs of the Soviet state as sources of law". *Scientific notes of VNIISZ*, 1964. Issue 3 (20). Pp. 197–200. (In Russ.)
4. Pashentsev D. A. The main directions of legislation development in the context of digitalization and transition to a new technological order. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2021, no. 3, pp 31–39. (In Russ.)

5. Lawmaking in the USSR / ed. by A. V. Mickiewicz. Moscow: Legal lit. Publ., 1974. 319 p. (In Russ.)

6. Putilo N. V., Pashentsev D. A. Questions of the theory of law in the scientific work of A.V. Mickiewicz (to the 100th anniversary of the scientist's birth). *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 6, pp. 148–160. (In Russ.)

7. Khabrieva T. Ya. Modern lawmaking and the tasks of legal science. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 5–13. (In Russ.)

8. Khabrieva T. Ya. Technological imperatives of the modern world and law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.)

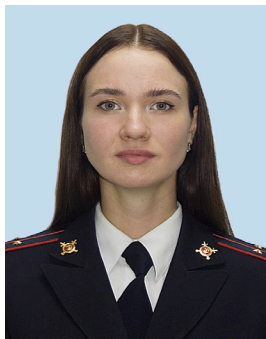
Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-213-218>

Актуальные проблемы правовой регламентации уголовно-процессуальных сроков

Черкасова Анастасия Максимовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Nastye4a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам правового регулирования сроков на основе анализа нормативных положений современного и советского уголовно-процессуального законодательства. Автором выявлена и разрешена внутриотраслевая юридическая коллизия в уголовно-процессуальном законе между статьей 128 УПК РФ, согласно которой сроки, закрепленные в уголовно-процессуальном законе, исчисляются часами, сутками, месяцами, и рядом статей УПК РФ, указывающих на исчисление иными единицами измерения (минутами, днями, годами). Проанализирована правоприменительная практика исчисления уголовно-процессуальных сроков и обнаружены неоднозначные принимаемые решения сотрудниками органов внутренних дел. Раскрываются основные нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, связанные с некорректным исчислением сроков в уголовном судопроизводстве. Такие нарушения приводят к затягиванию уголовного судопроизводства, несоблюдению принципа законности и принципа разумного срока уголовного процесса. В результате высказаны предложения и рекомендации по совершенствованию закона, состоящие в дополнении и изменении норм статьи 128 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный срок, исчисление срока, процессуальные гарантии, права участников уголовного процесса, момент начала срока, момент окончания срока, юридический факт

Для цитирования: Черкасова А. М. Актуальные проблемы правовой регламентации уголовно-процессуальных сроков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 213–218. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-213-218>.

Original article

Actual problems of legal regulation criminal procedure terms

Anastasia M. Cherkasova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Nastye4a@mail.ru

Abstract. The article is devoted to problematic issues of legal regulation of terms based on the analysis of the normative provisions of modern and Soviet criminal procedure legislation. The author has identified and resolved an intra-industry legal conflict in the criminal procedure law between Article 128 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, according to which the terms established in the criminal procedure law are calculated in hours, days, months, and a number of articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, indicating

© Черкасова А. М., 2024

calculation in other units of measurement (minutes, days, years). The law enforcement practice of calculating criminal procedural deadlines was analyzed and ambiguous decisions made by employees of internal affairs bodies were discovered. The main violations of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings related to incorrect calculation of deadlines in criminal proceedings are revealed. Such violations lead to delays in criminal proceedings, non-compliance with the principle of legality and the principle of a reasonable period of criminal proceedings. As a result, proposals and recommendations were made to improve the law, consisting in supplementing and amending article 128 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal procedure term, time calculation, procedural safeguards, rights of participants in criminal proceedings, start time, expiration date, legal fact

For citation: Cherkasova A. M. Actual problems of legal regulation criminal procedure terms. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 213–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-213-218>.

Уголовно-процессуальные сроки — важный и необходимый элемент правового регулирования общественных отношений в уголовном судопроизводстве России. Их установление и строгое соблюдение является неотъемлемыми процессуальными гарантиями реализации прав и свобод личности и обеспечения правосудия.

Верное и точное исчисление уголовно-процессуальных сроков — одна из наиболее актуальных и острых проблем, обсуждаемых процессуалистами. Ученые и правоприменители всегда обращают внимание на моменты начала и окончания процессуального срока, а также на временные пределы реализации процессуального действия или принятия решения, так как несоблюдение и, в частности, затягивание сроков ведет к ограничению прав участников уголовного судопроизводства. Как следствие, к недостижению его назначения (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Исследование советского и действующего уголовно-процессуального законодательства показало, что дефиниция «уголовно-процессуальный срок» не нашло отражения на законодательном уровне. Этот пробел постарались устранить ученые-процессуалисты, в том числе на монографическом уровне. Разработкой определения уголовно-процессуального срока начали заниматься еще в начале прошлого века. Изначально под ним понимали время для проведения процессуальных действий, позже, примерно с 70-х годов XX века, сроки начали определять как особую форму процессуальных гарантий [1, с. 17–18]. В настоящее время в доктрине российского уголовно-процессуального права можно выделить массу определений исследуемой категории и разделить точки зрения по отношению к данному понятию следующим образом:

1) одни исследователи отражают срок как момент времени [2; 3, с. 270];

2) другие указывают на его длительность; временной интервал [4, с. 10; 5, с. 140];

3) третьи утверждают, что срок необходимо рассматривать сразу в двух (вышеуказанных) аспектах [6, с. 8].

Нам импонирует последняя точка зрения. В зависимости от того, какое процессуальное действие необходимо совершить или принять процессуальное решение, законодатель по-разному устанавливает сроки-гарантии: он представлен либо в виде явления статичности (момент времени), либо в виде динамики (продолжительность). К примеру, копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору (ч. 4 ст. 146 УПК РФ) — в данном случае мы видим отражение срока как момента времени; прокурор принимает решение по уголовному делу с обвинительным актом в течение пяти суток (ч. 1 ст. 226 УПК РФ) — законом указан промежуток времени.

В статьях 128–130 УПК РФ законодателем закреплены некоторые виды процессуальных сроков, а также установлен порядок их исчисления, соблюдения, продления, восстановления. Однако установленная данными статьями процедура далека от идеала. Прежде всего, в статье 128 УПК РФ законодателем перечислены не все сроки, которые закреплены в тексте закона. Кроме того, момент начала и окончания исчисления большинства сроков не регламентирован, в связи с чем исследователями и практиками временной период исчисления сроков толкуется неоднозначно. Подобная ситуация приводит к разнородной правоприменительной практике, тем самым ограничивая права, свободы, гарантии участников уголовного судопроизводства.

Традиционно уголовно-процессуальные сроки разделяют в зависимости от способа измерения (исчисления) временного промежутка на сроки-моменты и сроки-периоды [7, с. 50]. Сроки-периоды

устанавливают конкретный интервал времени, в течение которого должно быть принято решение или совершено процессуальное действие. Подобное регулирование предоставляет участникам судопроизводства свободу в выборе момента совершения действия. Различают определенные сроки, которые обозначаются точными единицами измерения и исчисляются:

— минутами (ч. 1 ст. 192 УПК РФ: допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет не может быть более 30 минут без перерыва);

— часами (ч. 1 ст. 92 УПК РФ: протокол задержания должен быть составлен в срок не позднее 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю);

— сутками (ч. 1 ст. 144 УПК РФ: уполномоченное должностное лицо обязано принять решение по сообщению о преступлении не позднее 3 суток со дня его поступления);

— месяцами (ч. 1 ст. 109 УПК РФ: содержание под стражей обвиняемого не может превышать 2 месяца);

— годами (ч. 1 ст. 401⁶ УПК РФ: пересмотр приговора, определения или постановления суда в кассационном порядке по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления указанных решений в законную силу).

Другую группу сроков-периодов составляют отсительно-определенные сроки-гарантии, границы которого определяются совершением какого-либо процессуального действия. Например, гражданский иск можно предъявить в период с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ); обвинение предъявляется лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 172 УПК РФ).

Анализ статьи 128 УПК РФ свидетельствует о наличии юридической коллизии, поскольку в правовой норме указываются «сроки, предусмотренные настоящим Кодексом» [8], однако упоминаются только исчисляемые часами, сутками и месяцами. Возникает вопрос: какие правила должны соблюдаться при исчислении срока минутами, годами? В теории уголовного процесса, как и в правоприменительной практике, наличествуют многообразные мнения по поводу моментов начала и окончания упомянутых сроков, что приводит к разнородному их исчислению.

В УПК РСФСР 1960 года в статье 103 были предусмотрены те же единицы измерения, что и в статье 128 современного уголовно-процессуального закона. При этом согласно положениям УПК РСФСР 1960 года, правило о том, что «не принимается в расчет тот час и те сутки, которыми начинается течение сроков» действовало для исчисления срока часами, сутками и месяцами [9]. Эта же нормативная конструкция «переключалась» в современный УПК РФ (2001), но теперь она предусмотрена только для исчисления срока месяцами (ч. 1 ст. 128 УПК РФ). Оправданно ли законодатель в обозначенном положении закона решил не упоминать единицы измерения, исчисляемые часами и сутками? Возникает вопрос: следует ли принимать в расчет или нет какие-либо единицы измерения при исчислении срока часами или сутками? В данной связи с целью устранения неопределенности в текущем правоприменении предлагаем внести изменения в часть 1 статьи 128 УПК РФ, оговорив, что при исчислении срока сутками не принимаются во внимание тот час, которыми начинается течение срока; при исчислении срока месяцами не принимаются во внимание те сутки, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, специально предусмотренных УПК РФ.

Как правильно исчислять сроки часами? Мнения исследователей по данному вопросу полисемичны. Процессуалисты Б. Т. Безлепкин, Г. И. Загорский предлагают игнорировать включение минут в измерение (исчисление) срока часами [10; 11]. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, А. И. Бастрыкин и А. А. Усачев, оспаривая эту позицию, утверждают, что при исчислении срока часами учитываются как час, так и минуты, в которые произошел значимый юридический факт [12; 13, с. 117]. Последняя точка зрения представляется более точной. Например, исчисляя сроки первым представленным способом, при направлении копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела заявителю и прокурору в определенный час и 20 минут, срок его передачи может составить 24 часа и 40 минут, превысив установленный срок и ограничив конституционные права участников уголовного процесса.

Из материалов опроса 124 сотрудников предварительного расследования и органа дознания органов внутренних дел Нижегородской, Ивановской, Кировской областей, Республики Мордовия, Республики Коми, Пермского края следует, что момент начала исчисления процессуальных действий часами в структурных подразделениях ОВД различается. Интересным является

и тот факт, что в разных районах одного и того же субъекта момент начала исчисления срока часами определяется разными способами. Как следует из представленного ниже рисунка (рис. 1) большая часть опрошенных практических сотрудников при определении момента начала исчисления срока часами учитывают минуты.

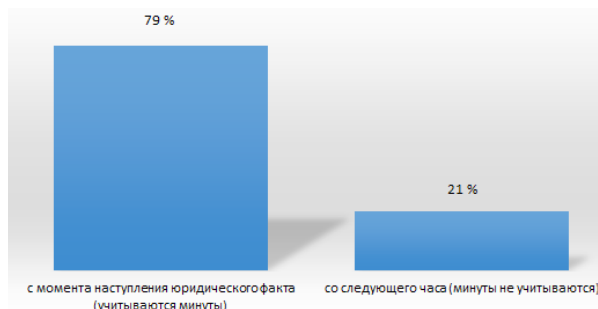

Рис. 1. Момент начала исчисления срока часами

С целью единообразного толкования УПК РФ и применения однородной правоприменительной практики часть 1 статьи 128 УПК РФ предлагаем дополнить нормативным положением, согласно которому при исчислении срока часами необходимо учитывать тот час и те минуты, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ. На целесообразность именно такого порядка, к примеру, указывают протокол допроса, протокол осмотра, протокол задержания, в которых необходимо указывать время с точностью до минуты (п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ).

Сложнее дело обстоит со сроками, исчисляемым сутками: законодатель для них установил момент окончания срока — в 24 часа последних суток. На практике существует проблема в определении момента начала исчисления срока рассматриваемыми единицами. Он начинается исчисляться с момента юридического факта или с нуля часов следующих суток? Мнение практических работников по поводу начала исчисления сроков сутками разнополярно.

Из материалов опроса 124 сотрудников органов предварительного расследования и органа дознания органов внутренних дел Нижегородской, Ивановской, Кировской областей, Республики Мордовия, Республики Коми, Пермского края следует, что одни сотрудники начинают исчислять срок сутками с момента юридического факта, а другие — совершенно иначе: со следующих суток после наступления юридического факта (рис. 2). Отметим, что больше половины опрошенных указали, что при определении момента начала исчисления срока сутками они учитывают часы и минуты.

Исследователь Л. И. Лавдаренко высказал мнение о том, что исчисление срока сутками зависит от того, для кого установлен такой срок: если для представителей государственной власти — то первым днем считать тот, когда произошел юридический факт; если для иных участников в целях защиты собственного или представляемого интереса, то первым днем считать следующий за тем, когда он произошел [6, с. 12–13]. Подобную дифференциацию сроков, на наш взгляд, трудно назвать обоснованной, поскольку срок должен обладать едиными свойствами вне зависимости от принадлежности субъекта процесса к органам государственной власти. Уголовно-процессуальные сроки входят в систему процессуальных гарантий и не должны ограничивать права участников уголовного процесса.

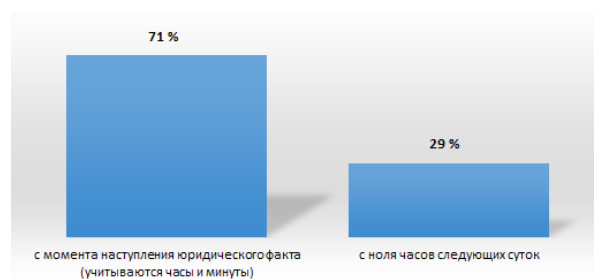

Рис. 2. Момент начала исчисления срока сутками

Кроме того, обозначенному Л. И. Лавдаренко феномену есть подтверждение в правоприменительной практике. Так, принимая решение о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом, правоохранительные органы осуществляют проверку сообщения о преступлении в трехсуточный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), засчитывая в этот период те сутки, когда поступило сообщение. Например, заявление может поступить в ноль часов две минуты или в двадцать три часа пятьдесят восемь минут одних и тех же суток, однако в трехсуточный срок будут засчитывать первые сутки (не важно, в какое время поступило сообщение о преступлении и что разрыв по времени (для реализации целей доследственной проверки) может быть почти в целые сутки). Полагаем, что данный подход во многом является следствием сложившейся традиции в регионах.

Другим примером, подтверждающим различия в подходе к исчислению сроков сутками, выступает 15-суточный срок принесения апелляционной жалобы на решение суда участником, защищающим собственные интересы (ч. 1 ст. 389⁴ УПК РФ), момент исчисления которого начинается с нуля часов следующих суток.

Нам трудно согласиться с подобной практикой, при которой одна и та же единица времени исчисляется неодинаково.

Это не способствует единству правоприменения на всей территории России, не обеспечивает правовой определенности. Мы считаем, что часть 2 статьи 128 УПК РФ необходимо дополнить положением о том, что при исчислении срока сутками необходимо учитывать те сутки и тот час, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ.

В подтверждение сказанному отметим, что законодатель в УПК РФ предусмотрел лексические конструкции, указывающие на то, что сутки необходимо исчислять с наступления юридически значимого факта, указанного в законе. Например, споры о передаче сообщения о преступлении по подследственности в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 145 УПК РФ разрешаются прокурором в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения (ч. 4 ст. 145 УПК РФ); после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с пунктом 3 статьи 149 УПК РФ (ч. 3 ст. 157 УПК РФ).

Проблемы правильного исчисления сроков возникают не только с теми, которые не оговорены подробно статьи 128 УПК РФ, но также существуют разногласия среди процессуалистов в интерпретации по поводу иных сроков, упомянутых в УПК РФ, но не перечисленных в указанной статье УПК РФ.

К такому сроку можно отнести тот, который исчисляется годами. На наш взгляд, исчисление для данного вида срока должно исчисляться по аналогии с месяцами. С целью обеспечения единства правоприменения и правовой определенности и устранения коллизии в практике, необходимо дополнить часть 1 статьи 128 УПК РФ положением, что при исчислении срока годами, срок истекает в соответствующее число соответствующего месяца, а при его отсутствии, в последние сутки этого месяца. При этом не принимать во внимание те сутки, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, специально предусмотренных УПК РФ.

Резюмируя сказанное, отметим, что уголовно-процессуальные сроки являются важной составляющей уголовного процесса, они позволяют обеспечивать процессуальные гарантии в виде защиты прав и свобод граждан, а также осуществления правосудия. В рамках исследования было выяснено, что в статье УПК РФ,

регламентирующей исчисление сроков, перечислены далеко не все уголовно-процессуальные сроки, а также на неудовлетворительном уровне находятся правила их исчисления, что приводит к разнородной правоприменительной практике. Такое положение может привести к нарушению прав и свобод участников уголовного процесса, а вследствие к недостижению назначения уголовного судопроизводства России. С целью недопущения этого необходимо внести соответствующие дополнения и изменения в УПК РФ, которые были предложены нами в рамках настоящего исследования.

Список источников

1. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 175 с.
2. Якупов Р. Х. Уголовно-процессуальные сроки (в досудебных стадиях): учебное пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1979. 119 с.
3. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрист, 2001. 776 с.
4. Жуковский В. М. Проблемы времени и своевременности в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. 18 с.
5. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленингр. юрид. журнал. 2005. № 2 (3). С. 139–145.
6. Лавдаренко Л. И. Сроки в уголовном судопроизводстве: фондовая лекция. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2017. 51 с.
7. Томин В. Т., Якупов Р. Х., Дунин В. А. Процессуальные документы, сроки и процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве: лекция. Омск, 1973.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. 1, ст. 4921.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: ВС РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.
10. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 640 с.
11. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва: Проспект, 2017. 1216 с.

12. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2023).

13. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2017. 415 с.

References

1. Maslov I. V. Actual problems of legal regulation of procedural terms in pre-trial proceedings in criminal cases. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2003. 175 p. (In Russ.)

2. Yakupov R. Kh. Criminal procedural terms (in pre-trial stages): Tutorial. Gor'kiy: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1979. 119 p. (In Russ.)

3. Theory of state and law: lecture course / ed. by N. I. Matuzova and A. V. Malko. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Jurist Publ., 2001. 776 p. (In Russ.)

4. Zhukovsky V. M. Problems of time and timeliness in the Soviet criminal process. Author's abstract dissertation... candidate of legal sciences. Sverdlovsk, 1989. 18 p. (In Russ.)

5. Kalinovsky K. B. Procedural terms in criminal proceedings and their regulation according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Leningrad: Legal journal Publ., 2005, no. 2 (3), pp. 139–145. (In Russ.)

6. Lavdarenko L. I. Deadlines in criminal proceedings: stock lecture. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2017. 51 p. (In Russ.)

7. Tomin V. T., Yakupov R. Kh., Dunin V. A. Procedural documents, terms and procedural costs in criminal proceedings: lecture. Omsk, 1973. (In Russ.)

8. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: federal law of December 18, 2001, no. 174. *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, part 1, art. 4921. (In Russ.)

9. Code of Criminal Procedure of the RSFSR: SS of the RSFSR of October 27, 1960. *Vedomosti SS of the RSFSR*, 1960, no. 40, art. 592. (In Russ.)

10. Bezlepkin B. T. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article by article). 15d ed., rev. and exp. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 640 p. (In Russ.)

11. Zagorsky G. I. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article by article). Moscow: Prospekt Publ., 2017. 1216 p. (In Russ.)

12. Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article by article) / ed. by A. V. Smirnova. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.03.2023). (In Russ.)

13. Criminal procedure: textbook for academic bachelor's degree / ed. by A. I. Bastykin, A. A. Usachev. 3d ed., rev. and exp. Moscow: Yurayt Publ., 2017. 415 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Всемирный день философии

16 ноября 2023 года кафедра философии Нижегородской академии МВД России при поддержке Нижегородского отделения Российского философского общества организовала и провела межвузовский круглый стол, посвященный Всемирному дню философии.

В работе круглого стола приняли участие ученые из Нижнего Новгорода, Москвы, Волгограда, Иркутска, Омска, Орла, Симферополя, представители духовенства, учащиеся Нижегородской академии МВД России.

Научные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии являются традиционными для Нижегородской академии. В 2023 году общей для обсуждения стала тема «Вопросы совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях».

World philosophy day

On November 16, 2023, the Department of Philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, with the support of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Philosophical Society, organized and held an interuniversity round table dedicated to the World Philosophy Day.

The round table was attended by scientists from Nizhny Novgorod, Moscow, Volgograd, Irkutsk, Omsk, Orel, Simferopol, representatives of the clergy, students of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific events dedicated to the World Philosophy Day are traditional for the Nizhny Novgorod Academy. In 2023, the general topic for discussion was “Issues of improving the general humanitarian training of specialists for public service in modern conditions”.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Энциклопедия юриспруденции как базовый элемент общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях

Ранее опубликованные мною работы об инновационном содержании и ценности энциклопедии юриспруденции¹ были подчинены одной главной цели — обоснованию необходимости последовательной трансформации ныне функционирующего во всех юридических вузах России базового учебного курса теории государства и права в фундаментальную дисциплину энциклопедию юриспруденции со значительным увеличением часов на ее преподавание.

Значимым аргументом такой непростой модификации общеправовой подготовки специалистов юридического профиля является то обстоятельство, что многие практики невысоко оцени-

¹ Баранов В. М. Философия права как неотъемлемый элемент энциклопедии права // Философия права как учебная и научная дисциплина: материалы Всероссийской научной конференции 18–29 апреля 1999 года / под ред. проф. П. П. Баранова, В. Ю. Верещагина. Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 93–95; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва: ИД Юриспруденция, 2016. С. 48–72; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13–35; Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. Москва: Юстиция, 2017. С. 544–582.

вают качество преподаваемой ныне теории государства и права. Более того, немало практикующих юристов полагают (конечно, неосновательно), что без этого эклектичного курса вполне можно обойтись. Ситуация усугубляется тем, что в юридической литературе постоянно (с большей или меньшей интенсивностью) выдвигается тезис о кризисе теории государства и права.

Важно доказательно показать — что именно может дать введение энциклопедии права для подготовки специалистов государственной службы.

Во-первых, для специалистов, повседневно занимающихся прикладной юридической деятельностью, особенно ценно обращение к фундаментальным знаниям в этой сфере. Но не всякими и всеми фундаментальными общетеоретическими и философскими знаниями. Энциклопедия юриспруденции призвана предоставить им возможность «отыскать» тот пласт и тот объем абстрактных знаний, которые мировоззренчески и организационно необходимы для выполнения конкретных профессиональных обязанностей. Деталям, частностям, приемам юридической работы по той или иной специальности обучить гораздо легче, чем «внедрить» в их сознание нравственно-философские и общеправовые принципы.

Во-вторых, энциклопедия юриспруденции в качестве обязательных структурных элементов может «включать» в себя философию права, социологию права, психологию права, догму права и юридическую практику. Гибкость предлагаемого учебного курса состоит в том, что в зависимости от специальности объема подачи названных элементов может варьироваться. Какой-то из них может занимать доминирующее средство, а все другие — предстанут в «урезанном», но специализированном виде. Изучение курса энциклопедии права может предать специалистам государственного аппарата уверенность в способности результативно участвовать в нормотворчестве сообразно своей профессиональной компетенции. Подлежит быстрейшему преодолению стойкий консервативный стереотип о том, что сотрудники правоохранительных органов, судьи и иные работники государственной службы должны только применять закон, а не заниматься его совершенствованием.

В-третьих, введение энциклопедии юриспруденции и качественное учебно-методическое обеспечение ее преподавания радикально улучшит **правовую подготовку** специалистов государственной службы. Из этого курса «уйдет» материал теории государства. Естественно, информация о государстве не должна «исчезнуть» — она органично может войти в курс политологии либо конституционного права. Я исхожу из того, что право — самостоятельная **метаструктура**, независимые **метаотношения**, реальное многоуровневое, динамичное **метасостояние**. И глубокое заинтересованное освоение этого мощного регулятивного феномена требует особого внимания, особенных методик и технологий.

В-четвертых, энциклопедия юриспруденции в качестве особой социальной миссии может кардинально богаче представить **психологическую сторону** правовой подготовки специалистов государственной службы. Имеется в виду то, что учебный курс может и должен не ограничиваться только аксиоматичными суждениями о сущности и функциях правосознания, особенностях правовой психологии и идеологии, правовой культуры и правового воспитания. Целесообразно ознакомить будущих государственных служащих с опасностью правовой демагогии, юридического популизма. Эти разновидности профессиональной деформации юристов до сих пор изучены недостаточно и явно недооцениваются вредные последствия их распространения в среде работников государственного аппарата.

И последнее. Постепенное «внедрение» энциклопедии юриспруденции в гуманитарное образовательное пространство России в случае 5–10 летней апробации ее преподавания в университетских центрах страны продемонстрирует опасность резкого разрыва отечественных традиций обучения¹, ценность восстановления преемственности воспитания юридических кадров.

¹ В дореволюционной России функционировало несколько учебных курсов энциклопедии права, которые отражали уровень мировой правовой науки того времени, но в советское время по политическим соображениям они оказались не востребованными. См.: Аренс Г. Юридическая энциклопедия: философия права, философский обзор, история права и история положительного права у народов Востока, греков, римлян, германцев и других европейских народов: пер. с нем. яз. Москва: Тип. Карла Андерса, 1862; Ренненкампф Н. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1868 (по свидетельству Н. Ренненкампфа на с. 5 первым энциклопедией права назвал свое сочинение, вышедшее в 1675 году, Гуний); Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1880; Палиенко Н. И. Предмет и задачи энциклопедии права и идеи права. Вступительная лекция. Ярославль, 1900; Спекторский Е. Задача энциклопедии права. Киев, 1915; Тарановский В. Ф. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.

Остается сожалеть, что никто из историков права «не отследил» такой момент, кто из выдающихся российских государственных деятелей изучал именно энциклопедию юриспруденции и как знания именно этого предмета помогли им достичь юридических высот. Осмелюсь высказать гипотезу — творческое освоение энциклопедии законоведения (права) позволило им внести крупный вклад в государственное устройство и реформирование правовой системы России.

Дахин Андрей Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры истории и теории государства и права
Нижегородского института управления — филиала
РАНХиГС

Система гуманитарной подготовки юриста: Конституция и цивилизационный выбор России

Современная система образования России в 2023 году достигла «возраста Христа», что дает достаточно развернутую основу для осмысления получаемых результатов и уточнения приоритетов перспективных планов. Базовое уточнение связано с необходимостью восстановления государственного суверенитета в образовании, которое является непосредственной производной от общегосударственной тенденции отказа от примата стратегии «догоняющего развития» и возвращения России к стратегии суверенного развития. В основе этой смены приоритетов стратегирования стоит реакция страны на новое состояние глобальной многополярности, которая из состояния мирного сосуществования, установившегося со времен «Хельсингского акта» 1975 года, перешла в состояние конфликтной многополярности, с 2014 года охватившее также и Россию. Ключевое следствие этого состояния многополярности состоит в том, что Россия оказывается в контуре действия недружественных центров глобального влияния, нацеленных на удержании страны в колее прозападного «догоняющего развития» и всестороннего сдерживания процесса восстановления суверенной стратегии развития. Этот поворот отмечен Указом Президента Российской Федерации о традиционных духовно-нравственных ценностях¹. В сферу поворота государственной политики входит и образовательная политика, — поворот, вокруг которого происходит дискуссионный диалог, одним из основных участников которого является российское университетское преподавательское сообщество. Самоопределение университетского сообщества в свете дилеммы «догоняющее развитие — суверенное развитие» применительно к отечественной системе образования является актуальным процессом наших дней, который мотивирует на поиск ресурсов обновления и развития сохраненных отечественных университетских традиций.

Иные уточнения приоритетов современного российского образования вытекают из внутренних проблем и противоречий, которые являются предметом дискуссий и требуют разрешения. Одна из проблемных ситуаций может быть охарактеризована двумя тенденциями: с одной стороны, тенденцией снижения доли гуманитарного образования в системе высшего профессионального образования, выявление признаков «кризиса гуманитарных наук»², с другой стороны, тенденцией утечки инженерных «мозгов» из России³. Перекрестный анализ этих тенденций высвечивает круг вопросов о миссии нашего гуманитарного образования в современном мире, в современной России, в современном образовании: «потребность в новом гуманитарном образовании и воспитании это не прихоть, не каприз, а жесткое требование современной эпохи»⁴.

Эпохальный формат проблемы гуманитарного образования развернул в ряде монографий профессор В. А. Кутырев, который показал, что технократический крен образования отражает веяния глобальной «пост-человеческой» революции начала XXI века, которая нацелена на свержение

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).

² Воробьева О. В. О проблемах и перспективах развития гуманитарных науки гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. № 11. С. 22–33. С. 22.

³ Пипия Л. К., Чистякова В. Е. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России // Инновации. 2020. № 8 (262). С. 17–30.

⁴ Потатуров В. А. Проблемы отечественного гуманитарного образования в условиях глобализации // Современное образование. 2016. № 2. С. 12–24.

человека из общества и которая ставит перед традиционным, природным и культурным человеком дилемму: «или мы останемся, какие есть, или нас не будет»¹. «Парадигмальным становится мировоззрение «пост» и «транс», переступающее через людей, оставляя их за бортом бытия»². Особенность XXI века, таким образом, состоит в том, что здесь решается вопрос о том, какая перспектива человека в горизонте XXII века. С опорой на исследование В. А. Кутырева можно заключить, что эта перспектива включает три платформенные мировоззренческие позиции. Во-первых, это мировоззрение *исторического гуманизма*, которое утверждает идеи неприкосновенной, высшей ценности природного, традиционного, культурно укорененного человека и коренных народов в системе социальных отношений и социального развития. Во-вторых, это мировоззрение *трансгуманизма*, которое утверждает идеи о том, что человек и его телесность — это такое же полезное ископаемое, как нефть, лес, вода и пр., а потому он должен стать предметом индустриальной переработки и источником роста прибылей и капиталов, с которыми и связываются представления о развитии; человек рассматривается как трансформер, который может конфигурироваться и переконфигурироваться методами психотропного и медиатропного конструирования, методами пластической, трансплантационной хирургии, генной инженерии и пр. в интересах общества потребления. В-третьих, это мировоззрение *постгуманизма*, которое продвигает идею о том, что человек является отработавшей ступенью истории, что для будущего прогресса традиционный человек плох во всем: он медленно думает, является носителем бактерий и выбывает из трудового процесса по болезни, он хочет есть, в том числе мясо, а за этим адепты постгуманизма выявили вредоносный «углеродный след», человек рождает своих детей, за чем также выявлен «углеродный след» и т. п. Таким образом, предпринимаются попытки обосновать необходимость снижения численности населения планеты. Продвижение этих идей опирается на постепенно расширяющиеся практики замещения органических систем и органов человека искусственными, а также на практики замещения самого человека на киберсистемы с «искусственным интеллектом» путем внедрения безлюдных технологий в экономике, медицине, спорте, образовании, науке, искусстве, управлении.

Современный многополярный мир находится на развилке трех путей, присутствие на которой предполагает выбор суверенной стратегии, который делают для себя государства, образующие полюса геополитического влияния. По существу речь идет о цивилизационном выборе нашего времени, в центре которого отношение к человеку и к его перспективе в горизонте XXII века. Исторический гуманизм рассматривает человека как высшую ценность общественной жизни и социального развития, рассматривает человека традиционного, природного и культурно-исторического в качестве заповеданного всей предшествующей историей развития общества социального деятеля, который строит систему отношений «человек — мир» на основе гармонии меры человека и мер всех вещей окружающего природного мира. Трансгуманизм рассматривает человека в качестве неотъемлемой части современного общества, но предлагает видеть в нем новое «полезное ископаемое», разработка и переработка которого, как это было с древесиной, углем, нефтью и пр., является новым нескончаемым источником прибылей и богатства национально-транснациональных корпораций. Человека втягивают в коммерческую переработку: сначала через «бодибилдинг» 1970-х годов, затем через пластическую хирургию 1990-х годов, теперь через операции по смене пола в раннем возрасте и т. п. В результате рисуется образ человека, который присутствует в обществе только в качестве «ископаемого» сырья или «расходного» материала, в котором нуждаются корпорации по производству массовых товаров и услуг. Постгуманизм утверждает, что человек изжил себя, на современном этапе прогресса он во всем мешает, тормозит: он медленно думает (кибермашина обыгрывает его в шахматы), он отвлекается на субъективные интересы (у кибермашин нет интересов, они не отвлекаются от работы), человек ест и пьет, что является источником вредоносного «углеродного следа» (кибермашины не требуют пищи) и пр. В результате предлагается считать, что место «старого человека» в новом прогрессивном социуме должен занять постчеловек, кибермашина, которой может быть понадобятся некоторые мозговые субстанции человека (ради производства которых может сохраниться некоторое ограниченное поголовье людей).

Россия как самостождественный центр геополитического влияния так же, как и Запад, находится на этой развилке и делает свой цивилизационный выбор в пользу мировоззрения «историческо-

¹ Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. Санкт-Петербург: Алетей, 2015. 312 с. С. 179.

² Там же. С. 130.

го гуманизма», в свете которого в приоритете перспектива построения социального, светского и антропомерного государства. Нетрудно показать, что враждебно настроенные в отношении России государства Запада движутся в сторону «трансгуманизма» и «постгуманизма». Выбор в этом формате относится к категории цивилизационного выбора России, и такой опыт в истории России имеется. Предшествующими историческими эпизодами такого рода выбора были: приглашение варягов на княжение (862), принятие христианства (988), выбор суверенного развития (1380 — Куликовская битва; 1612 — ополчение Минина и Пожарского), социалистический выбор (1917 — Октябрьская революция) и Великая Отечественная война в 1941–1945 годах. Современная Россия и ее система образования принимает новый вызов очередной исторической развилки, где необходимо сделать выбор.

В свете названной выше развилки отношения к человеку миссии образования может быть осмыслена как в свете идей исторического гуманизма, так и в свете идей транс- и постгуманизма. В этом плане приоритету образованию как системе передачи багажа культурной традиции и культуры, в том числе культуры познавательной деятельности, от поколения к поколению, противостоит система конструирования компетенций-трансформеров с техниками «прокачки скилов» и техниками обработки информации (идеология трансгуманизма). Российскому цивилизационному выбору противостоит также и система замены думающего человека апологетически понимаемым, модным внедрением «искусственного интеллекта» и «безлюдных технологий».

Нетрудно показать, что опции, выбираемые Россией на всех названных развилках, будут устойчивыми, если их ценностные основания будут закреплены в Конституции и структуре идентичности гражданина современной России. Конституция, если мы понимаем ее как фундаментальный элемент государственной идентичности, безусловно, должна отражать в своих понятиях ключевые цивилизационные ценности нашего государства. В этом случае конституционный процесс должен выходить из зоны влияния Венецианской комиссии (консультативный орган по конституционному праву ЕС) входит в зону самotoждественных цивилизационных влияний России. С этого и начинается специфика отечественной гуманитарной подготовки юристов в России. Конституция — не просто юридический документ, но форма бытования цивилизационной основы государства. Особенность этой формы в том, что она дает наименования ключевым государствообразующим ценностям цивилизации в виде конституционных понятий, а также придает им высокий статус общегосударственной нормы прямого действия. Признаками движения в сторону самotoждественного российского выбора являются поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году: поправки о браке (ст. 72, ж. 1), о сохранении памяти (ст. 67.1) и др.

В свете этого подхода по-новому предстоит вникнуть в тему о соотношении гражданской и профессиональной идентичности юриста. Если в первые десятилетия 2000-х годов было принято ценить профессиональные качества юриста (владение юридической техникой, прикладное знание сильных и слабых особенностей законодательства и пр.), а его гражданское самосознание не принималось во внимание, то в настоящее время приходит понимание того, что гражданская идентичность юриста может быть не менее значимой, чем чистый профессионализм. Такая дооценка значимости гражданской идентичности позволяет уточнить ключевую миссию гуманитарного образования — формирование системы идентичности гражданина России.

Структура коллективной идентичности представляет собой многомерное проявление комплекса самotoждественности человека, и компоненты гражданской идентичности образуют особую подсистему. Речь о сложной структуре личностно значимой, массово распространенной и всеохватно действующей в среде государствообразующего сообщества современной России комплекса самotoждественности, включающего в себя: 1) общероссийскую гражданскую идентичность, которая отражает личностно значимую связь гражданина с Россией в целом; 2) этнонациональную идентичность, которая отражает личностно значимую связь гражданина со своей материнской этнонациональной культурной традицией; 3) региональную идентичность, которая отражает личностно значимую связь гражданина со своей малой родиной; 4) мировоззренческую идентичность, которая отражает личностно значимую связь гражданина с отечественными традициями мировоззренческой культуры как религиозной, так и светской; 5) семейную идентичность, которая отражает личностно-значимую связь гражданина со своей семьей, со своей фамилией.

Как предмет работы, предмет целенаправленного формирования, гражданская идентичность представляет собой достаточно новую область гуманитарного образования. Сложность настройки и обновления этого блока современного российского образования состоит в том, что ансамбль

отношений гражданской идентичности лишь частично формируется в стенах образовательных учреждений, а частично — в процессе общественной социализации, в жизни. С другой стороны, сложная структура гражданской идентичности предполагает определенную взаимную координацию между всеми названными выше элементами социальной самоидентичности, а именно такой строй их взаимосвязи, при котором общероссийская гражданская идентичность выступает интегральным элементом всего «ансамбля».

Намеченный поворот внимания в сторону дооценки роли гуманитарного образования в 2023 году отмечен внедрением нового формата отечественной истории, а также появлением дисциплины «Основы российской государственности», которые включены также и в образовательные программы по направлениям юридической подготовки. Опыт концептуально-методологической проработки основ российской государственности в 2022–2023 годы (конференции проекта «ДНК России») показал высокую значимость широкого вовлечения университетского преподавательского сообщества в этот процесс. Дальнейшие шаги обновления системы отечественного гуманитарного образования и обеспечения его связи с профессиональной подготовкой юристов требуют сохранения этого широкого формата межвузовского участия. В частности, перспективной представляется форма межвузовских обменов на базе освоения дисциплины «Основы российской государственности», а также формат специальных межвузовских конференций по вопросам гуманитарной подготовки юристов.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Роль общегуманитарных знаний в формировании профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

В год педагога и наставника проведение круглого стола, посвященного вопросам подготовки кадров для государственной службы, не только символично, но и актуально. На современном этапе серьезно обострились проблемы с комплектованием компетентными специалистами во многих структурах органов государственной власти. В Министерстве внутренних дел Российской Федерации данная проблема признается на самом высоком уровне. Министр Владимир Колокольцев 10 августа 2023 года заявил о существенной нехватке кадров (особенно «на местах»). Ведомство принципиально упростило прием на службу в полицию, что должно дать эффект через некоторое время. Перед системой подготовки кадров для государственной службы стоит сложная задача обеспечения образовательного процесса для воспроизводства специалистов в соответствующих сферах. Одним из центральных вопросов выступает формирование профессиональной готовности выпускников различных форм и уровней подготовки без снижения качества требуемых характеристик.

Феномен качества образования в свое время был детально рассмотрен авторитетным отечественным ученым в области педагогики В. А. Сластениным. Придя к выводу о возможности говорить о качестве «образования результата» и «образования процесса», он акцентировал внимание на характеристиках личности, необходимых для дальнейшей социализации индивида: культуры личности, социально-гражданской зрелости, уровня знаний, умений, творческой способности. Результирующей стороной качества образования выступает «образованность» личности. При этом особое внимание автор уделил не только содержанию образовательного процесса, но и личности педагога¹. Данные принципиальные установки актуальны, на наш взгляд, на современном этапе при решении вопросов организации подготовки кадров для правоохранительной деятельности. Результатом следует рассматривать достаточный уровень сформированности готовности к профессиональной деятельности.

¹ Сластенин В. А. Качество образования как социально-педагогический феномен // Педагогическое образование и наука. 2009. № 1. С. 10.

Обобщение результатов исследований в сфере изучения феномена профессиональной готовности показывает, что существующие в отечественной педагогической мысли модели понимания профессиональной готовности можно сгруппировать в три подхода: функциональный, личностный, личностно-прикладной. Несмотря на отсутствие единства в понимании феномена готовности к профессиональной деятельности, можно обратить внимание на продуктивность комплексного подхода к вопросу. Современные исследователи выделяют три компонента данного феномена: мотивационный, теоретический и практико-ориентированный. Особо выделяется ориентация на готовность к самообучению и самовоспитанию в ходе предстоящей профессиональной деятельности¹. Данная общая логика формирования профессиональной готовности, на наш взгляд, имела место в отечественной высшей школе на протяжении многих поколений. Особенности готовности к осуществлению правоохранительной деятельности современные исследователи обычно усматривают в экстремальности условий осуществления профессиональной деятельности и постоянно растущих требованиях к качеству работы сотрудников ОВД на фоне расширения спектра правоприменительной практики. В этих условиях формирование профессиональной готовности к службе в МВД России представляет собой сложный процесс, включающий в себя психологический, деятельностный, мотивационный и оценочный компоненты². Белорусские коллеги предлагают рассматривать феномен профессиональной готовности сотрудников ОВД как систему компонентов «определяющих социально-личностную готовность (психологическую), отображающих профессиональный опыт (специальную готовность), отражающих готовность психических функций и физических качеств (психофизическую готовность)»³. Как можно заметить, не смотря на определенную дискуссионность, общая направленность мысли в понимании готовности к профессиональной деятельности сохраняется. В центре внимания находится личность как носитель определенных профессионально необходимых качеств.

В комплексе характеристик профессиональной готовности не обнаруживаем социо-культурного компонента. Рискнем предположить, что недостаток внимания к общекультурным составляющим в формировании профессиональной готовности определяется узким пониманием профессионализма. Стремление сосредоточить внимание преимущественно на формировании навыков непосредственной профессиональной деятельности, отодвигает как бы на второй план собственно мировоззренческие установки личности. Даже когда внимание обращено к ценностной или мотивационной составляющей готовности, обычно подразумевается ориентация на выполнение именно профессиональных задач, а не на культурный контекст. При этом им уделяется существенное внимание, если мы обратимся к анализу структуры образовательного процесса на всех уровнях подготовки специалистов для системы государственной службы. Именно общегуманитарным знаниям придается значимая роль в процессе формирования профессиональной готовности выпускников. В современных условиях это особенно актуально.

В текущем учебном году во всех учреждениях высшего образования нашей страны в первом семестре осуществляется преподавание новой учебной дисциплины — «Основы российской государственности». Одновременно увеличено количество времени на изучение истории. Учитывая то обстоятельство, что в программах подготовки, например правоприменителей, блок исторических учебных дисциплин всегда был значительным, в связи с чем можно говорить о существенном возрастании доли общегуманитарного знания. Уместно напомнить о том, что в программах первоначальной подготовки также уделяется место вопросам мировоззренческого характера. Вопрос о достаточности объемов общегуманитарного знания при данном виде подготовки можно оставить открытым, но констатировать наличие внимания к этой сфере можно с полной уверенностью. Следует согласиться с мнением авторитетных современных исследователей, утверждающих, что «юридическое образование — это не нейтральный процесс»⁴. Через юриди-

¹ Сергеева М. Г. Берсенева М. А. Формирование готовности к профессиональной деятельности в период вузовского обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 236–239.

² Гарманова О. В. Формирование готовности к будущей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 346–352. DOI: 10.34670/AR.2023.36.67.045.

³ Каранкевич А. И., Михута И. Ю. Особенности правоохранительной деятельности ОВД и профессиональная готовность сотрудников к ее эффективному выполнению // Академическая мысль. 2017. № 1 (1). С. 89–93.

⁴ Баранов В. М., Клименко А. И. Функциональные характеристики правовой идеологии в фокусе юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 170.

ческое образование происходит трансляция идеологических смыслов в общественное сознание. Образовательная система в целом и система подготовки кадров для государственной службы в особенности не могут рассматриваться в качестве нейтральных по отношению к вопросам идеологии. Утвержденный действующей Конституцией Российской Федерации отказ от официальной идеологии и плюрализм в этой сфере не снимает остроты идеологического противостояния в общественном сознании.

В современных условиях существенно обострилась борьба за умонастроения социально-активной части гражданского общества. Подвергаются активному пересмотру значимые итоги исторического и культурного развития нашей страны. Многолетняя дискуссия о цивилизационном выборе России, как представляется, пришла к завершению. Высказанная еще в 2013 году на высшем политическом уровне мысль о России как о самостоятельной и самобытной цивилизации¹, приобрела окончательные контуры и регулярно транслируется как в научном сообществе, так и на популярном уровне. Данная идеология, чтобы укрепиться в общественном сознании, должна быть не только утверждена, но и обоснована. В данном контексте не следует преуменьшать роль и собственноручно философского обоснования цивилизационного выбора России. Это сопряжено с поиском наиболее продуктивной философской доктрины, которая позволит без существенных противоречий объяснить целостность многонациональной и многоконфессиональной российской общности. В настоящий период востребованной представляется евразийская доктрина. В какой степени она станет транслироваться в область общегуманитарного знания в системе образования, пока в полной мере не ясно.

В условиях принципиальной открытости и доступности информации существенную роль должны играть ценностные ориентиры личности. Для лиц, ориентированных на профессиональную деятельность в сфере правоприменения, адекватная служебной деятельности мировоззренческая ценностная иерархия выступает необходимым условием нормальной профессиональной реализации. Общество, кроме того, существенно заинтересовано в формировании у граждан, находящихся на службе, данных установок. Обращение к общекультурному контексту выступает одной из важных составляющих подготовки будущих специалистов для государственной службы. В случае формирования у выпускников осознанной и обоснованной мотивации на следование социально-значимым ценностям, интересам народа и страны мы получим специалистов действительно готовых к продуктивной профессиональной деятельности. Умение сделать осознанный выбор в пользу приоритетных общественных заданий вырабатывается, в том числе, и с помощью обращения к вопросам общегуманитарного характера. Сама методика преподавания должна быть ориентирована на выработку самостоятельной позиции обучаемого. В этом случае на первое место выходят интерактивные методы обучения, что выступало даже в качестве требования в рамках проведения курсов повышения квалификации для подготовки педагогических работников к преподаванию учебной дисциплины «Основы российской государственности». Такие методы создают дополнительные сложности и задачи для педагогического работника. Требуют существенной подготовки аргументативной базы для обеспечения учебного материала. Огромное значение приобретает личность педагога, его персональная убежденность в тех установках, которые он стремится сформировать у обучающихся. В случае успеха процесс формирования профессиональной готовности сотрудников правоохранительной сферы приобретает заверченный характер. Активные методы формирования профессиональных компетенций, на которых настаивают большинство исследователей процесса подготовки к профессиональной деятельности обучающихся в правоохранительной системе лиц, будут поддерживаться и укрепляться интерактивными методами осмысления вопросов общегуманитарного профиля. Современный выпускник образовательных учреждений системы МВД России по общему мнению должен обладать устойчивой гражданской позицией, быть патриотом своей Родины. Однако считать это аскриптивными качествами было бы, по меньшей мере, наивно. Для актуализации необходимых мировоззренческих установок личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в системе профессиональной подготовки необходимо приложить систематические целенаправленные усилия. Содержательную составляющую для организации данной работы предоставляют общегуманитарные знания.

¹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 12.11.2023).

Бобков Александр Иванович,

кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и социально-гуманитар-
ных дисциплин Восточно-Сибирского института
МВД России

Феномен этнокультурной идентичности в контексте преподавания философии для специалистов государственной службы

Проблема этнокультурной идентичности личности в современной философии является актуальной в нескольких аспектах. Первым аспектом может выступать тот факт, что глобализация все чаще задает некий моноцивилизационный дискурс, предполагающий, что этнокультурная идентичность может носить только объектный, а не субъектный характер. Этнокультурная общность в данном контексте не может быть воспринята в качестве социального субъекта в силу того, что в ее восприятие в качестве субъекта-субстанции может быть воспринято, как проявление ретриатизма ритуального характера. Ретриатизма, ведущего прочь от самостоятельного созерцания философской картины мира личностью специалиста государственной службы. Поэтому объектная сконструированная этнокультурная идентичность здесь как нельзя кстати, поскольку ведет к тому, чтобы найти иные сообщества субъектного характера или вообще не искать этого отождествления. Проще остаться безответственным перед человеком и человечеством, поскольку человек вброшен в бытие самого худшего из миров, если соединить экзистенциализм Ж. П. Сартра и иррациональный пессимизм А. Шопенгауэра. Этнокультурную субъектность как основу этнокультурной идентичности подозревают в том, что она, являясь пережитком традиционного общества, ведет человека на путь нетерпимости инакомыслия. Именно эта нетерпимость и говорит о том, что объектная этнокультурная идентичность более предпочтительна, ибо в ней есть единственный акт ее конструирования, требующий лишь подражания, а не изобретения.

В общем этнокультурная идентичность объектного характера предполагает, что процесс философского мышления вне некоего универсального сценария невозможен и все этнокультурные условности самобытности философской культуры должны быть восприняты, как псевдо философская экзотика. Смысл этой экзотики в том, чтобы обозначить философскую драму познания, как случившуюся и случающуюся в ином месте, а именно на Западе. Ведь никто не должен обозначать центр возникновения философии еще где-то, кроме Запада. Вместе с тем очевидность того, что греки и Запад являются разными философскими культурами замалчивается в угоду парадигме преемственности. Увещевания О. Шпенглера и А. Тойнби никого не вдохновляют.

Экзотика русской философии также полагает, что придет вновь Великий Другой и обеспечит России некий приоритет социального прогресса, который уже один раз был обеспечен философией К. Маркса. Опять философский поиск упирается в подражание, а не в самобытное мышление. Очарование «Я без самости» настолько вводит в алгоритмизированное сознание в состояние философии, как процесса переоткрытия одного и того же, что неудобство этнокультурной идентичности субъектного типа с ее «самостью без Я» становится более очевидной. Таким образом, философия исчезает как «способ жить».

Немаловажным аспектом этнокультурной идентичности в контексте преподавания философии является тот факт, что объективация государственности, столь мощно представленная в науках о ней, добивается того, что никакой субъектности этнокультурного порядка существовать не может. Причиной такого отказа выступает, с одной стороны, влечение наук об обществе к естественнонаучному идеалу, а с другой стороны, влечение чиновничества к тому, чтобы правовые формулы соответствовали формулам естественных наук, то есть не вызывали споров. Номотетика социального здесь требует возвышения алгоритмизированного сознания над духовной самобытностью. Самобытности и полисубъектности в социальном должно быть как можно меньше, меньше в ней должно быть и духовных основ общества. Скажем упорное нежелание рассмотреть российскую государственность как империю религиозного характера во все исторические эпохи и в современности связано с опасением того, что может быть обнаружен иной исторический сценарий развития империй, чем тот, который догматически утвержден в социальных науках. Империи обречены и точка. Эта якобы очевидная истина служит основой для возникновения необходимого для неолиберальной идеологии «восстания меньшинств» на постсоветском пространстве.

Причиной его возникновения выступает то, что любое меньшинство решает проблему идентичности быстро. Быстро на основании того, что любой разговор об этнокультурной идентичности по типу субъектности у русских обозначается как антинаучное мракобесие. Ведь идеальное государство русских самодержавная империя не есть идеал вовсе, а объектное историческое нагромождение «развалившееся само собой».

Именно это «само собой» и отвергает философия. Поиск причинно-следственных связей здесь ведет к различию между имитацией мышления и подлинным мышлением. Нельзя не отметить, что этому различию учит философия. Философия изначально утверждает себя в качестве необходимости подлинного инакомыслия в качестве основы для воспитания подлинных сынов Отечества. Не случайно П. Адо, говоря о Сократе, отметил, что задачей философии является «выяснение, готов ли человек в реальной жизни делать то, что считает справедливым и благим (как надлежит действовать)»¹.

Следующим аспектом осознания феномена этнокультурной идентичности в качестве базового начала преподавания философии для субъектов служащих государству является то, что философия, вызывая экзистенциальный бунт вместе с тем, благодаря ему, подавляет восстание масс и восстание меньшинств, направленных на растворение традиционных и модернистских структур в обществе постмодерна. Философия, утверждая, что социальная ответственность не возможна без этнокультурной идентичности по типу субъектности, одновременно устанавливает и границы самобытности. Приемлемые и неприемлемые. Исторически наличествующие и искусственно воздвигнутые. Сегодня вполне очевиден тот факт, что в условиях прокси-войн именно искусственное наличие самобытности там, где ее нет, и отрицание естественного наличия самобытности там, где она есть, является излюбленной тактикой неолиберальной экспансии Запада. Именно в таких условиях возможна «текущая современность» З. Баумана. Мы уже отмечали тот факт, что «современная постмодернистская текущая власть, стремящаяся к ускользанию, все больше будет рассматривать правоохранительную деятельность не как социальное действие, влекущее запреты на избежание социальной ответственности за дезинтеграцию социальной системы в целом, а как защиту собственной безответственности»².

Конечно, сторонники наукообразного объектного социально-гуманитарного познания или социологического номинализма будут возражать против этнокультурной идентичности субъектного свойства в силу того, что, чем больше коллективных понятий введено в социальную реальность, тем больше она становится искаженной, ошибочной и подавляющей личностное действие. Однако нельзя не понять также того, что без воображаемых коллективных субъектностей степень растворения устойчивых социальных структур и лежащих в их основании социальных закономерностей будет возрастать колоссально. Кризис идентичностей в данном контексте будет все больше и больше разрешаться в сторону смертоносных вариантов. Однако смертоносность будет происходить здесь не от этнокультурных субъектностей, а от тотальной зависимости, от индивидуальной вседозволенности, как якобы способной привести к социальной реальности не принуждающего типа. Реальности в рамках коей алгоритмизированные действия социального меньшинства будут восприниматься в качестве разумных, а иррациональный бунт воображаемых сообществ, как возрождение уже не нужных никому структур.

Перед философией в данном контексте стоят две задачи. Первая заключается в том, чтобы помочь государственному служащему разглядеть сущность элиты «индивидуализированного общества» как своего друга-врага. Он должен философски уметь определить сущность неокочевнической элиты как воплощения идеи отмирания государства. Государства-империи, как в России, или государства-нации, как в Европе. Именно взятие на себя ответственности за государство-нацию в контексте этнокультурной субъектности является философским опытом и основой нормальной философской культуры.

Вторая задача заключается в том, чтобы, наконец, понять тот факт, что целью философии выступает воспитание мыслительной культуры интегрированной индивидуальности. Не просто приспособленца к структуре государственных институтов, а их создателя и продолжателя. Творца государства-нации или государства-империи.

¹ Адо П. Что такое античная философия? / перевод с фр. яз. В. П. Гайдамака. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 1999. С. 51.

² Бобков А. И., Бобков А. А. Правоохранительная деятельность в условиях текущей современности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXV международной научно-практической конференции, Иркутск, 5 июня 2020 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 365.

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

О различении социального и гуманитарного в структуре научно-образовательных дисциплин

Знание социальное и гуманитарное нередко рассматривают заведомо прочно связанным, симболизируя ситуацию дефисным написанием соответствующего термина. И в целом ряде контекстов — прежде всего в контексте отграничения социально-гуманитарного знания от естественно-научного, логико-математического и технического — привычный «стыковочный» подход оправдан. Но, как выясняется, отнюдь не всегда...

Обратим внимание на асимметрию интересующих нас компонент, на то, что «социальное» ставится обычно впереди «гуманитарного». Подобное словоупотребление не случайно. Гуманитарное знание есть вместе с тем знание социальное — обратное же неверно: не всякое социальное знание является гуманитарным. Объяснение в самом сжатом виде таково: человек есть в той или иной степени существо социальное — но не всякая социальность присуща именно человеческому роду (элементы ее обнаруживаются и у животных); что до мира людей, то социальность там бывает и бесчеловечной — когда из противоречивой композиции присущих людям качеств тенденциозно отбирает и поощряет качества негативные.

Гуманитаристика изучает человека в аспекте его социально-культурной жизнедеятельности. Изучает с вниманием к любым, даже мельчайшим, проявлениям человечности. В первую очередь, гуманитаристику волнует уникальное, и только потом станет ли уникальное типическим, поэтому для нее критерий общезначимости, без которого ни одной науке вроде бы не обойтись, не выступает в статусе необходимого. Каждая гуманитарная дисциплина непосредственно или опосредованно связана с художественным творчеством, с шедеврами культуры: литературными, живописными, зодческими, музыкальными. Великим произведение делается не из-за общего признания и не из-за вердикта экспертов — величием его наполняет гений мастера. Общество лишь набивает или сбивает цену произведения, спекулируя именем его создателя на волне модного потребления.

По традиции, берущей начало с эпохи Возрождения, гуманитаристика тесно связана с гуманизмом — с установкой на уважительное отношение к человеческому индивидууму как уникальной личности. Несмотря на излишнее, быть может, приукрашивание человека, стратегия гуманизма в целом верна. И сегодня, когда она подвергается нападкам со стороны фидеизма (что привычно) и трансгуманизма — научно-технического фанатизма (что ожидаемо), от гуманитариев, если для них достоинство человека непустые слова, требуются активные оборонительные усилия. Ни раб Бога, ни крепостной Цифры — таков Человек со всеми его противоречиями и метаниями, падениями и взлетами. Не всегда он заслуживает и уважения. Здесь на выручку гуманности приходит человечность: не уважая — простить, не уважая — любить; или всем сердцем ненавидеть, до конца своих дней презирать; даже одновременно сопрягать эти максимумы и минимумы, обуздывая в себе негатив собственными, не извне инспирированными стараниями. Не превращаться в марионетку, какими бы соблазнительными марионеточные перспективы ни казались, в какую бы красочную обертку ни упаковывались.

От представителей социального знания поддержки тут можно и не дожидаться. Обществоведы озадачены типическими формами коллективного (группового) поведения людей причем даже тогда, когда речь идет о формах девиантного поведения. Интерсубъективная общезначимость подразумевается здесь необходимой (хотя споры о масштабе интерсубъективности — все ли это человечество или какой-то его фрагмент — могут продолжаться сколь угодно долго). Более того, обществоведение вслед за «точными» науками, по отношению к которым испытывает нечто похожее на чувство неполноценности, устремляет свои взоры к горизонту объективности. Любопытны в этой связи название и содержание книги В. Н. Ильина «Негуманитарная социология»¹.

¹ См.: Ильин В. Н. Негуманитарная социология: Новый взгляд на обществоведение. Москва: УРСС, 2003. 302 с.

Теперь несколько штрихов к характеру конкретных дисциплин, заполняющих область гуманитарного и социального знания. Философия, она вне конкуренции, выступает ее ядром и основанием — как, впрочем, и основанием любого иного теоретизирования. При рассмотрении интересующего нас вопроса о демаркации социального и гуманитарного, как и при обсуждении других теоретических проблем, философия, уходя одновременно от наива однозначности и плюральности, развертывает перед нами несколько возможных стратегий, предоставляя человеку право утвердиться в одной из них. Автор настоящего текста склоняется к стратегии, опирающейся на традиции экзистенциальной философии. Отсюда априорные симпатии к гуманитаристике и, напротив, критический настрой по адресу общественных наук.

Аутентично гуманитарная дисциплина — словесность. Аутентично социальная дисциплина — социология. Между ними располагается история. Тяготея к жанру жизнеописания, история дрейфует к словесности; тяготея к статистическим выкладкам и демонстрациям тенденций, характерных для прошлого, она дрейфует к социологии. Не исключен также вариант выпадения истории из реестра научных дисциплин и скатывания ее к конструктам идеологического порядка. Прорехи текущего времени латать мемориально реконструируемым и мифологизируемым прошлым — прием давно известный.

Юриспруденцию, если не забыть и о ней, следует отнести к дисциплинам социально-техническим (римское право одного уровня продвинуто с построенными римлянами мостами и акведуками). Она, ничуть не смущаясь, может рефлексировать, скажем, над правилами дорожного движения для беспилотных авто в городе, в котором не осталось ни одного жителя. У юриспруденции перспективное будущее: по мере того, как человек трансформируется из существа социального в существо социотехническое, она будет «подминать» под себя социологию и все обществознание в целом.

Вернемся к словесности. В средней школе она включает в себя русский язык и литературу плюс иностранные языки. В высшей школе в качестве дополнения к ним напрашиваются поэтика и риторика. Умно преподаваемая словесность способна не только оказать поддержку в формировании личности, но и внести реальный, не иллюзорный вклад в единение народа. История (в смысле историографии) по причине своей чрезмерной политизированности тут не так хороша: каждая смена власти означает, по сути, концептуальную перелицовку прошлого. Сегодня, к примеру, три поколения, составляющие основу населения нашей страны, учились и учатся по идейно направленным учебникам истории: старшее поколение — по марксистским, среднее — по либеральным, младшее — по умеренно-консервативным. Историографическая конъюнктура сплоченности обществу не добавляет. Совсем иная ситуация с литературой. И не потому, что она потчует нас вымыслом (художественный вымысел честнее историографических домыслов), а потому, что предельно глубоко проникает в мир человеческих переживаний.

Гуманитаристика, прежде всего словесность, различает сущее и бытие и нацелена не только или даже не столько на истину сущего, сколько на истину бытия. В социальном знании различение сущего и бытия скрадывается, сохраняется лишь градация сущего на пласт явлений (феноменов) и пласт сущностей (ноуменов). Причем эти пласты, как правило, оторваны друг от друга: феноменальный не выходит за границы мира мнений, ноуменальный — за границы абстракций, «несущественных сущностей» (в лексике М. Хайдеггера). Бросается в глаза, к примеру, предметный раскол между эмпирической (прикладной) и теоретической социологией. Истина, которая фигурирует в социальных науках, это истина отношений, конвенций и норм. Дорасти до чего-то более основательного, шансов у нее нет. Истина гуманитарного знания иного порядка. Даже когда она остается истиной отношений, это отношение (адекватное, разумеется) между мыслимым образом и не только тем, что есть (что наличествует здесь и сейчас), но и тем, что и как должно быть (согласно конкретному идеалу). Более того, гуманитарная истина стремится преодолеть ограниченность и неизбывную относительность реляционной истины (как отношения между чем-то и чем-то), взбираясь к истине субстанциональной (пребывающей вне каких бы то ни было отношений, кроме, быть может, отношений к самой себе), не теряющей надежды на обретение абсолютного (не нормативно лишь абсолютного) статуса.

Смягчая жесткую онтолого-онтическую хайдеггеровскую демаркацию («бытие не есть сущее») до утверждения «бытие есть неординарное сущее» (есть предельно ценное его состояние или/и столь же ценный его пространственно-временной фрагмент), соглашусь с немецким философом в том, что бытие даруемо (судьбой, обстоятельствами, случаем) — и потому по-

этично¹. Дар — антипод купли-продажи, любого прочего расчета и компромисса. Дар не отношение — дар объятие. Истина бытия полна и бескомпромиссна. Гуманитарное знание вплотную приближается к ней. Поэзия и философия эту истину обнимают. И воспитывают человека ненавязчиво, без штурмовщины, подвигая его к глубокомыслию.

Ивашевский Станислав Леонидович,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Гуманитаризация как гуманизация образования: контекст педагогического труда

Проблема совершенствования образования объективно является одной из постоянных в научных исследованиях различного профиля. Динамика общественных и природных изменений требует адекватной реакции образовательной среды. Научно-технический прогресс, с акцентом на «технический», с XX века вызвал к жизни дискуссию о соотношении технического и человеческого в культуре. Расширение технологизации жизни современного общества и его образовательных моделей со всеми преимуществами и недостатками этого процесса² потребовало обращения к вопросу о необходимости усиления гуманитарной составляющей процесса подготовки профессионалов различной направленности. Теория и практика становления технокультуры демонстрируют не только внешние проявления ее результатов в виде постоянно появляющихся новых технических средств и их встраивания в естество человеческой жизни, но и не сразу распознаваемые, связанные с изменениями в самом человеке, с технократизмом его мышления, отрицающим традиционные ценности, нравственность, честь, совесть, стыд, достоинство.

Также и сущность технологизации образования заключается не в насыщении учебных заведений вспомогательными техническими средствами, а в превращении творческого процесса становления личности в технологию с жесткими стандартами ее выполнения. Такая технология нивелирует личность как педагога, так и учащегося. Один становится бездушным исполнителем шаблонов передачи и проверки учебного материала, другой — помещаемой в шаблон «массой». Для того, чтобы все-таки образование формировало личность, а не массу необходимо в любых условиях и при любых изменениях в жизни общества сохранять гуманистическую направленность образования, в которой гуманитаризация занимает важнейшее место, наполняя гуманистическим смыслом учебные и воспитательные аспекты образования, насыщая их духовно-нравственными ценностями и идеалами национальной культуры.

В современных условиях гуманитаризация образования приобретает особое значение, обусловленное масштабным кризисом человеческой культуры, утратившей четкие основания своего миропонимания, включая то, что необходимо для сохранения человеческого в человеке, что обеспечивало бы само выживание человечества.

Гуманитаризация образования чаще всего воспринимается как процесс дополнения образовательных программ гуманитарными дисциплинами. Действительно, гуманитарные науки, как науки о «человеческом духе», позволяют раскрывать уникальность и неповторимость человеческой жизни, формировать свое «Я», личность, направляя ее развитие на высокие гуманистические идеалы. Но не только насыщение образования гуманитарными учебными дисциплинами, тем более это всегда имеет свои жесткие границы, обусловленные направленностью профессиональной подготовки, отражает характер гуманитаризации образования. Как писал А. А. Касьян, подлинная гуманитаризация — это стремление найти в гуманитарном знании то, что представляет ценность для каждой отдельно взятой профессии, «выявить личностный смысл профессионально-специализированной деятельности с помощью гуманитарных знаний»³.

Гуманитаризация образования — это, несомненно, увеличение гуманитарной составляющей в образовательном процессе. И это не за счет увеличения количества часов на изучение гуманитар-

¹ Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // О поэтах и поэзии / пер. с нем. Н. Ф. Болдырева. Москва: Водолей, 2017. С. 5–24.

² См.: Ивашевский С. Л. Цифровизация гуманитарного знания: содержание, проблемы, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 223–226.

³ Касьян А. А. Контекст образования: наука и мировоззрение. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. С. 146.

ных наук (хотя и это тоже), а за счет наделения гуманитарными смыслами всех образовательных программ. То есть наделение учебного материала личностным и социальным значением, обусловленным его местом и ролью в историческом процессе, в жизни родной страны, в национальной культуре. В таком варианте гуманитаризация нацелена, прежде всего, на учащихся. Но это лишь одна ее сторона. Второй — является гуманитаризация самого педагогического труда, как неотъемлемого и определяющего весь процесс образования.

Гуманитаризация педагогического труда — наделение его посредством основательной гуманитарной подготовки педагогов и управленцев гуманитарными смыслами: местом и ролью в истории, культуре, социальной значимостью всего, что предполагается педагогическим трудом. А предполагается очень внушительное многообразие видов деятельности, зачастую сущностно не связанных с преподаванием¹.

И если ценность и социальная роль передачи знаний, воспитания молодого поколения не требует дополнительных обоснований, будучи признанными в личном опыте практически каждого, возвышая и одухотворяя величайшую из человеческих профессий, то как с гуманитарных позиций обосновать «бумажную» и сегодня еще и «электронную» рутину, что составляет минимум 1/3 часть вменяемого (трудно назвать педагогического) труда вузовского работника.

Каково, к примеру, личностное и общественное значение замены термина «лекция» на «занятие лекционного типа»? Какова роль в истории и культуре подобного нововведения, требующего, кроме всего, и серьезных временных, и психологических усилий педагога по производству очередного вала бумажной и электронной продукции, подавляющего личность и принижающего величие сущности педагогического труда? Каков культурный смысл схематизации духовного единения учителя и ученика в формат матриц, компетенций, индикаторов? Все это похоже на программирование образовательного процесса, где педагог выступает в роли «раба матрицы», власть которой всемогуща и беспощадна. Бесспорна полезность установления норм и правил, определения профессиональных понятий и методических приемов, облечение их в соответствующие формы, но только все это должно иметь свое гуманитарное обоснование, реальную ценность для развития человека, общества, культуры.

По всем направлениям деятельности педагогического работника исследователи отмечают сегодня их дегуманизацию. Занятость преподавателей меняется в сторону перегрузки учебной и, особенно, аудиторной нагрузкой. Вследствие этого, как отмечает авторский коллектив монографии, посвященной преподавательскому труду: «преподаватель из создателя и интерпретатора знаний превращается в их простого ретранслятора, в своего рода «обучающую машину», то есть механически пересказывает содержание учебников и других учебно-методических пособий»².

Научная деятельность, в которой, казалось бы, очевиден гуманитарный смысл — рождение нового знания, личностный и социальный прогресс, практическая полезность для людей и т. д., при воспроизводстве приоритетов технокультуры также отчуждается от человека. Научная деятельность должна быть насыщена важными для творца смыслами. Техноцентризм в образовании превращает науку в механизм по производству соответствующего вида продукции, где господствуют шаблоны и количественные нормативы. В итоге, мы видим сегодня производство статьи ради статьи, конференции ради конференции, чтоб соответствовать заданному стандарту, поклониться цифре. Гуманитаризация научной деятельности предполагает нахождение человеком себя, преодоление и личностный рост через глубину осознания проблемы, готовность лично быть сопричастным к ее решению, душевные переживания и работу заинтересованного интеллекта. Технократизм живет по своему принципу — надо «написать» ради написать, уложиться в надуманные нормативы.

Вероятно, в том числе и сложившаяся дегуманизированная практика организации преподавательского труда приводит к тому, что, как утверждают социологи, 62 % преподавателей считают, что трансформация высшего образования приводит к серьезным проблемам в их профессиональной деятельности, ухудшая качество вузовского образования, а 31 % считают выбранные пути реализации происходящих изменений не соответствующими реалиям российской системы образования.

¹ Ивашевский С. Л. Профессиональная идентичность ученого в органах внутренних дел России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 93–96.

² Преподавательский труд в современной России: трансформация содержания и оценки: монография / А. П. Багирова [и др.]; под общ. ред. проф. А. П. Багировой; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 24–26.

При этом формальное принятие изменений, ведущее к скрытому воспроизводству прежних стереотипов работы становится наиболее распространенной моделью поведения преподавателей¹.

Выход из проблемы подобного профессионального отчуждения, как представляется, заключается не столько в снижении объемов работы преподавателей, в конце концов каждый избравший педагогическую профессию должен понимать и принимать неизбежность тяжелого труда, но в уменьшении объемов работы не имеющей гуманитарного смысла. Мы убеждены, что пришло время перестройки всей образовательной сферы в направлении наделения смыслами педагогического труда через расширение действия гуманитарного знания, формирование гуманитарной педагогической культуры. Смыслами не искусственно выдуманными, не обосновываемыми ссылками на позицию «уважаемых специалистов», но вызванными действительностью и осознанными потребностями образовательного процесса и высокими гуманистическими идеалами педагогического труда.

Супрунов Александр Германович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры ПОиМБ ИДО Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова, доцент кафедры КиАП Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Роль и место института наставничества в системе подготовки молодого специалиста территориального органа МВД России

Подходит к своему завершению 2023 год, объявленный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным «Годом педагога и наставника». В своих выступлениях Глава государства неоднократно указывал на чрезвычайную важность и значимость для подготовки по-настоящему качественного и эффективного специалиста в той или иной сфере деятельности, способного в полной мере реализовывать полномочия и профессиональные компетенции по занимаемой должности, усилий педагогических работников, «вооружающих» обучающегося необходимым объемом знаний, умений и профессиональных навыков по будущей профессии². Не менее значима для формирования профессионально грамотного «специалиста своего дела» — выпускника той или иной образовательной организации, реализующей образовательные программы профессионального образования различного уровня, личность наставника. По мнению Президента Российской Федерации, существующие многие десятилетия и перманентно развивающиеся в России традиции и опыт наставничества в настоящее время востребован как никогда ранее. Именно непосредственный прямой личностно ориентированный контакт «мастера-наставника» и его подшефного дает возможность молодому специалисту в максимально ускоренном режиме, в реальной обстановке профессионально-деятельностной активности передавать не только и не столько багаж знаний, сколько навыков и умений их использования в практической плоскости, равно как и в условиях профессиональной синергии добиваться лучших, ранее не достигаемых результатов³. Несмотря на это, как отметил В. В. Путин в своем перечне поручений Правительству России, в законодатель-

¹ Шманцарь М. В. Профессиональные риски преподавателей вузов в условиях трансформации российского образования: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2019. С. 8.

² См.: Послание Президента Российской Федерации от 21 февраля 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 25.11.2023).

³ Открытие Года педагога и наставника. На встрече с участниками пилотной образовательной программы «Школа наставника», прошедшей в режиме видеоконференции, Владимир Путин дал старт Году педагога и наставника в России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/70627> (дата обращения: 25.11.2023).

ном массиве нашей страны до сих пор отсутствует сама законодательная дефиниция «наставник», равно как и не определен правовой статус мастера-наставника, не сформированы типовые программы наставничества¹.

После того, как в начале 90-х годов прошлого века практически «канула в Лету» стройная система распределения выпускников профессиональных образовательных организаций, их выпускники, с одной стороны, потенциальные работодатели, с другой стороны, столкнулись с не решенной, более того, отметим, и сейчас относительно мало решаемой проблемой: неполной способностью молодого дипломированного специалиста не только и не столько заполнить единицу в штатном расписании организации, предприятия, учреждения и пр., но непосредственно, практически без продолжительного по времени периода «вхождения в должность» приступить к непосредственному и полнообъемному исполнению профессиональных обязанностей. Именно на этой начальной стадии трудовой/служебной деятельности вновь назначенного на должность сотрудника и должны быть сосредоточены усилия того специалиста, который назначается распорядительным актом руководителя организации/учреждения в качестве наставника молодого специалиста. От того, насколько ответственно и качественно наставник подойдет к исполнению возложенных на него фактически общественных обязанностей, зависят те качество и скорость, с которой молодой специалист приступит к самостоятельному и полноценному исполнению обязанностей по занимаемой должности.

Считаем важным постановку вопроса о необходимости включения раздела о воспитательном воздействии в план работы наставника с молодым специалистом. Входя в новый для него коллектив, воспринимая его устои, традиции, стили и методы межличностного общения как в вертикальном, так и горизонтальном плане молодой специалист должен получать их не случайным и не системным образом, но в соответствии с определенной, утвержденной руководителем организации последовательностью и от того сотрудника/работника, который, по мнению руководителя, может наилучшим образом оказать как обучающее, так и воспитательное воздействие. В связи с этим обстоятельством, мы считаем необходимым указать на чрезвычайно значимое обстоятельство, подлежащее обязательному учету руководителем организации при решении вопроса о кандидатуре потенциального наставника — его «полифункциональность». Она заключается в том, что, помимо полной личной сформированности у кандидата в наставники профессиональных компетенций по занимаемой должности, он должен демонстрировать высокие результаты обладания как общекультурными, так и профессиональными компетенциями. Иными словами наставник не только сам должен быть преуспевающим специалистом в своей сфере профессиональной деятельности, но и обладать высоким уровнем сформированности навыков передачи своих умений и навыков подшефному молодому специалисту, совмещая данный процесс с умелым ведением воспитательной работы. Специалист-профессионал, не обладающий высокоразвитыми навыками межличностного общения, малоспособный либо вовсе не способный поделиться своими умениями и навыками с начинающим специалистом, равно как и не обладающий умениями в сфере воспитания, может не только ничему не научить вновь назначенного сотрудника, но, что гораздо более опасно, отвратить начинающего сотрудника от намерения качественно и эффективно скорейшим образом «влиться в коллектив». Его предположение о том, что, если один из лучших членов коллектива — его наставник, назначенный руководителем, не способен обучить особенностям профессии, то что хорошего можно ждать от «ординарных» сотрудников, вполне, на наш взгляд, обоснованно.

В таком «разрезе» мы считаем необходимым поднять вопрос о возможных рычагах заинтересовывания высококлассного специалиста в добросовестном и полнообъемном исполнении общественных обязанностей наставника. Оставляя за рамками нашего краткого исследования проблем наставничества вопросы морального и материального стимулирования труда специалиста-наставника, мы считаем необходимым затронуть профессиональный аспект проблемы, совместив его с личной заинтересованностью как прямого, так и косвенного характера кандидата в наставники.

Отечественный Основной закон возлагает на государство в лице его властных институтов обязанность гарантирования и соответствующего обеспечения и защиты основных прав и свобод физических лиц на всей территории страны и входящих в ее состав субъектов Российской Федерации. Одним из важнейших элементов системы государственных правоохранительных органов, сотруд-

¹ Путин поручил законодательно определить понятие наставничества. URL: <https://ria.ru/20230726/poruchenie-1886425653.html?ysclid=lpznaeidjh788555927> (дата обращения: 25.11.2023).

никами и работниками которого обеспечивается реализация указанной конституционной гарантии выступает Министерство внутренних дел России и подчиненная ему система территориальных органов МВД России. Личный состав служб, аппаратов и подразделений органов внутренних дел вообще, и полиции в частности, обязан в круглосуточном ежедневном режиме быть готовым прийти на помощь всем, кто нуждается в их защите от противоправных, преступных и иных опасных для жизни, здоровья и собственности посягательств и угроз как социально-криминального, так и техногенного характера.

Закончивший свое профессиональное образование в соответствующей образовательной организации системы МВД России того или иного уровня профессионального образования, сотрудник ОВД, в отличие от гражданского выпускника, никогда не испытывает необходимости поиска места приложения своих профессиональных компетенций. Служебное место у него либо уже есть (при освоении им основной программы профессионального образования), либо он направляется в свой «комплектуемый орган» системы территориальных органов МВД России для назначения на должность в соответствии с полученным образованием, специальностью, специализацией (профилем подготовки). В соответствии с требованиями ведомственного нормативного правового акта МВД РФ, регламентирующего комплекс вопросов, связанных с прохождением гражданами Российской Федерации службы в органах внутренних дел¹, в приказе руководителя органа внутренних дел, обладающего правомочиями принятия решения о назначении соответствующего сотрудника на должность, в обязательном порядке указывается информация о сотруднике ОВД, назначаемом наставником молодого специалиста. После вступления указанного приказа в юридическую силу, представления вновь назначенного сотрудника коллективу и наставнику, последним в кратчайшие сроки составляется и представляется на утверждение заместителю начальника ОВД по работе с личным составом соответствующий план наставничества. Как мы уже писали, обязательным элементом данного плана, подлежащим безусловному исполнению в полном объеме, выступает воспитательный блок работы наставника с подшефным.

В завершении нашего краткого исследования мы считаем необходимым указать на то, что роль института наставничества в системе подготовки молодого специалиста территориального ОВД трудно переоценить. От наставника во многом зависит не только скорейшее формирование профессионализма вновь назначенного сотрудника, но воспитания в нем гордости за профессию, любви к Родине, осознанных патриотических чувств. В этой связи нельзя не согласиться с мнением, высказанным И. А. Треушниковым, о том, что в реалиях сегодняшнего дня от системы подготовки молодых сотрудников органов внутренних дел требуется не только и не столько становление полицейского как юриста-профессионала, но, прежде всего, юриста-гражданина².

Парилов Олег Викторович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Указ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»: смена образовательного вектора?

Сложившиеся в России социально-политические условия неизбежно приведут к кардинальным изменениям в образовательной политике. Сегодняшняя ситуация диктует новые правила игры. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года западные государства отнесены к классу «недружественных»³ (по духу документа констатируется состояние прокси-войны России с коллективным Западом). Сегодня мы избавляемся от иллюзии, будто Россия — это часть евро-

¹ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 года № 50. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2018).

² Треушников И. А. Роль общегуманитарных исследований в совершенствовании методического обеспечения подготовки специалистов органов внутренних дел в Нижегородской академии МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 367.

³ Концепции внешней политики Российской Федерации, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Б. изд., 2023. С. 111.

пейско-американской семьи. Ушла в прошлое (думается, безвозвратно) нереализуемая установка построения единого мира от Лиссабона до Владивостока. Россия в настоящее время определяется в качестве одного из мощных центров многополярного мира, у которого свой путь в истории.

Как логическое продолжение этих событий в 2023 году было заявлено об отказе от Болонской системы. Идея выхода России прозвучала из уст Президента Российской Федерации в послании Федеральному Собранию (февраль 2023 года). Консервативный в хорошем смысле этого слова подход к дальнейшему развитию высшего образования, обозначенный главой государства в послании, заслуживает одобрения. Предполагается сочетание всего лучшего, что было в советском образовании, с опытом последних десятилетий, и в этом смысле данный подход есть золотая середина между модернизмом, радикально отказывающимся от своего прошлого (характерно для российской образовательной системы последних 30 лет), и крайним традиционализмом, отрицающим все новое, передовое, стремящимся реанимировать и законсервировать «наилучший» опыт прошлого.

После трех месяцев активных обсуждений Президент 12 мая подписал Указ, обозначенный в заголовке этой статьи¹. В нем нашел отражение первый этап модернизации высшей школы, в плане отказа от болонского пути и развития национального высшего образования.

Каково будущее российской высшей школы, исходя из Указа? Первое, на что обращаешь внимание, процесс модернизации предполагается постепенный и неспешный, на начальном этапе — в качестве пилотного проекта, который будет реализовываться на базе всего лишь 6 федеральных государственных университетов «в 2023/2024 и 2025/2026 учебных годах»² (не понятно, куда делся 2024/2025 учебный год?). Из содержания Указа явствует, что пока реформа высшей школы сводится лишь к «изменению уровней профессионального образования»³. Определяются: базовое высшее, специализированное высшее, аспирантура. При этом специализированный уровень предполагает реализацию программ «магистратуры, ординатуры, ассистентуры-стажировки»⁴. Неясно, в чем принципиальные отличия вновь вводимой национальной трехуровневой градации от аналогичной, присущей Болонской системе? Ответа документ не дает. Но даже и вузам, вовлеченным в пилотный проект, предоставлено право совмещать вводимую градацию со старой, болонской. Есть опасение, что даже и в этой части (определения уровней образования) реформа сведется лишь к переименованию уровней.

Трехуровневая система образования — это лишь один частный аспект Болонской системы. Выходя из нее, откажемся ли мы от других болонских принципов, в частности, от принципа академической мобильности, для чего и предусматривалось введение европейской системы перезачетов (кредитов)? Очевидно, что принцип мобильности противоречит национально-государственным интересам, откровенно провоцирует утечку мозгов. В развитие этого принципа в документах, регламентирующих образовательную политику недавнего прошлого, прямо ставилась задача «экспорта образовательных услуг», «подготовки специалистов для зарубежных стран»⁵. Современная социально-политическая ситуация предоставляет исторический шанс исключить двойные стандарты в национальной образовательной политике, уйти от подготовки «гражданина мира», заикляющегося на своих «священных» правах, получающего образование в России, а работающего на экономики Европы и США; сделать акцент на подготовку квалифицированного гражданина и патриота, настроенного жить и работать в России.

Указ оставляет открытым вопрос, в чем будет заключаться возврат к советскому опыту в лучшей его части. К примеру, вернется ли акцент на фундаментальное всестороннее образование, чем славилась советская высшая школа, взамен присущему западной парадигме узкоспециализированному? Вернутся ли живые вступительные экзамены в вуз, демонстрирующие творческий потенциал абитуриентов, их знания, когнитивные, речевые способности, или по-прежнему критерием отбора будет способность выбирать из нескольких вариантов один (тесты ЕГЭ)?

¹ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: указ от 12 мая 2023 года № 343. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?index=1> (дата обращения: 12.10.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Концепция модернизации российского образования до 2010 года. URL: http://www.edu.ru/db/mo/data/d_02/393.html (дата обращения: 12.10.2023).

Итак, несомненно, российская высшая школа будет меняться, и она уже меняется. В качестве позитивного изменения следует назвать введенные «разговоры о главном», значительное увеличение курса отечественной истории. Однако не следует исключать и возможность формального подхода к реформированию образования, сводящегося к простому переименованию понятий. Еще хуже, если этот формализм будет сопряжен с очередным валом документов, бесконечно переписываемых новых ОПОП, РПД, что неподъемным грузом в очередной раз ляжет на плечи преподавательской корпорации.

Денисова Любовь Владиленовна,

доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры теории и методологии государственного
управления Академии управления МВД России;

Морозов Андрей Анатольевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафе-
дры философии и политологии Омской академии
МВД России

Преподавание истории как формирование гражданской идентичности

Российское общество отчетливо осознает потребность в формировании исторического сознания, отвечающего вызовам, с которыми оно сталкивается на современном этапе развития. В Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования целью изучения дисциплины «История России» объявлено формирование общегражданской идентичности российского общества. Она должна быть основана на знании и понимании процессов, явлений, наиболее значимых для исторической памяти россиян событий отечественной и мировой истории¹. Признается, что основой российской идентичности выступает патриотизм, гордость за Отечество, осознание созидательного характера деятельности Российского государства и народов России. Научно-педагогическое сообщество вполне осознает важность поставленных задач, но существенным является то, какой отклик вызовут прилагаемые нами усилия.

Что позволяет придать значимость тому, что мы делаем, в глазах других людей? В случае преподавания истории этот вопрос касается коммуникации преподавателя и студента (курсанта, слушателя). Преподаватель в этой коммуникации понимает цель своей деятельности, ставит конкретные учебные задачи, разрабатывает инструментарий, применяет различные педагогические приемы. Предложенная научно-педагогическому сообществу Концепция, конечно, безупречна и оставляет некоторые вопросы, о которых скажем позже. Однако в целом она вполне отчетливо определяет цели курса «История России» в вузе, ставит акценты, определяет его содержание. Вместе с тем остается, как нам представляется, главная проблема: как все это будет воспринято обучающимися. Современный молодой человек прагматичен, он готов проявлять заинтересованность в случае, если предложенная деятельность имеет для него значение, вносит в его жизнь нечто новое, что-то необходимое для его жизни, для его личности. Иначе говоря, он должен понимать, что получит в результате изучения истории России в процессе освоения программы высшего образования. В свое время французский историк Марк Блок говорил о невозможности игнорировать проблему пользы истории тем более, что существуют те, кто говорит о бесполезности и даже вредности истории². Но последние негативные коннотации относительно истории возникают в результате прямолинейности в рассуждениях относительно пользы истории. Суть такой прямолинейности сводится к тому, что неискушенный ум ищет прямых указаний к действию сегодня с опорой на историю. Эта установка непродуктивна в силу того, что история не повторяется.

Никогда не воспроизводится вся сумма обстоятельств, в которых оказываются люди, общества, государства. Однако признание предметом истории человека и его действий позволяет выстроить

¹ Концепция преподавания курса «История России» для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в организациях высшего образования (утв. Экспертным советом по развитию исторического образования 15 февраля 2023 года). URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/ files/ (дата обращения: 10.05.2023).

² Блок М. Апология истории или ремесло историка / 2-е изд., доп. Москва: Наука, 1986. С. 6–7.

рассуждение о пользе истории. М. Блок уточняет предмет истории, говоря, что это *люди во времени*. Во времени, но не в прошлом. Обозначение истории как науки о прошлом ставит в сознании границу, разделяющую нас и историческую реальность. Она не становится нашей реальностью, а, следовательно, ее значимость для нас останется минимальной.

Исторический процесс приобретает важность для личности современного человека в том случае, если изучение истории представляет собой момент самопознания. Об этом рассуждает английский историк Дж. Коллингвуд. Он говорит о познании человеком себя через историю: от познания сущности человека к познанию типа человека, к которому вы принадлежите, и далее к тому, кем являетесь именно вы и никто другой¹. Значимость самопознания через историю определяется двумя важными результатами. Во-первых, это обретение способности критически оценивать и обосновывать любое другое знание. Во-вторых, способность осознать, что наши действия имеют вполне реальные последствия для нас самих и для окружающих нас людей. Все это работает при одном важном условии: понимании истории как ситуации, в которой люди принимают решения, являющиеся основаниями их действий. Эти решения принимаются человеком в конкретных исторических обстоятельствах и условиях, давящих над людьми. Но тем не менее это их решения. Конечно, тот или иной исторический деятель действует с учетом некой суммы объективных условий и даже, допустим, некоторых исторических закономерностей, однако это не исключает наличия определенных альтернатив в момент принятия решения.

Почему мы видим в этом проблему? Во-первых, история изучается в школе на протяжении многих лет. И студент (курсант, слушатель) может быть уверен, что он знает историю настолько, насколько ему необходимо. Во-вторых, он может быть вполне патриотичным. Так, Н. Л. Росина и М. А. Росина пишут о том, что проанкетированные и опрошенные ими студенты-первокурсники не просто заявляют о своем патриотизме, но вполне отчетливо представляют его сущность и формы его проявления². Поэтому простая апелляция к тому, что мы должны знать историю своей страны и любить Родину, может оказаться недостаточной. Многие (а может быть и все) студенты (курсанты, слушатели) заявят, что это у них и так есть. В силу этого обстоятельством продуктивной является установка на выстраивание логики познавательной деятельности обучающегося с учетом его опыта, ценностных и целевых установок. Любой средний обучающийся обладает неким историческим знанием, суммой определенных представлений об истории своей страны. Как правило, он воспринимает те или иные события, исходя из сложившихся ценностей и общественных установок. Во многом это и будет отправной точкой изучения истории в рамках программы высшего образования.

Обращаясь к учебному курсу «История России», мы должны зафиксировать, что существует ряд важных проблемных тем и вопросов. Особое место среди них занимают сюжеты истории XX–XXI веков. Это как раз та история, которая имеет прямое продолжение сегодня. Нередко она связана с обстоятельствами жизни семьи конкретного обучающегося, затрагивает личные чувства, политические и религиозные предпочтения наших современников.

Здесь существует несколько ключевых тем, требующих от преподавателя особой тщательности и скрупулезности. Во-первых, это исторические сюжеты, связанные с советской историей 1920–1930-х годов: голод 1921–1922 годов, коллективизация и голод 1932–1933 годов, массовые политические репрессии.

Во-вторых, это история Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. В рамках этой тематики особое внимание необходимо уделить проблеме фальсификации истории. В современной России это оценивается как форма информационного противоборства, в ходе которого происходят попытки переоценки роли Советского Союза в разгроме нацистской Германии и ее союзников и уравнивания ответственности Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны³. Более того, необходимо обратить внимание, что историческая память о Великой Отечественной войне стала объектом правовой защиты в России⁴. В-третьих, это крушение Советского Союза и начало преобразований в постсоветской России. Объективное освещение этих сюжетов

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Москва: Наука, 1980. С. 14.

² Росина Н. Л., Росина М. А. Концепция преподавания истории России в вузе: от проекта к реализации // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 141–142.

³ Перевознова А. С. Основные тенденции фальсификации истории Второй мировой войны в современном медийном пространстве // Научно-практический журнал «Заметки ученого». 2023. № 5. Ч. 1. С. 25–26.

⁴ Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Социология. Право. 2020. № 4 (20). С. 101–105.

сопряжено с серьезными трудностями. Концепция преподавания истории предостерегает преподавателя при раскрытии проблем и противоречий истории страны от негативного уклона и «очернительства». И это отдельная задача, требующая адекватного решения, чтобы не получилось так, что мы будем черное называть белым или отрицать очевидные факты.

Таким образом, введение обязательного курса «История России» для всех программ подготовки высшего образования поставило перед научно-педагогическим сообществом ряд проблем, требующих серьезного обсуждения. Во-первых, это проблема смысла в изучении дисциплины, осознаваемого именно обучающимися. Во-вторых, необходимость освещения проблем истории России, имеющих неоднозначное решение как в исторической науке, так и в общественно-политических дискуссиях.

Ворохобов Александр Владимирович,
доктор философских наук, профессор кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского государственного
университета правосудия

Интеграция опыта и теории: «цикл» Д. Колба и возможность его применения в юридическом образовании

В настоящее время существует заметная потребность в интеграции теории и практики в обучении студентов юридических специальностей. Чтобы соответствовать этой потребности, следует разработать методологию объединения или сближения этих двух видов деятельности. Юридическое образование не должно сводиться только к проверке запоминаемой теоретической информации, то есть к пассивному воспроизведению материала¹. Такой процесс обучения весьма неэффективен. По замечанию А. Е. Лодкина и Д. В. Углицких, «возрастающие требования социума к практикующим специалистам, потребности жизненных правовых коллизий не в полной мере на сегодняшний день реализуются институтами, готовящими специалистов в области юриспруденции»². В связи с обозначенной проблемой эффективным может стать использование общих актуальных моделей обучения, применяя их и в сфере юридического образования³.

Студенты вуза являются взрослыми людьми и уже имеют определенный жизненный опыт, поэтому метод обучения, прежде всего, отсылает к опыту самих студентов. Взрослые подходят к обучению как к решению проблем и лучше учатся тогда, когда материал имеет для них непосредственную ценность. Это означает, что усвоение знаний неразрывно связано с развитием умения пользоваться этими знаниями. Если такая корреляция не наличествует, то и процесс обучения происходит неэффективно.

Речь пойдет об одной из популярных моделей обучения, разработанной американским исследователем Дэвидом Колбом в работе «Экспериментальное обучение: опыт как источник обучения и развития»⁴. Д. Колб указывает, что взрослые люди учатся на основе своего предыдущего опыта, модифицируя его под влиянием новых опытов. В результате они сравнивают или проверяют новые знания с учетом их предыдущего опыта: чувств, эмоций, действий. Ум взрослого человека не является «чистой доской», поскольку личность имеет ранее приобретенные взгляды и концепции, что образует своего рода предпонимание⁵, поэтому одной из задач педагога становится взаимодействие с тем «материалом», который студент приносит вместе с собой, обращаясь к этому индивидуальному потенциалу и оптимально используя его. Однако если возникает ситуация, когда отсутствует опыт в отношении конкретной материи, нужно создать ситуацию, в которой студенты будут способны получить недостающий опыт.

¹ См.: Перовский Е. П. Проблема методов в обучении // Современная педагогика. 2019. № 12. С. 29–35.

² Лодкин А. Е., Углицких Д. В. Нормативно-правовое обеспечение подготовки кадров для правоохранительной деятельности // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3 (96). С. 18.

³ См.: Ворохобов А. В. Дидактические методы и приемы в преподавании философии права // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: сборник научных статей участников XII Всероссийской научно-практической конференции, Коломна, 19 мая 2023 года. Коломна, 2023. С. 55–59.

⁴ Kolb D. A. *Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development*. New Jersey, 1984.

⁵ См.: Ворохобов А. В. Предпонимание, текст и традиция в экзистенциальной герменевтике Рудольфа Бульмана // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 100–108.

Цикл Д. Колба состоит из четырех основных этапов, которые каждый учащийся должен пройти, чтобы можно было сказать, что произошёл процесс обучения. На этом этапе происходит или обращение к индивидуальному опыту, или выполнение группового задания, чтобы сформировать опыт. На следующем этапе происходит наблюдение за тем, что произошло, и формирование выводов на основе индивидуального опыта. Далее на основе представленных личностных мыслей создается обобщение, то есть создается теория. В то же время на этом этапе происходит сравнение с другими теориями, связанными с рассматриваемой проблематикой. И, наконец, следует проверка новой теории, когда планируется ее использование на практике и ее практическая верификация. Таким образом, на этом этапе можно спланировать вход в следующий цикл Д. Колба с новым опытом, размышлениями, формулировкой выводов, созданием/проверкой теории и планированием.

Собственный опыт является основным, но не единственным материалом, на основе которого работает цикл Д. Колба. Как можно заметить, модель Д. Колба не базируется на дихотомическом разделении между теорией и опытом, а скорее охватывает оба эти элемента. Опыт необходим, чтобы уяснить теорию, внедрить ее, потому что из обобщенного опыта создается теория. И наоборот, опыт поддерживается теорией из предыдущих циклов и предыдущего опыта. Можно сказать, что опыт предшествует определенным данным теории, появляющимся после него. Таким образом, и тот и другой элемент связываются между собой в устойчивом взаимодействии, обеспечивающим сбалансированное развитие¹.

Цикл Д. Колба графически представляется в виде круга, начинающегося с опыта и заканчивающегося подготовленностью и открытостью для нового опыта. Это подразумевает, что процесс получения знаний требует прохождения через все этапы и на самом деле не имеет начала или конца, потому что он укоренен в контексте предыдущего опыта, с которым он должен соотноситься, а также поддерживается имеющейся теорией, влияющей на качество обработки опыта. В этом смысле цикл Д. Колба напоминает герменевтический круг².

Прохождение через все фазы цикла Д. Колба приводит к тому, что благодаря вовлечению на основе собственного опыта обучающиеся сами приходят к теории и сами ее проверяют. Полученная таким образом теория легко запоминается, потому что является результатом индивидуального переживания и становится своего рода частью самих обучающихся как элемент, составляющий сумму их опыта. Такой подход контрастирует с теорией, которую обучающиеся не усваивают, или с теорией, которую они не переживают, результатом чего является запоминание информации на короткое время³.

В связи с проблематикой юридического образования представленная модель обучения направлена на интеграцию теории и опыта, поэтому важными элементами процесса обучения здесь будет получение опыта через решение кейсов, с поддержкой теории главным образом из знаний, связанных с общим гуманитарным образованием. Следовательно, получение знаний в основном будет основываться на опытной работе в качестве метода обучения, который практикуется на основе уже имеющейся теории и знаний, напрямую не связанных с юриспруденцией.

Изучение норм права должно осуществляться через решение различных правовых кейсов. Однако это не должно быть упражнением на решение (угадыванием), а скорее входением в ситуацию принятия решений с разных точек зрения, чтобы сформировать опыт принятия решений с точки зрения различных юридических профессий: судьи, прокурора, адвоката или, например, административного органа. Изменение своей роли позволяет создать живой опыт разных точек зрения и понять, в чем заключается специфика действий в определенной позиции. Такой опыт открывает и улучшает коммуникацию между различными инстанциями в сложном процессе правоприменения.

Следующим элементом относительно системы юридического образования является необходимость так называемого общего образования, которое необходимо для развития навыков прохождения через цикл Д. Колба. Дело в том, что прохождение через весь цикл Д. Колба не являет-

¹ См.: Яновская Н. Б. Концепция продуктивного обучения как основа развития личности посредством создания рефлексивно направленной образовательной среды // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 147–150.

² См.: Перовский Е. П. Проблема методов в обучении // Современная педагогика. 2019. № 12. С. 29–35.

³ См.: Яновская Н. Б. Концепция продуктивного обучения как основа развития личности посредством создания рефлексивно направленной образовательной среды // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 147–150.

ся автоматическим. При условии, что существуют разные типы личности: эмпирики, аналитики, теоретики и прагматики, каждый из которых попадает в свою собственную ловушку или останавливается на отдельных этапах цикла, что приводит к тому, что процесс обучения не реализуется полностью.

Процесс юридического образования также включает в себя предметы общего образования (университетское образование в широком смысле). Предметы общего образования должны обеспечивать контекст для понимания юридических наук, а также формировать самосознание и выработать привычку критического, самостоятельного и независимого мышления.

Роль общего образования важна для развития самосознания и навыков использования опыта и, следовательно, для приобретения навыков обучения. Обучение умению переходить от индивидуальной рефлексии к ее обобщению и созданию теории, а также сопряжение рефлексии с теорией напрямую зависят от качества общего образования и навыков работы с собственным опытом. Второе, в свою очередь, основано на независимом критическом мышлении. Таким образом, круг замыкается.

Собко Руслан Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии

Гуманитарное знание в целом, если так можно сказать, составляло центр развития человеческой цивилизации: человек в той или иной степени становился предметом рефлексии в мифологической или религиозной картине мира, а затем и многочисленных философских системах. Однако уже на этом этапе он мыслился как нечто взаимосвязанное как с физическими, так и метафизическими проблемами. Комплексный философский подход античности не только позволял древнейшим исследователям собрать из разрозненного эмпирического знания цельную научную картину мира, но и был вполне прогрессивным для своего времени. В месте с тем уже на этом этапе наметились определенные противоречия, не позволявшие изменять часть гуманитарного знания, не затронув всего комплекса философских проблем. Так, например, Сократ — один из создателей философской теологии и антропологии — был обвинен именно в безбожии и развращении молодежи, что можно в определенном смысле считать одним из первых кризисов гуманитарного знания, отраженного в виде противоречия общественной религиозности и нравственности с тем, что позднейшие исследователи назовут «богом философов»¹.

Тем не менее, развиваясь и усложняясь, античная философия со временем не только проникает во все сферы жизни общества, но и вытесняет мифологическую религиозность, что приводит в период упадка римской империи или даже раньше к тому самому «безбожию» и падению нравственности, в котором некогда обвиняли Сократа. Само философское знание настолько усложняется и профессионализируется, что обыватель уже устами, например библейского Понтия Пилата, под грузом противоречий всех философских построений готов воскликнуть: «Что есть истина?» (Ин. 18:38).

Между тем бог, абсолют или истина есть в определенном смысле мечта человечества о самом себе и без нее — этой мечты — замирает или останавливается цивилизационное развитие. В качестве ответа на очередной экзистенциальный кризис внутри эллинизированного иудаизма зарождается простейшее по отношению к философии христианское мировоззрение, которое между тем отвечало на те же самые главные вопросы философии, но на новом упрощенном метафорическом, психофизическом или эмоциональном языке.

Еще раз подчеркнем, что христианство в определенном смысле — религиозный прогрессивный эллинизм, что позволило ему одновременно заменить собой и эллинистическую философию, и устаревшие религиозные мировоззрения. Однако это преимущество уже через несколько веков превращается в недостаток: развиваемая на основании античной философии христианская

¹ Парилов О. В., Собко Р. В. Естественная теология — мост через зияющую бездну между Богом и миром, верой и разумом // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 2. С. 19–27.

догматика становится слишком сложной для обывателя, что сначала приводит к противоречиям Вселенских соборов, а затем и к массовому обращению цивилизационного малоазиатского региона — Египет, Ассирия, империя Александра, Византия — в более «народный» для того времени и менее противоречивый ислам.

Европейское христианство заново научилось видеть человека в период расцвета антропоцентричного Возрождения античной эллинистической философской мысли, что закономерно закончилось протестантской Реформацией. Еще один виток к этой цивилизационной спирали добавила немецкая идеалистическая философия и последовавший за ней материализм, с течением времени трансформировавшийся в сциентизм. В каком-то смысле ницшеанское «Бог умер» говорит именно о смерти гуманитарного знания идеалистической философии, а книга Фукуямы «Конец истории или последний человек» свидетельствует об очередной потере цивилизационной общечеловеческой мечты.

Ницшеанское «Бог умер» принято считать начальной метафорой философии постмодерна, после чего появились и другие «пост-»: постистория, постфилософия, постправда. Вероятно, с некоторой оговоркой можно считать все указанные явления в определенном смысле звеньями этой своеобразной постпарадигмы, где усложнившееся и устаревшее восприятие человечеством самого себя сменяется очередным квазирелигиозным «протестантизмом».

«Если нет Бога, то все позволено», — написал некогда о «смерти бога» своего поколения Ф. М. Достоевский. Но, если предположить в рамках нашей гипотезы, что бог или божественное есть своеобразная философская общечеловеческая саморефлексия, то получается, что каждая следующая постфилософия вслед за Диогеном ищет именно человека — богочеловека, иллюмината, масона, сверхчеловека, жреца храма науки, постчеловека¹.

Важной в этом аспекте представляется проблема престижности гуманитарного или традиционного знания, престижности профессии педагога, врача, полицейского, военнослужащего в противовес бесспорно важным бизнесмену, чиновнику, деятелю спорта или искусства. Так, например, по Петровской Табели о рангах выпускники университетов получали личное, а профессора — наследственное дворянство, Екатерина II и Николай I делали попытки создать из представителей вышеназванных профессий сословие именитых граждан, в СССР доктора наук примерно приравнивались по статусу и заработной плате к депутатам Верховного Совета, в современной Германии титул «доктор» или «профессор» записывается в документы и считается официальным обращением.

Впрочем, у девальвации престижности гуманитарного знания есть и другая сторона — разрушение гуманитарной цивилизационной концепции, о которой было сказано выше. Показательно, что и в XIX, и в XX веке было свое поколение «шестидесятников», которые затем разочаровываются в представленных им идеалах. В XIX веке это был кризис образования, построенного на латинской и греческой книжности вкупе с идеями французских просветителей, которые, как оказалось, неприменимы вне образовательных учреждений Российской империи. В XX веке — это кризис послевоенного марксизма, который из-за событий ВОВ и борьбы с культом личности Сталина потерял живых пассионарных носителей. Фактически и в том, и в другом случае все это привело к отказу от современной моменту философской истины в пользу постправды, когда все правы и одновременно никто не прав. И в том, и в другом случае экзистенциальный и мировоззренческий кризис привел к попыткам получить эту истину извне в виде немецкого во многом утопического марксизма или такой же утопической идеальной американской демократии.

Вопрос «Истины» с большой буквы остается нерешенным, со знаком вопроса в современной российской Конституции, где в статье 13 сказано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» — что уже само по себе является декларацией множественной истины в духе постмодерна. Подобная неуверенность порождает высказывания о том, что целью образования является «социализация» или «квалифицированный потребитель».

Еще одной подобной проблемой является «информация на кончиках пальцев». От любого, но прежде всего от гуманитарного знания любой сложности пользователя отделяет несколько нажатий на экран смартфона, что в определенном смысле уничтожает ценность изучения материала как со стороны преподавателя, так и студента. По заявлениям американских и европейских исследователей *ChatGPT* успешно заменяет преподавателя и студента: искусственный интеллект может

¹ Собко Р. В. Союз алой и белой розы (религиозно-философский фельетон) // Дамаскин. 2014. № 4 (29). С. 42–52.

как проверять студенческие работы или читать лекцию, так и успешно проходить тесты, писать эссе или сдавать экзамены¹.

Все описанные выше тенденции можно символически определить как постгуманизм — исключение человека из возможно большего числа взаимодействий и процессов, но между тем мы все еще люди — биологические существа, которым нужна семья, общественное воспитание, коллектив — все чему противодействует современное школьное образование и ювенальная юстиция, и что дополнительно усугубляется таким явлением в педагогике и общественной жизни, как «педократия» (власть детей), и последующей инфантилизацией общества, в результате чего граница взросления отодвигается к сорока годам и дальше, а основной общественной ценностью становятся материальный достаток и развлечения².

Возврат к воспитательной модели в противовес образовательной должен быть средством и от перенасыщения информацией для чего нужно сформулировать необходимый для становления профессионала небольшой объем фундаментальных знаний для каждой области. Пусть лучше студент изучает «Логику» Аристотеля, «Государство» Платона или Конституцию Российской Федерации, чем литературу о них, и пишет в аудитории живые эссе, что в перспективе позволит избежать такого явления, как журналисты, не знающие русский язык или выпускники юридических факультетов, не знающие Конституцию.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО МОЖНО СКАЗАТЬ: ЕСЛИ НЕТ ЧЕЛОВЕКА, ТО ВСЕ ПОЗВОЛЕНО, НО ЭТО ДОЛЖЕН БЫТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ТРАНСЛИРУЕТ СЕБЯ В БУДУЩЕЕ, ИНАЧЕ ОН БУДЕТ ЗАПЕРТ В СИЮМИНУТНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ И РЕШЕНИИ БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ.

Марченя Павел Петрович,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Воспитание уважения к национальному праву и народному правосознанию как ценностные приоритеты преподавания теоретико-исторических правовых наук в условиях войны цивилизаций

В современной ситуации эскалации ценностного, геополитического и местами уже военного противостояния цивилизаций во всем мире, в условиях, в том числе, информационной войны против России, нашими властью и обществом, наконец-то, после трех десятилетий фактической цивилизационной капитуляции перед идеологией евроатлантического либерализма, глобального конституционализма и западоцентристской методологией обществознания в целом³, начинает вновь осознаваться важность преподавания истории, теоретико-исторических правовых и других социогуманитарных наук с позиций защиты нашей собственной исторической памяти, цивилизационной идентичности и традиционных ценностей как важнейшей составляющей учебной и воспитательной работы в системе высшей школы, как комплексной деятельности, соответствующей основным документам стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России, в том числе «Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809.

В частности, в соответствии с целями и задачами реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в рамках преподавания исторических и историко-правовых дисциплин особое

¹ Lo C. K. What is the impact of ChatGPT on education? A rapid review of the literature // Education Sciences. 2023. Vol. 13. No. 4. P. 410.

² Babich Carson. Arrested Educational Development: Universities and the Infantilization of Students Instead of Adragogical Competency — A Systematic Review. Journal of Psychological and Educational Research. 2023. Vol. 31. Pp. 7–23.

³ См.: Марченя П. П. Конституционализм и массы в истории системных кризисов России: иллюзии и реалии Русского правового сознания // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 3. С. 80–93. DOI: 10.24412/2309-152-2023-3-80-93.

внимание сегодня должно уделяться воспитательной (морально-психологической, духовно-нравственной) составляющей образовательного процесса, адекватным и своевременным ответам на вызовы информационно-психологической войны и решению задач противодействия фальсификациям истории, обеспечения духовной безопасности и цивилизационного суверенитета Отечества, формирования патриотизма, гражданственности, ответственности за судьбу страны, уважения к памяти поколений и традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

В рамках обеспечения этих задач особое значение обретает необходимость знакомить обучающихся с объективными цивилизационными особенностями истории государства и права России, воспитывать уважительное отношение к исторически сложившемуся и цивилизационно обусловленному народному правосознанию, на котором и должно базироваться самообытное и суверенное национальное право.

Нигилистическое по своей сути отношение к правовому сознанию русского народа (парадоксальным образом именуемого ориентированными на ценности чужой цивилизации элитами «правонигилистическим»), заимствованное с Запада и тиражируемое многими «отечественными» юристами и прочими «экспертами», выступающими в качестве проводников антироссийских исторических мифов¹ и русофобских мифологем в образовательном пространстве России², оказывает разрушительное воздействие на формирование мировоззрения и профессиональной культуры целых поколений будущих специалистов, от которых зависит, сохранятся ли Русский мир и Российская цивилизация в истории.

Уже подходит к концу год, объявленный нашим Президентом «Годом педагога и наставника»... Вслушайтесь, насколько актуально сейчас звучит напутствие великого русского педагога и наставника, «учителя русских учителей» — К. Д. Ушинского, данное более полутора века назад: «Мы до сих пор пользовались иноземными убеждениями, зато мы и меняли их легко, зато они и прививались к нам плохо, и приносили мало существенной пользы. Но в настоящее время Западная Европа дала нам страшный урок: тысячи ее убеждений сразились и рассыпались как прах. Теперь нам, к счастью или к несчастью, но уже нечему подражать: где за границей мы найдем убеждение, которое мы могли бы признать своим?»³.

Сегодня мы находимся перед необходимостью срочно воссоздавать в значительной степени разрушенное вестернизацией отечественное образование, возрождать национальную систему патриотического воспитания молодежи на основе традиционных протоконституционных ценностей Российской цивилизации, а не якобы «универсальных» стандартов коллективного Запада, восстанавливать систему идеологических координат России⁴.

Думаю, что на данном круглом столе нельзя не продолжить преемственно темы, поднятые год назад здесь же, на круглом столе, также организованном кафедрой философии Нижегородской академии МВД России («Правовая идеология и юридическое образование в эпоху перемен...»).

В частности, хочу выразить солидарность с теми коллегами, которые подчеркивали востребованность «идеологической... функции правовой науки»⁵; призывали «задуматься над тем, к чему ведет университет неолиберальная идеология господства меньшинства над большинством?»⁶; напоминали, что «национальная духовная традиция становится в современных условиях маяком, позволяющим не заблудиться индивиду в океане жестокости и несправедливости, становится новой идеологией нашего общества. Все проекты, определяющие будущее России, должны основываться на выработанных национальной культурой смыслах...»⁷; и приходили к выводу, который,

¹ См.: Антироссийские исторические мифы / В. Э. Багдасарян [и др.]. Санкт-Петербург: Питер, 2016. 384 с.

² См.: Марченя П. П. Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 197–199.

³ Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола. Москва: Институт русской цивилизации, 2015. С. 190–191.

⁴ Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А. В. Давиденко): сборник научных трудов. Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. 264 с.

⁵ Треушников И. А. Идеология в праве и право на идеологию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 178.

⁶ Бобков А. И. Образование без идеологии, или конец идеи университета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 179.

⁷ Ивашевский С. Л. Идеология в юридическом образовании эпохи перемен // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 184.

надеюсь, не останется не услышанным: «...не отрицая совсем неолиберальных, западных по своему происхождению ценностей личностного самовыражения, гражданских свобод и материального достатка, необходимо признать, что они не должны быть определяющими. В противном случае разговоры о патриотизме окажутся пустыми, в реальности же, по-прежнему актуальным будет образ "гражданина мира", не прикрепленного к национальной почве эгоиста»¹.

Полагаю, что воспитание уважения к историческим ценностям собственной цивилизации и собственного народа должно реально стать стратегическим приоритетом национальной системы образования. И роль теоретико-исторических правовых наук в этом далеко не последняя.

Галанина Наталья Викторовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Роль и значение дисциплины «Основы российской государственности» для общегуманитарной подготовки государственных служащих

Каждое государство, чтобы сохраниться как независимая целостность, должно защищать себя от внешних и внутренних угроз разрушения и саморазрушения. Если борьба с внешними деструктивными вызовами предполагает очевидные силовые и дипломатические воздействия, то с угрозой внутри государства не все так просто и очевидно.

Государственная служба во все времена в России была почетна и востребована. Российское государство, расширяя свои границы, нуждалось в грамотных, идейных и честных представителях власти на всех своих необъятных просторах и рубежах. Без них не удалось бы осуществлять единство и координацию в управлении.

Государственный служащий в идеале должен понимать и принимать груз ответственности и этическую составляющую его службы. Как писал Платон, мыслители и воины принадлежат к «людям идеи». Идеальная составляющая государственных служащих должна быть первой по значимости в их служебной деятельности, иначе не будет достигнута цель их работы либо она приобретет искаженный смысл под воздействием эгоистических мотивов и корыстных побуждений. Слова Конфуция о том, что благородный муж думает о долге, а низкий — о выгоде, всегда актуальны для занимающих пост государственного служащего! Должны являться девизом в его целеполагании и государственной деятельности. В этой связи общегуманитарная подготовка для воспитания государственных служащих, как достойных представителей своего государства и народа, является базовой основой их нравственности и идейной осмысленности.

Новую в этом учебном году дисциплину «Основы российской государственности» ввели вовремя и не напрасно. Во-первых, она является удачным подспорьем для введения в другие дисциплины гуманитарного блока: философию, историю, политологию, культурологию; во-вторых, данная дисциплина является ключевой в воспитании патриотизма, а также понимания судьбы и предназначения России и ее народа в мировом сообществе; в-третьих, заставляет задуматься о том, что каждый из нас лично может и должен сделать полезного и нужного для своей Родины.

Первый раздел — что такое Россия, дисциплины «Основы российской государственности», дает возможность нашим ученикам, будущим государственным служащим, осознать, в какой могущественной, славной, большой и многообразной стране они живут, являются наследниками многих поколений: работавших, сражавшихся, мыслящих, вдохновляющих, молящихся за Россию². Приходит понимание, что их личная судьба и судьба страны неразрывны. Сейчас они должны продолжать великие дела и подвиги своего народа в память о предках и на благо ныне живущих, будущих людей отчизны.

Второй раздел — российское государство-цивилизация — предлагает представить государственному служащему Россию как особую цивилизацию, обладающую своей судьбой, уникальной душой и культурой. Происходит знакомство с теорией культурно исторических типов Н. Я. Дани-

¹ Париков О. В. Национальная идеология и будущее российского высшего образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 191.

² Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42.

левского, идеей цивилизационного подхода О. Шпенглера и А. Тойнби. Каждый из классиков выделял Россию как особую цивилизацию, многие писали о ее великой миссии объединять народы и быть духовным стержнем мира. У людей, готовых посвятить свою жизнь служению российскому государству, должно возникнуть глубинное понимание смысла и значения России как цивилизации, ее пути и уникальности.

Третий раздел — российское мировоззрение и ценности российской цивилизации развивает понимание расширения своего личного начала до ментальных пределов своей нации и этноса¹. Дает понять государственному служащему, что он является неотъемлемой частью и сутью своего народа, обладает как в сознательной, явной, так и в бессознательной, скрытой форме идентичностью, присущей всем россиянам. Данная идентичность отражает ментальность, которая на всех уровнях психики является детерминирующим фактором поведения и ценностной ориентации индивида. Понимая эту духовную основу и содержание как коллективное сознание и бессознательное лично свое, так и своего народа, государственный служащий, возможно, будет лучше понимать неотъемлемое единство с землей, природой, людьми своего края и всей России.

Четвертый раздел — политическое устройство России, непосредственно затрагивает сферу служебной деятельности государственных служащих. Истоки и сущность начала деятельности любого государственного служащего строятся на сознательном, объективном и нравственно ориентированном понимании сущности власти и государственной власти, в частности. Подчеркнуть, что западные и восточные правовые аспекты имеют существенную разницу, а российское правовое поле аккумулирует в себе и преломляет под свою самобытность традиции права и запада, и востока². Необходимо объяснить государственным служащим, что власть сама по себе опасна, если индивид, осуществляющий ее, не обладает нравственным сознанием и духовностью, если он действует в интересах корысти и честолюбия. Надо донести до государственных служащих гуманистический смысл содержания конституции, нацелить их на активное сотрудничество с гражданами своей страны для продвижения основных национальных проектов и государственных программ.

Пятый раздел — вызовы будущего и развитие страны — ориентирует государственных служащих мыслить глобально и перспективно в масштабах как страны, так и всего мира. Необходимо сопоставлять прошлое, настоящее и будущее как нечто целостное, взаимообусловленное и системное. Государственный служащий должен понимать, что необходимо предпринять и спланировать для дальнейшего благосостояния России, какие проблемы надо решить в первую очередь, на какие вызовы из вне и внутри страны необходимо ответить уже сейчас, чтобы в будущем Россия занимала достойное место в мире по уровню развития и благосостояния своих граждан.

Есть надежда, что патриотическая, идеологическая и аксиологическая содержательность дисциплины «Основы российской государственности» будет иметь практическое значение в воспитании государственных служащих, как честных, думающих о долге и ответственных представителей государственной власти в России.

Матвиенко Евгений Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, начальник
кафедры философии Волгоградской академии
МВД России

Преподавание истории в полицейском вузе: факты и (или) оценки?

Одним из несомненных плюсов драматических событий последнего времени стало осознание (в том числе и на высших уровнях государственной власти) того факта, что изучение истории является важнейшим элементом формирования гражданина, патриота, да и просто полноценного члена общества. К сожалению, это осознание далось нам достаточно дорогой ценой. Тем важнее теперь сделать из сложившейся ситуации необходимые выводы и не повторять ошибок недавнего прошлого.

¹ Чернова И. Б., Галанина Н. В. Понимание социального субъекта в истории философии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 11. № 5. С. 73–84.

² Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

Один из основных просчетов нашей образовательной политики, повторимся, состоял в пренебрежительном отношении к отечественной истории вообще и к необходимости донести знания о ней до молодежи, в частности. Такое отношение было проявлением принципиальной ущербности той идеологии образования, которой мы долгое время руководствовались — идеологии, предполагавшей безусловную ориентацию на примитивно понимаемую полезность, на выпячивание прикладных аспектов образования, сведение его к узкопрофессиональной подготовке. Закономерным итогом основанной на подобных идеях практики стало формирование целого поколения молодых людей, для которых материальное благополучие и комфорт (полученные, желательно, без серьезных усилий) стал главными — а то и единственными! — смысложизненными ориентациями¹.

Сегодня обозначенные деструктивные идеологемы (пусть медленно и мучительно) преодолеваются. Зримым выражением отхода от них стало, в частности, резкое увеличение часов, отводимых на изучение истории в вузах, появление этой дисциплины в учебных планах всех специальностей и направлений подготовки, введение новой учебной дисциплины «Основы российской государственности» (в рамках которой исторический компонент весьма значителен). Все это — шаги в правильном направлении. Остается лишь сожалеть, что они не были сделаны несколько раньше.

Итак, необходимость глубокого изучения истории школьниками и студентами более не подвергается сомнению. Однако, на наш взгляд, в повестку сегодня встает чрезвычайно важный вопрос: как именно следует преподавать историю? На чем делать акцент? Какие оценки давать тем или иным историческим периодам, процессам, персоналиям?

Для людей, не искушенных в ведущихся в современной исторической науке дискуссиях, эти вопросы могут показаться надуманными. Нередко приходится слышать мнение, что задача историка сводится к передаче некоего набора твердо установленных фактов («так, как было»). Однако для профессиональных историков очевидно, что такого рода «позитивистская» история и невозможна, и бессмысленна.

Невозможна она потому, что отбор и интерпретация исторических фактов всегда осуществляется конкретными людьми, неизбежно привносящими в них свое субъективное видение общественных проблем (даже в том случае, если исследователь искренне пытается сохранить объективность).

Бессмысленной же (и более того — вредной) такую «фактологическую» историю делает то обстоятельство, что история (хотим мы того или нет) давно уже превратилась в одно из ключевых полей сражений ведущейся против России гибридной войны. Хотя сам этот термин возник относительно недавно, обозначаемое им явление уходит корнями глубоко в прошлое². Отказавшись от смыслового наполнения исторических событий, мы заведомо оставляем поле боя за противником, активно навязывающим нам разрушающие наше общество смыслы и ценности. В советский период нашей истории этот факт прекрасно осознавался и властью, и научным сообществом. Совсем не случаен факт личного участия В. И. Сталина в подготовке широко известного «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938). Уместно вспомнить и часто цитируемую фразу М. Н. Покровского: «История — это политика, опрокинутая в прошлое»³.

Очевидно, что преподавание истории вообще (а в полицейском вузе — в особенности) должно осуществляться сегодня с патриотических позиций, включать в себя мощнейший аксиологический компонент. Без этого надлежащее формирование личности, способной и стремящейся защищать свою Родину, твердо стоять на страже ее законов и обеспечивать безопасность ее граждан, просто невозможно. Более того, именно через обращение к надлежащим образом поданной, понятой, пережитой национальной истории складывается не только полноценный российский гражданин, но и сама обновленная Россия.

Осознание вышесказанного еще более обостряет уже заданный нами вопрос: какую именно историю следует преподавать нашей молодежи?

Ряд весьма уважаемых ученых (а также, разумеется, и политиков) считает, что массовое историческое образование должно предложить нашим школьникам и студентам такую версию отече-

¹ Белов С. И., Вантеевский М. М., Ярошева Д. В. Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений // Политическая наука. 2023. № 2. С. 164.

² Интересный исторический очерк проблемы предлагает швейцарский исследователь Г. Меттан в работе с говорящим названием «Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса». Москва: ОГИЗ, 2023.

³ Покровский М. Н. Общественные науки за 10 лет // Вестник Коммунистической академии. Кн. XXVI. Москва, 1928. С. 24.

ственной истории, в которой и народ, и власть предстанут в самом лучшем свете. При этом даются ссылки на соответствующий опыт других стран. В частности, речь идет о США, где в послевоенные годы доминировала «школа консенсуса».¹ В соответствии с ней США с момента своего основания являлись маяком свободы и демократии для всего остального мира. Негативные же явления американской истории наукой (а тем более — образовательными практиками) игнорировались.

Так, Т. А. Хагуров считает, что историю следует разделять на «публичную» (условно — история наших побед) и архивную (обращающую внимание, в числе прочего, на отнюдь не вызывающие национальной гордости эпизоды). Последней должны заниматься исключительно профессиональные историки. А телевидение, радио, система образования, научно-популярная литература должны рисовать лишь картину национальных успехов и достижений².

Сходную позицию занимает В. Э. Багдасарян. Он указывает, что «каждая историческая общность имеет свою сакральную матрицу, свой набор героев, свою священную историю»³. Их разрушение делает лишь вопросом времени и распад самой общности (к чему Россия подошла уже очень близко). Необходимо возрождение «священной истории», которая противопоставляется «истории как набору фактов». «На уровне школьного (включая, разумеется, и высшую школу. — Е. М.) образования существует потребность именно в священной истории, посредством которой транслируются базовые ценности соответствующего сообщества»⁴.

Гораздо дальше заходит О. А. Платонов, заявляя, что «первый вопрос, на который должна честно ответить историческая наука — насколько то или иное событие или частное деяние отвечает интересам страны и народа. Вывешивание на весах национальных интересов России создает абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда»⁵.

Именно с этой позицией полностью солидаризируется, в частности, В. Р. Мединский в своей (ставшей притчей во языцех) докторской диссертации. В ней же делается совершенно логичный в рамках данной парадигмы исторического «познания» вывод о необходимости создания «отдельной государственной историко-пропагандистской организации»⁶. В дальнейшем, уже будучи Министром культуры, В. Р. Мединский без тени сомнения заявлял о том, что в процессе постижения истории мифология предпочтительней науки: «Любое историческое событие, завершившись, становится мифом... Это же можно отнести и к историческим личностям... Жизнь такова, что люди оперируют не архивными справками, а мифами... Общественное массовое сознание всегда оперирует мифами, в том числе и в отношении истории»⁷.

В известной степени разделяет эту точку зрения и В. Э. Багдасарян. Последний, правда, оговаривается, что насаждение исторических мифов может исказить правду о прошлом (о чем свидетельствуют, в частности, учебники «истории» ряда постсоветских государств). Однако «миф мифу рознь». Не следует путать мифологизацию истории как ее сознательное искажение и миф как важнейший канал трансляции опыта народа, закрепляющий и освящающий ключевые моменты его исторического пути⁸.

Не вызывает ни малейших сомнений, что все перечисленные авторы стоят на патриотических позициях и действуют из лучших побуждений. Они, безусловно, правы в том, что пора покончить с бесконечным смакованием худших эпизодов отечественной истории, решительно бороться с ее фальсификацией, превратить историю в мощное орудие борьбы за национальные интересы и эффективный инструмент воспитания молодежи.

Однако, как представляется, миф (при всей его живучести) есть уже преодоленная человечеством форма духовного освоения действительности. Подменять им научные представления крайне опасно. В противном случае возникает реальная угроза воссоздания «лубочной» версии истории России. Наша страна предстает как извечный носитель исторической «правды», ее про-

¹ Куриллы И. И. Указ. соч. С. 101.

² Хагуров Т. А. Война, которую может выиграть учитель истории и литературы // На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар: Парабеллум, 2015. С. 160, 161.

³ Багдасарян В. Э. Указ. соч. С. 10.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Платонов О. А. История русского народа в XX веке. Москва: Алгоритм, 2009. С. 11.

⁶ Мединский В. Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва: Российский государственный социальный университет, 2011. С. 452.

⁷ Владимир Мединский: «Памятники культурного наследия — стратегический приоритет России» // Известия. 2016. Ноябрь.

⁸ Багдасарян В. Э. Указ. соч. С. 20, 21.

шное — как череда подвигов и свержений. Такая версия (с поправкой на иной идеологический антураж) уже существовала в Советском Союзе и внесла свой вклад в его печальный конец. При таком подходе любая попытка указать на исторические промахи и просчеты подается как происки внутренних и внешних врагов (которых у нас и в самом деле более чем достаточно) либо объявляется прямой фальсификацией. Это в значительной степени девальвирует достижения России, мешает показать реальную сложность и глубину исторического процесса. Такого рода тенденции являются, на наш взгляд, серьезным вызовом стратегической стабильности России, более того, прямой угрозой ее национальной безопасности.

Надежду на то, что этой угрозы удастся избежать, внушает новейший школьный учебник истории. Его создатели (что явилось для автора данной статьи приятной неожиданностью), действительно, пытаются следовать декларируемому во «Введении» принципу: «Мы бережно храним и достойно продолжаем традиции наших предков. Но при этом стараемся честно говорить и об ошибках прошлого»¹. На наш взгляд, именно таким подходом и следует руководствоваться в преподавании истории.

Горбачева Светлана Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, ученый секретарь Ученого совета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Организация профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих: особенности и проблемы

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в выступлениях, посвященных проблемам исторической памяти российского народа, неоднократно подчеркивалась ошибочность и контрпродуктивность различного рода научных исследований, делающих попытку подвести научный фундамент под общественно-политические тренды представителей действующей власти отвергать и/или подвергать остракизму все достижения, достигнутые их предшественниками². Так, указывал Глава государства, захватившие на фоне глубочайшего кризиса всех властных институтов в воюющей стране власть большевики категорически отвергали достижения, имевшиеся в Российской Империи на ниве образования и народного просвещения.

Окончание теперь уже советского этапа подготовки и переподготовки кадров государственно-аппарата всех уровней показало определенную жизнеспособность созданной модели профессионального образования в СССР и РСФСР, поскольку она на несколько лет пережила Советский Союз, благодаря потенциалу и возможностям которого она существовала и совершенствовалась.

Присоединение Российской Федерации к Болонской образовательной модели и, что, на наш взгляд, гораздо хуже, изменение самой глобальной ориентации реализуемого в России образовательного процесса с формирования «человека-творца» на «квалифицированного потребителя», привели к очередным в истории отечественного образования глобально-тектоническим изменениям и в системе образования в Российской Федерации, и в модели ее организации. Последние получили соответствующее законодательное закрепление в уже втором за новейшую историю законодательства в России Федеральном законодательном акте, регламентирующем образовательную сферу нашей страны и возникающие в ней правоотношения — Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³.

Несомненной содержательной новацией Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» стало законодательное закрепление модели «обучение в течение всей жизни» или так называемого непрерывного образования. Применительно к нашей теме, модель непрерывного

¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 10 класс. 1914–1945 годы. Москва: Просвещение, 2023. С. 3.

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. I, ст. 7598.

образования значима как никакая иная. Причину тому мы видим в следующем. И начальное образование, и общее среднее, и различные уровни профессионального образования осваиваются гражданином на начальном этапе его жизненного пути, как правило, до начала его трудовой (в нашем случае — служебной) деятельности. Дальнейшая «судьба» полноценной реализации модели непрерывного образования, включающая и реализацию дополнительного профессионального образования и профессионального обучения взрослых находится в линейной зависимости от места трудовой деятельности гражданина, занимаемой им должности и ее правовой регламентации в части обязательности получения дополнительного профессионального образования.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяет право и обязанность государственного гражданского чиновника осуществлять свой профессиональный генезис. Такого рода развитие, как целенаправленный процесс, предполагает, прежде всего, осуществление самим государственным служащим и его работодателем комплексных мер профессионально обучающего характера по поддержанию профессиональных компетенций служащего на должном уровне и перманентное повышение им своего уровня профессиональных умений и навыков. Законодателем в императивном порядке закреплены два альтернативных пути достижения данной цели:

- получение государственным служащим дополнительного профессионального образования в форме профессиональной переподготовки и профессионального повышения его квалификации;
- иные мероприятия, прямо нацеленные на развитие государственного служащего в профессиональном плане.

Для получения более подробной и детальной информации о том, что может и должно рассматриваться как профессиональное развитие государственного гражданского служащего вообще и что представляют собой иные мероприятия, нацеленные на профессиональное совершенствование государственного служащего, нам необходимо обратиться в содержательной части такого нормативного документа, как Положение о порядке осуществления генезиса государственных гражданских служащих в профессиональном плане¹. Данное Положение введено в юридическую силу указом Главы государства и имеет непосредственное отношение не только к федеральным гражданским служащим, но и гражданским госслужащим субъектов Российской Федерации.

Как и специализированный Федеральный закон, Положение четко, в императивном порядке осуществляет целеполагание для комплексных мероприятий, реализуемых в рамках профессионального совершенствования и развития государственного гражданского служащего. В качестве таковых выступают приобретение сотрудником новых компетенций, совершенствование его не только профессиональных, но и личностных качеств. Такое системное развитие профессионально-личностных характеристик гражданского госслужащего нацелено на совершенствование его квалификации в профессионально-служебном плане, а равно на качественное ординарное исполнение им своих обязанностей по занимаемой должности.

Отталкиваясь от содержательной части диспозиции нормы пункта 4 Положения, мы можем выделить основные формы профессионального развития гражданского госслужащего, которые доступны ему на современном этапе:

- получение гражданским чиновником новых и совершенствование имеющихся профессиональных компетенций в рамках прохождения ДПО;
- посещение государственным служащим как непосредственно, так и в режиме удаленного доступа различного рода учебных занятий, к числу которых относятся не только занятия семинарского типа, занятия по отработке практических навыков, но и мастер-классы, как и так называемые иные формы проведения занятий обучающего характера, нацеленные в приоритетном порядке на оптимизацию процессов формирования профессиональных компетенций гражданского чиновника;
- приобретение государственным гражданским служащим наиболее передовых знаний, опыта, инновационных методик внутриорганизационной и внешневластной управленческой деятельности посредством участия чиновника в профессиональной стажировке, научно-практических конференциях и круглых столах со своими коллегами;

¹ О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2019 года № 68 (ред. от 26 июня 2023 года) (вместе с «Положением о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318654/ (дата обращения: 28.11.2023).

— использование госслужащим потенциала и возможностей самостоятельного овладения научно-практическими информационными ресурсами, максимально точно отражающими специфику и перспективы его служебной деятельности. Специфической особенностью такого рода самоизучения выступает размещение наиболее значимых учебно-научных материалов, подлежащих изучению в специализированной электронной оболочке — едином информационном ресурсе в сфере государственной службы;

— освоение государственным гражданским служащим материалов различных дистанционных образовательных курсов, тематика и практическая направленность определяемая как самим чиновником, так и его работодателем.

Полагаем, качество проходимой чиновником профессиональной переподготовки, предназначенной для успешного прохождения чиновником государственной службы в новой для него должности, находится в прямой зависимости не только от качества организации института наставничества по месту несения службы, но и личностно-профессиональных качеств специалиста наставника, его умения передать начинающему специалисту весь комплекс умений и навыков, необходимых для скорейшего полноценного «вхождения» в должность.

Фролова Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры философии Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Государственная служба: служба или служение?

Рынок профессий в современном обществе меняется весьма динамично. Повышенный интерес россиян к профессии юриста или экономиста ушел в прошлое. На смену пришла мода на специалистов по государственному и муниципальному управлению. Сегодня, по данным ВЦИОМ, наиболее востребованными и престижными на рынке труда стали специалисты в сфере ИТ и медицины¹. Но карьера госслужащего во все времена в большей или меньшей степени остается привлекательной. Несмотря на бытующее мнение о том, что успешной карьеры в госсекторе не построить, именно государственная служба привлекает молодых россиян — выпускников высших и средних учебных заведений — больше всего. О карьере чиновника мечтают больше трети наших сограждан. При этом более старшее поколение россиян не считает работу госслужащего привлекательной и включает чиновника в топ антирейтинга.

Так, что же привлекает молодежь: стабильное и понятное будущее, высокие доходы, властные полномочия, ответственность за себя лично или ответственность за будущее государства и Отечества, которому ты служишь?

Опросы показывают, что главными критериями выбора профессии госслужащего являются гарантия стабильности работы, достаточно высокий уровень оплаты труда, пакет социальных льгот, а также перспектива получения более высокой, чем у остальных россиян, пенсии.

События последних лет доказали, что популярность государственной службы в период кризисов только возрастает. Так, в период локдауна сотрудники госсектора оказались более защищенными с точки зрения трудового законодательства по сравнению со специалистами в коммерческом секторе и иностранных компаниях.

Иными словами, современная молодежь предельно прагматично подходит к выбору жизненного пути. Не в числе последних критериев выбора и такие, как трамплин перед устройством в госкорпорацию или успешный частный бизнес. Кроме того, по данным некоторых исследований молодые кандидаты рассчитывают на государственной службе обрести и обрести влиятельными связями и получить доступ к административным ресурсам.

Такой взгляд на службу государству сформирован давно и не без оснований. В одном из Посланий Федеральному Собранию Российской Федерации² Президент В. В. Путин сравнил чиновников с закрытой и надменной кастой, отождествляющей службу с бизнесом.

¹ Профессии в России: престиж, доходность, востребованность. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 01.11.2023).

² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 01.11.2023).

В современном мире, меняющемся технологически, идеологически и ценностно, необходимы иные взаимоотношения государственного служащего и общества.

Что же требуется от государственного чиновника на поприще службы? Умение мыслить нестандартно, творчески¹, принимать продуманные ответственные решения, добиваться значительных изменений в интересах общества. В Федеральном законе от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»² изложены все аспекты требований и принципов государственной гражданской службы. Честное и высокопрофессиональное исполнение своих служебных обязанностей, компетентность, признание и защита прав граждан, следование букве закона, соблюдение определенных правоограничений, политический нейтралитет, запрет использования служебного положения в личных, корпоративных интересах каких-либо профессиональных и социальных групп. Однако от специалистов госслужбы, в отличие от представителей иных служб, общество требует «души», а эпитет «бездушный» прочно закрепился за чиновниками.

Следовательно, не менее важным требованием и критерием оценки работы специалистов этой области является этический и нравственный. «Государственная служба — это прежде всего именно служение. Гражданам, обществу, стране», — сказал В. В. Путин на встрече с выпускниками программы кадрового резерва Высшей школы госуправления.

Что же предполагает слово «служение»? Владимир Даль отождествляет его со словом «служба». Служить означает быть пригодным, полезным, быть орудием, средством для цели³. В контексте данной статьи интереснее подход к слову в Педагогической энциклопедии, где «служение» рассматривается как бескорыстное стремление к общественно ценным идеалам. «Служением может быть строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции»⁴.

Оставим за скобками данной статьи военную службу. События двух последних лет показали, что военное служение Отечеству невозможно без личной мотивации, духовного стержня человека, внутренней гражданской позиции, а людей в военной форме мы не воспринимаем как чиновников в погонах.

Что же касается государственной гражданской службы, то необходимо ответить на вопрос: «А кому служит чиновник?» Госслужба исторически воспринималась россиянами не иначе как «государева служба», то есть служение Государю. В советское время принцип служения государству и обществу также не был доминирующим, скорее служили партии. Сегодня в демократической России целью государственной службы является служение государству и обществу, что требует от государственных чиновников не только формального исполнения делегированных им государством функций. Понятия долг и честь, гражданская позиция, сопричастность к судьбе Родины в таком служении должны быть ключевыми. «Государственный человек более других сограждан должен быть одушевлен, движим и руководствован любовью к Отечеству» — говорил Г. Р. Державин.

Этические принципы деятельности госслужащих должны быть заложены уже на этапах обучения и воспитания будущих специалистов. Однако, и в самом обществе лишь по крупицам восстанавливается возрождение таких нравственных ориентиров, как патриотизм и жертвование во благо Отечества⁵. Неудивительно, что молодые прагматичные чиновники безразличны к общественной пользе своей работы, возможности ориентации своей деятельности на пользу для страны и людей, к стремлению привнести в рутину своей деятельности нечто новое и прогрессивное и считают эти цели несущественными.

¹ Фролова Т. Н., Шашурина Г. Развитие творческого потенциала специалистов государственной службы Российской Федерации // Проблемы и перспективы подготовки квалифицированных специалистов для правоохранительных органов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 154–158.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

³ Словари и энциклопедии на Академике // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴ Безрукова В. С. Основы духовной культуры (Энциклопедический словарь педагога). 2000. 937 с.

⁵ Галанина Н. В. Проблемы идеологической детерминации в современном российском обществе // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма: сборник научных трудов. 2023. С. 32–35.

Да и само нынешнее образование, тотально заформализованное и нормативизированное, не нацелено на комплексное развитие действительно нравственной личности. Образование практико-ориентированно, но не нравственно и патриотически. «Уровень нравственного совершенства личности не оказывает значительного влияния на получаемый ею итоговый квалификационный документ об образовании»¹.

Лишь формальный подход и выработка стандартизированной оценки деятельности госслужащих не приведут к должному результату. Даже такие традиционные пороки управленческой службы, как бюрократия, волокита, взяточничество, служебные подлоги, трудно поддаются искоренению жесткой регламентацией ее деятельности.

Понимание госслужащими своей работы как призвания, обостренное чувство ответственности перед государством и Отечеством являются условиями должного понимания сущности государственной службы.

Таким образом, служение Отечеству должно стать одним из критериев профессионализма государственного служащего. Служение государству и обществу должно рассматриваться, в первую очередь, как нравственная норма, как ценностная доминанта. И во главу угла, думается, надо поставить слова Президента России «Служение Отечеству — это особое счастье и честь».

Зубкевич Лада Альбертовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Наступающее будущее и новые мировоззренческие основания

Прошедшие в 2023 году международные форумы показали, что новые мировоззренческие основания получили свои рациональные формулировки, приняты как основа нового государственного мышления, в том числе для российских чиновников разного уровня. Так, Президент России В. В. Путин на пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 года обозначил свое видение будущего мира и страны. Оно включает в себя осознание целей и основных принципов, на которых будущее строится сейчас и «нашими руками»:

1. Мир должен быть открытым и взаимосвязанным. Недопустимы «искусственные барьеры на пути общения людей, их творческой реализации и процветания».

2. Многообразие мира является фундаментом всеобщего развития. Но имеется в виду подлинное культурно-цивилизационное многообразие. Любое навязывание «должно быть запрещено».

3. Максимальная представительность на всех уровнях принятия решений: «мир будущего — это мир коллективных решений». Но ставить вопросы и их решать должны только те, «кого непосредственно касается тот или иной вопрос, договариваются о том, что и как делать».

4. Всеобщая безопасность и прочный мир. Нужно избавиться от разделения людей на людей-целей и людей-средства, первого и других сортов и пр.

5. Справедливость для всех стран и народов, любые ее нарушения «должны рассматриваться как акт агрессии».

6. Равноправие. «Больше никто не готов подчиняться, ставить свои интересы и нужды в зависимость от кого бы то ни было, и прежде всего от более богатых и сильных»².

Эти идеи находят поддержку в материалах международных форумов³. В них констатируется, что сегодня происходит формирование новой мировой парадигмы, в ее основе — «новый технологический уклад», как новая реальность, пришедшая к нам в результате объективных процессов развития. Государственным служащим необходимо перестроить жизнь страны под эту реальность, иначе мы не будем развиваться.

¹ Ивашевский С. Л., Сидоров А. Н. Формализм в образовании как условие развития коррупционной среды // Коррупция как угроза развития общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 84–87.

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 13.11.2023).

³ Международный форум «Большое евразийское партнерство — базовая платформа для формирования перспективного мирового экономического порядка» и XI Китайско-Российский экономический диалог. 14–15 апреля 2023 года, Пекин, Китай. Санкт-Петербург: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2023. 186 с.

С точки зрения С. Бодрунова¹, первейшей задачей стран и их управленцев является поиск механизмов перехода к этому технологическому укладу. Страны, не нашедшие для себя этот путь, обречены. В основе механизмов двуединое основание: мировоззренческое и материальное. Это сочетание новых технологий, укрепление инфраструктуры, внедрение на практике новых технологических разработок и новых идей сотрудничества, основанного на общечеловеческих ценностях, и на концепции общего будущего для человечества. Одним из практических воплощений таких механизмов является мировая платформа «Один пояс — один путь», предложенная и развиваемая Китаем².

Задача государства в новом мирохозяйственном укладе — концентрация всех ресурсов для повышения уровня и качества жизни людей. По мнению С. Глазьева³, Запад уже проиграл экономическую войну России именно потому, что рост благосостояния граждан стал целью экономического развития в нашей стране. Теперь в Российской Федерации происходит установление новых инструментов управления страной, так как старыми инструментами новую цель (повышение благосостояния всех людей) не достигнуть.

Одним из таких инструментов может быть отход от глобализации торговли, развитие сотрудничества между различными странами на основе совместных инвестиций и создания комбинаций преимуществ. В основе управления экономикой должны лежать меры по достижению социальной гармонии и защиты всех слоев общества: регулирование цен, рост трудовых доходов, охрана окружающей среды. В Китае такая политика осуществляется давно, поэтому он становится мировым лидером.

Новая система управления должна опираться на государство как на морально-этическую основу, в ней должна сохраняться и поддерживаться строгая система ценностей. Такое государство несет ответственность за свою социальную целостность, за свой суверенитет, посредством этого — за мир, за защиту цивилизации. Например, в КНР эта система гармонизирует частные и государственные интересы во имя роста общественного благосостояния. В России государственным служащим необходимо перестроить свое мышление, так как те, которые основывают свои действия на старой парадигме мышления, проигрывают.

В основе экономической парадигмы мышления — взаимная выгода, отношения подлинно демократические, подлинно рациональные и прагматические. В пример снова можно привести «Один пояс — один путь», проекты, которые страны хотят осуществить в его рамках, должны быть адаптированы в этой парадигме. На форуме звучали предложения на этих основаниях объединить «Один пояс — один путь» с Евразийским экономическим союзом. Взаимовыгодность, демократичность и прагматичность в этом случае обеспечат такие механизмы, как расчет в национальных валютах, создание совместных институтов развития, интеграция финансовых рынков, создание единого цифрового пространства для обращения валют, в перспективе создание единой международной расчетной валюты. Однако, это не приведет к новому глобализму в экономике, так как все реализуемые проекты должны быть пространственно связанные, под них создаются транспортные, информационные, коммуникационные инфраструктуры. Таким образом, решаются социальные, культурные, профессиональные и прочие проблемы территорий⁴.

В международных отношениях необходимо уходить от глобализма. Сегодня объективно, с точки зрения Ли Динсиня⁵, происходит концентрация международных связей по региональному принципу. Новый механизм в разрешении застарелых противоречий между странами в регионах — укрепление международного сотрудничества между «разными кругами» в странах: профессиональных сообществ, общественных организаций и пр. Это даст возможность быстрого и конструктивного решения возникающих и существующих противоречий.

Для достижения новой парадигмы мышления необходимо уходить от старой западнцентристской системы знаний⁶. Странам необходимо создавать самостоятельную систему знаний, в которой своя страна является точкой отсчета, здесь имеется в виду не отмена прежних достижений западной науки, а ориентация науки на нужды собственной страны и ее практики. Также наука

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85–92.

⁴ Там же. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 95–98.

⁶ Там же. С. 99.

должна обеспечивать потребность в углублении взаимопонимания между странами, поиска новых общих ценностей и перспектив, многообразия моделей развития.

Мы не ставим целью перечислить все сферы жизни общества и возможные или уже существующие механизмы. Из представленного видно, что каждому конкретному человеку для достижения новых мировоззренческих оснований необходимо не только усвоить новое. Для достижения будущего необходимо избавиться от наследия прошлого: от мировоззренческой константы капитализма (антропоцентризм, социальный эгоизм, потребительское отношение к природе и пр.); отказ от понимания собственности как священного и врожденного права одного человека на владение, распоряжение, пользование чем-то; перестать относиться к законам товарно-денежных отношений и рынка как к естественным и неизбежным; уйти от представления о господстве, силе и власти как основе управления людьми; идею предопределения и отсутствия творческого начала у человека нужно считать ложной и античеловечной. И, в первую очередь, это актуально в отношении российских государственных служащих как людей управляющих обществом.

Закунов Юрий Александрович,

кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела наследования культуры Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

О единой структуре ценностного содержания образования как условия наследования традиций и повышения профессионализма

Объединение институционально разделенных сфер общества и различных социальных структур на основе общих традиционных культурных ценностей и аксиологического цивилизационного подхода может быть наиболее полноценно осуществлено, прежде всего, в логике образовательно-воспитательного (педагогического) процесса как наследование традиций и одновременно совершенствование профессионализма, отвечающего современным требованиям и технологиям. Образование, художественная культура и средства массовой информации являются связующими факторами всех социальных сфер и в ряду с религией духовно образующими в воспитании национального самосознания. Однако, сейчас налицо угроза отрыва профессионального образования от воспитания и фундаментальной науки, когда программы штампуют исполнителей заданных образцов, не способных к творчеству, индифферентных в моральном отношении. Отсюда необходимость подхода к образованию как ценностному образованию и просвещению, объединяющему в единое целое профессиональные знания, умения, смыслы и воспитывающего творческую духовно-нравственную личность.

Особо актуальны проблемы, связанные со сложным самочувствием русского этноса, неудовлетворенностью его этнокультурных потребностей в современных креативных формах. Здесь, видимо, следует обратить внимание на обеспеченность сетью образовательных и культурных учреждений всех типов и видов, центров этнокультурного развития, реализующих программы воспитания и образования на основе русских духовно-нравственных ценностей, языка, народной культуры и традиций, русской истории, примеров выдающихся исторических и культурных достижений русского народа, проведение соответствующих культурных мероприятий и событий. При этом важно воплощение идеалов национальной жизни в новых ярких художественных образах, включая современников, на высоком эстетическом уровне в современном формате, избегая как тривиальности, казенщины, формализма, так и эпатажа, акционизма. Воспитание ценностей формируется изнутри, не вынужденно, конкретными примерами жизни и социокультурной средой. Этот процесс должен быть целенаправленным, но обязательно органичным, не «спущенным сверху», опираться на принципы развивающего обучения, важнейшим из которых является работа прежде всего в зоне ближайшего развития обучаемого, то есть организация совместных действий профессионала (мастера, учителя) и учеников (студентов) в форме коллективно-распределительной деятельности как квазиисследовательский творческий процесс. Здесь типичными ошибками являются забегание вперед («тянуть» цветы, чтобы они быстрее росли», то есть ставить в обучении задачи «пятилетку за три года»). Модель роли учителя в педагогике — это «родовспоможение» давно стала классической, являясь золотой серединой между крайностями, где обучаемому, с одной стороны,

отводится роль чистой доски, на которой можно написать что угодно, либо, напротив, сосуда, куда нельзя влить воды больше, чем он может вместить. Родить за другого человека истину, чтобы она стала для него ценностью, нельзя так же, как за другого поест и тем более родиться. Можно только помочь. При этом важно, во-первых, соблюдать меру. Если вместо положенных от природы 9 месяцев, ускорить процесс и принять роды на несколько месяцев раньше, или, напротив, их «проспать», то печальный итог известен. Аналогия с процессом обучения здесь верна на все сто. Во-вторых, поскольку речь идет об интериоризации знаний, умений, навыков, то есть «овнутренности» компетенций, трансформации их в ценности личности обучаемого, то они, очевидно, могут считаться усвоенными, если только имеют для него смысл, поэтому кардинальным и реальным поворотом в осуществлении стратегии сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей должно стать включение в образовательные стандарты всех уровней и направлений в ряду со «знаниями, умениями, навыками» важнейшего компонента культуры деятельности — духовного, ценностно-смыслового, то есть понимания того, для чего, зачем эти знания, умения и навыки ему нужны. К этому обязывает *лично-ориентированная парадигма* образования и аксиологический *ценностно-цивилизационный подход*.

Специфика духовно-нравственных ценностей, призванных к усвоению, в отличие от знаний и умений/навыков, состоит в том, что они охватывают всю личность, требуют единства целей, знаний, действий, чувств, придают цельность деятельности во всех ее измерениях — индивидуальном (телесном, душевном, духовном), социальном, историософском, то есть собственно делают ее осмысленным свободным творческим носителем культуры, ориентированным на абсолютные непреходящие ценности. Даже глубокие всесторонние высокопрофессиональные знания, умения и навыки в отрыве от добра, красоты, любви, свободы, справедливости, патриотизма, семьи, трудолюбия, целомудрия, милосердия легко превращаются в инструменты жестокого насилия, искусного обмана, безудержной наживы, сладострастия, самовластья и ненависти.

Сейчас одной из главных угроз в повышении профессионализма и наследовании традиций культуры представляется если не полное отсутствие, то включение в целевые установки обучения «*ценностно-смыслового компонента*» лишь номинально и бессистемно. В содержании образовательного процесса имеет место его подмена другими компонентами культуры деятельности (знаниями, умениями, навыками), на усвоение которых традиционно делается упор. Конечно, формирование информационной культуры личности, связанное прежде всего с развитием ума, расширением и углублением соответствующих предметных знаний, требует инструментального обеспечения в виде умений и навыков, опирающихся на соответствующие им действенные волевые механизмы личности, что отражено в образовательных стандартах. Однако ценностно-смысловые духовно-нравственные компоненты, им соответствующие, органично не вплетены в систему содержания образования. Это ведет к печальным последствиям. Примеры с топором в руках плотника или убийцы, а также пулемета, который страшнее, чем лук и стрелы в руках дикаря, ставшие хрестоматийными, замененные в современном варианте на «газонокосильщика» и «терминатора», пока не являются показательными для структурирования содержания современного образования, призванного к ценностному единству. Так, например, развитие *нравственного чувства ответственности и долга* без опоры на внутренние духовно-эстетические и нравственные силы в человеке, связанные с его национально-культурной идентичностью и совестью, подменяются формальным *знанием* обязанностей, их вербальным воспроизведением и четким внешним исполнением, что ведет к бездушной профессиональной роботизации человека, а воспитание *любви и милосердия* подменяется социальной благотворительностью и разовыми материальными пожертвованиями при углублении социального неравенства и расслоения.

Стратегия развития воспитания и просветительская деятельность нуждаются в теснейшем сопряжении с системой образования, всей государственной культурной политикой, каркасом которой являются традиционные духовно-нравственные ценности и структурные компоненты ценностной культуры личности, пронизывающие все предметные сферы деятельности. Единая структура ценностного содержания образования должна быть такой же, как и всей государственной культурной политики, и представлена в виде взаимосвязанного единства и относительной самостоятельности трех ценностных аспектов: (1) логико-понятийной системы знаний; (2) методов (умений/навыков) или способов деятельности; (3) системой личных и социальных смыслов¹.

¹ Закунов Ю. А. Проектирование ценностей Российской цивилизации в контексте национально-культурной политики // Журнал Института Наследия. 2018/2 (13). Спецвыпуск.

Каждый из трех базовых элементов (знания, методы, смыслы) в случае полноценного контента присутствует во всех трех компонентах ценностной культуры, играя при этом определяющую (в информационной — это знания, в инструментальной — методы (умения/навыки), в смысловой — смыслы) или дополняющую роль. Таким образом, имеем не фрагментарную, а полноценную модель, по которой возможно проектировать не только ценностное содержание любой учебной деятельности, но деятельности по освоению тех или иных объектов культурного наследия, традиционных ценностей и любой деятельности вообще.

Строков Алексей Александрович,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Традиционные и инновационные подходы при формировании суверенной системы отечественного образования

Обращение к идее формирования суверенной системы отечественного образования невозможно без выбора базиса, ее определяющего. Не случайно традиционные и (или) инновационные подходы являются неотъемлемой частью формулы построения конкурентоспособной российской образовательной модели. Теоретическое осмысление предложенных подходов позволит сформировать базовые принципы перспективной образовательной политики.

Президент Российской Федерации, поздравляя педагогическое сообщество с «Годом педагога и наставника в России», отметил, что «опираясь на ваши знания и опыт, на традиции отечественной педагогики и, безусловно, используя передовые технологии, мы продолжим формирование суверенной системы образования»¹. Можно определенно заявить, что кардинальные изменения в российском образовании сегодня являются приоритетной целью государственной политики. Отметим, что изменения в идеологической парадигме России, обратившейся в своем развитии к традиционным ценностям, определяют широкомасштабные преобразования во всех сферах социальной жизни. Образованию на этом этапе государством отводится одна из важных функций, которая лежит в плоскости осмысления культурно-исторического опыта и наполнения российского общества глубокими ценностно-смысловыми установками.

Утверждение, что отечественное образование должно быть суверенно, находит свою аргументацию в том, что оно наряду с культурой не только определяет нашу идентичность, но и закладывает основы национальной безопасности России. Глобализация в образовательной политике показала, что наша открытость и консолидация с европейскими странами по вопросам единого подхода в обучении не оправдала себя и тому есть ряд причин, главная из которых — формирование унифицированных ценностей, которые стали изменять ориентиры в нашей национально-культурной идентичности. В данном контексте согласимся с высказыванием С. Л. Ивашевского о том, что «формирующаяся реальность предполагает замену увлеченности иностранным опытом на выработку своего самобытного, обеспечивающего самодостаточность и культурное новаторство»².

Решительность в грядущих изменениях уже затронула национальное законодательство об образовании, как отмечает С. В. Кабышев, сегодня «интеграция заменяется на международное взаимодействие на равноправной взаимовыгодной основе, то есть исходя из приоритета наших национальных интересов»³. С учетом динамики, модификации законодательства, инициативные перспективы выхода на создание новых образовательных стандартов уже не кажутся долгосрочными, а значит в ближайшие годы мы сможем наблюдать меняющуюся практику их применения.

Мы полагаем, что ориентирами для суверенной системы отечественного образования могут выступать: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии на-

¹ Российская газета. Владимир Путин обозначил главные приоритеты воспитания и образования российской молодежи. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/urok-dlinoiu-v-god.html> (дата обращения: 11.10.2023).

² Ивашевский С. Л. Традиция — основа новой социальной реальности // Культурные коды в процессе сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей: материалы научной конференции / под ред. С. А. Ермакова. Нижний Новгород: Изд. Гладкова О. В., 2023. С. 65.

³ Сергей Кабышев. «Создаем основу суверенной системы образования». URL: <http://duma.gov.ru/news/57957/> (дата обращения: 14.11.2023).

циональной безопасности Российской Федерации»¹ и Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Первый документ позволяет экспертам высказывать мнение о подготовке востребованных кадров для цифровой экономики с формированием универсальных компетенций, позволяющих быстро адаптироваться к новым реалиям жизни и находить новую специальность без глубокого обучения³.

Отметим, что технологические особенности цивилизационного развития запускают «процесс формирования принципиально нового состояния отечественной образовательной системы, безусловно, должен использоваться потенциал современного уровня развития цифровых информационно-коммуникационных инструментов, возможности искусственного интеллекта»⁴. Это демонстрирует гибкость образовательного процесса, закладывает основы для развития самообразования в цифровых средах.

Второй документ обосновывает ценностные установки для российского общества, определяя, что отечественное образование способно «обеспечить реализацию потенциала каждого человека, учитывая ментальные особенности россиян — стремление к социальному равенству, справедливости и индивидуальной свободе»,⁵ сохраняя национально-культурную идентичность.

С учетом приведенных выше тезисов мы наблюдаем противостояние культуры и цивилизации в образовательном пространстве. Формирование суверенной системы образования сегодня можно представить как экзистенциальный поворот, подталкивающий к выбору между традиционным и инновационным подходами как явлениями неочевидными и неотвратимыми одновременно. Такая неоднозначность уже в самом начале пути может создавать кризисные явления.

В связи с чем мы полагаем, что предложенные подходы не должны становиться на путь массовых обсуждений, так как это будет приводить к напряженности в обществе и бескомпромиссным спорам. Считаем, что необходимо обратиться к хорошо зарекомендовавшему себя методу научно-экспертной оценки, как объективистскому основанию проведения образовательной реформы. Научно-экспертная оценка в нашем виденье — это не только аналитический процесс, связанный с измерениями в сфере образования, относительно полученных результатов исследований, для их сопоставления с образовательными стандартами, но и их последующая корректировка, а также выработка предложений по применению оптимально-допустимых, сбалансированных подходов, учитывающих интересы современного общества.

Нам думается, что для формирования основ будущего суверенного образования, определенно важно создание механизма, опирающегося на научно-обоснованный синкретизм, сочетающий в себя элементы традиционализма, как культурной константы, с принятием идей инновационных конфигураций, как компонентов определяющих наше цивилизационное развитие.

Создание новой системы образования должно быть ориентировано не только на подготовку к профессиональной деятельности, направленную на формирование умений и навыков по запросу работодателя, но и на воспитание мировоззренческих основ, необходимых российскому обществу на современном этапе его развития: духовности, гражданственности, социальной эмпатии, как форм проявления участия каждого человека в жизни государства.

Таким образом, для развития нового формата национальной образовательной системы требуется механизм научно-экспертной оценки, позволяющий учитывать элементы рассматриваемых в исследовании подходов. Соблюдение этих условий позволит создать суверенную образовательную модель, отвечающую не только духовным запросам общества, но и учитывающую потребности развивающейся цифровой экономики.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/3b2c6f0709cf5640388f606e66a03ed2cff6188b/ (дата обращения: 12.11.2023).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 12.11.2023).

³ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Кадры для цифровой экономики. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 14.11.2023).

⁴ Крутиков В. К., Косогорова Л. А., Дорожкина Т. В. Современная система образования: инновации, технологии, опыт. Калуга: ИП Стрельцов И. А. (Из-во «Эйдос»), 2021. С. 16.

⁵ Там же. С. 16.

Фирсова Анна Михайловна,

доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

**Научно-публицистический стиль языка преподавания
общегуманитарных дисциплин как фактор совершенствования подготовки
специалистов государственной службы**

Рассуждения о нормах и стиле преподавания в целом и стиле преподавания отдельных научных дисциплин в частности возникли, как можно предположить, одновременно с возникновением феномена человеческой речи.

Не исключением стала и стилистика речи, сформировавшаяся в ходе преподавания общегуманитарных дисциплин, которая может быть определена как научно-публицистическая, то есть сегодня это своеобразный микс языка науки с языком повседневной беседы — обыденным стилем языка и стилем публицистики.

Научно-публицистический стиль преподавания общегуманитарных дисциплин, как и любой другой языковой стиль, выступающий объектом изучения аналитической философии, требует определенного предварительного осмысления терминологического ряда употребляемых понятий.

Согласно Фуко¹ любая образовательная система — это политический способ поддержания или трансформации форм дискурсивного введения — со всеми правилами и властью, которые они подразумевают.

Научно-публицистический стиль языка — одна из категорий стиля, с применением в научных и научно-популярных текстах, в том числе в научных статьях, изданиях, диссертациях, газетных и журнальных статьях. Основная цель научно-публицистического стиля — информировать широкую аудиторию о научных исследованиях и значимости, а также распространять научные знания.

Одной из отличительных черт этого стиля является использование научных терминов и определений для их рассмотрения в форме, понятной для аудитории.

Для ясности рассмотрим общие подходы к познанию и трансляции знаний.

Результаты оказываются различны: в гуманитарном познании они носят во многом субъективный характер и зависят от интересов и интересов наблюдателя, тогда как в современных естественных науках наблюдатель движется к объективному знанию целенаправленно, «независимо от и объекта субъекта» (хотя, как теперь установлено, и здесь субъект включается в процесс) и заключается в том, что оно (наблюдение) должно сопровождаться пониманием.

Если мы сравним объективную установку с установкой ученого, стремящегося донести знания, то в рамках герменевтики выводы, сделанные на основе этого сравнения, будут иметь три отличительных признака:

во-первых, ученый-нарратор отказывается от привилегированного положения абсолютного знания и разнообразия в дискуссиях по поводу интерпретации и обоснования положений дел;

во-вторых, во время акта коммуникации (речи, доклада, лекции) он одновременно определяет влияние контекста, анализируя соответствие посылок и высказываний говорящего и адресата;

в-третьих, нарратор-транслятор занимается не только интерпретацией сугубо конкретных сведений, но и пониманием более глубоких смыслов окружающего мира.

Таким образом, мы можем сформулировать окончательные характеристики научного и публицистического стиля языка преподавания как коммуникативной системы в научных терминах.

Язык — лишь одна из большого количества символических систем, которые люди используют в целях общения, то есть для распространения информации и знаний о мире и о себе.

В рамках этой концепции, близкой герменевтическому толкованию смысла как текста, область изучения общегуманитарных дисциплин представляет собой самый широкий текст. Текст в данном случае — это любая символическая система знаков, созданная человеком.

Особенно актуальным становится проблема определения места языка преподавания в современном реформенном состоянии отечественной системы образования.

Сразу возникает несколько важных вопросов, которые определяются различными проблемами, ожидающими реформы образования в любом историческом контексте и в любой социальной реальности:

¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Касталь, 1996. С. 51.

1. Какой будет участь реализуемых в настоящее время программ гуманитарных направлений бакалавриата и магистратуры?

2. После выхода России из Болонской системы эти модели обучения гарантировано будут реализованы в полном объеме?

3. Повлияет ли данная ситуация на ценность российских выпускников вузов на рынке труда?

4. Не обесценивает ли этот факт (реформирование) российское гуманитарное образование?

5. Какие социально-культурные приобретет реформа образования в России?

6. Можно ли увеличить акцент на технологических и инженерных специальностях, сократив при этом преподавание общегуманитарных дисциплин?

7. Изменятся ли требования к основным общеобразовательным курсам в вузах естественных и инженерных направлений?

8. Означает ли выход из Болонской системы, что единый государственный экзамен будет автоматически отменен, а выпускной экзамен будет перенесен из школ в систему вступительных экзаменов в вузы?

9. Будет ли введена четкая структура (единые стандарты) преподавания общегуманитарных предметов?

Судьба современных форм преподавания общегуманитарных дисциплин, реализуемых в процессе университетского образования в рамках федеральных государственных образовательных стандартов, вызывает серьезные опасения по поводу их дальнейшего развития, причем не только их существования, но и существования гуманитарного образования в целом.

И языковой стиль в данном случае — язык преподавания научных дисциплин — становится как средством коммуникации в научном сообществе как области создания, накопления и воспроизводства знания, так и инструментом трансляции знания, в нашем случае — языком преподавания общегуманитарных дисциплин.

Научно-публицистический стиль языка преподавания общегуманитарных дисциплин, таким образом, выступает как инструмент гуманитарного познания, отличающийся от естественнонаучных.

Сальников Евгений Вячеславович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

Сальникова Инна Николаевна,

старший преподаватель кафедры сервиса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Образование или подготовка? К вопросу сущностной характеристики профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц, впервые принимаемых на службу в полицию

2023 год, являясь Годом педагога и наставника, создает самим фактом своей направленности достаточную платформу для того, чтобы подвергнуть подробному системному анализу сложившуюся систему профессиональной подготовки в части, касающейся организационных (где и как осуществлять профессиональную подготовку), методических (чему и по какой методике осуществлять профессиональное обучение) и кадровых (кому учить) моментов. К вопросам анализа различных аспектов системы профессионального обучения (профессиональной подготовки) неоднократно обращались ряд исследователей¹, которые в своих работах анализировали достоинства и недостатки имеющегося опыта подготовки кадров для органов внутренних дел. Задача научного анализа, направленного на совершенствование данной деятельности тем более актуальна сегодня,

¹ Баркалов С. Н., Флусов Е. В. Исследование особенностей служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции для целей совершенствования физической подготовки в период профессионального обучения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 2. С. 129–133; Селезнев В. И. Обучение сотрудника полиции в России: обзор программ профессиональной подготовки в период 2010–2020 годов // Полицейская деятельность. 2022. № 1. С. 17–28.

когда развитие российского государства в условиях проведения Специальной военной операции и беспрецедентного давления на нашу страну со стороны стран совокупного Запада требует неуклонного повышения качества специалистов, находящихся на государственной службе, неотъемлемой частью которых является и полиция.

Действующая система профессионального обучения лиц, впервые принимаемых на службу в полицию, претерпела целую серию изменений и трансформаций с момента принятия в 2011 году Федерального закона «О полиции». Так, в условиях реализации нового подхода к работе с кадрами в полиции был издан приказ МВД России от 3 июля 2012 года № 663 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», отменивший Наставление по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (приказ МВД России от 29 июня 2009 года № 490). Вместо ранее существовавшего специального профессионального обучения впервые принятых на службу сотрудников ОВД, реализовывавшихся только в центрах профессиональной подготовки вводилась «первоначальная подготовка», которая реализовывалась как в центрах профессиональной подготовки, так и в образовательных учреждениях МВД России. Этот порядок был изменен приказом МВД России от 31 марта 2015 года № 385, утвердившем Порядок организации кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации. В соответствии с ним институциональной формой подготовки граждан, поступающих на службу в полицию, стало профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки по должности «Полицейский». В настоящее время порядок профессиональной подготовки регламентируется приказом МВД России от 5 мая 2018 года № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», который в целом сохраняет именно данную институциональную форму.

Анализ показывает, что в основе осуществленных трансформаций лежали фундаментальная идея качественного обновления системы профессионального обучения путем интеграции системы профессионального обучения в единое образовательное пространство Российской Федерации, сформированное на основе положений Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Десять лет — достаточный срок для того, чтобы увидеть достоинства и недостатки предложенной модели. Прежде всего, интеграция в единое образовательное пространство и замена первоначальной подготовки (института, не вписанного в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации») на профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки, привело к тому, что профессиональное обучение становится элементом образования, а, следовательно, должно осуществляться лицами, имеющими право на осуществление образовательной деятельности (преподавателями) в институциональных формах, прописанных в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации».

Таким образом, вместо сотрудников, включая сотрудников и руководителей практических подразделений территориальных органов МВД России, а также лиц, ответственных за проведение первоначальной подготовки ранее теперь образовательный процесс должны осуществлять люди, соответствующие требованиям, предъявляемым к педагогическим работникам. Более того, интеграция в единое образовательное пространство привела к тому, что местом реализации программ профессиональной подготовки становятся не только центры профессиональной подготовки, но и образовательные организации МВД России. При этом в ряде субъектов Российской Федерации центры профессиональной подготовки были расформированы в связи с наличием в данных регионах образовательных организаций МВД России, а в некоторых случаях произошло укрупнение центров профессиональной подготовки, которые обслуживают нужды нескольких регионов.

С одной стороны, повышение качества педагогической грамотности лиц, осуществляющих профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки является положительным фактором. Однако, с другой стороны, подобная интеграция привела к тому, что в большинстве образовательных организаций сотрудники, реализующие профессиональное обучение, вписаны в вузовское пространство с обязанностью заниматься научной деятельностью, проходить повышение квалификации по педагогическим направлениям.

Помимо этого, анализируемая институциональная трансформация системы профессионального обучения существенно изменила порядок привлечения практических сотрудников к профессиональному обучению. В новой институциональной форме привлечение практиков возможно в

рамках общих правил привлечения практиков к образовательному процессу, то есть на договорной основе. В условиях необходимости осуществления иной деятельности, помимо служебной, без нарушения требований законодательства о разрешении конфликта интересов, то есть при уведомительном порядке осуществления таковой деятельности и многочисленных проверках подобного рода деятельности, качества и порядка ее осуществления, необходимости совмещения ее с основной службой без ущерба интересам службы по основному месту работы мы сталкиваемся со снижением числа практических работников, изъявляющих желания принять участие в реализации профессионального обучения.

Третьим следствием введения профессионального обучения в единое образовательное пространство является то, что теперь в процессе обучения оказывается возможным использовать все формы реализации образования, включая и использование дистанционных технологий обучения, что активно использовалось в период пандемии *Covid-19* и предполагается к использованию теперь. Однако же по своей сути совершенно понятно, что профессиональное обучение (профессиональная подготовка) лиц, впервые принимаемых на службу в полицию, осуществляемая по онлайн технологиям представляет собой в значительной мере профанацию необходимой подготовки причем не только в сфере формирования практических навыков, но и в области общегуманитарной подготовки.

Помимо этого, интеграция профессионального обучения в единую систему образования Российской Федерации порождала коллизию, при которой обучение по программам высшего образования в образовательной организации МВД России не означало прохождения профессионального обучения (профессиональной подготовки). Второе представляло собой отдельную образовательную программу, которую пришлось включать в учебные планы по всем специальностям и реализовывать в форме учебной дисциплины «Основы профессиональной служебной деятельности» в объеме 900 часов, которые по своему содержанию повторяют и предваряют материал учебных дисциплин, планируемый к реализации в процессе получения высшего образования.

Таким образом, суммируя по ранее заявленным вопросам (где? как? и кто?) мы можем сказать, что в результате предпринятой реформы профессиональное обучение (профессиональная подготовка) лиц, впервые принимаемых на службу в полицию, проходит в образовательных организациях, формами и методами предусмотренными Федеральными законами «Об образовании в Российской Федерации» и осуществляют его педагоги. При этом представляется оправданным признать, что предложенный базовый принцип осуществления профессионального обучения путем интеграции его в единую систему образования в Российской Федерации влечет за собой больше недостатков, чем достоинств. Здесь следует вспомнить о советском опыте, в рамках которого первоначальная подготовка никогда не рассматривалась как вид образования. По своей сути она представляла собой разновидность курса молодого бойца. При этом советская система подготовки кадров для подразделений милиции четко разделяла те направления деятельности сотрудников, которые требовали теоретической подготовки (например, следствие, экспертно-криминалистическая деятельность), средней специальной подготовки (например, ГАИ) и направления деятельности, в рамках которых можно было обойтись исключительно первоначальной подготовкой, осуществляемой по месту службы в учебных центрах (ППС, участковые, ОРД).

Учебные центры при этом не являлись образовательными организациями, что значительно упрощало их деятельность с организационно-материальных позиций. Первоначальную подготовку осуществляли не педагоги, а практические сотрудники с большим опытом, что делало эту деятельность в большей мере практико-ориентированной, приближенной к потребностям и проблемам конкретного региона и конкретного вида правоохранительной деятельности. При этом формы и методы процесса первоначальной подготовки также варьировались вне обязательных рамок и ограничений, налагаемых педагогическими методиками.

Безусловно, следует признать, что в этом случае уровень общетеоретической подготовки лиц, принимаемых на службу, не будет достаточно высоким. Дальнейшее продвижение по службе, осуществление деятельности на должностях начальствующего состава потребует дополнительной подготовки. В настоящее время подобный недостаток вполне устраним путем обучения в образовательных организациях системы среднего профессионального и высшего образования МВД России, иных образовательных организациях. Скажем даже больше. Отказ от действующей модели «образовательные организации — образовательный процесс — педагоги» в рамках профессионального обучения (профессиональной подготовки) и возврат к первоначальной подготовке по

модели «учебные центры — первоначальная подготовка — практики» на уровне низового звена существенно повысит роль и значение организаций высшего и среднего профессионального образования системы МВД России, а также и то место, которое педагоги наставники будут занимать в системе подготовки кадров для органов внутренних дел.

Зуева Ольга Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России;

Демидов Николай Николаевич,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Проблемы совершенствования социологической подготовки руководителей полиции: вызовы и перспективы

В современном обществе полиция играет ключевую роль в обеспечении общественной безопасности и поддержании правопорядка. Эффективному выполнению основных функций полиции способствует активное взаимодействие с обществом. В связи с этим изучение социологии сотрудниками полиции приобретает особую значимость. Кроме того, изучение социологии позволяет понять социальные причины преступности, ее динамику и тенденции, позволяет лучше осмыслить происходящие события и преступления и, соответственно, разрабатывать эффективные превентивные и реагирующие мероприятия.

Важное место в деятельности органов внутренних дел занимает работа по укреплению доверительных отношений с обществом. Доверительные отношения, как правило, формируются в ходе регулярного взаимодействия полиции и граждан и способствует сотрудничеству в предотвращении преступности. Особое значение в формировании доверия граждан полиции имеет морально-этические характеристики полицейского, ориентированные не только на соблюдение принципов справедливости и законности, но и на эффективные навыки коммуникации, которые играют важную роль в урегулировании социальных конфликтов. Наличие базовых знаний в области социологии помогает полицейским сделать правильный моральный выбор для защиты прав граждан.

Еще более значимым является необходимость социологических знаний для руководителей полиции. Управленческая деятельность в правоохранении предполагает постоянный анализ поступающей извне информации, что диктует потребность в освоении руководителями органов внутренних дел навыков сбора, анализа социологической информации.

Остается актуальной проблема взаимоотношений полиции и гражданского общества. Устаревшая модель взаимодействия органов внутренних дел и граждан, когда роль населения в вопросах обеспечения общественной безопасности была ограниченной, в настоящее время постепенно уступает партнерским отношениям. Руководители ОВД в своей деятельности все чаще ориентируются на тесные контакты с различными неправительственными, религиозными, волонтерскими организациями и другими общественными объединениями. Приходит понимание, что общественность может предоставлять жизненно важную информацию о криминальных событиях в тех или иных регионах. При умелом построении коммуникации с гражданами эта информация помогает сотрудникам полиции в их деятельности по обеспечению правопорядка и борьбы с преступностью. Социологическая подготовка помогает руководителям органов внутренних дел эффективно выстраивать партнерские отношения между субъектами взаимодействия.

Вместе с тем, несмотря на всю значимость для деятельности полиции социологического знания, подготовка руководителей органов внутренних дел по социологическим дисциплинам сталкивается с рядом проблем: во-первых, это недостаточная подготовка руководителей в области социологии. Анализ данного факта позволяет выявить основные причины недостаточной подготовки в области социально-гуманитарных наук, в частности в области социологии. В первую очередь, это незначительное количество часов, отводимых на изучение дисциплины, предусмотренных учебными планами в ведомственных образовательных учреждениях системы Министерства внутренних дел

Российской Федерации. Здесь речь идет о выпускниках очной формы обучения. Безусловно, тематический план рабочей программы учебной дисциплины «Социология» включает в себя ряд тем, которые ориентированы на понимание сущности девиантного поведения, структуры общества, его национально-этнического и социально-демографического состава, но этого недостаточно для эффективного взаимодействия полицейских с гражданами.

Кроме того, падение престижа службы в полиции привело к оттоку высококвалифицированных кадров, которые оказались весьма конкурентно-способными на рынке труда, и нашли более высокооплачиваемую работу. Это привело к тому, что в настоящий момент значительную долю руководителей структурных подразделений территориальных органов внутренних дел заняли лица, которые проходили обучение по заочной форме обучения. В этом случае пробелы в области социологии гораздо серьезнее. Переосмысление отношений полиции с гражданами, налаживание диалога и выработки эффективной стратегии по предотвращению преступности невозможно без достаточной теоретической подготовки, которую такая категория руководителей не получила.

Пробелы, о которых говорилось выше, могут быть устранены в процессе получения дополнительного образования, повышения квалификации и самообразования. Значительную роль в подготовке руководителей территориальных органов внутренних дел играет Академия управления МВД России. Слушатели, проходящие обучение по программам магистратуры «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и «Управление персоналом», изучают такие дисциплины, как «Социология управления» и «Социология организаций и организационное поведение». Анализ проблематики, входящей в предметную область указанных социологических дисциплин, помогает руководителям эффективнее наладить процесс управления, прежде всего человеческими ресурсами, оптимизировать внешние и внутренние коммуникации, спрофилировать организационные патологии, сформировать организационную культуру в территориальных органах внутренних дел. Вместе с тем изучаемые социологические дисциплины управленческого характера, не ориентированы на то, чтобы полицейские переосмыслили свое взаимодействие с населением, деконструировали свою профессиональную практику.

Современные требования к работе должны быть ориентированы на то, что связь между полицией и населением является основой работы полицейских. Полиция должна работать для населения, а не против него, что необходимо внедрять в культуру поведения сотрудников полиции. Кроме того, общество не стоит на месте, оно изменяется, соответственно, видоизменяется и предметная область социологии. Это говорит о том, что полицейские, находящиеся в тесных взаимоотношениях с обществом, должны мгновенно реагировать на происходящие изменения, иметь возможность участвовать в изменениях. Без необходимых знаний в области социологии это сделать проблематично.

Без должного внимания остается проблема изучения общественного мнения о деятельности полиции. Известно, что общественное мнение и поддержка граждан в настоящий момент является одним из основных принципов деятельности полиции. Руководители территориальных органов внутренних дел обязаны организовывать изучение общественного мнения о деятельности полиции и принимать соответствующие меры управленческого характера. Пробелы в знаниях по процедуре организации и проведения социологического исследования приводят к тому, что результаты исследования не носят объективного характера. К сбору информации привлекаются чаще всего участковые, которые не имеют даже общих представлений по сбору социологической информации. Отсутствие знаний и несформированная без должного образования потребность в необходимости получения репрезентативных данных социологических опросов никогда не приведет к партнерским взаимоотношениям полиции и общества. Отсутствие внимания к потребностям граждан в сфере безопасности не позволит наладить диалог между полицией и гражданами и улучшить отношение последних к правоохранительному институту.

Таким образом, социологическая подготовка руководителей органов внутренних дел должна быть подвергнута серьезным качественным изменениям. В первую очередь, это касается пересмотра учебных планов в ведомственных вузах. Современная реальность требует более глубокого освоения дисциплины «Социология», предполагая и расширение тематики и увеличения аудиторных часов. Во-вторых, необходимо изменить подход к программам повышения квалификации, предполагающий не только изучение тем, имеющих отношение исключительно к профилю деятельности руководителя, но и темы, отражающие социологическую проблематику. Выполнение указанных условий, зависящих от образовательных организаций, позволит улучшить культуру применения социологического знания и оптимизировать отношения полиции и общества.

Коноплева Анна Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент, заместитель
начальника кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

**Эстетическое воспитание в вузах МВД России:
актуальные проблемы и пути их решения**

Служба в органах внутренних дел уже по своей природе связана с серьезными потрясениями, стрессами, перманентным переживанием негативных эмоций, которые неминуемо отражаются на личности сотрудника, ускоряя процесс профессионально-нравственной деформации. Происходящие пагубные изменения затрагивают не только личностные качества полицейского, но и влияют на его общение с гражданами, коллегами, близкими. Это препятствует процессу социализации, зачастую исключая сотрудника ОВД из системы социальных связей¹.

Одним из способов релаксации и отвлечения от негативных эмоций и переживаний, вызванных спецификой профессиональной деятельности, может стать искусство, которое традиционно выполняет целый комплекс социально и личностно значимых функций². Вместе с тем процесс подготовки современных полицейских в большей степени ориентирован на формирование профессионально значимых знаний, умений и навыков, в которых обращению к искусству как способу профилактики негативных проявлений в рамках аудиторной работы внимание уделяется достаточно редко или не уделяется совсем и зависит, скорее, исключительно от инициативы и педагогических возможностей преподавателя.

В условиях развития современного общества и государства актуализируется умение сотрудника ОВД соответствовать духу эпохи, обретают значение навыки не только контактировать с различными категориями граждан, но и творчески подходить к решению различных проблем. Это неминуемо поднимает вопрос о развитии личности полицейского. Наилучшим образом с этой непростой задачей справлялось искусство.

Однако обилие служебных задач, постоянная нехватка личного времени или же отсутствие своевременно выработанной эстетической потребности не позволяют в полной мере обращаться к искусству как способу переключения внимания и средству отдыха. Таким образом, искусство как неиссякаемый источник вдохновения не может быть использовано на благо в полной мере. К тому же умение понимать и корректно воспринимать произведения искусства (особенно, высокого) — навык, который требует значительных усилий и длительного времени для своего формирования. Это заставляет задуматься о возможных вариантах реализации эстетического воспитания на этапе образования в высших учебных заведениях и становлении личности молодого специалиста.

Но анализ реализуемых на сегодняшний день в вузах МВД России учебных планов и отсутствие в них даже намек на эстетическое просвещение в рамках учебного процесса дает основание для пессимистичных прогнозов, где гордое имя офицера полиции в ближайшем будущем будет связано исключительно с исполнителем служебных функций, носителем клипового мышления³, далекого от образа вдумчивого, эрудированного, тонко чувствующего особенности менталитета своего народа и дух эпохи, образа, с которым ассоциировались отечественные органы правопорядка в лучшие периоды своего существования, пользующиеся авторитетом и уважением у граждан.

Более того, в приказе МВД России от 25 декабря 2020 года № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» об эстетическом воспитании упоминается в контексте реализации воспитательной работы

¹ Чудина-Шмидт Н. В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59). Ч. II. С. 197–200.

² Бабурин С. Н. Юридическое образование как показатель цивилизационной культуры // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 131–138.

³ Смирнова М. И. Отрицательные аспекты использования информационных технологий в учебном процессе в вузе // Векторы развития информационных технологий: перспективы и направления: сборник тезисов научных статей I региональной научно-практической конференции, Гурзуф, 3–5 марта 2017 года / под ред. О. М. Назаренко. Симферополь: ИП Лавриненко Е. В., 2017. С. 100–103.

в рамках культурно-просветительской работы¹. Однако каким образом данный процесс в рамках аудиторной работы может быть реализован, не уточняется. Это заставляет говорить о посредственном отношении к искусству, скорее, как факультативному способу развлечения личности профессионала. А пункт 76.5 настоящего приказа при перечислении форм проведения культурно-просветительской работы выделяет «занятия в университетах, школах, лекториях и на факультетах культуры (эстетического воспитания)», проведение которых в нынешних условиях может носить скорее формальный характер.

В описанных условиях оптимальным способом разрешения сложившегося противоречия может быть организация эстетического воспитания и привития любви к искусству в рамках аудиторной работы как дополнительного средства воздействия на обучаемого. Дело в том, что специфика мировосприятия современной молодежи свидетельствует о невозможности проведения грубой агитационной работы и пропаганды. Искусство может быть использовано как средство мягкой силы, где его воспринимают не с позиции навязывания, а с позиции способа отвлечения от сухого преподнесения специализированного материала.

Нежкина Лариса Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
 философии и социально-гуманитарных дисциплин
 Восточно-Сибирского института МВД России

Дегуманизация в контексте преподавания социально-гуманитарных дисциплин государственным служащим

Сегодня дегуманизация в обществе, особенно среди молодежи ярко проявляется в том, как принимается и одобряется бессовестность, глупость, превосходство над другими, хищничество, манипуляции, пренебрежительное отношение к пожилым людям и инвалидам, культивируется тотальное недоверие. Доброта воспринимается как слабость, скромность как неумение подать себя, отзывчивость как напрасно потраченное время, принципиальность как: «А тебе, что больше всех надо?». А. Г. Асмолов подчеркнул, что сегодня происходит торжество незначительности, торжество приспособленцев и адаптантов².

Процесс дегуманизации в обществе ускоряют и усугубляют современные информационные, цифровые технологии, искусственный интеллект. Человек незаметно привязался к технике и не представляет своей жизни без нее, а значит зависим и это привело к тому, что человек стал рассматриваться как ее деталь, которую можно использовать, забрать как можно больше времени у человека, а потом продать его внимание рекламодателям.

На X Международном фестивале православных «Вера и слово», который прошел в октябре 2023 года, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Зале церковных соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя г. Москвы сказал: «Наблюдая то, что происходит, наблюдая, как вторгается искусственный интеллект во все стороны человеческой жизни, становится понятным, что речь идет, конечно, о дегуманизации человеческого общества. О потере той решающей роли, которую человек, свободный человек, силой своего разума, своей воли играет и в своей личной жизни, и в общественных отношениях»³.

Дегуманизация общества происходит, в том числе под влиянием дегуманизации образования, в котором человек, личность стремительно обесценивается, становится придатком искусственного интеллекта. Очевидно, что цифровизация значительно влияет на содержание образования, его главное предназначение, передачу опыта, знаний, культуры, накопленных многими поколениями, влияет на роль учителя, преподавателя, который является не только носителем знаний, он же воспитатель духовных и нравственных ценностей, мировоззрения.

Техника выглядит прогрессивно, цифровые, информационные технологии в образовании предоставляют массу возможностей, площадок для онлайн-взаимодействия и демонстрации в том

¹ Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 25 декабря 2020 года № 900. Доступ из СПС Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.10.2023).

² Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. Москва: Академия, Смысл. 2007. 528 с.

³ Патриарх о правах человека. URL: <http://christ-civ.livejournal.Com/550595.html> (дата обращения: 17.10.2023).

числе показателей, а значит внимание преподавателя в большей степени акцентируется на внешней, формальной стороне процесса обучения, на контроле и проверках. А воспитание? Понятно, что образовательная среда есть почва, и важно, что будет посеяно и какое будет питание, забота, любовь, а если этого нет, тогда разрушается духовность человека. По этому поводу А. Марей сказал, что цифровизацию следует рассматривать как изменение парадигмы мышления, общения и взаимодействия людей друг с другом и со средой¹.

Сегодня в обществе по данным опроса телеканала «Красная линия» более 70 % опрошенных граждан считают, что важнее личные связи, чем полученное образование². Однако понятно, что вопрос образования в обществе — это вопрос выживания общества и его развития, в противном случае процесс обратный.

Такое активное стремление образования к цифровой трансформации, повышает значимость профессионально-технических компетенций, при этом социально-гуманитарные знания, отражающие человека с его проблемами, переживаниями и его места в мире, оттесняются на другой план. В современном обществе и образовании социально-гуманитарные знания становятся не нужными, человек попадает в неестественную для него среду, металлизированную, отравляющую его, разлагающую целостные человеческие чувства. Это похоже на сказку «Снежная королева», когда Кай попал во дворец к Снежной королеве, он перестал чувствовать, перестал видеть красоту мира и любить. Он стал эмоционально холодным, злым и циничным. Однако в жизни все намного сложнее, дефицит социально-гуманитарных знаний лишает человека самостоятельности, воображения, совести...

А как человек может жить без совести? Как может лечить врач? Учитель? А государственный служащий? Говоря о совести особую озабоченность вызывает то, что цифровизация образования создает вызов этического характера в частности в подготовке государственных служащих. Эти сотрудники должны добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов, установленные законодательством.

К. А. Скальковский отмечал, что к полномочным представителям государства необходимо предъявлять самые высокие требования, поскольку речь идет о доверии народа к государственной власти³.

Граждане ожидают от государственных служащих реальных полезных дел и прежде всего добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей, а при личном взаимодействии с государственным служащим активное соучастие в решении острых жизнеобеспечивающих вопросов. От профессионализма, степени ответственности и отзывчивости государственных служащих зависит защита прав и свобод граждан, обеспечение закона и порядка, авторитет власти и т. д.

Поэтому одной из важнейших задач высшего профессионального образования по подготовке государственных служащих является два взаимосвязанных процесса как по узкопрофессиональной подготовке, так и социально-гуманитарной, направленной на человека как высшую ценность бытия, на сохранение духовных и нравственных ценностей.

Русакова Наталья Григорьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры транспортного права Волжского государственного университета водного транспорта

Перспективы развития института кураторства в современной высшей школе

Институт кураторства в российской высшей школе имеет многолетнюю историю: в начале XX века появляется инструкция для кураторов, в которой была определена роль куратора как посредника и попечителя между студентами и администрацией института⁴. С тех пор институт ку-

¹ Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 07.07.2023).

² Малинецкий Г. Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты. Москва: URSS, 2017. 248 с. (Синергетика: от прошлого к будущему. № 60).

³ Скальковский К. А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Санкт-Петербург, 1889.

⁴ Инструкция для кураторов Томского Технологического института Императора Николая II: утв. 26 февраля 1903 года / Томский технологический институт. Томск: Акцидентная типография В. М. Перельмана, [1903]. URL: <https://vk.com/@ntbtpu-istoricheskii-politehnicheskii> (дата обращения: 27.11.2023).

раторства не прекращал свою деятельность, и в настоящее время мы можем наблюдать развитие этого феномена.

Включение воспитательного компонента в образовательную деятельность в 2020 году значительно повлияло, в том числе на деятельность куратора¹, так как куратор является одним из основных субъектов воспитательного пространства вуза и, является «духовным посредником между обществом, профессией и студентом в освоении общей и профессиональной культуры»².

Данное обстоятельство находит подтверждение непосредственно в самой деятельности куратора. Основой кураторской деятельности всегда была, есть и будет организация работы по формированию у студентов традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это актуальное направление в кураторской деятельности. Кроме того, куратор внимательно и вдумчиво проводит индивидуально-воспитательную работу с обучающимися, встает на защиту интересов студентов, оказывает помощь в различных жизненных ситуациях, организует культурно-просветительскую работу и др. Приемы и методы у каждого куратора свои, авторские, но результат этой работы, без преувеличения, ожидают все: наряду с подготовкой профессионального специалиста, современная высшая школа должна подготовить высоко нравственного культурного человека, с системой традиционных российских духовно-нравственных ценностей, патриота своей Отчизны, знающего историю и традиции родной страны.

Отметим ряд существенных особенностей как в самой деятельности, так и личностных характеристик кураторов, например, отношение к выполняемой работе. Можно выделить два типа отношений к выполняемой работе кураторами: те, кто занимают активную позицию, то есть добросовестно неравнодушно оказывают помощь студентам. Особенно такая позиция кураторов актуальна на младших курсах, когда студенты сталкиваются с определенными трудностями в процессе адаптации к новым условиям и от реальной помощи кураторов во многом зависит дальнейшее их профессиональное становление. Антиподом активной позиции является пассивная выжидательная позиция в деятельности куратора, не проявляющего интереса к деятельности студенческого коллектива. Такой куратор осуществляет работу фрагментарно, часто с формальным подходом.

Анализ указанных позиций кураторов в современной высшей школе указывает на необходимость осуществлять подготовку преподавателей к осуществлению кураторской деятельности, формированию у них активной позиции. В развитие темы полагаем, что в системе педагогического образования должна появиться специальность — педагог-куратор. Данное предложение требует дополнительных исследований, затрат. Во многих вузах страны учеба кураторов проводится часто формально, а потому является неэффективной. Призваны спасти положение с обучением кураторов Советы кураторов, в которые входят авторитетные педагоги и наставники, способные передать знания, умения, навыки молодым преподавателям, не могут выполнить эту задачу в полном объеме.

Современные кураторы осуществляют деятельность по многим направлениям, одно из них — формирование общегражданской идентичности современной молодежи. В решении этой задачи, в том числе, задействованы такие учебные дисциплины, как «Основы Российской государственности», «История России», и куратор, осуществляя внеаудиторную деятельность с учебной группой, дополняет, укрепляет и формирует у современной молодежи осознание истории страны, традиционных духовно-нравственных ценностей, отношение к происходящим событиям в России и мире и др. В этой связи куратор проводит индивидуальные и групповые тематические беседы, направленные на информирование студентов по вопросам пропаганды неформальных молодежных объединений и экстремистских проявлений в интернете и социальных сетях, организывает встречи обучающихся с представителями силовых ведомств (МВД России, ФСБ России, МО РФ, прокуратура, МЧС России и иные, в том числе участники СВО и ветераны боевых действий), а также встречи с представителями религиозных конфессий. Особое место в кураторской деятельности составляет работа военно-патриотической направленности: память о погибших советских солдатах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и современных военных конфликтов.

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1:2> (дата обращения: 27.11.2023).

² Васильева Л. М. Педагогические условия повышения квалификации кураторов студенческой группы в колледже: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2004. С. 8.

Куратор организывает экскурсии на воинские мемориалы, музеи, выставочные залы, проводит беседы с обучающимися на военно-историческую и патриотическую тематику.

Вся эта деятельность требует от куратора определенных усилий, инноваций и, безусловно, личностных качеств. Так, в свете озвученных проблем у куратора должна быть хорошо развита эрудиция, так как куратору приходится отвечать на множество вопросов обучающихся. При этом он должен быть образованным и начитанным, то есть культурным наставником.

Следует упомянуть еще об одном профессиональном качестве куратора. Это оптимизм. Из многолетних педагогических наблюдений становится понятно, что куратор-оптимист преуспевает в профессиональной деятельности, тогда как пессимист теряет «скорость» принятия решений в значимых ситуациях и интерес к кураторской деятельности.

Таким образом, на протяжении длительного исторического периода институт кураторства убедительно доказывает свою жизнеспособность и состоятельность в учебно-воспитательном процессе современной высшей школы, решении актуальных задач, связанных с формированием общегражданской идентичности обучающихся на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уважительного отношения к истории и культуре родной страны.

Капитанова Надежда Валентиновна,
преподаватель кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД России

Основные направления подготовки преподавателей вузов к условиям работы в цифровой среде

Цифровые технологии заняли уверенные позиции в образовательном процессе. Возникшая цифровая образовательная среда представляет собой пространство, в котором участники взаимодействуют с помощью новых цифровых инструментов и технологий, пришедших на смену традиционным формам обучения. Применение педагогами цифровых технологий способствует эффективности процесса обучения, повышению активности обучающихся, расширению источников знаний за счет доступа к огромному количеству информации и ресурсов в любое время и в любом месте¹.

Стоит отметить, что социальный институт образования является важнейшим компонентом социализации молодежи и катализатором многих общественных процессов, поэтому к системе профессионального образования и преподавателям вузов предъявляются особые требования со стороны общества, поскольку педагогические работники участвуют в подготовке кадров для различных социальных областей. Для того, чтобы соответствовать вновь возникшим общественным и образовательным обстоятельствам, педагогам необходимо сформировать у себя необходимые компетенции.

Цель исследования состоит в выявлении основных направлений подготовки преподавателей вузов к работе в цифровой среде.

Уже проведенные исследования внедрения цифровых технологий в образовательную среду свидетельствуют о том, что современный преподаватель вынужден менять траекторию своей профессиональной деятельности с учетом сложившихся обстоятельств и имеющихся ресурсов.

Исследования, проведенные в период тотального дистанта позволяют сделать вывод о том, что основная проблема педагогов на начальных этапах вынужденной работы в «онлайн» (весной 2020 года) была связана с некоторой растерянностью в профессиональном самоопределении и выходе из «зоны комфорта». При этом педагоги подтверждали наличие навыков работы с цифровыми технологиями². Вопрос профессиональной самоидентификации в условиях цифровизации образования приобретает особую актуальность и значимость. Социальный статус педагога с учителя и наставника трансформировался в менеджера и модератора. Ученая степень и звание, ранее являющиеся показателем уровня подготовки педагога, отступают на второй план³.

¹ Андрюхина Л. М., Ломовцева Н. В., Садовникова Н. О., Коновалов А. А., Чебыкина И. В. Готовность педагогов профессионального образования к работе в условиях цифровой образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2.

² Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21584 (дата обращения: 14.07.2023).

³ Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий // Социальные гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 2. С. 25–39.

В данном случае видится развитие личностных (повышение уверенности в собственных силах, поддержание адекватной самооценки, развитие креативных способностей, овладение навыками саморегуляции) и профессионально-личностных (ответственность, профессиональный долг и опыт, альтруистическая мотивация) компонентов педагогов. Целесообразно данную работу проводить с привлечением специалистов психологических служб, имеющих во всех образовательных организациях.

Продуктивность преподавательского труда во многом определяется качеством их кооперации, поскольку сотрудничество является важнейшей составляющей ежедневного труда педагогов¹. Еще Р. Мертон утверждал, что «социальная сплоченность оказывает психологическую поддержку группы, испытывающей сильный стресс или беспокойство»². В основе образовательного процесса лежит взаимодействие между людьми, а значит человек является главной фигурой любой образовательной организации. Результаты авторского исследования «Влияние цифровых образовательных ресурсов на профессиональную деятельность педагогических работников высших учебных заведений МВД России», проводимого в 2021–2022 годы, ($n=420$) свидетельствуют о том, что самой популярной формой поддержки педагогических работников в кризисные моменты является взаимопомощь коллег. Таким образом, эффективным будет организовывать работу с педагогами в групповом формате в независимости от того, психологический тренинг или курсы повышения квалификации.

Важным направлением подготовки преподавателей к работе в цифровой среде является развитие их цифровой и компьютерной грамотности, которые, по мнению И. М. Максимовой, являются разными понятиями. Компьютерная грамотность подразумевает наличие навыков работы на компьютере, управления файлами, знание основных понятий информатики. Цифровая грамотность определяется набором знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета³. Освоение новых ресурсов и технологий способствует развитию и совершенствованию процесса преподавания. В данном случае эффективным будет прохождение педагогами курсов повышения квалификации. Подобный курс по вопросам использования электронной информационной образовательной среды и проектированию образовательных курсов организован в Нижегородской академии МВД России. Данный курс пользуется популярностью среди педагогических работников вуза, поскольку предоставляет возможность повысить свой профессиональный уровень, освоить интересные и полезные цифровые продукты и сервисы, научиться внедрять их в образовательный процесс, а значит повысить качество образования.

Следующее направление — материально-техническое обеспечение педагогов, в том числе финансовое. Оплата труда является проблемой притока кадров в сферу образования, а во-вторых, вынуждает большинство преподавателей подрабатывать дополнительно, что, естественно, влияет на самочувствие преподавателей и сказывается на качестве преподавания⁴. Таким образом, материальное стимулирование будет являться не только мерой поддержки, но и мотивацией педагогов на дальнейшую работу.

Итак, очевидно, что цифровые технологии, различные девайсы и гаджеты не могут стать достойной альтернативой человеческих качеств и живого общения, без которых невозможен полноценный процесс обучения. Воспитание достойных кадров для современного техногенного общества возможно только при наличии соответствующего профессионального уровня педагогов. Несмотря на то, что цифровизация образования — явление не новое, преподаватели вузов все еще нуждаются в помощи и поддержке. Эффективным видится создание комплекса мероприятий, основная цель которого состоит в подготовке педагогов к работе в цифровой образовательной среде.

¹ Кармаева Н. Н., Кармаев Н. А. Молодые преподаватели в условиях дифференциации в российском высшем образовании: практики сотрудничества // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 65.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 202.

³ Максимова И. М. Цифровизация юридического образования: теоретический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-yuridicheskogo-obrazovaniya-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 06.10.2023).

⁴ Бондаренко Л. Ю. Изменения в структуре и социальном статусе преподавателей высшей школы // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 125–127.

Михайлова Наталья Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
психологии и педагогики Нижегородской академии
МВД России

Формирование ценностей молодежи в профессиональной среде

Сформированность ценностей, ценностных ориентаций является показателем целостной личности, условием ее устойчивости к негативным воздействиям противоречивых выбросов чужеродных российскому обществу мнимых ценностей, основой формирования жизненных целей, собственной идентичности и самореализации и ориентиров для морального выбора, отношения к себе, миру, обществу, деятельности, людям. Общество с помощью ценностей и ценностных ориентаций транслирует культурное и историческое наследие, формирует одобряемое поведение каждого его члена. Организации на основе ценностей формируют концепцию деятельности, имидж, деловую репутацию, осуществляют внутренние и внешние связи, обеспечивают свою конкурентоспособность.

Определяя этимологию понятия «ценность», в первую очередь, необходимо обратиться к учению И. Канта, который рассматривал ее как свойство разумного человека и человеческого отношения к миру, как меру свободы и человечности. При этом не все ценности (по И. Канту) подлинные. Мнимыми ценностями он считал те, которые порождены честолюбием человека. Истинная ценность — моральная, так ценностью обладает «добрая воля», «долг», «культура» как общественная ценность человека.

М. Вебер определил ценность как меру оценки явлений, деятельности и ее результатов, основу норм поведения, познания мира и целей человека.

А. Н. Леонтьев отмечал, что ценность есть ведущий мотив, способный создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни¹.

В исследованиях Н. И. Лапина ценности обнаруживаются как обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм, позволяющих индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях².

Таким образом, ценность можно определить как:

- значимость, полезность процессов, явлений, объектов;
- нравственный идеал, эталон;
- систему мировоззренческих смыслов;
- ориентир для морального выбора;
- норму поведения;
- совокупность культурного наследия общества.

На сегодняшний день в рамках государственной политики достаточно много внимания уделяется формированию ценностей и ценностных ориентаций детей, подростков, юношей. В рамках образовательных программ изучается культурное и историческое наследие нашего народа, его традиции, воспитательная работа в целом стала носить более системный и целенаправленный характер. Для обеспечения воспитательной работы организуются интернет-площадки в помощь классному руководителю, реализуются программы повышения квалификации по данному направлению. Молодые люди активно привлекаются к участию в волонтерских, благотворительных и иных социальных проектах, создается тренд на молодежную высоконравственную активность, милосердие, соучастие, здоровый образ жизни, патриотизм.

Но молодежь 21–35 лет остается не охваченной этими процессами, после выпуска из учебных заведений она один на один встает перед моральным выбором, и то, какой выбор сделает молодой человек, будет зависеть, во-первых, от системы ранее сформированных ценностей и их устойчивости, а во-вторых, от тех образцов поведения, которые будет видеть молодой человек в профессиональной среде со стороны своих коллег и руководителя.

¹ Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. URL: [http:// www.follow.ru/article/344](http://www.follow.ru/article/344) (дата обращения: 06.10.2023).

² Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.

Нам видится необходимым обратить внимание на целенаправленное формирование в организациях корпоративной культуры, которая базировалась бы на нравственных принципах и ценностях российского общества (социальная ответственность (внешняя и внутренняя), взаимопомощь, командный дух, взаимопомощь, ориентация на развитие организации и персонала, честность, патриотизм (как преданность Родине, делу, организации), осознанная дисциплина, исполнительность, пунктуальность, этические отношения с коллегами, гражданами, сторонними организациями и др.

Исходя из вышесказанного, под корпоративной культурой мы будем понимать сложную систему норм, принципов, ценностей, смыслов, убеждений, на основе которых осуществляется деятельность организации, ее позиционирование в глазах заинтересованных сторон и общественности, взаимодействие между членами коллектива и внешними субъектами.

Следует заметить, что корпоративная культура может формироваться стихийно или целенаправленно. При стихийном формировании корпоративной культуры она наполняется ценностями, которые привносят члены коллектива, и каждый новый сотрудник дополняет ее, но это не обязательно будут позитивные образцы (это может быть халатность, пренебрежение, грубость и др.). Если мы хотим создать смыслы, убеждения, ценности нравственного характера — это должен быть целенаправленный, тщательно спланированный процесс по их формированию как неотъемлемой части каждого члена коллектива.

Коммерческие организации напрямую заинтересованы в формировании корпоративной культуры как с социальной, так и экономической стороны. Внешний эффект будет проявлен в конкурентоспособности организации как социально ответственного субъекта, в формировании позитивного имиджа и деловой репутации организации, а внутренняя часть культуры обеспечит формирование позитивного внутриорганизационного морально-психологического климата, сплоченности коллектива, чувства сопричастности, удовлетворенности работников, обеспечивает социализацию и адаптацию молодых, вновь пришедших сотрудников.

В задачи государственных организаций не входит привлечение клиентов и извлечение выгоды. Тем не менее государственные институты, органы, организации выполняют важнейшие нравственные задачи в рамках своей компетенции — социальное обеспечение, стабильность, безопасность, развитие общества. Здесь корпоративная культура — это образ государства в глазах общественности, его стабильность, доверие граждан.

Для формирования ценностей, ценностных отношений профессионального сообщества государственных структур, организаций, институтов необходимо: 1) поддерживать престижность службы (работы) в государственных органах, организациях и пр. (патриотическое, ценностное восприятие своей деятельности, гордость принадлежности к профессии), подкрепленную материальными и социальными гарантиями вместе с формированием высоких требований к представителям различных профессиональных сообществ, требовательностью выполнения кодексов этики и пр.; 2) обеспечить адекватную систему поощрений, соответствующую принятым нормам, ценностям, и санкций за не соблюдение соответствующих ценностей и норм; 3) формирование кадровых резервов, повышение по служебной лестнице не только на основе квалификационных требований, морально-волевых качеств, результатов труда, но и с учетом оценки уровня нравственности претендента на должность, морально-психологический климат в коллективе (для руководителей); создание позитивных примеров и образцов поведения как со стороны каждого члена коллектива, так и, в первую очередь, со стороны руководителей всех рангов; 5) формирование трендов поведения работников на основе таких понятий, как «патриотизм», «долг», «честь», «честность», «ответственность», «взаимопомощь», «уважение», таким образом, чтобы формировалось представление, что иначе быть не может, когда профессиональное сообщество не принимает иные образцы поведения; 6) формирование и поддержание позитивного имиджа в социальных сетях, интернет-площадках, СМИ.

Данный подход сегодня необходим. Сформированные позитивные ценности, ценностные ориентации в семье, школе, учреждениях профессионального образования должны поддерживаться и развиваться в профессиональных сообществах, тогда мы обеспечим непрерывность данного процесса и преемственность поколений.

Мусина Наталья Ивановна,

кандидат педагогических наук, врио заместителя
начальника кафедры управления Нижегородской
академии МВД России

Участие педагогических работников в формировании общегуманитарного мировоззрения обучающихся образовательных организаций МВД России

Перед педагогическими работниками зачастую встает вопрос о том, каким образом сформировать общегуманитарное мировоззрение. Большую роль играют учебные дисциплины общегуманитарного цикла (философия, история ОВД, профессиональная этика и служебный этикет, психология и педагогика в деятельности сотрудников ОВД и др.). Однако целью при преподавании указанных дисциплин не является рассматриваемый процесс формирования общегуманитарного мировоззрения как таковой. Практика педагогической деятельности указывает на то, что не только аудиторная, но и внеаудиторная деятельность может стать базовой для его формирования.

Основными задачами формирования общегуманитарного мировоззрения являются: стимулирование мотивации к обучению, систематизация и совершенствование актуальных и приобретение новых знаний в профессиональной сфере деятельности полиции; обогащение общегуманитарных идей в процессе взаимодействия и сотрудничества¹.

Личное отношение педагогических работников к рассматриваемой проблеме ориентирует на творческий подход к ее разрешению. Это дает возможность включить в процесс формирования больше субъектов, задействованных в образовательном процессе (аудиторном и внеаудиторном). К ним можно отнести представителей курсового звена (факультетов), педагогов-кураторов, участников лекторских групп и др., применив педагогические условия таким образом, чтобы и когнитивная активность, и интерес курсантов к гуманитарному познанию имели неформальный характер, ориентировали на создание позитивного восприятия в контексте «человек-человек».

Дидактика формулирует понятие «педагогические условия» как обстоятельства, оказывающие существенное влияние на протекание обучения и воспитания. К ним относят совокупность внешних (общественных, культурных, средовых и др.) и внутренних (учебно-методическая и материальная база, социально-психологический климат, уровень подготовки педагогических работников) и других факторов, ориентированных на обеспечение успешности образовательного процесса в формировании общегуманитарного мировоззрения. С учетом личностно-деятельностного подхода мы полагаемся на следующие педагогические условия:

1. Понимание педагогическими работниками и обучающимися общегуманитарного мировоззрения как глобальной ценности, направленной на развитие личности и позитивное социальное взаимодействие его субъектов.

2. Актуальное содержание и непрерывное обновление образовательной среды на основе комплексной интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности.

3. Активная деятельность педагогического работника, направленная на повышение личного профессионального мастерства в части знаний, умений и навыков, осуществление самомониторинга развития личностных качеств.

В заключении отметим, что перед ведомственным образованием МВД России поставлены трудные задачи формирования общегуманитарного мировоззрения, которое должно быть обращено на практику деятельности органов внутренних дел и обязательно профессионально-нравственное воспитание. Важно научить будущих сотрудников органов внутренних дел анализировать жизнедеятельность, поскольку профессия сотрудника полиции заключена в широком понимании сущности человеческого бытия.

¹ См.: О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. URL: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2023).

Сулима Игорь Иванович,

доктор философских наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и теологии Нижегородского
государственного педагогического университета
имени К. Минина

Потенциал антропологических вопросов в общегуманитарной подготовке

Актуально исследовать процесс совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов. Связано это с тремя направлениями. Во-первых, с ходом развития философской антропологии, во-вторых, с затишьем в педагогике и философии образования, не проявляющих продуктивности в концептуальном плане в последние десятилетия, в-третьих, с ситуацией в подготовке специалистов для государственной службы, которые оказались не готовы полномасштабно и эффективно противостоять тенденции формализации общественных отношений под напором цифровых технологий, бюрократизации управления.

На наш взгляд, повышение эффективности исследований в области педагогики и философии образования лежит через опору на методологические и гносеологические возможности философской антропологии, что доказывается теоретическими исследованиями Т. А. Козловой¹. При этом самостоятельная ценность исследований в области философии образования, возможность их применения для развития педагогической науки и практики сохраняется. Сохраняется и идеологическая составляющая исследований в области философии образования, значимая для совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов, в том числе для государственной службы². При этом сам по себе факт развития антропологических исследований в философии еще автоматически не гарантирует факт совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов. В этой связи выделяем три взаимосвязанных аспекта совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов, в том числе для государственной службы.

1. Современные антропологические изыскания нуждаются в практикоориентированности. Сложилось определенное противоречие. С одной стороны, современные антропологические исследования активно рассматривают вопросы, связанные с трансгуманизмом, а потом и постгуманизмом. Однако практика бытия человека, развитие медицины, биотехнологий, соответствующего законодательства, мировоззренческие позиции населения не опираются на выводы философской антропологии. Безотносительно философских концепций человек хочет вечной и легкой жизни без боли и страданий. Трансгуманизм и реальность сталкиваются в основном в ходе философских и идеологических дискуссий узкого круга специалистов и эти споры в целом не продуктивны ни в социальном плане, ни в плане целенаправленного использования их выводов в ходе совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов в системе высшего образования и в ходе повышения квалификации лиц, уже имеющих высшее образование.

С другой стороны, проблематика исследования «человека традиционного» в философской антропологии постепенно отходит на второй план или подменяется не всегда продуктивной и перспективной борьбой гуманизма с трансгуманизмом. Мировоззренческое противостояние гуманизма и трансгуманизма постепенно все меньше и меньше питает философскую антропологию как науку. Идеологический спор не всегда научный. Между тем именно научное содержание должно быть в основе содержания учебных предметов.

2. На наш взгляд, активный продуктивный поиск в педагогике и философии образования, которым они характеризовались в последние десятилетия XX века, сменяется мелкотемьем, конъюнктурностью, которые характерны для педагогики и философии образования начала XXI века, что не позволяет вносить принципиально качественно новый вклад в совершенствование общегуманитарной подготовки специалистов, в том числе в совершенствование общегуманитарной подготовки

¹ Козлова Т. А. Потенциал феноменологического подхода для человека и образования // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 1. С. 55–61.

² Ivashevskii S. L. Education and ideology // Russian Education and Society. 2011. Т. 53. № 6. С. 42–48.

специалистов для государственной службы. Программных статей выходит все меньше, стоит ориентироваться на ранее изданные работы¹.

3. Целый ряд исследователей характеризуют современную социальную ситуацию (в образовании, здравоохранении, социальной сфере, науке, управлении и т. д.) как бюрократизирующуюся, видят тенденцию углубляющейся формализации общественных отношений. Полагаем, что цифровизация, в том числе цифровизация управления вносит в формирование этих тенденций существенный вклад.

В этих условиях развитие общегуманитарной подготовки специалистов, на наш взгляд, будет способствовать гуманизации общества, повышению общей культуры, и в этом плане она уже носит обоснованный характер. Общество нуждается в специалистах, понимающих сущность социальных процессов, разбирающихся в истории и современных тенденциях развития языка, литературы, живописи, музыки, педагогики, психологии, архитектуры, дизайна и т. д. Естественно, ресурс развития общегуманитарной подготовки носит очень ограниченный характер, необходимо находить часы в учебном плане, преподавателей, учебные пособия и т. д. Экстенсивный рост не перспективен.

Полагаем, что необходимо для повышения эффективности общегуманитарной подготовки специалистов сделать акцент на философской антропологии в учебной программе специалистов и, прежде всего, будущих специалистов государственной службы. Они будут работать с людьми, поэтому должны понимать природу человека, ее двойственность, противоречивость, интенциональность, принципиальную неоконченность. Важно не просто иметь представление о биологии человека, его здоровье, психике, социальных характеристиках и экономических потребностях и интересах. Важно знать сущность человека.

Полагаем, что формальная опора на философскую антропологию, ее методологическую роль в ходе развития образования будет недостаточна. Методологически и аксиологически верно опираться на нее в контексте погруженности в отечественную культурную традицию, в частности в традицию русской философии, и методологически здесь значимы работы И. А. Треушникова². При этом учитываем, что всякая философия — это по существу история философии. Из этого истекает, что методологическая роль философской антропологии для философии образования и педагогики реализуется только в определенном культурно-историческом аспекте.

Для реализации такой методологической позиции накоплен определенный потенциал. Изданы труды О. А. Устинова³, В. И. Чуешова⁴, Я. С. Афанасьевой⁵, базовая работа П. С. Гуревича⁶ и не менее значимая работа Ф. И. Гиренка⁷, И. Л. Станиславовой⁸ и др.

Поэтому полагаем, что философская антропология уже сейчас многое может дать в теоретическом и прикладном плане для системы образования, в том числе для совершенствования общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы.

¹ Касьян А. А. Философия образования: статус и проблемы // Педагогическое обозрение. 1998. № 1. С. 14–18; Карпов А. О. Научное познание и системогенез современной школы // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 37–53; Наливайко Н. В. Философия образования в онтологических и аксиологических аспектах // Философия образования. 2003. № 7. С. 26–36.

² Треушников И. А. Культурно-цивилизационная идентификация России в русской религиозно-философской мысли // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: НГЛУ имени Н. А. Добролюбова, 2020. С. 83–86; Треушников И. А. Мировоззренческие основания российского образования // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Т. 9. Москва: ИПЛ, 2020. С. 151–156.

³ Устинов О. А. Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 492–503.

⁴ Чуешов В. И. Как возможна философская антропология, или о роли философской осмыслительности и прозорливости в современном человекознании // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 2. С. 38–43.

⁵ Афанасьева Я. С. Актуальные проблемы человека в контексте развития философской антропологии // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 35. С. 79–85.

⁶ Гуревич П. С. Статус философской антропологии // Философия и культура. 2011. № 8 (44). С. 4–6.

⁷ Гиренок Ф. И. Философские истоки нечеловеческой антропологии // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 8–13.

⁸ Станиславова И. Л. Самоактуализация личности с позиции философской антропологии // Аллея науки. 2018. Т. 6. № 4 (20). С. 280–283.

Международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам»

28 ноября 2023 года в Нижегородской академии МВД России совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» и Российской криминологической ассоциацией имени А. И. Долговой проведена международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам».

Повышенный интерес к традиционно проводимому научному форуму подтвержден большим количеством участников, в том числе международных, широким кругом рассматриваемых проблем. В этот раз на научной площадке академии как в очном, так и в дистанционном формате встретились ученые из России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Приднестровья, Монголии, представляющие образовательные и научные организации различной ведомственной принадлежности.

Состоявшаяся дискуссия позволила укрепить научные связи, изучить передовой опыт в сфере противодействия новым криминальным угрозам и определить перспективы дальнейшего сотрудничества по борьбе с преступностью.

International Scientific and Practical Conference “Theory and practice of countering modern criminal threats”

On November 28, 2023, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, together with the Nizhny Novgorod branch of the international public organization “Union of Criminologists and Criminologists” and the Russian Criminological Association named after A. I. Dolgova, held an international scientific and practical conference “Theory and practice of countering modern criminal threats”.

The increased interest in the traditionally held scientific forum is confirmed by a large number of participants, including international ones, and a wide range of issues under consideration. This time, scientists from Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan, Tajikistan, Pridnestrovie, Mongolia, representing educational and scientific organizations of various departmental affiliation, met on the scientific site of the Academy both in person and remotely.

The discussion made it possible to strengthen scientific ties, study best practices in countering new criminal threats and identify prospects for further cooperation in combating crime.

Гаверилев Борис Яковлевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

К вопросу о некоторых проблемах совершенствования уголовной политики: мнение ученого и позиция правоприменителя

Законодательство в сфере борьбы с преступностью в целом и его уголовно-правовая и уголовно-процессуальная составляющие являются динамическими явлениями реальной действительности. Эффективность функционирования данной отрасли права зависит не только и не столько от качества сформулированных в них правовых норм, регулирующих общественные отношения, сколько от реальных потребностей в их существовании, их реализация правоохранительными органами с учетом складывающихся социальных, экономических и правовых факторов.

Более того, в процессе разрешения проблемных вопросов уголовно-правового характера необходимо стремиться к исключению влияния субъективных факторов, вызванных, в частности, консервативными предубеждениями как законодателя, так и представителей научного сообщества и правоприменителей к представлению по совершенствованию как Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), так и Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ). При этом исключительно важным фактором при анализе эффективности действия конкретных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов является преодоление зашоренности и догматизма мышления как ученых, так и правоприменителей в реальной оценке действующего состояния законодательства уголовно-правового комплекса, необходимости и возможности его совершенствования.

В настоящей публикации автором подвержена критике эффективность ряда уголовных и уголовно-процессуальных институтов современного досудебного производства, регламентирующих начало производства по уголовному делу, сроки предварительного расследования, процедуру предъявления обвинения; современное состояние уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и штрафа как основного вида наказания применительно к категоризации преступных деяний, а также идет речь о необходимости снижения уровня уголовной репрессии путем возвращения в российское законодательство уголовного проступка (*в дореволюционном законодательстве — проступок*) и, соответственно, введение для расследования данной категории противоправных деяний более упрощенной по сравнению с действующей формой расследования и ряд других правовых новаций.

Вопросы реформирования законодательства рассматриваются автором с учетом как его продолжительной (более 30 лет) деятельности в органах предварительного следствия и органах дознания, так и лица, принимавшего непосредственное участие в работе в составе рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям, а также принимавшего непосредственное участие в разработке ряда законопроектов, являясь членом экспертных советов при Комитете по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день содержание УПК РФ и УК РФ существенно изменено. Так, в УПК РФ с момента вступления его с 1 июля 2002 года в действие было принято уже 300 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений, что повлекло за собой в том числе и появление новых процессуальных институтов. Существенные изменения потерпела и редакция УК РФ 1996 года, в который внесены на 1 января 2024 года изменения 311 федеральными законами в 1 872 состава преступления, что повлекло за собой критику со стороны научного сообщества и правоприменителей.

Вместе с тем автор считает необходимым указать, что столь значительный объем изменений в определенной степени явился закономерным и вполне обоснованным, учитывая, что выявить определенные противоречия и пробелы возможно исключительно в ходе их практического применения. При этом часть изменений как в УК, так и УПК РФ была обусловлена необходимостью реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в части приведения их отдельных норм в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также необходимостью снижения уровня уголовной репрессии. Вместе с тем внесение одних изменений зачастую предопределяет необходимость пересмотра других вполне устоявшихся правовых положений, наличие которых утрачивает свое прежнее значение в связи с данными изменениями. Одновременно следует отметить, что отдельные поправки как в УПК РФ, так и в УК РФ не вызывались необходимостью, а в ряде случаев носили характер контрреформ, обусловленных в том числе и позицией Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации (в УК РФ — это декриминализация отдельных видов преступлений, возвращения неоднократности как квалифицирующего признака и ряд других, в УПК РФ — частичное возвращение института судебного дознания, возвращение к форме обвинительного заключения по УПК РСФСР и ряд других), на что указывал как автор в своих публикациях³, так и профессор В. П. Божьев⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 5 декабря 2001 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

³ Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

⁴ Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.

Определенные изменения, на первый взгляд, могут показаться по их масштабности чрезмерными для осознания правоприменителем, но в конечном итоге они были признаны целесообразными. В частности, в результате реформ уголовно-процессуального законодательства в 2007 году¹ состоялась реструктуризация органов прокуратуры путем вывода следователей из их состава с последующим образованием самостоятельного федерального органа — Следственного комитета Российской Федерации²; произошло разделение функций надзора при осуществлении предварительного следствия и процессуального руководства расследованием, совмещенных ранее в лице прокурора, путем передачи полномочий по процессуальному руководству следователями руководителю следственного органа; исключено согласование с прокурором процессуальных решений должностных лиц органов предварительного расследования и органов дознания о возбуждении дела и одновременно исключено из перечня полномочий прокурора его право на возбуждение уголовного дела, на чем автор настаивал на протяжении 5-ти лет после принятия УПК РФ. В качестве участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в УПК РФ — были введены начальник подразделения дознания³ на чем автор настаивал еще в период подготовки и принятия УПК РФ, а в последующем — и начальник органа дознания⁴.

Эффективность данных изменений возможно проследить на основании нижеприведенных статистических данных (рис. 1–3):

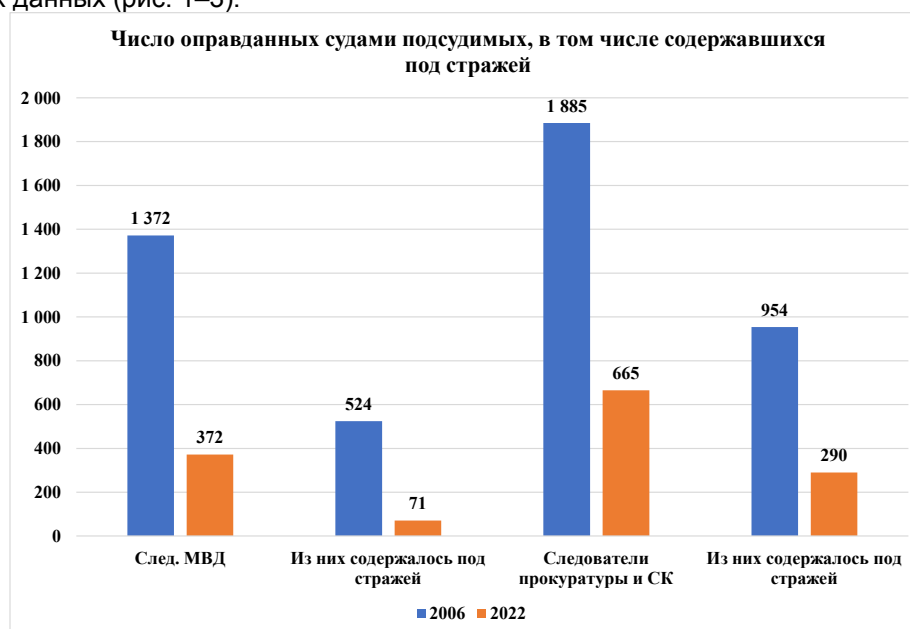

Рис. 1. Статистические данные о числе оправданных судами подсудимых, в том числе содержащихся под стражей⁵

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 18 мая 2007 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 25 мая 2007 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

² О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ (ред. 27 ноября 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 22 декабря 2010 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 24 декабря 2010 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 18 мая 2007 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 25 мая 2007 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30 декабря 2015 года № 440-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Статистические данные о числе лиц, оправданных судом, в том числе на 1 000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей за период с 2006 по 2022 год / Статистические данные ГИАЦ МВД России: URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.10.2023).

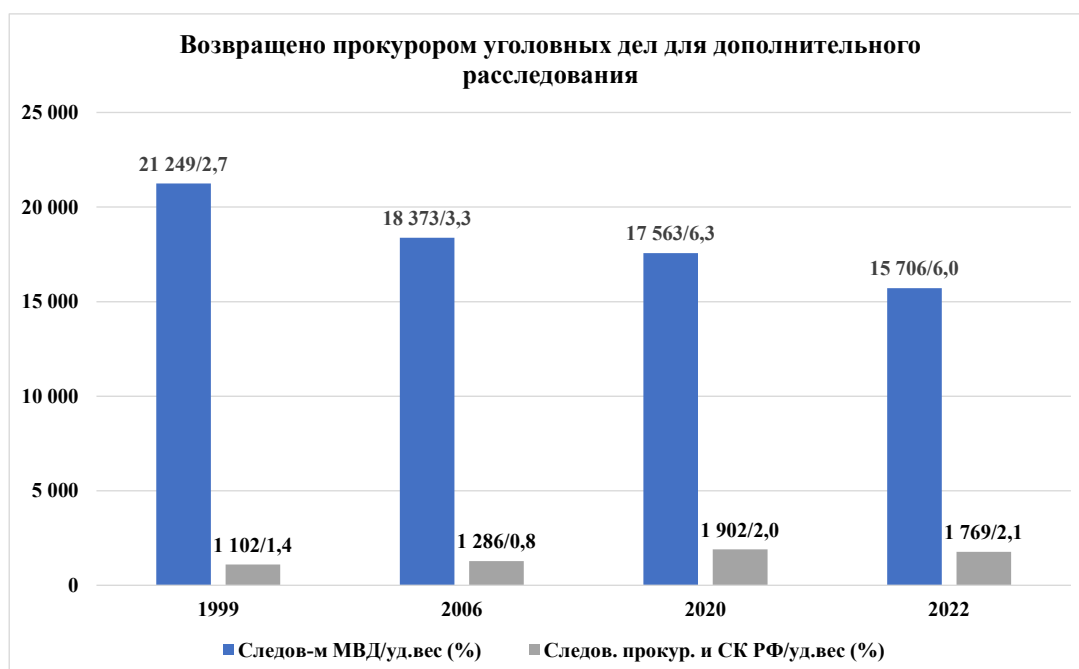

Рис. 2. Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователем и судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ¹

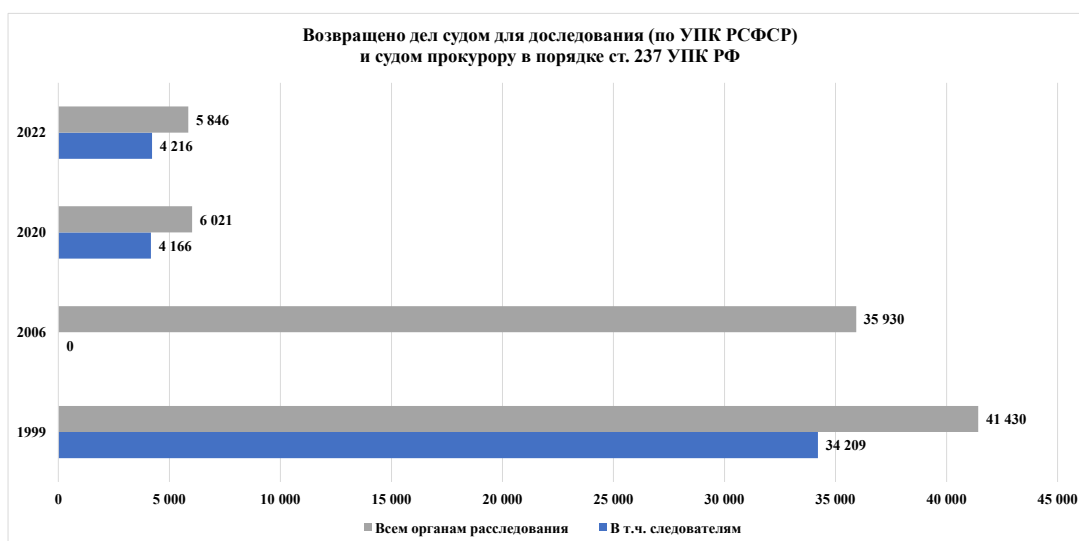

Рис. 3. Возвращено дел судом для доследования (по УПК РСФСР) и судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ

Так, статистические данные рисунка 1 свидетельствуют о повышении уровня процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа, о чем свидетельствует многократное сокращение числа оправданных судом лиц, незаконно, необоснованно привлеченных органами предварительного следствия к уголовной ответственности, и — особенно содержащихся под стражей, нередко, весьма длительные сроки, исчисляемые в ряде случаев годами.

В свою очередь, данные рисунка 2 демонстрируют усиление надзорной деятельности прокурора, о чем свидетельствуют увеличение количества возвращенных прокурорами уголовных дел

¹ Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователям МВД, прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации и возвращенных судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ в период с 1999 по 2022 год / Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.10.2023).

для дополнительного расследования при одновременном многократном сокращении количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ (фактически на дополнительное расследование) — рисунок 3.

Более того, зачастую целесообразные и реально необходимые предложения представителей научного сообщества по правовому регулированию общественных отношений претерпевают существенные испытания временем, прежде чем находят свое воплощение в законе. Так, автором настоящей публикации еще на этапе подготовки проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям как членом рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы предлагалось включить нормы о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, о введении в систему участников уголовного судопроизводства начальника специализированного подразделения дознания и ряд других предложений, которые были реализованы в уголовно-процессуальном законе лишь в последующие годы, как это следует из изложенного выше¹.

В свою очередь, автором выделяется ряд проблем и предложений по разрешению ряда стоящих перед правоохранителем и, соответственно, законодателем, которые на сегодняшний день еще не нашли своего воплощения в нормах уголовно-процессуального и уголовного законов, на обоснование решения которых и направлено содержание настоящей публикации.

1. Институт возбуждения уголовного дела: необходим ли он российскому законодательству и в каком виде? Данный вопрос является сегодня одним из наиболее обсуждаемых среди членов научного общества и части правоприменителей в области уголовно-процессуального законодательства, включая теоретико-прикладное значение данной стадии уголовного процесса, ее наличие в УПК РФ сегодня определяет, во-первых, низкую эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляется менее 30 % от числа возбужденных уголовных дел) и, во-вторых, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела нарушаются права ежегодно порядка 5 миллионов пострадавших на их доступ к правосудию, компенсацию причиненного им преступлением ущерба, регламентированного статьей 52 Конституции Российской Федерации.

На сегодняшний день растет число сторонников как среди практикующих юристов, так и представителей науки, придерживающихся позиции о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, что составляет сущность стадии возбуждения уголовного дела². При этом следует учитывать положения Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года в той части, что: «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела»³.

Среди негативных последствий действия института возбуждения уголовного дела необходимо также выделить:

— непроизводительные затраты труда порядка 20 тысяч следователей, дознавателей и сотрудников полиции, обусловленные затратами на вынесение ими в общей сложности ежегодно порядка 8–9 млн (с повторным) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, и труда многочисленной «армии» прокуроров, которые вынуждены их отменять в силу незаконности и необоснованности их принятия, и ряд других негативных последствий;

— сокращение за последние годы в 2 раза (с 3,3 млн в 2006 году до 1,6 млн за 2023 год) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания решений о возбуждении уголовного дела при одновременном увеличении за данный период практически на это же количество «отказных» материалов (с 4,5 млн до 6 млн (табл. 1));

¹ Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

² См.: Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Володина Л. М. Стадия возбуждения уголовного дела: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы расследования преступлений» (Следственный комитет Российской Федерации). Москва, 2013. С. 212–217; Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–21; Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16 и др.

³ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2023).

Таблица 1

Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел
и «отказных» материалов

	2006	2022	2023
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,9	11,8
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,6	1,6
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8 %	16,2 %	13,5 %
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,0	6,2

— в значительном сокращении за последнее десятилетие (на 888,6 тыс.) количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн в 2006 году до 895,6 тыс. преступлений в 2023 году или на 49,8 %) и тем самым снижению эффективности деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

— так называемый «тренд» преступности, значение которого к 2010 году должно было достигнуть уровня 4,0 млн преступлений в год. Однако к 2023 году по отношению к 2006 году показатель преступности сократился на 1,9 млн преступлений или на 49,5 % (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о состоянии преступности в 1980–2022 годы (и 6 месяцев 2023 года)

Временной период	1980	1991	1999	2006	2016	2010	2022	2023
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	2,160	2,004	1,957	1,947

2. Проблема первичного срока процессуального расследования. Анализ действующей редакции части 5 статьи 162 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что правовое содержание указанного положения, фактически его ограничивающего лишь сроком давности привлечения к уголовной ответственности не соответствует введенной в УПК РФ норме — принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ¹ и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11-П² по уголовным делам не должен превышать 4-х лет, что влечет за собой необходимость исключения положений пунктом 1 статьи 162 из УПК РФ. Также следует отметить, что содержание статьи 162 УПК РФ аналогично положению статьи 119 УПК РСФСР 1922 года³ при том, что о первоначальном (2 месяца) сроке предварительного следствия большая часть уголовных дел по уровню сложности многократно превышает тот, что прослеживался 100 лет назад.

3. Требуется пересмотр процессуального института предъявления обвинения. Автором публикации неоднократно еще в период подготовки УПК РФ ко второму чтению (1999–2001) обосновывалась позиция об анахронизме института предъявления обвинения, как утратившего свою актуальность в связи с рядом преобразований в уголовно-процессуальном законодательстве. К числу наиболее значимых аргументов следует отнести.

Первый: утрату взаимосвязи предъявления обвинения с момента вступления в уголовное дело защитника. Необходимо указать, что в советский период (до 1972) участие защитника в ходе предварительного расследования фактически не предусматривалось, что вступало

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 21 апреля 2010 года: одобрен Советом Федерации 28 апреля 2010 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

³ Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

в противоречие с нормами международного права, в том числе с Всеобщей декларацией прав человека¹, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод² и другими³. Так, статья 47 УПК РСФСР 1960 года предусматривала участие в уголовном деле защитника лишь при производстве по уголовному делу в форме предварительного следствия и исключительно на этапе окончания расследования при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. В свою очередь, по уголовным делам, расследованным в форме дознания, право на участие защитника вообще не предусматривалось (ст. 120 УПК РСФСР)⁴ и данное право лицо приобретало непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Лишь спустя десятилетие после принятия УПК РСФСР указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года⁵ в уголовно-процессуальном законодательстве обвиняемому было предоставлено право иметь защитника по постановлению прокурора с момента предъявления обвинения. Исключения носили частный характер для лиц, которые в силу физических или психических недостатков не способны были самостоятельно защищать свои права. Участие защитника для них законодатель предусматривал с момента предъявления обвинения без вынесения прокурором соответствующего решения (ст. 47 УПК РСФСР).

Последующий процесс внесения изменений в российское уголовно-процессуальное законодательство предусмотрел возможность вступления защитника на более ранних этапах уголовного судопроизводства. Так, с принятием Закона Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1⁶ участие защитника в уголовном деле законодатель предусмотрел как при производстве предварительного следствия, так и при производстве дознания, а также при задержании лица в качестве подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения (ст. 47 УПК РСФСР).

И лишь с принятием Федерального закона от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ участие в уголовном деле защитника было предусмотрено с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица⁷, что стало отправной точкой нивелирования значения института предъявления обвинения.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» обязывают следователя, дознавателя обеспечивать участие адвоката (фактически в статусе защитника) еще на этапе проверки сообщения о преступлении⁸. Приняв данную норму, законодатель фактически реализовал требования постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П по делу В. И. Маслова⁹.

¹ Всеобщая декларация прав человека: Генеральная Ассамблея ООН от 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. № 67.

² О защите прав человека и основных свобод: конвенция от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах: резолюция 2 200 (XXI) на 1 496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 26, ст. 663.

⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: закон Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 25, ст. 1389.

⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 58-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 26 апреля 2002 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 15 мая 2002 года // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22, ст. 2027.

⁸ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

⁹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

Сущность второго аргумента состоит в отсутствии существенных различий в правовых статусах подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), поскольку при трансформации статуса подозреваемого в статус обвиняемого происходит лишь некая конкретизация процессуальных прав применительно к завершающим этапам расследования: ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, заявление ходатайств при окончании уголовного дела; вручение обвиняемому копии обвинительного заключения и ряда других прав, предусмотренных на судебных стадиях.

Еще одним аргументом является то, что решение законодателя об отказе от предъявления обвинения при расследовании уголовных дел в форме дознания. Так, по направленным в суд за время действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения порядка 5 млн уголовных дел, по которым жалоб со стороны осужденных в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение их права на защиту от обвинения не поступало.

Научный и прикладной интерес представлен и позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что пределы судебного разбирательства определяются предъявленным в ходе расследования обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)¹.

Взаимосвязанной с предложенной выше позицией является вопрос устранения недостатков предварительного расследования, включая изменение обвинения на более тяжкое. Основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования на протяжении десятилетий выступал институт судебного доследования (ст. 232 УПК РСФСР, 1960), негативным результатом действия которого было ежегодное возвращение судом от 45 до 56 тыс. уголовных дел для производства по ним дополнительного расследования, которые нередко заключались в проведении отдельных следственных действий и в восполнении иных недостатков предварительного расследования, включая перепредъявление обвинения на более тяжкое. При этом по каждому второму делу до возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам — от 1,5 до 2-х лет, что в связи с изменениями 2010 года о включении в УПК РФ принципа разумного срока судопроизводства сегодня недопустимо.

Для решения данной проблемы представляется целесообразным обращение к зарубежному опыту, нормы которого предоставляют возможность изменения обвинения непосредственно в суде. Подобный подход отражается как в странах Западной Европы, например, Англии, Уэльса, Шотландии, являющихся представителями англосаксонской правовой семьи², так и в странах СНГ (например, Республика Казахстан и Республика Беларусь). Так, согласно части 2 статьи 301 УПК Республики Беларусь, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в дополнении расследования или изменения обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток, который может быть продлен до 30 суток, и предлагает прокурору устранить выявленные недостатки и перепредъявить обвинение, ознакомить стороны с результатами расследования после чего судебное разбирательство продолжается³.

В этой связи предлагается с учетом особенности российского уголовного судопроизводства закрепить следующую процедуру изменения обвинения на более тяжкое. Так, заявление государственного обвинителя об изменении обвинения на более тяжкое может быть реализовано путем представления суду формулировки нового обвинения в письменном виде, после чего следует предъявление прокурором обвиняемому нового обвинения, в том числе в совершении более тяжкого преступления, чем предъявлено органом предварительного расследования, а также разъяснение сущности указанного обвинения, для чего в судебном заседании должен быть объявлен перерыв, чтобы у стороны защиты имелось время, необходимое для подготовки к защите

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

² Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 // Документ зарегистрирован в НРПА 20 августа 1999 года. № 2/71.

от нового обвинения, после чего судебное разбирательство продолжается в пределах нового обвинения.

4. О введении уголовного проступка. К вопросу введения в УК РФ уголовного проступка обращались многие ученые: С. Г. Келина¹, Н. Ф. Кузнецова², С. В. Максимов³, Е. В. Рогова, В. Ф. Цепелев⁴ и др., а также представители практических органов расследования (В. В. Гордиенко⁵, Б. Я. Гаврилов⁶ и др.). Основная цель предложений указанных и других представителей науки и практики состоит в дифференцированности противоправных деяний на преступления и уголовные проступки в зависимости от тяжести совершенного деяния, что обусловлено необходимостью реальной правовой оценки преступных деяний с учетом степени общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего.

Обусловлено это и тем, что число лиц, отбывающих наказание, составило в России на 100 тыс. населения 630 человек, в Скандинавских странах — 88, Италии — 78, Франции — 100, Испании — 126.

5. Протокольная форма предварительного расследования. Автором публикации обосновывается, что введение уголовно-правовой категории «уголовный проступок» обуславливает необходимость возвращения в досудебное производство протокольной формы расследования (по УПК РСФСР так называемой протокольной формы досудебной подготовки материалов, по которой ежегодно в суд направлялось по 200–250 тыс. материалов о преступлениях небольшой тяжести). К причине обращения к протокольной форме расследования следует отнести и оценочные мнения как среди научного сообщества, так и практических сотрудников органов внутренних дел по поводу введенного в УПК указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), отмечая, что по объему выполняемых по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий и срокам расследования дознание в сокращенной форме практически ничем не отличается от дознания в общем порядке.

Сущность предлагаемой автором протокольной формы расследования состоит в том, что: 1) расследование осуществляется в отношении конкретного лица, если обстоятельства совершенного преступления очевидны и не требуется проведения всего комплекса процессуальных действий; 2) не предусматривается вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, одновременно уголовно-процессуальный закон должен ограничивать производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля-очевидца; 3) производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных статьей 196 УПК РФ; 4) предусматривается задержание подозреваемого лица в порядке статьями 91, 92 УПК РФ, с учетом чего срок расследования предлагается установить в 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору, а последним в суд, который продлевает срок содержания лица под стражей до 72 часов и в течение данного срока рассматривает уголовное дело.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что высказанные в настоящей публикации предложения обуславливают необходимость разработки концепции совершенствования уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства, для создания которой на сегодняшний день имеются необходимые условия, вытекающие из ряда уже принятых изменений в УПК РФ и УК РФ, правовых, экономических и иных факторов. Безусловно, данному процессу в значительной мере препятствует закрепившийся в нашем сознании консервативный подход относительно незыблемости названных выше правовых институтов, а также нежелание и непринятие всего нового, что может нарушить устоявшееся состояние законодательства.

¹ Келина С. Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: Наука, 1987. С. 51.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во Московского университета, 1969. С. 530.

³ Максимов С. В. и др. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / под общ. ред. С. В. Максимова. Москва: Институт государства и права РАН. 2014. С. 130.

⁴ Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. 27–28 мая 2004 года. Москва, 2005.

⁵ Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 4–5.

⁶ Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.

Скаков Айдаркан Байдекович,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России (г. Рязань)

О предложениях в уголовно-правовое и уголовно-исполнительное законодательства Казахстана

Современное состояние законодательства, реализуемого в уголовной политике Казахстана, свидетельствует о необходимости коренного его изменения. Высказанное нами мнение основывается на наличии коллизий и пробелов в нем, что существенно понижает эффективность проводимой государством политики по борьбе с преступностью. Особенно подвержено указанным выше и иным недостаткам уголовное законодательство, что, безусловно, отражается на других видах законодательства, в частности на уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном, поэтому для повышения эффективности уголовной политики государства и обеспечения его безопасности в целом необходимо реформировать уголовно-правовое законодательство, имплементировав в него современные достижения науки, всесторонне апробированные правоприменительной деятельностью правоохранительных и иных государственных органов.

В этой связи нами предлагается следующее:

1. Осуществить перенос уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных институтов, закрепленных в Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах. Это позволит освободить первый от исполнения несвойственной ему функции, что, несомненно, значительно повысит его эффективность. Будет решаться главная задача уголовного законодательства — установления тождества между деянием, совершенным правонарушителем и статьей в Общей и Особенной части Уголовного кодекса (то есть квалификация преступного деяния).

2. Исключить правовой институт «Пределы необходимой обороны» из правоприменительной практики уголовного судопроизводства как препятствующий, показать правопослушным гражданам свое негативное отношение к уголовным правонарушениям путем активного сопротивления им, вплоть до применения оружия (охотничьи ружья, ножи и т. д.). В целом же норма о необходимой обороне должна быть сохранена.

3. Рецидив должен учитываться не судом при вынесении приговора и назначении наказания, а воспитательными подразделениями учреждений и органов, исполняющих наказания, при реализации основных мер воздействия на осужденных. Повторная судимость должна рассматриваться как брак в работе пенитенциарных органов.

4. Объектом изнасилования должен быть признан не только субъект женского пола, но и мужского.

5. Коррупция должна видеться как один из видов организованной преступности и ее субъектом должны быть должностные и приравненные к ним лица, депутаты всех уровней власти, представители общественных организаций, участники международных организаций и т. д., вплоть до физических и юридических лиц.

6. Система наказаний должна быть реформирована с включением пожизненного лишения свободы как самостоятельного вида наказания с двумя подвидами: с правом на условно-досрочное освобождение и без такового. Касательно других видов наказания, то они в случае отсутствия надлежащего их финансирования должны быть исключены.

7. Казахстан с момента приобретения независимости борется с преступлениями коррупционной направленности. Были приняты два закона: «О борьбе с коррупцией»¹ и «О противодействии коррупции»², внесены ряд изменений в Уголовный кодекс, однако до настоящего времени наша республика продолжает относиться к числу наиболее коррумпированных стран. На наш взгляд, данный факт объясняется отсутствием единого понимания исследуемого социального явления, ее подмены взяточничеством. Данное обстоятельство позволяет сделать нам вывод о необходимости формулирования нового определения коррупции.

¹ О борьбе с коррупцией: закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года № 267-І.

² О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410- V.

Остановимся на некоторых аспектах уголовно-исполнительного законодательства.

Несмотря на то, что Закон от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗПК «О пробации»¹ характеризуется относительно коротким периодом применения, имеются основания для выделения как положительного, так и отрицательного опыта.

К положительным достижениям реализации названного закона можно отнести:

1. Осознание важности продолжения процесса развития системы уголовных наказаний.
2. Уяснение законодательной необходимости формулирования дефиниции «прогрессивная система исполнения наказаний».
3. С целью выработки наиболее эффективных мер поощрения и взыскания осужденных предлагается разработать научно-обоснованные критерии оценки.
4. Сформировано понимание выделения отдельных видов пробации — досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной.
5. Установлена необходимость осуществления исполнения всех видов уголовных наказаний и пробации одним органом — Комитетом уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

Отрицательные черты связаны:

1. С отсутствием ряда необходимых элементов, позволяющих более эффективно реализовывать прогрессивную систему исполнения наказания в виде лишения свободы.
2. Закрепление отдельных полномочий в рамках пробации у непрофильных государственных органов.
3. Недостаточной профессиональной подготовкой сотрудников пенитенциарной службы и т. д.

Другой выявленной проблемой является отсутствие отдельных условий содержания (например, льготных) и недостаточное количество (в зависимости от количества условий содержания и институтов прогрессивной системы) оценок положительного поведения осужденного. Так, вместо шести степеней положительного поведения осужденного в законодательстве предусмотрено только три. Более того, степени оценки поведения относятся к обычным и облегченным условиям содержания осужденных при действии только одного института прогрессивной системы — правовой институт изменения условий содержания в пределах одного вида пенитенциарного учреждения. Полагаем, что наиболее оптимальным явилось бы введение в пенитенциарную практику дорожной карты, предполагающей установление различных степеней положительного поведения спецконтингента. Низшие степени должны предполагать улучшение условий содержания, а высшие предусматривать замену более мягким наказанием либо применение условно-досрочного освобождения.

Предлагаемая нами модель применения институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы значительно повысит его эффективность, так как будет способствовать стимулированию правопослушного поведения у осужденных. Вместе с тем даже в настоящих условиях реализации действующего законодательства можно смело говорить о высокой значимости исследуемого института на правоприменительную практику уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. Так, за годы независимости наша республика по численности тюремного населения с 3 места в мире перешла на 94². Данное обстоятельство наводит на мысль о необходимости исполнения всех видов уголовных наказаний с учетом требований прогрессивной системы.

Говоря о пробации, следует отметить, что законодательство также не лишено недостатков. Так, досудебная пробация неприменима в отношении лиц, для которых характерен аморальный образ жизни (наркоманы, алкоголики, проститутки и т. д.). В то же время приговорная пробация может применяться только к осужденным к ограничению свободы³. Лица, наказанные другими уголовными наказаниями пробации (испытанию. — **А. С.**) не подлежат, что, на наш взгляд, необоснованно и противоречит проводимой уголовно-исполнительной политике страны на профилактику преступности.

Хотя пенитенциарная пробация реализуется с момента прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение, но ее исполнение осуществляется воспитательным подразделением данной колонии⁴. Служба пробации вступает в действие за 1 год до освобождения испытуемого от наказания. Данная практика применения пенитенциарной пробации противоречит принципам непрерывности и преемственности пробационного процесса.

¹ О пробации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗПК.

² В настоящее время в пенитенциарных учреждениях содержится около 35 000 осужденных.

³ Здесь следует отметить, что приговорная пробация применяется в отношении еще одной категории лиц — осужденных условно, но условное осуждение не является наказанием.

⁴ Кстати, аналогичное положение закреплено в Федеральном Законе «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ.

Недостатков не лишена и постпенитенциарная пробация, которая должна реализовываться не только в отношении условно-досрочно освобожденных, но и всех лиц, отбывших все виды уголовных наказаний (например, освобожденные по отбытии срока наказания, освобожденных по болезни и т. д.).

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Необходимо подумать о возможности создания автономного органа (к примеру, Агентства), осуществляющего и исполнение наказаний и реализующего полномочия в рамках пробации, в которое органически должны входить учреждения и служба пробации. Все виды уголовных наказаний должны исполняться данным Агентством. В России нами предлагается создать Министерство исполнения наказаний и ресоциализации с прямым подчинением Президенту Российской Федерации.

2. Все виды пробации должны исполняться только службой пробации, в которую, помимо уголовно-исполнительной инспекции, должны войти социальные работники, представители ювенальной юстиции, психологи, психиатры и т. д., то есть все учреждения и органы, участвующие в ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Кузнецов Александр Павлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Актуальные задачи отечественной уголовно-правовой науки

Наука уголовного права, являясь самостоятельной сферой человеческого познания и одной из фундаментальных отраслей права, обладает множеством внутренних и внешних закономерностей, постижение которых осуществляется с использованием ее задач. Корректность формулирования задач науки уголовного права способствует определению верных ориентиров ее развития и функционирования, предопределяя успешное решение множества теоретических и практических проблем.

Понятие задачи нужно дефинировать через проблему как объективно возникающую в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес¹. Задача — это отраженная в сознании или объективированная в объективной действительности проблема, содержащая данные и условия, необходимые и достаточные для ее разрешения наличными средствами знания и опыта; форма структурирования и представления экспериментального материала в исследованиях процессов познания и практической деятельности.

Исследование уголовно-правовой литературы показало, что ученые расходятся во мнениях при определении задач науки уголовного права.

В данном случае нет необходимости оспаривать или опровергать высказанные учеными мнения в отношении сформулированных ими задач уголовно-правовой науки. Они в основном правильно определили указанные задачи, выделили главные проблемы, требующие решения. Вместе с тем, когда коренным образом меняются социально-экономические и политико-правовые отношения в России, меняется и вектор задач.

Реализация мер по противодействию преступности в период перехода к рыночным отношениям невозможна (или существенно затруднена) при использовании наукой только частных методик и подходов. В этой связи требуется как коренной пересмотр и разработка концептуальных основ методологического инструментария, так и кардинальное изменение подхода к исследованию прикладных уголовно-правовых проблем.

В настоящий момент перед наукой уголовного права стоит решение множества задач, которые условно можно разделить на две большие группы: стратегические (теоретические) и тактические (прикладные).

К *теоретическим задачам* относится:

— *разработка методологии системного исследования метода уголовного права* (исследование понятия метода и методики познания уголовного права, функций и категорий уголовно-правовых понятий, принципов системного анализа метода уголовного права);

¹ См.: Философский энциклопедический словарь / С. С. Аверинцев [и др.]. 2-е изд. Москва, 1989. С. 512.

— *изучение методологии эмпирического познания объекта уголовного права* (исследование объекта и результатов познания, методов сбора и изучения эмпирических фактов, их количественный и качественный анализ, сопоставление единичных и обобщенных фактов);

— *разработка метода теоретического познания предмета уголовного права* (исследование проблем системно-структурного познания, соотношения оценочных и истинных суждений, их обоснованности и достоверности, роли истины и ее критериев, характера и способов научной аргументации).

К прикладным задачам относятся:

— *изучение российского уголовного законодательства и практики его применения* (системное познание уголовного законодательства и приведение его к международным стандартам, доктринальное комментирование уголовных законов, выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства, определение его социальной эффективности и разработка ее критериев, формулирование предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм в соответствии с социально-экономическим развитием страны, определение эффективности уголовно-правовых норм и мер уголовного наказания);

— *исследование взаимосвязей между уголовным правом и другими отраслями права* (установление соотношения между уголовным правом и уголовно-процессуальным правом, уголовным правом и уголовно-исполнительным правом, уголовным правом и криминологией, уголовным правом и социологией, уголовным правом и статистикой и т. д.);

— *исследование исторических этапов эволюции уголовного законодательства и практики его применения* (периодизация истории российского уголовного законодательства, ее понятие, значение, систематизация уголовного законодательства и ее влияние на структуру и правоприменительную практику);

— *расширение границ использования компаративистского метода, выражающегося в изучении международного уголовного права, уголовного права зарубежных стран* (рассмотрение основных правовых систем, уголовно-правовых институтов, изучение опыта уголовно-правового воздействия на преступность, накопленного опыта зарубежных стран, гармонизация и унификация национального уголовного законодательства с законодательством зарубежных стран);

— *исследование проблем противодействия преступности* (определение перспективных направлений в области противодействия, разработка уголовно-правовых мер, форм профилактического воздействия на преступность, научное объяснение, прогнозирование криминологических явлений, состояния преступности, ее структуры, динамики, эффективность профилактики преступности).

Таковы в общих чертах основные задачи науки уголовного права. Однако следует иметь в виду, что задачи уголовно-правовой науки не могут оставаться неизменными, наоборот, в процессе теоретических исследований перед наукой уголовного права, исходя из складывающихся социально-экономических отношений, могут ставиться и другие задачи, которые необходимо решить в интересах общества: они должны быть максимально приближены к потребностям общества, объективно отражать процессы, общие закономерности преобразующихся общественных отношений. Однако, формулирование задач должно быть основано на научных положениях диалектического и исторического материализма, ориентированных на перспективное развитие общества, а также на учете уроков истории, результатах опыта и практической деятельности людей.

Кунц Елена Владимировна,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН

Научное обеспечение противодействия женской преступности

Юридическая наука с момента своего зарождения пыталась дать объяснение поведению субъекта как правомерному, так и преступному. Еще Платон признавал человеческое поведение парадоксальным: человек может вести себя неблагоприятно при полном сознании того, что «моральная

неправда» является вредной для него самого. В какой из трех сфер человеческого состояния — эмоциональной, интеллектуальной или волевой — зарождается субъективная сила, которая заставляет совершить человека преступление?¹.

Внутренний мир человека, это постоянная борьба страстей и разума, эмоций и воли. Глубоко прав известный французский писатель М. Дрюон, который отмечал, что «равновесие человеческого организма, равно как и организма общественного, не может быть установлено окончательно»².

История развития современного общества подтверждает, что совершение противоправных, преступных деяний уже давно перестало иметь половое отличие. Следует согласиться с тем, что женщины совершали преступления во все времена.

В настоящее время в статистических сборниках о преступности МВД России, Генеральной прокуратуры России, ФСИН России отдельно выделяется группа преступлений, совершенных женщинами, по которым ведется статистика. Таким образом, при научном обеспечении противодействия женской преступности следует остановиться на статистических данных, отраженных в официальной статистике, а также на нейтрализации причин, условий, способствующих их совершению.

Критериями разграничения мужского и женского преступного поведения выступают биологические, физиологические, психологические особенности личности, что и предопределяет формирование специфической модели поведения женщин³. Для женского преступного поведения характерны следующие особенности: неопределенность мотивов, эмоциональная природа причин совершения преступления, недостаточно развитые саморегулятивные навыки.

Современную женскую преступность необходимо исследовать не только через совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный отрезок времени, но и через число и социальные характеристики осужденных женщин, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а именно, возраст, семейное положение, наличие детей, уровень образования.

Особое место при анализе женской преступности следует отвести их виктимности, которая нередко связана с их социальным статусом. Женщины подвержены относительно высокому риску стать жертвой в той или иной форме в силу неравенства полов. Значительное число жертв противостоят применению к ним различных форм преступного поведения, не сообщают об этом в правоохранительные органы. К числу сложностей, с которыми в таких ситуациях встречаются женщины, можно отнести угрозы в их адрес и стереотипы.

Социальные условия и образ жизни, роли женщин меняются, в связи с чем меняются характер и способы их преступного поведения. Хотя по своей социальной природе женщины менее защищены, физически и психологически слабее мужчин, они быстрее и легче приспосабливаются к быстро меняющимся жизненным реалиям и часто там, где объективно складывающиеся обстоятельства ставят мужчину в тупик, женщина непременно найдет для себя выход.

В силу тех или иных социальных изменений, женская психика наиболее подвержена разрушению вследствие влияния на нее криминогенных и антиобщественных установок, более активно приобретает деструктивные качества при возникновении внутренних негативных установок.

Несмотря на социальные, экономические, политические изменения в обществе, в стране в любой период, количество преступлений, совершаемых женщинами, всегда меньше количества преступлений, совершаемых мужчинами, и довольно сложно определить, что именно лежит в основе преступного поведения женщин. При этом тенденция увеличения числа преступлений, совершаемых женщинами, устойчиво сохраняется. Выявленный за 2022 год удельный вес женщин в общем числе совершивших правонарушения составил 16,3 % или 133 507 человек⁴, в 2021 году это было 16,2 % или 137 724 человек⁵, что подтверждает рост женской преступности на территории России.

¹ Козаченко И. Я., Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Понятие вины в уголовном праве (исторический и психолого-правовой анализ). Екатеринбург, 1993. С. 3.

² Дрюон М. Яд и корона. Негоже лилиям прясть. Ленинград, 1961. С. 71.

³ Кунц Е. В. Научное обоснование проблемы преступного поведения женщин // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 518. DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(6). С. 514–522.

⁴ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_22_12-6.pdf (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sb_21_12-5.pdf (дата обращения: 21.11.2023).

По состоянию на 1 января 2023 года в условиях демографического кризиса общая численность женщин в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы за различные виды преступлений составила 28 361 осужденных женщин¹.

С учетом современных тенденций социума следует рассматривать и ситуации, когда женщины копируют, повторяют мужское поведение. Это обуславливает увеличение объема женской насильственной преступности, иногда ее показатели даже выше мужской. Например, доля осужденных женщин за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) превышает мужскую в 1,3—1,5 раза², что подтверждается статистическими данными ФСИН России.

Таблица 1

Распределение осужденных в зависимости от совершенных преступлений³ (%)

Квалификация преступления	Перепись 2009 года	Данные на 1 января 2023 года
	Женщины	Женщины
Убийство (ст. 105 УК РФ)	20,0	16,1
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	12,8	10,9
Изнасилование, насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)	0,3	0,7

Наряду с общими чертами преступное поведение женщин характеризуется своей спецификой, что позволяет выделять и рассматривать его в качестве относительно самостоятельного вида противоправного поведения. Женщины нередко пользуются техническими средствами, холодным и огнестрельным оружием, а не только своим природным обаянием.

Таблица 2

Использовалось ли оружие (холодное или огнестрельное) (%)

Холодное или огнестрельное оружие	Перепись 2009 года	Перепись 2022 года
Нет	75,6	82,4
Только демонстрировалось	2,8	0,7
Применялось для причинения вреда здоровью людей	21,6	16,9
Итого	100, 00	100, 00

В связи с этим необходимо выявление наиболее часто совершаемых женщинами актов преступного поведения, выяснение причин такого поведения и наиболее благоприятных для него условий. Следует понимать, какие именно распространенные жизненные ситуации формируют преступное поведение женщины, каковы мотивы, способствующие возникновению у женщин преступного замысла, для дальнейшего прогнозирования их противоправного поведения.

Кроме социальных факторов, влияющих на преступное поведение женщин, отметим значимость нравственно-психологической составляющей личности женщины-преступницы. Речь идет и о моделях поведения, и об отношении к выполняемым функциям в обществе, и о психофизиологических реакциях организма.

Поведение женщины правомерно и позитивно, если оно отвечает требованиям социальных норм. Правомерное поведение женщины предполагает ее приспособленность к жизни в определенной социальной среде. При этом соответствие ее образа жизни требованиям общества не должно умалять достоинства ее личности, а историческая необходимость определяет активность

¹ В работе использованы данные ФСИН России на 1 января 2023 года.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Казакова В. А. Женщины, отбывающие лишение свободы (общая характеристика). По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 года / под ред. проф. В. И. Селиверстова. Вып. 5. Москва: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 21.

личности, активную гражданскую позицию. Следование принципам правомерного, позитивного поведения не ограничивает женщину, скорее, наоборот, предполагает многообразие индивидуальных проявлений, определенных склонностей, интересов, потребностей, увлечений.

Таким образом, причины преступного поведения женщин во многом связаны с социально-экономическими факторами, активизацией женщин в общественных отношениях и изменением их социальных позиций и ролей. Деформация нравственного сознания выражается в девальвации нравственных ценностей.

Каждое государство имеет политические, экономические, социальные особенности и уникальное историческое развитие, зарубежный опыт противодействия преступному поведению женщин полезен и интересен. В первую очередь он проявляется в специфических показателях данного явления. Также опыт иностранных государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми женщинами, выражается в индивидуальном подходе уголовно-правовой регламентации общественных отношений, в которых участвует женщина. Каждое государство старается учитывать международные стандарты отбывания наказания женщинами, а также пытается развивать различные институты, которые занимаются именно профилактикой женской преступности.

Особое место отводится предупреждению преступного поведения, под которым понимается система мер, осуществляемая государством и обществом, направленная на ослабление и нейтрализацию причин и условий, порождающих совершение преступлений¹.

Общесоциальные меры предупреждения преступлений, совершаемых женщинами, многоплановы. К таким относятся: социальные, экономические, политические, нравственные и иные, к примеру, медицинские, педагогические².

Предупреждение рассматриваемого вида преступности на общесоциальном уровне достигается теми же эффективными средствами, что и в общей преступности в целом. Тем не менее предупреждение женской преступности имеет и собственную специфику, которая обусловлена социальной ролью женщины, психофизиологическими свойствами ее личности, особенностями совершаемых женщиной преступлений и причинным комплексом.

В качестве необходимых экономических мер предупреждения женской преступности следует указать следующие: обеспечение женщин, имеющих среднее профессиональное или высшее образование, работой, соответствующей уровню их обученности, в том числе о женщинах, которые долго не работали в связи с уходом за ребенком; обеспечение женщин, не имеющих указанных уровней образования, каким-либо видом работ, которые не будут ущемлять их прав и ставить в неловкое положение в связи с осуществляемым видом деятельности; обеспечение профессионального обучения на том или ином предприятии в ходе работы, чтобы трудоустройство было возможно даже в случае отсутствия опыта по конкретной специальности, то есть работодатель при трудоустройстве создаст все условия для профессионального обучения по требуемой должности в процессе работы.

Необходимо создание условий, которые при приеме на работу молодых специалистов позволят работодателю не отказывать им по причине отсутствия опыта, а наоборот, направлять их на специализированную практику, где они смогут показать свои профессиональные навыки и умения в той или иной области, а работодатель зачет такую практику как стажировку с внесением ее в стаж работы молодых сотрудников.

Отнесение больших групп женского населения к категории граждан, для которых осуществляется квотирование рабочих мест (многодетные матери-одиночки, женщины в крайне тяжелом социальном положении), с обеспечением системы выплат или субсидий. Установление достойного прожиточного минимума, назначение различных пособий, субсидий в соответствии с реалиями жизни, позволит нейтрализовать рост цен на товары потребления, то же касается заработных плат отдельных слоев населения.

Социальные меры предупреждения женской преступности оказывают значительное воздействие на формирование личности женщины и ее благоприятного существования в обществе, на

¹ Голубовский В. Ю. Научное обоснование уголовно-исполнительных проблем криминального поведения женщин. Преступление, наказание, исправление: материалы VI Международного пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Рязань, 15–17 ноября 2023 года. Т. 1. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 64–69.

² Лелеков В. А., Урусова Т. В. О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 14.

совершенствование общественных отношений, участниками которых являются женщины, и противодействуют различным формам девиантного поведения.

Так, если несовершеннолетние лица мужского пола, проявляющие некоторую агрессию и склонность к авантюрам, социум пусть не поощряет, но может просто оставить без внимания, то несовершеннолетние лица женского пола в результате подобных поступков подвергаются общественному порицанию. Такой контроль с самого раннего детства сводит к минимуму общение женской части населения с теми сверстниками и другими людьми, которые способны негативно повлиять на их поведение. Ослабление или полное отсутствие контроля со стороны общества за поведением женщины, конфликтными ситуациями в семье, коллективе создаст негативные тенденции в поведении женщин, что соответствующим образом отразится и на самом социуме.

Предупреждение женской преступности станет эффективным только тогда, когда уполномоченные органы будут осуществлять всю совокупность общесоциальных мер, направленных на противодействие этому явлению.

Действующее законодательство определяет широкий круг субъектов, на которые возложена обязанность по противодействию женской преступности. Особое место среди таких субъектов занимают органы полиции, что обусловлено следующими факторами: профилактика преступлений, одна из функций полиции — это находит свое закрепление в положениях действующего законодательства. Сотрудникам полиции предоставлены полномочия, которые позволяют предотвратить и пресечь преступные посяательства с помощью специальных средств и сил; полиция наделена специальной компетенцией, что позволяет эффективно решать задачу по профилактике преступности¹.

Профилактикой женской преступности занимаются сотрудники органов внутренних дел в пределах своих полномочий (компетенций), совокупность которых условно может быть сведена к следующим группам: уголовно-процессуальные — расследование и раскрытие преступлений, отнесенных к подсудности органов внутренних дел (органов дознания); административно-правовые — полномочия сотрудников органов внутренних дел в соответствии с Федеральным законом «О полиции»² по привлечению виновных лиц к ответственности за совершение административных правонарушений; оперативно-розыскные — полномочия по проведению оперативно-розыскных мероприятий в установленных законом случаях³.

Совокупность предоставленных сотрудникам органов внутренних дел полномочий позволяет выявлять, пресекать факты совершения преступлений, устанавливать причины и условия совершения данных противоправных деяний, а также принимать меры, связанные с профилактической работой с лицами, имеющими намерение совершить противоправные деяния, посяательства. Таким образом, профилактическая деятельность вполне справедливо рассматривается в качестве одного из основных направлений работы правоохранительных органов.

К направлениям предупреждения женской преступности сотрудниками органов внутренних дел следует относить: общую профилактику, установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, а также устранение указанных обстоятельств; индивидуальную профилактику, выявление круга лиц женского пола, чье поведение характеризуется как антиобщественное, принятие мер по предупреждению совершения указанными лицами преступлений, а именно изменение их поведения, привычек, взглядов, образа жизни; пресечение преступной деятельности на различных этапах ее совершения, выявление замыслаемых, подготавливаемых и непосредственно совершаемых преступлений⁴.

Важная роль в профилактике преступного поведения женщин отводится и иным органам. Так, при привлечении виновной к уголовной ответственности суд назначает ей меру наказания, которая позволяет предупредить ее аналогичные либо иные преступления.

В результате реализации контрольных, надзорных полномочий органы прокуратуры выявляют факты нарушения гражданами положений действующего закона. По данным фактам прокурор

¹ Сарычева Н. В. Роль правоохранительных органов в предупреждении женской преступности // Наука и современность. 2014. № 31. С. 88.

² О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/?ysclid=lqdi60jmsd823779893 (дата обращения: 20.12.2023).

³ Сарычева Н. В. Роль правоохранительных органов в предупреждении женской преступности // Наука и современность. 2014. № 31. С. 88.

⁴ Ивасюк О. Н. Роль органов внутренних дел в предупреждении бытовой преступности и минимизации ее социальных последствий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 262.

выносит предписания об устранении допущенных нарушений, отказе от дальнейшего нарушения требований закона, а потому следует признать, что такие акты реагирования имеют воспитательный характер. Указанные акты создают предпосылки предупреждения более тяжких, опасных видов нарушений закона. Кроме того, при наличии определенных оснований, условий виновное лицо может быть привлечено к административной ответственности¹.

Следует отметить и деятельность общественных организаций, специализирующихся на решении вопросов в рассматриваемой сфере.

Особая роль в профилактике женской преступности отводится церкви. Женщины в силу особенностей психологии наиболее восприимчивы к религиозным взглядам, традициям. Необходимо признать, что продолжительное время на церковь возлагалась обязанность нравственного, духовного воспитания женщин, девушек, обучения их жизни в семье, общению с детьми, родителями, обществом.

Таким образом, профилактическая деятельность осуществляется не только органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, но и общественными организациями. Данный подход обусловлен особой опасностью распространения женской преступности, причинения значительного вреда складывающимся отношениям, ценностям в государстве, обществе. Следует учитывать и сложность самой преступной деятельности, разнообразие форм ее выражения, в этой связи для предупреждения женской преступности привлекается значительный круг субъектов.

Вне зависимости от правового статуса субъектов, принимающих участие в противодействии женской преступности, действия каждого субъекта направлены на разработку и внедрение мер, препятствующих совершению преступлений женщинами.

Гришко Александр Яковлевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; председатель Комиссии по вопросам помилования на территории Рязанской области

Усмотрение при помиловании

В системе мер противодействия преступности институт помилования занимает особое место, он отличается, прежде всего, своей исключительностью. Последняя выражается, прежде всего, в том, что на законодательном или каком-либо ином уровне не материальные и формальные основания для принятия акта о помиловании. В отличие от условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ) при помиловании отсутствует требование об обязательном отбытии части срока наказания. Зачастую ходатайства о помиловании поддерживаются в отношении лиц, совершивших преступления при определенных смягчающих обстоятельствах. При этом не обязательно они «доказали» свое исправление².

Далее, если для условно-досрочного освобождения требуется частичное или полное возмещение вреда, причиненного преступлением, то относительно освобождения от отбывания наказания по помилованию в Положении, регламентирующем порядок рассмотрения ходатайств о помиловании (далее — Положение) частичное его возмещение текстуально отсутствует. Изложенное создает ситуацию, когда указанные и другие «нормативно-правовые недоговоренности» Комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации вынуждены решать по-своему усмотрению.

Речь, в частности, идет об определении лиц, которые могут быть освобождены от наказания и с которых может быть снята судимость. Дело в том, что если условно-досрочное освобождение зависит,

¹ Харламов В. С. Аспекты деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере в свете Федерального закона «О полиции» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 129.

² См. Гришко А. Я. Амнистия. Помилование. Судимость: монография. Москва, 2023. С. 30.

в том числе, от тяжести совершенного преступления, то при помиловании такая зависимость не устанавливается. Поэтому определяющим при решении вопроса о поддержании ходатайства о помиловании является личность осужденного, его особенное позитивное поведение, самоотверженное поведение при определенных обстоятельствах: при стихийном бедствии (пожар, наводнение и т. п.), при спасении человека. К числу таких обстоятельств, безусловно, следует отнести участие осужденного в специальной военной операции. Законом от 24 июля 2023 года № 270-ФЗ¹ предусмотрено снятие судимости с участников данной операции в случае награждения их государственной наградой. Однако указанный Закон не распространяет свое действие на иных участников специальной военной операции. Представляется, что в такой ситуации вопрос о снятии судимости может быть решен как в судебном порядке, так и в порядке помилования. При этом оценивается сам факт участия в специальной военной операции, наличие ранения, контузия, другие обстоятельства.

При рассмотрении региональными Комиссиями по вопросам помилования ходатайств о помиловании возникают коллизии между институтами помилования и условно-досрочного освобождения. На взгляд автора, при отсутствии каких-либо исключительных обстоятельств вопрос должен решаться в судебном порядке. Комиссия может рассматривать вопрос о ходатайстве о помиловании только в случае отказа суда в условно-досрочном освобождении.

Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании устанавливает и другие нормы, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя. Речь идет об установлении категорий лиц, к которым помилование может быть не применено: в отношении осужденных, совершивших умышленное преступление в период назначенного судами испытательного срока условного осуждения; злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания; ранее освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно; которым ранее производилась замена назначенного судами наказания более мягким и которые снова совершили преступление; к которым ранее применялись акты амнистии и (или) акты помилования (п. 4).

Обстоятельства, принимаемые во внимание при рассмотрении указанных ходатайств: характер и степень общественной опасности совершенного преступления; поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания; срок отбытого (исполненного) наказания; совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения; применение ранее в отношении осужденного акта об амнистии, акта помилования или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением; данные о личности осужденного (состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст, возможность ресоциализации); обращения о помиловании, поступившие от родственников, адвокатов осужденных, представителей общественных организаций, а также от иных лиц; мнения потерпевших или их родственников относительно возможности помилования; другие обстоятельства, существенные для рассмотрения ходатайств о помиловании (п. 21).

При сопоставлении этих двух групп учитываемых обстоятельств обращает на себя внимание следующее: если первая группа носит определенный конкретный характер, нормативно-правовое закрепление, то оценка обстоятельств второй группы полностью зависит от усмотрения правоприменителя.

Из обстоятельств второй группы наиболее актуальными с точки зрения оценки являются возмещение материального ущерба, причиненного преступлением; другие существенные для рассмотрения ходатайства о помиловании обстоятельства.

Проблемность учета возмещения ущерба обуславливается в частности степенью его полноты. Если при условно-досрочном освобождении от наказания и замене неотбытой части более мягким видом наказания (ст. 79, 80 УК РФ) речь идет о полном или частичном возмещении вреда, то при помиловании речь идет о возмещении ущерба. При этом при помиловании говорится о возмещении ущерба, а при условно-досрочном освобождении и замене наказания — о возмещении вреда (полном или частичном).

В правоприменительной практике под ущербом чаще всего понимаются отрицательные материальные последствия, наступившие в результате совершенного преступления; вред подразумевает последствия морально-нравственного, физического характера. Безусловно, в обоих случаях правильным будет говорить о вреде, причиненном преступлением, который включает в себя как моральный вред, так и материальный ущерб. Учитывая высокий статус института помилования, представляется, что обязательным обстоятельством, учитываемым при рассмотрении ходатайства о нем, должно

¹ См.: Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федеральный закон от 24 июля 2023 года № 270-ФЗ // Российская газета. 2023. 26 июня.

быть полное возмещение вреда. Невозмещение его (или частичное возмещение) возможно только при наличии уважительных причин (инвалидность, заболевание, отсутствие работы и др.).

В плане совершенствования нормативного правового регулирования рассматриваемого института заслуживает внимания предложение В. И. Селиверстова об установлении формы помилования в виде сокращения срока назначенного наказания¹. Целесообразность такой формы подтверждается и практикой применения помилования. Комиссии по вопросам помилования по своему усмотрению в ряде случаев принимают решения не об освобождении от отбывания наказания, а о сокращении его срока.

Множество обстоятельств, их разнообразие, при наличии которых лицо может быть помиловано, не позволяет их оформить в виде нормативных правовых установлений. Это обуславливает наличие усмотрения при применении помилования. Его сокращению, повышению объективности при рассмотрении ходатайств о помиловании во многом способствует совершенствование его процедуры. Это нашло свое выражение в целом ряде нормативных правовых актов².

Скиба Андрей Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовно-исполнительного права и органи-
зации воспитательной работы с осужденными
Академии ФСИН России

**Направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного,
уголовно-процессуального и иного права с учетом принятия Федерального закона
«О пробации в Российской Федерации»**

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее — Закон) расширило предмет уголовно-исполнительного права и ознаменовало новый этап совершенствования российского законодательства.

Выделим некоторые направления (хотя их гораздо больше. — **А. С.**) совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного права:

Во-первых, исходя из того, что предупреждение совершения новых преступлений выступает в качестве цели уголовного наказания (ст. 43 УК РФ), уголовно-исполнительного законодательства в целом (ст. 1 УИК РФ) и института пробации (ст. 4 Закона), возник вопрос о том, каким образом такие цели пробации как коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, охватываются исправлением осужденных как целями применения наказаний и уголовно-исполнительного законодательства, а также имеют общие критерии оценки эффективности их достижения.

Во-вторых, целесообразно сравнительное исследование и соотношение полномочий администраций соответствующих учреждений и органов (исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций и др.), как в сфере исполнения наказаний (в соответствии с УИК РФ, приказом Минюста Российской Федерации от 20 мая 2009 года № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» и др.), так и в рамках пенитенциарной и исполнительной пробации согласно Закону; аналогично и в отношении правового статуса осужденных, а также представителей общественности (религиозных организаций, бизнес-сообщества и пр.).

Интересен в этом контексте и компаративистский анализ регулирования пробационных мероприятий в ходе постпенитенциарной пробации, а также уголовно-правовых (в соответствии со ст. 79, 73 и др. УК РФ) и других основ постпенитенциарной помощи и контроля за поведением соответствующих лиц. Причем немаловажное значение здесь будет иметь законодательство не

¹ См.: Селиверстов В. И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 225.

² О комиссиях по вопросам помилования на территориях Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 года № 1500 (в ред. Указов от 14 декабря 2020 года № 787; от 15 ноября 2021 года № 656); Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 2020 года № 787 (в ред. Указа от 15 ноября 2021 года № 656).

только федерального уровня (Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и пр.), но и регионального (законы «О социальной защите лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания» (Республика Башкортостан), «О квотировании рабочих мест в Тамбовской области» и т. д.).

В-третьих, ввиду отсутствия исчерпывающего перечня критериев, которыми руководствуется суд при условно-досрочном освобождении и иных видах досрочного освобождения (ст. 79–81 и др. УК РФ), следует оценить при принятии указанных решений в стадии исполнения приговора возможность учета правопослушного (или правонарушающего) поведения осужденных с точки зрения исполнения ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, и соблюдения различных пробационных мер, и их отнесения к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию в данном производстве (ст. 397 и 399 УПК РФ).

С учетом сказанного актуализировался вопрос относительно участия в судебных заседаниях при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора субъектов пробации (заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и др.) и ее иных участников, заинтересованных в решении задач, стоящих в рамках реализации положений в сфере пробации.

Констатируем, что принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» образует новые направления развития уголовного, уголовно-процессуального и иного права по вышеуказанным и иным направлениям, расширяет предмет уголовно-исполнительного права, а также свидетельствует о новом этапе совершенствования теоретико-прикладных аспектов исполнения наказаний.

Петрянин Алексей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, профессор кафедры уголовного права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам на примере экстремистских преступлений

В начале проводимого исследования отметим, что 28 ноября 2023 года в Нижегородской академии МВД России, совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» проведена международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам». Данное мероприятие было организовано на высочайшем уровне, о чем свидетельствует количество его участников, а также значимость поднятых проблем. Конференции по проблемам борьбы с преступностью, организованные кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии России, проводятся ежегодно. Совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» они проводятся с 2017 года, с момента открытия филиала Союза в Нижнем Новгороде и заключения соглашения о сотрудничестве. Это дало толчок к проведению в рамках нижегородской научной школы представительских мероприятий и доктринальных изысканий, в том числе, посвященных проблемам противодействия экстремизму. В частности, уже завершены стали исследования, проведенные С. Ю. Богомоловым, И. М. Пшеничным, Н. В. Летелкиным, Ю. С. Магнутовым¹. В настоящее время деятельность Нижегородской научной школы в области противодействия экстремизму продолжается. Изучением проблем уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на

¹ Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017; Пшеничнов И. М. Ответственность за наем в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017; Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018; Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным формам экстремистской деятельности (ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.

основы конституционного строя и безопасности государства занимается Айрат Саетович Ахметшин, руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, проходя обучение в аспирантуре Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, что подтверждается его публикационной активностью¹.

Отмеченное выше, как и непрекращающаяся мутация экстремисткой деятельности, во-первых, указывают на то, что научное сообщество активно озадачено взятым для исследования направлением, во-вторых, актуализирует потребность в демонстрации как достижений, так и возможных проблем в разработке и применении политических, социальных, религиозных и, конечно же, юридико-технических механизмов противодействия экстремизму.

В этой связи полагаем, что более репрезентативным будет изложение текста статьи, предполагающее его деление на две части. В рамках первой будут представлены методологические аспекты. Во-второй — теоретико-прикладные направления, сосредоточенные на совершенствовании уголовно-правового противодействия разным проявлениям экстремистской деятельности.

Говоря о методологии противодействия экстремизму, необходимо подчеркнуть, что свое юридическое начало данное направление берет в 2002 году с момента принятия и вступления в силу Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности»². Соглашаясь с тем, что в нем заложен глубокий репродуктивный потенциал, отметим, что в рассматриваемом акте федерального значения содержится существенный пробел, породивший ряд юридических коллизий. Пробел заключается в отсутствии в нем главной дефиниции «экстремизм», с заложенными в ней базовыми характеристиками рассматриваемого деликвентного явления. Считаем, что это не только усложняет противодействие экстремисткой деятельности, но и не позволяет должным уровнем превентивно воздействовать на детерминанты ее порождающую. Обращая внимание научной общественности на данное обстоятельство, а также на положения статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где терроризм отнесен к форме экстремизма, то есть первое явление является разновидностью второго, отметим, что в Федеральном законе № 35-ФЗ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму» понятие терроризма закреплено³.

Отмеченная выше проблема повлекла за собой не менее значимую юридико-техническую коллизию, нашедшую свое закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Это касается понятия преступлений экстремистской направленности, обремененных мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. В первоначальной редакции диспозиции статьи 282¹ УК РФ⁴ была предпринята попытка определения исчерпывающего перечня таких деяний⁵. Он состоял всего из восьми преступлений. Применение такого юридико-технического приема показало его несостоятельность, по причине

¹ Ахметшин А. С. Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4 (60). С. 110–116; Ахметши А. С. обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства // *Уголовно-исполнительное право*. 2023. Т. 18. № 2. С. 252–260; Ахметшин А. С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 44–50.

² О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30, ст. 3031.

³ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 11, ст. 1146.

⁴ О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30, ст. 3029.

⁵ Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149), хулиганство (ст. 213), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории или культуры (ст. 243), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

частого выявления указанных выше мотивов и при совершении иных деяний. В этой связи законодателем было принято принципиально иное решение, позволяющее до настоящего времени относить к изучаемой категории общественно опасных деяний любое преступление, совершение которого обременено экстремистским мотивом¹. Такой прием стал не менее дискуссионным. Во-первых, он делает перечень преступлений экстремистской направленности не ограниченным, и, с одной стороны, может быть воспринят как излишне репрессивный, а с другой — усложняет выработку единой концепции уголовно-правового противодействия экстремизму. С нашей точки зрения, учитывая концепцию и структуру уголовного закона, перечень исследуемых деяний необходимо ограничить, где первое место для отнесения их к таковым должен занять объект уголовно-правовой охраны, а второе — мотив посягательства. Применение такого подхода дает возможность сконцентрировать преступления экстремистской направленности в тех главах УК РФ, методологически неразрывно связанных между собой и позволяющих применять схожие юридико-технические модели уголовно-правового противодействия экстремизму и терроризму как смежных явлений (Главы 24, 29 и 34 УК РФ).

Предлагаемая научная гипотеза дает основание выступить с предложениями о совершенствовании УК РФ, в том числе, разработанными на площадке нижегородской научной школы в области противодействия экстремизму и терроризму.

Начнем с самого значимого объекта уголовно-правовой охраны, жизни и здоровья личности, все чаще и чаще страдающих от экстремистских посягательств. Мотивы ненависти или вражды включены в целый комплекс норм Главы 16 УК РФ (ст. 105, 111, 112, 115–117 УК РФ). Учитывая доказанность факта, что права жертв таких преступлений являются лишь дополнительными объектами, первоначальное посягательство на которые создает условия для посягательства на основной объект преступления, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасность государства, целесообразным видится дополнение Главы 29 УК РФ статьей «Экстремистское посягательство на личность», унифицированная конструкция которой позволит взять под охрану как жизнь, так и здоровье потерпевшего, тем самым верно расставив объекты уголовно-правовой охраны².

Нельзя обойти стороной активно развивающийся групповой экстремизм. Специальные формы экстремистской деятельности, ответственность за которые закреплена в статьях 282¹, 282² УК РФ, с учетом активно развивающегося уровня из организованности требует пересмотра имеющегося сегодня уголовно-правового концепта. Считаем вполне обоснованным и оправданным предложение как о частичном изменении указанных статей, так и дополнении уголовного закона новыми уголовно-правовыми запретами, устанавливающими ответственность за организацию экстремистской группы, а также закреплении в УК РФ новой формы соучастия «экстремистское сообщество»³.

Учитывая, что в экстремизме, как и терроризме, есть экономические детерминанты, встает вопрос о повышении уровня уголовно-правового противодействия финансированию экстремистско-террористической деятельности. Наиболее значимыми инструментами в данной области должны стать механизмы самостоятельной криминализации финансирования экстремизма и терроризма, а также обязательной дифференциации ответственности в зависимости от размера финансирования⁴.

Завершая исследование подчеркнем, что в ближайшие годы будет наблюдаться рост экстремистской активности, что, конечно же, требует симметричной государственно-властной реакции, в том числе и путем совершенствования уголовного законодательства. Предлагаемые в статье юридико-технические механизмы дополняют учение в области уголовно-правового противодействия экстремистско-террористической преступности и могут быть учтены в законотворческой деятельности.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

² Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия экстремистской деятельности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 19.

³ Магнатов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 12–13.

⁴ Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. С. 10.

Тепляшин Павел Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного права и криминологии Сибир-
ского юридического института МВД России

**Межотраслевая юридическая природа субинститута пробации
(в контексте проведения социальной и воспитательной работы с осужденными
к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы)**

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон) явилось знаковым событием в правовой регламентации общественных отношений, охватывающих организацию и реализацию пробации в нашем государстве. Кроме того, Федеральный закон открыл, по сути, новую эру восстановительно-профилактического правосудия, осуществляемого в отношении оказавшихся в трудной жизненной ситуации осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Как представляется, Федеральный закон выступает не только правовым инструментом оказания осужденным соответствующей помощи, но дополнительным правовым средством предупреждения совершения правонарушений, включая преступления. Ведь не случайно в части 1 статьи 4 Федерального закона среди целей пробации закрепляются не только коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, но и предупреждение совершения ими новых преступлений.

В связи с принятием Федерального закона с полной уверенностью можно говорить о появлении структурированного правового института — субинститута, который в силу своей юридической природы, внутренним элементом и предметно-правовой принадлежности имеет тесную связь с уголовно-исполнительным правом. Процесс институционализации пробации обладает всеми социальными предпосылками, обусловлен общественными и государственными интересами, в том числе правоохранительного свойства. Юридическая природа субинститута пробации во многом обладает межотраслевым характером.

Думается возможным обратить внимание на межотраслевой характер субинститута пробации через призму проведения социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы. Так, согласно статье 14 Федерального закона в целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, а также коррекции поведения реализуется ряд следующих мер: 1) социальная работа с осужденными; 2) воспитательная работа; 3) оказание им психологической помощи.

Каждая из указанных мер обладает собственным содержанием. Так, социальная работа с осужденными находится в прямой зависимости от должного организационно-правового сопровождения системного воздействия на осужденных с целью оказания им надлежащей помощи по приобретению и (или) сохранению социально значимых мотивации и ориентиров, общественно востребованных навыков и способностей по ресоциализации.

Социальная работа в рамках пенитенциарной пробации должна быть ориентирована на конструктивную реализацию системы взаимосвязанных мероприятий, направленных на решение вопросов успешной коррекции и терапии, социальной адаптации и реабилитации осужденных. При реализации данной системы важно решить ряд следующих задач: 1) осуществить комплексное исследование личности осужденного, позволяющее выявить социальные проблемы, которые требуется решить; 2) организовать и осуществить комплекс мероприятий, включающих формирование у осужденного навыков и умений социальной деятельности; 3) обеспечить содействие в приобретении, восстановлении утраченных и (или) укреплении имеющихся социально полезных связей; 4) сформировать навыки и способности безопасного и здорового образа жизни.

Для решения данных задач на соответствующие подразделения и службы исправительного учреждения либо исправительного центра возлагаются следующие функции: функция изучения и социальной диагностики осужденного; функция, ориентированная на определение социальной деформации осужденного для его последующей социально-адаптационной корректировки; стимулирующая функция, обеспечивающая мотивацию осужденного к самостоятельному решению своих

социально-личностных проблем; режимная функция, направленная на рациональную реализацию средств обеспечения порядка подготовки осужденного к освобождению и его дисциплинирование в части использования необходимых навыков социального общежития и адаптации; социально-воспитательная функция, предполагающая построение механизмов готовности осужденного к соблюдению социальных правил и норм поведения в обществе; социально-сопроводительная функция, включающая решение вопросов социального и социально-бытового характера, для обеспечения необходимого уровня жизнедеятельности после освобождения.

Социальная работа с осужденными предполагает реализацию соответствующих технологий и включает два аспекта: с одной стороны, это деятельность администрации учреждения в лице конкретных служб, подразделений и сотрудников (работников), с другой — комплекс последовательных стадий, включающих оказание осужденному помощи по формированию ценностных социально востребованных установок, социальных потребностей и навыков, направленных на создание условий его соответствующего восстановления и развития с целью обеспечения приемлемого общественного функционирования после отбытия уголовного наказания. При этом к технологиям социальной работы следует относить комплекс средств, способов и приемов профессионального воздействия на осужденных лиц и их окружение (в частности, родственников и близких лиц, являющихся посетителями), обеспечивающий наиболее оптимальное и своевременное оказание им необходимой социальной помощи и привитие навыков социализации в современных условиях жизнедеятельности.

В свою очередь, основными технологиями социальной работы с осужденными, отбывающими наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, являются: социальное консультирование; социальное посредничество (с использованием медиативных технологий), в том числе коммуникативные технологии; обеспечение социальной безопасности; социальная профилактика (с привлечением технологий социального патронажа); социальная помощь, в том числе социальная поддержка и волонтерская социальная взаимопомощь из числа осужденных; социальная (социально-экономическая) реабилитация; социальная адаптация.

Некоторые технологии социальной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы, применяются не в полной степени (в усеченном виде). Условно данные технологии можно отнести к дополнительным: социальная диагностика и прогнозирование; социальная терапия (в меньшей степени коррекция); социальное проектирование (моделирование); социальный менеджмент; социальный контроль.

Также следует отметить, что реализация социальной работы должна отражать типовую схему, которая основывается на прохождении ряда этапов (диагностика → целеполагание → подготовка → реализация → контроль). Совокупность данных этапов, наполненных соответствующими процедурами и мероприятиями, образует схему реализации технологического процесса в социальной работе с лицами, осужденными к уголовному наказанию в виде лишения свободы либо принудительным работам. Вышеизложенные моменты относительно содержания социальной работы с осужденными указывают на сложный межотраслевой (в контексте презюмирования существования такой отрасли, как социальное право) характер субинститута пробации.

Воспитательная работа с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы так же, как и воспитательная работа, обладает обязательным для применения характером и не зависит от волеизъявления (согласия) осужденного. Данная работа реализуется как одно из средств исправления, которые закреплены в части 2 статьи 9 УИК РФ, и как инструмент, с помощью которого достигается успешная ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения из соответствующих учреждений, а также осуществляется не рандомная, а системная коррекция поведения. Воспитательная работа именно во втором аспекте выступает предметом пенитенциарной пробации. В уголовно-исполнительном законодательстве она формализуется в предусмотренном частью 2 статьи 180 УИК РФ установлении, в соответствии с которым с осужденным осуществляется воспитательная работа, направленная на его подготовку к освобождению.

На основании положений, закрепленных в части 2 статьи 110 УИК РФ, реализуется индивидуальная, групповая и массовая формы воспитательной работы с осужденными. Помимо этого, применяются весьма разнообразные и имеющие разнородное содержание способы воспитательной работы с лицами, отбывающими пенальные уголовные наказания. Рассматривая этот момент, нельзя не согласиться с мнением А. П. Скиба и Н. С. Малолеткиной, которые обоснованно

постулируют, что «воспитательная работа осуществляется различными способами: путем нравственного, правового, трудового, физического и иного воспитания осужденных, применения к ним мер поощрения и взыскания, изменения условий отбывания наказания и, соответственно, объема правоограничений осужденных, организации самоуправления в среде осужденных и т. п.»¹.

Методы воспитательной работы, ориентированные на последующую ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию после освобождения, по своему содержанию несколько отличаются от методов такой работы, направленной на исправление. Данные методы тесно переплетены с реализацией индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, то есть плотно связаны с соответствующей программно-целевой работой, тем самым подчеркивая междотраслевую природу юридико-социальных знаний и регуляторов субинститута пробации. На важность последовательного практического внедрения программно-целевого метода индивидуально-воспитательной работы с осужденными, проходящими пробацию, обращается внимание в ряде специальных исследований².

Содержание методов воспитательной работы дифференцируется в зависимости от длительности назначенного уголовного наказания, а также от конкретных проблем осужденного по его ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения, которые предстоит преодолевать.

В части 2 статьи 14 Федерального закона указывается на правовые основы порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы. В этой связи нельзя не заметить, что законодателю еще предстоит сформировать полноценную систему законодательных мер, регламентирующих указанный выше порядок. Причем формирование такой системы не завершилось даже после вступления 1 января 2024 года в силу соответствующих положений Федерального закона и приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"». Ведь значительный объем принятых и принимаемых правовых актов потребует верификации в условиях фактической реализации пробационных мероприятий, их «притирания» друг с другом и с объективными факторами внешней социально-экономической действительности, а также нормативной корректировки с учетом соответствующего обновления правоприменительной практики.

Также нельзя не обратить внимание, что на первом месте в системе правовых регуляторов порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными указывается уголовно-исполнительное законодательство. В этом проявляется одна из особенностей юридической природы рассматриваемого субинститута.

Относительно уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования пробационных отношений можно отметить нормы, которые обладают фронтальным (элективным) характером регулирования данных отношений, а именно: статьей 73 УК РФ, частью 3 статьи 121 УИК РФ, статьями 173.1, 180 и 181 УИК РФ.

На втором месте находятся нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Однако среди правовых основ порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными могут быть и правовые акты, которые нельзя отнести к уголовно-исполнительному законодательству и(или) к нормативным правовым актам федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, в статье 20 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закрепляется, что получателям социальных услуг с учетом

¹ Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Воспитательная работа с осужденными военнопленными: некоторые правовые вопросы национального и международного уровня // Союз криминалистов и кримиологов. 2022. № 2. С. 37.

² Bauermann B. F. C., Shikida P. F. A., Schlemper A. L. Juvenile Criminality: Evidence From Prisoners in Two Brazilian States // Criminal Justice Review. 2021. Vol. 46. Issue 4. Pp. 491–492; Jacobs L.A., Gottlieb A. The Effect of Housing Circumstances on Recidivism. Evidence From a Sample of People on Probation in San Francisco // Criminal Justice and Behavior. 2020. Vol. 47. Issue. 9. Pp. 1102, 1106.

их индивидуальных потребностей предоставляются определенные виды социальных услуг (п. 3). Безусловно, что это также подчеркивает межотраслевую природу субинститута пробации.

Таким образом, обращение к юридической природе субинститута пробации демонстрирует перспективные направления дальнейшего научного анализа его нормативной организованности и показывает резервы для последующего усиления правового воздействия на отдельные стороны пробационных общественных отношений, включая проведение социальной и воспитательной работы с лицами, отбывающими принудительные работы или лишение свободы.

Маркунцов Сергей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции

Как известно, наряду с термином «коррупционные преступления» в различных правовых актах используется термин «преступления коррупционной направленности». В частности, первый из них употребляется, например, в статье 4 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в указе Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года», в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и др. Вместе с тем легально не закреплены ни понятия, ни точный перечень коррупционных преступлений. Исходя из позиции, отраженной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24, следует также заметить, что высшая судебная инстанция озабочена указанной неопределенностью и также выступает за единообразное применение антикоррупционного законодательства.

Системный анализ отдельных нормативных и подзаконных актов, регламентирующих вопросы противодействия коррупции, позволяет говорить о том, что перечень коррупционных преступлений включает так называемые «основные преступления коррупционной направленности», относящиеся к таковым под «условием», либо «способствующие» существованию и распространению коррупции. Более того, согласно приложению № 23 указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года в рассматриваемую группу могут быть включены и деяния, вовсе не отнесенные к преступлениям коррупционной направленности¹.

Второй термин также встречается в ряде официальных источников².

Так, в рамках пункта 1 приложения № 23 к указанию Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года предпринимается попытка дать понятие преступлений коррупционной направленности через перечисление их признаков. Исходя из общепризнанного подхода, преступления коррупционной направленности характеризуются *следующими признаками*: 1) наличие *надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния*; 2) *связь деяния со служебным положением субъекта*; 3) обязательное наличие у субъекта *корыстного мотива*; 4) совершение преступления только с *прямым умыслом* (курсив наш. — С. М.). Очевидно, что указанные «признаки» отнюдь не являются признаками данных преступных деяний (исходя из классического набора признаков преступления). Указанные «признаки» будут характерными для всех составов соответствующих преступлений, если давать им более узкую трактовку, что предлагается некоторыми авторами в

¹ Маркунцов С. А. Глава 5. Подходы к пониманию коррупционных преступлений, преступлений коррупционной направленности и преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса и определению их системы // Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД Юриспруденция, 2020. С. 124.

² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы», указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» и др.

доктрине уголовного права¹. Справедливости ради отметим, что в абзац 2 пункта 1 приложения № 23 вышеназванного Указания закреплено положение о том, что к коррупционным преступлениям относятся и те противоправные деяния, которые определены *ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством...*² (курсив наш. — С. М.).

Первое противоречие современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции — понятийно-терминологическое — проявляется даже на прикладном уровне. Так, в соответствии с подпунктом 13 пункта 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, «предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности» обозначено в качестве одной из задач в контексте достижения цели обеспечения государственной и общественной безопасности, а согласно подпункту 33 пункта 27 Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года⁴, «разработку форм статистической отчетности по коррупционным преступлениям» (курсив наш. — С. М.) в сфере здравоохранения и ее введение» провозглашено составной частью системы здравоохранения в Российской Федерации. Выходит, что на уровне национальной безопасности государство противодействует преступлениям коррупционной направленности, а в системе здравоохранения разрабатывает формы по учету коррупционных преступлений.

В доктрине предлагаются различные подходы в части соотношения понятий «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности». Справедливости ради отметим, что в последние два года наблюдается тенденция использования законодателем последнего из них. В то же время укажем на стремление к терминологическому единообразию, которое не прослеживается на законодательном уровне.

Следующие противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции связаны с ее непосредственным содержанием в контексте ее реализации посредством применения таких базовых методов, как криминализация и пенализация.

О криминализации. За 25 лет действия УК РФ его Особенная часть пополнилась 128 новыми статьями, увеличившись ровно на 50 %, тогда как исключено из нее было только 11 статей⁵. При этом только в период с 2016 по 2022 год в УК РФ были введены 14 (более 10 % от всех) новых статей⁶, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности (пять из которых относятся к числу основных, то есть относящихся к таковым без дополнительных условий) в их современном понимании. Так, в 2016 году появились статьи 204¹, 204², 291² УК РФ, в 2017 году Особенная часть приросла статьями 201¹ и 285⁴ УК РФ, в 2018 году УК РФ дополнен статьями 200⁴, 200⁵, 200⁶, в 2019 году появилась статья 210¹, а в 2020 — статья 200⁷. Богатым на дополнение УК РФ антикоррупционными нормами стал 2022 год, расширивший анализируемый перечень за счет статей 201², 201³, 285⁵ и 285⁶.

¹ Так, например, по мнению Л. Л. Блашковой, преступлениями коррупционной направленности следует признавать запрещенное уголовным законом деяние, посягающее на служебные отношения в любой сфере жизнедеятельности общества, совершаемое должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации и использующее служебное положение при умышленном совершении противоправного деяния в целях получения им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц. См.: Блашкова Л. Л. Состояние и направления совершенствования уголовно-правового реагирования на преступления коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2023. С. 10–11.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года. Документ официально опубликован не был.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

⁴ О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23, ст. 2927.

⁵ Маркунцов С. А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты (к 25-летию с начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации): монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИД «Юриспруденция», 2022. С. 121.

⁶ Единственной статьей, в которой было закреплено новое преступление коррупционной направленности ранее обозначенного периода стала статья 291.1 «Посредничество во взяточничестве» УК РФ, введенная в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ.

Исходя из того, что указанные статьи были введены практически через 8 лет с момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции», неоднозначно следует высказаться о социальной потребности в указанной криминализации.

О пенализации. В течение довольно значительного периода формировался дифференцированный подход к оценке общественной опасности таких «зеркальных» преступлений коррупционной направленности, как взяточничество (ст. 290, 291 УК РФ), с одной стороны, и, коммерческий подкуп, с другой.

Сравнение первоначальных редакции статей, предусматривающих ответственность за квалифицированные составы получения и дачи взятки, позволяет констатировать, что максимально возможное наказание в виде лишения свободы составляло 12 и 8 лет, соответственно. При этом в части незаконных получения и передачи коммерческого подкупа аналогичное наказание предусматривалось в размере 5 и 4 лет лишения свободы, соответственно. Указанное сравнение позволяет говорить о существенном (более чем в 2 раза) различии в возможном наказании в виде лишения свободы за соответствующие «зеркальные» составы¹.

Отдельные проанализированные противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции наглядно иллюстрируют ее непоследовательность и бессистемность. Это особенно очевидно в контексте увеличения количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2021 году по сравнению с 2020 годом на 13,8 % за счет роста преступлений, связанных со взяточничеством (на 27,8 %)². При этом статистика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности 2022 и 2023 годов лишь подтвердила наметившуюся тенденцию.

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России;

Одиноква Анастасия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Основные направления виктимологической профилактики преступлений, связанных со злоупотреблением полномочиями исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью

Корпоративное юридическое лицо является субъектом хозяйственных правоотношений, с одной стороны, обычно создаваемым для объединения имущественных, интеллектуальных, организационных ресурсов, с другой стороны, представляющим сообщество лиц, нередко преследующих конфликтные интересы.

Анализ внутренней структуры общества с ограниченной ответственностью позволяет позиционировать его как сплав интересов субъектов, имеющих разное отношение к данному юридическому лицу.

К числу таких субъектов относятся, например, органы управления юридического лица трех уровней, от общего собрания участников корпорации до исполнительного органа как коллегиального, так и единоличного, в качестве которых может выступать управляющая организация.

¹ Подробнее см.: Маркунцов С. А. Глава 3. Уголовное право и криминология в контексте предупреждения совершения преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса и противодействия коррупции // Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД Юриспруденция, 2020. С. 88–89. Аналогичная тенденция продолжилась и в связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции». См.: там же. С. 89.

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 01.12.2023).

В круг субъектов, имеющих отношение к обществу с ограниченной ответственностью, входят также работники организации, а также лица, которые выполняют работы и оказывают ей услуги в рамках договора гражданско-правового характера.

При этом, являясь частями, образующими целостность исследуемого юридического лица, каждый из указанных субъектов имеет свои интересы.

Например, орган управления хозяйственного общества (директор или дирекция) заинтересован в максимальном размере оплаты своего труда или управленческой деятельности.

Интерес учредителей (участников) организации заключается: 1) в увеличении капитализации общества с ограниченной ответственностью, что в динамике повышает стоимость принадлежащей им доли в уставном капитале; 2) в получении обществом максимальной прибыли за счет положительного притока денежных средств, что ведет к увеличению дивидендов.

Справедливо отмечено О. В. Осипенко, что деструктивные функции отношений между вышеуказанными субъектами, заключающиеся в антагонизмах совладельцев компании, противостоянии топ-менеджмента и участникам компании являются детерминирующим фактором, порождающим корпоративную коррупцию¹.

В отличие от виктимологических ситуаций, где преступник — лицо, не являющееся субъектом корпорации, анализируемые обстоятельства представляют трудность в виктимологической квалификации ввиду запутанности описываемых конфликтных отношений субъектов корпорации.

Так, во внутрикорпоративных взаимоотношениях конфликтного характера между участниками общества с ограниченной ответственностью, не всегда понятно, кто является жертвой, а кто преступником.

Например, мажоритарные участники, злоупотребляя способностью назначить ангажированное ими лицо в орган управления, имеют возможность реализовывать свои интересы, которые могут привести к образованию убытков другой группы миноритарных участников. В этом случае не всегда понятно, кто в этом случае является жертвой, что подтверждается также результатами анализа материалов доследственной проверки заявлений о возбуждении уголовных дел в рамках статей 144–145 УПК РФ, когда все стороны конфликта подают взаимные заявления в отношении своих процессуальных оппонентов. Как следствие, должностные лица, обязанные принять решения по таким заявлениям, отказывают в возбуждении уголовных дел с мотивировкой, что заявляемые сторонами правоотношения носят гражданско-правовой характер, и для защиты своих интересов рекомендуют заявителям обращаться в Арбитражный суд или суд общей юрисдикции, рассматривающие гражданско-правовые споры.

Особую сложность представляют отношения, когда одна группа участников ООО консолидирует свои усилия с органом управления юридического лица и совершает преступные посяательства в отношении другой группы участников.

Так, гражданин Т., являющийся участником ООО «П», обладающий в совокупности 50 % доли в уставном капитале указанного общества обратился в Арбитражный суд с иском к Л., являющемуся директором общества и обладающим оставшейся 50 % долей в уставном капитале с требованием о взыскании в пользу общества 15 000 000 рублей убытков.

Требование основано на статьях 15, 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и мотивировано тем, что Л. в должности директора действовал недобросовестно и неразумно, чем причинил Обществу убытки, а именно перевел своей дочери названную денежную сумму, но не предпринял действий по возврату данных денежных средств.

Ответчик в своем отзыве указал, что к моменту спорных займов деятельность в Обществе не велась, основные средства по единогласному решению участников Общества проданы. Договоры займа заключены по процентной ставке выше банковского процента (7 %).

В то же время действиями директора Общества указанная организация доведена до стадии предстоящей ликвидации. Ответчик Л. будучи директором общества был осведомлен, что указанная организация должна быть исключена из реестра — ликвидирована, что сделало бы невозможным возврат займа со стороны своей дочери. При этом Л. никаких действий по возврату займа не предпринял, других участников Общества в известность не поставил, мероприятий по приостановлению ликвидации организации также не произвел.

Тем не менее суды трех инстанций отказали истцу в возмещении убытков, посчитав, что судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей

¹ Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с.

(участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами. Последний не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

В настоящий момент в виктимологии наметилась тенденция рассмотрения в качестве жертв преступления не только физических лиц, но и корпораций¹, что позволяет усовершенствовать традиционные алгоритмы предупреждения экономической преступности.

Только подход, включающий в формулу виктимологической профилактики не только нейтрализацию антропологических и социальных детерминант жертв физических лиц, но и организационные меры, воздействующие на саму структуру юридического лица, является действенным.

Полагаем, что основные направления виктимологической профилактики преступлений, связанных со злоупотреблением полномочиями исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью, должно базироваться на следующих основах:

— жертвой анализируемых преступных посягательств может являться только юридическое лицо, органы управления которого злоупотребляют своими полномочиями. Вне зависимости от имущественных интересов любого корпоративного конфликта в части виктимологического анализа не может быть поставлены в разряд жертв или преступников любая из противоборствующих сторон;

— в качестве ключевой виктимологической детерминанты анализируемого вида посягательств должна рассматриваться виктимность самой корпорации, в которую включается организационно-правовая форма юридического лица, качество корпоративных норм и условий, регулирующих деятельность организации, уровень внутрикорпоративного контроля общества с ограниченной ответственностью;

— виктимологическая профилактика должна быть направлена на нейтрализацию системных виктимологических детерминант, которые влияют на нормальное и безопасное функционирование рассматриваемого юридического лица. Виктимологическое воздействие на конкретных физических лиц должно распространяться в качестве дополнительной меры профилактики.

Кириллов Михаил Андреевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России;

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

Некоторые особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в исправительных учреждениях

В настоящее время мы наблюдаем стремительные и серьезные изменения в пенитенциарной системе России. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года поэтапно реализуется в правовых актах, ориентированных на гуманизацию исполнения и отбывания уголовных наказаний². Одним из направлений совершенствования уголовно-исполнительной системы

¹ Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Криминологическая виктимология: учебное пособие. Казань, 2018. 118 с.; Репецкая А. Л., Петрякова Л. А. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 4. С. 452–462; Ильин И. В., Илясова К. А. Виктимология юридических лиц // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 11 (11). С. 35–36; Ильин И. В. Виктимологические вопросы борьбы с экономическими преступлениями, совершаемыми в отношении юридических лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 214–216; Ильин И. В. Виктимологические проблемы противодействия экономической преступности, совершаемой в отношении юридических лиц / Причины экономической преступности: выявление, обучение противодействие: материалы межвузовского межведомственного научно-практического круглого стола по обсуждению учебного пособия И. М. Мацкевича / ред. В. М. Баранов, 2017. С. 192–194.

² Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20, ст. 3397.

России признается улучшение условий содержания осужденных женщин. В процессе научного поиска установлено, что исполнение лишения свободы в отношении осужденных женщин в целом сопоставимо по характеру и степени репрессивного воздействия в сравнении с осужденными мужчинами. Вместе с тем в отношении отдельных категорий осужденных женщин законодателем устанавливаются льготы, ставящие их в привилегированное положение в исправительных учреждениях. Эмпирические данные и практический опыт позволяют констатировать, что осужденные женщины стремятся к приобретению таких льгот и улучшению условий отбывания наказания. Таким образом, назревшая необходимость комплексного исследования наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин приводит к обособлению двух категорий осужденных женщин, заслуживающих особого внимания. Это, во-первых, осужденные беременные женщины и осужденные женщины, имеющие при себе малолетних детей, и, во-вторых, осужденные женщины, неоднократно судимые и признанные особо опасным рецидивом.

Дискуссионным вопросом в доктрине на протяжении длительного времени остается совместное содержание осужденных женщин с малолетними детьми в доме ребенка при исправительном учреждении. Дом ребенка как правовой феномен охватывает собой не только уголовно-исполнительные аспекты, но и психологические, криминологические, медицинские и иные категории. Нельзя не согласиться с А. Я. Сапожниковым, подчеркивающим, что организация дома ребенка требует не только четкого соблюдения законов, но и чуткого, гуманного и великодушного отношения к воспитанникам и осужденным женщинам¹.

С 11 декабря 2023 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 211 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»². Изменения коснулись увеличения на один год времени пребывания детей в доме ребенка при исправительных колониях, то есть уже не до трех лет, а до четырех, а в случае, когда матери ребенка до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, то время пребывания ребенка может быть продлено до ее освобождения. Согласно пояснительной записке к законопроекту, мотивами внесения поправок послужили стремление к сохранению близких контактов осужденной женщины с ребенком, стимулирование ее к правоопослушному поведению и исправлению, более успешной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы³. В силу обозначенных нами новелл проблема совместного содержания осужденных женщин с малолетними детьми вновь привлекла к себе внимание ученых-пенитенциаристов.

Критический анализ внесенных изменений, проведенное эмпирическое исследование в исправительных учреждениях для осужденных женщин, в совокупности позволили нам сделать определенные выводы. В частности, есть сторонники совместного содержания малолетних детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, есть и противники, которые считают, что осужденные женщины стремятся получить льготы, что для ребенка размытая отдаленная перспектива, что длительное пребывание становится нежелательным, поскольку ребенок оказывается замкнут в однообразной среде в окружении криминальной культуры и единообразного социума. Дальнейшее развитие ребенка потенциально будет заторможено, а личность сформируется под излишним влиянием тюремного быта и культуры⁴. Не утихают споры относительно отклоняющегося поведения осужденной женщины, стремящейся к материнству из корыстных и низменных побуждений. Такое явление в научной литературе иначе и не назовешь как «девиантное пенитенциарное материнство». Исследователями предлагаются меры корректировки девиантного пенитенциарного материнства. В большинстве своем это программы психологического

¹ I Всероссийское совещание начальников домов ребенка, организованных в женских исправительных учреждениях ФСИН России. URL: <http://pfo.gof.ru/hress/events/66168/> (дата обращения: 02.12.2023).

² О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: федеральный закон от 13 июня 2023 года № 211-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 23 мая 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25, ст. 4400.

³ О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: законопроект № 289099-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/289099-8> (дата обращения: 02.12.2023).

⁴ Новиков А. В., Кулакова С. В., Слабая Д. Н. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 201.

сопровождения осужденных беременных женщин и осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Таким образом, назрела необходимость комплексного анализа статей УИК РФ (далее — УИК РФ), заслуживающих особого внимания: проживание вне исправительного учреждения осужденными беременными женщинами и осужденными женщинами, имеющими при себе малолетних детей в исправительных учреждениях.

В частности, законодатель в части 1.1 статьи 121 УИК РФ изложил в соответствии с частью 1 статьи 89 УИК РФ, что осужденным, не отбывающим наказание в обычных условиях, с учетом их личности и поведения может ежемесячно предоставляться до двух дополнительных длительных свиданий с ребенком в выходные и праздничные дни **с проживанием** (выделено нами. — М. А., И. В.) (пребыванием) вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение. Длительное свидание осужденным к лишению свободы на основании части 1 статьи 89 УИК РФ предоставляется продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения, но в отдельных случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания **с проживанием** (выделено нами. — М. А., И. В.) вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. В итоге, осужденный может проживать 15 (пятнадцать) суток в месяц с ребенком вне исправительного учреждения.

На основании части 2.1 статьи 89 УИК РФ осужденным женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет... могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни **с проживанием** (выделено нами. — М. А., И. В.) вне исправительного учреждения далее по тексту, а по части 3 в воспитательных колониях для несовершеннолетних осужденных длительные свидания **с проживанием** (выделено нами. — М. А., И. В.) вне исправительного учреждения краткосрочным свиданием с выходом за пределы воспитательной колонии.

Необходимо подчеркнуть, что законодатель дает возможность осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, выезда за пределы исправительного учреждения для устройства детей в детском доме на срок до 15 суток, не считая времени, необходимого для проезда, а если имеет вне исправительной колонии несовершеннолетнего ребенка-инвалида..., могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком до 15 суток каждое... (далее по тексту ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ).

Относительно части 3 статьи 121 УИК РФ нас интересует последний абзац, где осужденным по их заявлению разрешается **проживание** (выделено нами. — М. А., И. В.) с семьей или детьми в жилых помещениях, находящихся в их собственности или пользовании. Здесь речь идет о проживании вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение.

Безусловно, анализируемые нами статьи УИК РФ надо признать, что законодатель по отношению рассматриваемых категорий осужденных женщин применил принцип гуманизма, и что мы считаем очень важным, встречается на законодательном уровне за всю историю впервые, но для окончательного закрепления в УИК РФ мы обратимся за разъяснением к статье 129 УИК РФ, где законодатель дает возможность осужденным-поселенцам (мужчинам и женщинам), не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи и детей, по постановлению начальника колонии-поселения может быть разрешено проживание со своими семьями и детьми на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселения. Надо отметить, что колонии-поселения относятся к лишению свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ).

Учитывая положительный опыт, эффективность воспитательного воздействия на укреплении семьи и совместное воспитание детей считаем основой сохранения традиций и благополучия семьи.

Целесообразно внести изменения и дополнения в часть 1.1 статьи 121 УИК РФ следующего содержания: «ч. 1.1 ст. 121 УИК РФ осужденным беременным женщинам, женщинам, имеющим малолетних детей, осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет, а также несовершеннолетнего ребенка-инвалида, отбывающим наказание в обычных условиях, с учетом их личности и поведения по их заявлению могут быть разрешено проживание за пределами исправительной колонии совместно с семьей и детьми на арендованной или собственной жилой площади в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение».

Относительно статьи 100 УИК РФ особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей при положительном разрешении на законодательном уровне, то, что нами предлагается, утрачивает силу, кроме части 2.

Степанов Максим Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного
права Нижегородской академии МВД России

Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности

Вопросам, связанным с понятием, состоянием и эффективностью уголовно-правовой (уголовной) политики, посвящено значительное количество исследований¹. Несмотря на это, состояние дел в сфере охраны столь важного объекта, в качестве которого выступает собственность, не позволяет говорить о достаточном и приемлемом уровне ее защищенности. В связи с чем ученым сообществом предлагаются самые различные меры по оптимизации уголовно-правовой политики и выработке механизмов, позволяющих эффективно противодействовать криминальному злу.

Анализ данных, отраженных в официальной статистике, свидетельствует о том, что в целом состояние преступности, объектом которой выступает собственность, имеет положительную динамику. Так, за одиннадцать месяцев (январь–ноябрь) 2023 года на 14,5 % уменьшилось количество разбоев, на 23,9 % — грабежей, на 16,4 % — краж, в том числе на 25,1 % — квартирных и на 26,7 % — краж автомобилей.

Однако обеспокоенность вызывает тенденция роста числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в числе которых заметное место занимают преступления против собственности. Их число по сравнению с январем–ноябрем 2022 года возросло на 30,8 %².

Рассуждая об эффективности уголовно-правовой политики крайне затруднительно охватить все аспекты проблемы, поэтому в рамках настоящего исследования позволим обратить внимание коллег лишь на отдельные вопросы, вытекающие из уголовно-правовых запретов, тезисно обозначив наиболее существенные, на наш взгляд.

Продолжает сохранять актуальность проблема равной уголовно-правовой охраны всех форм собственности, в основе которой лежит конституционное предписание, отраженное в части 2 статьи 8 Основного закона. Так, в результате анализа ряда статей главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) скажем о наличии ряда типичных криминообразующих признаков, «встраивание» которых законодателем в структуру уголовно-правовых норм реализовано неоднозначно.

¹ См.: Стручков Н. А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970; Гаухман Л. Д., Ляпунов Ю. И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. Москва, 1980; Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Ленинград, 1986; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987; Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовная политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991; Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический уголовно-правовой и информационный аспекты. Москва, 1999; Тер-Акопов А. А. Уголовная политика Российской Федерации: учебное пособие. Москва, 1999; Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел / под. ред. Л. И. Беляевой. Москва, 2003; Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). Москва, 2004; Панченко П. Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. Нижний Новгород, 2004; Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Т. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. Москва, 2006; Бойко А. И. Уголовная политика. Ростов-на-Дону, 2008; Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история, основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. и предисл. В. М. Овчинского, А. В. Федорова. Москва, 2008; Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. Москва, 2008. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва, 2009; Кондрат И. Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. Москва, 2014.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174> (дата обращения: 15.01.2024).

Открывая главу 21 УК РФ статьей 158 «Кража», законодатель презюмировал, что отдельные квалифицирующие признаки характеризуются различной общественной опасностью, а, следовательно, их закрепление в нормах об ответственности за иные преступления против собственности должно отвечать принципу единообразия.

Например, в пункте «в» части 2 статьи 158 УК РФ закреплён квалифицирующий признак кражи — «с причинением значительного ущерба гражданину». Аналогичный признак предусмотрен и в составах мошенничества (ч. 2 ст. 159 УК РФ), мошенничества с использованием электронных средств платежа (ч. 2 ст. 159³ УК РФ), мошенничества в сфере страхования (ч. 2 ст. 159⁵ УК РФ), мошенничества в сфере компьютерной информации (ч. 2 ст. 159⁶ УК РФ), присвоения или растраты (ч. 2 ст. 160 УК РФ). Позволим заметить, что указанный признак, исходя из буквального толкования, позволяет признать в качестве потерпевшего только физическое лицо — гражданина. Следовательно, действующее уголовное законодательство вовсе не предусматривает возможности причинения значительного ущерба юридическим лицам, что напрямую противоречит конституционному императиву¹.

Однако в части 5 статьи 159 УК РФ закреплён аналогичный стоимостный критерий, правда, без упоминания о статусе потерпевшего. Сравнение данных признаков позволяет утверждать, что фактически законодатель предусмотрел два решения — одно применимо только к физическим лицам, второе распространяется как на физических, так и на юридических лиц, но лишь в процессе предпринимательской деятельности. Одновременно с этим следует заметить, что размеры ущерба, предусмотренные в рамках указанных позиций, также различаются (не менее пяти тыс. рублей и не менее десяти тыс. рублей, соответственно).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ряде составов преступлений против собственности признак, характеризующий значительность ущерба, вовсе не предусмотрен. Так, аналогичное обстоятельство не закреплено в составах грабежа (ст. 161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ).

Укажем на проблему установления некоторых стоимостных критериев, имеющих схожую формулировку. Так, в статьях 158, 159–159⁶, 160, 161, 162, 163 УК РФ предусмотрен особо квалифицирующий признак деяния, совершенного в особо крупном размере. В свою очередь, в статьях 165 и 166 УК РФ имеется признак, характеризующий последствие — особо крупный ущерб².

Проведенное в течение ряда лет среди сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел социологическое исследование показало, что около 34 % практических работников, занимающихся расследованием преступлений экономической направленности, сталкивались с проблемой толкования (разграничения) указанных признаков. При этом, по мнению указанной части респондентов, особо крупный ущерб следует определять в соответствии с нормой, закреплённой в примечании 4 к статье 158 УК РФ и признающей таковой сумму свыше одного млн рублей, то есть используя аналогию уголовного закона, которая прямо запрещена согласно статье 3 УК РФ.

Заметим, что, несмотря на внешнюю схожесть таких признаков, как особо крупный размер и особо крупный ущерб, они не могут оцениваться правоприменителем идентично, поскольку ассоциируются с различными признаками объективной стороны — размер с деянием, а ущерб с последствием. Таким образом, признак «особо крупный размер» является нормативно установленным и определен законодателем в упомянутом выше примечании к статье 158 УК РФ. Признак же «особо крупный ущерб» — оценочный и должен определяться индивидуально в каждом конкретном случае. При этом правоприменителю необходимо учесть всю совокупность обстоятельств, на основании которых принять решение о материальном положении потерпевшего, поскольку именно оно имеет решающее значение при квалификации деяния по указанному признаку.

¹ См.: Борисова О. В. Уголовно-правовое обеспечение равенства форм собственности // Lex Russica. 2015. № 1. С. 104–111.

² См.: Черных Е. Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009; Ботвин И. В. Проблемы отграничения причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием от мошенничества и его видов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 170–176; Гладких В. И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой анализ статьи 165 УК РФ // Евразийский Союз Ученых. 2021. № 3-8 (84). С. 39–44 и др.

В заключении отметим, что в рамках настоящего исследования нами предпринята попытка ориентирования научной общественности на малую часть вопросов, возникающих как в ходе научной дискуссии, так и в процессе правоприменительной деятельности при квалификации преступления против собственности. Внимание к рассмотренным проблемам позволит сохранить уверенность в их законодательном решении в ближайшей перспективе.

Никифорова Алена Анатольевна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Отдельные вопросы противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности

Стабильность, устойчивость и эффективность функционирования государства напрямую зависят от внешнеэкономических процессов, происходящих в нем. По официальным данным, представленным Федеральной таможенной службой Российской Федерации, совокупный объем экспорта и импорта России за период с января по октябрь 2023 года составил 586,6 млрд долларов США, что на 16 % ниже данных внешней торговли за аналогичный период 2022 года¹. Подобные результаты свидетельствуют об особой важности внешнеэкономической деятельности для развития общества, а их снижение демонстрирует наличие уязвимых областей, на которые стоит обращать более пристальное внимание.

Учитывая значение данных показателей как для России, так и для любой страны в современном мире, значительное внимание уделяется безопасному осуществлению деятельности в сфере внешней экономики, что гарантируется, прежде всего, посредством реализации мер правового регулирования. В связи с этим в науке сформировано понятие «внешнеэкономическая безопасность», под которой понимается «такое состояние соответствия внешнеэкономической деятельности национальным экономическим интересам, что позволит минимизировать убытки государства от влияния внешних экономических факторов негативного характера и создания благоприятных условий развития экономики»².

С целью обеспечения внешнеэкономической безопасности законодатель совершенствует различные отрасли законодательства, в том числе уголовное, что выступает одним из наиболее серьезных инструментов, позволяющих охранять отношения в данной сфере. При этом, к сожалению, действующий уголовный закон не лишен изъянов, препятствующих качественному правоприменению и формированию эффективного уголовно-правового механизма противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности.

В частности, с 2015 года по настоящее время в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) используется упоминание уже недействующей организации — ЕврАзЭС, существовавшей до 2014 года. К таким статьям относятся: статьи 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ. Диспозиции указанных норм содержат в себе указание места совершения преступления — таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Несмотря на то, что международным договором предусмотрено создание новой организации — Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), у правоприменительных органов отсутствует возможность на него опираться, так как согласно части 1 статьи 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса, основывающегося на нормах международного права. При этом напрямую нормы международного права источником уголовного законодательства не выступают. Вместе с этим вступление России в ЕАЭС отразилось на разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в соответствии с абзацем 3 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» «под используемыми в статьях 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»),

¹ Внешняя торговля Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg> (дата обращения: 25.12.2023).

² Минаков А. В. Влияние внешнеэкономической деятельности на экономическую безопасность России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6-2. С. 65–68.

«Государственная граница Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать, соответственно, «таможенная граница Евразийского экономического союза»... «государственная граница Российской Федерации с государствами-членами Евразийского экономического союза»¹.

Таким образом, наблюдается устранение существующего законодательного пробела посредством судебного толкования. Данное обстоятельство сформировало неоднозначную практику, что, безусловно, придает негативный окрас правоприменению.

К примеру, в постановлении суда кассационной инстанции от 31 мая 2022 года № 77-2636/2022 закреплена жалоба адвоката гражданина Ж.Л.В. следующего содержания: «с учетом прекращения функционирования ЕврАзЭС, нельзя установить место совершения преступления, поскольку фактическое место незаконного перемещения не совпадает с местом преступления, предусмотренным диспозицией статьи... наличие в постановлении расшифровки следователя — «таможенная граница Евразийского экономического союза»... находит самовольным дополнением следователя диспозиции статьи..., указав в апелляционном определении о незаконном перемещении Ж.Л.В. через таможенную границу наличных денежных средств в сумме 74 100 евро, суд апелляционной инстанции вышел за пределы предъявленного обвинения, увеличив его объем»². При этом суд дает следующую оценку жалобе адвоката: «доводы защитника об отсутствии в действиях осужденной состава преступления ввиду прекращения функционирования ЕврАзЭС не влияют на уголовно-правовую оценку содеянного, поскольку согласно разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года «О судебной практике по делам о контрабанде»..., под используемым в статье 200.1 УК РФ термином «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза») следует понимать «таможенную границу Евразийского экономического союза»³. Именно по этой причине суд указал, что указание в постановлении о незаконном перемещении Ж.Л.В. через таможенную границу наличных денежных средств не является свидетельством увеличения объемов обвинения, потому нет оснований для отмены или изменения судебного решения о привлечении Ж.Л.В. к уголовной ответственности по пункту «а» части 2 статьи 200¹ УК РФ.

Аналогичным образом защитник гражданина Ж.С.И. выступил с жалобой относительно неверной квалификации действий последнего по пункту «а» части 2 статьи 200¹ УК РФ, указав на «несоответствие формулировки обвинения в части расшифровки «таможенная граница Евразийского экономического союза» и отсутствия в обвинительном заключении указания на наличные денежные средства... в связи с прекращением функционирования ЕврАзЭС установить место совершения преступления не представляется возможным, поскольку фактическое место незаконного перемещения не совпадает с местом преступления, предусмотренным диспозицией статьи, что свидетельствует об отсутствии в деянии состава указанного преступления»⁴. Вместе с этим суд указал следующее: «доводы защитника об отсутствии в действиях осужденного состава преступления ввиду прекращения функционирования ЕврАзЭС не являются основанием для отмены состоявшихся судебных решений, поскольку согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года... «О судебной практике по делам о контрабанде», под используемым в статье 200.1 УК РФ термином «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза») следует понимать «таможенную границу Евразийского экономического союза»⁵.

На примере приведенных выдержек можно наблюдать, как суд в приговоре осуществляет ссылку на положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». В связи с этим возникает два вопроса относительно правосудности таких решений: «Насколько корректно в приговоре ссылаться

¹ О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 // Российская газета. 2017. 11 мая. № 99.

² Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-2636/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-2636/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-3436/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

⁵ Там же.

на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации? Может ли толкование судом положений УК РФ быть шире самого закона?»

Начнем с рассмотрения первого вопроса, который не является новым как для уголовно-правовой, так и для уголовно-процессуальной науки. Относительно частой на сегодняшний день является практика, когда судебные органы в своих решениях не просто учитывают разъяснения судебных органов высшей инстанции, но и ссылаются непосредственно в текстах самих приговоров на отдельные акты судебного толкования. Доктринальные подходы в этом отношении принято подразделять на две основные группы:

— сторонники признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации нормативным источником, а потому выступающие за возможность, а в каких-то случаях необходимость ссылаться на них¹;

— противники отнесения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации к юридическим источникам уголовного права².

Учитывая тот факт, что подобного рода дискуссии ведутся значительный период времени, постараемся максимально тезисно рассмотреть обе основные позиции. Представители первой группы ученых в первую очередь настаивают на том, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не ограничиваются интерпретацией уголовного закона, а зачастую разрешают «сложные уголовно-правовые вопросы, не имеющие однозначного законодательного решения, компенсирующие пробелы в УК»³. В качестве аргументации также приводится возможность Верховного Суда Российской Федерации оперативно разрешать возникающие в правоприменительной деятельности вопросы посредством издания соответствующих актов. Кроме того, как утверждает К. В. Ображиев, именно такие постановления позволяют восполнить пробелы уголовного закона, потому осуществляют его нормативную конкретизацию, следовательно, являются юридическими источниками уголовного права⁴.

Вторая группа юристов отстаивает свою точку зрения, прежде всего, опираясь на следующие факты:

— постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не формулируют новые нормы, а лишь рекомендуют как наиболее верно поступить при возникновении спорных вопросов правоприменения;

— основной задачей постановлений является то, что они служат актами аутентичного нормативного толкования;

— Пленум Верховного Суда Российской Федерации — это орган судебной, а не законодательной власти, потому не может осуществлять правотворчество⁵.

Исходя из анализа приведенных позиций, безусловно, можно признать справедливыми аргументы представителей обеих сторон, однако противоречия тем самым не разрешаются на законодательном уровне. Несмотря на то, что, несомненно, разъяснения судебных органов высшей инстанции стали выполнять роль актов легального толкования, в силу несовершенства действующего

¹ См.: Демидов В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 3. С. 21–24; Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. Москва, 1997. С. 16; Нерсисянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. Москва, 2000. С. 107–112; Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25; Видергольд А. И. Судебные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации как источник уголовно-процессуального права // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 1. С. 30–31.

² Исаев М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Учен. зап. ВИЮН. Вып. 5. Москва, 1947. С. 73–88; Наумов А. В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8–11; Сидоренко М. В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5. С. 88.

³ Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Сидоренко М. В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5. С. 88.

уголовного законодательства, легитимность такого подхода достаточно просто оспорить, сославшись только лишь на статью 1 УК РФ. Именно поэтому представляется, что восполнение пробелов Уголовного кодекса посредством применения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации нельзя признать законным, хоть и необходимо во множестве случаев, о чем неоднократно говорили ученые-юристы.

Именно по этой причине ссылка на положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» в судебных приговорах видится не в полной мере отвечающей требованиям действующего законодательства.

Одновременно с этим необходимо ответить на второй вопрос о том, насколько законным можно признать разъяснение в абзаце 3 пункта 1 рассматриваемого нами постановления. Фактически в статьях 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ упоминается устаревшее международное законодательство, потому нормы в таком виде применяться не могут. Для устранения этого пробела Верховный суд расширительно толкует содержание указанных статей и приравнивает Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), предпринимая тем самым попытку устранения возникшего пробела. Однако такое решение нельзя признать корректным, как минимум, только потому, что страны, входящие в данные международные организации, не совпадают по своему составу. Участниками ЕврАзЭС являлись: Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. В ЕАЭС входят: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия. Потому абсолютно неясно, как оценивать незаконное перемещение товаров и услуг через такие страны, как Таджикистан, ранее входивший в ЕврАзЭС (которая все еще по УК РФ является местом совершения преступления), и Армению, являющуюся страной-участницей ЕАЭС (определенной местом совершения контрабанды Пленумом Верховного Суда Российской Федерации).

Представленная судебная позиция привела к разрозненности в правоприменении. Так, помимо того, что в ряде приговоров суда появились ссылки на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12, в других судебных решениях международные организации стали указывать абсолютно хаотично: *таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС¹, таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (таможенную границу ЕАЭС)², таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ЕАЭС)³*.

На наш взгляд, приравнивание двух международных организаций друг к другу не является верным решением, так как в данном случае Верховный Суд Российской Федерации трактует не только отечественное уголовное законодательство, но и нормы международных договоров, что значительно выходит за рамки разъяснительного судебного толкования.

Несмотря на то, что сложившаяся ситуация вызвана объективными причинами, и отсутствие соответствующего положения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 вообще бы не позволило применять отдельные статьи УК РФ об ответственности за контрабанду, так как законодатель не внес необходимые изменения в них, подобное решение не представляется справедливым. Таким образом, не умоляя значения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, которые во многом позволяют осуществлять эффективное правоприменение, полагаем, что соблюдение принципов уголовного законодательства является обязательным для всех. Видим острую потребность в актуализации статей 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ с учетом действующего международного законодательства, что позволит обеспечить уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности на должном уровне.

¹ Уголовное дело 1-805/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

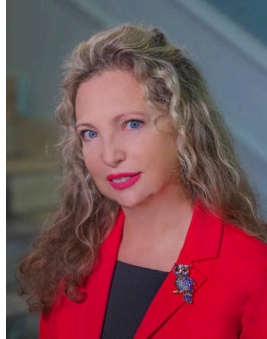
² Там же.

³ Уголовное дело 1-110/2021 (1-765/2020). URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

Рецензия на учебник

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-315-318>

**Инструктивная подготовка практиков-аналитиков и ученых-исследователей
сферы права (рецензия на учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой
«Методология научных исследований и прикладной аналитики»,
4-е издание в 2 томах, 2023)**

Баранова Марина Владимировна¹, Сазонов Всеволод Евгеньевич²

¹Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, qazxsw1232007@yandex.ru

²ГК «Сазонов и партнеры», Нижний Новгород, Россия, vsevolod.sazonov@gmail.com

Аннотация. Авторы обращаются к доминантным позитивным аспектам 4-го издания учебника в 2 томах И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики», отмечая содержательную ценность издания для процесса формирования эффективных практиков-аналитиков и ученых-исследователей сферы права. Констатируется ценность обращения к ключевым аспектам становления юридического мышления, результативной технике переноса мыслительной деятельности на конкретные прикладные задачи, направленность на системное видение проблемного ряда. В заключение отмечается содержательная направленность рецензируемого оригинального науковедческого и научно-инструктивного издания на введение читателя в методологию юридической науки и прикладной правовой аналитики.

Ключевые слова: наука, право, аналитика, подготовка практиков-аналитиков и ученых, методология исследований, средства оценки качества исследовательского продукта

Для цитирования: Баранова М. В., Сазонов В. Е. Инструктивная подготовка практиков-аналитиков и ученых-исследователей сферы права (рецензия на учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики», 4-е издание в 2 томах, 2023) // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 315–318. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-315-318>.

Original article

**Instructional training of practitioners, analysts and legal researchers (review
of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva “Methodology of scientific
research and applied analytics”, 4th edition in 2 volumes, 2023)**

Marina V. Baranova¹, Vsevolod E. Sazonov²

¹National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, qazxsw1232007@yandex.ru

²Sazonov & Partners Group of Companies, Russian Federation, vsevolod.sazonov@gmail.com

© Баранова М. В., Сазонов В. Е., 2024

Abstract. The authors address the dominant positive aspects of the 4th edition of the textbook in 2 volumes by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva "Methodology of scientific research and applied analytics", noting the substantial value of the publication for the formation of effective practitioners, analysts and legal researchers. The value of addressing the key aspects of the formation of legal thinking, the effective technique of transferring mental activity to specific applied tasks, and the focus on a systematic vision of the problem series is stated. In conclusion, the content orientation of the reviewed original scientific and scientific-instructional publication is noted to introduce the reader to the methodology of legal science and applied legal analytics.

Keywords: science, law, analytics, training of analytics practitioners and scientists, research methodology, means of assessing the quality of the research product

For citation: Baranova M. V., Sazonov V. E. Instructional training of practitioners-analysts and legal researchers (review of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva "Methodology of Scientific Research and Applied Analytics", 4th edition in 2 volumes, 2023). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 315–318. (In Russ). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-315-318>.

Качественная подготовка исследователя, аналитика в сфере права представляют собой непереносимое условие эффективности проводимых разработок, обеспечивают их перспективную практико-ориентированность, востребованность при воплощении в жизнь.

Поиск доминантных основ формирования такого специалиста, исследователя, технологические особенности процесса его подготовки сохраняют свою актуальность и остроту на протяжении длительного времени. Не случайно наибольший интерес вызывают работы, посвященные не просто осмыслению причин сложности генезиса таких профессионалов, а реже встречающиеся системные исследования непосредственно механизмов генезиса модели исследователя и специалиста. Примечательно, что в общем объеме предлагаемой на этот счет литературы редки работы, направленные на осмысление специфики и инструментария не для уровня бакалавров и школьников, а именно для уровня уже сформировавшихся профессионалов.

Сегодня становится ясно, что забота о многоступенчатом, разнонаправленном повышении квалификации практиков-аналитиков и ученых-исследователей, о наращивании их интеллектуального потенциала, исследовательской компетентности должна лежать не только на них самих, но и на их работодателях, на саморегулируемых организациях в сферах приложения их сил. Без этого процесс теряет системность, гармоничность и управляемость, ставя под угрозу результативность такой деятельности. Безусловно, работодателям сложно вкладываться в такие специфичные, нетипичные для них процессы. При этом интерес и желание развиваться в этом направлении видны. Так, например, Сбербанк за последние несколько лет инициировал интересную серию переводных изданий по аналитике, мышлению, самоорганизации, бизнесу и соответствующих семинаров для своего персонала.

Проблема единичного характера таких примеров видится, в том числе, в отсутствии достаточного количества специально ориентированных, качественных учебников, позволяющих формировать, развивать ремесло и мастерство, даже искусство, исследовательской работы — научно-исследовательской и прикладной аналитической.

Ярким примером такого востребованного издания весьма добротного качества является двухтомное учебное издание И. В. Понкина и А. И. Лаптевой [1; 2]. К его несомненным достоинствам можно отнести, во-первых, то, что это работа, заставляющая задуматься, представляет собой емкий, интересный путеводитель и захватывающий трактат по важным идеям, концепциям, технологиям и техническим приемам научных исследований и прикладной аналитики, написанный профессионалами своего дела, которые транслируют в адаптированном виде свой личный обширный и ценный опыт работы ученого-исследователя и профессионала в сфере правовой аналитики. Это креативное введение в безбрежный мир правовой аналитики и интеллектуальной работы высокого уровня, ориентированный на заинтересованного читателя.

Во-вторых, интересна позиция авторов, стремящихся обучить читателей не просто бездумно оформлять свои мысли в текст, а формировать глубокое мышление (в этом рецензируемый учебник представляет собой четкое и продуманное руководство). Они предлагают глубокое погружение в эту тематику, учат результативной технике переноса мыслительной деятельности на конкретные прикладные задачи, стремятся «рассеивать туман будущего» в предиктивной аналитике, направляют на системное видение проблемного ряда, что весьма ценно и востребовано.

В-третьих, обращает на себя внимание большой охват предельно конкретизированных предметных и функциональных вопросов

методологии исследований (описаны методы, объяснены сущностные элементы исследовательского процесса) и методологии оценивания исследовательских продуктов.

В-четвертых, представленный материал изложен в очень сжатом, концептуально- и информативно- емком виде, в авторских «дайджестных», компактных, но богатых по содержанию высказываниях, это позволяет предельно четко сфокусировать внимание читателя на детализированной конкретике, избегая излишних отступлений. Объем обоих томов солиден — 1 140 страниц, но раскрываемая тема столь сложна и объемна, что вызывает искреннее уважение к умению авторов содержательно уместить в этом тексте столько значимых идей и конкретных технологий. Учебник ведет прямо к цели с самой первой страницы, вбирает в себя в концептуально-поданных формах знание, взвешенные, полезные советы и подсказки.

В-пятых, следует особо отметить колоссальный объем привлеченной авторами источниковой базы, с глубиной охвата почти в тысячелетие (начиная с труда Иоанна Солсберийского «Металогика» 1159 года). Отдельный акцент на последних трех веках представляется оправданным и закономерным. Привлекает внимание виртуозная работа с источниками разных национальных правовых систем и правовых доктрин (в сумме оба тома насчитывают почти 2 800 сносок), причем видно, что работали авторы именно с первоисточниками, что подчеркивает фундаментальность исследования.

В-шестых, рецензируемое учебное издание характеризует уход от традиционных «ловушек» подобной тематики: чрезмерных уходов в политизированность, в ожесточенные споры с другими учеными или целыми научными школами, в клеймение каких-то заблуждений в науке или в поиски сенсаций. Указанные авторы старательно этого избегают, отчего их труд становится особо ценным.

В-седьмых, при всей сложности текста, этот учебник представляет собой хорошо усваиваемое руководство «по ремеслу», мастерству и искусству научных исследований и прикладной аналитики. Традиционно книги о методологии науки и аналитике в массовом восприятии не являются увлекательным чтением, однако яркое, наполненное смыслом повествование рецензируемого издания не ограничивается доктринальными выкладками, а порой заставляет и улыбнуться.

В-восьмых, учебник весьма удачно скомпонован и толково дифференцирован, можно

даже сказать — прецизионно настроен и сбалансирован, что представляет осваивать его избирательно, контекстно, начиная с содержательно интересующей в данный момент главы или параграфа. Предпочтительным, конечно, является полноценное изучение структурно продуманного текста, но ценна сама возможность читателя гибко подходить к работе с повествованием, уделять внимание тому, в чем он хочет освежить воспоминания или первично ознакомиться, выбирать последовательность, глубину погружения в смысловое наполнение.

В-девятых, учебник снабжен уникальным иллюстративным материалом, умело оперирующим очень специфичными и, как правило, сложными зрительными образами, достраивающими излагаемый текстовый материал, позволяющий лучше его усваивать.

Как любой творческий труд, учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой не свободен от ряда моментов, детерминирующих доктринальную дискуссию. По справедливому замечанию Дэниела Канемана «выявлять и клеймить ошибки других гораздо проще и приятнее, чем признавать свои собственные» [3]. В нашем случае цель состоит в признании ценности издания, обращении к нему внимания научной юридической общественности и представителей юридической практики, а не в констатации несогласий или отличии мнений, ведь любую книгу нужно оценивать не по тому, чего в ней нет, а по тому, что в ней есть, — указывал еще Б. М. Лазарев [4].

Закljučая обращение к доминантным позитивным аспектам рецензируемого издания, следует констатировать, что оно сущностно представляет собой введение в методологию юридической науки и прикладной правовой аналитики. Учебник спроектирован как инструмент для решения проблем будущего, интересен как ценный пример оригинальной науковедческой и научно-инструктивной литературы, призванный привлечь внимание профессиональных практиков-аналитиков, искушенных ученых-исследователей сферы права, широкого круга заинтересованных читателей.

Список источников

1. Понкин И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб.: в 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика (Правовая аналитика, государственно-управленческая аналитика, военная аналитика, развед-аналитика, инженерная аналитика, политическая аналитика, бизнес-аналитика) / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». Москва: Буки Веди, 2023. 500 с.

2. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб.: в 2 т. Т. 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». Москва: Буки Веди, 2023. 640 с.

3. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow [Мышление, быстрое и медленное]. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

4. Лазарев Б. М. Послесловие редактора русского издания. Драго Р. Административная наука. Москва: Прогресс, 1982. 246 с.

References

1. Ponkin I. V. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 4th ed., add. and exp.:

in 2 vol. Vol. 1: Applied analytics (Legal analytics, public management analytics, military analytics, intelligence analytics, engineering analytics, political analytics, business analytics) / Consortium "Analytics. Right. Number". Moscow: Buki Vedi Publ., 2023. 500 p. (In Russ.)

2. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 4th ed., add. and exp.: in 2 vol. T. 2: Scientific research / Consortium "Analytics. Right. Number". Moscow: Buki Vedi Publ., 2023. 640 p. (In Russ.)

3. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow [Thinking, fast and slow]. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ., 2011. (In Russ.)

4. Lazarev B. M. Afterword by the editor of the Russian edition. Drago R. Administrative Science. Moscow: Progress Publ., 1982. 246 p. (In Russ.)

Информация об авторах

М. В. Баранова — доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

В. Е. Сазонов — доктор юридических наук, председатель группы компаний «Сазонов и партнеры».

Information about the authors

M. V. Baranova — Doctor of Sciences (Law), Candidate of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

V. E. Sazonov — Doctor of Sciences (Law), Chairman of the Sazonov and Partners group of companies.

Рецензия поступила в редакцию 12.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The review was submitted 12.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

В 2027 году Нижегородской академии МВД России, образованной 5 ноября 1927 года, предстоит отпраздновать свое 100-летие.

Появление рубрики под таким названием в первом номере 2024 года нельзя считать преждевременным. История вуза столь богата большими и малыми достижениями в учебно-методической, научной, воспитательной, служебной деятельности, что для ее адекватного освещения потребуются несколько объемных книг и красочно иллюстрированных альбомов.

В рамках этой рубрики в каждом номере предполагается в свободном формате поместить лишь некоторые сюжеты из жизни Горьковской высшей школы МВД СССР, Нижегородского юридического института МВД России, Нижегородской академии МВД России. Это будут не только успехи, но и допущенные ошибки в работе кафедральных коллективов, курсантских и слушательских групп. Словом, все то, из чего и складывается настоящая жизнь образовательной организации со столетней историей.

С. П. Голубятников — создатель Нижегородской (Горьковской) школы экономической криминалистики

S. P. Golubyatnikov is the founder of the Nizhny Novgorod (Gorky) school of economic criminology

16 марта каждого года отмечают свой профессиональный праздник те, кто связал свою жизнь со службой в подразделениях экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. Именно 16 марта в 1937 году был создан ОБХСС ГУМ НКВД СССР — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в составе Главного управления милиции Народного комиссариата внутренних дел СССР.

15 марта 1927 года родился Севир Павлович Голубятников, доктор юридических наук,

профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, создатель уникального научного направления «Экономическая криминалистика», учебных дисциплин «Судебная бухгалтерия» и «Оперативно-экономический анализ», без которых немислима подготовка современного оперативного сотрудника подразделения ЭБиПК, следователя, эксперта-экономиста.

Такая близость дат (15 и 16 марта) коллегам и ученикам Севира Павловича никогда не казалась случайной. Всю свою долгую плодотворную творческую жизнь С. П. Голубятников посвятил созданию надежного научно обоснованного практического инструментария, позволяющего раскрывать глубоко замаскированные преступления в экономической сфере.

Профессор С. П. Голубятников принадлежит к плеяде профессионалов высочайшего уровня, которые своим трудом, талантом, энтузиазмом создали в 70-х годах прошлого столетия уникальное учебное заведение Горьковскую высшую школу МВД СССР (далее — ГВШ МВД СССР). Его имя навсегда ассоциируется с «золотым веком» ГВШ МВД СССР, временем расцвета «милицейской науки», ориентированной на борьбу с экономической преступностью, создания новаторских учебных планов подготовки специалистов, в которых не было ни одной случайной либо слабо ориентированной на практическую деятельность учебной дисциплины.

В команду, которую создавала ГВШ МВД СССР, был серьезный кадровый отбор. Севир Павлович приехал в г. Горький в 1972 году из г. Свердловска по приглашению первого руководителя

учебного заведения Константина Еремеевича Игошева, который знал С. П. Голубятникова лично. К. Е. Игошев руководил в 60-х годах прошлого столетия Свердловским филиалом Московской высшей школы МВД СССР, в котором лекции по «Основам судебно-бухгалтерской экспертизы» читал доцент кафедры криминалистики Свердловского юридического института, действующий эксперт бюро СБЭ МФ РСФСР С. П. Голубятников. Против перевода С. П. Голубятникова из г. Свердловска в г. Горький возражало руководство Свердловского юридического института, поэтому вопрос решался на заседании бюро райкома партии, и К. Е. Игошеву пришлось отстаивать на этом заседании необходимость перевода С. П. Голубятникова.

С декабря 1972 по сентябрь 1996 года Севир Павлович был начальником созданной им кафедры экономического анализа и учета, которая затем была переименована в кафедру судебной бухгалтерии и специальной экономической подготовки. С 1996 года и до самого ухода из жизни Севир Павлович трудился в должности профессора этой кафедры, работал над учебниками и монографиями, руководил докторантами и адъюнктами, входил в состав диссертационных советов.

Учебники по дисциплинам «Судебная бухгалтерия», «Судебно-бухгалтерская экспертиза», «Экономико-криминалистический анализ», созданные С. П. Голубятниковым в период с 1965 по 2020 год, являются классикой экономической криминалистики; научные положения, на которых они базируются, никем на сегодняшний день не опровергнуты, а лишь дополняются и уточняются.

Севир Павлович Голубятников родился в 1927 году в г. Киеве в семье художника Павла Константиновича Голубятникова, ученика Н. К. Рериха и К. С. Петрова-Водкина. Семьи Голубятниковых и Петровых-Водкиных были близки: известный художник был крестным отцом Севира Павловича.

В 30-х годах семья Голубятниковых переехала в г. Ленинград. Отец Севира Павловича свободно говорил на трех языках, был талантливым поэтом и художником, дружил со многими известными представителями ленинградской интеллигенции. Его полотна выставлялись в Нью-Йорке, Венеции, сегодня они есть в собраниях Русского музея, Третьяковской галереи, Нижнетагильского государственного музея изобразительных искусств, у известнейших американских и европейских коллекционеров.

Живя в г. Ленинграде, Голубятниковы делили участь его жителей в Великую Отечественную

войну. Отец умер от дистрофии в самую страшную первую зиму, а вдова с сыном и дочерью в июле 1942 года были эвакуированы в Белоярский район Свердловской области.

Уже намного позднее, имея полное основание оформить льготы жителя блокадного Ленинграда, Севир Павлович этого не сделал. Он никогда не говорил о блокаде, которую пережил 15-летним подростком. В первый раз об ужасах войны, об эвакуации из Ленинграда по Ладожскому озеру под огнем фашистских летчиков, расстреливавших лодки с женщинами и детьми, он написал только в 83 года, причем очень кратко [1, с. 61]. Нам, его ученикам, он тогда сказал, что пережитое было настолько страшно, что не хотелось это вспоминать, поэтому и не были оформлены документы жителя блокадного Ленинграда.

Среднее образование С. П. Голубятников получил в Свердловской областной заочной школе. Первые знания в области бухгалтерского учета он приобрел, работая сначала помощником счетовода, а затем бухгалтером в колхозе «Авангард».

Свердловский юридический институт С. П. Голубятников закончил экстерном, что не помешало ему получить диплом с отличием. В 1956 году он получил приглашение работать преподавателем кафедры криминалистики этого института и читать курс «Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы». Как позднее вспоминал сам профессор, знаний в области бухгалтерского учета для преподавания ему хватало, но недостаток практических навыков в области экспертизы вызывал «угрызения совести».

Для того, чтобы понять сущность судебно-бухгалтерской экспертизы, ее значимость и возможности для расследования преступлений, в 1957 году С. П. Голубятников сдал квалификационный экзамен на право самостоятельного производства судебно-экономической экспертизы и стал сотрудником Свердловского бюро СБЭ при МФ РСФСР. Он проводил судебно-бухгалтерские экспертизы по наиболее интересным и резонансным уголовным делам.

Собственные экспертные материалы легли в основу защищенной С. П. Голубятниковым в 1965 году диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Учетные документы как доказательства по уголовному делу». Среди материалов, которые были использованы позднее также в качестве основы первых учебных макетов, предназначавшихся для проведения практических

занятий у студентов-юристов, безусловно, выделяется экспертное заключение по уголовному делу о хищениях в детском доме № 13. Именно участие в расследовании этого страшного по своей циничности преступления, как позднее вспоминал Севир Павлович, стало для него решающим при выборе сферы дальнейшей профессиональной деятельности.

Преступная группа, в которую входили директор детского дома, бухгалтер и кладовщик, похищала продукты питания, предназначенные для детей-сирот, а также денежные средства под видом заработной платы на вымышленных лиц (в числе вымышленных лиц оказался даже врач этого детского дома). Как следствие, многие дети находились в состоянии дистрофии, из-за отсутствия одежды и обуви они не могли выходить на прогулки.

Чтобы скрыть следы преступления, находящиеся в бухгалтерских документах, преступники подожгли детский дом вместе с его воспитанниками. Уголовное дело было возбуждено по факту поджога, часть детей пострадала на пожаре. В дни, когда уголовное дело рассматривалось в Свердловском областном суде, к зданию суда стягивались внутренние войска. С немалым трудом военнослужащим удалось сохранить жизнь подсудимым, поскольку собравшиеся у суда люди пытались совершить самосуд (что, по-видимому, произошло позднее в местах лишения свободы: осужденные по уголовному делу преступницы погибли в первые полгода после вынесения приговора).

Экспертное заключение по данному уголовному делу Севир Павлович готовил, будучи в отпуске, и никогда не жалел о потраченном времени. Он любил вспоминать вопрос коллег по юридическому институту, который они задали ему после выхода из отпуска: «Где вы так хорошо отдохнули?».

Диссертационное исследование С. П. Голубятникова на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Учетные документы как доказательства по уголовному делу» готовилось в тот период времени, когда в отечественной криминалистике шла дискуссия о предмете данной отрасли научного знания. Именно в те годы был сделан важный вывод о существовании объективно обусловленных закономерностей возникновения, собирания, оценки и использования доказательств. Познание содержания и проявления этих закономерностей позволяет осуществлять целенаправленную разработку средств, приемов и методов по работе с доказательствами.

На этой методологической основе С. П. Голубятниковым в 1965 году был сделан ряд принципиально важных выводов. Он убедительно доказал, что, поскольку бухгалтерские документы служат в учете для сплошного и непрерывного наблюдения и контроля за хозяйственными операциями, они всегда являются специфическим объектом, отражающим преступную деятельность в сфере экономики, исследовал закономерности этого отражения, предложил криминалистические методы проверки документальных данных.

Результаты диссертационного исследования С. П. Голубятникова дали мощный толчок к развитию учебной дисциплины «Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы» в направлении ее профилизации. Итогом стало создание принципиально новой научной и учебной дисциплины, которая была определена как «Судебная бухгалтерия». Первый учебник с таким названием был издан в 1975 году [2]. Позднее была создана целая серия методических рекомендаций по исследованию документальных данных, вошедших в состав легендарной «Библиотеки сотрудника БХСС».

Начало становления кафедры экономического анализа и учета ГВШ МВД СССР в 1972–1973 годах совпало по времени с удачным проведением в 1973 году УВД Леноблгорисполкомов эксперимента по использованию экономического анализа в деятельности аппаратов БХСС. Руководство МВД СССР сочло необходимым создать специализированные подразделения во всех аппаратах БХСС страны. Такие подразделения, получившие название отделов (отделений) оперативно-экономического анализа, стали структурными элементами областных, краевых и республиканских аппаратов БХСС.

Основной их задачей являлось повышение эффективности поисковой деятельности оперативных аппаратов на основе использования возможностей экономического анализа статистической и финансовой отчетности хозяйствующих субъектов. Сегодня этот вид деятельности с полным правом можно назвать финансовой разведкой.

В ходе работы подразделений выявилась недостаточность прямого заимствования положений классического экономического анализа для решения нетрадиционных задач по выявлению глубоко замаскированных экономических преступлений. Начался научный поиск путей творческого приспособления экономического знания к задачам практической деятельности органов внутренних дел.

В соответствии с запросом практики были проведены научные исследования с участием зарубежных авторов, создан и апробирован ряд поисковых методик. В ГВШ МВД СССР, кроме того, кафедрой под руководством С. П. Голубятникова проводились совместные исследования и эксперименты в содружестве с сотрудниками созданных в БХСС подразделений.

Полученные научные результаты нашли отражение в подготовленной С. П. Голубятниковым и успешно защищенной им в 1980 году диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Криминалистические проблемы выявления хищений средствами экономического анализа» (1980). Момент защиты этой диссертации принято считать возникновением научного направления, определяемого сегодня как «экономическая криминалистика».

На основе системно-структурных представлений о взаимодействии двух материальных явлений — экономической системы хозяйствующего субъекта и события преступления — С. П. Голубятниковым была предложена концепция, суть которой состоит в том, что в системе экономических показателей отражаются конечные результаты такого взаимодействия. На основе этой концепции ему удалось объяснить, почему оказалось невозможным выявить признаки преступления средствами классического экономического анализа.

Экономическая система предприятия в результате взаимодействия с событием преступления может приобретать новые, интегрально-системные свойства. Изучение закономерностей их образования и использования в целях обнаружения глубоко замаскированных экономических преступлений составляет суть предложенной С. П. Голубятниковым теории криминалистической диагностики преступлений по экономической информации.

Создание этой частной теории открыло значительные перспективы для оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений. Была создана горьковская школа оперативно-экономического анализа, защищены кандидатские диссертации сотрудниками кафедры В. А. Дубровиным, А. К. Куликовым, Н. Л. Пышкиной. По результатам научных исследований кафедры судебной бухгалтерии и специальной экономической подготовки (именно такое название кафедра носила в те годы) был создан комплекс знаменитых методик оперативно-экономического анализа, прошедших апробацию в подразделениях БХСС МВД СССР и принятых ими на вооружение. Сегодня результаты развития теории

оперативно-экономического анализа нашли свое отражение в содержании курса «Экономико-криминалистический анализ» [3].

Научный кружок слушателей, который существовал на кафедре, выделялся среди других научных кружков ГВШ МВД СССР. Севир Павлович использовал модель деятельности, которая была им придумана и реализована еще в Свердловском юридическом институте. Основу работы кружка составляли рейдовые мероприятия слушателей под руководством преподавателей в детских домах и детских садах, медицинских учреждениях, системе школьного питания во взаимодействии с территориальными подразделениями БХСС (ЭБиПК), а также органами народного контроля в период их существования.

В ходе таких мероприятий проходили апробацию многие поисковые методики, созданные на кафедре. Научные доклады слушателей по итогам работы содержали не сухую теорию, а анализ опыта практического применения разрабатываемой поисковой методики. Через научный кружок кафедры судебной бухгалтерии прошли многие известные выпускники, а первым его старостой был легендарный Александр Александрович Фальченко — в будущем доктор юридических наук, профессор, посвятивший свою жизнь научному обеспечению профессиональной деятельности сотрудников ЭБиПК МВД РФ.

Рейдовые мероприятия членов кружка кафедры играли огромную роль в профессиональном воспитании будущих сотрудников правоохранительных органов. Севир Павлович всегда повторял, что наша задача — «защитить того, кто нуждается в защите». Выполнение этого долга, говорил он, и есть главная награда за труд. Повторю его слова практически дословно: «нет денежного эквивалента тому ощущению, когда ты защитил слабого, восстановил справедливость».

Профессор С. П. Голубятников всегда говорил нам: лектор должен уважать свою аудиторию. Он никогда не позволял себе просто воспроизвести на лекции текст из собственных учебников, хотя имел на это полное право. Севир Павлович учил нас: любая лекция должна быть как бы экспромтом, предназначенным только для собравшейся аудитории, и уже не повторимым в дальнейшем. Однако этот «экспромт» всегда является результатом многочасовой подготовки. Только такой лектор нужен аудитории, нельзя просто оглашать заранее подготовленный конспект. Лекцию, где нет живого контакта и энергетического обмена с аудиторией, он называл ущербной.

Семир Павлович был и навсегда останется в памяти тех, кто имел счастье его знать, подлинно благородным человеком, настоящим питейским интеллигентом. Он был потрясающе эрудированным человеком, он прекрасно разбирался в философии, живописи, литературе, музыке, но не демонстрировал это на публике.

Профессор называл всех своих учеников только на «Вы», никогда не повышал голоса, до последних дней вставал, когда в помещение входила женщина. Никто из тех, кто трудился под его началом, не знает ни одного конфликтного случая, которые могли быть обусловлены плохим настроением, неприятностями, нездоровьем. Все мы, работавшие на кафедре под его руководством, привыкли к тому, что самую сложную работу Семир Павлович брал на себя, очевидно, поэтому его авторитет в коллективе был непререкаем, приказы не обсуждались.

«В чем секрет Вашего долголетия?» — спросили однажды нашего Учителя на одном из неформальных мероприятий, ожидая, очевидно, шуточного ответа. Но Семир Павлович спокойно и твердо произнес: «Жить надо по совести».

Что можно к этому добавить...

Информация об авторе

Е. С. Леханова — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

E. S. Lekhanova — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Список источников

1. Ветераны Горьковской высшей школы милиции вспоминают... 65-летию Великой Победы посвящается. Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2010.
2. Судебная бухгалтерия: учебник / под ред. С. С. Остроумова. Москва, 1975. Исторически авторство термина «судебная бухгалтерия» принадлежит В. К. Случевскому (1913).
3. Голубятников С. П. Экономико-криминалистический анализ. Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2012.

References

1. Veterans of the Gorky Higher School of Militia remember ... dedicated to the 65th anniversary of the Great Victory. Nizhny Novgorod, 2010. (In Russ.)
2. Judicial accounting: textbook / ed. by S. S. Ostroumov. Moscow, 1975. Historically the authorship of the term "judicial accounting" belongs to V. K. Sluchevsky (1913). (In Russ.)
3. Golubyatnikov S. P. Economic and criminalistic analysis. Nizhny Novgorod, 2012. (In Russ.)

**Профессор Гаврилов Борис Яковлевич — ученый,
воплотивший свою мечту в реальность****Professor Boris Yakovlevich Gavrilov is a scientist
who ade his dream come true**

28 июля 2023 года исполнилось 75 лет доктору юридических наук, профессору генерал-майору юстиции в отставке Борису Яковлевичу Гаврилову. За достижение высоких результатов в деле по противодействию преступности, за большой вклад в развитие юридической науки Б. Я. Гаврилов награжден государственными наградами: Указом Президента Российской Федерации в 1993 году медалью «За отличие в охране общественного порядка», в 1998 году присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», в 2018 году — «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Одновременно с этим он неоднократно поощрялся руководством МВД России: приказом Министра внутренних дел Российской Федерации ему присвоено звание «Почетный сотрудник МВД России» (2002); «Лучший следователь МВД России» (2002); награжден знаком отличия «За безупречную службу I, II, III степени»; двумя видами наградного оружия: пистолетом Макарова и кортиком.

В поступивших многочисленных поздравлениях в адрес Б. Я. Гаврилова в связи с 75-летием, подчеркивая его заслуги, отмечалось:

1. «Ваш юбилей, выдающегося ученого мирового уровня, является ярким, впечатляющим и незабываемым для всей отечественной науки событием. Своим самоотверженным трудом Вы внесли значительный вклад в развитие науки уголовного процесса. Умение предвидеть приоритетные направления в области социально-гуманитарных наук позволило Вам осуществить значительный прорыв в исследованиях теоретико-прикладных проблем криминального цикла, способствовало активизации проведения новых научных исследований» (ректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А. А. Бессонов).

2. «Ваша правоохранительная деятельность от следователя Ленинского ОВД города Владимира до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России является примером честного, добросовестного и беззаветного служения Отечеству и неразрывно связана с многоплановыми и кропотливыми исследованиями в области уголовного процесса и криминологии. На Ваших научных трудах по уголовному

судопроизводству выросло не одно поколение специалистов правоохранительных органов, которые, успешно применяя на практике полученные от Вас знания, спасли много жизней от преступных и иных противоправных посягательств.

В этот праздничный день особенно приятно выразить слова признательности и благодарности за то, что Вы всегда, не считаясь с личным и служебным временем, изыскиваете возможность делиться профессиональным опытом и заниматься нормотворческой работой в качестве члена Экспертного совета МВД России» (начальник Договорно-правового департамента МВД России генерал-лейтенант внутренней службы А. Г. Авдейко).

3. «Ваша трудовая жизнь посвящена следственной работе и юридической педагогике. Присущая Вам созидательная творческая энергия и человеческая мудрость достойны подражания и позволили добиться выдающихся успехов в правоприменительной и научной деятельности.

В следственных подразделениях Вы прошли путь от следователя до заместителя начальника

Следственного комитета при МВД России. В науке уголовного процесса стали признанным корифеем, заслуженным юристом Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором. Опубликованные Вами многочисленные научные работы широко известны в России и за рубежом и подчеркивают значимость Вашего вклада в современную юриспруденцию.

Колоссальный практический опыт и системный методический подход к педагогической деятельности и руководству кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России делает учебный процесс интересным и эффективным — Вашим слушателям и соискателям есть на кого равняться!

От всей души желаю крепкого здоровья, бодрости духа, неиссякаемой энергии, жизненного оптимизма и дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности!» (Уполномоченный по правам человека Российской Федерации, доктор юридических, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Т. Н. Москалькова).

4. «Ваша бескомпромиссная профессиональная работа в следственных органах России служит примером для всех сотрудников правоохранительной системы и позволила занять в ней достойное место; строгое следование закону, чувство глубочайшей ответственности, честное исполнение своих обязанностей во многом определили Ваш профессиональный и карьерный рост: высокий профессионализм, принципиальность и решительность в принятии правовых решений, гражданская смелость служит примером для всех сотрудников следственных органов МВД России» (заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации — начальник Следственного Департамента МВД России генерал-полковник С. Н. Лебедев).

5. «Знаем Вас как ученого с мировым именем, во многом заложившего основы современного уголовного процесса, внесшего огромный вклад в отечественную криминологию. Под Вашим руководством и непосредственном участии проведены многочисленные исследования по проблемам обеспечения прав человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, защиты его интересов, деятельности органов внутренних дел в рамках уголовного судопроизводства.

Бесценен Ваш вклад в развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Многие специалисты, занятые в сфере уголовного судопроизводства, видят в Ваших работах

кладезь знания и опыт, надежную опору и помощь в процессе применения закона.

Под Вашим руководством защищены десятки диссертаций (в том числе сотрудниками нашего института), издано множество книг и статей. Вас могут назвать своим Учителем как отечественные, так и зарубежные специалисты в различных областях уголовно-правовых наук. Многие из них приобрели авторитет и известность, успешно демонстрируют достойный уровень знаний, умений, навыков, воплощая заложенные Вами высокие традиции и стандарты классического юридического образования.

На протяжении многих лет Вы являлись профессором кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России и оставили значимый след в истории кафедры. Мы гордимся нашим сотрудничеством в рамках работы редакционных коллегий научно-практического журнала «Пенитенциарная наука» и сетевого научно-практического журнала частного и публичного права “Ius Publicum et Privatum” (начальник ВИПЭ ФСИН России полковник внутренней службы Е. Л. Харьковский).

Борис Яковлевич Гаврилов родился в 1948 году в деревне Маловская Вязниковского района Владимирской области. Его отец, Яков Зелекович — механик, мать, Клавдия Дмитриевна — ткачиха, работали на ткацкой фабрике. Мать была награждена орденом «Знака почета».

Школьные годы Борис Яковлевич вспоминает с особой теплотой: обучаясь в средней школе № 5 г. Владимира, увлекался математикой, физикой, любил историю, много читал художественную и научно-фантастическую литературу, неоднократно принимал участие в проводимых городских олимпиадах, где занимал призовые места. В свободное от учебы время занимался спортом в секции бокса.

Заложенные в школе прочные знания позволили ему в 1963 году, после окончания школы, поступить во Владимирский авиамеханический техникум, который он успешно закончил. После этого был призван в ряды Советской Армии, где действительную военную службу проходил в городе Плесецке в космических войсках. Обучение в техникуме, высокая физическая натренированность позволили ему стать отличником боевой и политической подготовки. После демобилизации из рядов Советской Армии работал на заводе «Электроприбор» регулировщиком радиоаппаратуры.

Полученные за время учебы в техникуме знания, приобретенный опыт во время

прохождения службы в армии, природная смекалка и интуиция позволили ему быстро освоить сложные технологические процессы по сборке и регулированию новейшей выпускаемой заводом радиоаппаратуры. Он мог быстро устранить возникающие в процессе производственной деятельности технические недостатки и на этой основе сформулировать рационализаторские предложения, позволяющие повысить эффективность и работоспособность собираемых им электрических приборов.

В 1969 году, пройдя конкурс, поступил на учебу в Горьковский филиал Всесоюзного юридического заочного института и одновременно стал работать юрисконсультом объединения «Техника». В указанное время под влиянием прочитанной юридической литературы преподаваемой в учебном заведении у него возникло желание посвятить свою дальнейшую жизнь работе в правоохранительных органах.

В 1973 году по рекомендации коллектива завода Борис Яковлевич поступил на службу в органы внутренних дел, где проработал более 30 лет в органах предварительного следствия, занимаясь сложной практической деятельностью: работал следователем Ленинского РОВД города Владимира и следователем следственного отдела областного УВД, возглавлял следственный отдел Александровского ГОВД Владимирской области, занимал руководящие должности в следственном отделе (в дальнейшем — управлении) областного УВД. Занимая указанные должности, он проявил себя дисциплинированным, ответственным работником и руководителем, принимал правильные управленческие решения на основе закона и права, смело отстаивал свои позиции.

Усилиями Б. Я. Гаврилова и его коллег в условиях сложной криминогенной обстановки в 1990–1993 годы был раскрыт ряд тяжких и особо опасных преступлений, например, привлечен к уголовной ответственности за взятки и осужден к 7 годам реального лишения свободы один из руководителей Владимирской области; по другому уголовному делу изобличены в совершении взяточничества и хищений руководящий работник Минтяжмаша СССР и ряд иных должностных лиц.

В 1971–1973 годах принимал личное участие в раскрытии и расследовании трех вооруженных разбойных нападений на сберегательную кассу и кассу завода «Орджоникидзе» в г. Муроме и кассу колхоза «Тургеневский» Меленковского района Владимирской области за совершение нападения на которые их организаторы

были приговорены к 15 годам лишения свободы. Высоких показателей достиг и возглавляемый Б. Я. Гавриловым коллектив следственного отдела (управления) УВД Владимирской области, который неоднократно признавался одним из лучших (1–3 места) в системе МВД СССР и МВД России.

После окончания в 1989 году 1-го факультета Академии МВД СССР до 1995 года являлся заместителем начальника УВД Владимирской области — начальником следственного управления.

В 1995 году как положительно зарекомендовавший себя руководитель был переведен в Центральный аппарат МВД России по линии предварительного следствия, где занимал различные должности: начальник отдела, заместитель начальника и начальника одного из структурных управлений, а в последние годы — заместителя начальника Следственного комитета при МВД России. Во время службы неоднократно командировался в различные регионы страны для оказания практической помощи в расследовании сложных уголовных дел, принимал участие в организации, проверке следственных аппаратов органов внутренних дел.

С переходом на работу в Следственный комитет МВД России Б. Я. Гаврилов начал активную деятельность по совершенствованию нормативной правовой базы деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью. Им лично был подготовлен приказ МВД России № 334 от 20 июня 1996 года по вопросам взаимодействия подразделений МВД России по раскрытию, расследованию преступлений, действующий в измененной к современным условиям редакции в настоящее время. С 1997 года он представляет интересы Следственного комитета и Министерства внутренних дел Российской Федерации в составе рабочих и экспертных групп Государственной Думы, Совета Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сфере законотворческой деятельности.

В 1997–2001 годах участвовал в рабочих группах в качестве представителя МВД России, в том числе в составе Генеральной прокуратуры Российской Федерации по разработке проекта Федерального закона «О единой государственной системе регистрации и учета преступлений», и при комитете Государственной Думы Российской Федерации по подготовке нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в его редакции приняты ряд предложений.

С личным участием Б. Я. Гаврилова разработан проект Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 «О мерах по совершенствованию деятельности следственного аппарата в системе МВД России», которым впервые в российском законодательстве устанавливался правовой статус органов предварительного следствия, послуживший основой непосредственно подготовленного им приказа МВД России от 4 января 1999 года № 1 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе МВД России», действующий в измененной к современным условиям редакции и в настоящее время.

Продуктивная практическая деятельность, приобретенный богатый опыт работы в следственных органах, применения правовых регламентов стали прочной основой его дальнейших научных исследований, которые впоследствии были воплощены в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина». Выполненная работа под научным руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Виктора Александровича Михайлова была успешно защищена в Академии управления МВД России. Выступившие в качестве официальных оппонентов заслуженный деятель науки Российской Федерации профессор Полина Абрамовна Лупинская и кандидат юридических наук доцент Петр Емельянович Кондратов высоко оценили данный научный труд.

Его ценность и научная значимость определялась тем, что автор на основе конституционных положений рассмотрел проблемные вопросы правовой защиты свобод человека и гражданина.

Определяя актуальность научного исследования, Б. Я. Гаврилов указывал, что Конституция Российской Федерации, провозглашая высшей ценностью права и свободы человека и гражданина, заложила основы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, существенным образом предопределила интеграцию правовой системы России в систему международных пактов и конвенций по правам человека, потребовала не только инкорпорации заложенных в них принципов и стандартов в уголовно-процессуальное законодательство

Российской Федерации, но и реализацию их в правоприменительной практике с учетом особенностей правовой системы России.

Ее целью являлись разработка и обоснование частного уголовно-процессуального учения по реализации органами предварительного следствия законодательных норм о защите прав личности, в его системном комплексном развитии в условиях судебно-правовой реформы с учетом конституционных принципов и международно-правовых стандартов.

Выступившие в процессе научной дискуссии ученые и другие участники, присутствующие на защите, дали положительную оценку представленного научного труда и сделали вывод о том, что он развивает науку уголовного процесса, служит основой для дальнейших теоретических исследований, оптимизации законодательства и практики его применения.

Вершиной научного творчества, но не его окончанием служит подготовленная Б. Я. Гавриловым на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России при научном консультировании заслуженного деятеля Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Виктора Александровича Михайлова диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников судопроизводства».

Ведущая организация — Московская государственная юридическая академия, официальные оппоненты: заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор С. П. Ефимичев; доктор юридических наук, профессор В. А. Лазарева; доктор юридических наук, профессор В. Н. Махов дали положительную оценку представленной научной работе, отметили ее научную новизну, теоретическую и практическую значимость и оригинальность. Ее оригинальность заключалась в том, что автор исследовал большой научный пласт теоретического и практического материала, и на основе многочисленных законодательных источников, после всестороннего и глубокого их осмысления разработал концептуальные основы целостной системы правового регулирования организационного и ресурсного обеспечения защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации, что позволило ему, проявляя высокий научный профессионализм, смелость, в полном объеме решить поставленные задачи.

Значимость и важность диссертационного исследования невозможны без его научной оценки, в частности рассмотрения структуры работы и ее архитектоники, основных сущностно-содержательных положений, рассматриваемых в ней.

В главе первой «Теоретические основы правового регулирования защиты конституционных прав личности в судопроизводстве по уголовным делам» исследуются понятия и сущность конституционных прав и свобод личности в уголовно-процессуальном праве, определяется значение правового регулирования и раскрывается механизм защиты прав участников уголовного процесса, проводится ретроспективное изучение международно-правовой и национальной регламентации защиты прав и основных свобод личности в судопроизводстве по уголовным делам.

Во второй главе «Правовое регулирование защиты конституционного права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела» рассматриваются проблемы защиты граждан при обращении в правоохранительные органы с сообщениями о преступлениях, описываются допускаемые в стадии возбуждения уголовного дела нарушения законности, показывается влияние латентной преступности на законность и обоснованность разрешений заявлений и сообщений о преступлениях и предлагаются радикальные меры по изменению правового регулирования регистрации и учета преступлений как гарантии на конституционные права граждан, на их доступ к правосудию.

Третья глава «Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного процесса в стадии предварительного расследования» посвящена современному состоянию, в ней дается понятие, раскрывается предмет судебного контроля, прокурорского надзора и процессуального контроля, показывается роль процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя, механизм правового регулирования защиты прав личности в досудебном производстве.

В четвертой главе исследуются проблемы правового регулирования защиты конституционных прав и свобод участников уголовного процесса судом первой инстанции, обращается особое внимание на вопросы защиты прав и законных интересов личности в стадии назначения судебного разбирательства и непосредственно судебного разбирательства уголовного дела.

В пятой главе «Правовое регулирование защиты прав участников уголовного процесса при

пересмотре и исполнении судебных решений по уголовным делам» с использованием научного инструментария разрабатываются проблемы правового регулирования защиты прав участников уголовного процесса при пересмотре и исполнении судебных решений по уголовным делам, обеспечение прав участников уголовного процесса при апелляционном и кассационном пересмотре судебных решений, защиты прав осужденных при исполнении приговора и при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений.

Шестая глава посвящена совершенствованию нормативно-правового регулирования защиты конституционных прав и свобод граждан в судопроизводстве по уголовным делам, в которой предлагаются пути совершенствования уголовно-процессуальных гарантий прав участников процесса, вопросы оптимизации уголовно-правовых норм в системе правового регулирования защиты прав и свобод человека и гражданина, обращается внимание на повышение эффективности деятельности органов предварительного следствия, дознания, суда по защите прав личности на всех стадиях уголовного процесса.

С января 2003 года Б. Я. Гаврилов начал научно-педагогическую деятельность в должности профессора кафедры расследования преступлений в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя, а с сентября 2006 года — в Академии управления МВД России в должности профессора кафедры управления органами расследования преступлений. С декабря 2007 года по август 2016 года Борис Яковлевич возглавлял данную кафедру, а с сентября 2016 года и по настоящее время является ее профессором.

16 декабря 2009 года решением Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России Б. Я. Гаврилову присвоено ученое звание профессора по кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Под руководством Б. Я. Гаврилова кафедра пережила новый творческий подъем, продолжила активное развитие, сохраняя свои многолетние традиции и славу одного из ведущих научно-педагогических коллективов следственно-экспертной направленности среди высших учебных заведений России и постсоветского пространства.

Активно занимаясь педагогической деятельностью, Борис Яковлевич уделяет особое внимание подготовке научно-педагогических кадров.

Имея за плечами многолетний опыт следственной работы и руководства деятельностью иных подразделений органов внутренних дел на различных уровнях, Б. Я. Гаврилов умело строит педагогическую работу, сохраняя и приумножая сложившиеся в течение ряда десятилетий традиции кафедры, ее авторитет и научный потенциал.

Значительное внимание при этом им уделяется образовательному процессу, включая личное проведение лекционных, семинарских и практических занятий на высших академических курсах по профессиональной переподготовке слушателей Федерального кадрового резерва, резерва Министра внутренних дел Российской Федерации, руководящих кадров органов предварительного следствия и органов дознания, представителей других служб на региональном уровне, а также проведение занятий с обучающимися в Академии слушателями с программами магистратуры адъюнктами и соискателями по проведению ими научных исследований.

По результатам конкурса в номинации «Лучший преподаватель образовательной организации системы МВД России» Б. Я. Гаврилову в 2019 году присуждена премия Министра внутренних дел Российской Федерации.

В 2021 году стал победителем международного конкурса «Научная книга» на лучшее научно-практическое пособие «Процессуальный и ведомственный контроль руководителя следственного органа территориального органа МВД России на районном уровне» и лауреатом Всероссийского конкурса, проводимого Фондом развития отечественного образования среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, на лучшую научную книгу в 2018 году — «Уголовный процесс», и в 2021 году — «Уголовно-процессуальные отношения в досудебном производстве» и ряда других научных конкурсов.

Активно занимаясь педагогической деятельностью, Борис Яковлевич уделяет особое внимание научной деятельности, включая подготовку научно-педагогических кадров.

О высокой научной ценности, значимости и их востребованности законодателем и правоприменителем могут служить публикации в известных отечественных научных изданиях и их высокий индекс цитирования. Востребованность указанных работ подтверждается формулированием предложений по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

При его непосредственном участии разработаны предложения по участию защитника с момента возбуждения уголовного дела, реализованные Федеральным законом от 20 марта 2001 года № 26-ФЗ. Реализация законодателем его предложений о пересмотре положений статьи 96 УПК РСФСР о заключении под стражу граждан по мотиву одной опасности совершенного преступления (Федеральный закон от 9 марта 2001 года № 25-ФЗ) и о дифференциации уголовной ответственности за кражи чужого имущества (Федеральный закон от 31 октября 2002 года № 133-ФЗ) позволила сократить число ежегодно заключаемых органами предварительного расследования под стражу граждан на 200 тыс. (с 400 тыс. подозреваемых, обвиняемых в 1998–1999 годах до 200 тыс. в 2007 году). Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, реализованы предложения Б. Я. Гаврилова об исключении из УК РФ признаков «неоднократности» и «судимости», что соответствует положениям статьи 50 Конституции Российской Федерации, а Федеральным законом от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ в УПК РФ введены статья 40¹, регламентирующая статус начальника подразделения дознания, и статья 223¹ о введении института уведомления лица о подозрении в совершении преступления, направленных на повышение эффективности расследования уголовных дел.

В связи с обращением в Государственную Думу Российской Федерации им был подготовлен проект Федерального закона от 29 июля 2018 года № 229-ФЗ «О внесении изменений в статью 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», реализация которого позволила многократно сократить количество несчастных случаев с гражданами в результате взрыва газа при самовольном подключении к нефтегазотрубопроводам и фактов хищения нефтегазопродуктов. За активное участие в работе по совершенствованию законодательства Б. Я. Гаврилову в 2010 году Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б. В. Грызловым объявлена благодарность, а Председателем Комитета по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации П. В. Крашенинниковым в 2002 году Борис Яковлевич поощрен благодарственным письмом.

Б. Я. Гаврилов в научном сообществе признан крупным ученым-правоведом, одним из ведущих специалистов в области уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

Он впервые представил оценку современной уголовной политики России через призму деятельности органов внутренних дел и уголовно-правовой статистики. Под его руководством и при личном участии проведены многочисленные исследования по проблемам обеспечения прав человека, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, защиты его интересов, деятельности органов внутренних дел в рамках уголовного судопроизводства. По указанным проблемам он опубликовал лично и в соавторстве свыше 400 научных работ, в том числе ряд монографий, комментариев к УПК РФ, иным федеральным законам, энциклопедических изданий, учебников, учебных пособий и других, широко известных в России и за рубежом.

Значительное внимание профессорско-педагогическим составом кафедры уделялось подготовке научно-педагогических кадров. За период руководства Б. Я. Гавриловым кафедрой на ней успешно защищены более 60 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и 5 диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук. Профессор Б. Я. Гаврилов говорит, что непосредственно под его научным руководством 37 адъюнктов и соискателей защитили кандидатские диссертации и 5 соискателей при его научном консультировании защитили диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук в области уголовно-процессуального права, криминалистики, уголовного права и криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Его ученики — кандидаты юридических наук В. А. Крымов и Ю. В. Шпагина, соответственно, в 2019 и 2020 годах занимали первое место во Всероссийском конкурсе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Моя законодательная инициатива».

Одновременно с этим Б. Я. Гаврилов принимает активное участие в повседневной научной деятельности, публикует научные статьи, готовит учебники, курсы лекций, учебные и учебно-практические пособия, монографии. Всего им подготовлено лично и в соавторстве 17 учебников, 26 научно-практических и учебных пособий, 16 монографий, а всего более 650 научно-прикладных работ по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства, оперативно-розыскной деятельности, криминалистического обеспечения расследования преступлений, а также регистрации и учета преступлений и других.

Среди подготовленных с непосредственным участием и под научным редактированием

профессора Б. Я. Гаврилова издавались и переиздавались учебники «Уголовный процесс» 2017, 2020 и 2022 годов, «Правоохранительные органы России» 2015, 2017, 2019, 2021 и 2023 годов, «Уголовный процесс. Практикум» 2020 года, а также впервые подготовлены учебники «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению» изданий 2017 и 2019 годов и «Уголовный процесс. Дознание в сокращенной форме» изданий 2018 и 2020 года. Он является также соавтором ряда учебников по уголовному процессу в составе авторских коллективов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации 2023 года, Санкт-Петербургского университета МВД России 2022 года и Академического курса по уголовному праву под редакцией Н. А. Лопашенко 2021 года и ряда других.

О его научной активной работе свидетельствует то, что ежегодно он готовит более 20 научных статей, каждая вторая из которых публикуется в изданиях ВАК при Минобрнауки России и включена в базы международного цитирования; лично участвует с выступлениями на пленарных заседаниях в 20–25 научно-практических конференциях, большая часть из которых имеет статус международных, проводимых крупнейшими научными и образовательными организациями как Российской Федерации, так и государств бывшего постсоветского пространства.

Кроме этого, Б. Я. Гаврилов активно занимается общественной деятельностью: является членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по праву при Министерстве образования и науки России, членом экспертной комиссии Комитета по безопасности и противодействию коррупции и экспертного совета Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Государственной Думы Российской Федерации, научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации и экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы, действительным членом Академии военных наук и членом Петровской академии наук и искусств, а также почетным профессором Академии ФСИН России. Входит в состав редакционных коллегий ряда ведущих российских научных изданий, таких как «Российский следователь», «Труды Академии управления МВД России», «Российская юстиция», «Человек: преступление и наказание» (Академия ФСИН России), «Вестник института: преступление, наказание, исправление» (Вологодский институт права и экономики), «Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России» и ряда других, а также научных журналов Республики Армения «Судебная власть» и Республики Таджикистан «Труды Академии МВД Республики Таджикистан» и «Юридический вестник» Российско-Таджикского университета.

Борис Яковлевич является членом двух диссертационных советов по линии ВАК при Министерстве образования и науки России, созданных на базе Академии МВД России по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (обычный и специализированный), а также диссертационных советов по данной специальности при Московской академии Следственного комитета Российской Федерации и при Российском Университете Дружбы Народов, а также двух диссертационных советов по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс, созданных на базе Академии МВД Республики Таджикистан и Таджикского национального университета.

За достижение высоких показателей в научной и научно-педагогической деятельности неоднократно награждался почетными грамотами и ему объявлялась благодарность Министром внутренних дел Российской Федерации и его заместителями, а также начальником Академии управления МВД России (более 40 поощрений).

Более 10 лет входил в рабочую группу Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по совершенствованию законодательства. Является членом экспертного совета ряда комитетов Государственной Думы Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по правовым и судебным вопросам; экспертного совета по вопросам нормотворческой деятельности;

научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Принимал участие в подготовке проекта УПК РФ и проектов последующих изменений и дополнений в УПК РФ, а также других федеральных законов; лично разработал ряд право-творческих инициатив: по участию защитника с момента возбуждения уголовного дела, обеспечению процессуальной самостоятельности следователя, введению в УПК РФ норм, регламентирующих статус начальника подразделения дознания, процедуры уведомления о подозрении в совершении преступления и досудебного соглашения о сотрудничестве, по дифференциации уголовной ответственности за кражу чужого имущества, неоднократности преступлений и др.

Жизненный путь, практическая деятельность и научное творчество профессора Б. Я. Гаврилова — показатель честного служения государству, народу, закону. Масштабность и глубина теоретико-прикладных исследований впечатляет, и с полным основанием позволяет назвать его человеком эпохи, видящим смысл своей жизни в служении науке. Его высочайший уровень профессионализма, всеобъемлющее понимание процессов российской действительности и новаторская творческая деятельность научно-теоретических, правовых и практических проблем отечественного права, организации управления системы правоохраны Российской Федерации заслуженно ставят профессора Б. Я. Гаврилова в один ряд с выдающимися современными отечественными учеными-правоведами, что позволило признать его при жизни классиком уголовно-правовой и процессуальной науки, занять особое место в науке криминального цикла.

Кузнецов Александр Павлович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

**Пламенный процессуалист:
к юбилею профессора Михаила Петровича Полякова****Ardent proceduralist: for the anniversary of Professor Mikhail Petrovich Polyakov**

Жизнь профессора и доктора наук — это удивительная квинтэссенция новых знаний, гипотез, концептов, открытий, учеников, друзей и научных трудов. Профессор — это не только работа, но и уникальный стиль жизни, наполненный научными и творческими лабораториями, вдохновением, азартом, научной школой, оригинальными идеями и смелыми планами. Михаил Петрович Поляков — один из тех настоящих профессоров, благодаря которому наука уголовного процесса оживает, находящиеся рядом люди заряжаются космическими процессуальными идеями, становятся счастливее и ярче сияют на научном небосводе. Наверное, в этом и заключается предназначение истинного профессора — сиять самому и своим научным светом воспламенить других.

От лица всей кафедры уголовного процесса мы искренне поздравляем нашего юбиляра Михаила Петровича Полякова. Этот красивый возраст подобен граням бриллианта. Чем их больше, тем бриллиант желаннее, красивее, дороже. Так и с учеными: чем мы старше, тем грамотнее и при этом более дипломатичными мы становимся в своих суждениях и взглядах.

Есть точка зрения, что сама истина — это бриллиант. И каждый раз она поворачивается к нам новой гранью, мы постигаем новые свойства изучаемого предмета. Так и наш юбиляр всегда одинаково надежный, харизматичный, позитивный, рассудительный, но в то же время разный, неповторимый, уникальный, разносторонний. Большое счастье и интерес в том, чтобы год за годом разглядывать в дорогах для нас людей новые интересные стороны, загадки и еще больше ими восхищаться.

Пусть 60-летие, словно научный портал, перенесет нашего коллегу и учителя к новым уголовно-процессуальным вершинам, откроет скрытые процессуальные материи, новые принципы, новые истины. Пусть своего рода процессуальным бонусом в силу красивого возраста откроется взгляду и разуму то, что скрыто от доцентов, старших преподавателей и преподавателей. Потому что именно новый взгляд свысока на, казалось бы, известные истины и должен отличать людей науки в высшем своем проявлении и достижении от тех, кто только стремится к своему процессуальному Эвересту.

Это поздравление — не столько хвалебная ода, сколько желание искренне передать восхищение от того, что есть возможность трудиться плечом к плечу с таким замечательным и позитивным человеком, как Михаил Петрович Поляков. Как известно, талантливые люди талантливы во всем. Так и Михаил Петрович знает сотни латинских сентенций, еще больше анекдотов на каждый жизненный случай, может сам конструировать по одному афоризму в минуту, которые в своей сумме могут смело претендовать на книгу года по своей глубине, красоте и новизне. Такие фразы, как «с учетом всех обстоятельств», «не только оголенные плечи, но и пламенные речи», «исполнение желания наполовину» и многое другое — то, что всегда является источником нашего кафедрального неиссякаемого оптимизма. Михаил Петрович глубоко разбирается в уголовно-процессуальной науке, но при этом в совершенстве освоил науку логики, путь постановки проблемных вопросов

и необыкновенного конструирования научной проблемы, красиво в своих научных трудах проводит параллели между юриспруденцией, математикой и философией. Это тот классический ученый, у которого невероятно красивый почерк и фиолетовые чернила, который пишет статью прежде от руки, потому что так она приобретает классические и при этом несравненные свойства... Тот, кто умеет писать рукописи «в стол» — написать и не опубликовать просто потому, что можно писать ради идеи, а не только для повышения публикационной активности.

Несколько слов хотелось бы посвятить Михаилу Петровичу как научному руководителю. Рядом с таким человеком можно не бояться ситуации, когда «...быть может, твой единственный алмаз простым стеклом окажется на глаз» (из «Ромео и Джульетты»). Михаил Петрович в каждом своем ученике находит уникальные стороны, то, что может сделать именно этот человек и никто другой. Каждому ученику гарантированы непрерывное вдохновение в течение всего срока написания диссертационного исследования, поддержка как моральная, концептуальная, так и методологическая. Можно даже сказать так: ученик Михаила Петровича всегда рядом с ним, не сбоку, не где-то на периферии. Михаил Петрович дает возможность стать ученым уже на этапе написания диссертации, даря

свою веру, уверенность в том, что у человека все получится так, как нужно.

По мнению Рэя Брэдбери: «Настоящий ученый — романтик. Только романтики верят в то, что возможно всё». Наш ученый-юбиляр именно романтик в процессуальном смысле этого слова. Он любит уголовный процесс, а последний отвечает ему взаимностью.

Ab imo pectore (с лат. «с полной искренностью, от души») желаем Михаилу Петровичу новых идей и реализации задуманных планов в рамках развития научной школы, чтобы все ученики достигли намеченных научных целей, новых учеников, ответственных и целеустремленных, любви и поддержки близких, новых научных идей и прочих приятных мелочей.

Приведем четверостишие У. Шекспира:

*Когда рассказ прекрасный в книге скрыт,
То ею всякий больше дорожит.*

*Ценней ее застёжка золотая,
Смысл золотой собою охраняя.*

Так и мы всей кафедрой уголовного процесса очень дорожим Михаилом Петровичем как идеальным профессором, как прекрасным человеком, нашим дипломатом, вдохновителем, учителем. Вы — наше кафедральное солнце, которое озаряет собой всех нас, которые, словно элементы таблицы Менделеева, требуют уникального подхода, слова, взгляда. А у вас есть ключи от всех наших сердец!

Ученики, коллеги, друзья

Перспективные направления совершенствования управления органами внутренних дел в современных условиях: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 16 июня 2022 года) / под ред. О. Л. Морозова, О. А. Корелова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2023. 207 с.

Сборник статей подготовлен на основе материалов Международной научно-практической конференции «Перспективные направления совершенствования управления органами внутренних дел в современных условиях», состоявшейся в Нижегородской академии МВД России. В издании затрагиваются темы, посвященные общим характеристикам социального управления, комплексному исследованию современной организации системы управления в органах внутренних дел. Особое внимание уделено инновационным функциям управления. Ряд авторов рассматривают потенциал информационно-аналитического обеспечения правоприменительного управления. На основе анализа работы с персоналом, а также интеграционного подхода к научному обеспечению деятельности органов внутренних дел обобщаются идеи формирования управленческих качеств личности полицейского. Значительное внимание уделяется практическому опыту взаимодействия и координации в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Издание может быть полезно научным сотрудникам, педагогическим работникам, обучающимся, адъюнктам и аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами и перспективами процесса управления органами внутренних дел в современных условиях.

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5.

Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Цветная вертикальная портретная фотография автора в формате jpg, разрешением не менее 300 dpi, размером 3,5*4,5 см (фон однотонный, белый).

6. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

7. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

8. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

9. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf